

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

26

Т И Ф Л И С Ъ.

Типографія: Канцелярія Главнначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ,
К. Козловскаго и М. Маргиросіанца.

1899.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе <i>Л. Г. Докатинскаго</i>	I—XII.

Отдѣль первый.

Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Херсонисѣ, Готѣи, Осетіи, Хазаріи, Дидоэтин и Россіи. I. О христіанствѣ въ Херсонисѣ, Готѣи, Осетіи и др. (стр. 1). II. Повѣсть о Джимшерѣ, царѣ хазарскомъ, сынѣ Дилара (стр. 15). III. Повѣсть о Джимшерѣ II (Армокла-Чабукѣ), сынѣ Джимпера I (стр. 37). IV. Хосро и Мзечабугъ, цари хазарскіе (стр. 70). V. О Дидоэтин (стр. 93). Отъ автора (стр. 96). <i>М. Г. Джанашвили.</i>	114 1—104
Обычаи и вѣрованія въ Имеретин. <i>М. Сагарадзе.</i>	1—46
О географіи и статистикѣ картвельскихъ (южнокавказскихъ) языковъ (съ картой). <i>Проф. д-ра Гюю Шухарота.</i>	47—114
Отъ Редакціи.	115—115
О знаменитомъ персидскомъ поэтѣ Низами Ганжійскомъ и о его поэмѣ: „Походъ русовъ противъ Вердаа“. <i>Н. П. Гулака.</i> 116—126.	116—126.

Отдѣль второй.

Предисловіе (съ мотивами сказокъ и указателемъ именъ собств.); <i>А. А. Болондженцаго.</i>	I—XXXII
--	---------

Талышинскія легенды и повѣрья. 1. Легенда о спящемъ рыцарѣ. 2. Легенда о спящей царевнѣ. 3. Повѣрья. <i>Теймуръ-беки Байрамъ-Алибекова</i>	1— 10
---	-------

Татарская народная словесность въ Закавказьѣ. I. Легенды, былины и преданія.	
---	--

1. Преданіе о городѣ Баку. Воспитанника Закавк. учит. сем. <i>А. Бабаяни</i>	11— 12
--	--------

2. Богатырь. Воспит. Закавк. учит. сем. <i>Исмаила Эфендіева</i>	12— 17
--	--------

3. Былина о богатырѣ Ужѣ. 4. Былина о семи братьяхъ-нартахъ и о ихъ сестрѣ. 5. Былина объ Эльдарушѣ и Бектемирѣ. Ученика Бакинскаго реальн. уч. <i>Джамалъ-Эдинъ-Давогуева</i>	17— 23
--	--------

6. Овчи-Пиримъ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Мусы Куліева</i>	24— 25
--	--------

II. Сказки. 1. Сказка о Кумѣ и Агилѣ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Гаджи-Керимъ-Сатиди</i>	26— 34
---	--------

2. Невѣста-богатырь. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Аза-Джабраилова</i>	34— 41
--	--------

3. Гордость. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Т. Кулибековъ</i>	41— 44
--	--------

4. Аля-ханъ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Мамедъ-бека Меликъ-Елинова</i>	44— 50
---	--------

5. Жидъ и его дочь. Учит. Неграмскаго уч. <i>Киримъ-бека Измайлова</i>	50— 56
--	--------

6. О Рахимѣ и Намазѣ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Мусы Куліева</i>	56— 58
--	--------

7. О царевичѣ Джанъ-шахѣ и царевнѣ Хаятануфусѣ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Солтана М. Эфендіева</i>	58— 64
--	--------

8. Шамилъ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Мамедъ-бека Меликъ-Елинова</i>	65— 71
---	--------

9. Пастухъ Ибрагимъ. 10. Сирота Ибратимъ и жадный лавочникъ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Рустами Меликъ-Асламова</i>	71— 95
--	--------

11. Богатырь Ибрагимъ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Зинъ Шарифова</i>	95—104
--	--------

12. Сказка о багдадскомъ жителѣ Джафарѣ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Аббаса Мамедова</i>	105—108
--	---------

13. Царевичъ Гавафаръ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Дадлиа Мамедова</i>	109—120
--	---------

14. Салимъ-ханъ. Восп. Закавк. учит. сем. <i>Джамалъ-бека Ахундова</i>	121—128
--	---------

III. Анекдоты про муллу Насрѣ-Эддина. Завѣдующаго Бакинск. русс.-тат. 3-мъ учил. <i>Мамедъ-Гасани Эфендіева</i>	129—166
---	---------

Изъ области суевѣрій и устной словесно-

сти терскихъ казановъ. I. Народныя по-
вѣрья. II. „Молитвы“ и заговоры. III. Ле-
генды. 1. О крестномъ древѣ. 2. О фарисеяхъ. 3. Объ
Иудѣ-предателѣ. 4. О румоисавин Адиша. 5. Почему жен-
щина находится въ подчиненіи у мужчины. 6. Можно ли
вѣрить женщинамъ. 7. О томъ, какъ Соломонъ явъ ада вы-
шелъ. 8. О всемірномъ потоцѣ. 9. Отъ чего произошла
горя. 10. Объ Иудѣ-предателѣ. IV. Сказки. 1. Буцый
волкъ. 2. Лѣсной человѣкъ и котъ. 3. Два брата и Горя.
4. Морозъ и два брата. 5. Портретъ. 6. Демидка. Запи-
саны *Е. Барановымъ*. 167—244

**Нѣсколько грузинскихъ легендъ и сказа-
ній.** Восп. Закавк. учнт. сем. *Михаила Шатберова*. 245—254.

Отдѣлъ третій.

Адыгскія пословицы (поговорки) (стр. 1).

Выврваніа. Сословіа. Бнязья. Дворяне. Крестьяне. Народы.
Русскіе и т. д. Человѣкъ. Мужична и женщина. Части че-
ловѣческаго тѣла. Чувства. Зрѣніе. Слухъ. Семья. Родъ. Су-
пруги. Отецъ и мать. Мачеха. Сынъ. Дочь. Внукъ. Бракъ.
Свадьба. Женихъ. Невѣста. Братъ и сестра. Родственни-
ки. Аталычество. Вдовство. Общественная связь. Общество.
Сосѣдь. Законы и обычаи. Судъ. Расправа. Кровошценіе.
Тюрма. Кандаалы. Укрывательство. Наслѣдство. Имущ-
ственное и общественное владѣніе. Богатство и бѣдность.
Происхожденіе. Отношеніе къ другимъ. Дружба. Вражда.
Любовь. Ненависть. Война. Борьба. Драка. Знакомство.
Домохозяинъ. Гость. Бесѣда. Посоль. Посредникъ. Молва.
Слава. Достоинство. Позоръ. Обѣщаніе. Покровительство.
Подарокъ. Вопросъ. Совѣтъ. Ученіе. нравъ человека (ха-
рактеръ). Душевные и умственные качества. Послушаніе. Гор-
дость. Нетерпѣніе. Насмѣшка. Клевета. Осужденіе. До-
вѣріе. Услуга. Угодливость. Ободреніе. Добрый и злой.
Добро и зло. Шаловливый. Шутка. Благодарность и не-
благодарность. Терпѣніе. Олишность. Капризъ. Храбрость
и трусость. Благородство. Жадность и скупость. Умъ и
глупость. Приличья. Догдливость. Подозрительность. За-
ночливость. Хвастовство. Любознательность. Самодоволь-
ство. Осторожность. Знаніе. Эгоизмъ. Откровенность и
скрытность. Рѣзкость нрава. Увлеченіе (фантазія). Сожа-
львіе. Благотворительность. Соблюденіе приличія и несдер-
жанность. Похвала и порицаніе. Ложь. Молчаніе. Ласка.
Клевета. Лесть. Притворство. Разборчивость. Воровство.

Пропажа. Дурной человекъ (негодяй). Настроене духа. Надежда. Страхъ. Дѣятельность и занятія человека. Дѣло и досугъ. Трудъ и лѣнь. Сотрудничество. Долгъ (обязанность). Нужное и лишнее. Выгода (польза) и убытокъ. Торговля. Рискъ. Пахота. Ходьба-путь. Пѣвие. Танецъ. Начало и конецъ дѣла. **Возрастъ человека.** Старый и молодой. **Внѣшность человека.** Красивый и некрасивый. Сходство и несходство, Чистота и грязь. Пльшивый. Безвольный. Тѣлесныя качества человека. Сила и слабость. Судьба. Счастье и несчастье. Жизненные отправленія человека. Ъда и питье. Жизнь и смерть. Здоровье и болѣзнь. Покойникъ. **Связь человека съ мѣстомъ жителства.** Городъ и деревня. **Связь человека съ природой.** Горы и долины. Рѣки и ручьи. Жаръ. Огонь. Камень. Промежутки времени. Времена года. Дни и часы. **Состояніе погоды.** Погода и непогодъ. Вѣтеръ. Громъ. Дождь и градъ. Снѣгъ и иней. **Миръ и небесныя светила.** Вселенная. **Предметы сбиода и вооруженія.** Одежда. Арба. Топоръ. Ружье. Стрѣла. Домашняя обстановка. Домъ. Столъ. Постель. Животныя. Четвероноего вообще. Лошадь. Осель. Быкъ и корова. Овца. Коза. Кошка. Собака. Свинья. Олень. Заяць. Волкъ. Медвѣдь. Мышь. Змѣя. Птицы. Насѣкомыя. Растенія и плоды. **Адыгскіе загадки** (стр. 53), **скороговорки** (стр. 66), **примѣты и повѣрья** (стр. 68) и кое-что изъ **народной медицины** (стр. 76). Записаны *Иго Тамбиевымъ*. 1— 78

Нѣкоторыя особенности живого говора города Ейска, Кубанской области. *М. А. Харламова.* 79—118

О мѣстѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ. *Н. И. Гулака* 119—155

Некрологъ Николая Ивановича Гулака. *Л. Л.* 156—157.

Карта области вартвельскихъ языковъ.

ОПЕЧАТКА: Отдѣлъ III читай: Отдѣлъ II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ XXVI выпуска Сборника помѣщены статьи разнообразнаго содержанія.

Отдѣлъ открывается нѣсколькими статьями *М. Г. Джа-нашвили* подъ общимъ заглавіемъ: „Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Херсонисѣ, Готѣи, Осетин, Хазаріи, Дидоэтин и Россіи“, которыя служатъ продолженіемъ статей того же автора, помѣщенныхъ въ XXII вып. Сборника. Первая статья, извлеченная изъ синаксаріевъ, хранящихся въ Тифлисскомъ церковномъ архивѣ, не лишена интереса для изучающихъ историческую старину вышеупомянутыхъ мѣстностей древней Тавриды, Сѣвернаго Кавказа и западныхъ частей Закавказья. „Повѣсти“ о царяхъ хазарскихъ *Джимшерѣ I, Джимшерѣ II (Армовла-Чабукѣ), Хосро и Мвечабукѣ* относятся въ циклу историческихъ поэмъ XII вѣка, выросшихъ на грузинской почвѣ подъ вліяніемъ иранскаго эпоса; онѣ имѣютъ для насъ значеніе не какъ источники въ исторіи хазаръ или страны *Бьяано Ствера* (быть-можетъ, Россіи или Болгарскаго ханства), но отчасти какъ литературный прототипъ кавказскаго былиннаго эпоса; въ нихъ можно отыскать то тѣ, то другія черты, разсѣяанныя въ видѣ деталей по грузинскимъ сказаніямъ *Амиранова* цикла, по сказаніямъ осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ, горскихъ и закавказскихъ татаръ: та же борьба съ дивами-нартами или чудовищами, опустошающими всю страну и залегающими у верховьевъ рѣкъ; тѣ же сказочныя проявленія богатырской удали, со всеми атрибутами сверхъестественной силы, и тотъ же рыцарскій культъ женщины. Поэмы отличаются слогомъ прѣстистымъ, разувращен-

нымъ блестящими восточной поэзіи, и способомъ выраженія чисто восточнымъ. Поэтическія сравненія, въ соединеніи съ гиперболическими образами, разбросаны щедрою рукою: бой богатырей сравнивается со столкновеніемъ двухъ горъ; лязгъ оружія уподобляется раскатамъ грома; красота женщины превосходитъ чарующій блескъ луны и свѣтлѣ яркихъ лучей солнца; воины считаются сотнями тысячъ, а подарки, раздаваемые въ несмѣтномъ количествѣ, цѣлыми сотнями коней съ золотой сбруей, цѣлыми вьюками драгоценныхъ камней и златотканной парчи. Религіозный элементъ отсутствуетъ, такъ что нельзя узнать, относятся ли поэмы къ міру христіанскому, или магометанскому. Театръ описываемыхъ событий или восточный Кавказъ, или страна прибрежная къ рѣкѣ Эдилъ (Волгѣ), но упоминаются и другія страны: Индія, Аравія, Персія, Туркестанъ и далевій Китай.

Въ числѣ дальнѣйшихъ свѣдѣній о мѣстностяхъ Кавказа сообщается разсказъ о походахъ въ Дидоэтію *) Амира-рана Дареджанидзе и Іоанна, полководца царицы Тамары; послѣдній разсказъ имѣетъ нѣкоторый историческій интересъ.

Къ концу приложена уважаемымъ авторомъ замѣтка, въ которой онъ трактуетъ о заимствованіи сюжета этихъ поэмъ изъ иранскихъ сказаній и о значеніи ихъ въ ряду другихъ родственныхъ имъ по своему содержанію древне-грузинскихъ литературныхъ произведеній.

Статья „**Настоящее имя святой просвѣтительницы Грузіи**“ выясняетъ на основаніи изслѣдованія ученаго ориенталиста Лемма не только вопросъ объ имени св. Нины, но и сообщаетъ нѣсколько новыхъ данныхъ объ этомъ вопросѣ.

*) Дидоэты принадлежатъ къ средней—аваро-андійской вѣтви сѣверо-восточныхъ группъ кавказскихъ народовъ; общее ихъ число, вмѣстѣ съ хварлидцами, около 6.000. Въ прежнее время они, очевидно, играли болѣе выдающуюся роль; Птолемей (V. 9. 22) ихъ знаетъ, какъ ближайшихъ сосѣдей туркивъ, подъ названіемъ Διδωροί.

Статья *М. Сапарадзе* „Обычаи и вѣрованія въ Имеретіи“, въ видѣ краткой, но живо написанной монографіи, даетъ вѣрное понятіе о нѣкоторыхъ бытовыхъ сторонахъ этой вѣтви грузинскаго народа. На однородныя бытовныя явленія ближайшихъ сосѣдей имеретинъ—гурійцевъ и другихъ грузинскихъ племенъ и на варианты апокрифическихъ молитвъ указано въ примѣчаніяхъ къ тексту.

Статья извѣстнаго грузинолога, профессора Грацскаго университета, *д-ра Шухардта* „О географіи и статистикѣ картвельскихъ (южнокавказскихъ) языковъ“ имѣетъ большую важность для рѣшенія вопроса о границахъ между разными населяющими западное Закавказье народами, а главнымъ образомъ картвельскими племенами. Ученый авторъ надѣется, что нѣкоторые вопросы, оставленные имъ неразрѣшенными, будутъ окончательно выяснены при помощи мѣстныхъ знатоковъ края. Отношеніе между отдѣльными картвельскими языками: грузинскимъ, мингрельскимъ и сванскимъ установлено на основаніи научныхъ данныхъ. Къ статьѣ приложена карта, на которой наглядно изображены результаты изслѣдованій автора по географіи картвельскихъ племенъ.

*
* *

II отдѣлъ предоставленъ *А. А. Боявленскому*, которому и принадлежитъ предисловіе въ нему.

*
* *

III отдѣлъ имѣетъ, большею частію, лингвистическій характеръ.

Сообщенныя *Нано Тамбиевымъ* „Адыгскія пословицы (съ поговорками), загадки, скороговорки, примѣты и новѣрья и кое-что изъ народной медицины“, помимо того что они сами по себѣ цѣнны какъ образцы адыгской

рѣчи, служить также превосходнымъ этнографическимъ матеріаломъ для пониманія разныхъ сторонъ жизни адыговъ.

Въ особенности пословицы, выражающія, какъ извѣстно, сужденіе народа о жизненныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ, важны въ этомъ отношеніи. Я останавлиюсь только на тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ послужить включомъ къ уразумѣнію народной психологіи адыговъ и которыя съ этой точки зрѣнія представляются интересными.

Религіозныя воззрѣнія адыге ни въ чемъ почти не идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что ему преподано религіей Магомета. Но въ одной пословицѣ (№ 256) проповѣдывается чистоевангельская мораль—отплачивать добромъ за зло; адыге готовъ дѣлать добро ради добра, не спрашивая объ отплатѣ за него (254).

Адыге рабъ сословныхъ предрассудковъ; онъ аристократъ въ душѣ (20): для него холопъ (теперь крестьянинъ) не годится въ товарищи (33); мужикъ обыкновенно зазнается (29, 31, 32); онъ не имѣетъ стыда (30), склоненъ къ ссорѣ изъ-за пустяковъ (34) и неумѣренный въ своихъ требованіяхъ (37); притомъ, онъ невоспитанъ и не умѣетъ себя держать прилично (39), падаетъ скоро духомъ (29), лѣнивъ (36), а его жена плохая руководѣльница (38). Но, конечно, всѣ эти отрицательныя качества скорѣе результатъ беззащитнаго (40) или приниженаго (35) положенія крестьянина, чѣмъ нравственной его испорченности.

Адыге относится критически къ самому себѣ: съ одной стороны, онъ сознаетъ свои достоинства: гостепріимство (400), умѣніе постоять за себя (66) и разсчитывать на свои силы (70), но съ другой—видитъ свои недостатки: завистливость (90), мнительность (77), эгоизмъ (71, 292), задоръ (64, 65). Въ своихъ соплеменникахъ и сосѣднихъ народахъ онъ прежде всего клеймитъ недостатки: ложный стыдъ махошевца (43), хвастовство абазинца (47) и упрямую прямо-

линейность хатукаевца (43); ногаецъ ему вообще несимпатиченъ (45, 46), но онъ относится какъ бы съ одобреніемъ къ общественнымъ инстинктамъ абадзеза (42). Русскій ему представляется человѣкомъ, который не можетъ сидѣть безъ дѣла: въ свободное время онъ занятъ умственнымъ трудомъ, въ то время какъ адыге возится надъ какой-нибудь бездѣлушкой (41).

На женщину черкесъ смотритъ вообще свысока (51, 57) и относится къ ней съ ироніей (53, 54, 56, 59); особеннаго ума онъ за ней не признаетъ (55, 62), но все-таки высоко ставитъ ея роль въ хозяйствѣ (61). Порою значеніе женщины вырастаетъ въ глазахъ адыге: она для него составляетъ все (52); ее онъ считаетъ способной на подвижничество (63). Въ красивой женщинѣ болѣе всего его плѣняютъ выющіеся локоны (97) или сросшіяся брови (82); другихъ сторонъ женской красоты онъ, повидимому, не знаетъ.

Семейныя узы у адыге прочны: въ случаѣ даже измѣны жены (112, 117), онъ не доводитъ дѣла до развода (99, 104, 105). Смерть жены ему представляется страшнымъ бѣдствіемъ: онъ сознаетъ всю безпомощность вдовца (101, 144). При выборѣ жены онъ совѣтуетъ остерегаться такихъ, которыя желаютъ нравиться другимъ (102). Нѣкоторыя стороны супружеской жизни не ускользнули отъ его насмѣшки (79, 100).

Родовой бытъ стоитъ твердо: родъ даетъ положеніе человѣку (95), а извѣстная порода сохраняется въ потомствѣ (94, 171). Какъ родители, такъ и дѣти (94, 115), но почему иногда у хорошаго отца бываетъ дурной сынъ (122)? Хорошія или дурныя дѣти, какъ и вездѣ, гордость или позоръ родителей (123, 124, 125, 129). Сыновьямъ, а тѣмъ болѣе хорошему сыну, наслѣдства не нужно (124, 125), но дурной сынъ, если ему отецъ ничего не оставитъ, не чтитъ его памяти (120). Мать готова все отдать дѣтямъ (114),

отстаиваетъ своихъ дѣтей насколько хватаетъ сила (70, 118), но если мать-вдова вторично выходить замужъ, то каково положеніе незамужней дочери (111)? Высказываясь объ отношеніяхъ мачехи къ дѣтямъ мужа отъ перваго брака, адыге прибѣгаетъ къ поэтическому сравненію: холодность мачехи уподоблена снѣгу (121).

Родственная связь между братомъ и сестрою стоитъ высоко (139), но другихъ родственниковъ близкихъ или дальнихъ, черкесь не жалуется (140, 141). Столь оригинальное явленіе, какъ аталычество, основанное на молочномъ родствѣ или на воспитаніи дѣтей, которыми адыгскія семьи обыкновенно обмѣнивались, представляется черкесу только тогда достигающимъ своей цѣли, когда приемышь обладаетъ нравственными задатками (142) и равенъ приемнымъ родителямъ происхожденіемъ или имущественнымъ положеніемъ (143).

Взглядъ на общественные интересы у адыге, за исключеніемъ, быть-можетъ, абадзеховъ, не вполне выработанъ: общество ему кажется нестройной народной толпой, ненасытной въ своихъ требованіяхъ (147) и неблагодарной (145); ему болѣе понятна близость къ сосѣду, чѣмъ общественная связь вообще (149, 151).

Черкесь почитатель унаслѣдованныхъ отъ старины народныхъ обычаевъ (152, 153); онъ строго соблюдаетъ приличія въ сношеніяхъ съ другими (154, 298), которыя въ особенности обязательны для дворянина (157).

Законъ въ глазахъ черкеса безпощаденъ (156), хотя и не долговѣченъ (155); исполненіе обязательныхъ для всякаго законныхъ постановленій—не заслуга (156). Понятіе о кровавой мести выражено неясно (159, 160).

О дружбѣ адыге имѣетъ идеальное понятіе (179, 186, 188, 192). Въ его пословицахъ дружба освѣщается съ разныхъ сторонъ: имѣть друга настолько же полезно, насколько вредно имѣть врага (177, 178, 189, 190); послѣдняго не-

чего падить (184); старая дружба прочна (182, 188); искренній другъ желаетъ тебѣ добра (186, 191), и съ нимъ можно посовѣтоваться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; не то—приходится совѣтоваться съ шапкой, говорить по-словница (234). Знакомство только отчасти замѣняетъ дружбу (199, 200), но при выборѣ знаемыхъ требуется осторожность (201); водить хлѣбъ-соль нужно съ людьми равнаго общественнаго положенія (202, 380).

Гостемпримный (400) адыге на гости смотритъ безъ предубѣжденій или увлеченій: одинъ гость желанный, а два—въ тягость (204); невзыскательный гость или скромный въ своихъ требованіяхъ—пріятель (207), но обладающій противоположными качествами уподобляется замуженной дочери, таскающей безъ разбора все изъ родительскаго дома (203); гостю, въ большинствѣ случаевъ, лишь бы хорошо повушать (205, 206). Впрочемъ, такъ смотреть на гостя только люди расчетливые: легкомысленные люди сзываютъ гостей безтолку (211), ради нихъ бросаютъ свое дѣло (208) и сами голодаютъ (109, 341). Тѣмъ не менѣе, адыге убѣжденъ, что вмѣстѣ съ гостемъ приходитъ въ его домъ счастье (210).

Поговорить—отвести, какъ говорится, душу адыге очень любить (221), но онъ знаетъ, что не слѣдуетъ говорить лишняго (213) и что требуется вообще осторожность въ выборѣ словъ (214, 217), въ особенности, если имѣешь дѣло съ человѣкомъ, или не понимающимъ шутокъ (214), или лукавымъ (215), который и можетъ все вывѣдать (222). Болтливые люди важутся адыге смѣшными (293, 298); праздныхъ рѣчей слѣдуетъ избѣгать (219, 220, 302), не то—пойдутъ сплетни (216, 225, 226, 335), отъ которыхъ къ человѣку что-нибудь да пристанетъ (212).

Адыге высоко ставитъ храбрость (267, 268, 430) и презираетъ трусость: трусъ всего боится (266). Не слѣдуетъ падать духомъ: настроеніе джигита передается даже боевому

коню (264). Адыге права безпощаднаго: если другой ему мѣшаетъ, то онъ готовъ съ нимъ покончить, гдѣ бы его ни встрѣтилъ (300).

Тема о человѣческой глупости разработана въ довольно многочисленныхъ пословицахъ: дуракъ не имѣетъ вкуса и любить пестроту во всемъ (272); онъ хвастливъ (285), пустой (273), рассчитываетъ самъ не знаетъ на что (274), шатается безъ-толку (275). Вообще глупость—сама по себѣ уже несчастье (278); имущество глупца растрачивается первымъ встрѣчнымъ (271). Къ глупымъ адыге готовъ причислить фантазера (295).

Въ отношеніяхъ къ другимъ адыге остороженъ; онъ не позволить себѣ, не узнавъ человѣка какъ слѣдуетъ, ни хвалить ни порицать его (304). Къ похвалѣ онъ равнодушенъ и не соблазняется ею (303); другимъ онъ не льститъ (312), развѣ если онъ на то вынужденъ обстоятельствами (313).

Взглядъ на воровство не высказанъ вполнѣ, и потому односторонній: лучше украсть самому, чѣмъ быть обокраденнымъ (318); но опаснѣе вора негодяй: съ нимъ не слѣдуетъ встрѣчаться и лучше держаться отъ него подалеже (320—322).

Всякое дѣло адыге дѣлаетъ быстро (330) и вообще, принимаясь за что-нибудь, онъ не любитъ откладывать въ долгій ящикъ (329); по его мнѣнію, лучше сдѣлать что-нибудь, чѣмъ ничего (331). Въ чужія дѣла онъ не вмѣшивается (332), не желая попасть въ неловкое положеніе (333), но не любитъ также вмѣшательства другого въ свои дѣла (334).

Черкесь трудится въ той надеждѣ, что не останется безъ награды за трудъ (343), и что ему не придется отвѣзывать себѣ во всемъ необходимомъ (336, 337). Къ лѣнтяку онъ относится такъ же неодобрительно, какъ и къ дураку (338); лѣнивца слѣдуетъ заставлять трудиться (340), но не-

исправимаго лѣнтяя адыге побуждаетъ къ труду посредствомъ пріема довольно оригинальнаго—наказывая того, кто трудится (342). Въ трудѣ содѣйствіе другого необходимо (344, 345, 348): дружная работа лучше спорится (167, 349); но все-таки слишкомъ полагаться на другого не слѣдуетъ (347).

Въ путешествіи адыге осмотрителенъ (358): онъ пускается обыкновенно по торной дорогѣ (361, 374), а если дорога незнакома, то съ надежнымъ проводникомъ (362).

Выбора между опытной старостью и незрѣлой юностью быть не можетъ: дѣло лучше дѣлается человѣкомъ старымъ (376), между тѣмъ какъ молодой обыкновенно не додѣлываетъ своего дѣла (369). Адыге ничего не имѣетъ противъ того, чтобы старое старилось, а молодое росло (368), и чтобы юноша предавался развлеченіямъ своего возраста (367), но онъ знаетъ, что, гдѣ нужно дѣйствовать быстро, тамъ старый молодому не чета (370). Старикъ долженъ соблюдать свое достоинство: быть съ юнцомъ за папибрата ему не къ лицу (373).

На судьбу адыге не жалуется (387): онъ доволенъ тѣмъ, что ему досталось на долю (388). Судьба переменчива (389); и послѣ временныхъ неудачъ можетъ снова человѣку повалить счастье (393). Тѣмъ не менѣе, есть люди-неудачники, которымъ ничего не удастся (394, 395), и хотя они перебиваются, какъ говорится, изъ кулья въ рогожку, то все-таки счастье имъ не улыбается (415); неудивительно, что они въ концѣ концовъ нравственно падаютъ (397); но люди, съ характеромъ, знаютъ о томъ, что не всегда удастся все по нашему желанію (399), и потому, при неудачахъ, они не падаютъ духомъ (396); они все надѣются, что дѣла еще могутъ поправиться (398).

Бѣда для адыге не составляетъ цѣли жизни (421), хотя и есть люди, которые только и думаютъ о ѣдѣ (407); въ

пищѣ онъ неразборчивъ (413), но, при случаѣ, не-прочь вкусно покушать (404), въ особенноти въ компаніи (406); ради веселой компаніи онъ даже можетъ забыть о ѣдѣ (408). Вымалывать себѣ кусокъ хлѣба тяжело (402), да, въ тому же, не всякая даровщинка идетъ въ прокъ (409). Насчетъ питья адыге сходится во взглядахъ съ русскимъ: пей, да не напивайся (405).

Смерть—удѣлъ всѣхъ (432), и потому, если мы исполнили свое назначеніе на землѣ (431), то должны встрѣтить смерть съ мужествомъ (433); она можетъ насъ достигнуть на каждомъ мѣстѣ (427), и не все ли равно, отъ чего бы ни умереть (441, 443, 459)? Когда является болѣзнь, то не всѣ люди придерживаются правила: боли не поддавайся; у одного голова болитъ, и онъ теряетъ самообладаніе (436), а другой, уже при малѣйшемъ недомоганьѣ, ложится въ постель (439); при выздоровленіи всѣ скоро забываютъ о болѣзни (437).

Связь адыге съ окружающей его горной природой въ пословицахъ совсѣмъ не выразилась. Не доказываетъ ли это, что онъ въ горахъ поздній пришелецъ? Съ рѣкой онъ болѣе знакомъ: онъ обыкновенно знаетъ въ ней всѣ броды (461, 462); а если и не знаетъ, то, не спросясь броду, не сунется въ воду (459): утонуть можно и тамъ, гдѣ курица пѣшкомъ бродитъ (463). Когда попадешь въ глубокое мѣсто, то не слѣдуетъ терять присутствія духа (448), не то—придется хватиться за соломенку (329, 435).

Одежда вызываетъ въ чересѣ наблюденія надъ неравенствомъ имущественнаго положенія (500), но онъ не поднимается до высоты русскаго взгляда на одежду: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ (498). Отъ одежды зависитъ не только душевное состояніе человѣка, но она бываетъ причиной проявленія нѣкоторыхъ нашихъ слабостей: тѣсная обувь дѣлаетъ человѣка глухимъ на все (499), а тугой

на ухо старикъ взваливаетъ свой недостатокъ на натянутую на уши высокую шапку (502).

Изъ животныхъ самую большую любовью пользуется лошадь: за нею старательно ухаживаютъ (531) и приучаютъ ее къ выносливости (523); вся ея сила заключается въ ногахъ, и потому обезноженная лошадь бесполезна (530). Свойства и нравъ лошади адыге изучилъ хорошо (526—529). Осель, какъ и вездѣ, не пользуется уваженіемъ (533, 534, 535). Значеніе быка въ хозяйствѣ адыге вполне сознаетъ (539), а относительно коровы, въ особенности молочной, ему извѣстны разныя примѣты (542—546). Мелкій скотъ не играетъ такой роли (552—556). Услугами собаки адыге пользуется (564), но ея не уважаетъ (562); хозяинъ ея не кормитъ (573, 574), но не бьетъ: побоями можно испортить собаку (565). Еще меньшимъ уваженіемъ пользуется свинья: свинья завистлива (586), злость свою срываетъ на другихъ (583, 588) и не знаетъ ни въ чемъ удержу (585). Мишка-медвѣдь—угрюмъ (600), ѣсть безъ мѣры (601), и подчасъ бываетъ опаснымъ для человѣка (598): въ борьбу съ нимъ нельзя вступать безъ товарища (602, 603) или безъ острого винжала (603). Роль птицы въ пословицахъ мало выяснена. Нѣкоторое вниманіе удѣлено только курицѣ: она и не рада бы на пиръ, да сама подбираетъ въ навозѣ ножъ, которымъ ее зарѣжутъ (609). Растительное царство пословица проходить почти молчаніемъ.

Статья *М. Харламова* „Нѣкоторыя особенности живого говора г. Ейска, Кубанской области“ знакомитъ насъ со смѣшаннымъ говоромъ малорусско-великорусскимъ, находящимся въ стадіи замѣны одного нарѣчія другимъ. До сихъ поръ русская лингвистическая наука болѣе обращала вниманія на переходные говоры, представляющіе постепенный и вполне естественный переходъ отъ одного нарѣчія къ другому, какъ, на примѣръ, сѣверскій говоръ малорусскаго

нарѣчій, а на такъ называемыхъ „Mischsprachen“ русскіе ученые начали останавливаться только въ послѣднее время.

Интересная во многихъ отношеніяхъ статья недавно умершаго *Н. И. Гулака* „**О иѣсѣѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ**“ указываетъ на многія точки соприкосновенія между западно-кавказской группой языковъ и арійскими языками, хотя и не можетъ дать удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о принадлежности картвельскаго племени къ арійскому: префиксальная природа картвельскихъ глагольныхъ флексій, такъ остроумно выясненная авторомъ, ставитъ уже сама по себѣ рѣзкую грань между языками обѣихъ группъ. Но лексическія параллели, приводимыя въ статьѣ, заставляютъ поневолѣ задуматься: въ этомъ отношеніи картвельскіе языки ближе подойдутъ къ арійскимъ, чѣмъ, напримѣръ, армянскій, у котораго только грамматическій остовъ остался арійскимъ, между тѣмъ какъ лексическій матеріалъ, въ значительной степени, чуждъ этой группы языковъ.

Л. Лопатинскій.

15 сентября 1890 г.

Г. Тифлисъ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗВѢСТІЯ ГРУЗИНСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ

и историковъ о Херсонисѣ, Готіи, Осетіи, Хазаріи, Дидостіи и Россіи.

I. О христіанствѣ въ Херсонисѣ, Готіи, Осетіи и др.

Въ Тифлисскомъ Церковномъ древлехранилищѣ, существующемъ при Сіонскомъ соборѣ, среди другихъ пергаментныхъ манускриптовъ, весьма многочисленныхъ, хранятся и синаксари, откуда и заимствованы нижеприводимыя свѣдѣнія о христіанствѣ въ Херсонисѣ, Готіи, Осетіи и др. Авторомъ ихъ является Георгій Мтацминдели († 1066 г.), переводчикъ книгъ съ греческаго языка на грузинскій. Такъ какъ сообщаемыя свѣдѣнія до сихъ поръ еще не являлись въ печати, то я, рядомъ съ русскимъ переводомъ, привожу и грузинскій текстъ, снабдивъ его, гдѣ это оказалось нужнымъ, примѣчаніями и отмѣтивъ всѣ случаи, гдѣ имена собственные въ грузинской передачѣ отличаются отъ церковно-славянской. Греческія синаксари, или сборники краткихъ житій святыхъ, появлялись въ концѣ VIII или началѣ IX вѣка, а нашъ переводъ относится къ XI вѣку.

ანდრია მოციქულმან ქადაგა უოკელთა ზღუჯ კიდისა სოფელთა. ბითონიას ღ ზონტოს ღ თრავიას ღ სკუთიას. ღ აღმოსავლისა მკუდრთა. ღ მერმე წარვიდა სუკასტობლის ქალაქსა მის დიდსა. სადა იგი შესდის ორნი იგი მდინარენი. რომელთა ეწოდების ფსარს ღ ფსაროს. შინაგან კთიობისა მკუდრთა. ხოლო ჭუნას ეტუა ანთიპატისა ეგვიპტის მიერ. ზატრას აქიასსასა. ღ მუნეე დამარხსა.

...მიერ *) წარუძარათა ნეტარი იგი ღ მივიდა ბოსფორს ქალაქად, რომელ იგი არს კიდესა კექსინო ზღუესსას, მსლობულად ქუეყნასა ტავრო-გუთთა ღ დიდისა მის ტბისა, რომელსა მეოტ ეწოდების. სადა იგი არს ლუსკუმს. რომელსა ზედა სწერია სასული სვიმონ მოქუნიისა... შევიდა რა მოციქული ქრისტესი ბოსფორს ქალაქად, იყო ქადაგებად სასულსა ქრისტესსა ღ მრავალნი მოამოწაფნა, ღ განანათლნა საღმრთოთა მოძღუერებითა. რამეთუ სინარულით შეიწინარეს მკუდრთა მის ქალაქისათა ქადაგება მისი ღ ნათელსცა მათ ღ დაამტკიცნა ქრისტეანობასა ზედა. მერმე წარვიდა ქალაქად თეოდოსიად. რომელი იყო მსლობულად ბოსფორისა ღ იყო მუნ მთავარი სასულით საურომატი ღ იყო ქალაქი იგი დიდი ღ კრი ფრადი მკვიდრ იყო მას შინა... ვინაც მცირეთა ვიეთმე შეიწინარეს მამინ ქადაგება იგი მოციქულისა. დაუტყენს იგინი ღ მივიდა ქალაქსა გუთეთისსას. რომელსა შინა მკუდრ იყენეს კაცნი ფრად უკეთურნი ღ უწმუნრნი. რომელთა შორის დაჭუნს მოციქულმან დღენი მრავალნი ღ რომელნიცა აპოკენეს გორიერ ჭრწმენს. მათ ნათელ იღეს. მიერ კუალად მიიქცა ბოსფორადკე ღ დაამტკიცნა იგინი სარწმუნოებასა ღ მერმე აღვიდა იგი ნავსა გუთელსა ღ წიაღულა ზონტომასა ღ მიიწია სინოპე ქალაქად...

მარტია ვ: წთა მღუდელთ მოძღუართაჲ: რნი. იწამნეს ქრსოვნეთს:

*) Изъ груз. пергам. свинасарія XI вѣка, принадлеж. Тифл. Церк. древлехраняищцу (№ 222, стр. 99).

2) Прежде Диоскуриѣ (Скуртъ), нынѣ Сухумъ.

3) Φῶτος, нынѣ Ріонъ, вытекающій у горы Пасисъ-мта.

4) Р. Аусара, у Анакопін (Никопсін), нынѣ Псыртеха.

5) Πάτρα, нынѣ Πάτρας.

Апостоль Андрей проповѣдывалъ Евангеліе въ странахъ приморскихъ ¹⁾: Виноніи, Понтѣ, Фракіи и Скиѣи и, просвѣтивъ обитателей Востока, отправился въ великій городъ Севастополь ²⁾, гдѣ изливаются въ море рѣки Фасъ ³⁾ и Псарь ⁴⁾. Отсюда онъ ходилъ къ обитателямъ внутренней Скиѣи и затѣмъ, вернувшись въ Патру ⁵⁾ Ахайскую, былъ распять Антипатромъ Эгеатомъ.

... Изъ Абхазіи ⁶⁾ блаженный апостоль Андрей прибылъ въ городъ Воспоръ, который находится на берегу Евксинскаго моря, близъ страны тавро-скиѣовъ и Мэотійскаго озера, гдѣ имѣется гробница и на ней надпись имени Симона Зилота. Воспорцы съ радостью приняли ученіе апостола и крестились. Затѣмъ Андрей отправился въ городъ Θεодосію ⁷⁾, который находился въ близкомъ разстояніи отъ Воспора и былъ великъ и очень населенъ. Князь города назывался Савроматомъ ⁸⁾. Апостоль тутъ тоже началъ проповѣдывать и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Отсюда онъ прибылъ въ городъ готѣовъ ⁹⁾, гдѣ жители оказались весьма недобрыми и нечестивыми. Тутъ онъ провелъ много дней и, обративъ въ христіанство тѣхъ, которые были болѣе разсудительны, вернулся въ Воспоръ. Утвердивъ здѣсь истинную вѣру, онъ на готѣскомъ кораблѣ отплылъ въ Синопъ...

На 16-мъ году царствованія Діоклитіана, Ермонъ ¹⁰⁾,

¹⁾ Рай Грузіи, стр. 36—37.

²⁾ По-грузински Тевдос; у грековъ—Θεοδοσία (η) или Θεοδοσία (η) см. ст. „Воспоръ Киммерійскій“ Мельникова-Разведенкова, Сборникъ матеріаловъ, вып. XXI, II.

³⁾ Весьма частое имя правителей, въ особенности въ Пантикапеонѣ, теперешней Керчи.

⁴⁾ Доры (Мангушъ).

¹⁰⁾ Пергам. Синак. № 222, стр. 238.

ბასილი: კუკუნი: ალთოდორე: ულბიდი: ეთერი: კაპიტონ: ღეფერემ: ყამთა
დეკლარაციას: მე 16—ს წელს მეფობისა მისისას: კომონ წნ პატ-
რიაქმან ი ერუსალიმისმან თითო სასხეთა ნათესავთა მიძართ ეპისკოპოსნი
წარკლანინს მსგავსად მოციქულთა. სიტყუისა მის ჭეშმარიტებისასა ხა-
რებად. ღ ქრისტეს ქადაგებად: წარკლანინს უკუე მის მიერ ღმერთ შემო-
სილნი ესე მამანი ჩუენნი: ტაროსკეთთა სოფელსა: წმიდაჲ ეფერემ
სკვითისა ღ ბასილი ქერსოვნეთს: ღ ვითარცა მიიწია ქალაქად იწყო ქადა-
გებად კეთილად მსახურებისა. ღ რათა სარწმუნოებად მოიქცენ: ამისთვი-
სტა ურწმუნოთა მათგან მკვიდრთა ქალაქისათა. კა ახლისა რამასამე მოქ-
ალაქობისა მთხრობელი განიდევნა მიერ. შეურაცხებითა მრავლითა. ხოლო
იგი წარვიდა ღ დეუმკვიდრა ქუბისა რასმე. რომელსა ეწოდებოდა პართუ-
ნონი. ღ ფრიად უხაროდა, რამეთუ ღირს იქმნა ქრისტესთჳს განებასა.
ხოლო ეძინებოდა ღ მწუხარე იყო სიბრძემისათვის ღ შეცდომილებისა
ურწმუნოთასა. ღ მრავლითა ცრემლითა კედრებოდა მათთვის ღმერთსა
ვინაიცა ესე ვითარითა მიზეზითა უფროჲსლა განკუბულებითა საღ-
მერთოჲთ ძიება უკეს მისთვის რა კდ აღვიდეს ქალაქად. რ ძე მთავ-
რისა მის ქალაქისაჲ მოკუდა ღ ერისა მის მიერ საფლავსა მიეცა... მოკ-
იდა ქალაქად ღ ვიდრე იყენსლა მშობელი მისნი საფლავსა მას ზედა
მისსა. მოიწია ღამე ღ ვითარცა მიემინა იხილეს ურმაჲ იგი ძილსა შინა
მორამადგა მათ ზედა ღ ჭჭუა: ვდ უკეთუ გნებაეს ცხორებაჲ ჩემი ღ კდ
აღდგომამ. მოუწოდეთ უხნოსა მას თქვენ მიერ განდევნილსა ღ შეუ-
რაცხ ქმნილსა. ღ მოძღვრებისა მისისაჲ ირწმუნეთ. ღ კედრებით
რა ილოცოს ჩემთვის. ღ ესე რაჲ ჭეოთ მუხსუულად ვცხონდე: მოვიდა
ქალაქად ღ ვითარცა ზირველ ვთქუ ღ ილოცა ურმისა მისთვის ღ გურ-
თხუელი წყალი სახედ ნათელებისა აპურსა მის ზედა ღ ესრეთ განა-
ცოცხლა იგი ღ აღადგინა მკედრეთით. რი ესე იხილეს რაჲ მშობელთა
მისთა ჭრწმენა ქრისტე ღ უოკელთა თჳსთა ღ მეცნიერთა ღ თანა წა ნა-
თლისებოდა შეიწინარეს. ხ რნი იგი ჟერეთ ურწმუნოებას შინა იყენს
ჭურიათა (?) მიერ რისხვად აღიძრეს ღ წა ბასილი შეაპურეს ღ შეუ-
კრნეს ფერხნი მისნი საბლითა. ღ იწყეს უწყალოდ უბანთა ზედა თრეკად
მისა. ღ ვითარ იგი მრავალ ყამ ითრეკდეს. მისცა სული თჳსი ღა:.

ხოლო შემდგომად წისა მის აღსრულებისა. კდ წარკლანინეს
წისა მის პატრიაქისა მიერ ქერსოვნეთს ქადაგნი ღ მასწავლებნი. სამ

патріархъ Іерусалима, послалъ къ каждому племени скиноувъ епископовъ съ порученіемъ благовѣствовать имъ евангеліе такъ же, какъ благовѣствовали св. Апостолы. Были же посланы слѣдующіе богоносные отцы наши: св. Ефремъ въ страну тавро-скиноувъ и Скиноію, а св. Василій въ Херсонисъ. Василій, вступивъ въ главный городъ страны, сталъ ревностно проповѣдывать ученіе Христа. Горожане изгнали его, и онъ, поселившись въ пещерѣ „Пареноніона“ ¹¹⁾, не переставалъ учить народъ. Вскорѣ умеръ сынъ мѣстнаго правителя, и Василій воскресилъ его. Тогда родители воскресшаго и многіе другіе вмѣстѣ съ нимъ увѣровали въ Христа и крестились; остальные же язычники возстали противъ Василія и, схвативъ его и связавъ веревками, стали влечь по улицамъ города до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ († 6-го марта).

Послѣ этого тотъ же патріархъ еще два раза посылалъ въ нимъ проповѣдниковъ и учителей. Въ первой изъ этихъ миссій принимали участіе блаженные отцы Евгеній, Агаѳодоръ и Елпидій. Прибывъ въ Херсонисъ, они цѣлый годъ учили народъ и имѣли большой успѣхъ. Но язычники и ихъ замучили въ тотъ же день, въ который убили священномученика св. Василія (6 марта).

¹¹⁾ Такъ назывался по Стравону мысъ въ 100 стадіяхъ (16 $\frac{1}{2}$ в.) отъ древняго Херсониса, гдѣ было святилище Артемиды таврической, богини-дѣвственницы (Παρθένος).

გზის სანატრულები ესე წნი მამანი კვებნი და აღათოდორე. და კლავდი-
ონი მიაწიენეს რამ მუნ იწუეს ხარებად სიტყუათა ღისათა. და მრავალ-
თა მოაჭტეკედეს ღთისმისხურებად: ამისთჳსცა შეპურობილ იქმნეს
ურწმუნოთა მიერ. და შეიკვნეს. და ცუძითა ფრანდიოთა უწყალოდ იგუ-
ემნეს. და შეძღვომად წელიწდისა მოჭტეკვისა მოიკლნეს მათ მიერ მისკუ
დღესა რომელსა ნეტარი ბასილი მღვდელმთაწამე აღსრულებულყოფი-
თუესა მარტსა: კ:

ხლოდ შდ ჟამთა რადუნთამე წარიკლინს მუნ ეთერი ეპისკოპოსი.
ონ ურჩობამ და კვლურობამ იგი ერისამ მის იხილას რამ წარკვიდა ბი-
ზინტის მითხრობად მეფისა: რ დიდი კოსტანტინე განაკუბდა მაშინ
ჟუერთხითა მეფობისამთა. საბრძანებლსა თვისსა. მაშინ მიეცა მის
ხელმწიფებამ მშჯარათა სიძაქთლისამთა. რა განისხნენ ურწმუნონი. და
მით წილ შეიკვნენ ღთისმისხურნი: ხ ნეტარი ეთერი მადლისა მიცე-
მად მეფისა გულადცა წარმოკითათა საძუფოოდ. და ვითარ იგი აღმოკვი-
დოდა. შთაიგდო ღანაზრი მდინარესა. და სრამა წამებისამ აღსრულა: .
მარტსა: კ:

ხლოდ ესე ცნეს ჭკრსოკნეთს მეოფთა მოწმუნეთა მიწერეს
საკუდრებელი წიგნი დიდსა კოსტანტინესა და სანატრული კავბიტონ ეპი-
სკოპოსად მოიყვანეს რომლისათჳს მოწმუნენი მხიარულ იქმნეს ხლო
ურწმუნონი შეწუნეს. ვინამცა იწუეს მისგან თხოვად სასწაულისა.
ანუ თუ რა სასუმილსა ცეცხლისსა შეკვიდეს. და უნებლად და შეუწ-
უელად გამოვიდეს მიერ. (წმიდამ შევიდა და უნებლად გამოვიდა). მა-
შინ განჭკრთეს ყნი სასწაულსა მის ზედა დიდებულსა. და მისცეს
დიდებამ ღმისა და ჭკრქმენს ქრისტი და ნათელიეს. რ ლნიცა სწაულითა
თვისითა განამტკიცნა. და საჭმედ სათნობისა აღადგინნა. და ესრეთ
სანატრულად ცხრორებამ ესე დაურტკვა საკსემან ყოვლითა სათნობითა: .
თუესა დეკუნბერსა: კ: და წინაშე ღუთისა მიიცვალა:

საგალობელი: წმიდით ქალაქით მწუქმით მთავარი კრძიონ მწუქმითა
განაკლნის ქრისტიანად ¹³⁾ ჭკრსოკნეთისა: ¹⁴⁾ რჳნი ნეტარნი გუგ-
მითა კძღუნებინ. ბასილი მეუდრისა აღმდგენელი თრეკით მეუდრ-
ობის: აღათოდორე. კვებნი და კლავდი მოჭტეკვისა მისკუ დღისსა

¹³⁾ Православная церковь празднует память всех поименован-
ных священномучеников 6 марта.

По истеченіи нѣкотораго времени туда же былъ посланъ епископъ Евѳерій, который встрѣтивъ со стороны дикихъ туземцевъ непослушаніе, отправился въ Византію, гдѣ только что „сдѣлался скиptronосцемъ“ Константинъ Великій; царь далъ ему право творить правый судъ и удалять отъ себя всѣхъ невѣрующихъ и мѣста ихъ замѣщать слугами Божиими. По прибытіи въ Херсонисъ, Евѳерій исполнилъ волю императора и затѣмъ вернулся въ Византію, чтобы благодарить государя. Однако онъ не успѣлъ прибыть въ Царьградъ, такъ какъ былъ схваченъ врагами Христа и брошенъ въ рѣку Данапръ (Днѣпръ). Христіане Херсониса глубоко опечалились, когда узнали, что ихъ добрый пастырь погибъ (6-го марта), и написали письмо Константину Великому съ просьбой прислать имъ другого епископа. На этотъ разъ былъ посланъ Капитонъ, который, занявъ епископскую кathedру, своими чудесами успѣлъ обратить въ христіанство всѣхъ херсонисцевъ и утвердить ихъ въ истинной вѣрѣ ¹²⁾.

Канонъ: изъ святаго города (Іерусалима) архипастырь отправляетъ пастырей для обращенія Кхерсовнетіи ¹³⁾; восемь блаженныхъ претерпѣваетъ мученичество: Василій, воскресившій умершаго, умираетъ чрезъ влаченіе по землѣ; Агаѳодоръ, Евгений и Елпидій въ одинъ и тотъ же день претавляются мученическою смертію; блаженный Евѳерій утопаетъ въ водѣ, Капитонъ же, невредимо вышедшій изъ огня, вмѣстѣ съ Евѳеріемъ и Ефремомъ строятъ себѣ кушу въ небесахъ.

¹²⁾ См. Пѣснопѣнія въ честь святыхъ, составл. грузинскимъ патриархомъ Арсеніемъ Булмавсидзе, жившимъ въ XIII вѣкѣ (Пергамент. сборникъ Церк. Др.—ща за № 85).

¹³⁾ Глаголъ *ἱεροσολιτῶν* христіана въ древней литературѣ употребляется весьма рѣдко и означаетъ крестить, обращать въ христіанство.

¹⁴⁾ Названіе Херсониса въ формѣ кхерсовнетіи мы встрѣчаемъ въ первый разъ.

გუგამით განულებს ღ ქუერი ნეტარი წყლით იშთობის. ხოლო კანბ-
ტონ ცუცხლისა მძლე მშვიდობით. ქუერის კუერმისთანა ტალა-
რობს ზენს.

...მას ჟამსა 8 იქმნა ზედამოსლვამ სკვითამ, რომელთა
წიადმოკლეს დანობი ღ წარტუენეს თრავი რამეთუ მას ოდენ ჟამსა
მომკუდაროიო დოკლიტინე ღ მასწიმიანეს დაეპურა ორთავე მეფო-
ბამ.... კინამთგან საწმუნოებისგან კერ უძლო განუენებად მისა.
წარსტა იგი სსტლეკელთა ჭალაქსა. რომელ არს სომხითისამ. კქესთა
მმათა მისთა თანს. ღ მიუწერა დუქსისა მას, რომელი იყო მუნ: კი-
თარმედ განიკითხნე რამ უკეთუ დაიჟერონ გუბამ კერბთამ. ჩემდავე
წარმოაკლინენ: უკეთუ გულა არა დაიწმუნონ. წარაკლინენ იგინი ექ-
სორიად ქუენისა აფხაზეთისასა. ღ ჯიქეთისასა. ღ ესრეთ ბრძანებისა
ებრ მეფისა. მირამ ჭუენდეს იგინი მგზავრ. კათარტა მიიწინეს
ადგილსა რომელსა ხანაკებ ეწოდების, წმიდამ ეროს უსრუტესი მმამ
უფლისა მიმართ მიიტყალა: თუესა იენისსა. კბ: ხოლო წმიდამ ორენ-
ტი რიზეონს რამ მიიწია მოება ლოდი ქედსა მისსა. ღ შთაიკლო
ზღუესა. რამეთუ ესრეთ განეჩინა მისთჳს. არამედ გარდამოსლვით
წმიდისა რაფუელ მთავარანტელონისამთა ხმელად განვიდა უკნებელი. ღ
ადვიდა კლდესა ზედა. ღ ილოცდა უფლისა მიმართ ღ აღმოუტყვა წმიდამ
სული თჳსი ღ მუნვე დაუფლავ: თუესა იენისსა: კდ:

ეგრეთვე წმიდამ ფარნავი კორდილიოს რამ მიიწია ოფლი-
სა მიმართ მიიტყალა: თუესა იელისსა ე:

ხოლო ფარმოს ღ ფარმინოს აფხარონს რამ მივიდეს საწუთ-
რომისა ცხორებისგან განვიდეს: ზ: იელისისა თჳსსა:

ხოლო წმიდამ კვრავკოს მივიდა რამ ოკსეთისა ქუენსა. ად-
გილსა რომელსა ზიპანკოს ეწოდების. ძალი იგი მრთაღთამ დაიძინა:
იდ: იელისისასა: ეგრეთვე ამითი მმამ ნეტარი ლონგინოზ: განვიდოდს
რამ ზღუესა ოკსეთად: სსმინელითა დუდილითა ღ ლეკვითა ოთხ-
ნაკვეთთა აღიძრა ზღუესამ. ხოლო მან ილოცა ღ სული თჳსი დმერთ-
ისა შეჰქედრავ: ღ დაუფლავ ჰიტოტას რამეთუ შემოდგომად ოთხისა
დღისა მიერ განვიდა ნაკვი იგი:

თუესა მარტისა: კკ წთა მწიკეთამ. რნი გუთეთს იწამნეს. 15)
ოწნი ხუტესნი. ბათჳს: ღ უირავ: ორთა მუთა. ღ ორთა ასულთა

Въ то время ¹⁴⁾ когда свѣны, спустившись по Даноби (Дунай), опустошали Фракію и когда умеръ Діоклітіанъ и занялъ престолъ обоихъ царствъ Максиминъ, жилъ св. Орентій съ шестью братьями. По повелѣнію безбожнаго Максимиана, Орентій съ шестью братьями за почитаніе истиннаго Бога былъ сосланъ на заточеніе въ сомхитскій городъ Сатлевель, а потомъ въ Абхазію и Джигетію. Изъ нихъ старшій братъ Еросъ скончался въ мѣстечкѣ Банавеби (22 іюня), Орентій въ Ривзонѣ (Ризѣ) (24 іюня), Фарнакій въ Кордилии (въ іюлѣ), Фирмосъ и Фирминъ въ Апсаронѣ (7 іюля); св. Киріаеъ, прибывъ въ страну овсовъ, скончался въ мѣстечкѣ Зипанеосъ; блаженный же Лонгиносъ умеръ и похороненъ въ Бичвинтѣ (Пицундѣ).

Мученики готскіе ¹⁵⁾: священники Батуа (по-слав. Ваоусій) и Уйриъ (Веръ) съ двумя ихъ сыновьями и двумя дочерьми, монахъ Арпла (Арпила), міряне Авиппа (Авивъ), Коста, Агіа (Агнъ), Увіа, Эпареасъ (Игаераасъ), Иской, Сиги (Сила), Суирилъ (Сонирилъ), Суимпла (Суимвлъ), Тетра (Термъ), Филга (Филъ) ¹⁶⁾.

Мученицы, замученныя вмѣстѣ съ ними: Анна, Аласъ (Алла), Барка (Лариса), Мойка (Моика), Мамка (Мамика), Уйво (Уирва), Анимасъ (Анимаида).

Всѣ они вмѣстѣ со многими другими христіанами были сожжены въ церкви во время готскаго царя Уингурихоя (Ἰνγυρῖου βασιλεὺς ἦν) (Унгериха) и греческаго императора Валентиніана.

¹⁴⁾ Синакс. за № 222, стр. 375.

¹⁵⁾ Тамъ же стр. 257; всѣхъ мучениковъ было 29; память ихъ празднуется 26 марта.

¹⁶⁾ Въ церк.-слав. мѣсяцесловѣ вмѣсто имени Коста показанъ Реасъ, а вмѣсто Увіи — Сигицъ.

თანს მათთა. ღ ანზღა მონაზონი: ხოლო კრისკანნი რნი იწამნეს მათ თანს. ესე არს სასულები მათი: აკიბა: კოსტა: ჭგია: ოიამა: ჟმართაქს: ისკოამ: შილა: ხიკი: ხუირილელ: ხუიძლა: ტეთარა: ჟილგა:.

ხოლო დედანი რნი მათთანა აღესრულნეს: ჭნნა: ჭლას: ბარკა: ჭოიკა: ჭამიკა: ოაჯო: ჭნიამას:

ჟსენი იუენეს ოაზინდურინხოჲს ზე გუთთა მეფისა: მეფობასა ბერძენთა ზედა: ოაჯალენტინანესსა: ღ ოაჯალენტოს. ღ ღრატინანესსა, ღ ჭრისტეს აღსარებისათჳს ცხვლისა მიერ გვრგვინი წამბისაჲ დაიდგეს. რამეთუ ბრძანებითა უინდურინხოჲსითა. დაწუნეს კელესიასა შინა. რომელსა შინა დაიწუნეს სხუანიცა მრავალნი ჭრისტეანენი რომელნი მისულაიუენეს: შესწირავითა მისკე კელესიასა. და ამათჳე ზემოხსენებულთა წმიდათა თანს სრულ იქმნეს. რამეთუ ნაცვლად შესწირავითა თავნი თჳსნი შეწირნეს ღთისა: მსხუარზლად უბოლოდ ღ სუგუერთხად წმიდად: ღ სულად სულნულად. ღ გვრგვინი დიდებისაჲ დაიდგეს:.

თუკას: იენისსა: კკ: წმიდისა მამისა ჩუენისა იოანე გუთულჳნიკობისასაჲ:.

ესე იყო ჟამთა კოსტანტინე ღ ლეონ ისპროჲსთა ქუენით ტავროსკკითაჲთ. იე ლეონტი ღ ფოტინასი. ხოლო წმიდა იქმნა სიგრიმიტკან ვითარცა იერემია. ღ ვითარცა დიდი სამოკველ. აღთქემით იშჳა. ღ მეუსუულად ღუთისა შეიწირულ იქმნა. არამედ ვინამტკან საზომისა სულაერსა ღ ხორციელსა ქსასკეისსა მოიწია. ღ ჟურთყო მისა მღვდელთ მოძღვრობისა ჰატოკას აღსკვამ: თჳსისა ერისა მიერ ჭართლისა კათალიკოზისა წარიკლანა. ღ მიერ მოიღო ხელთ დასხმამ. რამეთუ მას ჟამსა საბერძენეთისა კერძონი ხატთა ბრძოლისა წკალკასა დაჳყენეს. ხოლო შემდგომად სიგრიდილისა კოსტანტინესა ღ ლეონისა სამეუფოდ ქალაქად მოვიდა... ღ ირინე დედოფალსა ფრიადკურსანს მართლისა საწმუნოებისათჳს. ღ თჳსდაჳე ქალაქად უკუნ იქცა. ღ მრავალნი ჭირნი თავს ისხნა თვისთა მიერგანცემითა. ხაზარეთისა მთავართკან. ღ ამასტრად ზონტოჲსა. სიგრიტოლით მიიწია. ღ უფელისა მიმიერთ მიიკვალა: ხოლო ჰატოლსანნი ნაწილნი მისნი წარიკუანნეს ნავითა. ღ დაისხნეს მონასტერსა წმიდათა მოციქულთასა:

Іоаннъ, епископъ Готѣи ¹⁷⁾ († 26 іюня).

Іоаннъ былъ изъ Тавро-Свиіи и жилъ во время Константина и Льва Исавріанина. Съ рожденія же онъ былъ святымъ. Подобно Іереміи и великому Самуилу родился по обѣту и былъ посвященъ Богу. Духовно и тѣлесно достигши возраста архіерейскаго служенія, Іоаннъ, по избраніи народа въ архипастыри, отправился къ картвельскому каволикосу ¹⁸⁾ и получилъ рукоположеніе въ епископы. Греція въ то время обуреваема была иконоборствомъ. По смерти Константина и Льва онъ явился къ императрицѣ Иринѣ и, уладивъ дѣла христіанъ, вернулся обратно въ Готѣю, гдѣ перенесъ много бѣдствій отъ владѣтелей Хазаріи. Когда скончался Іоаннъ, его св. останки положены были въ монастырѣ св. Апостоловъ.

Св. Максимъ Исповѣдникъ ¹⁹⁾ за непризнаніе ереси северіанъ (монотелитовъ) былъ сосланъ въ Мингрелію вмѣстѣ съ двумя учениками. Тутъ Максима заточили въ крѣпости Гимарь (Зодзк) ²⁰⁾, что недалеко отъ страны овсовъ; ученика же его

¹⁷⁾ № 222, стр. 381.

¹⁸⁾ Іоаннъ прибылъ въ Грузію въ 758 году (см. Записки Импер. Отд. Одесскаго Общ. Истор. и древностей, т. XIII, стр. 25).

¹⁹⁾ Пергаментные синакс. (XI в.), № 97, стр. 538 и № 193, листъ 281 Тифл. Церк. Др.-ща.

²⁰⁾ Максимъ исповѣдникъ былъ сосланъ „въ страну свисскую, которая въ Европѣ, Аланія нарицаемую, въ градѣ Схимарь, гдѣ былъ въ заточеніи 3 года“ (Четьи Минеи, стр. 109). Схимарь или Гимарь, вѣроятно, Хумара, на Кубани.

... უკეთურისა სკკროსის წალებამ განკრცლდებოდა... ღ შემდგომად განკითხვისა მათისა აღმოკვეთნეს ენანი მათნი ღ დაჭკუეთნეს ხელნი მათნი... ღ განაჭიქნეს ღ ესრეთ გუემულნი ექსორდა უნეს სამეგრელოს. ღ მიერ განუენეს. რამეთუ ესრეთ აჭუნდა ბრძნებამ მეფისაგან. ღ წარიუკანეს წმიდამ მაქსიმე განკათული სუნთაგან. ღ შეაწუდიეს ციხესა რომელსა ეწოდებოდა ჰიმარ მახლობლად ქუეყანასა ოკსეთისასა. ღ მოწაფე მისი ანასტოასიოს შეაუენეს ციხესა აფსზეთისასა. რომელსა ეწოდების კოტორი ღ მეორე მოწაფე მისი ანასტოასიოს შეაუენეს ციხესა სახელით ბუკელეს საზღვართაჲ ოკსეთისათა. ღ შემდგომად მტრედის ჟამისა გამოიუკანნეს სენსანი იგი მძანი ციხეთა მათგან. ღ წარიუკანეს ხუცესი ანასტოასიოს ციხესა სუნთა სოფლისასა.*) ღ ვიდრე არღა მიწვერულ იყო ციხესა მას განკათული მრავალთა ჰირთაგან. მივიდა წინაშე უფლისა. თუესა იულისასა. კდ: ღ ანასტოასი დიაკონი წარიუკანეს ციხესა თაკუერისასა აფსზეთსა. ღ ვითარცა მოკუდა მეფე იგი მიერა ფლობამ ღ მოვიდა საბერძნეთად ღ ყოველიჲ გუაუწა რამ იგი შექმთხა მათ. ღ სიწმიდით აღასრულა ცხორებამ თვისი.

ხოლო წმიდამ ღ სამეზის სანატრული მაქსიმე შეიუენა ზემო ხსენებულსა მას ციხესა. ღ წერდა ეპისტოლეათა მართლისა სარწმუნოებისათჳს. რამეთუ კალამი მოიბა დაკუეთილსა მას ხელთა. ღ წერს. ღ ესრეთ მადლიათ ღთისაჲთა აღიარს ღ დამტკიცა მართალი სარწმუნობამ ღ ესრეთ აღესრულა ღ ხელთა ღუთისათა შეჭკედრს სული თვისი: თუესა აგვსტოსსა: იგ: ოთხმეოცდა ათისა წლისამან. ღ დაჭმარეს წმიდამ იგი გუამი მისი მონასტერსა წმიდისა არსენისსა. ხოლო კურნებანი ღ ძალნი მრავლნი აჭმებთან საფლავსა მას მის სანატრულისასა. ვიდრე აჭამოდე. ხოლო აღესრულების სახსებელი მისი ამასცა დღესა ღ გუაღად. იანუარსაგა: კა: ოდეს იგი დააკუეთნეს ენანი ღ ხელნი მათნი. ვითარცა განაწესეს წმიდათა მამათა მეჭქუსისა კრებისათა:.

არს მთაწმიდის ჰრასტინთა 24) მინა სოფელი ერთი. რომელსა ლავსდა ეწოდების. ადგილი რამე მოჭკუელი ყურე ყოვლად უდაბნო მათნი უღალ მადნარნი ღ კჭკონებ თუ არავინ წმიდათაგანი მიძწუთარს

*) სუნთა სოფლისა ციხე. რომელ არს მურა (N 97.)

Анастасія заперли въ абхазской крѣпости Котори (Кодорь)²¹⁾, откуда перевели въ пограничную съ Овсетіей крѣпость Букелесъ²²⁾, а по истеченіи нѣкотораго времени въ Сванетію²³⁾, гдѣ онъ и умеръ (24 іюля). Другого же ученика, тоже Анастасія, держали въ абхазской крѣпости Тавквери, но послѣ смерти нечестиваго императора Константина, внука Ираклія, отпустили на родину. Максимъ же, написавъ изложеніе правъ вѣры, скончался (13 августа 662 г.), имѣя отъ роду 90 лѣтъ.

Въ окрестностяхъ св. горы Аѳонской²⁴⁾ есть одно селеніе, называемое Ливедіа²⁵⁾. Мѣсто это гористое, пустынное и населено боргальцами *ბორგალნი* (болгары), которые неразумны, скотоподобны и ѣдятъ всякую нечисть. Въ этой мѣстности оставался идолъ мраморный, имѣющій видъ женщины, и ему служило мѣстное населеніе, вѣря, что солнце, дождь и всякое добро получаютъ отъ него и что смерть и жизнь зависятъ отъ его воли. Св. Георгій Мтацминдели († 1066 году) очень печал-

²¹⁾ „Которая называется Тцебери “(Цебельда?) (см. синакс. № 97).

²²⁾ Букелесъ (синакс. № 97).

²³⁾ „Въ крѣпость Мури“ (пергам. синакс., № 97).

²⁴⁾ Житіе св. Георгія Аѳонскаго (Мтацминдели) († 1066 г.), писанное современникомъ его (Рукопись Др—ща, № 170 и Рай Грузія, стр. 455). Слово *პრასტინი* прастини мы перевели въ значенія окрестность. Лексикографъ С. С. Орбелиани говорить, что „прастини“ слово греческое и означаетъ „мѣстопробываніе“; если *პრასტინი* производится отъ греческаго слова *πράττειν*, то оно можетъ означать не только мѣстопробываніе или окрестность, но и *мѣстность, платящую дань*, и намъ кажется, что будемъ ближе къ истинѣ, если фразу *არს შიგნითაჲს პრასტინისა შინა სოფელი ერთი, რომელსა ლიგსდაჲს ეწოდებოდა* переведемъ такъ: изъ числа селъ, обязанныхъ служить св. горѣ Аѳонской, есть одно селеніе, называемое „Ливедіа“.

²⁵⁾ Вѣроятно, городъ *ღაზბაღა*, въ Віотіи, существующій еще и теперь.

ძუნ. ხოლო კაცნი მკვდრ აჩიან ბოროტადნი რომელთა საკლავ ეწოდების. უოკლითურთ უგუნურნი და პირუტყუთ სახენი. წარმდებნი და არა წმიდათა ქუზწარმავლთა მქსამელები. ამას პრასტინსა შინა ვითარცა ვთქუთ კერპი ერთი და მთლიად იყო პირველით განკუ აჭა მომდე მარმარალოისა სახითა დედაკაცისათა. ამისი ვითარცა ვთქუთ. კაცნი იგი უგუნურნი წუთლა მსახურებდეს და იტყოდეს. მზე და წუძი. და უოკელი კეთილი მისგან მოგუგუემისო. რამეთუ ხელმწიფებთ აქუს სიკუდილად და ცხოვრებად ავისიცა ენების. ესე ვითარსა რაჲ უკეთურებისა შინა წარმეტყუებად იხილნა კაცნი იგი. მსახურნი მისნი ელმოდ და ეძიებოდ და სულისა მისსა წყალობისათვის მათისა. და აღვიდოდა რა იგი ოდესმე გუაღადრსა სამეფოდ ქალაქად. და მოვიდა მეზარე პრასტინსა მას ზემო სსენებულსა მოვიდეს შეტომილნი იგი კაცნი და ეტყოდეს წმიდასა მას. უკეთუ ენებას რათა განმარჯვებით შემოიქცე უოკლითა საურავითა შენითა. კეკდრე ღმერთსა ჩვენსა. რათა შეგვიწიოს წინაშე შეთვისა. ხოლო წმიდამან რქვა მათ. კეთილ კეთილ. გუაღეთ და მიჩუწნეთ და მადლიერ ვარ თქვენდა ესე ვითარისა ამის კეთილისა თხრობისათვის. წარიყვანეს ბერი კაცთა მათ ერუსა მიმართ და უსულოსა ღმერთისა მათისა. და ვითარცა იხილა იგი. ჰრქვა მათ. იყოს ჟამისად. ხვალე თვისგან მოვიდე და კეზრახო. და ხუაღისგან ვითარცა განთენა მოღებად სცა ურო მქედლისგან და წარვიდა თვთ ბერი იკონომოსითურთ ორთა თანა სხუათა კაცთა და ვითარცა მივსულა გამოისახსა სასწაული პატრიოსნისა ჟუარისა შებულსა თვისსა და იწყო თქუმიად სახარებისა პირუტყუითგან იყო სიტუა და შემდგომი. და კაცნი იგი ეტყოდეს აჭა ესურა მოგკლავს. ხოლო ბერმან განიციანს და ვითარცა ახოვანი შეკურვილი ჟუარითა ქრისტესითა მოხუნდა მეესეულად კერპსა მას. აღიღო ურო იგი და უხეთქნა. და ესრეთ წურვილ წურვილად შემესრა.

лился, что народъ этотъ находился въ такомъ заблужденіи, и однажды, отправляясь въ Константинополь, заѣхалъ къ нимъ. Народъ встрѣтилъ его словами: „если желаешь благополучно вернуться, помолись нашему богу, чтобы онъ помогъ тебѣ предъ императоромъ“. — „Хорошо, хорошо! покажите мнѣ вашего бога“. Они привели святого, запасшагося тяжебъ молотомъ, къ глухому и бездушному богу, котораго онъ, въ удивленію и ужасу язычниковъ, разбилъ вдребезги.

II. Повѣсть о Джимшерѣ, царѣ хазарскомъ, сынѣ Дилара ²⁶⁾.

Когда-то царь хазарскій, храбрый и доблестный Диларъ покорилъ всѣ страны, и все подчинилось ему, а окрестные владѣтели стали дрожать предъ нимъ. Все это подробно описано Саргисомъ Тмогвели ²⁷⁾ съ указаніемъ на доблести и голавообразную отвагу Дилара.

Этого Дилара, царя, не имѣющаго себѣ равнаго, великаго, мощнаго, щедро-милостиваго и именитаго, постигла ве-

²⁶⁾ Переводъ изъ рукописи Общества грамотности въ Тифлисѣ. Эта рукопись (№ 1623) переписана изъ древняго оригинала почеркомъ „мхедрули“ въ 1776 году. Переписчикъ ея нѣкій Георгій, въ концѣ книги помѣстилъ слѣдующее четверостишіе:

აღმწერი ამა წი გნისა უნდოა ვინმე მონაი,
ვითხოვ ცთომილთა შენდობას, ვინცა შეატყუოთ ქონაი.
ჭმობენ მწერალნი, არ თქმულ არს ცასა ღრუბლისა არ ქონაი,
და გგრუოვე წიგნსა არ აქენდეს ტყუილისა რა წონაი!
აპრილის ეზ, ქეს უად. გიორგი.

Переписчикъ сей книги нѣкій ничтожный рабъ
Испрашиваю прощенья за ошибки, если онѣ имѣются!
Писатели говорятъ, что небо безъ облаковъ не бываетъ,
А книга безъ ошибокъ.

Апрѣля 27, 1776 года. Георгій.

²⁷⁾ Саргисъ, правитель города и крѣпости Тмогви (см. Квемо-Тмогви и Зеда-Тмогви въ Ахалцихск. уѣздѣ Тифлисска. губерніи въ

ликая болѣзнь и онъ отошелъ въ вѣчность. Несравненный этотъ государь имѣлъ племянника Хосро, человѣка весьма добраго и въ трудныхъ дѣлахъ предпримчиваго. Предъ своею смертью царь призывалъ его къ себѣ, поручилъ ему своего юнаго Джимшера и наказалъ, чтобы онъ въ продолженіе 10-ти лѣтъ научилъ его всѣмъ нравамъ, приличествующимъ отважнымъ богатырямъ, и дѣяніямъ ихъ, а потомъ передалъ ему его же царство и утвердилъ на престолѣ хазарскомъ. Хосро обѣщаль исполнить царскую волю, согласно его завѣщанію. Затѣмъ царь тотчасъ умеръ, и величество Дилара сравнилось съ черной землей; оплакивали его и горевали по немъ много дней. Когда прошелъ установленный траурный срокъ, Хосро потребовалъ къ себѣ правителя Мераба, одного изъ сильнѣйшихъ героевъ, и сказалъ ему, чтобы онъ взялъ сына великаго царя Дилара и держалъ въ крѣпости въ качествѣ плѣнника; самъ же онъ воцарился. Мерабу приказано было держать царевича вдали отъ всѣхъ богатырскихъ и военныхъ упражненій (такъ поступилъ и Диларъ при своемъ воцареніи, а теперь то же самое сдѣлали и съ его сыномъ Джимшеромъ). Вельможа взялъ царевича въ крѣпость. Онъ былъ печаленъ и ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ о строѣ отрядовъ, сраженіи войскъ и боѣ богатырей и героевъ; мечтая только о войнѣ и битвахъ, царевичъ не заботился ни о чемъ другомъ: не говорилъ ничего, не пилъ

Сводъ статистич. данныхъ о населеніи Закавказья, края, изд. 1893 г.), современникъ царицы Тамары, человѣкъ ученый; онъ, говорятъ, перевелъ съ персидскаго языка извѣстное сочиненіе „Килила да Дамана“ (издано въ 1884 году подъ редакціей И. Г. Чавчавадзе); изъ другого же его сочиненія „Диларіани“ дошла до насъ только часть, т. е. то, что нынѣ печатается въ переводѣ на русскій языкъ. Саргиса Тмогвели такъ характеризуетъ повесть Шота Руставели.

დილარგეთს სარგის თმოგველსა,
მას ება დაუშრობელსა.

„Въ „Диларгетѣ“ Саргисъ Тмогвели
Не устаетъ языкомъ“.

вина, не игралъ на двухструнномъ инструментѣ и не смотрѣлъ на свѣтилообразныхъ женщинъ; онъ былъ постоянно угрюмъ, такъ какъ зналъ, что находится въ плѣну; во время сна, задремавъ немного, вдругъ просыпался и, какъ изъ утроба матери высказываетъ единорогъ, такъ точно подскакивалъ онъ на своей постели.

Въ одинъ день призвалъ онъ къ себѣ жителей крѣпости и сказалъ имъ: „Идите и скажите Мерабу, что если мой дядя Хосро приказалъ ему убить меня, то пусть убьетъ, а если повелѣлъ сохранить мою жизнь, то пусть содержитъ меня прилично.—Зачѣмъ онъ заключилъ меня въ такую крѣпость-тюрьму? Если онъ выведетъ меня изъ нея и поступитъ со мной такъ, какъ подобаетъ героямъ и богатырямъ, то хорошо, а если не сдѣлаетъ этого, то, клянусь Всевышнимъ Богомъ и солнцемъ великаго государя Дилара ²⁸⁾, я перебую весь гарнизонъ крѣпости, беспощадно срю и самую крѣпость, убью и самого Мераба, или же самъ паду отъ меча его!“

Мерабъ, получивъ такое посланіе, разгнѣвался такъ, что тотчасъ снялъ голову съ доставившаго такое извѣстіе. Джимшеръ, не получивъ отвѣта, еще болѣе обезпокоился и послалъ къ Мерабу другого человѣка съ такимъ же порученіемъ. Мерабъ, впадъ въ раздумье, говорилъ самъ себѣ: „всякія отличія и всѣ повышенія получены мною отъ великаго и славнаго царя Дилара, отца Джимшера; какъ могу я убить его и тѣмъ болѣе держать его въ заключеніи или же доносить на него Хосрою?“ И онъ, призвавъ къ себѣ своихъ вельможъ, высшихъ и низшихъ чиновниковъ, сообщилъ имъ все о дѣлѣ Джимшера, о желаніи его освободиться изъ заключенія и объ угрозахъ его. Всѣ сказали ему: „такъ какъ отецъ

²⁸⁾ ვუიკავ მზესა დიდისა ხელმწიფის დილარისასა. Божба эта, — остатокъ того времени, когда въ Грузіи поклонялись солнцу какъ богу, продолжаетъ существовать и доннѣ.

его очень благоволил къ тебѣ и много сдѣлалъ тебѣ добра, то подобаетъ и тебѣ добромъ же отплатить его сыну“. Отправился Мерабъ въ сопровожденіи всѣхъ мѣстныхъ князей, войска и витязей и освободилъ изъ заключенія великаго государя, Диларова сына, этотъ плодъ прекрасный, героя, не имѣющаго равнаго себѣ. Всѣ, смотрящіе на него, говорили: „нѣтъ подобнаго ему прекраснаго героя на всей земной поверхности“. Поставили ему тронъ изъ драгоценнаго золота, посадили его на немъ и, возложивъ на голову его царскую корону, повлонились ему, поздравили, осыпали драхмами и затѣмъ устроили пиръ; пѣвцы воспѣли и восхваляли новаго героя Джимшера прекраснымъ своимъ голосомъ, пріятными и прекрасными стихами. Пиръ, веселье и радость длились три дня.

Когда разсвѣло четвертое утро, созвали 40,000 воиновъ, взяли много бѣлыхъ ястребовъ, кобчиковъ, барса, сокола и безчисленное множество собакъ и, посадивъ Джимшера на коня, оставили этотъ край; шли они 12 дней, убивая по дорогѣ много львовъ и барсовъ. На Джимшерѣ были щитъ, кольчуга, шлемъ съ забраломъ, булава и шашка, подаренные ему Мерабомъ.

Когда они прошли 12-дневный путь, прибыли къ нимъ полевые сторожа и люди, выслѣживающіе звѣрей, и доложили: „Видите, тамъ по близости воинство съ великою поклажею и могуществомъ? Мы спросили одного человѣка: „Чье это войско и куда оно направляется?“ Онъ отвѣтилъ: „Это Кулъ Чрдилоели²⁹⁾, левъ изъ львовъ, герой, не имѣющій равнаго себѣ, вышелъ поохотиться. Много странъ обошелъ онъ, но равнаго себѣ героя нигдѣ не нашелъ; имѣетъ съ собою 60,000 отборныхъ воиновъ, славныхъ бойцовъ!“ Мы стояли на одномъ мѣстѣ; Кулъ, какъ только увидѣлъ насъ, сказалъ сво-

²⁹⁾ Чрдилоели (*ჩრდილოელი*) или чрдиели букв. сѣверянинъ, житель сѣвера.

имъ войскамъ: „Я пойду къ нимъ, посмотрю, чье это войско, а вы ждите меня тутъ“. Пришелъ подобно льву-самцу, и, ворвавшись въ наши отряды, сталъ брать воиновъ на копьё и ударять ихъ объ землю; онъ навелъ на всѣхъ страхъ и, перебивъ множество лошадей и людей, разсѣялъ воинство“.

На это Мерабъ не нашелся, что сказать; Джимшеръ же сказалъ ему:

„Это дѣло что за дѣло? Явился какой-то безвѣстный человекъ, который, побивъ наши войска, хочетъ по вѣтру пустить и наше имя. Желая, Боже, вступить съ нимъ въ бой и увидите, что я за герой“.

Джимшеръ бросился впередъ и вызвалъ врага въ единоборство. Онъ говоритъ Кулу: „Недостойно героямъ проливать кровь невинныхъ людей: я и ты испытываемъ другъ друга!“

Кулъ посмотрѣлъ на Джимшера, и онъ ему показался страннымъ, а слова эти привели его въ удивленіе.

Вышли они на ристалище и, ударивъ другъ друга шпагами по одному разу, стали биться кнутами, затѣмъ пустили другъ въ друга стрѣлы, а наконецъ вступили въ рукопашный бой. Схватка ихъ походила на обоюдное столкновеніе двухъ большихъ горъ, а лязгъ ихъ доспѣховъ подобенъ былъ треску небесной грозы. Оба войска пришли въ трепеть, и грусть овладѣла ими, но побѣдить ни одинъ не сумѣлъ. Въ войскѣ поднялся большой шумъ; Мерабъ безпокоился сильно и не зналъ, что дѣлать и какъ помочь горю. Въ это время Джимшеръ, понятивъ своего коня назадъ, крикнулъ противнику: „Теперь испытаю тебя, что ты за герой!“ и, подсочивъ къ нему, замахнулся шашкою, отрубилъ голову его коню, а падающаго Кула схватилъ и, какъ маленькаго мальчика, поднялъ вверхъ, ударилъ объ землю такъ, что онъ лишился чувствъ. Однако Джимшеръ не убилъ его, но перевязавъ ему руки своимъ арканомъ, отвелъ къ Мерабу, который воздалъ побѣдителю хвалу и поздравилъ съ побѣдою. И это была первая борьба Джимшера.

Куль Чрдилели до нѣкоторато времени находился безъ памяти, когда же онъ пришелъ въ себя, то спросилъ Мераба: „Кто этотъ вновь появившійся храбрець и не имѣющій равнаго себѣ славный герой? Изъ чьего рода онъ?“

Мерабъ отвѣтилъ: „Это Джимшеръ, сынъ великаго государя нашего Дилара“. Узнавъ, что Джимшеръ наслѣдникъ царя, Куль Чрдилели сталъ плакать и пролилъ много слезъ у ногъ Джимшера, молясь за него Богу. Джимшеръ сталъ допрашивать Мераба и онъ доложилъ ему все, а именно, что Куль Чрдилели есть герой, воспитанный царскимъ богатствомъ и одержавшій много побѣдъ въ сраженіяхъ. Джимшеръ, узнавъ о немъ всѣ подробности, тотчасъ развязалъ ему руки и подарилъ ему хорошее, дорогое и приличное платье. Тогда герой Куль, созвавъ свое войско, рассказалъ ему исторію Джимшера и сообщилъ, что царевичъ сынъ Дилара; воинство Кула повлонилося и подчинилося Джимшеру. Устроили пиръ и веселье, подобающее достоинству и величію его.

Хазарскій царь Хосрой, узнавъ объ освобожденіи Джимшера изъ крѣпости, объявленіи его царемъ чрезъ Мераба и Кула Чрдилоели, благословеніи и признаніи всею арміей, сильно опечалился и написалъ Мерабу и Кулу слѣдующее:

„Я, Хосро, вседержецъ всей Хазаріи, царь надъ царями, пишу нашимъ вѣрнымъ и довѣреннымъ добрымъ удалцамъ, Мерабу и Кулу! Слышалъ я, что вы, отвергнувъ меня, вывели изъ крѣпости Джимшера и воцарили его; вы дѣлаете дѣло, которое погубить васъ. Сколько добра я сдѣлалъ вамъ и сколько земель подарилъ! Мерабъ, развѣ ты самъ не знаешь и не свѣдуешь въ томъ, какъ плохо обходился со мной господинъ дядя мой во время своего царствованія! Онъ держалъ меня въ заключеніи, ничему, кромѣ волшебства и лукавства, не училъ и не далъ мнѣ воспитанія. Я, желая излить на тебя всякія милости, поручилъ тебѣ Джимшера; ты долженъ былъ держать его согласно моимъ наставленіямъ, но ты позабылъ.

Бога Творца; такъ же, какъ и ты, поступилъ Куль. Другого государя возводите на мой тронъ и мои земли отдаете другому! И вотъ я со своей силой и съ большимъ войскомъ выступаю противъ васъ, и въ скоромъ времени буду гостить у васъ, чтобы стереть съ лица земли васъ и Джимшера! Зовите, кого хотите, въ помощь себѣ и приготовьтесь встрѣтить меня!“

Прочитавъ такое письмо хазарскаго царя Хосроя и узнавъ всю суть его посланія, они созвали 120,000 воиновъ и стали совѣщаться между собою. Мерабъ доложилъ Джимшеру слѣдующее: „Противостать его силѣ мы не сумѣемъ, такъ какъ онъ, владыка громаднаго воинства, ведетъ дэвовъ и драконовъ, и знатокъ волшебныхъ дѣлъ. Подъ небесами нѣтъ человѣка, который могъ бы сравниться съ нимъ. Онъ, если пожелаетъ, огнемъ сожжетъ все море, а крѣпкую скалу превратитъ въ мягкій воскъ. Лучше мы поднимемся и съ домочадцами нашими переселимся въ другое мѣсто. Въ дни моей юности я, выходя испытывать свою силу, видѣлъ одно мѣсто съ прекрасною водою и полемъ. Отправимся туда и поселимся!“ Согласились съ нимъ всѣ и выступили отсюда, забравъ съ собою все и не оставивъ на мѣстѣ даже камня, пригоднаго для человѣка.

Джимшеръ отправилъ письмо въ Хазаретію, писанное такъ: „Великій и возвышенный государь, да продлитъ Богъ дни ваши! Вы разгнѣвались на насъ и угрожаете намъ всячески. Я сынъ царя Дилара, а царствомъ ты управляешь! Я владѣлъ однимъ этимъ княжествомъ, и потому ты не долженъ былъ обижаться и гнѣваться за это! Но такъ какъ ты разгнѣвался на насъ, то мы и пришли сюда, оставивъ тѣ владѣнія“.

Посланецъ, отправившись въ Хосрою, подалъ ему письмо Джимшера и доложилъ обо всемъ, что онъ видѣлъ. Хосрой, уже выступившій со множествомъ войскъ и огромною силой, тотчасъ своротилъ въ свою страну и городъ. Джимшеръ же съ Мерабомъ и Куломъ, прибывъ въ дальнюю страну, посе-

лился на берегу хорошей рѣки, текущей по прекрасной равнинѣ, пріятной для отдыха и жизни; занявъ эту страну, онъ сталъ устраивать ее и укрѣплять.

Въ одинъ день Джимшеръ захотѣлъ итти на охоту и немедленно выступилъ съ войскомъ, взявъ вмѣстѣ съ собою Мераба и Кула. Прошли они 20-дневное разстояніе, но изловили мало звѣрей. Наконецъ они подошли къ высокой отвѣсной горѣ, съ которой спустились къ нимъ три человѣка, красивые на видъ и имѣющіе золотые доспѣхи. Отвѣчая на вопросы Джимшера, они сообщили, что на этой горѣ звѣрей очень много и что товарищи ихъ находятся на ней же. Джимшеръ приказалъ имъ взять его съ собою на охоту и получить отъ него много подарковъ. Они согласились. Когда они поднялись на ту высокую гору, то пришли къ нимъ товарищи проводниковъ, которые были въ золотыхъ доспѣхахъ и имѣли при себѣ много изловленныхъ звѣрей. Тутъ же они остановились всѣ и стали пировать и веселиться.

Но оказалось, что эти люди въ золотыхъ доспѣхахъ были подданные Хусруджана, царя дэвовъ, и направлены были сюда имъ же, а такъ какъ они знали волшебное искусство и умѣли колдовать, то были посланы сюда (и прибыли) съ порученіемъ измѣнить Джимшеру.

Въ ту ночь они много пили напитковъ, опьянѣли и легли спать. И тѣ волхвы и чародѣи тоже прикинулись спящими, но потомъ встали, волшебствомъ связали царевича Джимшера и привели его спящаго туда, гдѣ былъ царь дэвовъ Хусруджанъ. Послѣдній приказалъ надѣть на него тяжелые кандалы и связаннаго и закованнаго въ мучительныя цѣпи заключить въ темную, глубокую темницу.

На ту же гору, гдѣ былъ взятъ Джимшеръ, рано утромъ пришли Мерабъ и Кулъ. Они думали, что онъ еще спитъ. Продавъ еще нѣкоторое время, они пошли впередъ и увидѣли, что Джимшера нѣтъ тутъ, а спящіе вокругъ него, то-

же околдованные, еще не очнулись; стали допрашивать ихъ, но они ничего не могли сказать. Вернувшись оттуда поспѣшно, они сѣли на быстрыхъ коней и обошли всѣ окрестныя горы и поля, но ничего не узнали. Вернувшись обратно домой, одѣлись въ трауръ и стали коротать многіе дни въ печали.

Такъ протекло семь лѣтъ. Джимшеръ переносилъ такія страшныя испытанія, что если бы онъ имѣлъ оружіе и на свободѣ руку, то живымъ бы не оставилъ себя.

Въ одинъ день Джимшеръ увидѣлъ городского разносчика, вошедшаго въ крѣпость. Разносчикъ, увидѣвъ царскаго сына въ страшныхъ мукахъ, сжалился надъ несчастнымъ страдальцемъ. Царевичъ очень понравился ему и онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Царевичъ сообщилъ ему все подробно. Разносчикъ, выйдя изъ крѣпости, пришелъ къ царицѣ Кетеванъ²⁰⁾, которая была дочь витайскаго царя. Онъ разсказалъ ей положеніи Джимшера, о нахожденіи его въ заточеніи, испытаніяхъ его, происхожденіи его отъ царя Дилара, о томъ, что онъ околдованъ и взятъ и заключенъ въ кандалы. Царица, услышавъ обо всемъ этомъ, весьма опечалилась и стала изыскивать средство къ его освобожденію.

Отъ царицы Кетеванъ дѣвъ Хусруджанъ имѣлъ одну дочь, такую прекрасную, съ которою не могла сравниться луна въ освѣщеніи поднебесья. Царь Хусруджанъ очень любилъ царицу Кетеванъ и принималъ ея совѣты. Встала царица и пришла къ царю Хусруджанъ; онъ вышелъ навстрѣчу ей, взялъ ее за руку, повелъ ее съ великими ласками и посадилъ на тронѣ. Царица доложила ему, что она имѣетъ маленькую просьбу, умоляла его быть милостивымъ и выслушать просьбу ея.

²⁰⁾ Кетеванъ (Khethevani) и сокращенно Кето (Ketho) имя, весьма уважаемое у грузинъ и встрѣчаемое въ легендахъ объ Амиранѣ.

— „Что скажешь такого“, отвѣтилъ ей царь: „чего я не могъ бы исполнить!“

Она доложила: „Тобою пойманъ и плѣненъ Джимшеръ, сынъ царя Дилара; сдѣлай мнѣ честь, помилуй его и освободи“.

— „Онъ не проститъ намъ обиды за взятіе его въ плѣнъ и посрамленіе, и если проститъ, то прощаю“, сказалъ царь царицѣ.

— „Освободимъ мы его, не имѣющаго себѣ равнаго героя, молодого юношу, сына первѣйшаго царя Дилара и выдадимъ за него нашу дочь, изливающую на насъ свѣтъ Раодень-Кали ²¹⁾“, такъ продолжала говорить царица.

— „Если будетъ согласіе Джимшера, то она будетъ его женою“, добавилъ царь.

Отправился разносчикъ и сообщилъ Джимшеру волю царей. Приятно стало Джимшеру и онъ, улыбаясь, сказалъ разносчику: „Если такъ милостиво обойдутся со мною, я согласенъ: пусть исполнится воля ихъ!“ Вернулся разносчикъ и сообщилъ царю и царицѣ сказанное Джимшеромъ и согласіе съ его стороны.

Посланные дѣвы сокрушили кандалы и вывели изъ заключенія Джимшера, которому царица прислала царскую одежду, рѣдею и красивую. Завели Джимшера въ баню; выкупавшись въ ней, онъ вышелъ и одѣлся; его повели и вели къ царю дѣвовъ и царицѣ Кетеванъ. Встрѣтившіе его царь и царица чрезвычайно удивились, увидѣвъ красоту царевича, юнаго возрастомъ. Обрадовались и развеселились всѣ. Пригласили многихъ героевъ-дѣвовъ съ ихъ женами и войско и сообщили, что выдаютъ за Джимшера Раодень-Кали. Всѣ, смотря на нихъ и видя ихъ, радовались; глаза и сердце всѣхъ приковывались къ нимъ.

²¹⁾ Раоден Кали (ზოდენ კალი), букв. „сколь (возвышенная) дѣвица“.

Нерадостно было только Раодень-Кали. Узнавъ о своей судьбѣ, тяжело стало ей: она опечалилась, начала плакать, горевать и причитывать: „Что это сдѣлали со мною отецъ и мать? Какъ это выдаютъ меня за плѣнника, не испытавъ его!“

Раодень - Кали имѣла крѣпость, крѣпкую и неприступную; она жила въ этой крѣпости, имѣя при себѣ гигантовъ и дѣвовъ, многихъ героевъ и богатырей. Царица Кетеванъ услышала о печали и плачѣ Раодень-Кали, пришла и когда увидѣла свою дочь, плачущую и проливающую слезы, то сказала ей: „Что это съ тобою, дитя мое? Если все это дойдетъ до свѣдѣнія царя, отца твоего, онъ отъ горя съ ума сойдетъ и весьма опечалится. Почему ты плачешь и озабочена? Какъ тебѣ не нравится герой и богатырь, сынъ первѣйшаго царя? Вѣдь таковаго прекраснаго храбреца глазъ человѣческой еще не видываль!“ Досказавъ это слово, встала царица и направилась въ царю.

Въ догонку царицѣ послала Раодень-Кали градоначальника съ приказаніемъ доложить ей, что у Раодень-Кали имѣется собственная крѣпость и множество богатырей и что она за неиспытаннаго плѣнника не выйдетъ замужъ, родители же пусть не требуютъ отъ нея невозможнаго!

Прибыла царица и передала Хусруджану слова дочери. Царь призвалъ Джимпера и далъ ему свой кнутъ, рѣдкій и тяжелый, испытанный во многихъ большихъ сраженіяхъ, далъ еще шашку, кольчугу, копье, булаву и арканъ изъ хребетной кожи Кита и сообщилъ ему также все сказанное царицею.

— „У моей дочери“, говорилъ царь: „имѣются свои богатыри; ты долженъ вступить съ ними въ бой и удовлетворить ихъ; если же безъ боя хочешь жениться, то она отсюда съ тобою не пойдетъ въ твою страну; когда же ты одолѣешь героевъ и побѣдишь ихъ, то возьмешь свою жену туда, куда угодно будетъ тебѣ“.

— „Очень хорошо и встать изволите говорить“, отвѣтилъ царю Джимшеръ: „и я знаю, что къ неиспытанному человѣку женщина не будетъ имѣть довѣрія, да и безъ боя не обойдется! Если даже у нея 1000 богатырей, я не оставлю ни одного, чтобы не вступить съ ними въ бой“.

И слѣдующій день назначенъ былъ для боя.

У Раодень-Кали былъ одинъ дѣвъ, Махмеръ, первый боецъ, который обыкновенно выходилъ на ристалище первымъ, чтобы вступать въ бой.

Какъ только разсвѣло, устроили ристалище, поставили барабанщиковъ и трубачей; взобрались на плоскія крыши самъ царь дѣвовъ Хусруджанъ, царица Кетеванъ, дочь китайскаго царя, множество женъ героевъ и „голіафовъ“, дѣти дѣвовъ и горожане. Шумъ былъ великій. Многіе плакали и молились, ожидая смерть Джимшера. Плакали также и сама царица и горожане.

Выйдя на ристалище, Джимшеръ встрѣтилъ дѣва, пришедшаго сюда заблаговременно. Обступивъ другъ друга и крикнувъ, стали они бросаться другъ на друга. Подбѣжалъ дѣвъ къ Джимшеру и ударилъ копьемъ, но не могъ причинить вреда: не пробилъ даже броню. Джимшеръ же, призвавъ на помощь Бога и надѣясь на происхождение свое отъ Дилара, бросился на дѣва, зацѣпилъ его копьемъ, захватилъ Махмера-дѣви, поднялъ его, величиною съ гору, высоко и крикнулъ царю: „Эй, царь дѣвовъ! суди теперъ самъ, что за герой этотъ твой Махмеръ-дѣви!“ Сказавъ это, ударилъ онъ его объ землю и тотчасъ душа оставила побѣжденнаго. Всѣ были рады благополучному избавленію Джимшера, но царя дѣвовъ и самихъ дѣвовъ опечалила смерть Махмера-дѣви, и царь Хусруджанъ сказалъ: „Я знаю, что Джимшера не слѣдуетъ испытывать: дочь моя его заставитъ перебить всѣхъ моихъ богатырей!“

Восхвалили Джимшера, осыпали его золотомъ и драгоценными камнями.

На другой день привели въ порядокъ ристалище; царь

Хусруджанъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ и посадилъ возлѣ себя многихъ богатырей и героевъ; поднялась на плоскую крышу и царица Кетеванъ и посадила возлѣ себя женъ дэвовъ. Устроили пиръ, пришли и горожане, ударили въ барабанъ и затрубили трубы. Общее веселіе пробѣжало по толпѣ.

И выступилъ богатырь изъ дэвовъ, именемъ Эжванъ-дэви; такъ онъ назывался ²²⁾, но подобенъ былъ вчерашнему дэву по несчастію своему. Съ противоположной стороны вышелъ Джимшеръ. Обѣжали они другъ друга и ударили копьями, потомъ обстрѣливались стрѣлами, затѣмъ взялись за кнуты. Джимшеръ, попятивъ коня назадъ, крикнулъ царю Хусруджану: „Эй, государь! вотъ кнутъ твой и вотъ твой богатырь!“ и ударилъ дэва кнутомъ по головѣ такъ сильно (шумъ отъ удара походилъ на грохотъ небесный!), что придавилъ его къ сѣдлу и, сломавъ спину его коня, сравнилъ ихъ обоихъ съ землею!

Всѣ обрадовались благополучному избавленію Джимшера, а богатыри-дэвы единогласно говорили: „На лицѣ земли нѣтъ подобнаго Джимшеру героя!“ Только царь дэвовъ и сами дэвы очень огорчились и опечалились. Въ ту ночь Джимшеръ отправился въ свой домъ, чтобы отдохнуть.

Царевна призвала Аберъ-дэва, о которомъ говорили, что подобнаго ему не было ни одного дэва, ни Каджмаджи, ни Джинбаджинъ, ни Джушита. Аберъ считался первымъ богатыремъ. Раодень-Кали сказала ему: „Отецъ мой Хусруджанъ меня потому поручилъ тебѣ, что на тебя сильно надѣялся; и я тоже, надѣясь на тебя, поставила себѣ единую крѣпость, а теперь меня хочетъ увезти какой-то плѣнникъ; онъ сотретъ съ лица земли ваше геройство и меня!“

Аберъ-дэви такъ сказалъ свѣтилу-царевнѣ: „Если угодно тебѣ, убью его и голову доставлю тебѣ; если хочешь,

²²⁾ ʒʒʒʒʒʒʒʒʒ (Эжванъ дэви), букв. „гремучій дэвъ“.

поймаю его и живого приведу; если желаешь, схвачу и избыю такъ, чтобы онъ самъ упрашивалъ меня: „Не убивай, прекращаю борьбу“. Раоденъ-Кали сказала ему, „все, что сдѣлаешь—хорошо, если только прибѣгнешь къ одному изъ этихъ трехъ способовъ“.

Къ утру привели въ порядокъ ристалище, заняли свои мѣста царь дѣвовъ Хусруджанъ, многіе герои-дѣвы, царица и домочадцы дѣвовъ и горожане; пришли и барабанщики и трубачи; пронесся гулъ; говорили, что борець, подобный Аберъ-дэву, еще не рождался во всемъ свѣтѣ, гибель же Джимшера заранѣе оплакивалась всѣми.

Когда Аберъ-дэвъ вошелъ на ристалище въ своихъ военныхъ доспѣхахъ, онъ былъ такъ страшенъ, что человѣчскій взоръ не могъ остановиться на немъ: онъ подобенъ былъ черной желѣзной горѣ; глаза его казались окрашенными бальзаминою; въ руцѣ держалъ онъ кнутъ, величиною въ семь маслѣбныхъ жернововъ; на поясѣ у него имѣлись три острия шашки; латы его были большія, величиною въ колокольню; копье его было толще большихъ бревенъ; стрѣлы у него были вложены въ ножны; ревъ его уподоблялся эху высокой горы. Онъ говорилъ Джимшеру: „Ну-ка, несчастный, выходи! я отмщу тебѣ за вчерашнюю кровь дѣвовъ!“

На противоположной сторонѣ былъ Джимшеръ; онъ надѣлъ на себя кольчугу; хусруджановскую броню, которую нельзя было прорвать ничѣмъ, надѣлъ на голову; витовый арканъ царя привѣсилъ къ поясу, его же страшный кнутъ воткнулъ за поясъ; въ руки взялъ булаву, которую, кромѣ царя Хусруджана, никто не могъ поднять, и затѣмъ онъ вышелъ на ристалище.

Противники бросились другъ на друга со страшною стремительностью: столкновеніе ихъ походило на столкновеніе двухъ горъ, а лязгъ ихъ доспѣховъ на небесный грохотъ! Съ одной стороны смотрѣли на нихъ царь, царица и

весь городъ, а съ другой—Раодень-Кали. Страхъ былъ великій и ужасъ страшный: у многихъ героевъ-дэвовъ отъ испуга поблѣднѣли лица, и они находились въ безповойствѣ. Царь Хусруджанъ говорилъ своимъ богатырямъ, что, кромѣ него, никто не одолѣетъ Аберь-дэви. Въ это время Джимшеръ, подскакавъ на конѣ къ Аберу, моментально отрубилъ голову его коню; Аберъ остался безъ лошади, а Джимшеръ попятился назадъ. Аберу подали другого коня, но Джимшеръ и съ него снялъ голову. Враги бились до вечера, съ наступленіемъ же ночи прекратили бой. Состязаніе Джимшера понравилось всѣмъ дэвамъ и высокимъ особамъ, всѣ воздавали ему великія хвалы; дэвъ Аберъ опечалился и, прибывъ въ крѣпость, легъ спать; Джимшеръ же провелъ ночь такъ, какъ ему хотѣлось.

Въ слѣдующій день опять вышли всѣ зрители и заняли свои мѣста; вышли также барабанщики и трубачи. Вступили на ристалище оба противника и, обѣжавъ другъ друга, схватились. Божусъ именемъ Всевышняго Бога и головою вашею, что столкновеніе это не похоже было на предшествовавшее, и никто еще не видывалъ такого боя! Бились до 9-ти часовъ; трубы и барабанный бой оглушали всѣхъ. Джимшеръ поскакалъ на конѣ къ врагу и поднялъ надъ нимъ хусруджановскій кнутъ, желая имъ хлестнуть его по головѣ. Аберъ хотѣлъ защитить голову щитомъ, но онъ разбился подъ ударомъ кнута, который, скользя по бронѣ, разможиль голову аберовскаго коня. Аберъ свалился на землю. Джимшеръ отошелъ назадъ; наступилъ вечеръ; ночь разняла противоборствующихъ.

Аберь-дэвъ вернулся въ крѣпость и сталъ уворять Раодень-Кали, что изъ-за нея онъ не можетъ биться съ сердцемъ. „Завтра же увидите, говорилъ онъ ей: „что сдѣлаю я съ нимъ!“.

Къ утру явились всѣ зрители и расположились по сво-

имъ мѣстамъ; предстали и барабанщики и трубачи.

Какъ только солнце приподнялось на сводѣ неба, съ той стороны выступилъ Аберъ-дэви, а съ этой Джимшеръ. Они объѣхали другъ друга, и Аберъ-дэвъ, выругавъ Джимшера, сказалъ ему: „Ты, приглянувшійся совершеннѣйшему изъ царей, изъ низкаго рода и родившійся подъ злой звѣздой! я щадилъ тебя два дня, теперь же, имѣя разрѣшеніе свыше, я свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и сейчасъ же сравню тебя съ землею!“ Джимшеръ, въ отвѣтъ ему, сказалъ: „Я сынъ возвеличеннаго царя Дилара, а ты плохой, гадкій и порочный дэвъ, и изъ рода ты злого и изъ сѣмени тожъ. Съ Божьей помощью тебя сейчасъ же доведу до раскаянія за глумленіе надъ возвеличеннымъ царемъ, отцомъ моимъ“.

Аберъ-дэвъ, подскочивъ въ противнику, замахнулся кнута, Джимшеръ прикрылъ голову щитомъ, который, подъ ударомъ кнута, полетѣлъ вдребезги, кнутъ же, скользя по брони, попалъ въ голову джимперовскаго коня и размозжилъ ему голову; Джимшеръ остался безъ лошади. Аберъ-дэвъ тоже спрыгнулъ съ своего коня, и столкнулись они гнѣше и стали бить другъ друга такъ, какъ вужнецъ бьетъ молотомъ объ наковальню. Слышенъ былъ шумъ страшнѣе громового удара! Уставъ отъ борьбы кнутами, они воткнули ихъ за поясы и вступили въ рукопашный бой; столкновеніе ихъ подобно было треску громадныхъ скалъ. Хусруджанъ говорилъ своимъ героямъ, что въ рукопашномъ бою Абера никто въ мѣръ не одолѣетъ, ни дэвъ, ни человекъ, ни рожденный, ни должествующій родиться! Если даже онъ ударить по горѣ, то и ее въ одинъ мигъ разрушить!“.

Разгорѣлась борьба отчаянная; бились не на животъ, а на смерть. Рвали другъ у друга знаменитыя кольчуги, какъ какое-нибудь гнилое платье. Бой Джимшера черезчуръ понравился царю и всѣмъ героямъ. Раздавались трубный звукъ и барабанный бой. Дэвы печалились за участь Аберъ-дэва, а

другіе зрители за участь Джимшера. Но вотъ, Джимшеръ, призывавъ на помощь имя Бога Мидостиваго и отца своего Дилара, подбѣжалъ къ Аберъ-дѣву, схватилъ его одною рукою за бедро и другою за шею, приподнялъ вверхъ челоуѣка съ-гору и ударилъ объ землю съ такою силой, что земля (на томъ мѣстѣ) потряслась сильно и многіе слабонервные люди лишились чувствъ. Царь дѣвовъ быстро вскочилъ съ мѣста и потребовалъ коня, чтобы спасти Абера, но Джимшеръ разсѣлъ кольчугу брони его и обоюдоострымъ алмазнымъ кинжаломъ снялъ голову съ Абера. Убитый дѣвъ пустилъ такой потокъ крови, который могъ привести въ движеніе пять мельничныхъ жернововъ! Царя, не подоспѣваго на помощь дѣву, смерть его опечалила, но онъ все жъ поздравилъ Джимшера съ побѣдою; побѣдителя осыпали золотомъ и драгоценными камнями. Джимшеръ въ ту ночь отдохнулъ.

По смерти Аберъ-дѣва ³³⁾ Раоденъ-Кали сказала своимъ дѣвамъ и богатырямъ, что она надѣется на нихъ, что они укрѣпятъ крѣпость и не впустятъ въ нее Джимшера. Они отвѣтили, что, сколько возможно, постараются, но, добавили при этомъ, побороть его не сумѣетъ ни дѣвъ, ни челоуѣвъ, развѣ, какъ довелось имъ слышать, это можетъ сдѣлать только Амиранъ Дареджанидзе, который Хазарана, прославителя дѣвовъ, схватилъ одною рукою и убилъ ³⁴⁾; другой изъ живущихъ на лицѣ земли, кромѣ Амирана, не можетъ противостать Джимшеру.

Какъ только наступило утро, Джимшеръ, вооружившись пѣшеходомъ, приблизился къ крѣпости царевны, накинулъ арванъ на крѣпостную башню, надѣлъ его на ея верхушку, а затѣмъ, прикрывъ свою голову щитомъ, сталъ ловко карабкаться вверхъ; съ высоты осыпали его множествомъ камней, но ни-

³³⁾ Абер, вѣроятно, ветхозавѣтное имя Авеля (по-грузински Аба).

³⁴⁾ Объ этомъ будетъ сказано ниже.

какого вреда не могли ему причинить. Взопедши на вершину крѣпостной стѣны, онъ засталъ тамъ дѣвоу; тотчасъ обнажилъ острую шашку и изрубилъ ихъ. Навстрѣчу ему вышли два дѣва, но кнutomъ онъ ихъ обоихъ сравнилъ съ землею. Пошелъ Джимшеръ къ крѣпостнымъ воротамъ, которыя были изъ крѣпкой стали и желѣза. Ударомъ кнута выбилъ въ нихъ столь большое отверстіе, что четыре конныхъ челоува сразу могли пройти чрезъ него. Кто изъ дѣвоу былъ свидѣтелемъ всего этого, убѣжалъ безъ оглядки. Въ крѣпости была хрустальная башня, и въ этой башнѣ находилась Раодень-Кали съ сорока рабынями, имѣющими лунообразныя лица. Когда Джимшеръ толкнулъ рукою въ двери, онѣ открылись; тутъ его встрѣтила дѣвица, которая блистала болѣе чѣмъ солнце. Онъ присѣлъ къ ней, поцѣловалъ ее въ красивое лицо и сказалъ: „Клянусь Всевышнимъ Богомъ, къ красотѣ твоей пристойно относиться съ большимъ благоговѣніемъ!“

Царь прислалъ въ крѣпость царицу и вельможъ-дѣвоу; послѣдніе повели въ царскій дворецъ Джимшера, а царица — Раодень-Кали, и въ тотъ же день сыграли свадьбу; клянусь главою вашею, ни одна невѣста и ни одинъ женихъ не превосходили новобрачную чету. Въ числѣ званыхъ была вся знать. Веселье, пѣнье, пиръ, отдыхъ, раздача наградъ и радость продолжались 40 дней и болѣе.

Въ такомъ веселіи прошло 6 мѣсяцевъ. Въ одинъ день Джимшеръ сидѣлъ на пиршествѣ печальнымъ. Царь спросилъ его, почему онъ таеъ печаленъ. Джимшеръ отвѣтилъ: „Великій государь, я уже шесть мѣсяцевъ нахожусь на пиру и веселіи, не зная ничего о моихъ рабахъ“.

— „Ты бы раньше сказалъ объ этомъ мнѣ“, добавилъ Хусруджанъ: „я бы доставилъ тебѣ извѣстіе объ нихъ“. Царь приказалъ привести одного генія, который одѣтъ былъ въ черную короткую бурку. Хусруджанъ повелѣлъ ему: „Ты сегодня же долженъ явиться въ городъ Джимшера?“.

— „Завтра здѣсь же доложу вамъ вѣсть о городѣ Джимшера“, отвѣтилъ царю геній.

Джимшеръ принесъ чернильницу, бумагу и написалъ Мерабу и Кулу письмо слѣдующаго содержанія: „Мерабу и Кулу со знатью, равнымъ отцу моему, почтительно-теплый привѣтъ и ласка съ любовью! Знаю, желаете получить извѣстіе обо мнѣ. Люди, явившіеся къ намъ и напоившіе насъ виномъ, околдовали меня спящаго и, связавъ мнѣ руки, доставили къ царю дэвовъ Хусруджану; онъ же меня поручилъ крѣпостному гарнизону. Имѣя на свободѣ руку, я сразился бы съ ними на животъ или смерть; но я былъ закованъ въ тяжелые оковы и въ такомъ положеніи находился семь лѣтъ. Затѣмъ со мною повидался разносчикъ, который сообщилъ царицѣ Кетеванъ о нахожденіи моемъ, царевича, въ плѣну, и она, будучи дочерью великаго царя, сжалилась надо мною; по ходатайству ея предъ царемъ, освободили меня и обѣщались выдать за меня свою дочь, но она не пожелала быть моею супругой, говоря, что за неиспытаннаго человѣка не выйдетъ замужъ. Царь Хусруджанъ подарилъ мнѣ всѣ свои военные доспѣхи. Во время перваго боя я убилъ копьемъ Махмеръ-дэва, на другой день свернулъ кнутомъ воиннаго Эжванъ-дэва на самомъ же сѣдлѣ. На третій день поборолся со мной Аберъ-дэвъ, который былъ громаднѣе горы. Три дня я бился съ нимъ, все оружіе изломалъ и, только въ рукопашной схваткѣ поваливши его, снялъ съ него голову; затѣмъ взялъ я крѣпость дэвовъ, отсюда вывелъ Раоденъ-Бали съ лунообразнымъ лицомъ и женился на ней. Уже шестой мѣсяцъ, какъ я пирую и веселюсь. Столько времени прошло, а о васъ ничего не знаю! Прочитавъ это мое письмо, приведите въ исполненіе мою волю: запаситесь палатками, коврами, воями, оружіемъ, соколами, ястребами, всѣми охотничьими принадлежностями, мѣдной посудой, барабанами и трубами и отправьтесь сюда, какъ подобаешь свитѣ

царя; царь же великъ и слѣдуетъ къ нему прійти торжественно; возьмите съ собою и все войско“.

Письмо это вручили генію, который полетѣлъ стрѣлою и двухмѣсячное разстояніе прошелъ въ тотъ же день; геній, прибывъ въ городъ Джимшера, увидѣлъ, что и во дворцѣ и въ крѣпости всѣ въ траурѣ, всѣ страшно опечалены; подойдя къ одному человѣку, онъ попросилъ его показать ему Мераба и Кула. Тотъ человѣкъ умолялъ генія сказать ему, что онъ знаетъ, но получилъ отказъ. Мерабъ и Кулъ оба были въ рубищахъ и сидѣли въ траурной комнатѣ. Геній пришелъ съ письмомъ; зашли къ Мерабу и Кулу и доложили о прибытіи араба и о томъ, что онъ принесъ имъ письмо. Они подумали, что, вѣроятно, враги сдѣлали какую-нибудь пакость. Выслали къ нему одного человѣка и спросили, въ чемъ дѣло. Арабъ сказалъ такъ: „Имѣю письмо отъ вашего царя Джимшера и несу весьма радостное извѣстіе: введите меня самого къ нимъ!“ Мерабъ и Кулъ, услышавъ слова араба, выбѣжали къ нему, стали обвиваться вокругъ его колѣнъ и проливать кровавыя слезы. Затѣмъ достали письмо, прочитали его и много плакали. Но потомъ развеселились и обрадовались; великіе и малые, собравшись вмѣстѣ, предалися веселію; траурныя платья разодрали на себѣ и одѣлись въ багряницы; начали приводить въ исполненіе повелѣніе Джимшера, которому написали такъ: „Прахъ царствованія вашего—Мерабъ и Кулъ! Изволили прислать намъ доброе извѣстіе, которое насъ, мертвецовъ, оживило; вы были закованы въ кандалы, а мы, страшно опечаленные, сидѣли въ ямахъ, а теперь, благодареніе Богу, мы тоже скоро прибудемъ къ вамъ“. Письмо отдали тому же генію, и онъ на слѣдующій день доставилъ его къ Джимшеру ²⁵⁾, который очень обрадовался, узнавъ о благополучномъ состояніи своихъ подданныхъ.

²⁵⁾ Замѣчательно, что подобныя же геніи являются и въ „Барсовой кожѣ“ Шоты Руставели. Такъ, другъ героя Таріеля Автандилъ че-

Повелѣніе Джимпера привели они въ исполненіе и съ 60,000 воинами отправились, пославъ впередъ гонца. Какъ только стали они приближаться, и оставалось еще трехдневное разстояніе до столицы дэвовъ, въ нимъ навстрѣчу вышелъ Джимперъ. Мерабъ и Кулъ, увидѣвъ его, спрыгнули съ коней, пали ницъ на землю, потомъ встали и пошли привѣтствовать Джимпера, а этотъ, увидѣвъ, что Мерабъ и Кулъ идутъ къ нему пѣшіе, тоже слѣзъ съ коня и привѣтствовалъ ихъ какъ родныхъ; они пали предъ Джимперомъ и стали обвиваться вокругъ ногъ его, а онъ цѣловалъ ихъ въ губы и здоровался ласково. Затѣмъ начали привѣтствовать другъ друга знать дэвовъ и прибывшее воинство. Въ это время пріѣхалъ и царь дэвовъ Хусруджанъ, котораго встрѣтили Мерабъ и Кулъ съ поклономъ и привѣтствіемъ.

По прибытіи въ столицу, царь Хусруджанъ оказалъ большія почести Мерабу и Кулу; онъ устроилъ пиръ и выше всѣхъ дэвскихъ героев посадилъ Мераба, которому далъ мѣсто возлѣ себя; на противоположной сторонѣ стола, возлѣ Джимпера, занялъ мѣсто Кулъ Чрдилели; вошли также высокопоставленныя лица и заняли мѣста за столомъ — 2,000 человекъ по одну сторону и 2,000 по другую; явились и другіе князья началось веселіе и разгорѣлся такой пиръ, каковаго еще не бывало никогда. Пиръ длился три дня. На второй день послѣ, пира Джимперъ чрезъ Мераба и Кула доложилъ царю: „Великій государь, унижьте себя и удостойте палатку вашего раба своимъ посѣщеніемъ!“ Самъ же Джимперъ лично пригласилъ царицу Кетеванъ и всю знать. Разуукрасили площадь и поставили палатки; все устроено было такъ красиво, что красоту убранства трудно выразить языкомъ. Во главѣ стола на царскомъ тронѣ сѣлъ царь дэвовъ; тутъ же были царица резъ чернаго генія посылаетъ письмо Нестану-Дареджанъ, заключенной въ Каджетскую крѣпость, и чрезъ него же получаетъ отъ нея отвѣтное письмо.

Кетеванъ съ лунообразною дочерью и со всею знатью. Пиръ былъ таковой, какого человѣческой глазъ еще не видывалъ! Пѣли поэты и акробаты и восхваляли Джимшера, который подарилъ царю и царицѣ 200 коней съ золотой сбруей, по 1,000 штукъ златотканной парчи, несчетное число кусковъ китайской парчи, двѣ короны, стоимость которыхъ определить невозможно, и которыя по ночамъ испускали дневной свѣтъ! Затѣмъ онъ раздарилъ дѣвскимъ героямъ, вельможамъ и дочерямъ столько, что стоимости всего этого высчитать нельзя! Разошлись всѣ съ благодарностью.

Пировали также и въ царскомъ розовомъ саду, гдѣ Джимшеръ распростился съ царемъ. Дѣвскій царь подарилъ Джимшеру тканной и нетканной парчи и драгоценныхъ камней 500 верблюжьихъ выювовъ, также 1,000 муловъ, 300 кабановъ съ золотой сбруей и 500 платьевъ Мерабу и Кулу. Царица, простившись съ дочерью своею со слезами на глазахъ, поручила ее Джимшеру и благословила ихъ обоихъ; царь же сопровождалъ ихъ на разстояніи трехдневнаго пути и затѣмъ тоже попрощался. Мы направились къ городу Джимшера, убивая по дорогѣ звѣрей. Какъ только мы приблизились къ городу, всѣ вышли намъ навстрѣчу съ великою радостью; они цѣловали ноги Джимшера, обнимали его, сыпали на него „драму“ и „драхму“. По всему царству пронеслась такая радость, которую человѣческой языкъ не выразить! Свадебное пиршество и веселіе съ раздачей подарковъ продолжались цѣлый мѣсяцъ. Дѣвскія высокопоставленныя лица, которыя сопровождали насъ, получивъ много подарковъ, вернулись обратно съ благодарностью. Радость и веселіе все еще продолжались.

И родился у Джимшера сынъ, плодъ прекрасный. Когда ему исполнился годъ, красота его тогда же привела всѣхъ въ восхищеніе: онъ не похожъ былъ ни на отца, ни на кого другого; такого удивительнаго созданія человѣческой глазъ еще не ли-

цезрѣль! Но Джимшеръ заболѣлъ и умеръ. Плачь, рыданіе и горе были такъ велики, что человѣкъ могъ бы сойти съ ума! Оплакивала его царица Раодень-Кали, Мерабъ и Кулъ рвали на себѣ волосы, бороду, платье. Оплакиваніе длилось цѣлый годъ.

Прекрасный плодъ остался на воспитаніи Мераба и Кула, и назвали его Джимшеромъ (именемъ отца), но потомъ величали его также Армокла-Чабукъ.

Здѣсь конецъ повѣсти о Джимшерѣ, сынѣ Дилара. Да продлитъ Богъ бытіе царствованія вашего многія времена! Аминь.

III. Повѣсть о Джимшерѣ II (Армокла-Чабукѣ), сынѣ Джимшера I.

Слушай, царь царей, и живи вовѣки! Да прославитъ Богъ любящихъ васъ и посрамитъ не преданныхъ вамъ!

Когда этотъ Джимшеръ (II-ой) сталъ семи лѣтъ, онъ полюбилъ охоту. Этотъ юный ребенокъ, гдѣ ни встрѣчалъ льва или дикую козу, убивалъ ихъ словно кошечку. И былъ онъ такимъ прекраснымъ и пригожимъ, что никто и слышать не слыхалъ о подобномъ сынѣ!

Какъ только немножко подросъ онъ и сталъ 15 лѣтъ, то призвалъ Мераба, Кула и высокопоставленныхъ первѣйшихъ особъ и сказалъ имъ: „Желаю увидѣть чужія страны и нѣкоторое время путешествовать по горамъ и доламъ, испытать себя, найти себѣ прекраснѣйшую невѣсту, воевать и биться съ героями и богатырями; вы же сберегите мнѣ престолъ мой до моего возвращенія!“

Мерабъ, Кулъ и вельможи осмѣлились доложить: „Мы, представители трехъ царствъ, увѣрены въ вашей храбрости!“

— „Вы увѣрены“, замѣтилъ Джимшеръ: „но и я долженъ убѣдиться въ этомъ. Мерабъ, развѣ ты позабылъ о дѣлахъ своей

юности! Въ сколькихъ участвовалъ ты сраженіяхъ, а также и Куль! Не откажусь отъ своего намѣренія, влянусь Все-вышнимъ Богомъ, да и вы не уговаривайте меня остаться, а то мнѣ будетъ весьма обидно!“ Испугались всѣ, и ни они ни мать не осмѣлились прекословить больше.

Джимшеръ забралъ все оружіе отца (и то, которое было подарено ему царемъ Хусруджаномъ) и взялъ съ собою одного раба, хорошаго молодца Бебура Мурадидзе, одного скорохода, опоясаннаго золотымъ поясомъ, съ погремущками и драгоценными камнями, и одѣтаго въ платье съ золотыми украшениями (этотъ скороходъ былъ быстрѣе птицы); оставивъ мать свою и вельможъ въ слезахъ, онъ отправился въ царство Драмы.

По дорогѣ онъ подошелъ къ снѣжной горѣ и съ удивленіемъ сказалъ: „Время-то теперь лѣтнее, а этотъ холодъ отчего могъ бы быть!“ И сталъ онъ подыматься на ту гору, и когда достигъ до ея вершины, то подуло такимъ морозомъ, какого человѣческимъ языкомъ не выразишь. Испугался Бебуръ вмѣстѣ съ бывшими съ нимъ людьми и сказалъ Джимшеру, что ни они ни лошади ихъ не въ состояніи итти дальше. Джимшеръ, спрыгнувъ съ коня и привязавъ лошадей своихъ спутниковъ къ своему коню, повелъ его и ихъ вверхъ; затѣмъ онъ прибылъ въ мѣсто, поросшее тростникомъ и камышомъ, гдѣ было большое озеро; тутъ находился драконъ—хозяинъ этого озера. Оказалось, что и снѣгъ пошелъ по его волшебству. Драконъ, увидѣвъ людей, скорчился и напалъ на нихъ. Бросился на него и Джимшеръ; доставъ стрѣлу, пустилъ онъ ее въ него и угодилъ въ голову; отъ удара стрѣлы повисли губы у дракона, и онъ самъ припалъ къ землѣ. Больно стало дракону, и онъ бросился на Джимшера, но пашка послѣдняго разсѣкла его пополамъ. Драконъ испустилъ такой потокъ крови, въ которомъ могъ бы плавать человѣкъ! Снѣгъ и страшный морозъ тотчасъ же исчезли, и стало тепло.

Мы пошли дальше и ходили три дня; затѣмъ мы поднялись на неизмѣримо высокую гору и съ вершины ея увидѣли, что поле на семь дней ходьбы все покрыто палатками и полно войскомъ. Джимшеръ присѣлъ закусывать, а скороходу приказалъ пойти и узнать, что это за войско.

Скороходъ пошелъ такъ быстро, что арабская лошадь не могла бы его догнать. Когда онъ пришелъ, то начальствующіе люди, увидѣвши его, вышли ему навстрѣчу, поздоровались съ нимъ и, замѣтя на немъ удивительное платье, съ золотыми украшениями, догадались, что онъ посоль или великаго царя или хорошаго героя.

— „Кто ты и за какимъ дѣломъ явился?“ спросили скорохода.

— „Если не онъ самъ, то никто другой не осмѣлится рассказать вамъ о дѣлѣ господина моего“, отвѣчалъ скороходъ: „я желаю отъ васъ получить свѣдѣніе о васъ самихъ, чтобы сообщить объ этомъ господину моему“.

— „О насъ что можемъ сказать тебѣ! Сколько бы насъ теперь ни было здѣсь, но семь разъ больше этого было насъ, когда одинъ звѣрь произвелъ среди насъ страшное опустошеніе. Кто спасся, всѣ встали и прибыли сюда. Вокругъ той страны подверглось разоренію все 12-дневное пространство. Мы люди турецкой страны³⁶⁾ и молимъ Бога, чтобы явился царь или

³⁶⁾ თურქთა ქვეყანისაჲნი. Въ Грузіи турки стали называться „осмало“ только по появленіи Османа, занявшаго престолъ Кіасъ-ед-дина въ 1303 году и † 1325—1327 (Hist. de la Géorg., I p., II liv. p. 676, п. 1; Джанашвили „Парсаданъ Горгиджанидзе и его труды“, стр. 73). До того-же они назывались თურქი—„турки“. Эти „турки“ впервые появились въ Малой Азіи въ началѣ XI вѣка. Тогриль-бекъ, внукъ Сельджука, перваго предводителя турокъ, уже считался султаномъ Хорасана и Адарбадагана и къ своимъ владѣніямъ онъ въ скоромъ времени присоединилъ также Вирманъ, Мисл, Гавази (ჭავჭავაძე), Арменію и Малую Азію (სამცხე-ჯავახი) („Висраміани“, стр. 1—3; Исторія Грузіи Вахушта, стр. 151—160).

какой-либо герой и убил того звѣря, или же насъ самихъ переселилъ куда-либо съ этого необозримаго поля“.

Съ этими свѣдѣніями свороходъ пришелъ въ господину своему и передалъ ему все, что узналъ. За нимъ пріѣхали также 40 конныхъ, чтобы повидаться съ Джимперомъ. Пріѣхавшихъ Джимперъ разсадилъ и спросилъ: „Кто вы такіе и по какой причинѣ переселились сюда? Я желаю, чтобы вы все подробно рассказали мнѣ“. Они отвѣтили: „Мы осмѣлимся подробно доложить вашему величеству, но такъ какъ вы изволили прибыть сюда, то пожалуйста къ намъ, и тамъ въ средѣ народа и домочадцевъ доложить вамъ обо всемъ“.

Тотчасъ же мы отправились. Прибывшіе въ намъ люди выслали впередъ четырехъ конныхъ съ порученіемъ приготовиться принять насъ. Раньше чѣмъ мы могли пріѣхать, они приготовили все и поставили царскій тронъ. Вышли намъ навстрѣчу 200 человекъ съ золотыми посохами. Они пали на землю и, поклонившись Джимперу, повели его и посадили на тронъ. Накрыли столъ и принесли яствъ въ изобиліи. Кто былъ достоинъ, всѣ сѣли съ нимъ за столъ и стали веселиться, сколько хотѣли. Затѣмъ Джимперъ предложилъ имъ: „Ну-ка, теперь расскажите мнѣ о томъ звѣрѣ“. Всталъ одинъ изъ вельможъ, по имени Омаръ, и доложилъ такъ: „Живи, царь, вовѣки! Видѣвшаго того звѣря уже нѣтъ никого. Одинъ какой-то человекъ, собравъ большое войско, напалъ на того звѣря, но онъ сожралъ всѣхъ, кромѣ одного воина, который спрятался въ трещинѣ земли и оттуда смотрѣлъ на происходящее вокругъ него. Отъ него мы слышали, что тотъ звѣрь величиною долженъ быть съ трехъ слоновъ; онъ имѣетъ двѣ головы, которыя пышатъ пламенемъ; своимъ огнемъ этотъ звѣрь сожжетъ и гору, если направить его на нее; одинъ рогъ у него длиною въ 10 локтей, которымъ подымаетъ все, за что ни возьмется. Когти у него лютые, длиною въ три локтя. Глаза его налиты кровью; зубы такъ

остры, что если положить желѣзо, то и его онъ легко разжуетъ; онъ испускаетъ такой вонючій запахъ, что вонный, находясь отъ него на разстояніи одного перехода, падаетъ съ лошади. Куда онъ ступитъ ногою, тамъ образуется яма, глубиною въ одинъ локоть“.

Джимперъ вставилъ слово: „Ни одно изъ этихъ качествъ не можетъ принадлежать звѣрю! Все это я считаю небылицей“.

Съ наступленіемъ утра Джимперъ привазалъ, чтобы послѣдовали за нимъ лучшіе наѣздники. Выступили 500 человѣкъ на такихъ жеребцахъ, которыхъ не могла бы догнать даже птица.

До страны изгнаннаго народа мы ѣхали 15 дней. Когда же мы пріѣхали, то увидѣли, что страна эта подобна раю: тутъ протекають рѣки; покрыта она простыми и плодовыми деревьями и травою; имѣлись также прекрасные города и селенія, которыя опустошены были сказаннымъ выше звѣремъ. Туземцы принесли намъ мѣстное вино, и оно оказалось такимъ, что лучшаго желать нельзя было. Мы увидѣли издали логовище того звѣря, и оно было пространствомъ въ три гумна; вокругъ стоялъ такой вонючій запахъ, что отъ него чelовѣкъ могъ бы лишиться чувствъ. Джимперъ сказалъ: „Свидѣтельствую, что вонючій запахъ исходитъ отъ того звѣря, но все остальное, приписываемое вами ему, считаю баснею“.

Туркестанскіе вельможи, бывшіе съ Джимперомъ, доложили ему: „Живи, царь, вовѣки! Эта большая красивѣйшая страна дѣйствительно разорена тѣмъ звѣремъ“.

Пошли мы дальше и по близости логовища увидѣли большія башни, которыя звѣремъ скрыты были до основанія; встрѣтили слѣды самого звѣря, которые были глубиною въ одинъ локоть. Взойдя на высокій холмъ, Джимперъ спросилъ о мѣстопребываніи звѣря. Сказали ему, что до того мѣста остается только пять „парсанговъ“³⁷⁾ пути; и они именемъ Все-

³⁷⁾ Парсанги (ᠫᠠᠷᠰᠠᠩᠭᠣ) = 7 верстъ.

вышняго Бога упрасивали его не брать ихъ туда, гдѣ находился тотъ звѣрь.

Джимшеръ сказалъ имъ: „Вы только покажите мнѣ его, а туда я не возьму васъ“.

Они такъ и сдѣлали. Въ путеводители дали одного человѣка, посадивъ его на такого жеребца, котораго птица не могла бы догнать. Пошелъ впередъ этотъ человѣкъ, а за нимъ Джимшеръ съ однимъ изъ своихъ людей, а всѣхъ прочихъ оставилъ тутъ же.

Прошедши одинъ „парсангъ“ пути, Джимшеръ спросилъ вожатаго, гдѣ звѣрь! Тотъ доложилъ: „Логовище его вотъ здѣсь, но куда онъ самъ дѣлся, не знаю!“ Только что кончилъ онъ свой докладъ, какъ Джимшеръ, замѣтивъ звѣря, прищипорилъ своего коня; скоро онъ увидѣлъ, какъ поднялся проснувшійся звѣрь, высунулъ языкъ, длиною въ чинаревое дерево и сталъ корчиться. Онъ былъ необыкновенно страшень. Увидя человѣка, онъ не обратилъ на него вниманія, но герой поскакалъ къ нему; тогда звѣрь испустилъ такой вонючій запахъ, отъ котораго чуть было Джимшеръ не свалился съ лошади. Джимшеръ, прыгнувъ съ коня, палъ на землю и, молясь Богу, просилъ Его дать ему быстроту Амираана Дареджанисдзе и храбрость сорокалѣтняго, но находящагося въ бѣдѣ, человѣка. Подулъ вѣтеръ и вонючій запахъ направилъ къ самому звѣрю, а самъ Джимшеръ, извлеки палку изъ связки, висѣвшей у сѣдла лошади и, замахнувшись ею, угодилъ звѣрю прямо въ глазъ и на два локтя всадилъ въ мозгъ его. Звѣрь, ударомъ лапы, отломалъ наружную часть палки, острие же ея съ желѣзнымъ наконечникомъ осталась тамъ же въ мозгу; притомъ, онъ заревѣлъ такъ сильно и выбросилъ изо рта такой страшный огонь, что если бы онъ попалъ въ Джимшера, то тотчасъ же бы сжегъ его; но огонь, пролетѣвъ надъ головою его, спалилъ поле на пространство двухъ верстъ. Какъ только разсѣялся дымъ,

Джимшеръ пустиль стрѣлу, но она, не причинивъ звѣрю никакого вреда, упала на землю, словно ударившись объ стѣну, скрѣпленную известью. Пустиль онъ стрѣлу второй разъ, но опять повторилось то же самое, и такъ изломаль онъ на немъ много стрѣлъ. Потомъ онъ, бросивъ лукъ, досталь вторую джигитовочную палку и швырнулъ ее въ звѣря, но и она упала на землю. Звѣрь, схвативъ лапою упавшую палку, швырнулъ ее и попалъ въ лошадь, смялъ ей бока и пробилъ насквозь. Она свалилась. Тяжело вооруженный герой былъ ошеломленъ чрезвычайною вонью; въ такомъ состояніи онъ находился до тѣхъ поръ, пока не протеръ себѣ глаза; очнувшись, онъ приподнялся и увидѣлъ, что у звѣря и второй глазъ наполнился кровью, и онъ ревѣлъ неистово. Тогда герой подбѣжалъ къ нему, обнажилъ шашку и вонзилъ ее подъ мышкою звѣря до самой рукоятки; звѣрь махнулъ лапою, но Джимшеръ, оставивъ шашку, отскочилъ назадъ; тогда звѣрь досталь изъ раны шашку, положилъ ее въ ротъ, разжевалъ подобно жвачкѣ и выплеваль. Герой, взявъ хусруджановскій кнутъ, подскочилъ къ звѣрю и нанесъ ему семь ударовъ, но не сдвинулъ съ мѣста; онъ нанесъ и восьмой ударъ, и на этотъ разъ звѣрь свалился, потрясъ землю и испустиль такой потокъ крови, который могъ бы привести въ движеніе пять мельничныхъ жернововъ. Джимшеръ, оставивъ тутъ же кнутъ и цѣпы, пошелъ назадъ, но пройдя одинъ „парсангъ“ пути, усталъ и присѣлъ; оставалось пройти еще версты три, но его рабъ Бебуръ Мурадидзе и скороходъ успѣли пройти это трехверстное расстояние и прибыть къ Джимшеру. Они слѣзли съ коней, поцѣловали Джимшера въ колѣно и подали ему воды, фруктовъ и вина. Джимшеръ умылся и, подрѣпивъ себя, спросилъ прибывшихъ: „Куда дѣлись остальные люди?“

— „Какъ только вашъ проводникъ вернулся“, доложили они: „и принесъ свѣдѣніе о звѣрѣ (клянемся вашею головою), сейчасъ же они разбѣжались и слѣдовъ ихъ не могли мы найти“.

— „Ступай, Бебурь!“ приказалъ Джимшеръ: „и тѣхъ людей приведи сюда!“ Бебурь отправился и, собравъ разбѣжавшихся людей, привелъ ихъ къ герою. Они стали обвиняться у ногъ его и осмѣлились доложить: „Великій государь! убивъ страшнаго звѣря, вы совершили такой подвигъ, который нигдѣмъ изъ людей, кромѣ Амираана, не могъ бы быть совершенъ. Рогъ того звѣря полезенъ, чешуя его цвѣта тигровой шкуры и пригодна: слѣпому даетъ зрѣнiе; сало тоже имѣетъ лѣчебное свойство“.

Джимшеръ сказалъ имъ: „Ступайте вы всѣ туда, гдѣ валяется звѣрь; въ немъ остался стальной наконечникъ моей джигитовочной палки; не сломайте его, а доставьте его мнѣ, а тамъ, чтѣ хотите, то и дѣлайте со звѣремъ“:

Отправились всѣ 500 человѣкъ и остались тамъ два дня. Такъ какъ они опоздали, то Джимшеръ приказалъ скороходу поѣхать и узнать, куда дѣлись они. Со стремительностью вѣтра пустился въ путь скороходъ и, моментально вернувшись, доложилъ Джимшеру: „Государь! ваши войска, изволите ли знать, возьматся со звѣремъ, словно съ живымъ существомъ. Клянусь вашей головой, пока они и на волосокъ не сдвинули его съ мѣста и даже не успѣли пошевелиться; они не сумѣли его перевернуть и содрать съ него кожу“.

Отправился самъ герой и нѣкоторое время сталъ смотреть на ихъ работу; потомъ онъ взялъ кнутъ, однимъ ударомъ отбилъ рогъ и, разбивъ черепную кость, досталъ изъ головы свой стальной наконечникъ; затѣмъ винжаломъ разодралъ бокъ звѣря и въ трехъ мѣстахъ разорвалъ животъ его; тогда онъ, напустивъ на него 500 человѣкъ, самъ пошелъ отдохнуть. Приставленные къ звѣрю люди остались тамъ до вечера и, снявъ съ него кожу и извлеки сало и желчь, пришли къ Джимшеру.

Ночь эту мы провели тутъ же возлѣ города, въ палаткахъ. Къ ужину подали вино и яства. Поэты говорили хва-

лебныя пѣсни Джимшеру за избавленіе страны отъ звѣря. Воины послали къ своимъ домочадцамъ вѣстниковъ, а сами радовались и веселились.

Къ утру прибыли изъ страны воиновъ всѣ высокопоставленные люди и представители города и доложили Джимшеру: „Живи, царь вовеки! Невозможное вы сдѣлали возможнымъ! Докладываемъ вашему величеству, мы искуплены десницею твоею и исполнимъ все, что ни прикажете: если прикажете намъ слѣдовать за вами, мы пойдёмъ, а если прикажете остаться здѣсь же, то мы безпрекословно исполнимъ вашу волю, такъ какъ желаемъ быть твоими вѣрными рабами“.

— „Ничто мною не совершено“, отвѣтили имъ Джимшеръ: „а помиловалъ васъ Богъ. Вашъ губитель уже погибъ. Этотъ край лучше того, гдѣ вы приютились. Переселитесь сюда же и отсюда прислуживайте мнѣ“.

Услышавъ повелѣніе царя, они пали ницъ и поклонились ему. Объ этомъ они чрезъ нарочнаго дали знать и своимъ домочадцамъ. Это извѣстіе ихъ обрадовало больше, чѣмъ вѣсть о гибели звѣря. Переселились всѣ сюда и устроились.

Джимшеръ установилъ порядокъ въ странѣ сей и, взявъ 200 избранныхъ мужей, вернулся, написавъ предварительно письмо своей матери, Мерабу и Кулу и сообщивъ имъ о своемъ здравіи, завоеваніи цѣлой страны и о причинѣ своего опозданія. И они были обрадованы этимъ письмомъ и съ своей стороны тоже написали отвѣтныя письма и прислали ихъ Джимшеру вмѣстѣ съ письмомъ Мзе-Чабука, приславшаго его къ нимъ съ выраженіемъ удивленія по случаю подвиговъ Джимшера.

Мзечабукъ писалъ: „Новому богатырю, несравненному рыцарю, братъ его Мзечабукъ издали пишетъ и съ любовью кланяется! Слышу о васъ хорошее и весьма радуюсь. Дядя вашъ Хосро, съ которымъ вы не могли вступить въ соглашеніе, умеръ, и теперь всей Хазаріей и многими другими стра-

нами управляю я, такъ какъ ты находишься на чужбинѣ. Приѣзжай и властвуй надъ своей страной! Лучше, когда мы оба будемъ пребывать въ любви“.

Полученіе такого письма отъ Мзечабука и удивило Джимшера и обрадовало, такъ какъ оно написано было отъ души и заключало въ себѣ приглашеніе взять въ свои руки власть надъ страной и повидаться съ любимой сестрой.

Царица Раодень-Кали, получивъ письмо отъ Мзечабука, отправила назадъ посланца, доставившаго это письмо, и сообщила царю о нахожденіи сына Джимшера въ чужой странѣ; въ отвѣтномъ письмѣ она писала такъ: „Джимшеръ и самъ хочетъ видѣть васъ, и если вернется благополучно, то повидается съ вами“.

Отправившись дальше, подошли они къ высокой горѣ и съ вершины ея увидѣли большую рѣку, на берегахъ которой стояли два войска: одно на правомъ берегу, а другое на лѣвомъ. Приблизившись къ войску по сю сторону рѣки, мы замѣтили, что оно было ограблено до-чиста. Оказалось, что это были караванщики. Стали привѣтствовать Джимшера, обвиваться у ногъ его лошади, цѣловать его, плакать и отъ плача съ трудомъ выговаривать слова. Такъ они довлдаывали: „Именитый, несравненный царь и по дѣяніямъ своимъ рыцарь! избавь насъ отъ кровопійць арабовъ. Сейчасъ же расскажемъ вамъ, что постигло насъ черезъ нихъ. Мы караванщики великаго царя и вседержца Сѣвера, семь лѣтъ уже какъ по торговымъ дѣламъ находимся въ Индіи; ѣхали мы домой, обогащенные великими сокровищами. Арабы, находящіеся на томъ берегу, узнавъ объ этомъ, пришли и неожиданно напали на насъ; мы со всей своей силой бились съ ними четыре дня и четыре ночи, поразили много людей, но напоследокъ они насъ одолѣли и ограбили; кто изъ насъ спасся, оказался ограбленнымъ и босымъ; мы не сумѣемъ болѣе пройти и одного дня пути; сколько насъ теперь, въ четверо больше они

истребили, сокровищъ же отняли столько, что вотъ уже шесть дней какъ они дѣлятъ ихъ между собою, но все жъ остается дѣлить еще двѣ части; и мы остаемся здѣсь, призывая смерть“.

Выслушавъ эти слова, Джимшеръ слѣзъ съ лошади и одному изъ своихъ людей, турку, приказалъ итти къ вожаку арабовъ и рассказать ему отъ имени его о дѣяніяхъ его, о встрѣчѣ съ ограбленными караванщиками, принесшими ему жалобу на грабителей, о просьбѣ его, внука великаго государя, сдѣлать ему честь и вернуть караванщикамъ все отнятое у нихъ добро и его самого отпустить домой съ почетомъ.

Посланецъ, прибывъ къ арабамъ, сосчиталъ 12,000 другъ возгъ друга разставленныхъ палатокъ, гдѣ сидѣло 80 избранныхъ человекъ въ кольчугахъ; въ головахъ ихъ стояли люди съ золотыми жезлами; трое изъ атамановъ сидѣло въ большой палаткѣ; одинъ изъ нихъ былъ среднихъ лѣтъ, другой съ бороною, а третій безъ бороды; не могло быть мужчинъ красивѣе ихъ; одѣты они были въ кольчуги, съ латами на ногахъ; и люди ихъ и лошади были тоже въ кольчугахъ; съ правой и лѣвой сторонъ ихъ сидѣли по 10 богатырей. Привели къ этому атаману джимшеровскаго посланца и заставили воздать имъ поклонъ. Когда посланецъ передалъ имъ слова господина своего, они, разсмѣявшись, сказали: „Мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ ни о Диларѣ, ни о Хазаріи, ни о Джимшерѣ, между тѣмъ какъ именемъ нашимъ покрытъ весь міръ; страхась насъ, трепещетъ вселенная; если Джимшеръ такой хорошій человекъ, какъ ты связываешь, онъ долженъ былъ самъ явиться къ вратамъ нашимъ, и мы воздали бы ему соответствующій его достоинству почетъ, слѣдуемое ему предложили бы ему, а онъ могъ или взять себѣ или подарить караванщикамъ; а такъ какъ онъ объявился именемъ отца своего и дѣда и, возвышая себя, тре-

буеть вернуть все отнятое и говорить съ нами непристойно, то сомнѣваемся, чтобы онъ, увидя насъ, не раскаялся и не испилъ чашу караванщиковъ“.

Посланецъ вернулся и передалъ Джимшеру слова арабовъ. Джимшеръ былъ вооруженъ; онъ взялъ копье, надѣлъ броню, вскочилъ на лошадь и приказалъ одному человѣку идти къ арабскому атаману и именемъ его сказать ему, чтобы они, приславшіе непристойный отвѣтъ, вооружились, всѣ сѣли на коней и ожидали, что будетъ съ ними. Но посланный человѣкъ доложилъ Джимшеру: „Воевать съ ними мы не въ силахъ; ихъ 12,000 человѣкъ, и всѣ они одѣты въ желѣзо; они столь храбры, что можно подумать, что изо рта ихъ извергается огонь, а ихъ три атамана такіе люди, лучше которыхъ еще я не видывалъ!“

Джимшеръ ему замѣтилъ: „Ты перепугался и похожъ на труса!“.

Когда посланецъ явился и сообщилъ арабамъ слова Джимшера, они не удивились, но сказали такъ: „Это какой-то глупецъ!“

Джимшеръ тронулся и мы послѣдовали за нимъ. Будучи сильно разсерженъ, онъ ударилъ на враговъ, перебилъ и опрокинулъ многихъ; воины перепугались (Бебуръ тоже въ тотъ день уложилъ многихъ враговъ).

Атаманы, услышавъ о случившемся, подослали своего человѣка къ Джимшеру и доложили ему: „Убивать этихъ людей не есть геройство: если ты молодецъ, борись съ нами!“

Джимшеръ поскакалъ на конѣ и остановился у дверей атаманской палатки.

Старшій братъ потребовалъ лошадь, чтобы выйти противъ Джимшера, но средній и младшій братья упрашивали его подождать, пока и они соберутся. „Ты одинъ не сумѣешь биться съ нимъ“, говорили младшіе братья старшему.

— „И онъ одинъ, что предопредѣлено свыше, то и сбун-

дется сейчас“, замѣтилъ старшій братъ, сѣлъ на коня и бросился на Джимшера, но послѣдній, вонзивъ въ него копье и приподнявъ вверхъ, ударилъ его объ землю и убилъ. Прискакаль и второй братъ, котораго онъ пашкою разсѣкъ на двѣ части, а третьяго брата схватилъ, поднялъ высоко и, продержавъ его въ воздухѣ нѣкоторое время, передалъ намъ, приказавъ связать, самъ же вступилъ въ бой съ арабской конницей. Мы тоже помогли Джимшеру и стали бить враговъ; но въ борьбѣ съ Джимшеромъ никто не могъ сравниться: и воина и лошадь ударялъ онъ другъ объ друга и убивалъ. Такую борьбу еще не приходилось видѣть! Войско противниковъ разбѣжалось, а Джимшеръ занялъ ихъ палатки.

Въ это время пришли караванчики и забрали все, что принадлежало имъ. Джимшеръ много подарилъ и оставшимся тутъ арабамъ, а также безбородому атаману, который получилъ оставшуюся палатку и людей.

— „Клянусь Всевышнимъ Богомъ“, говорилъ атаману Джимшеръ: „я не желалъ смерти твоихъ братьевъ, и они сами на себѣ призвали ее, не исполнивъ моей просьбы“.

Атаманъ припалъ къ ногамъ Джимшера, поцѣловалъ его въ колѣно и простился съ нимъ, оказавъ ему несказанныя почести.

Мы отправились далѣе вмѣстѣ съ караваномъ. Пройдя нѣсколько дней пути, Джимшеръ спросилъ Заварда, начальника каравана: „Кто царь вашъ и откуда вы?“ Доложили ему: „Мы изъ Бѣлаго Сѣвера, а царь нашъ великій государь, владѣтель морей и суши; его дочь прекрасна, красива и свѣтлѣ солнца; небесныя свѣтила у нея заимствуютъ свѣтъ! Ея локоны краснѣе сердцевины китайскаго мускуса; красотою она превосходитъ обитателей магометанскаго рая и учти-вость ея служить урокомъ для всѣхъ!“

Джимшеръ, услышавъ такую похвалу царской дочери, прельстился ея красотою: любовь къ царевнѣ стала закрады-

ваться въ его сердце, и Джимшеръ, подобно куропаткѣ, попалъ въ разставленный силокъ. Онъ сказалъ: „Ее надо мнѣ видѣть, если бы даже весь свѣтъ пошелъ противъ меня!“

Поблагодаривъ караванщиковъ и подаривъ имъ много добра, онъ выбралъ изъ среды ихъ 30 человекъ и пошелъ впередъ, а остальнымъ приказалъ медленно слѣдовать за ними.

Отправились мы къ сѣверу. По пути нашего слѣдованія если гдѣ-либо были разбойники, всѣ разбѣжались отъ страха предъ Джимшеромъ. Во многихъ мѣстахъ мы встрѣчали ихъ палатки, въ которыхъ находили всякіе запасы, а также раненыхъ или больныхъ; нѣкоторые изъ нихъ говорили, что они арабы, другіе — что они турки; „Когда мы услышали“, сказывали они: „что направился сюда вглубь Дилара, товарищи наши убѣждали, мы же, не имѣя возможности слѣдовать за ними, остались тутъ“.

Шли мы два мѣсяца и прибыли на неизмѣримо высокую равнину; мы достигли такой большой (широкой) рѣки, противоположный край которой не былъ виденъ; вода ея была столь мутна и имѣла такой вонючій запахъ, отъ котораго на разстояніи цѣлаго поприща человекъ могъ бы потерять сознание. Джимшеръ спросилъ сопровождающихъ насъ сѣверянъ: „Что это за рѣка?“ Отвѣтили: „Это рѣка царя Сѣвера, лучшая изъ всѣхъ рѣкъ. Она называется Эдили ²⁹⁾“. Мы уже семь лѣтъ какъ путешествуемъ, много разъ видывали эту рѣку, но такую, какъ теперь, никогда. Недоумѣваемъ, отчего она теперь такая!“

Стояли мы тутъ цѣлую недѣлю и изыскивали средство къ переходу чрезъ рѣку. Наконецъ, увидѣли мы въ серединѣ рѣки четырехъ мужчинъ, сидящихъ на поромѣ изъ мѣховъ винныхъ и уносимыхъ внизъ по теченію. Они кричали намъ: „помогите!“ Джимшеръ былъ легко одѣтъ, сейчасъ же сбро-

²⁹⁾ Эдилъ — это татарское названіе рѣки Волги, на берегу которой находился городъ Италь.

силъ съ себя одежду, спустился въ воду, поплылъ, догналъ ихъ и, ухватившись за поромъ, потащилъ къ берегу; до полуночи (работая съ утра) онъ успѣлъ причалить къ берегу. Съѣли всѣ ужинать и пить вино. Джимшеръ спросилъ спасенныхъ: „Кто вы такіе, и почему эта рѣка такъ мутна?“

— „У истоковъ этой рѣки“, докладывали они: „появился дэвъ, который въ годъ разъ мутитъ воду этой рѣки, и тогда не можетъ по ней ходить ни корабль ни поромъ; тотъ дэвъ губитъ все. Мы съ большимъ числомъ товарищей собрались и неводомъ изловили множество зубастыхъ рыбъ. Товарищи наши, замѣтивъ возмущеніе воды, ушли и спаслись; мы же, ослѣпленные жадностью къ наживѣ, не обратили вниманія на опасность и остались; вдругъ ударила въ нашъ поромъ волна и, разорвавъ веревку, унесла его внизъ; вотъ уже четыре дня, какъ несетъ насъ вода. Плавать мы знаемъ очень хорошо, но вонь, сообщенная водѣ дэвомъ, такая, что можетъ задушить человѣка; вы находитесь подъ покровительствомъ Бога, а то не могли бы плыть по рѣкѣ“.

Джимшеръ приказалъ имъ отвести его къ дэву. Они пошли впередъ, а мы за ними. Джимшеръ спросилъ ихъ, какъ далеко находится обиталище дэва?

— „Истокъ этой рѣки“, говорили они: „прорывается чрезъ скалу, а затѣмъ рѣка проходитъ по котловинѣ и въ ней водится дэвъ“.

Ночью мы прошли много полей и лѣсовъ. На вопросъ Джимшера: „Много ли еще остается до дэва?“ они отвѣтили, что остается пройти два раза больше пройденнаго. Джимшеръ сурово сказалъ имъ, что онъ бы обезглавлялъ ихъ, если бы они не были спасены имъ же. Они же осмѣлились доложить, что сильно боятся дэва, но сегодня ночью или же завтра непременно приведутъ его къ обиталищу дэва.

Къ разсвѣту показалось имъ мѣсто, поросшее камышомъ.

— „Чье это мѣсто?“ спросилъ проводниковъ Джимшеръ.

— „Это мѣсто охоты дѣва“, отвѣчали они: „а что тамъ виднѣется красное, это пещера, въ которой послѣ охоты отдыхаетъ онъ вмѣстѣ со многими другими дѣвами“.

Услышанное вывело Джимшера изъ терѣвнїя. Насъ оставилъ онъ тутъ же, а самъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ и поджегъ все камышевое пространство. Дѣвъ, увидѣвъ его, взявъ въ руки кнутъ и приказалъ двумъ другимъ дѣвамъ слѣдовать за собою, но при видѣ усилившагося пожара, жгучій огонь прошелъ по сердцу его и глаза его устремились къ пылавшему огню. Джимшеръ подошелъ къ дѣву съ другой стороны. Увидя Джимшера, дѣвъ обмеръ, такъ какъ подобнаго челоуѣва ему еще не приходилось видѣть. Джимшеръ бросился на него съ ожесточенїемъ и съ быстротою молнїи. Дѣвъ взялся за кнутъ, но Джимшеръ швырнулъ въ его грудь джигитовочную палку, которая, пробивъ хребетную кость дѣва, прошла сквозь него; дѣвъ тоже ударилъ кнутомъ по спинѣ лошадь Джимшера и, сравнивъ съ землею ее, сбросилъ сѣдока. Джимшеръ направился къ намъ; глаза его наполнились кровью, колѣна подкашивались; несмотря на это, онъ протеръ глаза руками, но, оглянувшись назадъ и увидя, что дѣвъ съ трудомъ передвигаетъ ноги, подбѣжалъ къ нему и ударомъ шапки тамъ же свалилъ его. Находящіеся съ нимъ дѣвы, увидѣвъ Джимшера, разбѣжались вмѣстѣ со всѣми другими дѣвами, которымъ сообщили о случившемся.

Джимшеръ тихимъ шагомъ направился къ обиталищу дѣва. Навстрѣчу ему пошелъ и его отрядъ. Всѣ стали обвиваться у ногъ лошади героя и поздравлять его съ побѣдою. Войдя въ дѣвскую пещеру, мы нашли въ ней 40 комнатъ, полныхъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, со множествомъ рѣдкаго оружія, кольчугъ и брони. Остались мы тутъ цѣлую недѣлю на отдыхъ. Всѣ сокровища Джимшеръ подарилъ бывшимъ съ нами туркамъ, выбравъ изъ нихъ самые

рѣдкіе драгоцѣнные каменья для своей невѣсты ³⁹⁾; онъ и рыбакамъ подарилъ много и затѣмъ спросилъ ихъ: „Какъ лучше ѣхать, по сушѣ или по водѣ?“

— „По сушѣ“, отвѣтили они. Мы послушались ихъ и отправились дальше. Куда мы ни прибывали, вездѣ и всѣмъ нравился Джимшеръ, которому оказывали большія почести. Встрѣтили мы какихъ-то высокопоставленныхъ лицъ. Джимшеръ спросилъ ихъ о царѣ Сѣвера. Они отвѣтили: „Это не имѣющій равнаго себѣ государь! Царь нашъ великъ и силенъ, но не имѣетъ сына; у него есть только одна дочь, раскрывшаяся подобно утренней розѣ, прекрасная какъ солнце; блескъ ея уподобляется блеску 15-дневной луны; глаза ея, какъ червильная гуща, брови вытянулись подобно луку; челоуѣкъ, какъ бы онъ ни былъ крѣпокъ сердцемъ, при видѣ ея тотчасъ же лишается чувствъ. Тронъ отца своего она считаетъ своимъ, а царь желаетъ передать его сыну своего брата. Тому отроку теперь 9 лѣтъ, и для него старается царь; по этой причинѣ между ними происходятъ нескончаемыя смуты и борьба. Являются царевичи, чтобы сосватать ее. Она называется Камарлухъ ⁴⁰⁾ и имѣетъ свою крѣпость и многихъ богатырей. Между этими богатырями и прибывающими женихами происходятъ состязанія, во время которыхъ однихъ убиваютъ, другихъ грабятъ и третьихъ выгоняютъ вонъ“.

Джимшеръ поблагодарилъ рассказчика и подарилъ ему хорошую одежду, а онъ продолжалъ говорить: „Несравненный юноша! подобный тебѣ герой еще не являлся и не явится!“.

Это высокопоставленное лицо былъ Десамсонъ, которо-

³⁹⁾ Въ „Барсовой Кожи“ Ш. Руставели главный герой поэмы Таріель тоже убиваетъ дѣвоу и овладѣваетъ ихъ несмѣтными сокровищами, которые впоследствии даритъ своей невѣстѣ Нестанъ-Дареджанъ.

⁴⁰⁾ Камарлухъ арабское слово съ татарскимъ окончаніемъ: Камаръ — арабски луна, а Камарлухъ лунный, лунообразный.

му Джимшеръ приказалъ быть нашимъ путеводителемъ и повелѣлъ повести насъ къ своему царю. Онъ пошелъ впередъ, а мы послѣдовали за нимъ. Куда онъ насъ ни завозилъ, вездѣ встрѣчали насъ торжественно. Десамсонъ, опередивъ насъ, прибылъ къ царю своему и сообщилъ ему о цѣли нашего путешествія. Онъ выслалъ навстрѣчу своего племянника, такого молодца, подобнаго которому нельзя было видѣть. Приблизившись къ намъ, онъ спрыгнулъ съ коня; то же самое сдѣлалъ и Джимшеръ, и они оба обняли другъ друга и, подобно любимымъ братьямъ, расцѣловались; племянникъ царя поцѣловалъ Джимшера и въ руку. Затѣмъ прибыли и высокопоставленные люди, поклонились Джимшеру и, предшествуя намъ, взяли насъ въ царскую палату, гдѣ мы и остановились. Подали намъ закуску, пищу и питье; вошли къ намъ и поэты-пѣвцы. Цѣлыя сутки мы провели въ веселіи. На другой день Джимшеръ представился великому государю Сѣвера— „хакану“ Амирану, который вышелъ къ нему навстрѣчу и, взявъ за руку, ввелъ въ свои чертоги. Въ тотъ день онъ не отпустилъ его, но устроилъ въ честь его пиръ. Джимшеръ очень понравился всѣмъ, и подарили ему множество одѣяній.

На слѣдующій день царь послалъ челоуѣка къ своей дочери и велѣлъ ей сказать: „Дитя мое! я искалъ для тебя мужа, который превосходилъ бы всѣхъ героевъ и богатырей, и вотъ нашелъ юношу такого, съ которымъ никто не можетъ сравниться ни происхожденіемъ ни героизмомъ. Выйди замужъ за этого не имѣющаго себѣ равнаго царевича!“

Тяжко стало царевнѣ отъ такого приказанія отца, горько заплакала она и передала посланцу сказать матери и отцу: „Съ рожденія моего вы относились ко мнѣ милостиво и разрѣшали мнѣ пользоваться свободою. Если кто окажется такимъ, что сумѣетъ управлять престоломъ, не потребую отъ него ни борьбы ни испытанія; если же думаете выдать меня въ чужой край, то юноша (женихъ) долженъ быть такимъ,

который могъ бы одолѣть слона кулакомъ, который видимъ своимъ превосходилъ бы солнце, сердце имѣлъ бы подобное солнцу, а ростъ—подобный кипарису. Этотъ же юноша меня не возьметъ безъ борьбы! Если онъ одолѣетъ моихъ богатырей и возьметъ мою крѣпость, то тогда воленъ взять меня куда ему угодно: я буду его женой и на чужбинѣ и въ плѣну!“

Выслушавъ слова дочери, царь прислалъ сказать Джимшеру: „Богъ видитъ, что мнѣ не хотѣлось бы испытывать тебя, и если ты женишься на моей дочери, то, будучи усыновленъ мною и живя съ моимъ племянникомъ благожелательно, борьбы не потребуется отъ тебя, и дочь моя принадлежитъ тебѣ; если же нѣтъ, то ты долженъ вступить въ бой въ богатырями крѣпости, взять самую крѣпость, побѣдивъ гарнизонъ ея, и послѣ всего этого увести царевну“.

Царскія условія принесъ Десамсонъ и сообщилъ Джимшеру, который велѣлъ доложить царю слѣдующее: „Великій государь! Прежде всего приношу вамъ мою благодарность за ту столь великую милость, что уступаете мнѣ свой тронъ! Да дастъ Богъ царствованію вашему 1000-лѣтнее долгоденствіе! Если царевна не хочетъ покинуть свою страну, то могу ли покинуть свою я!? Женщина вообще, а тѣмъ болѣе сидящая на тронѣ, вышедшая замужъ за неиспытаного въ борьбѣ человѣка, постоянно будетъ недовольна мужемъ; и я не допущу себѣ жениться на вашей дочери безъ боя! Если бы даже у васъ было 1000 героевъ и если бы вы выдали за меня царевну безъ боя, и въ томъ случаѣ безъ предварительной борьбы я не женился бы!“

Такой отвѣтъ Джимшера весьма понравился царю. Рѣшено было устроить бой на другой же день.

Привели въ порядокъ ристалище. Явились зрители. Царица и царь взошли на высокія плоскія крыши и посадили возлѣ себя высокопоставленныхъ лицъ. Пришли и горожане, а также барабанщики и трубачи. Дали сигнальный

знакъ. На нашей сторонѣ стали вооружаться Джимшеръ; онъ надѣлъ на себя кольчугу и шлемъ съ забраломъ дэвскаго царя, 25 кнотовъ воткнулъ себѣ за поясъ и съ конемъ своимъ съ ногъ до головы заковалъ себя въ желѣзо, такъ что походилъ на черную желѣзную гору. Всѣ сказали, что на лицѣ земли нѣтъ подобнаго героя! Съ другой стороны выступилъ богатырь царевны, именемъ Кавтаръ, такъ стремительно, какъ спускается потокъ съ крутизны, и, протянувъ копье къ ушамъ коня, направился къ Джимшеру. Послѣдній и не удивился и не испугался, а когда приблизился противникъ и поднялъ копье, то ударомъ кнута разбилъ копье на двѣ части, а его самого поднялъ съ сѣдла вверхъ и держалъ въ воздухѣ долго. Кавтаръ умолялъ Джимшера не убивать его и онъ тихо-тихо посадилъ его на землю. Затѣмъ онъ призвалъ кнотовщиковъ, заставилъ ихъ подать коня въ золотой сбруѣ, посадилъ на него Кавтара и сказалъ ему: „Побѣдильто я; если хочешь, слѣдуй за мной, а если нѣтъ, то отправляйся въ крѣпость!“ Кавтаръ поцѣловалъ его въ руку и отправился въ крѣпость. Бой Джимшера понравился всѣмъ, и онъ пошелъ ночевать.

Къ утру опять всѣ заняли свои мѣста вмѣстѣ съ царичей, царемъ, барабанщиками и трубачами. Дали сигналъ. Съ ихъ стороны выступилъ другой богатырь, именемъ Атаманъ, а съ нашей— Джимшеръ. Обступили они другъ друга. Ударомъ пашки Джимшеръ отрубилъ голову коню своего противника, который упалъ на землю. Джимшеръ схватилъ его за обѣ руки, какъ какаго-нибудь мальчугана, и сказалъ ему: „Зачѣмъ ты безпокоился!“ И онъ, подаривъ ему коня, выпроводилъ его.

Вышли зрители и въ третій день въ томъ же порядкѣ, какъ и въ прежніе дни. Съ одной стороны выступилъ Джимшеръ во всеоружіи, а съ другой—Атакиши. Джимшеръ замахнулся копьемъ и надѣлъ на него коня противника

такъ, какъ надѣвается шашлыкъ на вертелъ. Тогда съ боку выскочилъ Барамъ и поднялъ надъ Джимшеромъ шашку, но послѣдній, схвативъ его за руку, повалилъ на землю и сказалъ: „Васъ обоихъ я легкомогъ бы перебить кулакомъ или кнотомъ, но этого не сдѣлаю!“ Сказавъ это, онъ посадилъ ихъ на коней и выпроводилъ въ крѣпость. Однако Барамъ остался тутъ же, сказавъ Джимшеру: „Мнѣ желателенъ такой господинъ, какъ ты!“ Царь Сѣвера воскликнулъ: „Герой этотъ долженъ бы называться не Джимшеромъ, а Армокла-Чабукомъ (и съ тѣхъ поръ его называли Армокла-Чабукомъ)“ ⁴¹⁾.

На четвертый день, какъ только зрители заняли свои мѣста и предстали барабанщики и трубачи, выступили на ристалище Армокла-Чабукъ и четыре богатыря. Послѣдніе напали на Джимшера неожиданно, но онъ ихъ всѣхъ скрутилъ и, посадивъ на коней, выслалъ въ крѣпость. Побѣдитель торжественно возвратился домой. Царь прислалъ ему хорошія одежды и подарки.

Въ ту ночь царица прислала къ Джимшеру начальника своихъ рабынь и чрезъ него сказала герою: „Вижу, на лицѣ земли нѣтъ такого героя, какъ ты, и мнѣ желателенъ подобный тебѣ мужъ! Ты ужъ доказалъ свою храбрость, но предлагаю тебѣ совершить еще одинъ подвигъ: здѣсь, на морскомъ островѣ, завелся великій драконъ, который причиняетъ вредъ нашимъ караванамъ. Завтра знающіе путь туда причалать съ лодкой, сядь въ нее и, отправившись туда, убей дракона и тогда всѣ твои просьбы будутъ удовлетворены“.

Посланцу царицы Джимшеръ сказалъ: „Отъ имени моего доложи солнцу непорочному и дарующему жизнь: поручаете мнѣ сослужить вамъ службу,—я ли не исполню ее!“ Затѣмъ онъ подарилъ тому посланцу столько драгоцен-

⁴¹⁾ Ар (не)-мокла (убивай)-чабуки (герой, юноша), букв. „Не убивай, герой“.

ныхъ камней, что ему тяжело стало подъ этой ношей. Павши на землю и поелонившись Джимшеру, посланецъ отправился домой.

Своимъ войскамъ и героямъ Джимшеръ сообщилъ все, что было приказано царвною. Барамъ, ударивъ себя по головѣ, сказалъ ему такъ: „Вы не вѣдаете, что царвна, желая занять тронъ отца, не будетъ горевать, если вамъ измѣнить! Итти не совѣтую, а если пойдете, то возьмите и меня. Если бы дѣйствительно драконъ существовалъ тутъ, я услышалъ бы что-либо объ немъ; между тѣмъ нивому ничего не извѣстно о драконѣ, и это вѣрно, что замышляютъ измѣну!“.

— „Не говори такъ“, замѣтилъ ему Джимшеръ: „влянусь моимъ солнцемъ, не итти мнѣ нельзя! Разъ я выразилъ свое согласіе, могу ли не исполнить его! Если я тебя возьму съ собою, то царвна придерется и скажетъ: взялъ моего богатыря и его заставилъ убить дракона! Не печалься ни о чемъ!“

Черезъ тотъ городъ протекала рѣка; ее можно было переѣхать только на лодкѣ. На разстояніи 6 поприщъ (начиная отъ города) она впадала въ море.

Къ утру причалили съ лодкой. Положивъ въ нее два перевязанныхъ оружія, Джимшеръ сѣлъ и поѣхалъ. Лодкою управляли 10 лодочниковъ. Въ тотъ день все плыли впередъ. Когда лодка удалилась отъ города, Барамъ на двухъ коняхъ отправился къ морю и сталъ ходить по его берегу.

Къ вечеру лодочники остановили лодку. Джимшеръ спросилъ ихъ, почему они остановились.

— „Господинъ!“, отвѣтили они: „эту ночь пробудемъ тутъ, а утромъ привеземъ тебя къ дракону, который водится на островѣ, находящемся посрединѣ этого моря“.

Армокла повѣрилъ имъ, приказалъ подать ужинъ и, поужинавъ, легъ спать спокойнымъ сномъ. Ночью лодочники, выкравъ у него все оружіе, переложили его въ другую

лодку, а затѣмъ, вынувъ одну изъ досокъ лодки, на которой спалъ Джимшеръ, сами отчалили обратно.

Джимперовская лодка стала наполняться водой: онъ проснулся и испугался. Приподнявъ свое платье къ головѣ, царевичъ бросился въ море и поплылъ въ ту сторону, откуда они пріѣхали. Съ берега Барамъ смотрѣлъ въ море подзорной трубой ⁴²⁾ и, замѣтивъ въ немъ что то похожее (на Джимшера), сбросилъ съ себя платье, а съ лошадей сбрую и спустился въ море; проѣхавъ вплавъ по водѣ двѣ версты, онъ увидѣлъ господина своего Армокла, который съ трудомъ двигался ослабѣвшими руками. Мерабъ воскликнулъ: „Змѣй готовился проглотить луну!“ ⁴³⁾ Затѣмъ онъ крикнулъ Джимшеру: „Царевичъ, взберись на эту лошадь!“ Узнавъ голосъ Мераба, Армокла расхрабрился и, что было силъ, подпрыгнулъ и вскочилъ на спину лошади. Барамъ повернулъ назадъ и къ вечеру они вышли на сушу, одѣлись и поѣхали въ городъ.

По дорогѣ Мерабъ говорилъ царевичу: „Тебя Богъ спасъ отъ измѣны царевны; число желающихъ выйти за тебя замужь не изсякнетъ и потому откажись отъ нея“.

— „Такъ не говори, пожалуйста“, возразилъ Армокла: „хочешь, позаботься о чемъ-либо другомъ“.

Лодочники, доставивъ въ городъ доспѣхи Джимшера, объявили, что онъ утонулъ въ морѣ. Это извѣстіе обрадовало живущихъ въ крѣпости: барабанный бой и трубные звуки возвѣщали всѣмъ о ихъ радости. Объ измѣнѣ царевны царь и горожане говорили такъ: „Какъ это она утопила такого неподобнаго героя? Какъ она не пожалѣла его за его про-

⁴²⁾ Подзорная труба на древне-грузинскомъ языкѣ называется сатһоле (теперь у свановъ сатһал., букв. очки (тһоли, глазъ).

⁴³⁾ Изъ грузинскаго народнаго повѣрья, основаннаго на томъ, что будто затменіе луны происходитъ отъ того, что змѣй (драконъ) слится проглотить ее.

исхождение или за героизмъ? Во всемъ мірѣ не было такого статнаго героя! Онъ превосходилъ собою утреннюю зарю!“ — Такъ охуждали и срамили царевну.

Людей же Армоклы до третьяго дня оставили въ невѣдѣніи: ничего о случившемся не сказали. Когда же они узнали, барабанщики ударили въ барабаны, трубачи затрубили въ трубы. Горожане, услышавъ барабанный бой и трубные звуки, говорили: „Овазывается, таковъ ихъ обычай объявлять о смерти усопшаго музыкальными инструментами!“ Царь и царица, увѣрившись въ смерти Армоклы, очень опечалились. Какъ разъ въ это время показался Армокла. Увидѣвъ его, всѣ благодарили Бога; сама царевна, увидя царевича, произнесла; „Благодарю Бога, что этотъ, не имѣющій равнаго себѣ, герой не погибъ отъ моей руки!“ Затѣмъ она, призвавъ людей своего гарнизона, сказала имъ: „Вамъ вѣдомо, какую вину я имѣю предъ тѣмъ героемъ! Позаботьтесь, чтобы онъ не взялъ нашу крѣпость, такъ какъ я его презираю!“ Они отвѣтили ей: „О, великая царевна, мы издерживали ваше хорошее золото въ ожиданіи того дня, когда или онъ долженъ былъ перебить насъ, или мы должны были уложить его“. Въ этихъ угрозахъ не принимали участія уже состоявшіеся съ Джимшеромъ войны, которые въ ту же ночь прислали человека и чрезъ него сказали Джимшеру: „Мы помнимъ оказанное тобою благодареніе. Что за человекъ тотъ, котораго разъ побѣдили, а онъ и въ другой разъ лѣзетъ въ борьбу! Это—срамъ! Мы овладѣемъ однимъ изъ фортвовъ, и вы подоспѣвайте туда же къ утру“.

Армокла, вооружившись доспѣхами, бросился къ крѣпости съ ловкостью тигра. Внутри крѣпости послышался голосъ условившихся съ нимъ молодцовъ, которые говорили между собою: „Армокла сдѣлаемъ господиномъ нашимъ!“.

Ловкимъ взмахомъ Джимшеръ набросилъ арканъ на верхнюю оконечность башни и стремительно вскарабкался вверхъ;

оттуда многіе осыпали его камнями, но эти камни не причиняли ему вреда, такъ какъ, ударяясь о броню его, отскакивали назадъ и убивали самихъ же враговъ. Поэтому скоро всѣ попрятались. Армокла, дойдя до воротъ, ударомъ кнута расщепилъ желѣзные ворота и ворвался въ крѣпость. Царевна-свѣтило сидѣла на тронѣ и при ней было 40 ея рабынь. Армокла, подойдя къ ней, взялъ ее за подбородокъ, поцѣловалъ въ солнечное лицо и сказалъ такъ: „Клянусь Всевышнимъ Богомъ, будучи такимъ свѣтиломъ и такою прекрасной, ты должна бы быть въ стократъ бдительнѣе!“ И онъ прижалъ ее къ груди, и любезно они обнялись обоимъ.

Затѣмъ явилась въ крѣпость царица, которую встрѣтили у входа. Она расцѣловала всѣхъ. Прибылъ и царь, похвалилъ Армоклу и поздравилъ съ побѣдой.

Въ тотъ же день ихъ взяли во дворецъ и сыграли свадьбу. Ни одинъ юноша и ни одна дѣвица не могли сравниться съ новобрачной четой! Свадьба длилась 40 дней. Всѣ устали, раздавая подарки изъ царской сокровищницы.

Затѣмъ Армокла сталъ прощаться. Царь поручилъ ему свою дочь. Приданое ея состояло изъ тканной и нетканной парчи, драхмъ и драгоценныхъ камней, что навьючено было на 500 верблюдовъ, 1000 муловъ, 200 златосбруйныхъ лошадей; 400 рабовъ и рабынь съ золотыми поясами тоже входили въ составъ ея приданого. 30,000 воиновъ подъ предводительствомъ царскаго племянника назначены были для сопровожденія новобрачной четы на разстояніе 3-дневнаго пути.

Ночь предъ отъѣздомъ царь и царица провели со своею дочерью. Утромъ, при прощаніи царевна начала плакать, и царица тоже, плача, говорила ей: „Дитя мое, должны плакать мы, такъ какъ остаемся бездѣтными, а тебя увозить такой славный герой! Плакать непристойно тебѣ!“ Простив-

шись со всѣми, мы пустились въ путь. Доѣхавъ до мѣста, гдѣ Армоклой былъ убитъ дѣвъ, нашли множество сокровищъ и, навьючивъ все на животныхъ, пошли дальше и прибыли туда, гдѣ Армоклой были перебиты арабы, а отсюда перевалили на то мѣсто, гдѣ имъ же сраженъ былъ змѣй. Тутъ вышли намъ навстрѣчу туземцы. Всѣ радовались. Вся страна была возобновлена. Воздвигнуты были такія зданія, лучшаго которыхъ не могло быть. Страна эта понравилась дочери сѣверянъ. Устроили свадебное пиршество и веселились 10 дней. Выступивъ и отсюда, впередъ послали въ качествѣ вѣстника Абрамисдае, поручивъ ему сообщить царицѣ Раоденъ о женитьбѣ Джимшера-Армоклы на дочери царя Сѣвера и о возвращеніи его съ большимъ богатствомъ.

Сообщеніе это вызвало тамъ всеобщее удовольствіе. Собрались богатыри, ударили въ барабаны и затрубили въ трубы. Сама царица Раоденъ и Мерабъ съ Куломъ и войскомъ выступили навстрѣчу царевичу. Встрѣтившись съ нами, всѣ слѣзли съ коней и, привѣтствуя Джимшера, поклонились ему и осыпали его золотомъ. Царица Раоденъ, подойдя къ сыну, обняла его и отъ радости стала проливать слезы. Армокла сказалъ ей: „Я премного виновенъ предъ вами, но мою вину смоетъ сія дочь царя Сѣвера“. Подошли царицы другъ къ другу и расцѣловались. Затѣмъ отправились въ городъ и праздновали свадебное пиршество въ продолженіе 60 дней. Торжество было такое, какого человѣческой глазъ еще не видывалъ. Затѣмъ царевича сѣверянъ и все его войско отпустили, одаривъ ихъ богато и давъ имъ рѣдкія и драгоценныя сокровища. Мерабу же подарили для княженія городъ, гдѣ Армоклой былъ убитъ змѣй. Такъ всѣ проводили жизнь въ веселіи, удовольствіяхъ, пиршествахъ и отдыхѣ.

Въ это время прибылъ Абрамъ, братъ Мзечабука, царя хазарцевъ, и принесъ отъ него письмо съ поздравленіемъ съ побѣдою и въ подарокъ множество драгоценныхъ камней. При-

ятно стало Армоклѣ-чабуку и онъ съ своей стороны велѣлъ передать Мзечабуку: „Я молодъ и самъ приѣду навѣстить васъ и сестру свою, вы же оставайтесь дома!“

Затѣмъ онъ выбралъ 30,000 воиновъ и, взявъ съ собою и царицъ, отправился въ Хазаретію. Туда предшествовалъ намъ хазарскій князь. Шли два мѣсяца и вступили въ царство Мзечабука. Встрѣчали насъ всюду, всѣ кланялись Армоклѣ, хвалили его и дарили много. Армокла спросилъ Абрама: „Какъ далеко отсюда Хазаретія? Сколько дней пути въ эту сторону?“

— „Дней чрезъ 30 прибудемъ туда“, отвѣтилъ Абрамъ. Когда мы прошли 20-дневное разстояніе, все населеніе, выйдя навстрѣчу и припадая предъ Армоклою, говорило, что онъ внукъ великаго царя Дилара.

Пройдя еще пять дней пути, встрѣтили мы Мзечабука, вышедшаго навстрѣчу съ князьями, дочерью хазарскаго царя ⁴⁴⁾ и своей матерью. Увидѣвъ другъ друга, люди Армоклы начали привѣтствовать людей Мзечабука, а люди Мзечабука людей Армоклы; когда же сами цари увидѣли другъ друга, то сначала слѣзъ съ коня Армокла, а потомъ Мзечабукъ, и бросились другъ другу въ объятія и расцѣловались сладко; затѣмъ сѣвъ на коней, стали въ сторонѣ. Потомъ встрѣтились другъ съ другомъ царицы, свѣточи міра, и, сладостно поцѣловавшись, тоже посторонились. Затѣмъ Армокла-чабукъ, подойдя къ дочери хазарскаго царя Хосроя, обнялъ ее, расцѣловалъ, осыпалъ драгоценностями и поздравилъ. Ту ночь они провели въ палаткахъ, а затѣмъ въ продолженіе трехъ сутокъ тутъ же пировали и отдыхали. Послѣ того мы всѣ тронулись въ путь и доѣхали до хазарскаго города, который весьма понравился намъ (Слава его не имѣетъ конца!). Прибыли мы въ удивительный казенный домъ, въ которомъ

⁴⁴⁾ Она была дочь хазарскаго царя Хосроя.

ту ночь провели въ весельѣ, питьѣ и ѣдѣ. На слѣдующій день пригласили насъ въ лучшій домъ и угостили и развеселили насъ лучше вчерашняго. За столомъ въ этомъ домѣ сидѣло 3,000 человекъ, которыхъ Мзечабукъ одарилъ щедро; царицы тоже одарили другъ друга.

Раздавали дары, ѣли и пировали, когда Мзечабукъ произнесъ: „Хочу вступить въ бой, господа, съ новымъ богатствомъ, который пусть не подозреваетъ, что я скуплюсь на раздачу своихъ сокровищъ!“ Армокла шепнулъ своимъ рабамъ, что и онъ хотѣлъ бы бороться съ Мзечабукомъ, если бы кто доложилъ объ этомъ ему, а затѣмъ, обратясь къ Абраму, поручилъ ему привести въ исполненіе его желаніе.

Когда мы сидѣли за однимъ пиршествомъ, Абрамъ всталъ и, наполнивъ двѣ чашки виномъ, одну подаль Мзечабуку, а другую Армоклѣ-чабуку и сказалъ обоимъ: „Выпейте! конецъ одинъ: оба имѣете желаніе вступить въ бой“.

— „Онъ угадалъ!“ сказали они оба въ одинъ голосъ, опорожнили чашки и условились испытать другъ друга на другой же день. Царицы, узнавъ объ этомъ, обидѣлись и разсердились на Абрама и стали плакать. Однако бой былъ рѣшенъ.

На другой день разукрасили ристалище рѣдкими парчами. Пришли царицы, которыя горько плакали и просили Бога спасти обоихъ борцовъ. Явилось также войско, прибыли и горожане, предстали барабанщики и трубачи. Съ обѣихъ сторонъ слышенъ былъ топотъ, страшились всѣ, предвидя смерть одного изъ нихъ или же недовольство побѣжденнаго на побѣдителя. Но отговорить ихъ не смогли, и они вышли на ристалище, тяжело вооруженные, взявъ съ собою по 40 жеребцовъ. Обступивъ другъ друга, начали они биться, и борьба того дня кончилась мирно: Мзечабукъ свалилъ подъ Армоклой всѣхъ 40 жеребцовъ, послѣдній же подъ первымъ только 30; побѣда осталась за Мзечабукомъ. Въ ту ночь они разошлись, но на другой день опять предстали предъ зрителями, занявши-

ми мѣста въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера. Тенерь у нихъ было по 60-ти коней. Въ этотъ день Армокла убилъ всѣхъ 60 коней, а Мзечабукъ только 50. Побѣда осталась за Армоклой. Они разошлись по домамъ.

Въ народѣ начался споръ: одни превозносили того, а другіе другого. Что же распространяться! До убіенія 400 коней побѣждалъ то одинъ, то другой, но однажды, сидя за столомъ, оба затѣяли горячій споръ и разошлись, угрожая другъ другу безошаднымъ боемъ.

Въ слѣдующій же день вышли на ристалище зрители, предстали барабанщики и трубачи, выступилъ и Мзечабукъ на бѣломъ жеребцѣ, имѣя на всѣхъ опасныхъ частяхъ тѣла желѣзо (одѣяніемъ своимъ онъ походилъ на черную желѣзную гору!); на немъ висѣли и три шапки. Съ нашей стороны выступилъ Армокла-чабукъ на конѣ; джигитовочная палка его висѣла на сѣдлѣ, вnutъ дѣвсаго царя былъ у него за поясомъ, его же племъ прикрывалъ ему голову, арканъ изъ витовой кожи висѣлъ у него на поясѣ. Обѣ царицы громко стали рыдать, и войско тоже плакало и тревожилось. Армокла также имѣлъ при себѣ три шапки. Обступивъ другъ друга, кривнули они страшнымъ голосомъ и бросились другъ на друга. Сначала дрались копытами, а когда ихъ переломили, то обнажили шапки, но ударомъ одной объ другую и ихъ поломали. Тогда пустились въ рукопашную и стали затѣмъ драться на коняхъ; стрѣла, пущенная Мзечабукомъ, попала въ лобъ коня Армоклы, прошла сквозь него и вылетѣла у хвоста. Прежде чѣмъ конь свалился, герой успѣлъ спрыгнуть. Подали ему другого коня, но стрѣла Мзечабука и у него раздробила реберную кость и прошла насквозь такъ, какъ чрезъ какое-нибудь платье. Конь упалъ, но удалецъ, спрыгнувъ съ него, вскочилъ на третью лошадь. Вновь пущенная стрѣла попала ей въ грудь и вонзилась до лопаточной кости. Она свалилась, а Армокла, отскочивъ далеко, пустилъ

джиготовочную палку, которая, попавъ въ лошадь противника, переломила ей спину. Лошадь троекратно перекувыркнулась и упала. Оба остались цѣлыми. Они дрались до вечера, но безуспѣшно. Затѣмъ опять вскочили на коней. Мзечабукъ, сидя на конѣ, крикнулъ: „Новоявленный храбрець и новоявленный несравненный богатырь, остерегайся! Если даже кнутомъ своимъ ударю объ гору, что возлѣ тебя, то сомнѣваюсь, чтобы я ея не сокрушилъ!“ И съ жестокосердіемъ махнулъ онъ кнутомъ. Армокла прикрылъ голову щитомъ. Кнутъ попалъ въ щитъ съ такою силой, что, вклянусь вашей головой, ударъ его похожъ былъ на трескъ грома! Удивилось всякое духаніе тому, что отъ этого удара щитъ лопнулъ, хусруджановская броня, никогда не поддававшаяся ломкѣ, разбилась вдребезги, да сверхъ того и у самого Армоклы закружилась голова: онъ чуть было не упалъ съ лошади, хотя при этомъ не произнесъ ни одного звука.

Теперь Армокла погналъ впередъ своего коня и, держа въ руцѣ сложенный арканъ, крикнулъ противнику: „Много разъ побѣждавшій, прославленный богатырь, берегись хорошенько! Этимъ арканомъ если бы я зацѣпилъ великую гору Капи (كافى) ⁴⁵⁾, то и ее снялъ бы съ основанія, но я не осмѣлюсь употребить его противъ тебя, коня же твоего не пощажу!“ Забросивъ одинъ конецъ аркана, онъ вдѣлъ его на голову мзечабуковскаго жеребца и потянулъ къ себѣ со скрежетомъ зубовъ. Мзечабукъ, видя, что Армокла потащилъ къ себѣ коня съ нимъ вмѣстѣ, прыгнулъ съ него, схватилъ его за хвостъ и, упершись объ землю, потянулъ его назадъ. Послѣ этого Армокла какъ ни тянулъ коня, но ни на шагъ не могъ сдвинуть его; наконецъ, онъ потащилъ его съ такой силой, что

⁴⁵⁾ Великая гора Капы, вѣроятно, горы „Кавказъ“, называемыя у турковъ Капкой („Капкой“ не есть ли измѣненная форма тюркскаго сложнаго слова „Капы-Капис“, означающаго *врата, врата врата?*).

хвостъ лошади, оторвавшись у основанія, остался въ рукахъ Мзечабука; лошадь же Армокла притащилъ въ конюхамъ. Видя это, сошли на ристалище всѣ четверо царицы, причемъ царицы со стороны Мзечабука обняли Армокла, а со стороны Армоклы Мзечабука и, плача и проливая слезы, сказали имъ: „Зачѣмъ убиваете другъ друга? Ей Богу, вы оба хороши и безпобноны!“ Эти слова утомили ихъ и они разошлись.

Три дня они отдыхали. Затѣмъ Мзечабукъ, пригласивъ всѣхъ высокопоставленныхъ особъ, устроилъ пиръ. Прибылъ на пиръ и Армокла; онъ хотѣлъ поцѣловатьъ руку Мзечабука и всѣмъ говорилъ, что его побѣдилъ Мзечабукъ; этотъ же твердилъ, что онъ его не побѣждалъ. Армокла замѣтилъ: „Какъ же не побѣдилъ? Развѣ не помнишь, что подо мною ты убилъ трехъ коней, послѣ чего я уже не могъ пустить въ ходъ оружія!“ Мзечабукъ добавилъ: „А ты моего жеребца и меня вмѣстѣ съ нимъ притащилъ!“ Армокла возразилъ: „Ты на головѣ моей разбилъ вдребезги броню и щитъ дѣвсаго царя!“ Тотъ еще сказалъ: „А ты моего коня съ оторваннымъ хвостомъ дотащилъ до конюховъ! Клянусь Всевышнимъ Богомъ, что я не совершалъ подвиговъ больше тебя и не позволю никому утверждать, что побѣдилъ я!“ И они разцѣловались. Всѣ войска и горожане говорили, что подвиги ихъ равны.

Все это, что я вамъ изложилъ, Ибнобадъ докладывалъ Амирану и Сепедавле.

Бебуръ, братъ Абрама, находился при Джимшерѣ. Визирь Абрамъ о всѣхъ дѣлахъ Джимшера докладывалъ Бебуръ, а этотъ Мзечабуку. Мы тоже узнали, что Мзечабукъ, раздѣливъ Хазаретію на двѣ части, долю Дилара уступилъ Армоклѣ-чабуку, другую же половину оставилъ себѣ. Такова полная повѣсть о Мзечабукѣ и внукѣ Дилара Армоклѣ.

Разсказчика этой повѣсти Амиранъ и Сепедавле разбодѣли и одарили множествомъ подарковъ. Онъ доложилъ имъ,

что имѣетъ сказать еще одно: „Когда Армовла и Мзечабугъ освободились отъ дѣлъ, пришелъ къ нимъ одинъ человѣкъ и доложилъ: „Господа! Вы хорошіе герои, но недостаетъ вамъ одного!“

— „Чего?“ спросили они.

— „Когда появились богатыри, герои и знаменитые дѣвы, тогда со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта собрались всѣ превосходнѣйшіе и именитые герои, чтобы испытать силу другъ друга, выслушать разсказъ о многихъ подвигахъ и дѣлахъ нѣкоторыхъ богатырей. И они провели вмѣстѣ цѣлый годъ въ веселіи. Въ испытаніи участвовало множество дѣвовъ и героевъ; говорили о вѣроломствѣ въ войнѣ и предпочтеніе отдавали одному отсутствующему силачу. Въ одинъ день за торжествомъ разговорились о неравенствѣ героевъ. Тутъ былъ дѣвъ Динбаджинъ, который носилъ на себя 1,700 внатовъ такъ, какъ будто носить $\frac{1}{2}$ фунта. Онъ сказалъ: „Я изобрѣлъ средство для самоиспытанія и кто прибѣгнетъ къ этому средству, узнаетъ свою силу“. Принесли желѣзо, чугуны и мѣдь, и изъ всего этого сплавилъ кусокъ, подобный жернову и вѣсившій 6,000 литров⁴⁶⁾; сдѣлали также желѣзный ломъ, вѣсомъ въ 4,000 литровъ. Этотъ ломъ предназначался для тѣхъ богатырей, которые, желая испытать свою силу, могли бы приподнять 6000-литровый желѣзный жерновъ и затѣмъ поднять вверхъ. Тутъ былъ центръ вселенной и всѣ пути могли привести сюда богатырей. Имя героя, поднявшаго указанную массу, должно было быть записано на ней же. Всѣ пробовали поднять этотъ желѣзный жерновъ, но никто не сумѣлъ осилить его. Самъ дѣвъ Динбаджинъ выше поверхности земли не сдвинулъ этой массы. Амбри-Арабъ и Индочабугъ долго силились поднять ее, но сумѣли только поставить, а приподнять не могли. Отправился туда и Джимперъ, отецъ Армовлы, но и

⁴⁶⁾ 1 литръ=10 фунтамъ.

онъ только поставилъ ее. Послѣ того отправились туда Мзечабукъ и Армокла. По дорогѣ имъ пришлось много сражаться, но эти сраженія для нихъ составляли только развлеченіе. Прибывъ же къ мѣсту, они настолько подняли желѣзную массу, насколько Амбри и Индочабукъ. Мзечабукъ сказалъ: „Я удивляюсь, что Амиранъ и Сепедавле, о которыхъ слышалъ много похвалъ, не прибыли сюда же и не испробовали своей силы! Дѣянія ихъ извѣстны всѣмъ героямъ и, думаю, ни одинъ герой не совершалъ столько великихъ подвиговъ, какъ они, особенно же такихъ, какіе исполнены Амираномъ Дареджанисдзе, старшимъ изъ всѣхъ богатырей, прославленнымъ изъ края въ край, именитымъ, смиреннымъ, милостивымъ ко всѣмъ, съ юныхъ лѣтъ и до старости храбрымъ, выносливымъ, не поддающимся дѣйствию чаровъ, губителемъ дѣвовъ, наводящимъ страхъ на богатырей, почитающимъ царей, непобѣжденнымъ врагами, рожденнымъ на счастливой звѣздѣ, которому теперь хотя идетъ 120-ый годъ, а силы не только не измѣнили ему, но остались юношескія; повторяю, почему этотъ Амиранъ Дареджанисдзе и Сепедвале не отправились испробовать свою силу на желѣзномъ жерновѣ!“

Тутъ рассказчикъ остановился, и они оба изъявили желаніе итти для самоиспытанія. Вооружились они и съ большимъ торжествомъ отправились. По прибытіи къ мѣсту, осмотрѣли они желѣзный жерновъ. Амирану было 120 лѣтъ, а Сепедвале 60. Оба они поспорили между собою и осмѣяли другъ друга. Амиранъ сказалъ ему: „Когда я и ты вступали въ бой другъ съ другомъ, тогда мнѣ было 90 лѣтъ, а тебѣ 30“. Затѣмъ они сѣли обѣдать, развеселились и, попировавъ, встали и приказали всѣмъ бывшимъ съ ними рабамъ приподнять желѣзный ломъ, и они съ трудомъ сдвинули его. Послѣ этого Амиранъ сказалъ Сепедвалу: „Кто изъ насъ обоихъ приподниметъ желѣзный жерновъ съ ломомъ вмѣстѣ, тотъ пусть цѣлый годъ угощаетъ не подыавшаго!“

жеребій, кому поднять первому и жребій палъ Сепедвалу. Пришелъ Сепедвале и, призвавъ имя Бога, приподнялъ жерновъ выше земли на одинъ локоть, но отъ излишняго напряженія всѣ нервы его ослабѣли. Затѣмъ досталась очередь Амирану, который, призвавъ имя Бога, обступилъ жерновъ и поднялъ, но подъ давленіемъ тяжелой массы ноги его пошли въ землю до колѣнъ; желѣзный жерновъ съ ломомъ вмѣстѣ онъ поднялъ до своей груди и отбросилъ дальше шага на три. Тогда всѣ превознесли имя, славу и героизмъ обоихъ этихъ богатырей и они написали на желѣзномъ жерновѣ свои имена и свое превосходство надъ всѣми героями. Затѣмъ Сепедвале пригласилъ Амираана къ себѣ, и мы отправились въ Дариспарь-шааръ ⁴⁷⁾ и оставались тамъ цѣлый годъ, проводя время въ нѣгѣ, охотѣ и веселіи. По прошествіи же года выступили отсюда и отправились въ Багдадъ, веселые и имѣющіе множество богатствъ.

Здѣсь конецъ главы о внуцѣ Дилара Джимшерѣ и Мзечабуцѣ. Да не будетъ конца существованію царствованія вашего многія лѣта! Аминь.

IV. Хосро и Мзечабукъ, цари хазарскіе. ⁴⁸⁾

Хосро.

На поединкахъ героевъ при дворѣ Аспана (𐌆𐌆𐌆𐌆), царя страны свѣтилъ, принималъ участіе царь Хосро, сынъ царя хазарскаго. На этихъ поединкахъ цѣль героевъ состояла въ томъ, чтобы, вступивши въ бой другъ съ другомъ, доказать, кто изъ нихъ болѣе достоинъ быть зятемъ Аспана, имѣющаго семь дочерей—свѣтилъ, но ни одного сына. Главными соперниками между женихами-героями были: съ одной стороны Свиманъ,

⁴⁷⁾ Сепедвале былъ изъ рода Дариспандзе и Дариспанъ-шааръ знач. городъ Дариспана.

⁴⁸⁾ Изъ повѣсти „Амиранъ-Дареджаніани“ (XII вѣка).

сынъ синскаго (китайскаго) царя, и Ласурь, сынъ деламскаго царя, а съ другой—Хосро, сынъ хазарскаго царя; къ нимъ впоследствии прибавился еще Амиранъ Дареджанисдзе, который дочерей царя Аспана хотѣлъ увести для сыновей халифа Амира Мумли.

Царь Аспанъ, не желая выдать своихъ дочерей за иностранцевъ, одну часть своего войска въ 200,000 человекъ поручилъ эриставу Лосору Лосоминисдзе и другую въ 150,000 человекъ Кабару Кависдзе. Лосоръ Лосоминисдзе напалъ на огромныя войска Свимана синскаго и Хосроя хазарскаго, но былъ побѣжденъ и, преслѣдуемый врагами до городскихъ воротъ, нашелъ спасеніе въ самомъ городѣ.

Въ это время прибыло еще семь чужестранныхъ героевъ, тоже съ намѣреніемъ жениться на царскихъ дочеряхъ. Аспанъ, прижатый къ стѣнѣ грозными силами, долженъ былъ согласиться присутствовать на поединкахъ всѣхъ этихъ героевъ и своихъ.

Послѣ перваго поединка Аспанъ устроилъ пиръ и на немъ объявилъ Хосрою хазарскому, что завтра его очередь вступить въ бой съ царскимъ богатыремъ. Хосро съ радостью принялъ предложеніе и одарилъ всѣхъ щедро.

Хосро былъ такой стрѣлокъ изъ лука, равнаго которому не могло быть нискогда. Надѣвъ на себя колчанъ и вступивъ въ бой съ царскимъ богатыремъ, онъ убилъ его стрѣлою. Всѣ стали срамить Хосроя за то, что онъ убилъ противника ни чѣмъ инымъ, какъ стрѣлою.

Послѣ этого имѣли состязаніе другъ съ другомъ и многіе здѣсь находящіеся герои и богатыри, изъ числа которыхъ особенно отличался Амиранъ Дареджанисдзе.

По случаю побѣды Амираана Дареджанисдзе надъ Свиманомъ синскимъ, царь устроилъ пиръ, на которомъ Хосрою хазарскому объявилъ, что если онъ желаетъ, то можетъ вступить въ бой съ Амираномъ.

— „И безъ предложенія я готовъ былъ драться съ нимъ“, отвѣтилъ Хосро.

— „Богъ свидѣтель“, замѣтилъ Амиранъ Дареджанисдзе: „что я добровольно никогда не вступаю въ бой съ царями, боясь лишить ихъ жизни: не писано погибнуть царю отъ руки дворянина!“

— „Безъ боя не обойдется!“ настаивалъ Хосро.

Слѣдующій же день былъ назначенъ днемъ поединка.

Хосро былъ мѣтвой стрѣлокъ. Стрѣла его, попавъ въ какую угодно тварь, тутъ же укладывала ее.

— „Чѣмъ мы будемъ драться?“ спросилъ Амиранъ Хосроя, луками или чѣмъ-либо другимъ?

— „Безъ луковъ“, былъ отвѣтъ Хосроя.

Утромъ, какъ только лучи восходящаго солнца освѣтили мѣръ, царь Аспанъ съ царицей, дочерьми-свѣтилами и всею знатью занялъ мѣсто на высокихъ сидѣнїяхъ и началъ пировать. Тутъ пѣли поэты и показывали свое искусство гимнасты. Явились также женщины и мужчины. Барабанщики барабанили и трубачи трубили. Народъ кипмя кипѣлъ.

Въ это время царь Аспанъ прислалъ челоуѣка сказать нашему господину Амирану, чтобы онъ подрался съ Хосроемъ по-амирановски. Тогда Амиранъ сказалъ: „Хосро права измѣнническаго; можетъ-быть, противъ меня измыслилъ какую-либо напасть!“ И поэтому онъ, на всякій случай, счелъ нужнымъ надѣть на себя подъ латами кольчугу. И Амиранъ, такъ незамѣтно вооружившись, вышелъ на ристалище, куда выскочилъ съ другой стороны и Хосро, наказавши своему рабу подать ему лукъ при началѣ же борьбы.

Какъ только они обступили другъ друга и приготовились въ бою, то заранѣе предупрежденный рабъ подаль Хосрою лукъ. Хосро, потянувъ тетиву, пустилъ стрѣлу въ грудь Амирана. Стрѣла, пробивъ броню и латы съ кольчугой, сильно ранила Амирана.

Раненный Амиранъ сказалъ Хосроу: „Ты хотѣлъ убить меня измѣннически! Будь же проклять ты, нарушитель обычая истинныхъ героевъ! Теперь, посмотримъ, усользнешь ли ты изъ моихъ рукъ!“ Разсвирѣпѣвшій Амиранъ атаковалъ противника, не желая его вовсе падить; Хосро, испугавшись, сталъ убѣгать. Тогда я, Саварсимидзе ⁴⁹⁾, доложилъ Амирану, господину моему: „Не гнѣвайся, Амиранъ! Онъ не выдержитъ твоего удара, и ты убьешь его!“ Амиранъ, внявъ словамъ своего раба, бросилъ пашку въ сторону и погнался за убѣгающимъ; нагнавъ его, онъ поднялъ его съ сѣдла и ударилъ объ землю съ такой силой, что тотъ лишился чувствъ.

— „Клянусь Всевышнимъ Богомъ, если бы ты не былъ царемъ“, говорилъ Амиранъ полуживому Хосроу: „тутъ же убилъ бы я тебя!“ Амиранъ отошелъ отъ Хосроя, котораго, почти что простившагося съ жизнію, подняли рабы его и увезли.

Царь Аспанъ, обрадовавшись побѣдѣ Амирана, особенно благодарилъ его за сохраненіе жизни Хосроя хазарскаго.

Послѣ этого Амиранъ Дареджанисдзе, побѣдивъ еще семь героевъ, получилъ позволеніе царя Аспана взять его дочерей-свѣтилъ. Царевны съ великимъ приданымъ доставлены были въ Багдадъ къ Амиру Мумли, который женилъ на нихъ своихъ сыновей.

Мзечабукъ.

Ногаецъ (б-ꞤꞤ) Раибъ разсказалъ господину моему Амирану Дареджанисдзе, находившемуся на охотѣ и убившему двухъ львовъ, слѣдующее:

⁴⁹⁾ Мосе Хонели, авторъ „Амирана-Дареджаніани“, пишетъ свою эпопею со словъ Саварсимидзе, очевидца походовъ и дѣяній Амирана Дареджанисдзе и др. героевъ.

„Арабы увели меня въ плѣнъ въ Аравію, гдѣ я подросъ и сталъ заниматься разбоемъ. Въ это же время появились тамъ три разбойника, которые опустошали страну Аравію. У нихъ было 3,000 отборныхъ воиновъ, и я присоединился къ нимъ. Мы навели ужасъ на всю страну, грабили и убивали всѣхъ, осмѣливавшихся беспокоить насъ нападеніями. Наконецъ, населеніе вышло изъ терпѣнія и выслало противъ насъ 12,000 конныхъ турокъ. Мы разбили ихъ наголову и, обративъ въ бѣгство, разгромили и навели ужасъ на всѣхъ. Приобрѣвъ огромныя богатства, мы жили вольно: охотились, лѣто проводили въ горахъ, а по зимамъ спускались въ долины. Однажды пришелъ къ намъ нѣкій человѣкъ и сказалъ, что идетъ огромный караванъ изъ Индіи въ Персію и его сопровождаетъ отрядъ изъ 4,000 конныхъ воиновъ. Мы сейчасъ же отправились, напали на тотъ караванъ и овладѣли имъ; успѣли ускакать только три человѣка, въ догонку за которыми пустились сто нашихъ воиновъ; увидѣвъ, что ихъ догоняють, двое изъ нихъ стали наносить удары одному изъ своихъ товарищей и, изранивъ его, скрылись. Раненый, которому мы подали первую помощь, рассказалъ намъ, что онъ былъ проводникомъ каравана, ограбленнаго нами, начальниками же и князьями каравана были тѣ, которые его избили и изранили, предполагая съ его стороны измѣну. „Нанося мнѣ удары“, говорилъ раненый: „убѣжавшіе начальники-князья твердили: Ты, зная мѣстонахожденіе нашихъ табуновъ, можешь услужить грабителямъ нашимъ еще другой разъ и указать имъ путь, ведущій къ нашимъ табунамъ, и потому не оставимъ мы тебя живымъ. Знайте же“, прибавилъ онъ: „что табунъ ихъ состоитъ изъ 20,000 невыѣзженныхъ лошадей!“ Все наше имущество скрывъ тутъ же въ нашей крѣпости и взявъ въ путеводители того же раненаго человѣка, пустились мы въ путь. Мы ѣхали 40 дней и, наконецъ, поднявшись на горный хребетъ, увидѣли за переваломъ его

огромный табунъ, который пасся безъ присмотра людей. Мы послали 1,000 воиновъ съ порученіемъ пригнать къ намъ весь табунъ. Порученіе они привели въ исполненіе, и мы, погнавъ табунъ впередъ, двинулись дальше. Вдругъ вдали показались 4 всадника, старшій изъ которыхъ сидѣлъ на огромномъ конѣ. Насъ было 3,000 человекъ, и потому мы не обратили на нихъ никакого вниманія, но они, обогнавъ насъ, загородили намъ дорогу. Тогда старшій изъ нихъ, обратившись къ намъ, сказалъ: „Кто вы такіе? Табунъ этотъ мой, я Мзечабукъ! Плохо сдѣлали вы, что угнали моихъ лошадей! Со вѣтуго вамъ оставить табунъ и удалиться по добру-по здорю! Вы ошиблись, избравъ себѣ этотъ путь!“ Мы оставили его безъ отвѣта, но онъ повторилъ свое требованіе. Тогда мы обругали его, а онъ спросилъ нашего путеводителя: „Арабы ли они?“ — „Да!“ отвѣтилъ тотъ. Мзечабукъ, взявъ копье, имѣющее у его раба, атаковалъ насъ. Выступили впередъ наши атаманы, но Мзечабукъ одного убилъ копьемъ, другого шашкою, третьяго, снявъ съ сѣдла, ударилъ объ землю и покончилъ и съ нимъ. Увидѣвъ это, мы растерялись и обратились въ бѣгство, но онъ, догнавъ насъ, сталъ опустошать наши ряды. Я былъ раненъ вмѣстѣ съ моимъ конемъ. Мзечабукъ, нагнавъ меня, спросилъ: „Несчастный, какъ осмѣлились вы угнать мой табунъ?“

— „Вотъ этотъ проводникъ ввелъ насъ въ заблужденіе“, отвѣтилъ я. А проводникъ, стоявшій тутъ же, смѣясь, сказалъ: „Табунъ Мзечабука вы за караванъ что ли приняли!“ Тутъ выяснилось, что нанесеніе ранъ проводнику и все дальнѣйшее придумано было лишь съ тою цѣлю, чтобы обмануть насъ и привести къ гибели.

— „Въ чемъ дѣло?“ спросилъ Мзечабукъ нашего проводника; онъ же, изложивъ всю суть дѣла о насъ и о себѣ, добавилъ, что если бы все это не было придумано, то грабители каравана не явились бы сюда угнать табунъ того, который

одинъ только и могъ побѣдить ихъ и отомстить за нашу кровь! Эти слова разсмѣшили Мзечабука, и онъ сказалъ: „хорошо же все предусмотрѣно“!

Мзечабукъ вернулся, и я поѣхалъ съ нимъ въ его домъ, гдѣ и вылѣчился отъ ранъ. По моемъ выздоровленіи онъ подарилъ мнѣ много добра и сказалъ: „Вернись въ свой домъ“!

— „Нѣтъ у меня дома!“ отвѣтилъ я: „пока живы были убитые тобою герои, я служилъ имъ, а такъ какъ они болѣе не существуютъ, я не найду другого такого повровителя какъ ты, и буду служить тебѣ до своей смерти!“

— „И я не хотѣлъ губить ихъ“, замѣтилъ мнѣ Мзечабукъ: „я съ ними говорилъ вѣжливо, а они стали горячиться! Арабы, народъ гордый и спокойно не умѣютъ говорить!“

Теперь скажу вамъ о домѣ и величіи Мзечабука, что и языкомъ трудно передать.

Прежде всего доложу вамъ, что такого прекраснаго человѣка, какъ Мзечабукъ, я съ рожденія моего не видалъ, о героизмѣ же его судите сами. Онъ былъ прекрасный охотникъ и охотился часто. Враждовать съ нимъ никто не осмѣливался. Стрѣлялъ онъ изъ лука такъ мѣтко, что въ этомъ искусствѣ никто съ нимъ не могъ сравниться. Однажды мы были на охотѣ, и поохотился онъ славно, что доставило ему большое удовольствіе. Во время охоты подошелъ къ нему нѣкій человѣкъ, поклонился низко и доложилъ такъ: „Такъ какъ ты очень любишь охоту, я возьму тебя на такое мѣсто, какого тебѣ не приходилось еще видѣть. Мѣсто то находится далеко, и если дальность не затруднить тебя, лучшаго мѣста не отыщешь!“ Мзечабукъ обрадовался. Взявъ съ собою и того человѣка, мы вернулись домой, и тутъ Мзечабукъ спросилъ его: „Кто ты и изъ какой страны?“

— „Убогій я человѣкъ и самъ не знаю, изъ какой страны я происхожу“ доложилъ онъ Мзечабуку.

— „Какъ далеко находится то мѣсто охоты, о которомъ ты говоришь“?

— „Насъ раздѣляетъ разстояніе 15-дневнаго пути“.

— „Если бы до этого мѣста былъ даже 40-дневный путь, и въ томъ случаѣ я не отказался бы ѣхать туда!“ послѣдовалъ отвѣтъ Мзечабуа.

Вооружившись, мы двинулись въ путь. Проводникомъ нашимъ былъ готъ же убогій человѣкъ. Проѣхавъ 12-дневное разстояніе, мы вступили въ мѣстность труднопроходимую и бѣдную, но, проѣхавъ и ее благополучно, прибыли къ мѣсту охоты. Страна эта была большая, прекрасная и удобная для охоты (и охотились мы славно!); водилось тутъ много звѣрей, которыхъ Мзечабуъ билъ, какъ какихъ-нибудь кошекъ; и онъ билъ ихъ не только пашкой, но много разъ и однимъ внутомъ!

Однажды мы охотились. Мзечабуъ натравилъ своего сокола на чирка и самъ побѣждалъ за нимъ. Вдругъ выбѣжали изъ камыша два льва и бросились на него. Мзечабуъ, схвативъ одного изъ нихъ за шею, поднялъ вверхъ, ударилъ объ другого звѣря и обоихъ уложилъ тутъ же. (Теперь, при видѣ убитыхъ тобою (Амираномъ) львовъ, я невольно прослезился, вспомнивъ тогдашнія дѣянія Мзечабуа, который такъ же легко уложилъ львовъ, какъ теперь ты!). Остались мы тамъ довольно долгое время и охотились много, что доставило Мзечабуу большое удовольствіе. Только удивляло насъ одно, что въ этой прекрасной странѣ на разстояніи 3-дневнаго пути не встрѣчалось ни деревень ни городовъ, и такое отсутствіе человѣка мы объяснили страхомъ населенія предъ звѣрями, расплотившимися въ ней. Затѣмъ Мзечабуъ поблагодарилъ нашего проводника, доставившаго ему удовольствіе поохотиться въ этихъ мѣстахъ. Проводникъ сказалъ ему, что если бы не такой герой, какъ онъ, то никто другой не осмѣлился бы явиться сюда, и затѣмъ добавилъ: „Разъ ты такой славный герой, скажу тебѣ, что тутъ же по близости есть

другое мѣсто охоты, превосходящее здѣшнее, но и опасное, такъ какъ тамъ водятся страшные звѣри; дальше того мѣста, на разстояніи однодневнаго пути, имѣется еще одно мѣсто, къ которому не можетъ приблизиться ни одно существо: въ немъ живетъ удивительный звѣрь, огромный какъ слонъ и подобный льву, съ человѣческой головой. Ни одинъ человѣкъ не можетъ близко подойти къ нему. Водился тамъ же единорогъ, но и его онъ поборолъ и, сваливъ, убилъ. Этотъ звѣрь называется „левъ-человѣкъ“; никто его не видѣлъ, но такъ утверждаютъ всѣ.

Извѣстіе это опечалило насъ, и мы стали сердиться на проводника, но Мзечабукъ приказалъ намъ замолчать, а тому человѣку велѣлъ идти впередъ и указать намъ путь, ведущій къ слѣдующему мѣсту охоты. Мы прибыли туда и, поохотившись много и убивъ множество звѣрей, отправились дальше въ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться левъ-человѣкъ.

Прибыли мы туда и охотились много дней. Затѣмъ Мзечабукъ приказалъ проводнику повести насъ къ логовищу того чудеснаго звѣря. Онъ заплакалъ и началъ уговаривать Мзечабуку отказаться отъ своего намѣренія. „Пожалѣй свою юность и не ходи туда!“ умолялъ проводникъ Мзечабуку.

— „Разъ я пришелъ сюда, ничто не удержитъ меня отъ боя съ тѣмъ звѣремъ!“ настаивалъ Мзечабукъ.

Пустились мы въ путь и подошли къ логовищу льва-человѣка, котораго не оказалось тамъ. Мы занялись охотой, но безуспѣшно: львомъ-человѣкомъ изведены были всѣ звѣри въ той окрестности. Мзечабукъ спросилъ проводника: „Ну, гдѣ же тотъ звѣрь?“

— „Вѣрно онъ куда-либо отправился!“ отвѣтилъ проводникъ. Когда мы вели этотъ разговоръ, послышался въ камышахъ трескъ, подобный грохоту сталкивающихся скалъ, и показался страшный звѣрь. Проводникъ убѣжалъ, а Мзечабукъ, надѣвъ доспѣхи, вскочилъ на коня и поднялъ копье.

(Въ это время онъ былъ просто неподобенъ!) Звѣрь, увидя челоуѣка, съ ревомъ выскочилъ изъ камышей и бросился на Мзечабуку, который съ своей стороны атаковалъ его и съ перваго же разу вонзилъ въ его пасть копые съ такой силой, что повалилъ его на колѣна. Затѣмъ, прыгнувъ съ коня, обнажилъ пашку и вступилъ въ бой. Мзечабукъ ударилъ по немъ пашкой, а онъ билъ его лапой; удары лапы по доспѣхамъ Мзечабука и пашки послѣдняго по костямъ звѣря производили такой трескъ, какъ раскаты грома. Бились долго, и наконецъ пашка разрубила звѣря пополамъ.

Населеніе тѣхъ странъ, узнавъ о гибели страшнаго звѣря, явилось со всѣхъ сторонъ поклониться Мзечабуку и восхвалять его. „На всей землѣ нѣтъ подобнаго тебѣ героя!“ говорили они Мзечабуку. Населеніе радовалось потому именно, что прекрасная страна ихъ была разорена убитымъ звѣремъ. Мзечабукъ получилъ много подарковъ, и было всеобщее веселіе.

Мы впоследствии узнали, что нашъ проводникъ самъ былъ изъ этой страны и былъ подосланъ къ Мзечабуку съ намѣреніемъ побудить его прійти сюда. Мы проводили время въ охотѣ, а жители начали строить дома.

Въ это время прибылъ къ Мзечабуку одинъ высокопоставленный челоуѣкъ и, восхваляя его, сказалъ: „Благословенъ Тотъ, Кто сотворилъ тебя и благословенна земля, на которой ты выросъ, такъ какъ на всей землѣ нѣтъ подобнаго тебѣ героя!“ И онъ поднесъ Мзечабуку великіе дары и, проведши съ нами въ охотѣ много дней, сказалъ Мзечабуку: „Имѣю сообщить тебѣ кое-что!“

— „Доложи!“ приказалъ ему Мзечабукъ.

— „Эта страна Хазаретія, и тотъ проводникъ твой тоже подданный хазарскаго царя. Сообщение мое есть тайна, и оно пригодится тебѣ. Сообщаю же тайну потому именно, что на всемъ мірѣ нѣтъ такого виднаго героя, какъ ты. Царь хазарскій есть владѣтель всего міра и вседержецъ. У него

нѣтъ сына, но есть дочь, подобно которой еще никому не приходилось видѣть. Самъ отецъ, великій хазарскій царь, далъ ей клятвенное обѣщаніе, что не выдастъ ее замужъ до тѣхъ поръ, пока я не найду соотвѣтствующаго ей жениха. О твоёмъ героизмѣ и твоей славѣ, давно слышали не только я, но и самъ царь, который и направилъ къ тебѣ того проводника, чтобы тебя склонить прибыть сюда, убить звѣря и совершить то, что по всеобщему убѣжденію не могло быть совершено никѣмъ. Но теперь доброта и красота царевны привлекла сюда также и другихъ доблестныхъ и храбрыхъ героев, а именно: Гамара Газнели (Համար Գազնելի), Ордаварели и Мосора Надиридзе; всѣ эти трое стоятъ у воротъ столицы. Ожидаютъ также прибытія Имириндо, о которомъ передаютъ, что подобнаго ему героя нѣтъ на всей поверхности земли. И вотъ за того, кто отличится изъ числа этихъ героевъ, и выдастъ царь свою дочь и утвердитъ его на своемъ престолѣ. Это зналъ я и сообщаю тебѣ, дальнѣйшее же будетъ зависѣть отъ твоего благоусмотрѣнія“.

Мзечабукъ, поблагодаривъ его, сказалъ ему: „Ты человекъ хорошій и сказанное тобою тоже хорошо; ступай впередъ, и я послѣдую за тобой!“

— „У тебя малое число воиновъ“, замѣтилъ онъ Мзечабуку: „возьми съ собой своихъ людей и вызови свое воинство“.

— „Войска не надо! И безъ нихъ обойдется! Иди впередъ!“ приказалъ ему Мзечабукъ.

Пустился онъ въ путь, и мы пошли за нимъ. Куда мы ни приставали, вездѣ насъ принимали, какъ владѣтелей; встрѣчали насъ въ городахъ, воздавали поклоны Мзечабуку, восхваляли его. Шествіе наше всюду было торжественное. Проводникъ нашъ оказался воспитателемъ хазарскаго царя и назывался онъ Абрамомъ. Оставался до столицы еще 3-дневный путь, когда прибылъ къ намъ одинъ человекъ, который, поклонившись Мзечабуку, что-то шепнулъ Абраму. Мзеча-

букъ спросилъ послѣдняго: „кто этотъ человѣкъ и съ какимъ онъ пришелъ извѣстіемъ“?

— „Онъ сообщилъ, что въ странѣ миръ и затѣмъ спрашивалъ о твоёмъ здоровьѣ“, отвѣтилъ Абрамъ.

Затѣмъ Мзечабууъ обратился къ прибывшему человѣку и спросилъ: „скажи, что знаешь“?

— „Пріѣхалъ Имириндо съ великой силой и славой“, отвѣтилъ онъ, и остановился въ парчевыхъ палаткахъ, украшенныхъ порфирой. До него же прибыли съ громадными войсками Гамаръ Гавнели, Ордаварели и Мосоръ Надиридзе, которые расположились у городскихъ воротъ. Ожидаютъ еще Дорать-Дилама и Амаръ Іаманели тоже съ войсками“.

Какъ только онъ сказалъ намъ это, мы поспѣшно пустились въ путь и догнали Дорать-Дилама и Амаръ Іаманели. Скоро наступила ночь, и мы расположились ночевать въ одномъ мѣстѣ—отдѣльно Мзечабууъ со свитой и отдѣльно Дорать-Диламъ и Амаръ Іаманели, которые были горды и не захотѣли ни привѣтствовать Мзечабука, ни навѣстить его. Мзечабууъ сказалъ Абраму: „такъ какъ они не пришли повидаться съ нами, пойдѣмъ къ нимъ мы сами и отъ этого ничего не проиграемъ“. И мы пошли. Они же, увидя насъ идущихъ къ нимъ, вышли навстрѣчу. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, они пригласили насъ въ свои палатки. Мзечабууъ весьма понравился имъ и они воскликнули: „Подобнаго героя нѣтъ на всей землѣ!“ Они угостили насъ ужиномъ, послѣ котораго мы вернулись въ свою палатку.

На слѣдующій день они посѣтили насъ, и у насъ же остались обѣдать. Пообѣдавъ, они ушли; тогда Абрамъ доложилъ Мзечабууу: „Вижу, что властелиномъ этой страны будешь ты, но такъ какъ ты идешь прямо съ мѣста охоты, то у тебя не будетъ подарковъ, чѣмъ бы могъ одарить этихъ героевъ. Если принажешь, я доставлю все нужное, а ты подари имъ!“ Мзечабууъ сказалъ ему большое спасибо и доба-

виль, что одарить героевъ слѣдуетъ, но безпокоить его этимъ онъ не думаетъ.

Но люди, посланные Абрамомъ, человѣкомъ знатнымъ и первѣйшимъ въ томъ царствѣ, доставили изъ ближайшаго города прекрасныя одежды и рѣдкія парчи, и Мзечабукъ богато одарилъ Дорать-Дилама и Амаръ Іаманели.

На слѣдующій день мы выступили отсюда и отправились дальше. Дорать-Диламъ и Амаръ Іаманели предложили Мзечабуку, чтобы послѣдній, котораго они считаютъ превосходнымъ человѣкомъ, зачислилъ ихъ въ число своихъ рабовъ. Мзечабукъ поблагодарилъ ихъ и сказалъ: „Вы будете, какъ мои братья, и мы всё остановимся вмѣстѣ у воротъ столицы“. На томъ они кланялись ему. Прибывъ въ воротамъ города, мы нашли тамъ четырехъ героевъ—Имариндо, Гамаръ Газнели, Ордаварели и Мосора Надиридзе, которые находились въ богато убранной красной палаткѣ. Для насъ же палатка была убрана Абрамомъ, съ этою цѣлью опередившимъ насъ. Палатка для Мзечабука устлана была паласами и коврами. Мы остановились въ этой палаткѣ, а съ боку отъ насъ Дорать-Диламъ и Амаръ Іаманели. Только что мы провели одинъ день, какъ всё стали говорить, что прибылъ Мзечабукъ, и со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться народъ, чтобы видѣть его. Всѣ, указывая на Мзечабука, говорили въ одинъ голосъ: „нигдѣ же встрѣчали мы подобнаго человѣка“.

На слѣдующій день посѣтили насъ Имариндо, Гамаръ Газнели, Ордаварели и Мосоръ Надиридзе, которые, по просьбѣ Мзечабука, остались у насъ обѣдать и получили отъ него большіе подарки.

Еще обѣдъ не былъ оконченъ, какъ прибылъ вельможа царя Хвасро хазарскаго, который прислалъ всѣмъ героямъ подарки, распредѣливъ ихъ такъ, чтобы большая часть досталась Мзечабуку, немножко меньше ея Имариндо, а всѣмъ прочимъ поровну; при этомъ царемъ наказано было вель-

можѣ привѣтствовать героевъ и передать имъ, что онъ радъ ихъ прибытію. Всѣ встали и поклонились представителю царя и затѣмъ, усѣвшись опять за столъ, окончили обѣдъ и разошлись.

На другой день мы всѣ были на пиру у Имириндо, куда прибылъ также царскій вельможа опять съ подарками и одеждами для всѣхъ. Провели цѣлый день въ веселии, слушали музыкантовъ и смотрѣли представленія акробатовъ. Впрочемъ, зачѣмъ удлинять повѣсть! Было здѣсь семь героевъ, и мы поочередно пиروвали и веселились то у одного, то у другого, и каждый разъ царь присылалъ подарки всѣмъ. Такъ мы провели много дней, веселясь и упражняясь на ристалищѣ, при чемъ оказалось, что изъ числа этихъ семи героевъ каждый имѣетъ свои особыя преимущества. Такъ, Мзечабукъ, какъ стрѣлочникъ изъ лука, превосходилъ всѣхъ прочіе; Имириндо несравненный былъ въ упражненіяхъ гимнастическихъ; вонземъ лучше всѣхъ владѣлъ Ордаварели; ѣздою на лошади отличался Доратъ-Диламъ; лучшимъ охотникомъ былъ Мосоръ Надиридзе; лучшимъ игрокомъ въ шахматы Амаръ Јаманели и несравненнымъ пловцомъ Гамаръ Газнели. (Мнѣ самому приходилось видѣть, какъ Гамаръ Газнели, взявъ на плечи вооруженнаго человека, пускался вплавъ въ какую угодно будущую рѣку и благополучно переправлялся на другой берегъ). Кто же изъ нихъ превосходилъ всѣхъ героизмомъ, узнаете сейчасъ же.

Однажды всѣ герои были на пиру у Мзечабука. Тутъ находился и Абрамъ, который, вставъ, обратился ко всѣмъ со слѣдующею рѣчью: „Отдыхъ, ѣда, охота или же радости не мало имѣли вы въ своихъ домахъ! Пора позаботиться о томъ, что заставило васъ явиться сюда и, вступивъ другъ съ другомъ въ бой, доказать свое превосходство; до сихъ поръ же вы напрасно теряли время“.

Имариндо, вставъ, спросилъ Абрама: „это слова твои или по предложенію царя?“

— „Царь ничего не говорилъ мнѣ, но я говорю отъ имени всѣхъ; всѣ желаютъ видѣть борьбу героевъ, и мы любимъ васъ за героизмъ, а охотиться, пировать и веселиться умѣемъ и мы!“ На это Мзечабукъ улыбнулся и сказалъ, что онъ и Имариндо не будутъ биться, а другіе пусть дѣлаютъ, чтó имъ угодно.

— „Или воевать или разойтись!“ воскликнулъ Ордаварели.

— „Завтра я выступаю на ристалище, и кто изъ васъ (кромѣ Мзечабука и Имариндо) хочетъ, пусть пойдетъ противъ меня“, предложилъ Амаръ Іаманели.

Вызовъ принялъ Мосоръ Надиридзе.

Утромъ слѣдующаго дня затрубили трубы и ударили въ барабанъ, и Хвасро, царь хазарскій, вмѣстѣ со знатью вышелъ смотрѣть на состязаніе героевъ. Предъ нимъ накрытъ былъ столъ, а также предъ Мзечабукомъ, сидящимъ съ находящимися при немъ героями. Вышли сюда также и горожане. Выѣхали въ кругъ Амаръ Іаманели и Мосоръ Надиридзе, которые бились до вечера и сбросили другъ друга съ лошади по три раза. Имариндо не захотѣлъ, чтобы они продолжали бой. Герои понравились всѣмъ, и царь подарилъ имъ одежды.

На другой день былъ поединокъ между Дорать-Диламомъ и Ордаварели; побѣда осталась за первымъ изъ нихъ.

На слѣдующій день дрались Гамаръ Газнели и Амаръ Іаманели, и бой кончился смертью послѣдняго, чтó сильно опечалило царя, Мзечабука и Имариндо, но Мзечабука больше всего. Тотчасъ разошлись всѣ. Царь въ этотъ день не раздавалъ одежду. Онъ, приславъ челоуѣка къ Мзечабуку и Имариндо, спросилъ ихъ: „не вражда ли была между состязавшимися? Чѣмъ объяснить, что Гамаръ Газнели лишился

жизни Амара Гаманели. Злой ли онъ былъ или просто-людинъ?“

Послѣ этого долгое время они не охотились, не упражнялись и не пировали, но печалились всѣ. Затѣмъ царь, приславъ всѣмъ подарки и одежды, утѣшилъ ихъ. „За измѣнническую смерть Амара Гаманели больше всѣхъ печалюсь я“, сообщилъ царь: „но дѣлать нечего! Пора вамъ опять предаться охотѣ, упражненіямъ и веселію“. Всѣ послушались царя и начали по старому охотиться, упражняться и пировать. Сообщили, что царь желаетъ видѣть борьбу Мзечабука съ Имириндо.

Въ одинъ день, на пиру у Мзечабука, Дорать-Диламъ сдѣлалъ вызовъ Гамару Газнели, но Мзечабукъ сказалъ первому: „Зачѣмъ вызываешь на бой челоуѣка незнатнаго и измѣнника? Если хочешь биться съ нимъ, то борись молодецки и хорошо, и старайся, чтобы онъ не причинилъ тебѣ бѣды!“

— „Зачѣмъ ты его учишь? Хочешь, самъ выходи противъ меня“, замѣтилъ Гамаръ Газнели Мзечабуку.

— „Такого вызова я и ожидалъ“, отвѣтилъ Мзечабукъ: „Богъ рѣшилъ твою погибель, и осуществится она!“

Отложили бой на слѣдующій день.

Царь прислалъ сказать Мзечабуку остерегаться измѣнника, но онъ отвѣтилъ: „Пусть онъ и прибѣгаетъ къ измѣннѣ; я все же буду биться съ нимъ!“

Царь занялъ свое мѣсто у ристалища, куда собрались и всѣ горожане, жаждущіе видѣть Мзечабука. Затрубили въ трубу, ударили въ барабанъ и выступили съ одной стороны Мзечабукъ, а съ другой—Гамаръ Газнели. Царевна, узнавъ, что въ поединкѣ принимаетъ участіе Мзечабукъ, подошла къ окну дворца и подобно солнцу освѣтила все ристалище. Мзечабукъ, увидя ее, догадался, что она хочетъ смотрѣть на его бой. Онъ крикнулъ Гамару Газнели: „Держись осторожно, а то, клянусь Всевышнимъ Богомъ, убью тебя, такъ

какъ ты измѣнически погубилъ Амара Іаманели!“ И, атаковавъ его, онъ шапкою расцѣпилъ ему голову и убилъ. Царь и царица столь сильно обрадовались, что вскочили съ своихъ мѣстъ и громко стали смѣяться. Всѣ стали хвалить Мзечабука; царь, царица и высокопоставленныя лица подарили ему много драгоценныхъ одеждъ, при чемъ царь сказалъ побѣдителю: „Благословенъ Богъ, который даровалъ тебѣ такую отвагу, что сумѣлъ отомстить за кровь Амара Іаманели“.

Послѣ этого мы проводили время въ веселіи, охотѣ, и упражненіяхъ. Однажды, когда мы находились у Мзечабука, Абрамъ сказалъ ему, что царь сильно торопится видѣть борьбу его съ Имириндо.

— „Я стыжусь сдѣлать вызовъ Имириндо“, сказалъ Абраму Мзечабукъ: „когда будемъ вмѣстѣ, ты самъ сдѣлай намъ обоимъ предложеніе“.

Въ одинъ день мы обѣдали у Имириндо. Всталъ Абрамъ, наполнивъ виномъ двѣ чашки и, подавъ одну Имириндо, а другую Мзечабуку, сказалъ имъ: „Львы-герои! выпейте это вино и знайте, что всѣ желаютъ видѣть вашу борьбу!“

— „Мзечабукъ, опорожни чашку и затѣмъ исполнимъ волю всѣхъ!“ обратясь къ Мзечабуку, сказалъ Имириндо. Онъ тоже согласился съ нимъ, и, расцѣловавшись другъ съ другомъ, они отложили бой на завтра.

Утромъ раставили парчевыя палатки, поддерживаемыя золотыми столбиками, и убрали ихъ златотканными матеріями. Вышелъ Хвасро, царь хазарскій, занялъ свое мѣсто и посадилъ возлѣ себя за столомъ вельможъ; явились также пѣвцы, акробаты, трубачи, барабанщики и народъ. Мы тоже приблизились къ трапезѣ царя, а царица сѣла на высокую плоскую крышу вмѣстѣ со своей дочерью. Число зрителей было несмѣтно, радость всеобщая. Когда Мзечабукъ выступилъ въ

вругъ въ полномъ вооруженіи, всѣ въ одинъ голосъ сказали „Въ мірѣ не будетъ подобнаго героя! Состязаться съ нимъ никто не можетъ!“ Выступилъ также Имиридо, который тоже понравился всѣмъ. Царь прислалъ имъ сказать, чтобы они во время борьбы не измѣнили другъ другу.

— „Я не измѣню, а онъ самъ знаетъ“, отвѣтилъ царю Мзечабукъ.

И герои погнали своихъ жеребцовъ, обсвѣдали другъ друга и затѣмъ сшиблись такъ яростно, что такую отчаянную борьбу мнѣ еще не приходилось видѣть, да и самъ народъ свидѣтельствовалъ то же самое. Бились до сумерекъ и разошлись; побѣда не склонилась ни во чью сторону. На слѣдующій день повторилось то же самое: борьба ихъ не перемѣнила ни въ ту ни въ другую сторону, что опечалило Мзечабука. Царь подарилъ имъ красивыя одежды, похвалилъ и сказалъ, что болѣе не позволитъ имъ состязаться. Имиридо не возразилъ царю, но Мзечабукъ сказалъ: „Завтра еще разъ испытаемъ другъ друга, и если борьба окажется равною, прекратимъ наше состязаніе“.

Утромъ опять всѣ заняли свои мѣста и герои атаковали другъ друга и бились до вечера, но безуспѣшно; наконецъ Мзечабукъ, прищипоривъ своего жеребца, бросился на противника, который, размахнувшись шашкой, разрубилъ желѣзную броню Мзечабука и ранилъ его въ голову. Мзечабукъ же, бросивъ вонъ свою шашку, полетѣлъ къ нему, схватилъ за руку, въ которой онъ держалъ шашку, снялъ его съ сѣдла и ударилъ объ землю такъ, что онъ лишился чувствъ. Царь, вскочивъ съ мѣста, крикнулъ: „убить Имиридо не велитъ Богъ!“

— „Я хотѣлъ его побѣдить и побѣдилъ, а убить и не думаю!“ отвѣтилъ Мзечабукъ.

— „Благословенъ Богъ, который тебѣ далъ такое сердце и героизмъ!“ говорилъ побѣдителю царь.

Всѣ радовались побѣдѣ Мзечабука и хвалили его. Ими-

рииндо же по прошествіи нѣкотораго времени очнулся и всталъ на ноги. Обоихъ героевъ царь взялъ въ свою палату, одѣлъ въ лучшія одежды, одарилъ богато и, затѣмъ всѣ вернулись въ городъ.

На другой день Имириндо пришелъ въ палату Мзечабука и благодарилъ его за то, что не лишилъ его жизни. Они подружились и побратались. Мы находились въ ожиданіи свадьбы Мзечабука и царевны.

Въ одинъ день у Мзечабука находились Имириндо, Ордаварели, Дорать-Диламъ и Мосоръ Надиридзе. Прибылъ также Абрамъ и занялъ свое мѣсто. Онъ былъ очень печаленъ.

— „Почему ты такъ пригорюнился?“ спросилъ его Мзечабукъ.

— „Радость царя“, говорилъ Абрамъ: „оказалась недолговѣчной: царица не хотѣла выдать царевну замужъ, и ее прошедшею ночью похитили и увезли въ страну геніевъ, куда не можетъ вступить никто, даже если соберутся вмѣстѣ герои всего міра; о дальнѣйшемъ судить предоставляю вамъ!“

Тяжело стало намъ всѣмъ. Имириндо не пожелалъ ни итти въ страну геніевъ, ни оставаться здѣсь. Мзечабукъ же, какъ его ни уговаривалъ Абрамъ, изъявилъ желаніе во что бы ни стало вырвать царевну изъ рукъ похитителей. И, взявъ у Абрама проводниковъ, онъ пустился въ путь. Его добровольно сопровождали Дорать Диламъ, Мосоръ Надиридзе, я, Райбъ ногаецъ, и два раба Мзечабука. Скоро мы проѣхали Хазаретію и вступили въ страну геніевъ.

(Въ *) странѣ геніевъ наши герои видѣли отчаянную борьбу Ибадь Абаша съ несмѣтнымъ войскомъ геніевъ, которые, перебивъ весь отрядъ Ибадь Абаша, смертельно ранили и его самого; затѣмъ они вступили въ бой съ геніями,

*) Въ скобкахъ заключенное есть нашъ пересказъ.

напавшими на нихъ по зову какой-то старухи, жившей въ пещерѣ, и когда убили эту старуху, разсѣялось и ея воинство. Идя дальше, они встрѣтили громадное воинство и страшнаго дракона, загородившаго путь, ведущій по скалистымъ тропамъ къ пещерѣ, въ которой заключена была царевна. Мзечабузь и его друзья тутъ оказали неимовѣрную храбрость, убили дракона и, разбивъ враговъ на-голову, очистили себѣ путь къ пещерѣ. Когда Мзечабузь подошелъ къ входу въ пещеру, надъ которой воздвигалась огромная скала, его встрѣтили воины-герои и богатыри. Мзечабузь бился съ ними цѣлый день и потомъ ворвался въ самую пещеру, друзья же его остались внѣ пещеры и слышали душу захватывающіе крики, исходящіе изъ нея. Какой-то воинъ съ человѣческой головой, выбѣжавъ изъ пещеры, сообщилъ имъ, что Мзечабузь лишился головы. Они страшно опечалились, стали плакать и рыдать. Въ такомъ плачевномъ состояніи они провели три дня, не зная, что дѣлать и на что рѣшиться; и вдругъ появился Мзечабузь съ царевной, что привело ихъ въ неописуемый восторгъ. На привѣтствіе друзей, Мзечабузь отвѣтилъ, что онъ дрался безъ отдыха пять сутокъ и неимовѣрная храбрость его вознаградила его такою красавицей, какъ царевна. Тутъ онъ поцѣловалъ ее, а затѣмъ всѣ отправились въ Хазаретію, гдѣ ихъ приняли съ великимъ торжествомъ и вскорѣ сыграли свадьбу Мзечабука съ царской дочерью).

Въ день свадебнаго торжества возложили на голову Мзечабуза круглую корону изъ шлифованнаго яхонта и посадили новобрачныхъ на бирюзовый и лаловый престоль. Затѣмъ царь хазарскій самъ собственноручно возложилъ на Мзечабука безцѣнный царскій вѣнецъ, благословилъ его и, объявивъ царемъ всей Хазаретіи, обратился къ знати со слѣдующими словами: „Вотъ государь-царь вашъ!“ Всѣ поклонились ему, благословили, восхваляли, признали царемъ Ха-

заретіи, одарили несмѣтнымъ числомъ шелковыхъ тканей и драгоценностей. Итакъ, Мзечабукъ утвердился на блестящемъ тронѣ и сталъ великимъ царемъ, Дорать Дилама же и Мосоръ Надиридзе онъ оставилъ служить при себѣ и весьма возвеличилъ ихъ.

Мзечабукъ жилъ долгое время и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. По смерти царя Хосроя онъ сталъ единодержавнымъ государемъ и проводилъ время въ удовольствіи, веселіи, охотѣ и пиршествахъ. Высокопоставленныхъ лицъ онъ обогатилъ дарами; воля его исполнялась всѣми безпрекословно; царство его расширилось присоединеніемъ къ нему другихъ странъ. Войско его было отличное и бесчисленное. Мзечабукъ не имѣлъ враговъ, а если они и были, то не смѣли превословить. Я видывалъ многихъ героевъ, но подобнаго ему ни одного! Жилъ онъ долго и отнялъ у сосѣдей множество царствъ. Имѣлъ онъ двухъ сыновей, красивѣйшихъ изъ красивыхъ. Когда царь и царица разводѣлись и сѣдлись на тронъ, они были неподобны!

Однажды Мзечабукъ, возвращаясь съ охоты, у городскихъ воротъ встрѣтилъ шестерыхъ героевъ, которые поклонились ему и стали его восхвалять. Мзечабукъ, поздоровавшись съ ними, своимъ людямъ приказалъ пріютить ихъ. Они жили при дворѣ и, вкравшись въ довѣріе къ царю, стали его постельниками. Онъ ихъ бралъ на охоту, приглашалъ къ своему столу, дарилъ имъ много и вообще обходился съ ними милостиво и съ довѣріемъ. Старикъ Али, лицо высокопоставленное и воспитанное хазарскимъ царемъ Хосроемъ, тайно предупреждалъ Мзечабука не довѣряться слишкомъ постельникамъ: старикъ, оказывается, догадывался, что они подсланы съ цѣлью убить царя, но Мзечабукъ не вѣрилъ словамъ старика и не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности.

Однажды, послѣ охоты, мы остановились на полянѣ.

Пообѣдавъ, Мзечабукъ легъ спать въ своей палатѣ, и Мосоръ Надирисдзе предъ нимъ. Дорать-Диламъ же спалъ отдѣльно. Во время сна постельники напали на спящихъ убили Мосора Надирисдзе и, смертельно ранивъ Мзечабука, бросились бѣжать, но Мзечабукъ все же успѣлъ догнать ихъ и убить одного измѣнника. Мы прибѣжали въ палатку Мзечабука и увидѣли, что онъ еще дышитъ (тутъ Раибъ ногоаецъ, ударяя себѣ въ лицо, заплакалъ, зарыдалъ также и Амиранъ Дареджанидзе, и мы всѣ вмѣстѣ съ ними плакали долго и затѣмъ Амиранъ Дареджанидзе приказалъ Раибу продолжать повѣствованіе и онъ, хотя ему слезы и ѣшали выговаривать слова, началъ такъ:) и умирающій сказалъ намъ: „убили меня... Кто? измѣнники... Больше себя жалѣю Мосора Надирисдзе;.. осиротѣвшихъ свѣтилъ, сыновей въ траурѣ и слезахъ, опечалившееся царство, великое и славное... Дорать-Диламъ одинъ не сумѣетъ отомстить за мою кровь... Обо мнѣ и о моемъ героизмѣ сообщите лучшимъ героямъ, которые, узнавъ о дѣяніяхъ моихъ, сжалятся надо мною и пойдутъ искать моей крови... Вельможи! моего маленькаго сына воспитайте такъ, какъ подобаетъ его происхожденію... Дорать-Диламъ! ты хорошій человекъ и хорошій герой; хорошо, что тебя не было со мной, а то и тебя убили бы... Моего сына поручаю тебѣ; имѣй его при себѣ, воспитывай, авось выйдетъ изъ него богатырь... Ты одинъ не въ силахъ искать моей крови... Ты герой одинокій, а ихъ много... Если же найдешь хорошаго богатыря, пригласи и его и иди отомстить за кровь мою и Мосора Надирисдзе. (Тутъ умирающій заплакалъ)... Тяжело мнѣ не потому, что умираю, а потому, что погибаю отъ руки плохихъ людей!...“

Сказавъ это, онъ опустилъ разяція героесъ руки и испустилъ духъ. Мы высокопоставленные его и рабы остались въ слезахъ!“

Раибъ кончилъ, и мы стали плакать горько. Вдругъ по-

казалась вдали мать Мзечабука съ его сыновьями, Дорать Диламомъ и 3,000 всадниками. На нихъ было траурное платье. Амиранъ Дареджанисдае встрѣтилъ ихъ и привѣтствовалъ мать Мзечабука и царицу съ вельможами, взявъ на руки маленькаго царевича, пахожаго на его отца и весьма красиваго. Затѣмъ Амиранъ пригласилъ ихъ къ себѣ, и мы всѣ пошли въ его домъ. Царица остановилась въ дворцѣ, Амиранъ же и другіе гости въ другихъ помѣщеніяхъ. Царица дала Амирану прекрасныя подарки, и Амиранъ тоже одарилъ царицу, ея вельможъ и всѣхъ.

По истеченіи нѣсколькихъ дней царица, взявъ съ собою царевича и вельможъ, посѣтила Амирана Дареджанисдае и сказала ему: „Ты человекъ прославленный и хорошій герой; подобнаго тебѣ героя нѣтъ на всей землѣ! Я чужая тебѣ, и сынъ мой тоже былъ незнакомъ тебѣ, но для твоего благородства это ничего не составляетъ. Завѣщаніе сына говоритъ, что только ты можешь помочь намъ... Мы слышали о твоёмъ героизмѣ, твоёмъ имени и предстали предъ тобой, а теперь, что соблаговолишь, то и дѣлай! Вручаю этого маленькаго внука моего тебѣ, и какъ угодно, такъ и воспитай! (Она положила царевича на колѣна Амирана, сама встала и, уходя, сказала:) Все же прочее тебѣ расскажем Дорать-Диламъ и вельможи“.

Отъ Дорать-Дилама Амиранъ узналъ, что Мзечабукъ отмщенъ за кровь Гамара Газнели и что мстителями были: Махатъ Газнели, братъ Гамара, Пирусенъ Биврели, Сабуръ Мисрели, Али Надиридзе, Абиръ Араби и Шави-Чабукъ.

Амиранъ Дареджанисдае поклялся царицѣ, что кровь ея сына не оставитъ безъ отмщенія, а внука ея воспитаетъ какъ сына своего властелина. Царица поблагодарила его, благословила и, одаривъ богато, вернулась въ Хазаретію.

По прибытіи въ Хазаретію, Дорать-Диламъ взялъ 20,000-тысячный отрядъ войска, вернулся къ Амирану, и они оба отправились противъ убійцъ Мзечабука, которые, по наве-

деннымъ справкамъ, находились въ городѣ Газани *). Къ Амирану и Дорать-Диламу присоединился также и Сепедвале Дариспанидзе, и у нихъ набралось войска 80,000 человекъ. Сильно укрѣпленный городъ Газань былъ взятъ героями, всѣ жители его перерѣзаны, а городъ сожженъ и опустошенъ.

Герои сообщили царю каварской, что мщеніе за кровь Мзечабука выполнено блистательно, что затѣмъ подтвердилъ и Дорать-Диламъ, вернувшійся въ Хазаретію съ газанскаго похода.

V. О Дидозтіи.

Походъ Амирана Дареджанидзе въ Дидозтію.

Вторженіе Амирана Дареджанидзе въ Кавказскія горы вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что друзья его Бадри Іаманидзе, Индочабукъ и Носаръ Нисрели были уведены въ плѣнъ дѣвами Бакбакомъ (ბაბაყა) и Хазараномъ. Передъ плѣненіемъ Носара Нисрели, на городъ его напало безчисленное множество татаръ, но онъ ихъ всѣхъ перебилъ и отправился на помощь къ Бадру Іаманидзе. По дорогѣ въ руки его попался человекъ, который говорилъ на персидскомъ языкѣ и еще на какомъ-то другомъ, котораго, однако, не понимали ни Носаръ Нисрели ни его друзья. Говорящій на этихъ двухъ языкахъ человекъ умолялъ Носара Нисрели и

*) Повидимому, новѣсть упоминаетъ о г. Казани, основанной на нѣкоторомъ разстояніи отъ теперешняго города (въ 40 верстахъ) въ среднѣ 13 столѣтія; послѣ взятія Батмемъ Булгара, двумя сыновьями Абдуллы-хана Булгарскаго, Алтукъ-бекомъ и Алимъ-бекомъ, туда перенесена была столица. Съ основаніемъ Казанскаго ханства Улу-Махметомъ, въ 1437 г., Казань, уже на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, сдѣлалась столицей новаго царства, хотя Воскресенская гѣтонья (и Никоновская) упоминаетъ о ханахъ Казанскихъ раяѣ Улу-Махмета. (Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. IV, 1898 г., стр. 57).

Ред.

его товарищей пощадить его, и говорилъ такъ: „Не убивайте меня: всякая религія исповѣдуетъ Бога. Зову самого Бога въ свидѣтели, что я великую службу сослужу вамъ“. Этотъ двуязычный человѣкъ послужилъ причиною того, что Носаръ Нисрели и его друзья попали въ плѣнъ врагамъ. На помощь плѣннымъ отправился Амиранъ Дареджанидзе.

„Мы“, рассказываетъ одинъ изъ соучастниковъ похода Амирана Дареджанидзе: „встрѣтили большія скалы и пещеры. Изъ скалъ вышелъ Дидо и сказалъ: „Привѣтъ твоему прибытію, Амиранъ!“ А Амиранъ ему: „Скажи, братъ, кто ты?“ Дидо отвѣтилъ: „Я былъ царемъ дидойцевъ, но дѣвы изгнали меня, войско мое перебили, и я остался одинъ“. Ему возразили: „Когда ты оказался такимъ жалкимъ, что осрамилъ царство, лучше было бы, если-бы и ты погибъ!“ Дидо доложилъ Амирану: „Отнынѣ, куда ни пойдешь, сумѣю сослужить тебѣ службу. Если ты хорошій витязь, дай слово, что по службѣ моей вернешь мнѣ мое отечество“. Амиранъ изволилъ сказать: „Клянусь именемъ Всевышняго Бога, дамъ тебѣ“. За царемъ дидойцевъ послѣдовали и мы. Мѣстность была скалистая, ущелье глубокое. На скалѣ подымалась еще другая скала, въ которой было множество драконовъ и людей. Амиранъ всѣхъ ихъ перебилъ. Отсюда мы шли еще три дня и встрѣтили плачущую женщину. На вопросъ: „О чемъ ты плачешь?“ она отвѣтила: „Вы нашей вѣры: припомнила я, какъ дѣвы похитили Бадра и меня взяли въ плѣнъ; съ того времени я нахожусь здѣсь, съ этими дьяволами. А теперь прикажите, и я подамъ вамъ обѣдъ“. Мы согласились. Она повела насъ къ пещерѣ, въ которую завела Амирана, а входъ въ пещеру заложила громаднымъ камнемъ. Мы остались снаружи. Женщина эта, оказывается, тоже была дѣви. Въ пещерѣ (скалѣ) былъ одноглазый человѣкъ, который имѣлъ также одноглазого сына. Послѣдній сказалъ отцу своему: „Отецъ, я знаю, что ты убьешь Амирана; поволь мнѣ, и

убью его“. Амиранъ схватилъ за ногу этого маленькаго дэви и со всего размаху швырнулъ его въ лицо отца-дэви и убилъ. Потомъ бросился на Амираана отецъ-дэвъ, но Амиранъ преодолѣлъ его, извлекъ ножъ и вонзилъ ему прямо въ глазъ. Дэвъ крикнулъ: „Не убивай, твое молодчество (чаш исто). Амиранъ тутъ же уложилъ и злоумышленную женщину-деви и, отворивъ двери, впустилъ насъ въ пещеру (скалу)“.

Далѣе передается, что Амиранъ и его друзья вмѣстѣ съ царемъ дидойцевъ перебили множество враговъ, убили Казарана, освободили заключенныхъ въ крѣпости плѣнниковъ Бадра Іаманидзе и Носара Нисрели и, очистивъ всю страну отъ непріятеля, утвердили въ ней царя дидойцевъ, а сами вернулись обратно съ большой добычей. По дорогѣ на Амираана и его друзей напали арабы, но они ихъ побѣдили и обратили въ бѣгство.

*Погодь въ Дидоэтію Іоанна, полководца царицы Тамары *)*.

Начали волноваться горцы пхоемы и дидойцы. Послѣдніе ѣдятъ мясо удушенныхъ животныхъ и обыкновенно не варятъ его. Нѣсколько братьевъ имѣютъ одну общую жену; многіе кланяются невидимому дьяволу, а другіе черной, не имѣющей пятна, собакѣ. Пхоемы же служатъ кресту и считаютъ себя христианами. Вотъ эти-то горцы стали грабить, убивать и брать людей въ плѣнъ, днемъ и ночью. Тамара, вызвавъ мтіуловъ, двальцевъ, цѣразмійцевъ, мохевцевъ, хадцевъ, ухаватовъ, чарталовъ и эрцотіанетцевъ, отдала ихъ въ распоряженіе Іоанна Мкаргрдени и отправила противъ бунтующихъ горцевъ. Іоаннъ чрезъ Хадскую гору поднялся на горную вершину и очутился надъ страной пхоельцевъ и дидойцевъ. Князья дурзукскіе явились къ нему съ дарами и

*) Кирел. Ухов., т. I, стр. 383 и его до-вахтанговскій вариантъ № 131 библиотеки Др.-ща).

войсками, и всѣ вмѣстѣ стали громить возставшихъ въ продолженіе іюня, іюля и августа. Горцы усмирились, дали заложниковъ и обѣщали платить дань и быть вѣрными. Іоаннъ вернулся съ золотниками.

Отъ автора.

„Диларіани“ и „Амиранъ-Дареджаніани“, изъ которыхъ мы извлекли сказанія о Джимшерѣ I-омъ, Джимшерѣ II-омъ, Хосроѣ и Мзечабуѣ, относятся къ цылу героическихъ произведеній XII вѣка. Они извѣстны также лѣтописямъ Грузин и поэту Шота Руставели.

Послѣдній пишетъ:

ამირან დარეჯანის ძე
მოსეს უქია ხონელსა;
აბდულ მესია—შავთელსა,

ლექსი მას უქეს რომელსა;

დილარგეთ—სარგის თმოგველსა,

მას ენა დაუშრომელსა;

ტარიელ—მისსა რუსთველსა,

მისთვის ცრემლი შეუშრობელსა;

Амирана Дареджанидзе

воспѣлъ Мосе Хонели;

Абдуль-Месію (воспѣлъ) Шавтели,

(тотъ), котораго стихъ восхваляли ¹⁾;

Диларгета (воспѣлъ) Саргисъ Тмогвели,

Тотъ, (котораго) языкъ не уставалъ;

Тариэля своего (воспѣлъ) Руставели,

для котораго (у него) слеза не оскудѣвала.

Прежде всего напрашивается вопросъ о томъ, можно

¹⁾ Іоаннъ Шавтели оставилъ намъ „Похвальное слово царицѣ Тамарѣ“ сочиненія же его „Абдуль-Месіа“ нѣтъ или, лучше сказать, не сохранилось на грузинскимъ языкѣ. Говорятъ, будто Абдуль-Месіей назывался самъ Іоаннъ Шавтели, но такому мнѣнію противорѣчатъ теченіе мысли Руставели, который хочетъ отиѣтить, кто именно кого восхвалялъ!

ли помѣщенные здѣсь повѣсти считать оригинальными, или онѣ составляютъ не болѣе какъ переводъ, или подражаніе литературнымъ произведеніямъ персидскаго эпоса?

Изъ классическихъ произведеній XI—XII вѣка переводными считаются „Ростоміани“, „Висраміани“; „Килила да Дамана“, оригиналы которыхъ имѣются на персидскомъ языкѣ, а „Барсова-кожа“, „Амиранъ-Дареджаніани“ и „Диларіани“ признаются самостоятельными твореніями Шота Руставели, Моисея Хонели и Саргиса Тмогвели: подобныхъ образцовъ персидская литература не знаетъ, и языкъ ихъ, особенно же „Барсовой кожи“ и „Амиранъ-Дареджаніани“, доведенный до высокаго совершенства, не обнаруживаетъ никакого вліянія иностраннаго языка, какъ это съ перваго же разу бросается въ глаза въ указанныхъ выше переводныхъ сочиненіяхъ.

Но, несмотря на это, Н. Я. Марръ находитъ, что и эти произведенія персидскаго происхожденія, и таковое свое убѣжденіе онъ высказываетъ въ сочиненіи: „Изъ книги царевича Баграта о грузинскихъ переводахъ духовныхъ сочиненій и героической повѣсти „Дареджаніани“, основываясь на двухъ мѣстахъ ¹⁾“:

а) У царевича Баграта сказано: „Книга та, которую сарацины называютъ *qıcaı hamza*, есть житіе исмаильтянъ и кое-какая часть ²⁾ той книги переложена ³⁾ и на нашъ грузинскій языкъ мірскими людьми; ее называютъ „Дареджаніани“.

б) Іаковъ Шемокмедали говоритъ, что онъ изъ книги исмаильтянъ „*qıcaı hamza*“, въ которой *писана жизнь ихъ*, пе-

¹⁾ Стр. 244 и 245.

²⁾ Букв. малюсенькую только часть, малую часть.

³⁾ *თარგმანებულ*, букв. переложена, перетолкована.

ревелъ ¹⁾ *нос-что* ²⁾, и ее читають, (какъ) свѣтскую книгу и называютъ „Дареджаніани“.

Н. Я. Марру достаточно этихъ неопредѣленныхъ данныхъ, чтобы прямо *заклѹчить*, что *этотъ-то* „Дареджаніани“ и есть „Амиранъ-Дареджаніани“ ³⁾ Мосе Хонели!

Но мы недоумѣваемъ, что могъ взять Іаковъ Шемокмедели (авторъ сочиненія „*Преніе невѣрнаго Мухаммеда и христіанъ*“, изложеннаго по повелѣнію царя Георгія XI“ (1676—1688), изъ „Амиранъ-Дареджаніани“ для доказательства *правильности* догматовъ христіанской религіи и *ложности* ученія Магомета!

У грузинъ была своя эпоха славы и могущества. Это X—XII в.в. Несмѣтныя полчища грозныхъ сельджуковъ смяли царство персидское, разрушили армянское государство и, завоевавъ имперію халифовъ багдадскихъ, придвинулись въ восточнымъ вратамъ Византіи. Султаны этихъ же сельджуковъ, считающіе себя „владѣтелями всего поднебесья“, терпятъ постыдныя пораженія въ битвѣ съ Давидомъ Возобновителемъ, Георгіемъ III-имъ, Тамарою! И потому намъ кажется, что эта слава, эти подвиги должны были создать и имѣть своихъ пѣвцовъ. Но говоря такъ, мы и не думаемъ утверждать, чтобы эти пѣвцы были бы чужды знанія персидской и арабской литературъ и ихъ легендъ и ничего не заимствовали изъ нихъ. Мы имѣемъ въ рукахъ астрономію, переведенную съ арабскаго языка съ сохраненіемъ арабскихъ названій зодіаковъ и переписанную въ 1210 году ⁴⁾. Въ поэмѣ Руставели арабскія названія звѣздъ могли попасть

¹⁾ გარდმოვიღეთ, перевели.

²⁾ Букв. малое что.

³⁾ См. стр. 246 труда Марра.

⁴⁾ № 65 Тифл. церк. древлехраняща.

только изъ такой книги. Тогда же существовалъ переводъ знаменитаго индійскаго сочиненія „Килила да Дамана“ ¹⁾, изъ котораго двѣ басни приведены даже въ исторіи Вахтанга Горгасала ²⁾ (+532 г.). Персидское сочиненіе „Висраміани“, т. е. повѣсть о Висѣ и Раминѣ, переведенное на персидскій языкъ съ поглевійскаго языка въ XI вѣкѣ, появляется на грузинскомъ языкѣ въ XII-омъ же вѣкѣ ³⁾. Величественная эпопея („Шахнаме“) Абуль-Касима-Мансура, прозваннаго „райскимъ поэтомъ“ (= „Фирдауси“) и жившаго около 1,000 г. нашей эры, уже имѣлась въ рукахъ Руставели и его современниковъ—Чахрухадзе, Шавтели и др. Герои „Шахнаме“ извѣстны и „Картлисъ Цховреба“.

По этимъ лѣтописямъ ⁴⁾ мноическіе цари иранцевъ, воспитые Фирдауси, ведутъ отчаянную борьбу съ туранцами и съ кавказскими народами—хазарами и грузинами, которыхъ побѣждаютъ и дѣлаютъ своими данниками. При одномъ изъ этихъ царей, Госташабѣ (Вашташабѣ), въ Азербейджанѣ (около Каспійскаго моря) воздвигается храмъ огня; другой царь, Афридонъ, эриставомъ Грузіи ставитъ Ардама, который научаеъ грузинъ строить „на камнѣ и извести“; онъ же строитъ укрѣпленія вокругъ города Мцхетъ. Третьему сыну Афридона Іареду (Іареджъ „Ростоміани“) въ удѣлъ отводится Грузія.

О Зороастрѣ разсказывается, что онъ близъ Каспійскаго

¹⁾ О „Килила-и-Димла“ см. у Шерра въ I т. его „Исторіи всеобщ. литературы“.

²⁾ См. нашу статью „Вахтангъ Горгасалъ“ (журн. „Моамбе“ 1849. № 3).

³⁾ Полный переводъ „Висраміани“ напечатанъ въ 1886 г. подъ редакціей И. Г. Чавчавадзе.

⁴⁾ Картлисъ-Цховреба, стр. 23—26.

моря посадилъ священный кипарисъ, и на корѣ его вырѣзаль надпись о принятіи его ученія Густаспомъ.

Огнедышашія горы Баку, конечно, не могли не обратить на себя вниманіе обоготворителей огня!

Въ „Ростоміани“ (= „Шахнамэ“) сказано ¹⁾, что Зардаштъ (Зороастръ), объявивъ себя пророкомъ, Госташабу принесъ огонь изъ рая. Госташабъ увѣровалъ въ него и, посадивъ священное дерево, тополь, предъ нимъ воздвигъ храмъ огня, длина и высота котораго были по сорока „веревокъ“. Вокругъ его насадилъ розы, самый храмъ разукрасилъ златотканными изваяніями и лазуревыми камнями, въ немъ же вырѣзаль изображенія царей Фридона и Джимшеда. Затѣмъ онъ издалъ повелѣніе по всему обширному царству и призывалъ всѣхъ оставить „старую вѣру“ и поклониться этому священному дереву и храму огня.

Грузинскій переводъ „Шахнаме“ названъ „Ростоміани“ потому именно, что главный герой его Рустемъ (груз. Ростомъ) храбро защищаетъ шаховъ и выказываетъ неимоверную отвагу въ колоссальной борьбѣ народовъ благодатнаго юга—солнечнаго Ирана съ мрачнымъ сѣверомъ.

Вотъ съ этимъ Ростомомъ и съ другими иранско-индійскими героями знакомы почти всѣ грузинскіе поэты XII вѣка и, какъ мы уже сказали, и „Картлис-Цховреба“.

Повторяю, грузинскіе романисты и поэты XII вѣка не могли не находиться подъ вліяніемъ восточныхъ писателей, изъ которыхъ нѣкоторые произведенія, какъ мы уже сказали выше, переводили цѣликомъ. Мы даже думаемъ, что Руставели нѣкоторыя детали для своего произведенія бралъ изъ величественной эпопеи „Ростоміани“. Такъ, Ростомъ и Таріэль оба одѣты въ тигровыя шкуры, оба одинаково сильны, оба побѣждаютъ злыхъ духовъ—„дэвовъ“ и „каждовъ“; са-

¹⁾ Рукоп. общ. грам. № 428, стр. 816.

мый способ стихосложенія въ обоихъ произведеніяхъ—въ „Ростоміани“ и „Вепхисъ-тгаосани“—тоже одинаковъ, а именно 16-ти сложный; каждая строфа, состоя изъ 4 строкъ, часто заканчивается какимъ-либо мудрымъ изреченіемъ, и пр.

Но, несмотря на эту близость мотивовъ грузинскихъ съ иранскими и родство грузинскихъ героическихъ произведеній XII вѣка съ таковыми же произведеніями иранскими и, вообще, съ восточными, мы *пока* не рѣшились бы утверждать о прямомъ заимствованіи первыхъ изъ послѣднихъ. Вопросъ этотъ окончательно можетъ быть выясненъ *только* послѣ собранія и изданія всѣхъ памятниковъ героической литературы, которую, кромѣ многочисленныхъ народныхъ сказаній, составляютъ: „Ростоміани“, „Бежаніани“ (Бежанъ герой того же „Ростоміани“), „Оманіани“ (Оманъ тоже герой „Ростоміани“), „Амиріани“, „Русуданіани“, „Диларіани“, „Амиранъ-Дареджаніани“ и Вепхисъ-тгаосани“. Пока же нѣкоторые данныя на счетъ ирано-туранскаго вліянія мы привели въ нашей статьѣ „Ирано-туранская волна ¹⁾“.

Преподаватель Тифлисскаго
реального училища *М. Джанашивили*.

¹⁾ „Иверія“ (1899 г., № 97, 98, 99 и др.).

Поправки къ чтенію нѣкоторыхъ „Джавахетскихъ“ надписей.

(„Сборникъ“, вып. XXV).

Въ прекрасномъ трудѣ И. П. Ростомова — „Ахалкалакскій уѣздъ въ археологическомъ отношеніи“ (съ ключомъ къ чтенію надписей древней Джавахетіи и картой), нѣкоторыя надписи прочитаны неудачно и неполно. И потому чтеніе таковыхъ надписей привожу тутъ же согласно начертанію ихъ въ томъ же трудѣ Ростомова

Стр. 30: ოთ თდაძის შ... შხ

„Господи, Тедойдзе М... помилуй.

Стр. 38: შე თბრს ქობქოღის სრი (?) ღთისაითა ავო
(=ავო) ესე კვლეისა

„Предъ Панаваромъ въ Конколѣ именемъ Бога выстроена сія церковь“ *).

Стр. 39: ქ ად გ სურხ

„Христе, прослави Георгія (?), Софрона.

Тамъ же: ქ ესე (?) სული მკლარს შხ ღთხ და ვხვ
შედი თს მსცა შხ ახ

„Х Этотъ Сулай (?) скорбитъ, да помилуетъ его Богъ, и кто проститъ (букв. „скажетъ прощеніе“) и тому да простатся (грѣхи). Аминь“ **).

*) Напрашивается и другое чтеніе: „предъ Панаваромъ Конколидзе именемъ Бога выстроилъ сію церковь“.

**) Кажется, правильнѣе читать такъ: „этого Сулая скорбящаго да помилуетъ Богъ“ и т. д.

Стр. 42: во 2-й Бурнашетской надписи слѣдуетъ читать вмѣсто დავწერე „დაგიწერე“, во „ჩემგან დვითთ ნსუილი“ — ჩემგან სუილი. Въ ней же во „თქრთანს“, кажется, слѣдуетъ читать „ოქროანს“ (Окроань).

Стр. 49, надпись 4: შაღვას შონა მანგზათას и пр. „Рабу Шалвѣ Мангзафѣ предстательствуй, Богъ всяческихъ“.

Стр. 51. Слово ქებს (последняя строка) слѣдуетъ читать *Кебаис*, какъ у Ростомова.

Стр. 52: надпись оканчивается словомъ სპარსეთისაჲ. (рукою своею навелъ страхъ на все... (войско) персовъ).

Стр. 72: ქე მექნეს მშვ ან

„Христось да поможетъ мнѣ. Аминь“.

Стр. 75: въ надписи, кажется, слѣдуетъ читать თვალშეგნებერი (Христе, помилуй Твалшвеніера).

Стр. 84: надпись читается такъ:

„Съ помощью Бога епископъ Іоаннъ положилъ фундаментъ сей церкви рукою моею, грѣшнаго дворецкаго (საკარბთა), при царѣ Леонѣ (да прославить его Богъ), въ короникомъ 184, въ мѣсяцѣ маѣ, въ день субботній, въ 1 (день) луны, въ зрѣтавство Звіа, (который) положилъ сію бытовую плиту. Христе, пособи рабу твоѣму. Аминь“.

Стр. 87: ქე შე სელი მხ ზსი ან

„Христе, помилуй душу архіепископа (?) Зосимы.

Аминь“.

Тамъ же, 9 надпись: „.... поминки შოლოზნის მონაქნი (чтеніе Броссе вѣрное).

Стр. 105: ქე მე ჩნ ბქქს ეს

„Христе, помилуй Ч—я (?), раба Бешкева“. (Чтеніе Е. Такайшвили вѣрное).

Стр. 111: надпись 7: „Христе, помилуй Хелая“.

Стр. 121: „.... (постройву церкви) окончили (кто изъ васъ увидитъ (церковь), пусть помянетъ насъ) 37,000 сере-

бряниками, отданными въ долгъ (зახუბრობა) католикосомъ и царемъ“.

Стр. 124:, ... Варданъ, сынъ... лѣа, приказалъ покрыть . . . тридцатью монми и 17,000 серебряниками католикоса“.

Страницу 20-ую авторъ заканчиваетъ словами: „Вотъ все, что сказано о Джавахетіи въ лѣтописяхъ Грузіи, именуемыхъ Картлисъ-цховреба“. Однако въ повѣствованіи Ростомова о Джавахетіи (стр. 1—20) не исчерпано *все*, что мы находимъ объ означенной странѣ въ тѣхъ же лѣтописяхъ, а также и въ др. хроникахъ и документахъ. Такъ, у насъ въ рукахъ имѣются интересные гуджары, данные Мцхетскому патріаршему престолу кумурдскими епископами Зосимой, Герасимомъ и Іоанномъ Ласуридзе (см. грамоты церковнаго музея грузинскаго экзархата №№ 31, 552 и 555). Эти грамоты, приготовленныя уже нами въ печати, заключаая въ себѣ немало интересныхъ свѣдѣній о Грузіи вообще, также дополняютъ и разъясняютъ нѣкоторыя изъ надписей, имѣющихся въ трудѣ Ростомова.

Этими поправками значеніе труда Ростомова, конечно, не умалается, и онъ, надѣемся, продолжитъ свою полезную работу и дастъ намъ описанія и другихъ провинцій древней Грузіи.

М. Джанашвили.

Настоящее имя святой просвѣтительницы Грузин.

Еще въ сороковыхъ годахъ нѣкоторые ученые поднимали вопросъ о томъ, было ли имя, подъ которымъ святая просвѣтительница Грузинъ извѣстна всему христіанскому міру, собственнымъ, или нарицательнымъ. Извѣстный грузинологъ Броссе склонился въ пользу послѣдняго мнѣнія, ставя имя св. Нины въ связь съ латинскимъ *nonna*—инокиня (Brosset, Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle, traduite du géorgien, 1849 г. I, стр. 90, прим. 2: „Il me parait également probable, que son nom en arménien *Nouné* est formé du latin *Nonna*, signifiant une religieuse, une nonne“). Но то, что у Броссе было высказано только какъ предположеніе, у мѣстнаго кавказскаго ученаго Иосселиани, въ цѣломъ рядѣ сочиненій („Краткая исторія грузинской церкви“. С.-Пб., 1843, стр. 7, прим. 13; „Жизнеописание святыхъ, прославляемыхъ грузинскою церковью“. Тиф., 1850, стр. 9, прим. 7; „Мцхетскій храмъ въ Грузинѣ“. С.-Пб., 1842), принимаетъ уже форму твердаго убѣжденія. Въ особенности въ послѣднемъ изъ поименованныхъ сочиненій онъ настаиваетъ на немъ. „Можно съ достовѣрностью полагать“, говоритъ Иосселиани: „что названіе *Нины* не есть имя собственное... иначе греки упомянули бы о немъ, и самъ царевичъ Вакурій, видѣвшій св. Нину и рассказавшій исторію обращенія Грузинъ историкъ Руфину, сообщилъ бы и объ имени ея. Вѣроятно, что св. Нина, до прибытія еще во Мцхетъ, принадлежала къ сословію монахинь египет-

скихъ, которыя назывались *ноннами*, и что это самое общее имя въ устахъ обращенныхъ ею христіанъ обратилось въ собственное“. Въ недавнее время присоединились къ этому мнѣнію еще Ланглау (Langlois, Collection, II, стр. 125, прим. 4), Е. С. Такайшвили („Новый вариантъ житія св. Нины“, стр. XLIV) *) и одицъ начинающій ученый. Въ журналъ „Христіанское чтеніе“ (1898 г.) помѣщена диссертация на степень кандидата духовной академіи студента Георгія Гамрекелова „Древнѣйшая исторія церкви Грузіи“, въ которой онъ сѣтуетъ на то, что настоящее имя св. просвѣтительницы Грузіи осталось исторіи неизвѣстно. Предположеніе молодого автора, что это имя останется неизвѣстнымъ исторіи, не оправдалось на дѣлѣ: не дальше, какъ въ настоящемъ году, благодаря изслѣдованію ученаго хранителя Азіатскаго музея Императорской Академіи Наукъ, О. Лемма, помѣстившаго въ X томѣ (№ 5) Извѣстій Имп. Академіи Наукъ (май, 1899) на нѣмецкомъ языкѣ въ числѣ рефератовъ, подъ заглавіемъ: „Kleine Koptische Studien“, отдѣльный рефератъ (№ IX) „Къ исторіи обращенія иверовъ къ христіанству“ (Zur Geschichte der Bekehrung der Iberer zum Christenthume), имя это раскрыто для всѣхъ интересующихся исторіей Грузіи.

Теперь перехожу къ самому реферату.

*) Относительно имени просвѣтительницы Грузіи и указаній объ этомъ у иностранныхъ писателей грузини интересовались еще въ XI вѣкѣ. До насъ дошла статья Ефрема Младшаго, писателя XI вѣка, написанная имъ по предложенію нѣкогого Іоанна Квириакоса, подъ такимъ заглавіемъ: «*უწყება მარტვილის ჯანთქმელთა მარტვილისას თუ როგორღა წიგნთა შინა მონსხევისის*», т. е. „Свѣдѣнія о причинахъ обращенія Грузіи и въ какихъ онѣ книгахъ упоминаются“. (Статья эта напечатана съ подробнымъ разборомъ въ книгѣ: „Новый вариантъ житія св. Нины“, стр. XXXVIII—LVII). Въ упомянутой статьѣ Ефремъ, послѣ приведенія свѣдѣній изъ церковнаго историка Θεодорита, продолжаетъ: „Такъ объ этомъ говоритъ Θεодоритъ, но въ другихъ книгахъ определенно упоминается имя той пѣнницы и нашей освободительницы отъ плѣна, ибо по-гречески святую ту называютъ „Нонна“, которую мы съ незначительнымъ измѣненіемъ называемъ Ниной“.

Въ самомъ началѣ своего труда г. Леммъ приводитъ арабскій синаксарій *), который подъ 17 тута (мѣсяца) сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ этотъ день представлялась святая и блаженная Теогноста, жившая во время обоихъ благочестивыхъ царей Оморія и Аркадія. Однажды пришли послы царя Индіи съ дарами къ императорамъ и, возвращаясь домой, встрѣтили дѣвицу Теогносту съ книгой въ рукѣ, которую она читала. Они ее похитили и привели въ свою страну, гдѣ она сдѣлалась начальницей царскихъ слугъ и его женъ“. Дальше разсказывается о тяжелой болѣзни царевича и о томъ, какъ онъ выздоровѣлъ послѣ того, какъ святая дѣва сдѣлала надъ нимъ крестное знаменіе; о томъ, какъ во время похода царь очутился въ непроницаемомъ облакѣ пыли, и какъ онъ, сдѣлавъ крестное знаменіе, не только разсѣялъ обружавшій его мракъ, но и побѣдилъ враговъ; о томъ, что царь, по возвращеніи, изъявилъ желаніе креститься и что, съ этою цѣлью, послалъ къ императору Оморію за священникомъ, который всѣхъ и крестилъ; что при постройкѣ храма не хватило каменныхъ столбовъ, но что послѣ слезной молитвы дѣвы столбы отъ какого-то превраспаго монумента сдвинулись со своего мѣста и сами пришли къ воздвигаемой церкви.—Почти буквально о томъ же самомъ говорится въ эѳіопскомъ синаксаріи подъ 17 маскарамомъ (мѣс.), приводимомъ авторомъ въ краткомъ извлеченіи; и тутъ св. дѣва названа тѣмъ же именемъ. При сопоставленіи обоихъ этихъ синаксаріевъ авторъ усомнился не въ описываемомъ событіи, но въ томъ, что царь названъ *индійскимъ*. Подтвержденіе своего сомнѣнія авторъ нашелъ у Зоэги **), описавшаго вкратцѣ отрывокъ *коптскаго* текста (2 листа) ***), хранящійся въ Римѣ въ Collezione Poggiana,

*) Краткій сборникъ житій святыхъ.

***) Знаменитый датскій археологъ, жившій и умершій въ Римѣ въ 1809 г.

***) Коптскій языкъ выработался на основѣ древне-египетскаго (*коптскаго*)

но убѣжденіе въ томъ, что здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать другое названіе, явилось у него только тогда, когда онъ получилъ тотъ же текстъ, изданный цѣлкомъ италіанскимъ ученымъ *Гвиди*. Въ немъ страна названа *Иверіей* (Т-сікериа, при чемъ Т является представкой *); Зоэга, правда, прочелъ Тирериада, но ошибочность этого чтенія видна при сравненіи коптскаго начертанія этого города въ коптскомъ Евангеліи (Тисериас) съ названіемъ страны въ нашемъ текстѣ. Но что всего важнѣе, святая просвѣтительница Иверія названа такъ же, какъ въ арабскомъ и эіонскомъ синаксаріяхъ—*Θεογνοστή*. Сообщаемыя въ текстѣ событія совпадаютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, съ исторіей Руфина (Rufinus, I. X „Historia ecclesiastica“. „De conversione gentis Iberorum per captivam facta.“) и слѣдовавшихъ за нимъ Сократа (Ecclesiastica historia, I, XX), Созомена и др. Руфинъ называетъ св. дѣву—captiva, а другіе—по греч. ἡ αἰχμαλώτος. Съ извѣстіями поименованныхъ отцовъ церкви и коптскаго отрывка, а равно арабскаго и эіонскаго синаксаріевъ согласуются въ общихъ чертахъ не только Моисей Хоренскій, но и грузинскія лѣтописи **), съ тѣмъ только различіемъ, что то, что коптскій отрывокъ и араб. и эіон. синаксаріи сообщаютъ о св. Θεογνοστή, а отцы церкви о няѣнной христіанкѣ, не называя ея по имени, тамъ говорится о св. Нинѣ (груз. бобъ Нино, армянск. Նինո Нуне). Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ приводимые источники говорятъ объ одномъ и

производится отъ греч. Αἰχμήτος, но лексическій матеріалъ въ немъ по преимуществу греческій; шрифтъ развитъ на основѣ греческаго и напоминаетъ церковно-славянскій. Этотъ языкъ считается умершимъ и употребляется только въ церковномъ обиходѣ.

*) За неимѣніемъ коптскаго шрифта, беретъ церк.-славянскій, на который коптскій удивительно похожъ.

**) Обращеніе Грузія по грузинскимъ источникамъ, въ подробной разработкѣ Е. С. Такайшвили, напечатано въ XXVII вып. Сборника мат. для опис. мѣсти. и ил. Кавказа, который выйдетъ въ началѣ слѣдующаго года.

томъ же событіи, одной и той же страницѣ и одномъ и томъ же лицѣ,—однимъ словомъ, что синаксаріи арабскій и эіопскій, а въ особенности напечатанный недавно коптскій отрывокъ сохранили намъ настоящее имя св. просвѣтительницы Грузин. Название *Нима* взято изъ латинскаго поппа *ubua*—ивовица, хотя слѣдуетъ замѣтить, что это слово означаетъ также—няня, кормилица (Orelli inscr. 2815 *).

Косвенное подтвержденіе того, что имя святой дѣвы, давшей Грузин свѣтъ христіанства—*Θεογνοστα*, есть также въ другихъ коптскихъ отрывкахъ одной рукописи отъ 952 г., хранищейся въ Имп. Публичной библиотекѣ и приводимой авторомъ. Въ рукописи этой говоритъ кто-то: „Евстафій (не названный въ нашемъ отрывкѣ архіепископъ—это антиохійскій патріархъ) послалъ меня (вѣроятно, св. Θεοφана, о которомъ упоминается въ нашемъ отрывкѣ), чтобы я тебѣ сказалъ, что ты приходишь и остаешься намъ вѣрной“. Эта рѣчь обращена къ св. Θεογνοστѣ, о которой упоминается дважды въ другомъ отрывкѣ той же рукописи: „и пришла святая Θεογноста со слугами, и они принесли мощи святыхъ, завернули ихъ въ виссовыя саваны и положили въ гробы. Епископъ крестилъ весь народъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. На той же самой страницѣ встрѣчается еще разъ: *Θ-αγία Θεο(γ)νοστα*.

Хотя г. Леммъ этого и не говоритъ, но я позволю себѣ высказать предположеніе, что все эти коптскіе отрывки, какъ разсматриваемый въ статьѣ римскій отрывокъ, такъ и петербургскіе, а равно и приводимый ниже (въ прим.) парижскій, дополняютъ другъ друга; составляя *dissecta membra* цѣлаго, и что, такимъ образомъ, восстановленіе *всего* текста нужно предоставить будущему.

*) Стало-быть, то же, что и въ русскомъ языкѣ. Въ значеніи *матери* употребляется это слово у черкесовъ (мане), у чеченцевъ (манна) и, что въ особенности важно, у *лазовъ* и у *гурійцевъ* въ формѣ *нана* и *нена*.

Въ нашемъ отрывкѣ не названъ императоръ, при которомъ грузины приняли христіанство,—это *Константинъ Великій*, какъ это явствуетъ изъ другихъ источниковъ; упоминаемыя въ арабскомъ и эіонскомъ синаксаріяхъ названія *Аркадій* и *Онорій* слѣдуетъ приписать столь обыкновенной въ синаксаріяхъ неточности въ сообщеніи историческихъ именъ.

Въ заключеніе помѣщаемъ переводъ (съ нѣмец. перевода г-на Лемма) коптскаго текста, такъ назыв. Codex Borgianus № CLXVIII (Guidi, I. l. pag 15 (525) sqq). ...мракъ (во время охоты царя); онъ (можетъ-быть, ангелъ) указывалъ имъ путь, пока они не достигли города. Когда же священникъ (Феофанъ) это услышалъ, то онъ превозносилъ великую милость Христа. Когда же наступило утро, то прежде чѣмъ сдѣлалось свѣтло, собралась вся толпа мужчинъ и женщинъ, чтобы услышать о величїяхъ дѣяній Христа. Тогда сѣлъ блаженный Феофанъ *) на возвышеніе, а дѣва Феогноста у его ногъ. Онъ открылъ свои уста и сталъ ихъ поучать; онъ продолжалъ свою рѣчь до седьмого часа дня. Прежде всего онъ рассказывалъ имъ о сотвореніи міра и о томъ, какъ Богъ создалъ небо и землю. Затѣмъ, что Богъ создалъ человѣка по своему образу, похожему на него, и водворилъ его въ рай. И что онъ объявилъ, чтобы онъ пользовался нѣжнымъ вкусомъ (трюфѣ) этихъ деревьевъ. Затѣмъ Создатель далъ ему законъ, чтобы онъ не былъ неразуменъ, подобно скоту. Дьяволъ же, когда увидѣлъ красоту подобія, которое Богъ даровалъ человѣку, сталъ въ своей зависти злоумышлять противъ него. И онъ уговорилъ его посредствомъ его жены, чтобы преступилъ законъ, данный ему. Когда это случи-

*) У Ефрема Младшаго упоминается и имя присланнаго епископа, а именно, что онъ былъ самъ Евстафій, антиохійскій патріархъ, который утвердилъ церковь, построенную въ Мцхетѣ Миріаномъ, и рукоположилъ для нихъ католикоса-архіепископа (Новый вариантъ житія св. Нины, стр. XLIII—XLIV).

лось, то его выбросили изъ рай и удалили на этотъ свѣтъ, какъ въ темницу. Они родили дѣтей, но уже не по подобію Божію, но по своему. Ибо, будучи повинны смерти, они рожали смертныхъ дѣтей. Дьяволъ же былъ властель (τύραννος) надъ природою человѣчества и придумалъ для него множество всевозможныхъ золъ, такъ что каждый утопаетъ въ заблужденіи точно такъ же, какъ если кто претерпѣвалъ кораблекрушеніе въ морѣ. Но послѣ того какъ Создатель смилостивился надъ созданиемъ рукъ своихъ, которое и есть человѣкъ, онъ послалъ ему врачей, которые бы исцѣлили... [Когда Господь плѣненіе (αἰχμαλωσία)] своего народа [прекратилъ], то мы были, какъ бы успокоенные. Наши уста преисполнились радости, а наши языки ликованія“. И они провели всю ночь въ благодарственныхъ пѣснопѣніяхъ, преодолевая сонъ радостнымъ пѣніемъ псалмовъ, такъ что исполнилось то, что написано: „Ночь свѣтилась къ моей усладѣ (τροφή)“. И дальше: „Ночь будетъ свѣтитъ какъ день“. Затѣмъ архіепископъ совершилъ хиротонію священника въ епископы и послалъ его вторично, сказавъ ему: „Будь добрымъ пастыремъ и паси, какъ подобаетъ (ἐπιμελής), духовныхъ овецъ Господа“. Блаженный Теофанъ возвратился въ страну Иверію. Онъ нашелъ, что они съ усердіемъ и великолѣпіемъ построили церковь. Они рассказали ему о чудѣ, которое совершилось молитвой святой дѣвы Богомъ, главнымъ же образомъ силою Христа и его святаго креста. Онъ радовался великою радостью. И тотчасъ онъ доложилъ объ этомъ императору и архіепископу письмомъ такого рода: „Смиранный Теофанъ дерзаетъ писать тѣмъ, которые ему довѣрились и поручили санъ епископа въ иверской странѣ. Научайтесь познать обѣщаніе, данное Спасителемъ апостоламъ, слѣдующими словами: „Если имѣете вѣру, то скажите этой горѣ: сойди съ этого мѣста, и она сойдегъ. Онъ с даровалъ своей рабѣ, святой дѣвѣ Богомъ (Θεόγυστα).

Два большихъ столба (στῦλος) *) изъ мрамора, которые были крѣпко установлены въ старинномъ капищѣ [идола], названнаго прорицателемъ (μάντις) [и] пророкомъ по имени Аполлонъ **), и которые строители порѣшили сдвинуть и поставить въ храмъ у ограды (κἀρχαλλος) алтаря. Они построили большія машины, и составили планы и не были въ состояннн [ихъ сдвинуть].

Л. Л.

*) На основаніе парижской контской рукописи, списанной г. Леммомъ и дополняющей петербургскую рукопись, передается *чудо со столбомъ* слѣдующимъ образомъ (Cod. Cort. Paris. 129 и Cod. Cort. Petropolit. вѣ Mém. Asiatiques X, pag. 133): „Филиппъ же велѣлъ принести корзину съ соломой и начертить планъ церкви. (Скачалъ Филиппъ къ каменнымъ воротамъ: „Иисусъ Назарянина, того же самаго, который васъ поднялъ вверху! Распадитесь, не издавая никакого звука, и идите къ постройкѣ дома Господня!“ И тотчасъ наклонились ворота со столбомъ, бывшимъ на немъ, и сдѣлались камнемъ (разпались на отдѣльные плиты) въ присутствн всѣхъ и они не слышали вообще въ немъ никакого звука“. Съ этимъ описаніемъ чуда въ общнхъ чертахъ совпадаютъ такія же описанія въ „Обращенн Грузін“, изд. Е. С. Такайшвили въ слѣд. выш. XXVII Сбор. мат., отд. I, стр. 90, 93 и 113.

**) Г. Леммъ съ этимъ мѣстомъ сравниваетъ мѣсто изъ другой контской рукописи Cod. Vaticanus 68: „но, западнѣ рѣки, находится селеніе, въ которомъ воздавали божескую честь истукану, по имени *Ковосъ*“. По цитованной нѣсколько разъ статьѣ „Обращенн Грузін“—это идолъ *Армани* (Сбор. мат. XXVII, I, стр. 66).

Обычаи и вѣрованія въ Имеретин.

Современная наука для восстановления древняго быта главнымъ образомъ народовъ арийской группы обращаетъ большое вниманіе на разные древніе памятники, искусства и литературы, сохранившіеся въ болѣе или менѣе значительной степени въ той или другой странѣ, чтобы на основаніи ихъ имѣть хоть приблизительно вѣрное представленіе о формахъ и условіяхъ жизни арийцевъ еще на зарѣ исторіи. При этомъ, однимъ изъ вѣрныхъ матеріаловъ для изученія древняго быта народовъ могутъ служить разные переживанія и остатки нравовъ и обычаевъ, сохранившіеся по сіе время особенно у племенъ, мало тронутыхъ культурой и европейской цивилизаціей, которая вообще сглаживаетъ всѣ племенные и національныя особенности.

При такомъ общемъ стремленіи ученыхъ къ изученію древнихъ нравовъ и обычаевъ у разныхъ народовъ индоевропейской семьи, намъ кажется, могутъ представить нѣкоторый интересъ обычаи и вѣрованія народовъ картвельскаго племени, а въ частности имеретинъ, живущихъ въ центрѣ Кутаисской губерніи.

Помимо всего того, что можно сказать о нравахъ всякаго народа, обычаи и вѣрованія имеретинъ интересны еще тѣмъ, что въ нихъ по сіе время сохранились древнія патриархально-родовыя черты, служащія главной основой всего общественнаго уклада и ихъ обычнаго права. Всѣ взаимныя отношенія у имеретинъ,—отношенія чисто мѣстныя, освященныя издревле укоренившимся у нихъ обычаемъ, въ-

текають всецѣло изъ принциповъ чисто патріархально-родового свойства. И въ то время какъ у другихъ народовъ, какъ напр. у русскихъ, патріархально-родовыя отношенія ступевались и измѣнились подѣ вліяніемъ новыхъ условій жизни настолько, что даже вопросъ о древнемъ бытѣ русскихъ славянъ считается почти нерѣшеннымъ въ русской исторической наукѣ,—въ это самое время, напротивъ, у имеретинъ патріархально-родовое начало въ настоящихъ отношеніяхъ представляется настолько яснымъ, что не можетъ быть никакого спора относительно установленія и уясненія ихъ древняго быта.

Грузія—одна изъ древнѣйшихъ странъ, жившая, по сообщеніямъ древне-греческихъ и римскихъ историковъ, своею историческою жизнью еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и имѣвшая сношенія со всѣми образованными народами древняго міра; она представляла изъ себя довольно сильную политическую единицу въ сравненіи съ тѣми царствами и ханствами, которыя ее окружали. Но съ конца XII столѣтія, стѣсненная напоромъ разныхъ азіатскихъ кочевниковъ, наводнявшихъ въ то время Европу, и занятая всецѣло борьбою на защиту своей національной самобытности и православной церкви, она была лишена возможности приобщиться тому великому умственному движенію, которое началось въ Европѣ подѣ вліяніемъ арабовъ и возрожденіемъ наукъ и искусствъ античнаго міра. Въ то время когда занимавшаяся заря новой исторической жизни возвѣстила западно-европейскимъ народамъ новую эру развитія и вызвала съ ихъ стороны дружную работу для раскрытія новыхъ горизонтовъ въ области мысли и жизни,—въ то время когда усилія западно-европейцевъ были направлены къ превращенію насилія и ненормальныхъ условій и къ установленію болѣе справедливыхъ и рациональныхъ отношеній и мирнаго преуспѣянія гражданъ,—въ это самое время Грузія претерпѣвала тяжелое и позорное иго

монгольских варваровъ, ежедневно перенося страшныя опустошенія и истязанія и проводя все свое время въ кровавой борьбѣ съ разными хищниками, со всѣхъ сторонъ нападавшими на нее и подвергавшими ее ужаснымъ разореніямъ. Вслѣдствіе такой постоянной борьбы и кровопролитій, грузины всегда были предоставлены самимъ себѣ, оторванные отъ всѣхъ образованныхъ европейскихъ народовъ и лишенные возможности сношенія съ ними. Этимъ-то и объясняется косность грузинъ въ культурномъ отношеніи и вообще во всѣхъ проявленіяхъ жизни. Вотъ именно, въ силу такихъ тяжелыхъ историческихъ условій, Грузія не могла прогрессировать и правильно развиваться; она не имѣла досуга жить мирною жизнью и предаться удовлетворенію своихъ духовныхъ потребностей, поддерживая дружественныя сношенія съ народами и странами, выше ее стоящими въ культурномъ отношеніи. Поэтому она вплоть до конца XVIII столѣтія и осталась на той ступени культурнаго и интеллектуальнаго развитія, которая выработалась еще гораздо раньше подъ вліяніемъ Византіи и равныхъ цивилизованныхъ народовъ Востока. Только съ начала XIX столѣтія, со времени присоединенія ея въ Россію, подъ державною сѣнью Россійскихъ Монарховъ, для Грузіи отърывается новая эпоха мирнаго развитія и преуспѣванія по пути культуры и просвѣщенія. Эпоха русскаго владычества на Кавказѣ является провозвѣстникомъ новой эры въ жизни кавказскихъ народностей, внося въ ихъ взаимныя отношенія ясныя понятія права и справедливости и устанавливая, такимъ образомъ, прочную основу для будущаго развитія гражданственности и порядка.

Въ виду такого поворота въ исторической судьбѣ Грузіи, дальнѣйшее ея прогрессированіе и совершенствованіе вполне обеспечено,—и она можетъ безпрепятственно проявлять свои духовныя силы, направляя ихъ къ приобрѣтенію знаній и къ распространенію просвѣщенія. За этотъ послѣд-

ній періодъ прежнее состояніе народовъ кавтвельскаго пле-
мени вообще и въ частности имеретинъ—начинаеть замѣтно
измѣняться къ лучшему. Подъ вліяніемъ постепенно разви-
вающейся у насъ европейскій цивилизація древніе нравы и
обычай народа начинаютъ часъ-отъ-часу сглаживаться, за-
мѣняются новыми отношеніями и понятіями, вполне соответ-
ствующими новымъ условіямъ жизни. Особенно сильный
ударъ старому строю и прежнимъ порядкамъ нанесло за
последнее время освобожденіе крестьянъ, разрушившее ста-
рую феодальную систему, на которой зиждились всѣ пре-
жня отношенія и порядки. Съ уничтоженіемъ вѣрственного
права, съ освобожденіемъ человѣческой личности отъ много-
вѣкового порабощенія, трудовое начало является главною
основою жизни, регулирующей достоинство личности и взаим-
ныя правовыя отношенія. Съ уничтоженіемъ прежняго уклада
жизни, и понятія народа, обоснованныя на прежнихъ отно-
шеніяхъ, начинаютъ сильно измѣняться; нравы и обычай
народа, потерявъ подъ собою почву, начинаютъ постепенно
терять и всю свою жизненность и оригинальность. При та-
комъ положеніи дѣла представляется необходимымъ записы-
ваніе древнихъ обычаевъ и вѣрованій и приведеніе ихъ въ
такую форму, въ которой они могли бы служить однимъ
изъ лучшихъ матеріаловъ для специалистовъ при ученыхъ
ислѣдованіяхъ.

Нравы и обычай имеретинъ могутъ быть раздѣлены на
слѣдующія категоріи:

I. Обычай свадебные.

II. Обычай похоронные.

III. Обычай и вѣрованія, приуроченные въ разнымъ
праздникамъ и явленіямъ природы и жизни.

I. Обычаи свадебные.

Монгольское иго, продолжавшееся нѣсколько вѣковъ, и постоянное сосѣдство и общеніе съ разными азіатскими народами создали въ Имеретіи своеобразныя, чисто азіатскія отношенія между мужчиной и женщиной,—отношенія, породившія такую ужасную замкнутость и отчужденность женщинъ, которыя и до сего времени еще не могутъ изгладиться. Женщина въ имеретинской семьѣ есть безсловесная исполнительница воли своего мужа, который является для нея настоящимъ господиномъ и повелителемъ. Всякія неудовольствія между мужемъ и женою всегда ованчиваются въ пользу мужа, который, чувствуя свое полное преимущество, не всегда, конечно, бываетъ добросовѣстенъ и справедливъ по отношенію къ женѣ своей. Мужъ считаетъ несомнѣннымъ и не подлежащимъ никакому оспариванію свое превосходство и право надъ женою, которая всецѣло предана только кормленію дѣтей и домашнему хозяйству. При такихъ отношеніяхъ, понятное дѣло, и рѣчи не можетъ быть о крупныхъ неудовольствіяхъ между супругами, а тѣмъ болѣе о разводѣ. Всякія неудовольствія вообще между мужемъ и женою протекаютъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе измѣны, нарушенія супружеской вѣрности. О подобныхъ явленіяхъ въ имеретинскихъ деревняхъ и рѣчи не можетъ быть. Женщина лишена всякой возможности имѣть знакомство съ посторонними мужчинами; для имеретинки возможно только общеніе съ непосредственными, ближайшими родственниками, а что касается чужихъ мужчинъ, то даже скромный разговоръ съ ними считается для женщины постыднымъ, вовсе несогласнымъ съ правилами ихъ нравственности. Если же въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и попадаютъ женщины, обыкновенно вдовы, ведущія свободный образъ жизни, то такое явленіе вызываетъ со стороны всѣхъ полное омерзѣніе; на домъ свободно ведущей себя име-

ретинки всѣ сосѣди смотрять, какъ на помѣщеніе зачумленное, зараженное чѣмъ-то ужаснымъ, которое можетъ осквернить всякаго. Каждый изъ сосѣдей превращаетъ съ этой женщиной всякое сношеніе; ее никто не допускаетъ въ свой домъ. Ясно, что при такомъ общественномъ мнѣніи и взглядѣ на развратъ и свободное поведеніе женщинъ, имеретинки принуждены терпѣть самое ужасное обращеніе мужа и безпрекословно исполнять всякія его требованія. Кроме того, взглядъ на бракъ и супружескія отношенія, выработавшійся подъ вліяніемъ христіанства, много способствуетъ прочности семейныхъ отношеній у имеретинъ. Каждая имеретинка, выйдя замужъ, вступаетъ въ новую жизнь съ полнымъ сознаніемъ и вѣрой, что супружество, освященное церковью, есть дѣло святое и что, относясь къ мужу хорошо, т. е. претерпѣвая отъ него всевозможныя оскорбленія и обиды, она этимъ самымъ совершаетъ дѣло, угодное Богу и влекущее за собою послѣдствія, спасающія ея душу.

При подобномъ положеніи женщины, очевидно, и рѣчи не могутъ быть о свободномъ выборѣ, до предварительномъ знакомствѣ между молодымъ человекомъ и дѣвушкой. Последняя, до выхода замужъ, находится въ полномъ распоряженіи своихъ родителей; которые могутъ выдать ее по своему усмотрѣнію; она не имѣетъ никакого права, да и сама не пожелаетъ высказать какое-либо сопротивленіе желанію своихъ родителей. При выборѣ жениха для дочери, родители обращаютъ главное вниманіе не на то, нравится ли онъ дочери, или нѣтъ, а на положеніе жениха, на его происхожденіе, состояніе, — на то, здороваго ли онъ тѣлосложенія, отъ здоровыхъ ли происходитъ родители, не было ли какой-либо наследственной болѣзни въ его родѣ и на многое другое. Для этой цѣли родители невѣсты прибѣгаютъ къ помощи посредниковъ, а чаще посредницъ („мачанкали“), которыя играютъ въ имеретинскихъ деревняхъ

весьма важную роль. Есть даже женщины, которые посредничество обращают въ профессию, получая приличное вознагражденіе за свои труды какъ отъ родителей невѣсты, такъ и отъ жениха *). Эти „мачанкалы“ развѣзываютъ по деревнямъ и собираютъ нужныя свѣдѣнія, какъ о женихахъ, такъ и о невѣстахъ; потомъ, сообразуясь съ положеніемъ и состояніемъ, онѣ начинаютъ строить разныя комбинаціи, предлагая одному семейству жениха, а другому невѣсту. При замкнутости деревенской жизни является почти невозможнымъ ознакомленіе съ положеніемъ невѣсты или жениха, живущихъ не особенно близко другъ отъ друга. Вотъ въ такихъ именно случаяхъ роль посредницъ является болѣе чѣмъ умѣстной, такъ какъ онѣ, дѣйствуя и правдой и неправдой, доставляютъ родителямъ нужныя свѣдѣнія о женихахъ и невѣстахъ. Когда родители черезъ посредницъ ознакомятся съ положеніемъ невѣсты и предварительными условіями, то тогда уже приступаютъ къ осмотру, или, какъ здѣсь говорятъ, къ „показыванію“ невѣсты. Первое „показываніе“ невѣсты происходитъ обыкновенно на собраніяхъ въ день храмовыхъ праздниковъ, когда въ оградѣ храма собирается масса народу со всѣхъ окрестныхъ деревень. Это „показываніе“ ограничивается только тѣмъ, что посредница, которая обязательно тутъ же присутствуетъ, укаazuje въ толпѣ на жениха или невѣсту; эти послѣдніе увидѣю и совершенно незамѣтно для другихъ начинаютъ осматривать другъ на друга, при чемъ, конечно, и женихъ и невѣсту сопровождаетъ нѣсколько родственниковъ, мнѣніе которыхъ при такомъ взаимномъ осматриваніи имѣетъ рѣшающее значеніе. Если это первое „показываніе“ даетъ благопріятный результатъ, то въ томъ случаѣ женихъ, въ сопровожденіи посредницы и двухъ-трехъ родственниковъ, отправляется въ домъ невѣсты для болѣе близкаго съ ней озна-

*) Обыкновенно посредницы получаютъ десятую часть приданого.

комленія. Здѣсь невѣсту выводятъ въ жениху, который вмѣстѣ съ сопровождающими его родственниками употребляетъ всѣ силы, чтобы лучше ее разглядѣть. Больше вниманія обращается, конечно, на то, не имѣетъ ли невѣста какихъ-либо физическихъ недостатковъ; съ этою цѣлью, слѣдятъ за ея походкой, испытываютъ ея зрѣніе, а во время смѣха, если только таковой удастся вызвать при столь натанутой обстановкѣ, стараются разсмотрѣть у нея зубы; также заставляютъ невѣсту сказать два-три слова, чтобы удостовѣриться, не имѣетъ ли она какого-либо недостатка при произношеніи звуковъ; обращается, конечно, также большое вниманіе и на ея наружную красоту, ростъ, сложеніе, на цвѣтъ лица и т. п. Когда, послѣ такого всесторонняго осматриванія, невѣста оказывается удовлетворяющей требованіямъ жениха и сопровождающихъ ее родственниковъ, то тогда уже происходитъ обрученіе, и вечеръ заканчивается веселымъ ужиномъ. Но бываетъ и такъ, что смотрины сопровождаются менѣе пріятными послѣдствіями, а именно когда невѣста во время такого осматриванія не понравится жениху. Въ такомъ случаѣ и происходитъ настоящая торговля между женихомъ и родителями невѣсты. Послѣдніе, видя, что дѣло плохо, стараются уже деньгами покрыть природные недостатки дочери, и чѣмъ женихъ оказывается настойчивѣе, тѣмъ больше приходится расшешливаться родителямъ невѣсты; въ концѣ концовъ, видя довольно приличную сумму, предлагаемую отцомъ невѣсты, женихъ дѣлается уступчивѣе—и дѣло все-таки оканчивается бракомъ.

Но, такъ или иначе, дѣвушка находится въ полномъ распоряженіи своихъ родителей. Все время сватанія невѣста остается совершенно безсловесной; она, по понятіямъ своимъ, глубоко увѣрена, что выборъ родителей не можетъ быть ошибочнымъ и что ея вмѣшательство совершенно излишне. Самое выраженіе, употребляющееся въ Имеретіи для обозна-

ченія женитьбы, ясно указываетъ на взаимныя отношенія. Въмѣсто слова „жениться“ здѣсь говорятъ „выпросить себѣ дѣвушку въ жены“—очевидно, выпросить у родителей ея, которые по патриархально-родовымъ понятіямъ, здѣсь господствующимъ, являются полными хозяевами и распорядителями своей семьи. Отецъ семьи выдаетъ дочь свю, за кого ему вадумается; онъ же даетъ сыну своему позволеніе жениться. Если же сынъ женится безъ позволенія родителей, то исключается изъ семьи и, по возможности, теряетъ право наслѣдства.

Когда переговоры между родителями жениха и невѣсты оканчиваются обрученіемъ, то тогда уже назначается день свадьбы, обыкновенно черезъ двѣ недѣли послѣ обрученія. За этотъ періодъ женихъ привозитъ подарковъ родителямъ невѣсты, а эти послѣдніе готовятъ дочери приданое, состоящее, главнымъ образомъ, изъ предметовъ, необходимыхъ для будущаго хозяйства. При этомъ особое вниманіе обращено на вещи, составляющія необходимую принадлежность домашняго очага, такъ какъ въ Имеретіи и по сіе время пища варится на огнѣ, разведенномъ посрединѣ савли. Подарковъ же, приносимый женихомъ родителямъ невѣсты, очевидно, указываетъ на тотъ періодъ, когда для полученія со стороны родителей согласія на выдачу замужъ дочери, женихъ обязанъ былъ дать имъ выкупъ. Свадьба происходитъ всегда въ домѣ родителей невѣсты, которые обыкновенно ссылаютъ своихъ родственниковъ и пріятелей и устраиваютъ по этому случаю приличную пирушку. При вѣнчаніи у имеретинъ посаженныхъ отца и матери не полагается; невѣсту сопровождаютъ подруги, шафера и одна изъ ближайшихъ родственницъ, обыкновенно пожилая дама („даде“), которая и исполняетъ роль посаженной матери, давая невѣстѣ нужныя наставленія и уча ея всѣмъ порядкамъ. По окончаніи вѣнчанія въ церкви, шафера и сопро-

вождающіе жениха и невѣсту гости начинаютъ стрѣлять и пѣть хоровыя свадебныя пѣсни, въ которыхъ на различный ладь и въ разныхъ выраженіяхъ высказываются добрыя пожеланія новобрачнымъ. Свадьба обыкновенно бываетъ очень веселая и шумная, такъ какъ гости выпиваютъ громадное количество вина, и подъ конецъ веселая пирушка, болѣею частью, заканчивается рѣзней, влекущей очень часто тяжелыя увѣчья, а иногда и смерть. По выходѣ замужъ, дочь еще въ продолженіе года остается у своихъ родителей, которые обязаны за этотъ періодъ справить дочери по возможности приличное приданое. Въ Имеретіи, во всѣхъ семействахъ, гдѣ только есть дочери, родители съ самаго начала своей супружеской жизни начинаютъ обращать особое вниманіе и беречь тѣ вещи, которыя могутъ составить приданое для ихъ дочерей. Для этой цѣли съ особеннымъ стараніемъ собираются гусинныя перья и пухъ, изъ которыхъ дѣлаются перины и подушки. Послѣднія составляютъ самую неотъемлемую принадлежность каждой невѣсты: приданое должно состоять непременно изъ дюжины подушекъ, столбыхъ же „мутабъ“, двухъ или трехъ перинъ, полдюжины одѣялъ и тюфяковъ; кромѣ того, необходимы принадлежності домашняго хозяйства: котлы, кастрюли, тазы, сундуки, азіатскіе ковры (число и достоинство послѣднихъ зависятъ отъ состоянія родителей невѣсты) и т. д.

Когда все это изготовлено и закуплено, зять объявляетъ тестю и тещѣ, что онъ уже желаетъ взять жену въ свой домъ, и устраиваетъ у себя пиръ, который въ Имеретіи называется тоже „свадьбою“. Въ назначенный день родители снаряжаютъ свою дочь въ семейство зятя; за день до „свадьбы“ отправляютъ обыкновенно приданое, а въ самый день „свадьбы“, болѣею частью вечеромъ, отправляютъ и дочь свою въ сопровожденіи родственниковъ и знакомыхъ „макари“, которымъ въ домѣ зятя во время пира оказываютъ всегда особое почете-

ние: на пиру имъ отводится самое почетное мѣсто, имъ предлагаются самыя лучшія блюда, они же являются распорядителями пира и одинъ изъ нихъ долженъ быть непременно „толумбаиемъ“. На другой день съ разсвѣтомъ „макари“ начинаютъ обходить сосѣдей зятя съ пѣніемъ разныхъ мѣсаней, въ которыя они поздравляютъ сосѣдей съ новой невѣсткой. Сосѣди обязаны угощать ихъ и давать имъ разные подарки; а если они у кого-либо получили плохое угощеніе или плохой подарокъ, тогда они выходятъ въ ихъ дворъ и начинаютъ бить вуръ—и до тѣхъ поръ не оставляютъ сосѣда, пока имъ не удастся убить хоть одну курицу; при этомъ самъ сосѣдъ, у котораго курица убита, обязанъ приготовить ее и подать „макари“ въ качествѣ завтрака. Эти „макари“ производятъ у сосѣдей и другія безчинства, но все это считается до того обыкновеннымъ, что никому изъ сосѣдей и въ голову не придетъ выразить противъ этого какое-либо неудовольствіе.

Такая вторичная свадьба продолжается иногда нѣсколько дней; наконецъ родственники невѣстки, „макари“, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ ней, по окончаніи свадебнаго пира, отправляются вмѣстѣ домой, забравъ съ собою на дорогу приличную порцію вина и пива. Спустя нѣсколько дней послѣ этого уже пріѣзжаютъ въ зятю, тестя и тещу съ разными гостинцами („дзівени“); состоящими, главнымъ образомъ, изъ пироговъ, домашней птицы и другихъ домашнихъ продуктовъ,—и сами при отъѣздѣ получаютъ отъ зятя соотвѣтствующіе подарки; при отъѣздѣ же они даютъ дочери наставленіе быть вѣрной женою своего мужа, быть усердной хозяйкою новой семьи, уважать и съ почтеніемъ относиться къ свекру и свекрови, дабы этимъ заслужить добрую славу и прослыть лучшей невѣсткой во всемъ околоткѣ. Съ этого времени молодая женщина исключается изъ родительской семьи и входитъ въ составъ новаго семейства, гдѣ и остается навсегда при жизни своего мужа.

Что касается до вторичныхъ браковъ, то они въ Имеретіи представляютъ весьма обыкновенное явленіе. При такомъ положеніи имеретинки, какое мы отмѣчали выше, когда женщина находится всегда въ полной власти мужчины, конечно, и рѣчи не можетъ быть о свободномъ трудѣ и самостоятельной жизни женщины-вдовы. Вдова, погоревавъ о первомъ мужѣ и поносивши по немъ трауръ въ теченіе года, уже начинать думать о томъ, чтобы снова подыскать себѣ партію; она обыкновенно возвращается въ родительскій домъ, и родители ея или братья, вытребовавъ ея вдовью часть, выдаютъ ее снова замужъ. Бываютъ, однако, иногда и такіе случаи, когда вдова, предавшись всецѣло воспитанію дѣтей, оставляетъ совершенно мысль о выходѣ замужъ и сповойно терпитъ все тѣ невзгоды, которыя обыкновенно выпадаютъ на долю вдовъ и сиротъ вообще вездѣ, а въ особенности въ Имеретіи, гдѣ свободный трудъ женщины не пользуется общимъ одобреніемъ.

II. Обычаи похоронные.

Несмотря на то что въ Имеретіи христіанство распространилось еще въ IV вѣкѣ по Р. Х., все-таки здѣсь по сіе время еще не могли искорениться суевѣрія, предрассудки и разныя языческія понятія. За недостаткомъ положительныхъ знаній, вслѣдствіе непониманія природы и разныхъ ея явленій, въ Имеретіи созданъ цѣлый языческій культъ разныхъ предметовъ и явленій, которые своимъ необыкновеннымъ воздѣйствіемъ и важными послѣдствіями производили на людей сильное впечатлѣніе. Между всеми явленіями природы и жизни особенно поражаетъ имеретина опасная болѣзнь, влекущая за собою неизбежную гибель. Всякая болѣзнь въ Имеретіи олицетворяется и обоготворяется; въ каждой болѣзни видятъ присутствіе невидимаго духа, который здѣсь называется общимъ именемъ „батопеби“ (госпо-

днѣ) *) , который разными моленіями и жертвоприношеніями можетъ быть умилостивленъ, смягченъ. Поэтому, какъ только въ семьѣ кто-либо заболѣваетъ заразительною болѣзнію, сейчасъ предпринимаются самыя энергичныя мѣры къ умилостивленію „батонеби“: всѣ окружающіе больного, должны имѣть постоянно веселый видъ, говорить другъ другу самыя ласковыя слова; отецъ и мать семейства, какъ можно чаще, становятся на колѣна и самыя горячими и возбужденными словами упрашиваютъ „батонеби“, чтобы онъ былъ милостивъ и не гнѣвался на нихъ. Для этой же цѣли наносятъ въ комнату больного разныхъ цвѣтовъ и красивой зелени; зовутъ женщину, умѣющую хорошо играть на „чонгурѣ“ **), чтобы она пѣніемъ разныхъ гимновъ подъ аккомпаниментъ своего инструмента содѣйствовала умилостивленію „батонеби“; берутъ также пѣтушка или курочку, смотря по тому, мальчикъ ли боленъ или дѣвочка, покрутятъ его три раза надъ головою больного, а потомъ, выкрасивши ему голову, крылья и ноги въ красный цвѣтъ, въ такомъ видѣ пускаютъ по двору; такая птица, въ случаѣ выздоровленія больного, считается собственностью „батонеби“, которому ее и приносятъ въ жертву. Если же положеніе больного черезъ-чуръ опасное, то сама мать взбирается на постель и, обойдя вокругъ него три раза, становится на колѣна и въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ начинаетъ молить Бога, чтобы Онъ освободилъ больного отъ болѣзни и принялъ бы вмѣсто него ея душу. Такая самоотверженность матери при болѣзни своего дитяти составляетъ въ Имеретіи весьма обыкновенное явленіе. Когда больной выздоравливаетъ и зараза въ домъ считается прекратившеюся, рѣжутъ посвященную

*) Хотя слово „батонеби“ по-грузински множество, число отъ слова „батони“ (господинъ), но мы его въ настоящемъ случаѣ будемъ употреблять въ единств. числѣ, такъ какъ оно теперь въ Имеретіи употребляется въ единств. числѣ.

**) „Чонгурѣ“ — струнный инструментъ наподобіе гитары.

„батонеби“ курицу, пекутъ пироги и другія печенія и, сложивъ все вмѣстѣ, относятъ въ ближайшій лѣсъ, гдѣ и ставятъ въ такомъ потаенномъ мѣстѣ, чтобы никакая человѣческая рука не могла до него дотронуться; при этомъ даже посуда, на которой все это было сложено, оставляется въ лѣсу. Всѣ знаютъ, что такую посуду взять изъ лѣсу нельзя, и если кто-либо, по неосмотрительности, заберетъ домой такую посуду, то онъ этимъ наноситъ оскорбленіе „батонеби“, который въ его семьѣ проняведетъ страшное опустошеніе.

Такъ какъ семьѣ, разъ заразившейся болѣзнию, трудно отдѣлаться отъ „батонеби“, то всѣ силы прилагаются къ предотвращенію себя отъ заразы. Какъ только въ какой-либо семьѣ появляется „батонеби“, то всѣ сосѣди, по возможности, начинаютъ урываться, прекращаютъ съ зараженнымъ домомъ всякія сношенія и даже стараются вовсе не ходить мимо него. Кромѣ того, для того чтобы уберечься отъ заразы, сосѣди прекращаютъ всякій громкій разговоръ, такъ какъ, по здѣшнимъ повѣтіямъ, „батонеби“ переходитъ также по звуку. Для этой же цѣли сосѣди на границѣ своего двора во всю длину протягиваютъ красную нитку, которой приписывается способность предотвращения заразы. Конечно, подобныя предохранительныя мѣры до извѣстной степени останавливаютъ быстрое распространеніе эпидеміи; но, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ средствъ противъ болѣзни, многіе дѣлаются ея жертвами. Лѣтъ двадцать тому назадъ, до появленія настоящихъ медицинскихъ средствъ, таканъ сравнительно неопасная эпидемія, какъ дизентерія, производила въ Имеретіи каждое лѣто страшное опустошеніе и наводила ужасную панику на населеніе; умирали отъ нея и взрослые и дѣти, а больше послѣднія. Народъ боялся дизентеріи, какъ холеры или чумы, такъ какъ она, на самомъ дѣлѣ, принимала чисто эпидемическій характеръ, главнымъ

образомъ, вслѣдствіе того, что въ Имеретіи въ лѣтнее время поѣдаютъ массу зеленыхъ фруктовъ.

Смерть для имеретина является карой небесной, наказаніемъ Божиимъ, которое постигаетъ человѣка за его преступныя дѣянія и несправедливыя отношенія. На этомъ основаніи въ Имеретіи сильно распространено „проклинаніе“, которое, по здѣшнимъ понятіямъ, производитъ ужасное дѣйствіе. Лицо обиженное, потерпѣвшее отъ кого-либо обиду или какой-либо убытокъ, вмѣсто того чтобы искать правосудія установленнымъ порядкомъ, отправляется въ церковь и тамъ, передъ иконой какого-либо святого, въ самыхъ ужасныхъ словахъ провозноситъ проклятіе на своего обидчика, призывая на него самую страшную небесную кару. Народъ глубоко увѣренъ, что такое проклинаніе произведетъ свое дѣйствіе. Поэтому, если въ какомъ-либо семействѣ за короткий срокъ бываетъ 2—3 смертныхъ случая, то всѣ увѣрены, что это произошло отъ проклятія, произнесеннаго вѣмъ-либо надъ этимъ семействомъ.

Съ другой стороны, продолжительная болѣзнь или смерть чья-либо объясняется еще неисполненіемъ обѣта, даннаго Богу или кому-либо изъ святыхъ. Если въ семьѣ тяжело больны дѣти, то родители на колѣняхъ даютъ обѣтъ сдѣлать въ церковь какое-либо приношеніе на имя извѣстнаго святого и въ видѣ залога лежатъ подъ постелью больного большой камень, который можетъ быть сдвинуть съ мѣста только по исполненіи обѣта. Приношенія въ такихъ случаяхъ бываютъ различны: въ одномъ мѣстѣ приводятъ въ церковь быка и оставляютъ его въ оградѣ церкви; скотина продается съ аукціона, и деньги поступаютъ въ пользу церкви. Въ другихъ мѣстахъ приношенія въ честь Архистратига Михаила состоятъ изъ пѣтуховъ, которыхъ приводятъ въ день Ангела Гавріила, 8 ноября, въ церковь и въ оградѣ церкви, поднимая ихъ на воздухъ, отпускаютъ. Толпа, которая соби-

рается въ этотъ день въ церковь, бросается ловить посвященныхъ пѣтуховъ и передаетъ ихъ церковному старостѣ, какъ принадлежность церкви. Бываютъ также и иного рода приношенія, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берутъ поросенка, выводятъ его въ пустынное мѣсто и пускаютъ на свободу. Последнее приношеніе считается для разныхъ родовъ обязательнымъ.

Хотя имеретинны всѣми средствами стараются предотвратить отъ себя смерть, но она, какъ явленіе неизбежное и естественное, все-таки дѣлаетъ свое дѣло. Ужасное впечатлѣніе производитъ смерть въ Имеретіи; она встрѣчается здѣсь съ особымъ ужасомъ. Когда кто-либо умираетъ, въ семьѣ его поднимается таковой ужасный вопль, который не можетъ быть выраженъ никакими словами. Сначала начинаютъ кричать въ семьѣ покойника, потомъ къ нимъ присоединяются сосѣди, кричатъ и мужчины, и женщины, и дѣти, а больше всѣхъ женщины какими-то востественнымъ голосомъ, — и все это, вмѣстѣ смѣшанное, производитъ картину, поистинѣ ужасающую. Таковой усиленный сплошной крикъ продолжается минутъ 10—15; затѣмъ онъ немного утихаетъ, и начинаются особыя причитыванія; женщины, въ особенности мать и жена покойника, раздираютъ себѣ до крови грудь и щеки, комками рвутъ на себѣ волосы и въ дикомъ остервенѣніи наносятъ себѣ побои по лицу, головѣ и груди.

Похороны обыкновенно происходятъ на третій день послѣ смерти; наряжается особый гонецъ, который даетъ знать о смерти всѣмъ родственникамъ покойнаго, живущимъ въ разныхъ деревняхъ и селахъ; при этомъ таковой гонецъ, какъ приноситель неприятной вѣсти, никогда не заходитъ ни въ чей домъ, а только, остановившись у воротъ, подзываетъ хозяина или хозяйку дома и сообщаетъ имъ неприятное извѣстіе о смерти ихъ родственника. При полученіи такого извѣстія, близкія родственницы покойнаго сейчасъ же поднимаютъ

ужасный крикъ, который продолжается нѣсколько минутъ, при чемъ повторяется тоже раздираніе кожи на груди и щекѣ, вырваніе волосъ на головѣ и другія подобныя истязанія.

Въ день похоронъ еще съ утра начинаютъ стекаться въ домъ покойника всѣ близкіе и дальніе сосѣди, обыкновенно мужъ и жена отъ каждаго семейства, а родственники и родственницы собираются въ полномъ составѣ. Приходя въ домъ покойника, сосѣди и родственники обязаны принести съ собою готовыя кушанья (постныя, такъ какъ на похоронахъ почти всегда бываетъ постная пища) и вино вмѣстѣ съ посудой, необходимою для стола. Такая поддержка, оказываемая дому покойника сосѣдами и родственниками, представляетъ обычай, издревне укоренившійся въ Имеретіи. Только съ постепеннымъ ослабленіемъ натурального хозяйства и со введеніемъ денежнаго обращенія, эта поддержка натурой начинаетъ замѣняться денежной поддержкой, оказываемой всѣми семьѣ покойника въ день похоронъ. Каждый сосѣдъ обязанъ принести съ собою не менѣе 50 коп., а родственники—не менѣе 1 рубля. Въ день похоронъ составляется особый списокъ, куда вносятся по порядку всѣ пожертвованія съ обозначеніемъ имени и фамиліи пожертвовавшего. По этому списку члены семьи покойника должны отплатить всѣмъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ они сами получили. Эта денежная повинность, добровольно всѣми на себя налагаемая, исполняется всѣми съ поразительною аккуратностью.

Въ отплату за это семья покойника въ день похоронъ устраиваетъ для всѣхъ присутствующихъ обѣдъ, къ которому допускаются всѣ нищіе, юродивые и странники, если таковыя бываютъ налицо. Выносъ тѣла всегда происходитъ послѣ обѣда, такъ какъ въ утру не успѣваютъ съѣзжаться родственники, живущіе въ другихъ деревняхъ. По окончаніи обѣда, начинается церемонія оплакиванія. Въ домѣ,

возлѣ гроба, на полу, устланномъ мѣстными коврами, располагается жена и мать покойника и съ ними цѣлая масса родственницъ, всѣ въ глубокомъ траурѣ и съ распущенными волосами. На дворѣ, у входа въ домъ, выстраиваются всѣ родственники и сосѣди, которыхъ вводятъ поодиночкѣ къ покойнику въ сопровожденіи пѣвчихъ, поющихъ погребальныя пѣсни („зари“), напоминающія собою скорѣ стоны и завыванія, чѣмъ настоящее пѣніе. Каждый родственникъ, подводимый въ такомъ видѣ къ покойнику, начинаетъ громко плакать и бить себя по лбу и груди, выражая въ своихъ словахъ воспоминаніе о покойникѣ и соболѣзнованіе близкимъ стоящимъ у гроба родственникамъ. При этомъ многіе очень часто плачутъ и кричатъ, вовсе не проливая слезъ; всѣ присутствующіе на похоронахъ и близкіе, и дальніе родственники, и знаемые обязаны исполнить всѣ церемоніи, которыя вслѣдствіе такого обязательнаго характера и сухого формализма, кроющагося въ нихъ, начинаютъ постепенно терять все свое значеніе. Вслѣдствіе этого часто можно встрѣтить въ Имеретіи лицъ и мужскаго и женскаго пола, которыя выработали себѣ особый способъ оплакиванія и которыя во время погребальныхъ церемоній играютъ большую роль. Эти лица могутъ оплакивать всякаго покойника, даже того, кого они вовсе и не видѣли въ жизни; ихъ стоитъ только подвести къ гробу, и уже сейчасъ польются самыя горячія рѣчи и причитыванія. Что же касается близкихъ родственниковъ и родственницъ, живущихъ въ другихъ мѣстахъ, какъ-то замужнихъ сестеръ и дочерей, то онѣ ко дню похоронъ дѣлаютъ особыя приготовленія. Онѣ созываютъ всѣхъ своихъ сосѣдей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и въ сопровожденіи ихъ, въ глубокомъ траурѣ, отправляются въ домъ покойника. Какъ только онѣ приближаются къ воротамъ, сейчасъ поднимаютъ страшный крикъ, который служитъ сигналомъ къ ихъ приближенію для распорядите-

лей погребальной церемоніи. Услышавъ ихъ крикъ, со двора покойнаго наряжаютъ нѣсколько человѣкъ, которые встрѣчаютъ ихъ и, поддерживая ихъ съ обѣихъ сторонъ, ведутъ къ покойнику. При этомъ еще разъ повторяется страшная картина раздиранія кожи на лицѣ и рукахъ, вырванія волосъ и т. п. способы самобичеванія. Когда всѣ съѣзжаются, и оплакиваніе оканчивается, уже къ вечеру покойника несутъ на рукахъ на владбище. Цѣлыя толпы женщинъ, сопровождающихъ гробъ, обыкновенно въ глубокомъ траурѣ и съ распущенными волосами, ни на минуту не прерывающіеся громкій плачь и причитыванія, смѣсь мужскихъ и женскихъ голосовъ—все это производитъ впечатлѣніе, поминивъ, потрясающее.

Послѣ смерти душа покойника, по здѣшнимъ понятіямъ, еще сорокъ дней пребываетъ въ семьѣ; поэтому за обѣдомъ и ужиномъ каждый разъ особо откладывается порція для покойника. Въ сороковой же день по смерти семья покойнаго созываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и сосѣдей,—и всѣ вмѣстѣ отправляются на могилу, гдѣ еще разъ происходитъ общее оплакиваніе со всѣми обыкновенными церемоніями. На другой же день всѣ присутствовавшіе на послѣднемъ оплакиваніи, собираются снова въ домъ покойника, принося съ собою разные съѣстные припасы, и тутъ-то справляютъ „поминки“, представляющія въ Имеретіи нѣчто въ родѣ прощанія съ покойникомъ.

III. Обычаи и вѣрованія, приуроченные къ разнымъ праздникамъ, явленіямъ природы и знаменнымъ случаямъ.

Мы выше упоминали, что, несмотря на полуторатысячелетнее существованіе христіанства, въ Имеретіи все-таки сохранились до сего времени въ полной своей силѣ и значеніи

разные языческіе обычаи и вѣрованія, выработавшіяся въ глубочайшей древности. Эти языческія вѣрованія перемѣшаны съ христіанскими понятіями и приурочены къ праздникамъ, установленнымъ христіанскою церковью. Въ числѣ праздниковъ, къ которымъ приурочены здѣшніе обычаи, главное мѣсто занимаютъ, конечно, праздники Рождества и Нового года. Нужно сказать, что во время рождественскихъ святокъ елва въ Имеретіи обыкновенно не устраивается. Но зато другіе святочные обычаи отличаются нѣкоторою своеобразностью. Еще за 2—3 дня до Рожд. Христ. по деревнямъ начинаютъ ходить съ поздравленіемъ деревенскіе пѣвцы, которые, конечно, получаютъ за поздравленіе подарки, смотря по состоянію: одни даютъ имъ деньги, другіе, болѣе бѣдные, „гоми“, яйца и разные съѣстные продукты. Пѣвцы эти поздравляютъ всѣхъ съ праздниками Рождества и Нового года, высказывая при этомъ въ своихъ пѣсняхъ разные добрыя пожеланія, которыя заключаются въ слѣдующихъ словахъ:

„Алило, Алило! миръ дому сему,
Желаемъ провести въ добромъ здоровѣ
Праздники Рождества и Нового года.
Птичка садится на плетень,
Возвѣщаетъ о Рождествѣ Христовомъ.
Такъ и мы, возвѣщая объ этомъ,
Поздравляемъ васъ со свѣтлымъ праздникомъ“.

Мы приводимъ здѣсь общую и обыкновенную редакцію Рождественской коляды, которая повсемѣстно распѣвается въ Имеретіи; но слѣдуетъ замѣтить, что какъ самый напѣвъ, такъ и слова употребляются въ разныхъ мѣстахъ съ нѣкоторыми измѣненіями, носящими чисто мѣстный характеръ. Что касается до Рождественскаго сочельника, имѣющаго у русскихъ столь великое значеніе и прелесть, надо сказать, что въ Имеретіи онъ вовсе не празднуется; только

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ готовятъ нѣчто въ родѣ куты („коркоти“), которое такъ же, какъ и кутя, дѣлается изъ пшеницы и сахару или меду. Зато въ Имеретин большое значеніе имѣетъ Рождественское утро. Еще до развѣта въ каждой семьѣ начинаютъ готовить свѣжую закуску, рѣжутъ курицу и свинью*), которая заранѣе откармливаются для сего дня, и обязательно до восхода солнца вся семья садится за закуску, которая носитъ особое названіе „хацици“ и представляетъ особую радость для всѣхъ, въ особенности же для дѣтей. По окончаніи закуски „хацици“, каждая семья считаетъ своею непремѣнною обязанностью послать крестному отцу гостинецъ („дзгвени“), состоящій изъ особо для сего случая спеченнаго большого пирога „гвезели“, начиненнаго сыромъ и круто сваренными яйцами,—изъ вина и кашлуна, тоже особо откармленнаго. Такой гостинецъ посылается крестному отцу черезъ его же крестника или крестницу, которые всегда удерживаются до вечера у крестнаго отца, угощаются у него, а подъ-конецъ получаютъ отъ него же соотвѣтствующій гостинцу подарокъ.

На новый годъ вмѣсто елки въ каждомъ семействѣ готовятъ особаго рода палки со стружками и съ большими яблоками, съ воткнутыми въ нихъ серебряными монетами, наносятъ въ домъ дивныхъ ягодъ и зелени, которыя въ Имеретин сохраняются до середины зимы, и все это кладутъ вмѣстѣ въ широкую миску; туда же кладутъ и всѣ имѣющіяся въ семьѣ драгоценныя вещи. Наканунѣ Нового года, вечеромъ, когда ложатся спать, въ каждой семьѣ всѣ, и взрослые и дѣти, берутъ по куску сахару и кладутъ подъ подушку. Послѣ полуночи повсемѣстно начинается стрѣльба изъ ружей, которая весь день не прекращается, и если кто услышитъ ружейный выстрѣлъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ

*) Свинина, какъ и всадѣ, составляетъ въ Имеретин необходимую принадлежность праздника Рожд. Христова.

откусить кусочек сахара, то это считается дурным предзнаменованіемъ на будущій годъ. При этомъ одинъ изъ членовъ семьи долженъ спать въ особомъ помѣщеніи, или у со-сѣда, чтобы утромъ явиться въ свой домъ первымъ поздра-вительемъ съ Новымъ годомъ. Передъ разсвѣтомъ, имѣя при себѣ миску, наполненную разными вещами, о которыхъ мы раньше упоминали, а также и зернами „гоми“, онъ подхо-дитъ къ своему дому, гдѣ спитъ все семейство, останавли-вается у дверей, которыя должны быть заперты изнутри, и тогда между нимъ и однимъ изъ находящихся въ домѣ зави-зывается такой разговоръ:

„Отворите двери!“ кричитъ поздравитель.

— „Что несешь?“ спрашиваютъ изнутри.

— „Людямъ радость, людямъ счастье, людямъ здоровье,
— отворите!“

— „Что несешь?“ вторичный вопросъ изнутри.

— „Золото, серебро, жемчугъ, алмазь,— отворите!“

— „Что несешь?“ вопросъ изнутри въ третій разъ.

— „Хорошій урожай, прибыль, добро и преуспѣяніе,—
отворите!“

Уже послѣ третьяго произнесенія поздравитель впуска-ется въ домъ, и тогда онъ начинаетъ ходить изъ угла въ уголь, разбрасывая все время зерна „гоми“ и произнося при этомъ разные пожеланія счастья и успѣха на буду-щій годъ всѣмъ живущимъ въ домѣ. По окончаніи такого „обхода“, онъ подходитъ къ каждому отдѣльно и поздра-вляетъ съ Новымъ годомъ. Такимъ образомъ Новый годъ считается какъ-бы объявленнымъ, и всѣ предаются разнымъ увеселеніямъ. Хозяйка дома рано утромъ печетъ пироги со свинымъ саломъ, и распределеніе этихъ пироговъ доставля-етъ членамъ семьи большое удовольствіе; нѣкоторые изъ нихъ берутъ въ руки по пирогу и съ нимъ начинаютъ бѣгать во-кругъ дома, а кто изъ нихъ успѣетъ раньше добѣжать до

назначеннаго мѣста, тотъ будетъ счастливѣе на цѣлый годъ. Въ этотъ день всѣ стараются говорить при всѣхъ правду и не обманывать другъ друга. Кроме того, въ день Новаго года въ Имеретіи въ каждомъ дворѣ устраиваютъ качели, на которыя садятся даже и старики, увлеченные общимъ веселіемъ; существуетъ повѣріе, что прокатавшійся въ этотъ день на качеляхъ весь годъ не будетъ страдать ни головною болью ни болью поясницы.

За новогодними обычаями слѣдуютъ обычай, относящіеся къ культу винограда и хлѣбныхъ растений. Въ началѣ весны, обыкновенно въ субботу, на первой недѣлѣ Великаго поста, въ каждомъ семействѣ готовятъ множество разныхъ постныхъ пироговъ, кладутъ ихъ въ круглую миску, берутъ также зерна „гоми“ и нѣсколько штукъ орѣховъ и со всѣмъ этимъ въ сумерки отецъ семейства со всѣми своими мальчиками отправляется въ виноградникъ. Здѣсь около винограднаго куста всѣ становятся на колѣна, и въ такомъ положеніи отецъ семейства произноситъ молитву, въ которой проситъ Бога послать на слѣдующій годъ хорошій урожай винограда, хлѣбныхъ растений и плодовъ. По окончаніи молитвы, подкапываютъ землю вокругъ винограднаго куста и сѣютъ тамъ „гоми“ и орѣхи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, кроме того, разводятъ большой востеръ и начинаютъ черезъ него перепрыгивать, произнося разные радостныя восклицанія. Въ этотъ же вечеръ пекутъ два пирога: одинъ, подъ названіемъ „хар-угела“ (воловье ярмо), имѣетъ дѣйствительно форму ярма; его переламываютъ пополамъ на шеѣ быка и потомъ ѣдятъ. Другой пирогъ, подъ названіемъ „чти-квера“ (птичій пирогъ), беретъ одинъ изъ членовъ семьи и кладетъ во дворѣ гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ, чтобы его трудно было найти. На другое утро начинаются поиски этого „птичьяго пирога“,— всѣ бросаются въ разные стороны, чтобы его скорѣе найти; въ поискахъ принимаютъ участіе и

сосѣди; а такъ какъ въ Имеретіи вездѣ селенія раскинулись на большія пространства, то поиски очень часто затягиваются до вечера, и только къ вечеру какому-нибудь счастливцу удастся его отыскать; найденный пирогъ при общемъ веселіи распределяется между всѣми.

За обычаями, носящими характеръ культа винограда и др. земныхъ плодовъ, слѣдуютъ умиловительныя жертвоприношенія, заключающія въ себѣ культъ шелколичныхъ червей и, вообще, шелководства. Извѣстно, что въ Имеретіи главное богатство населенія составляетъ шелководство, а потому и неудивительно, что здѣсь на него обращается особенное вниманіе. Еще въ началѣ весны, когда слышатъ первый громъ, всякій старается ухватиться за какой-нибудь желовѣсный предметъ, произнося при этомъ громко пожеланіе, чтобы въ наступающемъ году въ его семьѣ было собрано какъ можно больше шелку. Въ началѣ мая, когда еще шелколичныя черви находятся только въ зародышѣ, въ каждой семьѣ готовятъ пирожки, рѣжутъ курицу, ставятъ вино—и въ присутствіи всей семьи мать семейства, становясь на колѣна, проситъ Юва, чтобы онъ своимъ благосклоннымъ содѣйствіемъ умножилъ шелколичныхъ червей и защитилъ ихъ отъ болѣзней и отъ всякаго вреда. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣднія жертвоприношенія совершаются матерью семейства, тогда какъ всѣ другія умиловительныя жертвоприношенія справляетъ обязательно отецъ семейства. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что шелководство въ Имеретіи находится всецѣло въ рукахъ женщинъ, которыя занимаются этимъ дѣломъ очень усердно. Мужчины же, занятые весною обыкновенно полевыми работами, только въ исключительныхъ случаяхъ принимаютъ участіе въ работахъ по шелководу. Съ другой стороны, въ данномъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что покровителемъ шелководства считается здѣсь Ювъ. Очевидно,

такое вѣрованіе создалось подъ вліяніемъ библейскаго сказанія, которое, какъ извѣстно, сообщаетъ, что тѣло Іова покрылось червями.

Подобно тому какъ Іовъ является защитникомъ и покровителемъ шелководства, точно также пророкъ Илья въ представленіи имеретинъ есть покровитель полевыхъ посѣвовъ и земледѣльческаго труда. Когда громъ гремитъ, это, говорятъ имеретинны, пророкъ Илья гонится за дьяволомъ и производитъ шумъ. Согласно такому представленію, дьяволъ, какъ врагъ человѣка, отгоняетъ дождевыя тучи, а Илья гонится за нимъ, являясь въ этомъ случаѣ защитникомъ и покровителемъ земледѣльца. Во время сильной засухи, когда полевые посѣвы начинаютъ сильно страдать отъ бездождія, народъ всегда обращается съ молитвой къ пророку Ильѣ, прося его послать на землю дождь. Для этой цѣли всѣ окрестные жители собираются въ церковь во имя св. пророка Ильи, и здѣсь послѣ горячихъ молитвъ вся толпа вмѣстѣ со священникомъ выноситъ икону пророка Ильи и несетъ ее къ ближайшей рѣкѣ; тамъ, опустивъ ее троекратно въ воду, возвращаются съ иконой обратно въ церковь. Появленіе послѣ этого дождевыхъ тучъ приписывается народомъ всецѣло силѣ и заступничеству пророка Ильи.

Кромѣ того, въ Имеретіи распространены еще особаго рода жертвоприношенія, которыя носятъ чисто мѣстный характеръ и напоминаютъ собою времена патриархальныя. Эти жертвоприношенія замѣчательны тѣмъ, что они устанавливаются въ каждой фамиліи особо и безъ всякаго измѣненія переходятъ изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Какъ извѣстно, въ Имеретіи вино хранится въ особыхъ глиняныхъ сосудахъ („чури“), зарытыхъ въ землю,—и вотъ каждому изъ этихъ сосудовъ дается назначеніе умилостивительнаго жертвоприношенія. Эти сосуды (чури) имѣютъ слѣдующія названія: 1) „господскій“ (сосудъ); 2) „амальскій“;

3) „могильный“ и 4) „сосудъ неизвѣстнаго“. При чемъ надо замѣтить, что не всѣ они обязательны для каждаго рода. Самое происхожденіе этихъ жертвоприношеній выяснять ихъ обязательность. Когда въ семьѣ кто-либо болѣетъ продолжительной болѣзнью, имеретинны обращаются за совѣтомъ къ знахаркамъ-гадальщицамъ, которыя, большею частью, объясняютъ болѣзнь неисполненіемъ какого-либо обѣта, даннаго родными больного. Последніе, принимая за чистую монету объясненіе гадальщицы и желая восполнить свои упущенія, сейчасъ же, по ея указанію, устанавливаютъ въ своей семьѣ ежегодныя обязательныя жертвоприношенія, соблюденіе которыхъ во в ей чистотѣ и неизмѣнности передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. „Господское“ жертвоприношеніе бываетъ двухъ родовъ: а) *семейное*, которое справляется ежегодно въ каждой семьѣ, и б) *общее*, несущее чисто родовой характеръ, которое справляется всѣми членами одного рода вмѣстѣ. Въ назначенный день всѣ представители одного рода собираются вмѣстѣ, всѣ приносятъ съ собою разные съѣстные припасы, отрываютъ въ присутствіи всѣхъ „чури“ (сосудъ съ виномъ); назначенный для даннаго случая, и совершаютъ обязательное жертвоприношеніе. При этомъ, по первоначальному положенію, одинъ годъ приносятъ въ жертву козленка, а другой годъ—рыбу, а въ другихъ мѣстахъ—одинъ разъ ягненка, другой разъ—пѣтуха. При совершеніи жертвоприношенія, всѣ члены рода должны быть непременно налицо; при чемъ старшій въ родѣ произноситъ молитву и просить у Бога здравія и счастья воѣмъ представителямъ своего рода. По окончаніи молитвы, устраиваютъ обѣдъ и пьютъ вино изъ этого „чури“.

„Ангельскій чури“ посвящается ангелу, защитнику и хранителю семьи. Жертвоприношеніе въ честь ангела происходитъ ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ, за недѣлю до начала Петро-Павловскаго поста. По этому случаю въ каждой семьѣ

идутъ особыя приготовленія: пекутъ пироги, куда вмѣсто сыру кладутъ девять сортовъ овощей въ толченомъ видѣ, рѣжутъ курицу и, сложивъ все въ деревянную миску, отправляются въ то мѣсто, гдѣ зарытъ сосудъ съ виномъ, предназначенный для жертвоприношенія и до сего времени находящійся въ закупоренномъ видѣ. Жертвоприношеніе должно происходить непременно въ сумерки; всѣ члены семьи мужескаго пола (женщины вовсе не имѣютъ права участвовать) собираются и, становясь на колѣна, съ благоговѣніемъ ожидаютъ начала молитвы. Тогда отецъ семейства беретъ миску съ приготовленною пищею и зажженными восковыми свѣчами и начинаетъ произносить моленіе свое, обращенное къ ангелу, прося его быть защитникомъ и хранителемъ всей его семьи. По окончаніи молитвы, открываютъ „чури“ и начинаютъ пить изъ него вино. До совершенія же подобнаго жертвоприношенія ни у кого не поднимется рука открыть „чури“ и достать оттуда вино; такой поступокъ считается всѣми оскорбленіемъ святости, религіознаго чувства и неуваженіемъ къ памяти предковъ, установившихъ подобныя жертвоприношенія.

„Могильный“ сосудъ предназначается для поминанія души усопшихъ родственниковъ. Для совершенія таково жертвоприношенія выбирается субботній день (обыкновенно наканунѣ дня Пятидесятницы). Въ этотъ день каждая семья дѣлаетъ особыя приготовленія, при чемъ на имя каждаго покойника изготавливаются особыя кушанія, фрукты, разные домашнія печенія; потомъ все это ставится на томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ сосудъ съ виномъ, предназначенный для настоящаго случая,—собирается вся семья, и каждый поодиночкѣ, взявъ въ руку кусочекъ ладана, произноситъ „царствіе небесное“ тѣмъ, въ воспомнаніе котораго все приготовлено, и бросаетъ ладанъ въ огонь, разведенный для сего случая. Послѣ этого открываютъ сосудъ (чури) и пьютъ вино съ

произношеніемъ упокоенія души и вѣчной памяти своимъ покоійникамъ.

Бываютъ и такіе случаи, что жертвоприношенія, разъ установленныя въ извѣстномъ родѣ, забываются слѣдующими поколѣніями и вовсе выводятся изъ употребленія. Но подобное положеніе, по понятіямъ имеретинъ, не проходитъ безслѣдно; оно обыкновенно служитъ причиной, вызывающей въ семьѣ и даже въ цѣломъ родѣ серьезныя несчастія. И вотъ на основаніи такого представленія, въ случаѣ чьей-либо серьезной болѣзни или другого какого-либо несчастія, семья объясняетъ свое тяжелое положеніе показаніемъ Божьимъ за неисполненный долгъ, за несовершенство установленнаго предками жертвоприношенія. За разъясненіемъ подобного положенія всегда обращаются къ знахаркамъ-гадальщицамъ, которыя, прекрасно зная понятія народа на этотъ счетъ, тотчасъ приписываютъ всякое семейное несчастіе именно нарушенію установленнаго предками обычая. Семья, которая является только невинной жертвой подобнаго недоразумѣнія, найдя причину своего несчастія, въ возмещеніе долга, лежащаго на всемъ родѣ, съ большимъ благоговѣніемъ устанавливаетъ новое жертвоприношеніе: и сосудъ съ виномъ (чури), предназначенный для такого жертвоприношенія, получаетъ названіе „неизвѣстнаго“ (невѣдомаго), въ виду того что, какъ выше сказано, онъ служитъ искупленіемъ старыхъ грѣховъ, происходящихъ отъ незнанія раньше установленнаго предками обычая.

Помимо этихъ жертвоприношеній, носящихъ чисто патріархальный, ветхозавѣтный характеръ, въ Имеретіи еще по сіе время повсемѣстно распространены разныя суевѣрія и предрассудки, представляющіе собою остатки и переживанія языческихъ понятій.

Главное мѣсто между этими понятіями занимаетъ вѣра въ демоновъ, вліяніе нечистой силы на явленія природы,

а въ особенности на человѣка. Всякое дурное явленіе, влекущее за собою вредъ для людей, по понятіямъ имеретинъ, происходитъ отъ дѣйствія нечистой силы, которая можетъ заключаться и въ человѣкѣ, и въ животныхъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ предметахъ. Народъ глубоко увѣренъ, что есть такія личности, которыя могутъ дѣлать другимъ зло.

Стоитъ только такой именно личности, одержимой нечистой силой, взглянуть на кого-нибудь съ преступными помыслами, и результаты, по ихъ внушенію, получатся самыя ужасныя.

Такое злое внушеніе обыкновенно порождается завистью, которая заставляетъ людей съ нечистыми намѣреніями вымещать зло на другихъ. Этимъ именно и объясняется то обстоятельство, что въ Имеретіи желающій выразить кому-либо похвальный отзывъ еще до произнесенія похвалы обыкновенно перекрестится, чтобы тѣмъ совершенно парализовать дѣйствіе нечистой силы, которая въ подобныхъ случаяхъ производитъ свое дурное вліяніе. Поэтому, когда ребенка всѣ окружающіе начинаютъ хвалить и выражать убѣжденіе, что онъ подаетъ большую надежду, то родители начинаютъ сильно беспокоиться, чувствуя въ комъ-либо изъ говорящихъ присутствіе нечистой силы, которая своимъ злымъ воздѣйствіемъ можетъ совершенно погубить ребенка. Для предотвращенія такой нечистой силы, матери въ люлькѣ своихъ дѣтей всегда привѣшиваютъ маленькія рѣчные раковины, которыя, по ихъ понятіямъ, имѣютъ свойство, предохраняющее дѣтей отъ всего нечистаго. Когда же дѣти подрастаютъ, то имъ подъ мышку подшиваютъ кусокъ предмета, имѣющаго такое же предохраняющее свойство. Стараются также изолировать отъ вредной силы не только дѣтей и самого себя, но весь дворъ со всѣми принадлежностями; для этой цѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на заборахъ, навѣшиваютъ лошадиные черепа, которымъ тоже приписывается

свойство, предохраняющее отъ злого духа. Присутствіе нечистой силы имеретинны видягъ въ нѣкоторыхъ людяхъ, имѣющихъ, какъ они выражаются, „дурной глазъ“, но въ особенноти считаются одержимыми нечистой силой нѣкоторыя старухи, всякое общеніе съ которыми считается опаснымъ для жизни.

Народная фантазія создала въ Имеретин цѣлое фантастическое сказаніе о вѣдьмахъ („тура вѣла“) и ихъ происхожденіяхъ. По понятіямъ имеретинъ, главнымъ мѣстопробываніемъ этихъ вѣдьмъ служить гора „Табавела“, находящаяся въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ мѣстечка Хони. На этой горѣ имѣетъ свою главную резиденцію глава всѣхъ вѣдьмъ, начальница, называемая имеретинами „Диди-Рувапи“ (большая баба-лгя). Всѣ другія вѣдьмы находятся въ ея услуженіи, она ими распоряжается по своему усмотрѣнію и дѣлаетъ имъ разныя порученія. Дѣйствія этихъ вѣдьмъ всегда направлены къ тому, чтобы причинить людямъ зло, повредить имъ во всякомъ дѣлѣ, дать всякому ихъ намѣренію дурное направленіе и вселить въ нихъ разныя дурныя помыслы и желанія. Видимымъ проявленіемъ ихъ вѣдѣвствія на человѣка служитъ именно то, что онѣ вырѣзаютъ маленькіе куски изъ чужого платья; и человѣкъ, которому такое платье принадлежитъ, стонетъ съ этого времени невольной жертвой разныхъ хитростей этихъ вѣдьмъ; вырѣзавъ, такимъ образомъ, у кого-нибудь кусокъ платья, онѣ, по выраженію имеретинъ, этимъ самымъ „вынимаютъ у него сердце“; это значитъ, что съ этого времени человѣкъ, сдѣлавшійся жертвой вѣдьмъ, теряетъ нормальное состояніе души и тѣла, слабѣетъ постепенно, даже заболѣваетъ тяжелою болѣзнію, которая сводитъ его скоро въ могилу. Во избѣжаніе подобныхъ печальныхъ послѣдствій, имеретинны принимаютъ разныя мѣры предосторожности, постоянно стараясь отогнать отъ себя нечистую силу и парализовать ея вліяніе. Вѣдьмы

въ лицѣ старухъ, одаренныхъ нечистой силой, пребываютъ постоянно между людьми, распространяя вездѣ свое преступное воздѣйствіе и старался постепенно расширять поприще своей дѣятельности. Но есть и такіе дни, когда вѣдьмы особенно проявляютъ свое дурное вліяніе; напр., 14-го августа, ночью, по вѣрованію имеретинъ, всѣ вѣдьмы сходятся на гору „Табакела“, главную резиденцію „Диди-Рукапи“ (старшей вѣдьмы); послѣдняя даетъ имъ порученіе въ эту ночь обойти всѣ окрестности и посѣтить всѣ семейства. Народъ, глубоко увѣренный въ существованіи такихъ вѣдьмъ, особенно готовится въ эту ночь, чтобы защитить себя отъ нихъ. Взрослые всю эту ночь проводятъ безъ сна, всю ночь держатъ въ домахъ зажженную свѣчу, такъ какъ думаютъ, что при свѣтѣ вѣдьма не осмѣлится войти въ домъ; дѣтямъ въ эту ночь прилѣпливаютъ къ волосамъ чистый воскъ, желая этимъ предохранить ихъ отъ нечистой силы; молодые же парни и дѣвушки собираются по разнымъ мѣстамъ гурьбой и всю ночь проводятъ въ танцахъ, пѣніи и игрѣ. Вотъ въ эту именно ночь всѣ старухи, которыя имѣютъ соприкосновеніе съ нечистымъ духомъ, собираются на горѣ „Табакела“, каждая изъ нихъ даетъ отчетъ въ своей дѣятельности главной вѣдьмѣ „Диди-Рукапи“ и приноситъ ей человѣческія сердца, похищенные у разныхъ лицъ. Въ виду этого, въ ночь на 15-ое августа особенно остерегаются и слѣдятъ за тѣми старухами, которыхъ въ обществѣ считаютъ вѣдьмами. Также остерегаются въ эту ночь и не пускаютъ въ комнату кошелекъ, такъ какъ существуетъ повѣріе, что очень часто нечистый духъ входитъ въ кошелекъ и въ ея образѣ производитъ свое пагубное дѣйствіе на людей. Помимо этой ночи, во всякое другое время имеретинцы считаютъ себя подверженными вліянію нечистой силы. Всякое общее недомоганіе, всякое общее расстройство организма, первыя припадки и, въ особенности, явленія чисто психо-патологическаго свойства имеретинцы

всегда приписываютъ дѣйствию злого духа. При всякой непонятной для нихъ болѣзни, они обращаются къ знахаркамъ-гадальщицамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, обладаютъ чудодѣйственной силой и особыми, чуть ли не сверхъестественными способами распознаванія всякой болѣзни и всякаго общаго недомоганія. Первый вопросъ, который должны разрѣшить эти гадальщицы при постановкѣ своего діагноза, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, чѣмъ именно вызвана болѣзнь, воздѣйствіемъ ли нечистаго духа, или другими какими-либо причинами. Для этой цѣли одиѣ гадальщицы прибѣгаютъ къ помощи игральныхъ картъ, которыя онѣ раскладываютъ по своему разъ навсегда установленному способу, и если при этомъ на нихъ нападаетъ сильная зѣвота, то онѣ изъ этого заключаютъ, что болѣзнь происходитъ обязательно отъ нечистой силы. Тогда онѣ начинаютъ нашептывать свое молитвословіе, во время котораго онѣ продолжаютъ сильно зѣвать, чувствуютъ сильный приливъ слезъ, которыя ручьемъ текутъ изъ ихъ глазъ, начинаютъ сильно охать и вздыхать и принимаютъ чисто страдальческій видъ. Подобное свое состояніе онѣ объясняютъ тѣмъ обстоятельствомъ, что своимъ нашептываніемъ изгоняютъ изъ больного нечистый духъ, который засѣлъ въ него и нарушилъ правильное отправленіе организма; этотъ-то нечистый духъ, встревоженный такимъ нашептываніемъ, начинаетъ беповоняться, метаться, мучиться, разставаясь съ человѣческимъ организмомъ, и въ то самое время его страданія отзываются на гадальщицѣ, которая, почувствовавъ подобное состояніе, начинаетъ еще больше усиливать свои нашептыванія, повторяетъ ихъ по нѣсколькx разъ, часто приговаривая при этомъ вслухъ проклятія дьяволу, который, будучи окончательно побѣжденъ, оставляетъ человѣческій организмъ. Вотъ подобнымъ образомъ деревенскія знахарки лѣчатъ больныхъ, одержимыхъ нечистой силой. Молитвословіе, произносимое знахаркой въ данномъ случаѣ и

составляющее какъ бы цѣлебное средство, выражается въ слѣдующихъ словахъ *):

„Сидѣла Дѣва Марія у воротъ рая
И ткала свою тканьъ.
Пришелъ еврей, разрѣзалъ ей тканьъ,
Разрушилъ станокъ, челнокъ сломалъ
И золотую скамеечку опрокинулъ.
Сѣла Дѣва Марія
И начала жалобно плавать,
Проливая жемчужныя слезы.
Подошелъ къ ней Иисусъ Христосъ
И спрашиваетъ: „Мать родная!
Отчего ты такъ жалобно плачешь?“
— „Сынъ мой, Иисусъ!“ отвѣчаетъ Дѣва Марія:
„Какъ мнѣ не плавать, не рыдать:
Пришелъ еврей, тканьъ мою перерѣзалъ,
Станокъ разрушилъ, челнокъ поломалъ
И золотую скамеечку опрокинулъ“.
— „Встань, мать моя родная!“
Отвѣтилъ Иисусъ, ее успокаивая:
„Вскипяти воду и брось туда
Три стебля крапивы и торищѣ угля.
Какъ они тамъ потухнутъ и уничтожатся,
Такъ пусть уничтожится
И духъ, теби поразившій. (Здѣсь произносится имя боль-
ного).

Да поможетъ молитва моя и Божья сила!“ **)

*) Необходимо при этомъ замѣтить, что при всемъ нашемъ стараніи мы не имѣли никакой возможности выразить всѣ тонкости грузинскаго текста при переводѣ на русскій языкъ въ виду того, что подобныя произведенія грузинской народной словесности представляютъ чисто своеобразныя, вовсе не поддающіяся переводу, сочетанія словъ и предложеній.

**) Эта молитва составляетъ вариантъ молитвы отъ „дурного глаза“ въ статьѣ Т. Мамаладзе „Народныя обычаи и повѣрья гурійцевъ“ (Сборникъ матеріаловъ, вып. XVII, отд. II, стр. 111.

Съ другой стороны, по понятіямъ имеретинъ заболѣваніе можетъ происходить отъ вліянія личности, обладающей особою способностью внушать другимъ все, что угодно, и производящей въ чужомъ организмѣ и даже въ жизненной обстановкѣ другого желаемую переменѣну. Эти личности съ „дурнымъ глазомъ“, какъ ихъ называютъ имеретины, ничѣмъ не отличаются своимъ наружнымъ видомъ и, вращаясь безпрепятственно въ обществѣ, они становятся очень часто виновниками всякаго рода несчастій. Такія личности своимъ „дурнымъ глазомъ“ могутъ причинять болѣзни людямъ, разстраивать семейныя отношенія, лишать молодыхъ людей предназначеннаго имъ счастья и всякое чужое начинаніе привести къ дурному исходу. Въ виду этого семейство, терпящее отъ такого „дурного глаза“ разныя пакости, обращается за помощью къ тѣмъ же знахаркамъ-гадальщицамъ, которыя въ имеретинскихъ деревняхъ являются какъ бы „мастерицами на всѣ руки“, разбѣшающими совершенно своеобразно всякое непріятное колдованіе, въ которомъ очутился человекъ. При этомъ интересно то обстоятельство, что появленіе врачей въ мѣстечкахъ и селахъ ничуть не могло ослабить значеніе этихъ знахаровъ; народъ до того имъ вѣритъ, что никакія медицинскія средства не могутъ и въ настоящее время поколебать это довѣріе; даже и въ томъ случаѣ, когда представляется возможность воспользоваться даровою медицинскою помощью, народъ предпочитаетъ обращаться скорѣе къ своимъ знахаркамъ, чѣмъ къ врачамъ. Подобное явленіе объясняется, конечно, низкимъ уровнемъ развитія массы населенія, которое и въ этомъ отношеніи остается вѣрнымъ своимъ древнимъ традиціямъ и освященнымъ вѣками обычаямъ. Знахарка, пользуясь такимъ исключительнымъ вліяніемъ въ деревнѣ, всякое общее недомоганіе организма непремѣнно объясняетъ дѣйствіемъ „дурного глаза“, противъ котораго должны быть принимаемы самыя

энергичныя мѣры. Съ помощью своихъ особыхъ нащептываній и заговариваній она открываетъ личность съ „дурнымъ глазомъ“, вызвавшую заболѣваніе, и, сообщивъ объ этомъ роднымъ больного, даетъ имъ наставленіе прервать съ этою личностью всякія сношенія и остерегаться ея во всякомъ случаѣ. При этомъ знахарка слѣдующимъ образомъ открываетъ виновника болѣзни. Она беретъ въ руку кусокъ угля, ножъ съ черною ручкою и начинаетъ потихоньку свое нащептываніе, во время котораго она по очереди называетъ по имени всѣхъ знакомыхъ и сосѣдей больного; при чемъ имени она почувствуетъ сильную зѣвоту и сотрясеніе нервовъ, тотъ и объявляется ею виновникомъ болѣзни. Найдя, такимъ образомъ, лицо съ „дурнымъ глазомъ“, вызвавшее заболѣваніе, она начинаетъ произносить его имя и повторять свои заклинанія, направленные къ тому, чтобы отогнать отъ больного дѣйствіе „злого духа“. По окончаніи своего нащептыванія, знахарка ведетъ больного въ лѣсъ и беретъ съ собою крошечные пирожки, величиною въ грецкій орѣхъ, специально для этой цѣли испеченные, и восковую свѣчу домашняго приготовления, длиною во весь ростъ больного; съ этими венцами она въ лѣсу останавливается на перекресткѣ двухъ лѣсныхъ тропинокъ; поперекъ перекрестка она вырываетъ маленькую канавку, кладетъ туда пирожки и свѣчу— и все закрываетъ сверху землею; при чемъ во время всей этой процедуры больной обязанъ стоять на колѣняхъ.

Заклинаніе, произносимое знахаркой при лѣченіи больного отъ „злого духа“, слѣдующее:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа,

Направляю свое заклинаніе

Противъ духа, производящаго болѣзнь:

Домашній ли онъ человекъ,

Чужой ли, старикъ ли, молодой ли,

Женщина ли, мужчина ли,— безразлично.

Текла черная вода,
Несла она черную змѣю;
Опустила я въ воду посохъ
И вытянула черную змѣю;
Повѣсила я змѣю на колючій кустъ;
Она тамъ завяла и улетучилась;
Такъ пусть завянетъ и улетучится,
Кто на тебя посмотрѣлъ „дурнымъ глазомъ“;—
Горѣ и несчастье ему,—
Камень и черепаха, копьѣ Св. Георгія,
Желѣзо раскаленное—
Все это ему въ сердце!
Въ глаза ему пепель, въ сердце копьѣ!
Кто на тебя смохреть „дурнымъ глазомъ“,
Пусть у того и глаза вывалятся;
У кого дурная душа,
Пусть изъ него и душа вылетитъ! *)

При этомъ знахарка беретъ въ руку ножъ съ черною рукою и уголь; отрѣзываетъ ножомъ кусокъ угля и, обративъ его въ порошокъ, начинаетъ его сдвувать съ руки, приговаривая: „Дай Богъ, чтобы такъ же не стало причинившаго тебѣ болѣзнь“ (тутъ она произноситъ имя больного).

Кромѣ того, обыкновенныя простудныя болѣзни объясняются въ Имеретіи совершенно своеобразно. Такъ какъ во всякой болѣзни имеретинны видятъ присутствіе какого-то духа, входящаго въ тѣло человѣка и нарушающаго нормальное теченіе отправленій человѣческаго организма, то и обыкновенную болѣзнь, порождаемую простой простудой, приписываютъ разрушительному дѣйствию какого-то духа, переходящаго къ человѣку отъ разныхъ предметовъ, въ особенности

*) Это заклинаніе составляетъ вариантъ, весьма отдаленный, третьей и четвертой молитвъ противъ „дурного глаза“ въ вышеупомянутой статьѣ Т. Мамададзе, на стр. 111, 112.

же отъ воды и земли. Болѣзнь, перешедшую на чедовѣка отъ земли или воды, дѣлать слѣдующимъ образомъ: берутъ немного земли съ того мѣста, гдѣ больной сидѣлъ или лежалъ передъ заболѣваніемъ; а если этого мѣста не знаютъ, то берутъ кусокъ земли съ той дороги, по которой когда-либо проѣзжалъ царь; если же и это невозможно, то тогда берутъ немного земли изъ-подъ колокольни, вырывъ ее въ девяти мѣстахъ; эту землю сыплютъ въ новый горшокъ, который еще ни разу не былъ въ употребленіи; потомъ достаютъ воды изъ девяти колодцевъ (при чемъ достающій воду не долженъ ни съ кѣмъ заговаривать) и вливаютъ ее въ тотъ же горшокъ; туда же сыплютъ зерна пшеничныя, „гоми“, фасоли, и ставятъ горшокъ на огонь, который долженъ быть разведенъ дровами, собранными изъ девяти плетней. Вскипятивъ воду, выливаютъ все изъ горшка въ большую деревянную миску, въ середину которой втыкаютъ иголку; на иголку одѣваютъ кольцо съ веретена и тѣмъ же горшкомъ накрываютъ эту иголку. Тогда трое женщинъ изъ разныхъ фамилій, держа въ рукѣ по три стебля крапивы, начинаютъ ими водить вокругъ горшка и произносятъ слѣдующее заклинаніе: „Ужмуро *), выйди изъ этого больного (надо назвать имя больного) и переходи къ другому; откуда пришелъ, туда и отправляйся: картаинець—ты, въ Тифлисъ увъжай; русский—ты, въ Россію уйди; нехристь—ты, къ своимъ же иди; лезгинъ—ты, къ лезгинамъ уйди; только этого больного оставь“. При этомъ, если вода, находящаяся въ мискѣ, войдетъ вся въ горшокъ, то это признакъ того, что больной выздоровѣетъ. Есть и другой вариантъ этого заклинанія: „Ужмуро, утромъ ли ты встрѣтился съ этимъ больнымъ (произносятъ имя больного), вечеромъ ли, въ полночь ли, оставь его и перейди къ другому; а то у меня есть такой пѣтухъ: какъ увидишь оны, такъ ты пронадешь, уничтожишься“. При произнесеніи за-

*) „Ужмура“—олицетвореніе болѣзни, происшедшей отъ земли или воды.

заклинанія въ обѣихъ рукахъ держать пепель и сыплютъ его со словами: „Пусть такъ разсѣется и уничтожится „ужмури“ (болѣзнь) этого больного“. Это заклинаніе произносится три раза *).

Существуютъ также заклинанія и противъ разныхъ другихъ болѣзней; напр., отъ ревматизма и накожныхъ болѣзней. Противъ этихъ болѣзней употребляется слѣдующее заклинаніе:

Шель черный человекъ
Ночью по Черному морю...
Встрѣчается съ нимъ архангелъ Гавріилъ
И спрашиваетъ: „Куда ты,
Черный человекъ, направляешься?“
— „Я иду, людямъ на бѣду,
Кости поражать, мясо поѣдать,
Кровь сосать и мучить“.
— „Да не пустить тебя
Отецъ, Сынъ и Духъ Святый!“
Отвѣтствуетъ ему архангелъ:
„Ни кости поражать, ни мясо поѣдать,
Ни кровь сосать, ни людей мучить!“ —
Если ты въ костяхъ, въ мясо выступи,—
Если въ мясѣ ты, въ кожу выйди,
Если въ кожѣ ты, потомъ испаряйся!
А то возьму я булатный ножъ
И прогоню тебя въ землю,—
Клянусь именемъ Божьимъ.
Да поможетъ слово мое и Божья сила! **)

*) Въ вышеупомянутой статьѣ Т. Мамаладзе помѣщены четыре молитвы противъ „Ужмури“. Объясности при заклинаніяхъ, произносимыхъ въ Гуріи, нѣсколько различаются отъ имеретинскихъ.
Ред.

**) Это заклинаніе напоминаетъ четвертую молитву противъ „Ужмури“.
Ред.

Заклинаніе противъ глазной боли выражается въ слѣдующихъ словахъ:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.
Еврей и Христосъ на площади
Вмѣстѣ въ мячъ играли.
Попалъ мячъ въ глазъ Христу.
Дѣва Марія въ то время
Была на берегу моря.
Христосъ подошелъ и спросилъ ее:
„Какое средство отъ глазной боли?“
Съ черною ручкою ножъ
И трилистникъ-трава.
Помолись трижды и помажь глаза,—
Съ помощью Божьей и боль пройдетъ.
(произносится три раза).

Заклинаніе противъ ожога таково:

Море слегка колыхается,—
Рыжій священникъ воловъ запрягъ,
Въ красную пятницу *) камни пахать,
Камни пахать, камни засѣвать;
Гдѣ слыхано, кѣмъ видано—
Камни пахать, камни засѣвать?
Такъ и ожогъ мгновенный
Долго продлиться не можетъ.

Заклинаніе противъ болѣзни, происшедшей отъ внезапнаго испуга:

Сердце! чего испугалось?
Приди снова въ свое мѣсто.
Сердце! отецъ тебя испугалъ?

*) Красною пятницею въ Имеретіи называется Великая пятница. Въ этотъ день обработываніе земли считается въ Имеретіи большимъ грѣхомъ.

Сердце! мать тебя испугала?

Сердце! приди въ свое мѣсто;

Душа, успокойся.

Мясо къ мясу прилѣпись,

Кость съ костью соединишь!

Кровь къ жиламъ вернись,

Цвѣтъ къ лицу возвратись!

(произносится тоже три раза).

Къ суевѣрїямъ, составляющимъ остатки языческихъ понятїй, относятся также и вѣрованїя о русалкахъ и лѣсныхъ чудовищахъ. Русалки *), по здѣшнимъ понятїямъ, — это духи, олицетворяемые въ видѣ маленькихъ женщинъ съ большими волосами; онѣ постоянное жительство свое имѣютъ въ рѣкахъ, но въ годъ одинъ разъ, именно въ послѣднихъ числахъ октября, выходятъ изъ воды и въ продолженіе 20-ти дней бродятъ по міру, производя, конечно, свое дурное вліяніе на людей. За этотъ періодъ пребыванїя своего между людьми русалки стараются, по понятїямъ имеретинъ, похитить маленькихъ дѣвочекъ, а также переманиваютъ и взрослыхъ, очаровывая ихъ фантастическими разсказами о прелестяхъ своихъ жилищъ и своей обстановки. Въ Имеретїи, почти въ каждой семьѣ, можно слышать разсказы о земныхъ похожденїяхъ русалокъ за время ихъ пребыванїя среди людей. Онѣ, то нападаютъ на путешествующихъ ночью и стараются заманить ихъ въ свои сѣти, то подходятъ ночью къ запертымъ дверямъ и начинаютъ стучаться и звать кого-либо по имени, желая этимъ лишить его разсудка или переманить къ себѣ. Въ виду этого, во время земного пребыванїя русалокъ, народъ принимаетъ разныя мѣры къ охранен-

*) Въ Гурїи онѣ называются „кхаджи“, хотя нѣкоторыя черты ихъ сближаются съ „чичками“ женскаго пола (см. вышеуп. статью, стр. 97 и 99, а также статью М. Г. Мамурка „Изъ области народной фантазїи и быта“ Сб. мат. XVIII, III, 859).

Ред.

ню себя и всего своего добра отъ ихъ вреднаго вѣдѣнія; еще наканунѣ появленія русалокъ всѣ обязательно берутъ куски угля и выводятъ имъ снаружи на всѣхъ стѣнахъ, своихъ построекъ по двѣ нагрѣсть лежащія линіи, чтобы при помощи крестной силы защитить себя отъ русалокъ; за весь періодъ ихъ пребыванія на землѣ стараются не ходить далеко ночью, а двери дома уже съ вечера держать на запорѣ, чтобы русалки не имѣли возможности забираться въ помѣщенія и подвергать людей своему дурному вліянію.

Что же касается лѣсныхъ чудовищъ и разныхъ духовъ, живущихъ въ лѣсу, то въ этомъ отношеніи у имеретинъ не имѣется никакихъ опредѣленныхъ представленій, напоминающихъ собою, напр. „лѣснаго“ въ русскихъ народныхъ сказаніяхъ *). Самое интересное, что можно отмѣтить въ представленіяхъ имеретинъ въ данномъ случаѣ, — это именно преданіе о лѣсномъ чловѣкѣ („очи-ночи“), котораго имеретинъ представляютъ себѣ въ видѣ двуногого полу-чловѣка-полу-звѣря, сплошь покрытаго волосами. Преданіе это по настоящее время сохранилось въ молвой своей силѣ, такъ что и теперь въ Имеретинъ народъ увѣренъ въ существованіи такого лѣснаго чловѣка; составляя въ народномъ сказаніи какое-то лѣсное чудовище, онъ служитъ предметомъ многихъ чисто фантастическихъ народныхъ сказаній; онъ обитаетъ въ дремучихъ лѣсахъ и является рѣдкимъ защитникомъ своихъ мѣстъ, не допуская туда ни чловѣка ни звѣрей.

Помимо всего того, что сказано нами выше, обычаи и нравы имеретинъ имѣютъ нѣкоторыя особенныя стороны, касающіяся ихъ семейнаго быта, и взаимныхъ отношеній. Признаки патріархально-родоваго строя сохранились здѣсь до

*) Гурійцы знаютъ „чицу“ мужскаго пола (тамъ же). По словамъ М. Г. Джанашиа (см. ст. „Картельскія повѣрья“ Сб. мат. XVII, II, 164), грузинскій „али“ вполне соответствуетъ русскому „лѣсному“, а по словамъ М. Г. Мамурка — тотъ же „члвкъ“ (Сб. мат. XVIII, III, 365).

сихъ поръ во всей своей силѣ: они составляютъ здѣсь основу всѣхъ понятій народа. Нераздѣльность семей, уваженіе, оказываемое всѣми членами семьи отцу или старшему брату, какъ главѣ семейства, почитаніе общаго родоначальника, взаимныя отношенія, вытекающія изъ почитанія предковъ, любовь къ землѣ и земельной собственности, слѣды кровавой мести—составляютъ и въ настоящее время главную основу жизни въ Имеретіи. Несмотря на проявленія индивидуализма, пускающаго все глубже и глубже свои корни благодаря развивающемуся въ Имеретіи капиталистическому строю, прежняя нераздѣльность семей и совмѣстная жизнь все еще служатъ явленіемъ довольно обыкновеннымъ. Очень часто подъ одною кровлею живетъ человекъ 15—20: нѣсколько братьевъ, женившись, предпочитаютъ жить совмѣстно и остаются въ одномъ домѣ; при этомъ, конечно, главою семейства и полнымъ распорядителемъ считается отецъ, а послѣ его смерти старшій изъ братьевъ, къ которому и переходятъ всѣ полномочія отца семейства. При болѣшемъ умноженіи семейства, когда уже совмѣстная жизнь становится неудобной, семья раздробляется, но долго еще хранитъ и свято чтитъ память о главномъ родоначальникѣ, который все еще является связующимъ звеномъ между отдѣльными семьями. Общія родовыя жертвоприношенія, справляемыя цѣлымъ родомъ, служатъ воспоминаніемъ объ ихъ прежней совмѣстной жизни, ихъ общемъ происхожденіи отъ одного родоначальника. Такое воспоминаніе объ общемъ родоначальникѣ и о родствѣ между членами одного рода очень долго не прекращается и служитъ началомъ, регулирующимъ всѣ отношенія между отдѣльными членами одной фамиліи. Всѣ члены даже самой многочисленной фамиліи считаются другъ для друга родственниками, и браки между ними признаются совершенно немислимыми; напр. въ одномъ селѣ можетъ быть до 300 семействъ одной фамиліи; о кровномъ родствѣ между даль-

ними членами такой фамилии и рѣчи не можетъ быть; по обычаямъ и понятіямъ народнымъ, браки между лицами одной фамилии считаются явнымъ кровосмѣшеніемъ, поруганіемъ памяти предковъ, влекущимъ за собою непремѣнно вырожденіе рода и другія дурныя послѣдствія.

Трудно найти гдѣ-либо въ настоящее время такое мѣсто, гдѣ бы родовыя отношенія сохранились въ такой степени, какъ въ Имеретіи. Соблюденіе родства доведено здѣсь до необычайныхъ размѣровъ. Помимо христіанскаго устава, запрещающаго брачный союзъ между родственниками, обычное право имеретинъ устанавливаетъ чисто своеобразныя требованія, въ силу которыхъ родственниками считаются лица въ десятомъ и даже двѣнадцатомъ поколѣніи.

Въ виду такого широкаго распространенія родственныхъ отношеній и общественная нравственность въ Имеретіи получаетъ тоже своеобразную окраску: родственное начало служитъ основаніемъ взаимныхъ отношеній, въ силу чего въ большинствѣ случаевъ добрыя отношенія существуютъ только между родственниками, которые всѣми силами стараются поддержать другъ друга въ нуждѣ и несчастіи. Подобная обособленность и даже замкнутость родовъ выражается также и въ кровавой мести, которая, однако, давно утратила въ Имеретіи свое настоящее значеніе, а проявляется только въ самой легкой формѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и такая легкая форма кровавой мести служитъ подтвержденіемъ существованія тѣхъ патріархально-родовыхъ отношеній, которыя до сихъ поръ составляютъ главные устои жизни въ Имеретіи.

Кромѣ того, такому господству родовыхъ отношеній въ Имеретіи способствуетъ также и взглядъ народа на землю и ея значеніе для жизни. По понятіямъ имеретинъ, самой лучшей и надежной собственностью является земля (или „матушка-земля“, какъ здѣсь говорятъ). На приобрѣтеніе земли

направлены всё усмія, имеретинъ. При чемъ, по мѣстному обычному праву, всё земли, находящіяся во владѣніи одного рода, ни въ какомъ случаѣ не должны переходить въ чужія руки, а всегда должны составлять неотъемлемую принадлежность этого рода. Въ этихъ именно видахъ земли никогда не переходить къ дочери, такъ какъ дочь, выйдя замужъ, входитъ въ составъ другого рода, и наследство, ею полученное отъ отца, можетъ перейти къ семейству ея мужа. Въ такомъ случаѣ, если кто-либо умираетъ, не оставивъ послѣ себя сына, то его родственники обязаны непремѣнно удерживать за собою его недвижимую собственность, защищая и ограждая, такимъ образомъ, интересы своего рода и цѣльность и неприкосновенность родового имѣнія. При такомъ положеніи дѣла становится очень понятнымъ, что имеретини сильно дорожатъ мужескимъ потомствомъ. Когда у кого-нибудь рождается сынъ, то это составляетъ для семьи цѣлое событіе, особый праздникъ, который стараются всѣми силами ознаменовать; самымъ обыкновеннымъ способомъ изъясненія радости при рожденіи сына служить въ Имеретіи ружейный выстрѣлъ, повторяемый нѣсколько разъ. Такое радостное настроеніе родителей при появленіи сына имѣть, конечно, глубокое жизненное основаніе: сынъ является защитникомъ рода и родовыхъ отношеній, хранителемъ всѣхъ семейныхъ и родовыхъ традицій, исполнителемъ всѣхъ установленныхъ жертвоприношеній, которыя вездѣ свято соблюдаются; наконецъ сынъ имѣетъ еще весьма сложныя и тяжелыя обязанности по отношенію къ родителямъ и отцовской семьѣ; онъ долженъ почти отказаться отъ своихъ личныхъ потребностей, вызываемыхъ желаніемъ улучшенія своего личнаго благосостоянія, и всецѣло предаться исполненію тѣхъ обязанностей, которыя, по здѣшнимъ понятіямъ, установлены въ духѣ заповѣдей Божьихъ. Если сынъ находится при отцѣ, то онъ, конечно, всѣми своими силами старается улуч-

шить положеніе родителей; работая вмѣстѣ съ отцомъ и помогая ему во всѣхъ дѣлахъ. Если же онъ уходитъ въ городъ на заработки, то онъ обязанъ весь свой доходъ посылать отцу, который на средства, добытыя сыномъ, старается прикупить немного земли, приобрести необходимыя вещи и, вообще, упрочить благосостояніе своего семейства. Сынъ обязанъ также видать и заботиться о своихъ сестрахъ, если у него таковыя имѣются, дать имъ приданое и вслѣдствіе о нихъ заботиться. Когда уже сынъ охватитъ достаточно услугъ отцовской семьѣ, тогда онъ, такъ сказать, отбывъ свой долгъ передъ родителями, тогда только онъ получаетъ отъ нихъ позволеніе жениться; при чемъ, конечно, невѣсту сынъ выбираетъ съ согласія и одобренія родителей, которые въ данномъ случаѣ черезъ чуръ злоупотребляютъ своимъ правомъ, навязывая сыну такую невѣсту, которая ему вовсе не нравится; родители при этомъ имѣютъ въ виду не то, какова сама невѣста по своимъ внутреннимъ и внешнимъ достоинствамъ, будетъ ли она хорошей женою или хозяйкою, а свои личныя выгоды, направленныя къ обогащенію ихъ семейства; значить, они дорожатъ имущественнымъ положеніемъ невѣсты, ея приданнымъ и состояніемъ. Если же сынъ (что бываетъ, однако, очень рѣдко) женится безъ согласія и одобренія своихъ родителей, то въ этомъ случаѣ поражаются сильныя непріятности, которыя очень долго не прекращаются и имѣютъ очень дурныя послѣдствія. Родители видятъ въ такомъ поступкѣ сына попираніе своихъ родительскихъ правъ, неуваженіе къ традиціямъ и обычаямъ народнымъ. Они такого непослушнаго сына исключаютъ изъ семьи и, по возможности, стараются лишить его наслѣдства. Если же сыну, женившемуся безъ позволенія родителей, и удастся жить вмѣстѣ съ ними, то все же между ними и сыномъ устанавливаются дурныя отношенія и часто происходятъ непріятныя столкновенія; конечно, въ такомъ случаѣ больше всего не-

приятностей приходится претерпѣвать невѣсты, которая почти всегда является неповинной жертвой недоразумѣній, возникающихъ между отцомъ и сыномъ, вслѣдствіе неуважительнаго отношенія послѣдняго къ правамъ родительскимъ.

Всѣ выше нами описанные обычаи и вѣрованія составившія дѣтъ 20—30 тому назадъ главную основу жизненныхъ отношеній и понятій во всей Имеретіи, въ настоящее время въ мѣстахъ, болѣе близкихъ къ культурнымъ центрамъ, начинаютъ понемногу терять свое главное значеніе и не всеми соблюдаются въ одинаковой степени. Но въ селахъ и деревняхъ, расположенныхъ далеко отъ городовъ съ европейскимъ просвѣщеніемъ, эти обычаи и вѣрованія сохранили до сихъ поръ всю свою силу. Но, вообще, надо сказать, что какъ въ болѣе просвѣщенныхъ центрахъ, такъ и въ отдаленныхъ селеніяхъ, съ постепеннымъ развитіемъ просвѣщенія, они начинаютъ постепенно терять подъ собою почву и мало-по-малу замѣняются новыми отношеніями и понятіями, вызванными новыми потребностями жизни.

М. Саарадзе.

18 января 1898 года.

Г. Кутаисъ.

О географіи и статистикѣ картвельскихъ (южнокавказскихъ) языковъ.

Этнографическая карта Кавказа, какъ часть карты Россійской Имперіи, изготовленной „по А. Ф. Риттиху“ А. Петерманномъ, входитъ въ составъ дополнительнаго XII тома (1878) № 54 изданія „Mitteilungen“, въ масштабѣ 1:3700000. Текстъ въ ней отъ стр. 1—11 разсматриваетъ кавказскіе народы, а отъ стр. 1—4 въ частности—картвельскіе; на стр. 11 находится сжато составленная статистика этихъ народовъ. Въ томъ же масштабѣ выпустилъ Н. фонъ-Зейдлицъ въ „Mitteilungen“, т. XXVI (1880), табл. 15, новую этнографическую карту Кавказа, заключающую въ себѣ не только новыя завоеванія Россіи (1878), но также, на основаніи болѣе позднихъ данныхъ и болѣе подробной этнологической классификаціи, значительныя измѣненія и дополненія. Но масштабъ оказался слишкомъ малымъ соразмѣрно съ объемомъ сообщаемаго матеріала: нѣкоторыя детали можно разсмотрѣть только съ трудомъ. Въ приложенному къ картѣ тексту, стр. 340—347, прибавлена, на основаніи переписи 1873 г., подробная статистика губерній и областей и другихъ болѣе важныхъ административныхъ дѣленій. „По ф.-Зейдлицу“, руководствуясь также собственными изслѣдованіями, изготовилъ ф.-Эркертъ новую этнографическую карту Кавказа, составляющую самую цѣнную часть его книги „Der Kaukasus und seine Völker“ (Кавказъ и его народы, Лейпцигъ, 1888 г.). Масштабъ ея гораздо больше—1:2200000 (спеціальная карта о лезгинскихъ народахъ—1:1080000); мѣстности на ней отмѣчены со строгимъ разборомъ; показаны большою

частью и названія рѣкъ; горные хребты, съ наименованіемъ только двухъ-трехъ вершинъ, обозначены отчетливо, но не такъ, чтобы они ужъ слишкомъ рѣзали глаза; территоріи 34 народностей опредѣлены (на общей картѣ) удачно подобранными и легко различаемыми переходами красокъ и тщательной разливкой. Эта превосходная карта или скорѣе къ новѣйшей книгѣ ген. Эрверта „Die Sprachen des kaukasischen Stammes“ (Языки кавказскаго корня, Вѣна, 1895), которая снабжена только маленькой картой или скорѣе эскизомъ, имѣющимъ цѣлью представить наглядно занимаемыя теперь кавказцами (въ тѣсномъ смыслѣ) мѣста (статистическо-этнографическое ихъ обзрѣніе помѣщено въ началѣ II части, стр. III и слѣд.).

Недавно вышелъ, какъ приложение къ „Запискамъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества“, т. XVIII, 1896 г., этнографическій атласъ Закавказья „Этнографическія карты губерній и областей Закавказскаго края“, на 8 листахъ, изготовленныхъ Е. И. Кондратенкомъ, правителемъ дѣлъ Кавказскаго отд. Имп. Русс. Геогр. общества. Въ соединеніи съ текстомъ „Записокъ“, стр. 1—46; онъ можетъ оказать каждому, занимающемуся этнографіей, превосходныя услуги. Приложенныя къ тексту статистическія таблицы, стр. 4—21, показываютъ пространство края (по квадр. верстамъ, десятинамъ, квадрат. милямъ и квадр. километрамъ) и численность его населенія (по населеннымъ пунктамъ различнаго наименованія, числу дымовъ и душъ обою пола), съ занесеніемъ сюда также свода народностей, населяющихъ каждую административную единицу. Сюда же включены: 1) классификація вѣхъ (69) народностей Закавказья съ показаніемъ численности ихъ вообще; 2) распредѣленіе показанныхъ въ этомъ перечнѣ народностей по губерніямъ, областямъ и округамъ, затѣмъ по уѣздамъ и полицейскимъ участкамъ (населеніе городовъ и

больших населенных пунктов включено не вездѣ, и, между прочимъ—въ Кутаисской губерніи); 3) сводная этнографическая таблица, съ подведеніемъ въ итоги данныхъ о распредѣленіи народностей и съ присоединеніемъ подробностей для болѣе крупныхъ административныхъ дѣленій. Матеріалъ для карты и статистики извлеченъ изъ весьма обширнаго „Свода статистическихъ данныхъ о населеніи Закавказскаго края“, изданнаго на основаніи переписи 1886 г. Закавказскимъ статистическимъ комитетомъ въ 1893 г., въ Тифлисѣ. Въ этой книгѣ приведены: 1) число населенія по городамъ и уѣздамъ, а именно по сельскимъ обществамъ, селеніямъ и дымамъ и 2) для большей наглядности общій сводъ населенію по Закавказскому краю по губерніямъ, областямъ и округамъ. Въ концѣ помѣщенъ алфавитный указатель всѣмъ населеннымъ мѣстамъ Закавказскаго края съ ссылками на текстъ таблицъ. Ссылаясь на вышеприведенные труды, я сокращаю „Записки“ начальной буквой З (¹, ², ³), а „Сводъ“—С (¹, ²). На первомъ листѣ вышеупомянутаго атласа помѣщены двѣ статистическія діаграммы, первая съ распредѣленіемъ по народностямъ населенія Закавказскаго края вообще, а вторая—съ распредѣленіемъ городского населенія. Соответственныя этимъ или по другому уже плану составленныя діаграммы приложены также и къ семи картамъ для каждой въ отдѣльности губерній: Тифлисской, Кутаисской, Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской и областей: Дагестанской и Карсской (Закавказскій округъ присоединенъ въ Тифлисской губерніи, а Черноморская губернія вовсе не включена). Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ (1:840000). Административное дѣленіе нанесено на карты до сельскихъ обществъ включительно, съ обозначеніемъ ихъ арабскими цифрами (римскія цифры присвоены полицейскимъ участкамъ); отмѣчены также названія тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится управленіе сельскихъ обществъ. На гидрографиче-

скую сторону обращено должное вниманіе (названій рѣкъ слѣдовало помѣстить нѣсколько больше); но, къ сожалѣнію, оставлена безъ вниманія сторона орографическая, между тѣмъ какъ самое легкое даже отгѣненіе направленія горныхъ хребтовъ помогло бы въ значительной степени наглядности и историческому пониманію этническихъ отношеній между отдѣльными народностями. Такъ, наприм., на картѣ не отмѣчено такое важное съ этнографической точки зрѣнія обстоятельство, какъ то, что въ трехъ соприкасающихся другъ съ другомъ мѣстахъ грузинское племя проникло на сѣверный склонъ Главнаго Кавказскаго хребта—изъ бассейна Куры въ бассейнъ Терека. Въ отношеніи политической и физической географіи меня выручала карта Кавказа, изданная Картографическимъ институтомъ А. Ильина въ Петербургѣ (въ масштабѣ 1:1080000) и 10-верстная карта Кавказа, изготовленная въ 1869 г. Гельфартомъ въ Готѣ; но и онѣ не могли мнѣ всего выяснитъ.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть подробно этотъ атласъ со стороны этнографической, я долженъ, ограничиваясь только картвельской группой народовъ, установить сперва общій взглядъ на этотъ предметъ. Этнографическая карта, очевидно, должна имѣть въ виду границы мѣстъ, занимаемыхъ извѣстными народами. Чтѣ же нужно понимать подъ словомъ „народъ“? Обыкновенное употребленіе этого слова можно считать не установившимся еще и колеблющимся; оно не разграничено строго отъ близкихъ по понятію выраженій въ предѣлахъ одного и того же языка и не совпадаетъ вполне съ соотвѣтственными по смыслу выраженіями другихъ языковъ; кромѣ того, происхожденіе всѣхъ этихъ выраженій можетъ быть объясняемо съ весьма различныхъ точекъ отправленія. Впрочемъ, строгое опредѣленіе слова „народъ“ чуждо, повидимому, еще и научнаго языка. Въ лучшей справочной книгѣ по вопросу о научномъ опредѣле-

нии понятій вообще, въ „Логикѣ“ В. Вундта, въ разсужденіи объ этнологіи (² II, II, 448 слѣд.) не говорится опредѣленно о томъ, что такое народъ, а только сказано по отношенію къ этому понятію, что признаки его вообще истолковываются различно („im allgemeinen alle Merkmale mehrdeutiger Art sind“). Мнѣ кажется, что различное толкованіе этихъ признаковъ происходитъ отъ сущности самого предмета, разнообразнаго по своей природѣ, и что можно только говорить о совпаденіи нѣкоторыхъ данныхъ одной какой-нибудь стороны народнаго организма: физической, лингвистической, культурной, политической и др. Сообразно съ этимъ, этнографическія карты могли бы быть весьма различнаго рода; но если рѣчь идетъ о таковыхъ въ общепринятомъ смыслѣ, то имѣются въ виду обыкновенно карты распространенія *языковъ*. Впрочемъ, допускается возможность комбинаціи различнаго рода этнографическихъ картъ, дающихъ болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ, въ чемъ этнические элементы сходятся и чѣмъ они различаются. Стало-быть, при составленіи карты можно примѣнять тотъ или другой принципъ, но нельзя давать мѣсто непоследовательности. Къ сожалѣнію, послѣднимъ недостаткомъ чаще всего страдаютъ, въ особенности, имѣющіяся налицо карты Кавказа. Языкъ считается въ нихъ самымъ важнымъ признакомъ, но не единственнымъ; попутно допускаются и другіе признаки, и противъ этого нельзя было бы ничего возразить, если бы составители ихъ строго руководствовались извѣстнымъ принципомъ, а не дѣлали только уступку общепринятому взгляду на этотъ предметъ или ходячей терминологіи. Слѣдуетъ сказать, что г. Кондратенко въ этомъ отношеніи придерживается лучшихъ работъ по этнографіи Кавказа. Н. К. Зейдлицъ („Mitteilungen, Sp. 340“) говоритъ слѣдующее: „При проведеніи границъ между кавказскими народами обращено главнымъ образомъ вниманіе на языкъ, хотя, съ другой стороны, въ от-

дѣльныхъ случаяхъ нельзя не предоставить известной роли и не совпадающему съ границами его распространенія этническому, такъ сказать—соматическому элементу и даже другимъ признакамъ“. Л. Загурскій („Этнологическая классификація кавказскихъ народовъ, прил. къ Кавказскому Календарю на 1888 г., стр. 5“) беретъ руководящимъ началомъ въ раздѣленіи грузинъ особенности въ ихъ характерѣ и нравахъ, но допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на этомъ основаніи еще нельзя ихъ называть ни племенами ни народами. Такимъ образомъ, перемѣшаны между собою различія качественныя и количественныя, т. е. болѣе важныя берутся изъ одного признака, а менѣе важныя—изъ другого. Итакъ, если, напр., раздѣлить область, считаемую въ отношеніи языка за дѣльное, на двѣ по вѣроисповѣдному различію, то слѣдовало бы отмѣтить, съ одной стороны, различіе вѣроисповѣданія, а съ другой—тождество его; граница между двумя различными областями языка не должна бы выступать такъ рельефно, коль скоро они соединены одной и той же религіей. Конечно, осуществленію этого мѣшаютъ техническія трудности: легко протянуть или оставить безъ вниманія границу, но трудно отгнать всѣ переходы, какъ того требуютъ обстоятельства дѣла. Н. К. Зейдлицъ допускаетъ вѣроисповѣданіе, какъ этническую примѣту, только тогда, когда къ нему присоединяются и другія соответственныя примѣты, какъ у евреевъ; но не допускаетъ этого: у грузинъ Тифлисской губерніи (по отношенію къ Кутаисской губерніи онъ, конечно, придерживался бы того же принципа). Е. И. Кондратенко, напротивъ, считаетъ религію достаточнымъ основаніемъ для раздѣленія грузинъ Кутаисской губерніи, но въ то же время онъ ея вовсе не примѣняетъ по отношенію грузинъ Тифлисской губерніи, а въ примѣненіи ея къ Карсской области руководствуется ей исключительно, оставляя остальные признаки безъ вниманія. Но объ этомъ будетъ

сказано ниже подробнѣе; теперь же я хочу только сказать кое-что о неудовлетворительности методовъ, которыхъ многие придерживаются.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, вышеупомянутые эгипетскіе признаки, какъ, напр., языкъ и т. д. составляютъ только признаки второразрядные, отличительныя примѣты, перво-разряднымъ же, опредѣляющимъ понятіе признакомъ слѣдуетъ считать происхожденіе. Если бы выраженіе это принять въ прямомъ смыслѣ, то о народахъ могли бы говорить только тѣ, которые убѣждены въ происхожденіи человечества отъ многихъ прародителей; но тогда народъ и раса было бы одно и то же. Обыкновенно же это выраженіе понимается въ смыслѣ относительномъ: датчане и нѣмцы два различныхъ народа, но какъ тѣ, такъ и другіе принадлежатъ къ германцамъ, которые, въ свою очередь, составляютъ одинъ народъ по отношенію къ кельтамъ; но германцы и кельты принадлежатъ къ арійцамъ, которые, въ свою очередь, составляютъ одинъ народъ по отношенію къ семитамъ, и, такимъ образомъ, мы не въ состояніи установить ни начала ни конца цѣлаго ряда относительныхъ народовъ. Взглядъ этотъ, согласно которому народъ въ сущности не что иное, какъ семья—примѣненъ впервые въ ветхозавѣтномъ спискѣ народовъ; но въ наукѣ онъ не долженъ бы имѣть мѣста. Ибо съ чисто генеалогической точки зрѣнія нельзя установить мало-мальски сноснаго опредѣленія слова „народъ“; у насъ есть братья родные, двоюродные и т. д., родство 1-ой, 2-ой, 3-ей и т. д. степени, но отбѣновъ между ними, съ переходами одного въ другой, трудно себя даже представить. Кромѣ того, родственныя группы, болѣе или менѣе отдаленныя, можно бы раздѣлить со строгой точностью только при условіи библейско-традиціоннаго, но научно произвольнаго устраненія матриархата (который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и нѣкогда также на Кавказѣ имѣлъ рѣшающее

вліяніе); въ дѣйствительности же наблюдается повсемѣстное скрещиваніе родственныхъ группъ, которое, съ генеалогической точки зрѣнія, нельзя строго отдѣлить отъ того, что мы понимаемъ подъ смѣшеніемъ народовъ. Размноженіе рода само по себѣ производитъ только различеніе особей; если же рѣчь идетъ о возникновеніи группъ, ясно отличающихся другъ отъ друга, необходимо части цѣлаго (отнюдь не дѣля ихъ на основаніи родства) подвергнуть воздѣйствію различныхъ причинъ, происшедшихъ то отъ естественныхъ, то отъ искусственныхъ условій. Конечно, ученые этого не упускали изъ виду, но обыкновенно они дѣлали такъ, что къ главному этническому признаку—происхожденію, присоединяли другіе, такъ-сказать, дополнительные признаки—антропологическія свойства, языкъ и т. д., сопоставляя, такимъ образомъ, рядомъ—причину и слѣдствіе, унаслѣдованное и благопріобрѣтенное. Хотя въ наукѣ и принято не смѣшивать изученіе психо-физической стороны человѣка съ соціальной его стороной—антропологию съ этнологіей, но границы между ними проводитъ одинъ изслѣдователь въ томъ, а другой—въ другомъ направленіи. Если этнологію, народовѣдніе признавать соціологической наукой, то и предметъ ея изученія—народъ не долженъ бы терять своего соціального характера, между тѣмъ Г. Герландъ, въ своемъ сочиненіи „Объ отношеніи этнологіи къ антропологи“ („Über das Verhältnis der Ethnologie zur Anthropologie. Separatabdruck aus den Verhandlungen des zweiten Deutschen Geographentags zu Halle 1882“, стр. 2), называя ее соціологической наукой „auf exakter Grundlage“, заимствуетъ предметъ ея изученія изъ антропологи: понятіе „народъ“ (относится также и къ смѣшаннымъ народамъ) есть чисто генеалогическое понятіе („der Begriff Volk (auch von Mischlingsvölkern gilt der Satz) ist ein streng genealogischer Begriff“). Само собою разумѣется, подъ генеалогіей слѣдуетъ понимать не извѣстную науку,

родственную геральдику, по учение о кровномъ родствѣ, отражающемъ на себѣ физическія и психическія особенности. Соціальныя группы ни въ какомъ случаѣ нельзя считать за одно и то же съ родственными по происхожденію группами, хотя съ послѣдними онѣ находятся въ частомъ и тѣсномъ, но не постоянномъ и необходимомъ отношеніи. Языкъ не слѣдуетъ принимать за нѣчто унаслѣдованное, а смѣшеніе языковъ какъ послѣдствіе кровнаго смѣшенія; я уже давно имѣлъ случай высказаться противъ этого ошибочнаго взгляда („Ausland“ 1882, S. 868; „Litbl. f. germ. u. rom. Phil.“ 1892, Sp. 307). Но можетъ представиться еще другое сомнѣніе, если, согласно Герланду, генеалогическія явленія построить на этнологическихъ принципахъ. Первые слагаются исподволь—съ теченіемъ времени, и въ науку могутъ примѣняться лишь настолько, насколько они оставляютъ ясныя слѣды въ установившихся фактахъ; вторыя же не всегда могутъ быть замѣняемы историческимъ преданіемъ, котораго часто и нѣтъ налицо, а часто оно не заслуживаетъ вѣроятія. Этимъ отнюдь я не хочу сказать, что описательному дѣленію народовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ генетическимъ: дѣведенное до возможнаго совершенства оно должно совпадать съ послѣднимъ. Конечно, не нужно упускать изъ виду, что „генетическое“ не одно и то же, что „генеалогическое“; оно захватываетъ болѣе обширную область, включая въ себя вышеуказанное вліяніе среды, играющее не менѣе „генетическую“ роль, чѣмъ происхождение. Поэтому, я не могу вполне согласиться съ Герландомъ, который на стр. 5 прил. къ картѣ VI своего превосходнаго „Атласа народовѣдѣнія“ („Atlas der Völkerkunde, Gotha“ 1892) говоритъ: „Задачу научнаго дѣленія составляетъ возможно точное обозначеніе самыхъ раннихъ и потому самыхъ важныхъ центровъ, откуда распространилось человѣчество“, при чемъ называетъ это дѣленіе „генетическимъ“, понимая подъ нимъ

не что иное, какъ генеалогическое. Однако, предварительное это утверждение, что примѣненное на картахъ VI и слѣд. „дѣленіе не лингвистическое“, но генетическое, не оправдывается на самихъ же картахъ. Такъ, онѣ въ сущности тѣ же карты языковъ; по отношенію къ границамъ онѣ ничѣмъ не различаются отъ лингвистической карты XIV (считаемой самимъ авторомъ за таковую), гдѣ вмѣсто названій языковъ, болѣею частію, поставлены названія народовъ, какъ бы съ цѣлью доказать этимъ, что это одно и то же. Генеалогическій характеръ народовъ не выступаетъ ни въ частности ни вообще; смѣшанные народы, какъ англичане, не обозначены вовсе таковыми (хотя и обозначены смѣшанныя расы въ Америкѣ). Между романскими народами только одни гасконцы отѣнены на картѣ, слѣдуя, вѣроятно, легендѣ о вліяніи на нихъ басковъ, что видется только на преувеличенныхъ результатахъ лингвистическихъ разслѣдованій. Точно также и кавказскіе народы на картѣ VIII, конечно, не по ихъ физическимъ свойствамъ или обычаямъ, отѣнены краской какъ „отдаленные родичи монголовъ“ (стр. 6), но по ихъ языкамъ, которые, согласно ошибочному мнѣнію Макса Мюллера, находятся въ родствѣ съ урало-алтайскими языками. Кромѣ того, на картѣ VIII и слѣд. занесены области распространенія нѣкоторыхъ обычаевъ, какъ тетовировка, обрѣзаніе, которыя соприкасаются и скрещиваются весьма различнымъ образомъ не только между собою, но и съ границами языковъ.

Также и атласъ г-на Кондраченка по преимуществу атласъ языковъ, да и не можетъ быть другимъ. Отдѣльные этническія области отмѣнены красками или окрашеннымъ рисункомъ (разлиневкой, косой или прямой, съ накрестъ лежащими линіями, пунетировкой и т. д.); значеніе которыхъ мѣняется съ каждой картой. Стало-быть, эти условные знаки имѣютъ назначеніемъ только разграничивать то, что отли-

чается другъ отъ друга, но не изображать его или хотя бы только слегка отмѣнить качественныя отношенія между этими различіями; для послѣдней цѣли служить цифровыя данныя о пространствахъ и населеніи Закавказья. Ограничиваясь только тѣмъ, что безъ карты вообще не можетъ быть вполнѣ понято, составитель атласа достигъ возможной ясности. Хотя идеаломъ при составленіи карты языковъ должно быть стремленіе изобразить на нихъ наглядное сходство или несходство со всевозможными между ними переходами, но не слѣдуетъ забывать о трудностяхъ, которыя мѣшаютъ осуществленію этого идеала. Прежде всего мы не уяснили себѣ еще вполнѣ качественныхъ отношеній или мы насчетъ ихъ несогласны; напр. раньше думали, что кавказскіе языки распределяются на нѣсколько группъ, между которыми не существуетъ никакого родства, теперь же склоняются въ пользу того мнѣнія, что между ними существуетъ связь, а именно—картвельскіе языки стоятъ ближе всего къ абхазскому и черкесскому. Но какъ изобразить картографически эту туманную картину, не принявшую еще опредѣленныхъ очертаній? Даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ взаимныя отношенія не подлежатъ никакому сомнѣнію, они обыкновенно бываютъ до того сложны, что красками или какими-нибудь условными знаками никакъ нельзя ихъ схватить или отмѣтить съ возможной точностью. Трудности другого рода представляются въ способахъ къ ихъ изображенію; они недостаточны по своей численности, и всѣ наши старанія придать имъ извѣстное разнообразіе имѣютъ только послѣдствіемъ замѣну одной краски другою и въ результатѣ—всевозможныя недоразумѣнія. Такъ, если мы привыкли къ символическому значенію какой-нибудь краски или начертанія, то мы будемъ его искать повсюду—на всѣхъ картахъ, а между тѣмъ одинъ и тотъ же принципъ не проведенъ послѣдовательно нигдѣ, такъ какъ нѣтъ никакой возможности его провести. Такъ, напр., на картѣ VII

атласа Герланда, а именно 2-й дополнительной („Жители Кавказа“) кавказскіе народы хорошо отгѣнены краской от урало-алтайцевъ и арійцевъ, но лазы, по своей темнозеленой краскѣ, совпадаютъ съ отдаленными чеченцами или аварцами, хотя, въ то же время, рѣзко отличаются отъ столь близко къ нимъ стоящихъ мингрельцевъ; тѣ, въ свою очередь, отмѣченные косыми линіями отъ правой стороны къ лѣвой, чуть-чуть только отличаются отъ кабардинцевъ; такимъ образомъ, кабардинцы ничуть не похожи на своихъ ближайшихъ родичей адыге-кяхе, которымъ присвоена блѣднозеленая краска; послѣдніе принадлежатъ, если судить по краскѣ, скорѣе къ имеретинамъ или грузинамъ въ тѣсномъ смыслѣ и т. д. При подобной окраскѣ областей языка, каковую мы находимъ въ разсматриваемомъ атласѣ, разграничивающія между ними линіи оказываются излишними; онѣ и не протянуты, такъ какъ ихъ трудно было бы отличить отъ границъ административныхъ. Конечно, гдѣ послѣднія не представляютъ значенія, можно смѣло между областями языка протянуть границы въ виду того, что онѣ однѣ даютъ болѣе отчетливыя очертанія. Наирашивается самъ собою вопросъ, нельзя ли вообще этими линіями, въ особенности если придать имъ большую или меньшую толщину, провести одну только линію или нѣсколько, сплошную или съ перерывами, или такъ, чтобы онѣ состояли изъ черточекъ, точекъ или другихъ условныхъ знаковъ, а равно пользуясь для этого площадями, обозначить степень различія между областями распространенія данныхъ языковъ? Это было бы возможно только при томъ условіи, если бы придать каждому роду разлиевки особое значеніе, но при этомъ можетъ получиться черезчуръ уже рѣзкая опредѣленность очертаній. Но что гораздо важнѣе, посредствомъ разлиевки можетъ быть обозначено только отношеніе между площадями, находящимися по обѣимъ сторонамъ одной какой-нибудь области языка, а этимъ вызывается только ложное

представленіе о классификаціи языковъ. Такъ, напр., если въ трехъ примыкающихъ другъ къ другу областяхъ: А, В, С первыя двѣ—А и В разграничены жирной, а вторая В отъ третьей С тонкой чертой, то, мы, естественно, готовы отдѣлать: 1) А; 2) а) В, б) С. Но такого разграниченія нельзя сдѣлать прежде, чѣмъ мы уяснили себѣ отношеніе С къ А, которое, конечно, можетъ быть настолько же близко, какъ и отношеніе С къ В. И покрывая площади чертежомъ, можно достигнуть наглядности, но только отчасти, такъ какъ этимъ нельзя вполне выразить всѣхъ многостороннихъ отношеній. Обозначеніе границъ между отдѣльными площадями неумѣстно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ происходитъ незамѣтный переходъ отъ одного языка къ другому, который можно выразить только соответственными переходами красокъ. Такіе переходы встрѣчаются вездѣ; между дѣйствительно отличными другъ отъ друга языками или нарѣчіями ихъ можно наблюдать, напримѣръ, въ областяхъ распространенія романскихъ и германскихъ народовъ; они существуютъ, повидимому, также и въ области картвельскаго языка.

Если разсматривать конфигурацію области картвельскихъ языковъ, то представляется слѣдующее. Область эта простирается дальше середины и запада Закавказья въ восточномъ и западномъ направленіяхъ, отъ бассейна рѣки Куры къ бассейну Ріона и Чороха (Чорохи), составляя ленту, по срединѣ очень топеую, суженную отъ сѣвера къ югу приблизительно до 15 верстъ (повыше г. Гори); самая большая ширина ея находится на западѣ, а именно на линіи, протянутой отъ Эльбруса (Ялбузи), на которой она достигаетъ ширины слишкомъ вдвое большей сравнительно съ длиной, между тѣмъ какъ на востокѣ, а именно въ южномъ направленіи отъ Казбека (Казбеги)—только одной трети своей длины. Относительно естественныхъ границъ слѣдуетъ замѣтить, что картвельскій элементъ перешагнулъ черезъ Глав-

ный Кавказскій хребетъ, составляющій сѣверную его естественную границу, какъ уже выше сказано и еще ниже будетъ объяснено болѣе подробно, въ центральной части въ трехъ пунктахъ; относительно границъ административныхъ нельзя не упомянуть, что тотъ же элементъ, проникшій даже на турецкую территорію, не заключенъ, какъ это принято думать, только предѣлами Кутаисской и Тифлисской губерній: онъ находится также въ Карсской области. Къ сѣверной области, занимаемой картвельскимъ элементомъ, примыкаютъ, въ особенности въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ, такъ сказать, перешейкѣ, многочисленные въ ней относящіеся острова: они или отторгнуты вслѣдствіе нашествія чуждой картвельцамъ народности или образовались вслѣдствіе новыхъ завоеваній на чужой территоріи. Исторія и изслѣдованія по географической номенклатурѣ дадутъ во всякомъ случаѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Объ этихъ картвельскихъ островахъ я поговорю при разсмотрѣннн отдѣльныхъ частей всей области. Впрочемъ, и внутри самой области картвельскаго языка находятся многочисленные иноязычные острова, не говоря о племенномъ составѣ городовъ и мѣстечекъ; такъ, въ Бутаисской губерніи имѣются одинъ или два абхазскихъ острова въ югу отъ Батума: въ Соуксуйскомъ сельскомъ обществѣ, Батумскаго округа, Кинтришскаго участка—393 д., и въ Эрлейскомъ сельскомъ обществѣ, Гонійскаго участка—121 д. (въ самомъ Батумѣ изъ 14.803 жителей *)—554 абхаза); турецкіе острова находятся въ югу отъ Озургеть на границѣ Озургетскаго уѣзда въ Гуріантскомъ участкѣ, Дихаурскаго сельскаго общества, сел. Ачи—154 д. и Нацхавалевн—28 д. и, кромѣ того, одинъ по сосѣдству съ лазами, о которомъ будетъ еще рѣчь впереди; въ Тифлисской губерніи, на вышеупомянутомъ перешейкѣ, встрѣчаются многочисленные осетняскіе острова, которые, повидимому, не разъединены съ

*) По посем. списк. 1886 г., а по переписи 1897 г.—28.512 ж. Ред.

находящейся къ сѣверу сплошной осской (осетинской) областью, между тѣмъ какъ къ югу осскій элементъ подвинулся впередъ широкой волосою между кавтвельскимъ, съ одной стороны, и армянскимъ и греческимъ, съ другой—(какъ результатъ болѣе позднихъ поселеній, см. Н. К. Зейдлица „Russ. Revue“, XIX, 1881, стр. 99), такъ что, вслѣдствіе этой разбросанности, нельзя составить для сплошной осетинской и оторванной отъ нея области отдѣльныхъ цифровыхъ данныхъ. Также и въ Кутаисской губ. живутъ осетины, а именно у источниковъ р. Джоджоры (Дзедори), въ Онскомъ пол. участкѣ (Они), Рачинскаго уѣзда (Рача), въ числѣ 3.332 д., и у источниковъ р. Квирилы (Квирили), въ Сачхерскомъ пол. участкѣ (Сачхере), Шорапанскаго уѣзда, а именно въ деревнѣ Теделети (на картѣ они не обозначены); они, правда, имѣютъ кавтвельцевъ сосѣдями, но только въ западу, по теченію рѣкъ, а въ сѣверу и востоку отдѣлены отъ своихъ соплеменниковъ горными хребтами. Кромѣ того, имѣются налицо русскія и нѣмецкія колоніи, о вторыхъ я не буду сообщать казихъ-либо данныхъ. Большая часть иноязычныхъ точекъ, вкрапленныхъ среди сплошной кавтвельской области, должны быть рассмотрѣны особо: онѣ не имѣютъ лингвистическаго характера, и потому могли быть собственно и не отмѣчаемы на картѣ языка. Н. К. Зейдлицъ („Mitteil.“, Sp. 340^b) говоритъ: „Нами приведены также въ качествѣ семитовъ и евреи, которые на Кавказѣ не имѣютъ собственнаго языка, пользуясь въ Восточномъ Закавказьѣ татскимъ языкомъ (иранское нарѣчіе), а въ Западномъ—грузинскимъ; между тѣмъ ихъ слѣдовало бы показывать заодно съ окружающимъ ихъ населеніемъ, говорящимъ однимъ съ ними языкомъ. Основаніемъ для этого послужило то, что они до такой степени рѣзко отличаются отъ послѣдняго внѣшнимъ своимъ видомъ, нравами, обычаями, религіей и, вѣроятно, также нѣкоторыми звуковыми оттѣнками въ произношеніи, вызванными специфи-

ческими особенностями устройства ихъ органовъ рѣчи, что каждый кавказскій житель на первый же взглядъ узнаеть мѣстнаго еврея, хотя онъ и носитъ со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ одинаковый покрой платья“. Хотя это явленіе наблюдается также и въ другихъ мѣстностяхъ, но оно не даетъ никакой возможности провести этотъ принципъ на какой-нибудь этнографической картѣ Европы. Если бы дѣйствительно существовалъ еврейско-грузинскій жаргонъ (также и въ „Russ. Rev.“ XIX, 131 говорить объ этомъ Н. К. Зейдлицъ и приглашаетъ даже заняться его изслѣдованіемъ), то тогда можно бы еще оправдать отдѣленіе евреевъ въ отношеніи языка; но я сомнѣваюсь именно въ существованіи такихъ, заслуживающихъ вниманія особенностей. Впрочемъ, и въ области мингрельскаго языка включены два еврейскихъ круга: въ Суджунскомъ с. общ., Кутаисской губ., Новосенакскаго у., Абашскаго п. уч.—332 д., и въ Бандзійскомъ с. общ., Навакаевскаго п. уч. (Накалаевъ)—135 д. Интересно знать, говорятъ ли эти евреи въ семейномъ быту по-мингрельски? О евреяхъ среди свановъ (сванетовъ) будетъ сказано ниже. Конечно, найдется на картвельской землѣ немало евреевъ, говорящихъ въ семейномъ быту не по-картвельски. Н. К. Зейдлицъ самъ высказываетъ сожалѣніе (въ другомъ мѣстѣ, на стр. 132), что во время однодневной переписи 25 марта 1876 г., по которой оказалось въ Тифлисѣ 1.145 евреевъ, не отмѣчалась разница между восточными и европейскими евреями. Но и по послѣдней статистикѣ это не принималось во вниманіе. Не въ такомъ ли точно положеніи находятся армяне, какъ и евреи? Н. К. Зейдлицъ („Mitt.“, Sp. 340^b) говоритъ: „Происхожденіе и вѣроисповѣданіе послужили критеріемъ къ зачисленію къ армянской національности населенія городовъ въ Восточной Грузіи (нынѣшней Тифлисской губ.), которое хотя и составляетъ въ чертѣ ихъ и ближайшихъ окрестностяхъ (какъ, напр., въ

Тифлисъ, Гори, Сигнахъ, Телавъ и др.) большинство, но, взаи́мнъ родного своего языка, усвоило себѣ языкъ сосѣдей, грузинскій—явленіе, исчезающее съ каждымъ годомъ, благодаря національной идеѣ, приобретающей къ концу XIX столѣтія все болѣе и болѣе силы“. Не могу не высказать догадки, что армяне кое-гдѣ въ этихъ разбросанныхъ пунктахъ сохранили, пожалуй, еще въ болѣе или менѣе значительной степени свой древній языкъ: не этимъ ли, можетъ быть, объясняется то обстоятельство, что Тифлисъ составляетъ центръ также и для армянской литературы (ср., напр., А. Лейста „Georgien“, стр. 40 и слѣд.)? Если, поэтому, существуютъ огрузинившіеся армяне, то ихъ слѣдовало отдѣлѣть отъ армянъ, сохранившихъ еще свой армянскій языкъ съ такимъ же или даже большимъ правомъ, чѣмъ грузинъ-магометанъ отъ христіанъ. Съ другой стороны, если въ этнографической классификаціи придавать значеніе различію вѣроисповѣданія, то слѣдовало бы отдѣлѣть армяно-католиковъ отъ армяно-григоріанъ, и это съ тѣмъ большимъ правомъ, что языкъ и вѣроисповѣданіе здѣсь находятся, повидимому, въ еще болѣе тѣсной связи; по крайней мѣрѣ, говоритъ г. Загурскій („Этн. классификація, стр. 4. Прим.), что въ числѣ армяно-католиковъ находятся живущіе давно въ Грузіи и Имеретіи, утратившіе языкъ своихъ предковъ и говорящіе по-грузински. Утверждаютъ также, что между называющими себя просто-на-просто „католиками“ есть немало лицъ грузинскаго происхожденія; для разъясненія этого вопроса онъ предлагаетъ антропологическія измѣренія и историческія изслѣдованія. Также и Д. Бакрадзе („Извѣстія Кавк. отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, VI, 1879—1881, стр. 159) есылается по поводу грузинскаго происхожденія живущихъ между аджарцами армянъ-католиковъ на ихъ типъ и, кромѣ того, замѣчаетъ, что ихъ языкъ до такой степени изобилуетъ грузинскими словами, что другіе армяне, если бы они

не знали грузинскаго языка, вовсе бы ихъ не понимали. При всемъ томъ мы наталкиваемся на несомнѣнный фактъ, что весьма многіе армяне владѣютъ въ одинаковой степени грузинскимъ и армянскимъ языками, что, поэтому, насъ и наводитъ на мысль, не нужно ли на этнографическихъ картахъ, или точнѣе сказать, картахъ языковъ отмѣчать также и двуязычность, и какими средствами можно бы этого достигнуть? Кстати замѣчу, что если по Н. К. Зейдлицу („Russ. Rev.“ XVII, 1880, стр. 167) армянскій элементъ съ трудомъ могъ и то только въ рѣдкихъ случаяхъ водвориться среди энергическихъ имеретинъ, въ противоположность къ ближайшимъ ихъ родичамъ, собственно-грузинамъ, то совмѣстное его нахождение съ еврейскимъ, о которомъ упомянуто тамъ же на стр. 173, въ Сачхерахъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ Сачхерскомъ пол. уч. Шорананскаго у., а именно въ самомъ мѣстечкѣ, показано 294 армянъ и 668 евреевъ; на картѣ—только послѣдніе, вѣроятно, потому, что нельзя было помѣщать одинъ рисунокъ надъ другимъ; помѣщать же эти рисунки рядомъ повело бы къ ложному толкованію (впрочемъ, не обозначены на картѣ 345 армянъ Гонійскаго пол. уч., Батумскаго округа).

Соединяя свановъ, мингрельцевъ, лазовъ и грузинъ подъ однимъ общимъ названіемъ картвельцы (общее ихъ число составляетъ 1.201.256 *), я руководствовался желаніемъ избѣгнуть неточнаго названія „южные кавказцы“, или двусмысленнаго „иверійцы“ (послѣднее не что иное, какъ заимствование съ распространеннымъ значеніемъ, какъ это бываетъ нерѣдко въ научномъ языкѣ). „Картвельцы“ собственно означаетъ то же самое, что и „грузины“, а между тѣмъ у насъ слово „картвельцы“ составляетъ понятіе большее по объему, чѣмъ „грузины“, точно такъ же, какъ, напр., названіе германцы—по отношенію къ нѣмцамъ. А устанавливать разли-

*) По Кавк. Кал. за 1899 г.—1.205.729.

чіе между „грузинами въ общ.-знач. слова“ и „грузинами. въ тѣс. знач.“ вообще неудобно по той всемі признаваемой причинѣ, что такія прибавленія, конечно, легко могутъ отпасть сами собою, отъ чего только происходятъ недоразумѣнія, а въ частности потому, что эти два отличительныя выраженія уже употребляются для обозначенія различія низшаго разряда; такъ, „грузины въ общ. смыслѣ“ (со включеніемъ имеретинъ и гурійцевъ) соответствуютъ „грузинамъ въ тѣс. см.“ (т. е. восточ. грузинамъ), а тѣ, въ свою очередь, должны быть понимаемы какъ грузины въ самомъ тѣсномъ значеніи слова. Поэтому, ген. Эрвертъ во Введеніи къ отдѣлу о грузинскомъ языкѣ своей книги „Die Sprachen des kaukasischen Stammes“ напрасно отказался отъ названія „картвельскій языкъ“; къ сожалѣнію, уже въ самомъ началѣ книги онъ сталъ наравнѣ съ нимъ употреблять терминъ „грузинскій“, а затѣмъ въ генеалогической таблицѣ, на стр. 287, представлялъ сванскій языкъ какъ отпрыскъ древнегрузинскаго; послѣдній употреблялся не только въ прежнее время, но и теперь еще употребляется въ значеніи книжнаго языка древнихъ грузинскихъ памятниковъ, мало чѣмъ уклоняющагося отъ языка современнаго, между тѣмъ какъ по существу дѣла здѣсь могла быть рѣчь только о картвельскомъ праязыкѣ. Кромѣ того, на томъ же мѣстѣ авторъ отдѣляетъ отъ новогрузинскаго мингрельскій языкъ, такъ что можетъ, пожалуй, показаться, что другіе картвельскіе языки откололись въ относительно болѣе позднее время, какъ „областныя нарѣчія“, отъ языка грузинскаго. Подобный взглядъ на сущность нарѣчій распространенъ повсюду и, конечно, также и въ Грузіи. Уже въ срединѣ прошлаго столѣтія царевичъ Вахуштъ (Вахушти) утверждалъ (см. „Description géographique de la Géorgie, publiée par M. Brosset, S.-Petersbourg“ 1842, стр. 404), что мингрельскій языкъ не что иное, какъ испорченный грузинскій (но, стр. 412, онъ не рѣшился этого

сказать о сванскомъ), и еще въ настоящее время любить противопоставить мингрельское „нарѣчіе“ языку „чисто“-грузинскому. Съ другой стороны, І. Гогобашвили въ грузинской классн. хрестоматіи („Бунебис-кари“, 8 изд. Тифлисъ, 1894), а именно въ географической части этой книги (стр. 204—314), на стр. 278, говоритъ о сванскомъ языкѣ, что онъ происходитъ отъ грузинскаго („въ сванскомъ языкѣ имѣется очень много грузинскихъ, а въ особенности мингрельскихъ словъ“), но на стр. 268—о мингрельскомъ, что онъ родной братъ грузинскаго; въ этомъ заключается неустановившійся еще взглядъ о предѣлахъ распространенія, такъ-сказать, объемѣ грузинскаго языка. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, въ чемъ именно сванскій и мингрельскій языки представляются болѣе древними, чѣмъ грузинскій. Культурное господство котораго надъ вышеупоименованными языками отнюдь не должно быть сравниваемо съ положеніемъ старшаго сына, имѣющаго законное право на наслѣдство. На обѣ только-что упомянутыя книги я буду въ моемъ изслѣдованіи ссылаться относительно часто; изданіе Вахушта снабжено шестью довольно большими картами съ французской транскрипціей географическихъ именъ (Самцхе, Карталинія (Картли) южнѣ Куры, Картли сѣвернѣ Куры, Кахетія, Имеретія, общая карта), а книга для чтенія снабжена небольшою картой Закавказья на грузинскомъ языкѣ (60 верстъ въ дюймѣ=1:2520000).

Сванскій языкъ занимаетъ весь сѣверозападный уголъ картвельской области; съ сѣвера онъ отдѣляется Кавказскимъ хребтомъ отъ тюркскихъ языковъ (въ области которыхъ сванскій языкъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, занималъ нѣкогда господствующее положеніе), а съ юга граничитъ съ грузинскимъ и мингрельскимъ. На сѣверѣ онъ занимаетъ верховья р. Ингура (Энгури, а у Вах.: Эгури); это Верхняя Сванетія, которая повыше, въ востоку, называется Вольной

Сванетіей, а пониже, къ западу—Княжеской или Дадішвельяновской. На югѣ сванами заняты верховья р. Цхенисцхали (Цхенисц-цкали); это Нижняя или Дадіановская Сванетія. На картѣ Эркерта (но не на картѣ Зейдлица) вся долина этой рѣки отнесена къ Имеретіи; у Кондратенка имеретинскій элементъ доходитъ до рѣки въ ея восточно-западномъ направленіи, но это основано на заблужденіи, о чемъ будетъ сказано ниже. Область сванскаго языка ограничена въ настоящее время предѣлами Лечхумскаго уѣзда Бутаисской губерніи, за исключеніемъ его южнаго выступа; такимъ образомъ, она обнимаетъ Сванетскій полиц. участокъ и сѣверную, протянутую въ ширину, часть Цагерскаго. Въ Сванетскомъ участкѣ показаны только сваны (9.527 д.), а въ Цагерскомъ—сваны (4.508 д.) и имеретины (13.101 д.). Если вѣрить В. Тепцову (ст. Географическій очеркъ Сванетіи въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, 1890 г. Отд. I, на стр. 42 и слѣд.), то въ Сѣверной Сванетіи (южные сваны болѣе походятъ на имеретинъ, стр. 67) почти каждое общество налагаетъ на своихъ членовъ особый типическій отпечатокъ: въ Мулахъ—малорусскій, въ Местіи—великорусскій уроженца Ярославской губерніи, въ Чубухевахъ—частью цыганскій, частью же монгольскій, въ Лахмульдѣ (у Кондр.—Лахомули)—еврейскій. По отношенію къ лахмульдцамъ онъ прибавляетъ: „ихъ и сванеты считаютъ евреями и посмѣиваются надъ ихъ происхожденіемъ“. А Гогешавили на стр. 281 замѣчаетъ относительно ихъ, что „они (т. е. лахамулеби) по происхожденію евреи; хотя они православные и имѣютъ священниковъ, но ненавистны сванетамъ и живутъ отъ нихъ особнякомъ; сванеты не имѣютъ съ ними общенія, не ѣдятъ и не пьютъ съ ними, не прикасаются къ мясу зарѣзаннаго ими животнаго; ихъ женщины красивѣе сванетскихъ, и все-таки они не вступаютъ съ ними въ родственныя отношенія“.

Здѣсь можно было бы спросить, не слѣдовало ли бы по тому же этнографическому принципу, согласно которому говорящих по-грузински армянъ и евреевъ отдѣляютъ отъ грузинъ, отдѣлить также отъ свановъ и этихъ, говорящих по-свански, потомковъ евреевъ? Что въ сванскомъ языкѣ существуютъ діалектическія различія, доказывается многочисленными образцами языка, помѣщенными въ X и XVIII вып. Сборника. Образцы эти записаны въ Вольной Сванетіи, въ особенности въ Ушкулѣ или Ушбулахъ (но также въ Калѣ и Мулахѣ), а равно въ Дадикеліановской, въ особенности въ Эцерахъ и Бечо (кромѣ того, въ Ленжерахъ, Чубухвахъ, Латалѣ) и, наконецъ, въ Южной Сванетіи, а именно въ Чолурѣ (X, II, 76 и слѣд.); на послѣднее я обращаю вниманіе, такъ какъ Чолуръ на картѣ К-а причисленъ къ имеретинской области. Но если Чолуръ, согласно 10-верстной картѣ отъ 1869 г. и другимъ, лежитъ по обѣимъ сторонамъ Цхенись-цхали, то онъ едва ли одинъ и тотъ же съ Чолуромъ, занесеннымъ Кондратенкомъ на карту въ 5 верстахъ къ югу отъ рѣки. Здѣсь это мѣсто управленія Чолурскаго сельскаго общества, вдающагося широкой полосой по верхнему теченію рѣки между Лентехскимъ и Лашхетскимъ сельскими обществами, между тѣмъ какъ въ С. мѣстомъ управленія названо селеніе Чвеліери, а Чалури отмѣчено на юго-востокѣ Лентехскаго общества. Не существуетъ ли въ этихъ пограничныхъ мѣстахъ переходъ къ грузинскому или мингрельскому языкамъ? Единичный случай такого перехода подмѣченъ Г. Розеномъ, о которомъ, однако, у Услара („Этнографія Кавказа“ I, II, 105) говорится: „Очевидно, что Георгъ Розень свѣдѣнія свои заимствовалъ не отъ природнаго сванета, а отъ какого-либо мингрельца или лечгумца, обладавшаго, быть-можетъ, большимъ запасомъ сванетскихъ словъ, но чуждаго складу сванетской рѣчи“.

Существованіе на сванскомъ языкѣ культурнаго слоя

грузинскаго языка въ прежнее время было, по всей вѣроятности, болѣе замѣтнымъ, чѣмъ теперь, какъ это явствуетъ изъ находящихся въ Сванетіи надписей и рукописей (см. Броссе „*Voyage archéologique*“, S.-Pétersb. 1851, 10-е rapport; Гогешавили, на стр. 278, выводитъ, между прочимъ, изъ этого заключеніе о происхожденіи свановъ отъ грузинъ). Также и Вахуштъ, на стр. 412, говоритъ о сванахъ: „Хотя они имѣютъ свой собственный языкъ, но знаютъ также и грузинскій“. Согласно Гогешавили, на стр. 278, сваны обыкновенно, подобно мингрельцамъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучиваются говорить правильно по-грузински. Однако, читать и писать по-грузински знаютъ въ Верхней Сванетіи только 41, и между ними только 10 крестьянъ (Тепцовъ, стр. 64); впрочемъ, въ Нижней Сванетіи знаютъ многіе грузинскій языкъ, какъ и большинство свановъ Верхней Сванетіи знаетъ языкъ карачаевскій (Тепцовъ, стр. 67). Если же Радде („*Путешествіе въ Мингрельскихъ альпахъ*“, Тифлисъ 1866, стр. 110) говоритъ, что общество Бечо отчасти отатарилось, то это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что Отаръ Дадишкеліани женился на татарской княжнѣ. Богослуженіе совершается на грузинскомъ языкѣ; но Гогешавили говоритъ на стр. 283: „священники читаютъ по грузинскимъ книгамъ, но ихъ уже не понимаютъ“. Область свановъ прежде простиралась дальше также и къ юго-востоку, въ бассейнъ р. Ріона. Радде въ др. мѣстѣ, на стр. 81, замѣчаетъ, что до сихъ поръ селенія сѣверозападныхъ истоковъ Ріона (Геби, Чіора) сохранили полностью характеристическія черты верхне-сванетскихъ поселеній, почему рачинскіе имеретины и полагаютъ, что населеніе у истоковъ Ріона не имѣетъ съ ними ничего общаго.

Область **мингрельскаго** (по-груз. мегрели, по-мингр. маргали) заключена съ запада Чернымъ моремъ, съ сѣверо-запада областью языка абхазскаго, съ сѣверо-востока—сван-

скаго, а съ востока и юга—грузинскаго. У К-а сѣверо-западную границу составляетъ р. Ингуръ, сѣверо-восточную горный крайъ (отрогъ сванетской цѣпи), восточную р. Цхенись-цхали, а южную—р. Печора, и эта область совершенно совпадаетъ съ площадью двухъ уѣздовъ Кутаисской губерніи—Зугдидскаго и Сенавскаго, населеніе которыхъ (213.640) не многимъ только превосходитъ общее число мингрельцевъ (207.107). Границы эти должны быть, однако, на основаніи данныхъ, точно провѣренныхъ А. Цагарели въ его „Мингрельскихъ Этюдахъ“, Петерб. 1880, вып. I, стр. V и слѣд. (общанная на стр. VIII, Прим., карта мингрельскаго языка, насколько мнѣ извѣстно, не появилась на свѣтъ), исправлены, а именно въ одномъ направленіи. Съ мингрельцами граничатъ у К-а на сѣверо-востокѣ самурзаканцы (собст. мурзаканцы, по-груз. самурзаканослеби=жители Самурзакано, т. е. страны Мурзакана), которые на картѣ занимаютъ какъ разъ Самурзаканскій полиц. участокъ Сухумскаго округа, Кутаисской губерніи, между тѣмъ какъ статистика, съ одной стороны, тамъ насчитываетъ, кромѣ 29.520 самурзаканцевъ, еще 984 мингрельцевъ, а съ другой—въ граничащемъ съ нимъ къ сѣверу Кодорскомъ участкѣ—1.108 самурзаканцевъ, сверхъ 14.525 абхазцевъ и 172 мингрельцевъ. Куда отнести этихъ самурзаканцевъ? Ихъ названія я не нахожу въ общемъ сводѣ населенія Z^1 , Z^2 , а равно и въ C^2 ; поэтому, ихъ слѣдуетъ отыскивать въ рубрикѣ другого какого-нибудь народа, а именно абхазцевъ и мингрельцевъ. Такъ, абхазцевъ въ Кутаисской губерніи по Z^2 насчитывается 29.792, а по Z^3 —60.432 (такимъ образомъ, итогъ по Z^1 долженъ бы во всемъ Закавказьѣ составлять 60.444 вмѣсто неправильно показанныхъ тамъ 40.444); различіе какъ разъ равняется показанному въ Z^2 числу 30.640 самурзаканцевъ (изъ которыхъ 12 приходятся на Гумистинскій участокъ Сухумскаго округа), и въ C^2 они приводятся на самомъ дѣлѣ какъ подраздѣленіе

абхазцевъ. Такимъ образомъ, пришлось бы самурзаканцевъ считать абхазцами, отличающимися, правда, замѣтно отъ абхазцевъ (такъ какъ въ Сухумскомъ округѣ объ народности поставлены отдѣльно), но не по языку, какъ это имѣетъ мѣсто и при другихъ этническихъ дѣленіяхъ К-а. Но если все это сопоставить съ замѣчаніемъ Гогобашвили, что Самурзакань долго была яблокомъ раздора между Абхазіей и Мингреліей, но охотнѣе переносила господство послѣдней, „такъ какъ мингрельцы и самурзаканцы составляютъ *одинъ народъ*“ (стр. 287), то изъ этого можно бы, пожалуй, вывести заключеніе, что самурзаканцевъ слѣдуетъ разсматривать какъ мингрельцевъ, подвергшихся значительной абхазизаціи, но еще не въ такой степени, чтобы можно было говорить о рѣшительной замѣнѣ одного языка другимъ *). Согласно съ тѣмъ, что Вахуштъ приводитъ на стр. 404, мы должны допустить, что отношенія языковъ между Ингуромъ и Эгриса (=Оходжа или Галидзга?) были тѣ же самыя, что между Ингуромъ и Риономъ, и дѣйствительно Броссе „Voyage archéologique“, 8-е гарр., стр. 89, называетъ жителей Самурзакани: „Mingréliens de race, d'habitudes et de langage“, а равно и въ замѣткѣ объ изслѣдованіяхъ Цагарели въ Извѣстіяхъ Кавк. отд. Имп. Русск. Геогр. общ. V (1877/78), стр. 192, мингрельскій языкъ называется семейнымъ и род-

*) По отзыву Н. П. Новоспасскаго (инсп. нар. уч.), самурзаканцы принадлежатъ къ абхазской національности, но ближе къ Зугдидамъ они омингрелились; въ Кодорскомъ участкѣ вообще, кромѣ Очемчиръ (объ этомъ мѣстечкѣ позже), господствуютъ почти исключительно абхазцы, а въ Самурзаканскомъ участкѣ есть и тѣ и другіе, но больше абхазцы; изъ селеній, гдѣ имѣются учителя: Ткварчелн и Кошнги—абхазскія, а Набадени и Отабаи—мингрельскія. К. Д. Мачаваріани (инсп. Бат. гор. уч.), родившійся въ Мингрелии и проведшій дѣтство и юношество въ Самурзакани и Абхазіи, утверждаетъ, что въ общинахъ: Бедійской, Чхоргольской, Окумской, Гальской, Царчинской слышится абхазская рѣчь; въ Сабериі, Отабаи, Дихарзурагахъ говорятъ по-мингрельски потому, что жители этихъ селъ имѣли съ мингрельцами постоянныя сношенія; въ 50-тыхъ годахъ во всей Самурзакани не слышно было мингрельскаго языка.

нимъ языкомъ самурзаванцевъ, при чемъ мужчины знаютъ также абхазскій языкъ. Абхазское вліяніе могло сказаться и въ чешь-нибудь другомъ. Такъ, въ „Nouveau dictionnaire“ V, 538° Vivien'a de Saint-Martins говорится: „Les habitans sont d'origine géorgienne, mais, ayant été fortement islamisés, ils forment comme une tribu à part“, что позаимствовано буквально изъ соотвѣтственной статьи „Геогр.-стат. Словаря“ Семенова (т. IV, 1868). Ср. Гогобашвили, стр. 288 и слѣд.: „хотя они теперь всё хрістіане, но больше только по имени, чѣмъ на дѣлѣ;... осталось также много языческихъ суевѣрій въ Самурзавани“. Поэтому, отношеніе между самурзаванцами и мингрельцами по ту сторону Ингура, болѣе или менѣе похоже на отношеніе между аджарцами и гурійцами, о которомъ будетъ рѣчь потомъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ совмѣстно, ихъ, подобно тѣмъ, не смѣшиваютъ другъ съ другомъ, о чемъ свидѣлствуютъ статистическія таблицы. Правда, согласно Цагарели, на стр. IV, въ мингрельскомъ говорѣ Самурзавани бросается намъ въ глаза та или другая фонетическая особенность, быть-можетъ, даже изъ разряда таковыхъ, которая должна быть объяснена вліяніемъ абхазскаго языка, откуда позаимствованы также отдѣльныя слова, но едва ли можно установить болѣе серіозныя діалектическія отклоненія, чѣмъ внутри собственной Мингрелии. Итакъ, если въ томъ мѣстѣ „Извѣстій“ принято за вѣроятное, что въ Самурзавани, рядомъ съ мингрельцами, живутъ абхазцы, то это тогда уже не возбуждало въ комъ-либо сомнѣнія. На картѣ Риттиха-Петерманна область абхазскаго языка (съ Гагидой) простирается до самаго нижняго теченія Ингура, но выше отступаетъ нѣсколько назадъ, такъ что Барбала считается мингрельской; далѣе къ сѣверу отмѣчено нѣсколько мингрельскихъ энклавъ (внутреннихъ круговъ) съ Окумомъ (Окуми), Гудавой, Квасани (Квезани), которыя доходятъ даже за предѣлы теперешней Самур-

закани—до Кодора (съ Тумшемъ, Атарой). На картѣ Н. К. Зейдлица абхазцы отдѣлены прямо отъ мингрельцевъ; пограничная линия проходитъ болѣе или менѣе къ сѣверу отъ Ингура и оставляетъ не только Барбалу, но также и Тагиду на югѣ, но съ этимъ трудно совмѣстить то, что, согласно относящемуся сюда тексту (стр. 344) въ Очемчирскомъ округѣ *) (упр. уч. Очемчпри) Сухумскаго отдѣла**), живетъ 26.475 мингрельцевъ и только 5.700 абхазцевъ. На картѣ Эрберта проведена граница точно также, и съ этимъ не согласуется показанное на стр. 344 число абхазцевъ въ 20.000 д. Въ своей же недавно изданной книгѣ, т. II, стр. IV, онъ опредѣляетъ число абхазцевъ въ 72.415; включая сюда 30.000, считаемыхъ иногда за мингрельцевъ—это, очевидно, самурзаканцы. Цагарели отмѣчаетъ въ др. мѣс., на стр. VII и слѣд., всѣ находящіеся къ сѣверу отъ р. Ингура до р. Эртис-цхали общества и селенія, гдѣ мингрельскій языкъ служить семейнымъ и разговорнымъ, и гдѣ только между мужчинами распространено въ большей или меньшей степени знаніе абхазскаго языка; въ числѣ ихъ находятся слѣдующія, обозначенныя и на картѣ К-а, общества: Саберіо (показанныя раньше относятся еще къ Зугдидскому уѣзду), Чубурхинджи, Набакеви, Баргеби и вышеупомянутая Барбала; дальше—лежащія между рѣками Эртис-цхали и Охурь селенія, въ которыхъ мингрельскій языкъ господствуетъ въ семьѣ, но въ общественной жизни употребляется одинаковымъ образомъ мингрельскій и абхазскій языки (рѣдко можно найти мужчину, который бы не зналъ или, по крайней мѣрѣ, не понималъ послѣдняго), и въ числѣ ихъ: Бедіа, Окумъ, Гала (Гали), Мухури, Гудава. Между рѣками Охуромъ и Галидзгой абхазскій языкъ не только языкомъ общества, но и семьи; здѣсь составляютъ говорящіе только по-мингрельски

*) Теперь Кодорскій и Самурзаканскій уч.

**) Теперь округъ.

женщины и дѣти исключеніе, а мужчины хотя и не всѣ умѣютъ говорить по-мингрельски, но понимаютъ этотъ языкъ. Единственное мѣсто этой полосы, гдѣ мингрельскій языкъ не только служитъ языкомъ семьи, но и общества—это Илорн (на берегу моря). Между показанными здѣсь абхазскими селеніями находится отлѣченное К-мъ Повешн и вышеупомянутое Квезани. Такимъ образомъ, граница между абхазскимъ и мингрельскимъ языками проходитъ не по р. Галидзгъ, которая для тамошняго населенія служитъ границей между Абхазіей и Мингреліей, собст. Самурзаканью (Гогебашвили, на стр. 289, относитъ даже Очемчири, Кодоръ, Мокву въ Самурзакани), но и по южной части р. Охура, хотя также и по ту сторону отъ Галидзги мингрельцы разсѣяны спорадически; такъ, напр., въ Беслахубѣ—по обѣимъ сторонамъ названной рѣки (нижнее теченіе которой у К-а замѣнено границей общества). Согласно Цагарели, изъ больше чѣмъ 4.000 семействъ (=больше 29.000 д.) Самурзакани приблизительно 1½ до 2 т. признаетъ абхазскій языкъ своимъ роднымъ. Впрочемъ, до недавняго времени абхазскій языкъ во всей Самурзакани считался языкомъ высшаго общества *).

Сванскій языкъ отлѣченъ отъ мингрельскаго самой природой, но не отъ грузинскаго: рѣки съ западной и южной стороны перешли то грузины, то сваны. Въ верхнемъ своемъ теченіи, въ Лечхумскомъ уѣздѣ, оба берега р. Цхенись-цхали заняты грузинами. Если Гогебашвили, на стр. 269, относитъ Лечхумъ, составляющій южную часть Лечхумскаго уѣзда, въ Мингрелии, то это дѣлается изъ вниманія къ политической исторіи края. Начиная отъ пункта, гдѣ Сенакскій уѣздъ граничитъ уже не съ Лечхумскимъ, но съ Кутаисскимъ уѣздомъ, у К-а р. Цхенись-цхали составляетъ не только границу

*) Если это и было прежде, то теперь, по словамъ г-на Новоспаскаго, самурзаканцы щеголяютъ мингрельскимъ языкомъ. Ред.

уѣзда, но и границу мингрельскаго языка (на картѣ Ильина граница проходитъ нѣсколько ниже), и граница эта остается таковой на извѣстномъ разстояніи, но потомъ она у К-а отходитъ къ западу, а у И-а на такое же разстояніе въ нижнемъ теченіи рѣки—къ востоку. Цагарели приводитъ на др. мѣс., стр. V и слѣд., пять селеній на границѣ Лечхумскаго уѣзда (не на границѣ ли также Кутаисскаго уѣзда?), въ которыхъ грузинскій языкъ составляетъ семейный и общественный, хотя жители считаютъ себя одишцами (Одиши—древнее названіе Мингрелии) и понимаютъ и говорятъ по-мингрельски. По статистическимъ свѣдѣніямъ, селеній, съ мингрельскимъ населеніемъ, въ Сенавскомъ уѣздѣ только три: Кинчха, Гведи и Горди *). Сацискило (Сацискъвило), обозначенное на картѣ отъ 1869 г. нѣсколько западнѣе—четвертое; Бороцина (Бороѳина)—пятое селеніе. Далѣе слѣдуютъ у Цагарели девять селеній (какъ и вышеупомянутыя, на правомъ берегу Цхенись-цхали), въ которыхъ мингрельскій языкъ преобладаетъ, хотя почти всѣ жители, а въ особенности мужчины, также понимаютъ и говорятъ по-грузински; они и по статистикѣ, кромѣ оставшихся для меня неуясненными Натеврали и Чалы (Чѣла), входятъ въ область мингрельскаго языка и отнесены къ Сенавскому уѣзду. У моста Бомбуасъ-хиди живетъ на лѣвомъ берегу рѣки около десяти мингрельскихъ семействъ. Къ западу отъ Цхенись-цхали, почти параллельно съ нимъ, протекаетъ другой притокъ Ріона, Ногела (Новеда); въ селеніяхъ, находящихся между этими двумя рѣками, преобладаетъ грузинскій языкъ; въ цѣлостныхъ изъ нихъ, какъ, напр., въ Майданиокѣ дѣйствительно господствуетъ, но въ Илорѣ преобладаніе его почти незамѣтно, только въ Самивавѣ беретъ верхъ мингрельскій языкъ. Послѣднія селенія, за исключеніемъ Илори,

*) По словамъ Н. И. Новоспаскаго, въ Горди преобладаетъ грузинскій языкъ.

еоставляют Самикавское сельское общество Кутаисскаго уѣзда, и имѣютъ по статистикѣ грузинское населеніе, такъ что только по отношенію къ Семикаво, мѣсту управленія общества, можетъ быть допущено исключеніе. Замѣчательно, что имена всѣхъ трехъ селеній встрѣчаются также въ Абашскомъ участкѣ Сенакскаго уѣзда, а именно: Гулухети, Самикаво, съ мингрельскимъ населеніемъ, Гугунакати (—каѣи), съ грузинскимъ; такимъ образомъ, административная граница, а при первыхъ двухъ также и лингвистическая, пожалуй, проходятъ чрезъ средину этихъ селеній. Какое Илори имѣетъ въ виду Цагарели, для меня неясно; въ этой мѣстности, а именно въ Сенакскомъ уѣздѣ насчитывается ихъ три: Илори 3-е, мѣсто управленія общества того же наименованія, и Илори 1-е и 2-е въ Маранскомъ сельскомъ обществѣ, съ грузинскимъ населеніемъ *). Только на правомъ берегу Ногелы начинается исключительное господство мингрельскаго языка. Далѣе къ югу, согласно Цагарели, находятся еще четыре селенія, въ которыхъ господствуетъ грузинскій языкъ, но тамъ понимаютъ и говорятъ также по-мингрельски, одно—на правомъ берегу Цхенись-цхали (въ Маранскомъ обществѣ), два—на лѣвомъ берегу (одно—Самтреди, въ пяти верстахъ отъ рѣки) и еще одно—на Ріонѣ (а именно Орпири, точно также на правомъ берегу Цхенись-цхали); наконецъ, на обоихъ берегахъ Цхенись-цхали (слѣдуетъ понимать р. Ріонъ) насчитывается еще пять селеній (Цилори, однако, по картѣ 1869 г., находится на Ногелѣ), въ которыхъ господствуетъ мингрельскій языкъ (всѣ они находятся въ Сенакскомъ уѣздѣ; Іекаліа=Экали, по статистикѣ, находится въ Маранскомъ обществѣ и имѣетъ грузинское населеніе). Тѣмъ не менѣе, при помощи имѣющихся у меня подъ руками данныхъ не могу вполне прослѣдить сообщаемыя Цагарели свѣдѣнія; да и принципъ сдѣланнаго имъ описанія

*) Мингрельцевъ въ обоихъ селеніяхъ насчитывается только 23 дима.

границы для меня неясенъ. Во всякомъ случаѣ направленіе восточной лингвистической границы слѣдуетъ у К-а исправить, а именно отчасти на основаніи статистическихъ данныхъ, которыми онъ пользовался и согласно которымъ въ юговосточномъ углу Сенакскаго уѣзда, въ Маранскомъ обществѣ, на 4.150 грузинъ насчитывается 158 мингрельцевъ. Ріонъ считался всегда южной границей Мингрелии, также и у Гогешавили, который даже и г. Поти (Поти) относитъ къ Гуріи; туда же отнесенъ этотъ городъ и по З, стр. 8, а именно къ Озургетскому уѣзду*); по З² имѣетъ Поти половину, а именно 2.939 д. мингрельскаго населенія и вовсе не имѣетъ грузинъ, однако въ С¹ и ² сообщается, что въ это число включены также имеретины, стало-быть, грузины; граница области мингрельскаго языка проходитъ у Зейдлица и Эркерта южнѣе, и именно тамъ, гдѣ она проведена и у К-а. Это подтверждается также Цагарели, согласно которому южнѣе Ріона въ семи селеніяхъ (и также въ Патара-Поти) господствуетъ исключительно мингрельскій языкъ.

Кромѣ сплошной области мингрельскаго языка, по которой очень трудно провести границы между отдѣльными нарѣчіями (см. Цагарели на др. м., стр. IV), имѣется еще небольшая область этого языка, о которой не упоминается у Цагарели и которая не указана на картахъ Н. К. Зейдлица и ген. Эркерта; она обозначена лишь на картѣ Петерманна, по Риттиху, съ той только разницей, что мингрельцы и сваны обозначены той же краской, какъ и грузины. Въ Гумистинскомъ участкѣ Сухумскаго округа, отмѣчено статистикой 2.277 мингрельцевъ (при 391 абх., и, между прочимъ, въ г. Сухумѣ—84 мингр., 3 абх.), и они распределены на картѣ на три части: сѣверную (общества: 13,

*) Туда же отнесенъ г. Поти и по Кавк. Календарю; но собственно этотъ городъ какъ портовый, составляетъ самостоятельную административную единицу; территориально онъ примыкаетъ къ Сенакскому уѣзду.

19, 7, 2); среднюю, отдѣленную отъ первой греческими, нѣмецкими и русскими поселками (общества: 18, 22, 12, 8, 29, 25) и, наконецъ, южную, отдѣленную отъ второй русскими и эстонскими поселками (общество 1—Аварче). Но общество 19—греческое; съ другой стороны, общества 5, 6 и 17 по статистикѣ—мингрельскія, но на картѣ они или не изображены вовсе или отмѣчены такъ, что ихъ трудно разобрать. Что это за мингрельцы, не знаю; не волонисты ли они самаго недавняго времени? *) Въ Кодорскомъ участкѣ, находящемся между Гумистинскимъ и Самурзаканскимъ, насчитываются 172 мингрельца, а въ самомъ сѣверномъ, Гудаутскомъ—41 (вездѣ они отдѣлены отъ самурзаканцевъ).

Грузинскій языкъ въ собственной Мингрелии занималъ всегда, какъ языкъ высшей культуры, довольно выдающееся положеніе. По Вахушту, на стр. 404, вельможи и знатные люди, кромѣ языка родного, говорили по-грузински. Согласно Гогобашвили, на стр. 268, до сихъ поръ еще совершается богослуженіе на грузинскомъ языкѣ: „двадцать лѣтъ тому назадъ намѣревалось высшее духовное начальство ввести въ обѣдню и другія службы мингрельскій языкъ и даже распорядилось о переводѣ на этотъ языкъ литургій Златоуста, но всѣ **) сословія въ Мингрелии единогласно отклонили это нововведеніе и не согласились на введеніе въ церковный обиходъ мингрельскаго языка, вмѣсто грузинскаго“. Но не преувеличиваетъ ли онъ, говоря, что „почти всѣ мингрельцы умѣютъ хорошо говорить по-грузински и очень лю-

*) Они переселились сюда послѣ послѣдней войны съ турками, за высленіемъ части абхазцевъ. Ред.

**) Если бы объ этомъ спросили крестьянское сословіе, которому грузинскій языкъ, кромѣ пограничныхъ мѣстъ по р. Цхенись-цхали, совершенно неизвѣстенъ, то, вѣроятно, оно привѣтствовало бы съ радостью введеніе родного языка въ богослуженіе. Во всякомъ случаѣ это послужило бы къ утверженію среди народныхъ массъ христіанскихъ истинъ. Мингрельцы, а равно и сваны, не говоря уже о чуждыхъ картвельцамъ абхазцахъ, имѣютъ на народный языкъ въ церковномъ обиходѣ такое же право, какъ и православные осетины. Ред.

бить грузинскій языкъ"? Правда, Marjory Wardrop утверждаетъ даже въ своихъ „Georgian Folk Tales“ (Лондонъ 1894), на стр. IX: „The Mingrelian dialect is rapidly being replaced by pure Georgian throughout the country“. Также и Загурскій, „Этн. классиф.“, на стр. 6, говоритъ, что грузинскій языкъ повсемѣстно распространень въ Мингрелии, но, съ другой стороны, онъ же въ „Извѣстіяхъ“ V (1877/78), на стр. 193, сознается въ томъ, что грузинскій языкъ не успѣлъ еще распространиться въ Мингрелии *).

Какъ нарѣчіе мингрельскаго языка, можетъ быть разсматриваемо лазское или чанское (чанами называетъ этотъ народъ самъ себя, и подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ грузинамъ), къ которому оно во всякомъ случаѣ стоитъ очень близко. Я говорю „можетъ“, такъ какъ до сихъ поръ отсутствуетъ опредѣленный масштабъ для рѣшенія вопроса о томъ, даютъ ли существующія различія между обоими языками право судить о томъ, подчинены ли они другъ другу, или оба они занимаютъ равноправное положеніе. Такого масштаба нѣтъ ни въ размѣрахъ этихъ различій, проявляющихся обыкновенно, съ нѣкоторою правильностью, то въ томъ, то въ другомъ направленіи, ни въ генеалогіи населенія, съ которой, какъ замѣчено мною выше, генетическій процессъ языка не можетъ быть смѣшиваемъ. Если, съ одной стороны, мингрельскій и лазскій языки противопоставить сванскому и грузинскому, то, съ другой—не придется ли съ тѣмъ же самымъ правомъ противопоставить мингрельско-лазскій языкъ и грузинскій языку сванскому? Если же самая восточная разновидность лазскаго языка не отличается значительно отъ мингрельскаго (говорятъ, что мингрельцы и эти лазы свободно понимаютъ другъ друга), то въ такомъ ли также положеніи находится дѣло и съ самыми западными? И если лазы дѣйствительно, о чемъ, однако, нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ,

*) Последнее скорѣе отвѣчаетъ дѣйствительности.

составляютъ недавнее отвѣтвленіе отъ мингрельцевъ или, что одно и то же, послѣдніе отъ первыхъ, то не могло ли здѣсь, въ зависимости отъ территоріальной разобщенности, образоваться различіе въ языкѣ болѣе серьезное, чѣмъ между раздѣленными раньше, но живущими по сосѣдству племенами? Не по языку только сходятся лазы съ мингрельцами, но и по внѣшнему виду, характеру, костюму, образу жизни, однимъ словомъ—во всемъ (Гогебашвили, стр. 306). Въ русскомъ Закавказьѣ лазы занимаютъ весьма скромное мѣсто, а именно—самый югозападный уголъ между Чернымъ моремъ и р. Чорохомъ, къ югу отъ Батума, гранича къ сѣверу съ поселившимися на морскомъ берегу абхазцами, а къ западу и югу—съ грузинами. Эта область абхазскаго языка составляетъ, за исключеніемъ лежащей къ сѣверу отъ Чороха полосы, западную треть Гонійскаго участка Батумскаго округа (1.776 лазовъ на 10.051 д. всего участка). На картахъ Н. К. Зейдлица и ген. Эркерта дѣло принимаетъ въ значительной степени иной видъ. Прежде всего сѣверозападный уголъ между Чернымъ моремъ и Чорохомъ предоставленъ курдамъ, стало-быть, одна часть Гонійскаго общества. Да это и согласуется съ тѣмъ, что говоритъ Н. К. Зейдлицъ („Russ. Rev.“ XXIV, 1884, стр. 443): „По равнинѣ Кахабери, на узкой полосѣ у устьевъ р. Чороха, располагаются зимою кочующіе курды, а въ Гонійскомъ участкѣ, на взморьѣ, родъ Емшилы“. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ ямшинскихъ или лазскихъ и кахаберскихъ курдахъ сообщаетъ намъ Бакрадзе („Извѣстія Кавк. отд. Имп. Русск. Геогр. общ.“, VI, 1879/81, стр. 161 и слѣд.). Но другія данныя находятся съ этимъ въ противорѣчьи. Такъ, Н. К. Зейдлицъ въ др. мѣстѣ говоритъ, что „Гонія состоитъ изъ жителей чисто-тюркскаго племени какъ по типу, такъ и по языку“. По статистическимъ даннымъ насчитывается въ Гоніи 179 турокъ и 104 армянина, а въ принадлежащемъ къ тому же

обществу селенія Карашарваръ—121 абхаецъ, но ни одного курда. На картѣ К-а. все это общество предоставлено лазамъ, которымъ, въ дѣйствительности, принадлежитъ только сел. Сарпъ. По статистикѣ существуютъ курды только въ углу, прилегающемъ съ сѣвера къ Чороху, въ сел. Кахабери Эргейскаго общества, въ числѣ 685 д., при 115 абхазцахъ, между тѣмъ какъ въ Степановкѣ живутъ только одни абхазцы, а именно—186. Эти 301 абхаз. занесены на карту К-а, но не курды; они даже не отмѣченъ краской, хотя число ихъ помѣщено въ диаграммѣ. Затѣмъ у Н. К. Зейдлица и ген. Эркерта мы находимъ на югѣ, непосредственно у турецкой границы, между лазами и грузинами армянскую энклаву (внутренній кругъ), которая, въ свою очередь, отсутствуетъ на картѣ К-а; статистика упоминаетъ, кромѣ 104 арм. въ Гоніи, только о 210 арм. въ Мавриалѣ (кромѣ 486 лавовъ; въ Гон. участіи—345, а во всемъ Батумскомъ округѣ—404). Наконецъ, у З-а и Э-а лавскій элементъ доходитъ на востокъ до Чороха, между тѣмъ какъ у К-а широкая полоса, приблизительно въ одну треть всего пространства въ западу отъ рѣки, отнесена къ грузинскому элементу, а именно общества: Боруха, Катабхія наполовину (по статистикѣ, 378 грузинъ на 214 лавовъ), Марадиди, Махо. Повидимому, лавы жили первоначально только по берегу моря; если они и находятся въ бассейнѣ р. Чороха, то это переселенцы болѣе поздняго времени. Такъ, по Бакрадзѣ (въ др. м., стр. 160), Проскураковъ нашелъ въ сороковыхъ годахъ лавскія поселенія въ окрестностяхъ Петигрежа и Ливанакалами, т. е. въ верховьяхъ Чороха, далеко вглубь оставшейся еще у турокъ области. И самъ Бакрадзѣ видитъ въ лавзахъ долины Беглевана и Чалты переселенцевъ изъ Мавриала и Холи. Что касается долины Беглевана, то, по словамъ Н. Левашова (въ томъ же вып. „Извѣстій“, стр. 208), населеніе ея состоитъ изъ собствен-

ныхъ грузинъ; но это можетъ относиться только въ нижней ея части, а не въ верхней, такъ какъ статистика, какъ сказано, въ находящемся тамъ Катабхійскомъ с. обществѣ, рядомъ съ грузинами, насчитываетъ лазовъ. Сообщение Левашова, что долина р. Чалы или Началы исключительно населена лазами (тамъ же), согласуется съ имѣющимися налицо данными, если только не считать расположенную у ея устья Борчку, имѣющую грузинское населеніе. Въ томъ же вып. „Извѣстій“, на стр. 184, приводится ссылка на путешествіе Е. Г. Вейденбаума, по словамъ котораго въ Мирвани, расположенномъ на лѣвомъ берегу Чороха селеніи, какъ разъ напротивъ устья Аджарисъ-цхали (слѣдуетъ читать Мирвети), говорятъ частью по-грузински, частью же по-лазски. По Н. К. Зейдлицу („Russ. Revue“ X, 1877, стр. 366) „г-нъ Казбекъ свидѣтельствуетъ о томъ, что прибрежная мѣстность селенія Сиртъ, простирающаяся отъ Гони и Макріала вплоть до Орта-Хоче, а равно и селенія, расположенныя въ Макріальской долинѣ, говорятъ на чистомъ лазскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ языкъ жителей обоихъ береговъ Чороха настоящій грузинскій“. О распространеніи лазскаго языка на территоріи, принадлежащей еще теперь Турціи, можно найти различныя, хотя и не вполне достаточныя свѣдѣнія какъ въ статьѣ Д. Бакрадзе „Турецкая Грузія“, составленной на основаніи описанія путешествія Казбека, такъ и въ извѣстномъ академ. разсужденіи бар. Г. Розена „О языкѣ лазовъ.“ (1844). Бакрадзе („Извѣстія“ VI, 160 и сл.) замѣчаетъ, что, согласно господствующему мнѣнію, лазы простирались до мыса Кемеры (между Манавре и Ризой), но Проскуряковъ ихъ видѣлъ еще на сѣверовостокѣ отъ Трапезунта и вообще насчиталъ ихъ на пройденномъ имъ пути, на разстояніи 16¹/₂ в. вплоть до Шонской долины, больше чѣмъ 600 дымовъ. По Розену, на стр. 3, „имѣетъ каждая долина свое особенное, отъ сосѣд-

нихъ долинь замѣтно отличающееся нарѣчіе“. Казбекъ принимаетъ три лазскихъ нарѣчія: хопское, архавское и атинское. Это послѣднее, по словамъ Бакрадзе (который началъ было составлять сравнительный словарь лазскихъ нарѣчій), стр. 161, уклоняется отъ нарѣчія хопско-архавскаго; но вообще всѣ лазскія нарѣчія не отстоятъ будто бы далеко другъ отъ друга. Кромѣ коренной области, лазы встрѣчаются только поодиоцкѣ; такъ, ихъ не больше 9 въ остальной части Батумскаго округа, и вообще нѣтъ ихъ нигдѣ въ Кутаисской губерніи, ни гдѣ бы то ни было, такъ что во всемъ Закавказьѣ число ихъ составляетъ лишь 1.785 д.; въ З³ ошибочно показано 1.781 (863 ж. п. вмѣсто 867 въ С). Въ З¹ число лазовъ показано въ 1.805 д., но если принять во вниманіе, что въ З³ мингрельцевъ насчитывается 213.030, а въ З¹ лишь 213.006, то оказывается, что 24 лица принимались то за лазовъ, то за мингрельцевъ. Но лазовъ показано въ З во всякомъ случаѣ слишкомъ мало, ибо взятыхъ въ З³ съ совокупности „мингрельцевъ и лазовъ“ какъ для Батумскаго округа, такъ и для г. Батума слѣдовало показывать отдѣльно. По С изъ 1.602 „мингрельцевъ и лазовъ“ г. Батума 1.135 относится къ мингрельцамъ, а 467 къ лазамъ. Такимъ образомъ, число лазовъ получается въ общемъ 2.252 (съ соответственнымъ уменьшеніемъ числа мингрельцевъ).

Область грузинскаго языка протянулась дугою во всю длину всей области кавказской: востокъ и узкій центръ занимаетъ она одна; на сѣверозападѣ она врѣзалась нѣсколько въ сванскую область, а на западѣ раздѣляетъ мингрельскую область отъ лазской, простираясь къ юговостоку отъ послѣдней на югъ. Языкъ на большей части этой длинной полосы остается почти вездѣ одинъ и тотъ же; только на отдѣльныхъ пунктахъ ея окружности замѣчаются довольно рѣзкіе отгѣнки. Главную раздѣлительную линію можно протянуть чрезъ средину, не по вышеупомянутому перешейду,

но нѣсколько западнѣе отъ него; проводя ее, мы принимаемъ въ соображеніе не языкъ, хотя по обѣимъ сторонамъ этой линіи въ немъ и замѣтны нѣкоторыя особенности, но этническія примѣты вообще, какъ это изложено основательно Н. К. Зейдлицомъ („Mitt.“ Sp. 340^b sq.).

Западные грузины или имеры (имеретины), т. е. жители той стороны, отличаются отъ восточныхъ грузинъ или амеровъ, т. е. жителей этой стороны (это выраженіе устарѣло, см. Вахуштъ, на стр. 336)—грузинъ въ собств. смыслѣ физическими и психическими качествами, образомъ жизни, постройкой домовъ, костюмомъ. Различный ходъ развитія западныхъ и восточныхъ грузинъ зависитъ несомнѣнно отъ различныхъ условій ихъ мѣста жительства—бассейна Ріона, съ одной стороны, и Куры, съ другой. Къ этому присоединилось еще политическое раздѣленіе края: черты характера какъ той, такъ и другой стороны приобрѣли извѣстную устойчивость и выразились гораздо ярче. Этимъ объясняется и то, что этнографическая (какъ и древне-политическая) граница не вполне совпадаетъ съ естественной по Лихскому или Месхійскому хребту, составляющей въ настоящее время административную границу между губерніями Кутаисской и Тифлисской, но отклоняется отъ нея то къ востоку, то къ западу. Восточно-грузинскій элементъ, переходящій, согласно сообщенію Н. К. Зейдлица (тамъ же), чрезъ Сурамскій перевалъ и идущій по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожной линіи по р. Молитѣ или верхнему теченію р. Черимелы до станціи Марилисы, показанъ также у К-а; онъ наполняетъ собою все Бекатубанское общество (4.322 д.) и восточную часть Легванскаго (1.096 д.) въ Ципскомъ участкѣ (Ципа) Шорапанскаго уѣзда, Кутаисской губерніи. Но восточно-грузинское населеніе представлено болѣе крупной цифрой въ Хуневскомъ обществѣ, въ которомъ оно насчитываетъ, согласно статистикѣ, 5.973 д.; об-

щество это примыкает къ сѣверу къ Бежтубанскому, но отъ послѣдняго отдѣлено горнымъ хребтомъ; впрочемъ, оно на картѣ К-а показано западно-грузинскимъ. Къ восточнымъ грузинамъ можно отнести и южную часть Личскаго общества Сачхерскаго участка, къ сѣверу отъ Хуневскаго общества, въ которомъ статистика насчитываетъ ихъ 1.526 д. Также и Н. К. Зейдлицъ говоритъ о нихъ, какъ о живущихъ по среднему теченію „Куррилы“ (слѣдуетъ исправить въ „Дзирилу“, какъ и сказано въ „Russ. Rev.“ XVII, 1880, стр. 184). Итакъ, число восточныхъ грузинъ Шорапанскаго уѣзда составляетъ 12.917; кромѣ того, въ Кутаисской губ. насчитывается ихъ еще, за исключеніемъ г. Кутаиса, въ которомъ вост. грузины не показаны, 62 д. въ Сухумскомъ округѣ и 515 въ м. Очемчирахъ, того же округа *) (второе, кромѣ 93 грековъ и 53 армянъ, не имѣетъ другого населенія, что оставлено безъ вниманія на картѣ К-а), итого: 13.494 д. Если же, вмѣсто этого, въ 0² и 3³ ихъ показано 13.432, а въ 3²—12.979, то, очевидно, въ послѣднихъ забыты 515, а въ первомъ 62 отнесены къ западнымъ грузинамъ, такъ что общее ихъ число оказывается для Кутаисской губ.—413.867 (правильно въ 3²: 413.805).

Въ бассейнѣ Куры, въ Тифлисской губерніи, западные грузины проникли, по Н. К. Зейдлицу, въ Боржомскую котловину (южнѣе Куры); они образуютъ у К-а внутренней кругъ (съ русскимъ ядромъ), входя какъ бы въ составъ общества № 2, съ мѣстомъ управленія въ Мачарь-цхали въ Боржомскомъ участкѣ Горійскаго уѣзда, но въ дѣйствитель-

*) Существованіе въ Очемчирахъ грузинъ основано на заблужденіи: ихъ насчитывается всего два-три человека. То, что здѣсь сказано о грузинахъ, относится, очевидно, къ мингрельцамъ, которые въ этомъ мѣстечкѣ составляютъ населеніе, преобладающее надъ абхазцами (о нихъ ничего не упомянуто) и другими національностями. Что же касается 62 д. грузинъ въ Сухумскомъ округѣ, показанныхъ въ С (въ итогахъ за Сухумскій округъ), то это объясняется опечаткой: чрезъ 3 страницы (въ сводѣ населенія), тѣ же минимы грузины показаны уже имеретинами.

ности составляя части обществъ Боржомскаго (846 д.) и Квишхетскаго (Квишхети) (865 д.) того же участка. Затѣмъ они встрѣчаются еще по теченію сѣверныхъ притоковъ Абано-цхали и Чирать-хеви, названнаго также ручьемъ Али (см. Зейдлица, „Russ. Rev.“ XVII, 184 и слѣд.), въ Сурамскомъ уч. того же уѣзда, распространившись по большей части 22 обществъ (въ Хцисскомъ общ.—1.747 на 989 вост. гр., въ Итрійскомъ общ.—516 на 1.975 в. г., въ Цромскомъ общ.—380 на 1.064 в. г. и т. д., итого: 3.564). Эти западные грузины на картѣ К-а вовсе не отмѣчены, но зато помѣщены мѣлѣе значительные по численности армяне (3.353). Также и въ другихъ частяхъ Тифлисскаго губерніи, далеко отъ границы, составляя, такъ-сказать, колоніи, западные грузины насчитываются въ довольно значительномъ числѣ, а именно: въ Душетскомъ (Душети) у.—313, въ Телавскомъ (Т) у.—359 и т. д.; итого, во всей же губерніи: 9.000 (6.000 на діаграммѣ карты губерніи, вонечно, опечатка). Въ 3³ число ихъ показано въ 8.970; это можетъ быть объяснено тѣмъ, что число гурійцевъ (40) составляетъ отдѣльную рубрику. Наконецъ, имѣются зап. грузины въ Сочинскомъ округѣ Черноморскаго губерніи *).

Разницу между западными и восточными грузинами допускаютъ также лингвисты и, какъ уже сказано, не безъ основанія. Впрочемъ, ген. Эрвертъ (II, 321) настаиваетъ на томъ, что имеретинское нарѣчіе очень близко стоитъ къ грузинскому въ тѣс. см., ближе еще, чѣмъ шпавское и т. д. А. Хахановъ („Очерки по исторіи грузинской словесности“, Москва 1895, I, 2) приводитъ въ числѣ нарѣчій грузинскаго языка слѣдующія: гурійско-имеретинское, картлійско-кахское (вахетинское), шпавско-хевсурское, месхійское (что онъ подъ этимъ понимаетъ, см. ниже) и ингилойское. Область

*) Въ Пластиунскомъ селеніи, но, вѣроятно, и ихъ слѣдуетъ считать мигрельцами.

перваго—это западно-грузинская, которая рассматривается обыкновенно въ лингвистическомъ отношеніи за нѣчто цѣльное. Но при этомъ допускаются здѣсь еще другія этнографическія подраздѣленія. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время слово имеретинъ употребляется не въ смыслѣ зап. грузинъ вообще (хотя Герландъ на своей картѣ Кавказа въ такомъ смыслѣ и употребилъ это слово), но только по отношенію пограничныхъ съ вост. грузинами, т. е. восточной части зап. грузинъ, или точнѣе: жителей Шораланскаго, Кутанскаго, Рачинскаго и южной части Лечхумскаго уѣздовъ (Алпанскаго уч. и въ югу расположенныхъ обществъ Цагерскаго уч.) Кутанскаго губ., исключая только-что упомянутыхъ вост. грузинъ и, конечно, разбросанныхъ группъ евреевъ; число этихъ имеретинъ опредѣляется, какъ уже сказано, въ 413.800—900. Но, повидимому, выраженіе Имеретія употребляется грузинами въ еще болѣе тѣсномъ смыслѣ, ограничиваясь двумя первыми уѣздами *); по крайней мѣрѣ, Гогешавили причисляетъ Лечхумъ къ Мингрелии и рассматриваетъ Рачу (совпадающую съ Рачинскимъ у.) какъ особую территорію. Нѣкоторые особенности рачинскаго говора приведены въ „Сборникѣ“ XIX, 1894, I, 115. Судя по нимъ, къ числу этихъ особенностей относятся нѣкоторые архаизмы, встрѣчающіеся и въ другихъ мѣстахъ.

Отъ имеретинъ отдѣляются на югозападѣ гурійцы (южнѣе мингрельцевъ), но различіе между ними не такое рѣзкое, какъ между имеретинами и восточными грузинами. Ген. Эрвертъ въ своемъ сочиненіи „Der Kaukasus“, на стр. 338, сообщаетъ намъ, что гурійцы, по сравненію съ имеретинами, „отличаются еще большей горячностью, болѣе напоминаютъ турокъ и носятъ болѣе или менѣе турецкій ко-

*) Дѣйствительно, рачинцевъ отдѣляютъ обыкновенно отъ имеретинъ.

стюмъ“. Гогешавили, на стр. 267, изложивъ особенности гурійскаго костюма (фоня—зуртка, пабаки—башлыкъ, во послѣдній встрѣчается также въ Имеретин), говоритъ: „Гуріецъ очень бмстръ въ своихъ рѣчахъ, движеніяхъ, дѣйствіяхъ; онъ любитъ противодѣйствіе и ненавидитъ лезть; скоро онъ вспыхиваетъ, но такъ же скоро успокаивается... Гурійцы способны и отличаются ловкостью во всемъ, но невѣжество и отсутствіе образованія послужили причиной тому, что они бѣдны“. Вахуштъ, на стр. 420, описываетъ гурійцевъ, между прочимъ, такъ: „Мужчины и женщины похожи на имеретинъ по характеру, обычаямъ, вѣрѣ и богослуженію... они точно такъ же одѣваются и даже съ роскошью, но красивѣе и изящнѣе; ихъ рѣчь благозвучная, болѣе сближенная съ языкомъ книжнымъ, подобно языку мекховъ, но они говорятъ по-грузински и не знаютъ другого языка... они поютъ и пишутъ хорошо; они миролюбивы, но вспыльчивы“. Насколько гурійскіе обычаи и вѣрованія, о которыхъ намъ Т. Мамаладзе („Сборникъ“ XVII, 1893, II, 15—123) далъ столь обстоятельное описаніе, по сравненію съ такими же имеретинскими, представляютъ дѣйствительно своеобразныя особенности, я не въ состояніи судить. Если на самомъ дѣлѣ существуетъ глубокое и унаслѣдованное еще отъ древности различіе между имеретинами и гурійцами, то существованіе такового можно поставить въ связь съ высказанной Д. Баградзе (Гогешавили, стр. 306) догадкой, что гурійцы, которые отдѣляютъ на восточномъ берегу Чернаго моря мингрельцевъ отъ близко въ нихъ стоящихъ лавовъ, такъ-сказать, сѣверныхъ отъ южныхъ мингрельцевъ, не что иное, какъ огрузинившіеся мингрельцы. Въ настоящее время названіе гурійцы, а равно и населенной ими Гуріи, употребляется въ весьма тѣсномъ значеніи: Гурія совпадаетъ съ площадью Озургетскаго уѣзда между рр. Печорой и [Чолокомъ]. Почти все населеніе этого уѣзда (75.846) состоитъ

изъ гурійцевъ, а именно: 75.562. Въ Гуріи встрѣчаются гурійцы въ значительномъ числѣ только въ Батумѣ: 470 (при 446 имеретинахъ). Въ прежнее время Гурія прости-
ралась до границы страны лазовъ, до р. Чороха; къ юго-
востоку отъ этой Гуріи находилось ядро Грузин, коренная
ихъ земля, Самцхе, названная также Москіей (въ общ. см.).
Разница между гурійцами и месхами въ общ. см. не могла
быть въ прежнее время особенно значительной; да и теперь
она едва ли еще замѣтна, по крайней мѣрѣ названіе гурі-
ецъ часто употребляется въ самомъ широкомъ значеніи сло-
ва, такъ что, напр., Н. К. Зейдлицъ и ген. Эрвертъ въ
числѣ зап. грузинъ знаютъ только имеретинъ и гурійцевъ.
Однако, вмѣсто этой древней раздѣлительной линіи устано-
вилась новая, идущая въ другомъ направленіи и иначе обо-
снованная: православнымъ гурійцамъ противопоставляются ма-
гометанскіе гурійцы, подъ названіемъ аджарцы (въ С¹, при
сообщеніи статист. данныхъ объ Артвинскомъ округѣ, они
являются „грузинами“, но не въ С²). Это названіе заим-
ствовано отъ одной мѣстности—Аѣара, по которой и вся
область названа Аджаріей (два полиц. участка: Верхне- и
Нижне-Аджарскій) *). Признакомъ различенія между гурій-
цами и аджарцами служитъ вѣра, и притомъ чуть ли не един-
ственнымъ. Обыкновенно религія, а въ особенности магоме-
танство, оставляетъ на всемъ образѣ жизни и на обычаяхъ
своихъ исповѣдниковъ глубокой слѣдъ, но у аджарцевъ

*) Не могу не выразить удивленія, какъ это въ русской транскрипціи
могла явиться передача посредствомъ *дж* груз. *ჭ*, передаваемого въ русскомъ
всегда—*ч*; нельзя, конечно, предполагать, чтобы въ данномъ случаѣ ошибочная
французско-англійская транскрипція груз. *ჭ* посредствомъ *dch* могла ввести въ
заблужденіе, какъ это и случалось съ западно-европейскими географами, пи-
савшими: Džogoch (Andree), Djorok (и Tchogoukh—Vivien de Saint-Martin)
вмѣсто Dchogokh у Броссе и въ др. м.—русс. Чорохъ, груз. **Чорохи**. Тѣмъ
не менѣе, иногда мы встрѣчаемъ передачу этого груз. составного звука и посред-
ствомъ *дч*, напр. у Д. Чубинова „Краткая грузинская грамматика, Пет. 1855,
стр. 1 въ алфавитѣ, стр. 68: Радча=гр. Раѣа.

слѣдовъ такого вліянія оказалось немного. Что же касается языка, то онъ остался почти совершенно чуждъ этого вліянія: отъ религіи зависитъ языкъ не въ существенныхъ своихъ особенностяхъ, а только въ менѣе важныхъ, преимущественно въ образныхъ выраженіяхъ, и отчасти въ лексическомъ отношеніи; послѣднее, конечно, произошло вслѣдствіе заимствованій изъ турецкаго языка выраженій, относящихся къ религіозному культу. Возможны же среди аджарцевъ фонетическія или морфологическія особенности могутъ быть объяснены архаическими отбѣнками Самцхійскаго нарѣчія, о которомъ намъ Вахуштъ, на стр. 78, сообщаетъ, что онъ былъ „слаще“ или „пріятнѣе“ вартлійскаго. Насколько значительны или сворѣ незначительны отступленія аджарскаго говора отъ грузинскаго нижняго языка, можно усмотрѣть изъ краткаго собранія народныхъ пѣсень грузинскихъ магометанъ (Қартвелѣ маһмадіанѣ сахалхо леҗсеби — въ особенности изъ приложенныхъ къ нему замѣтокъ), изданнаго З. Чичинадзе въ 1891 г. въ Тифлисѣ. Сходство аджарцевъ съ гурійцами въ т. с. или съ грузинами вообще, какъ по языку, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, доказывается свидѣтельствами, относящимися къ отдѣльнымъ колѣнамъ этого племени. О собственныхъ аджарцахъ, т. е. жителей Аҗары, долины р. Аҗарис-җкали, говоритъ Гогебашвили, на стр. 297, слѣдующее: „Они по физическимъ свойствамъ, языку и обычаямъ настоящіе грузины“. Въ пользу этого приводятся также слова Казбека, посѣтившаго эту страну еще тогда, когда она принадлежала туркамъ; между прочимъ, онъ говоритъ: „ихъ востюмъ грузинскій, по вѣрѣ они магометане; въ семейномъ быту они говорятъ по-грузински, и только пожилые люди знаютъ по-турецки“. Къ сѣверозападу отъ аджарцевъ, до границы теперешней Гуріи, живутъ кобулы (кобулетцы), о которыхъ говорится у Гогебашвили, на стр. 301, слѣдующее: „они совершенно сходствуютъ съ гурійцами по вѣшнему виду и свойствамъ

тѣла, костюму, постройкѣ и положенію домовъ, характеру и обычаямъ, храбрости и любви къ работѣ; они говорятъ по-грузински, съ гурийскимъ акцентомъ. Отъ гурийцевъ они различаются только магометанской вѣрой... Сватовство между гурийцами и кобулетцами происходило прежде и теперь еще происходитъ. Многіе кобулетскіе беки и крестьяне имѣютъ гурийскихъ женъ. Независимо отъ этихъ родственныхъ отношеній между гурийцами и кобулетцами существуетъ постоянное общеніе, и лежація ближе къ границѣ селенія не празднуютъ никакихъ свадебъ, не совершаютъ поминокъ, или вообще другихъ празднествъ, безъ того чтобы не приглашать другъ друга: Однимъ словомъ: въ радости и горѣ одни составляютъ одно". Дальше говорится о праздникѣ св. Марины, 17 іюля, когда кобулетцы собираются вмѣстѣ съ гурийцами, чтобы сообща праздновать состязательныя игры. Южнѣе кобулетцевъ, къ востоку и юго-востоку отъ лазовъ, находятся по обоимъ берегамъ Чороха ливанцы. Гогешавили, на стр. 304, высказываетъ мнѣніе, что и здѣсь „сладкая грузинская рѣчь напоминаетъ грузинъ стараго времени". Н. К. Зейдлицъ („Russ. Rev." X, 355) говоритъ по Казбеку: „Прибрежные жители Чороха говорятъ на самомъ чистомъ грузинскомъ языкѣ и отличаются красивою внѣшностью и умственнымъ своимъ развитіемъ. Эта область испоконъ вѣка составляетъ колыбель чистой грузинской расы, которая, несмотря на удары судьбы, до настоящаго времени сохранила всѣ свои отличительныя черты". Наконецъ, къ западу отъ ливанцевъ и къ югу отъ аджарцевъ живутъ шавшіцы, о которыхъ Н. К. Зейдлицъ (стр. 340 и слѣд.), снова слѣдуя Казбеку, говоритъ слѣдующее: „они говорятъ въ домашнемъ быту на самомъ чистомъ грузинскомъ языкѣ, но съ акцентомъ жителей нагорной полосы Грузіи, т. е. кавказскихъ мгульцевъ. Кромѣ того, въ здѣшнемъ языкѣ можно найти множество словъ изъ хевсурскаго нарѣчія". Аджарцы, по-

статистикѣ, находятся только на югѣ Кутаисской губерніи, числомъ 59.495 д. (въ 3³ они, по недосмотру отнесены къ Тифлисской губерніи); изъ нихъ приходится на Батумскій округъ 41.693 д., при 19.674 русскихъ, грекахъ, армянахъ, абхазцахъ и т. д. (изъ которыхъ 14.803 составляетъ населеніе г. Батума, и въ томъ числѣ нѣтъ ни одного аджарда *), а на Артвинскій округъ—17.802 д., при 26.395 туркахъ, 7.775 армянахъ и т. д. Относительно этихъ турокъ новѣйшая этнографія значительно отстываетъ отъ прежней, не отмѣчавшей ихъ обывновенно въ этой мѣстности. Въ С³ они внесены въ рубрику „турки-османы“, но здѣсь дѣло, очевидно, идетъ объ отуреченныхъ грузинахъ, которые отъ настоящихъ турокъ должны бы быть отдѣляемы точно такъ же, какъ гурійцы отъ имеретинъ, аджарцы отъ гурійцевъ. Правда, Н. К. Зейдлицъ говоритъ („Russ. Rev.“ X, 327): „турокъ или нѣтъ вовсе въ Турецкой Грузіи, или они составляютъ весьма незначительную часть населенія“; но это еще не даетъ права употреблять названіе „турокъ“ для этой части Закавказскаго края въ другомъ какомъ-нибудь смыслѣ, чѣмъ въ общеупотребительномъ. Спрашивается дальше, знаютъ ли эти „турки“ другой какой-нибудь языкъ, кромѣ турецкаго, забыли ли они совершенно грузинскій языкъ, и чѣмъ это объяснить, что ни въ Верхне- ни Нижне-Аджарскомъ участѣ Батумскаго округа не отмѣченъ ни одинъ „турокъ“. Казбекъ выражается, согласно Зейдлицу, на стр. 338 и слѣд., о лингвистическихъ отношеніяхъ Аджаринъ, принадлежавшей еще тогда къ Турціи, слѣдующимъ образомъ: „Одинаковую участь съ христіанской религіей испытывалъ и продолжаетъ еще испытывать въ Турецкой Грузіи грузинскій языкъ. Тамъ онъ мѣстами начинаетъ уступать давленію турецкаго языка. Въ Аджаріи и Чурук-су. гдѣ

*) По послѣдней переписи въ г. Батумѣ жит. 28.512; аджарцы есть, но они, очевидно, сосчитаны вмѣстѣ съ турками.

онъ почти-что не отличается отъ гурійскаго говора, онъ еще кое-какъ держится... Въ Аджаріи въ послѣднее время турецкій языкъ сдѣлалъ значительныя завоеванія. Лѣтъ 20 тому назадъ, какъ говорятъ, здѣсь относительно немногіе говорили по-турецки, но съ тѣхъ поръ турецкая рѣчь окрѣпла до такой степени, что вступила уже въ открытую борьбу съ мѣстнымъ языкомъ. Аджарія, подобно Чурув-су и даже Гуріи, безъ всякой посторонней примѣси населена грузинскимъ племенемъ; тамъ даже не встрѣчаются турки, но, однако, ихъ языкъ, занесенный сюда какъ бы случайной заразой, грозитъ окончательной гибелью мѣстному языку... Здѣсь имѣются при каждой мечети школы, наполненныя мальчиками, изучающими тамъ турецкій языкъ. Такимъ путемъ турецкій языкъ прививается народамъ, совершенно чуждымъ по происхожденію туркамъ". Относительно Батумскаго округа, рядомъ съ которымъ тогда еще существовалъ и Аджарскій округъ, высказывается Н. К. Зейдлицъ („Russ. Rev.“ XXIV, 1884, стр. 443 и слѣд.) слѣдующимъ образомъ: „Господствующій, за небольшими исключеніями, языкъ среди всего населенія—грузинскій, но умѣніе писать на немъ распространено весьма мало и то только среди лицъ женскаго пола. Хотя мужское населеніе вмѣстѣ съ грузинскимъ изучаетъ также турецкій языкъ, но умѣніе писать на этомъ языкѣ оно пріобрѣтаетъ у муллъ въ школахъ только въ возрастѣ 16—18 лѣтъ. Женщины почти не говорятъ по-турецки и не понимаютъ почти этого языка". Въ Шавшетіи, которая на картѣ К-а оказывается раздѣленной между аджарцами, турками и армянами *), турецкій языкъ также и

*) Здѣсь также находится, а именно далеко вглубь верхняго теченія р. Искрени внутренній кругъ, который по опискѣ долженъ быть отнесенъ къ абхазцамъ. Но статистика ничего не знаетъ объ абхазахъ въ Артвинскомъ округѣ; да и вообще существованіе такого круга невѣроятно (для III, 8 показано, правда, 139 армянъ, но для III, 4—только грузины). Курды этого округа, числомъ 154, не отлѣченныя на картѣ, живутъ далеко отсюда, на югѣ.

по Казбеку (Зейдлицъ, „Russ. Rev.“ X, 341) вытѣснилъ въ значительной степени языкъ грузинскій: „въ собственной Шавшетіи (въ бассейнѣ рѣки Сатлетисъ-ѣкали) далеко не всѣ жители говорятъ по-грузински; во многихъ селеніяхъ этотъ языкъ исчезъ окончательно, а вмѣсто него въ обратной пропорціи распространился языкъ турецкій, сообщившій языку туземцевъ много словъ и оборотовъ. Замѣчательно то, что жители расположенныхъ по большой дорогѣ селеній совершенно забыли свой родной языкъ, хотя они всѣ открыто заявляютъ, что ихъ отцы были „гурджи“. „Чѣмъ больше мы приближаемся въ Арданучу“, продолжаетъ Казбекъ: „то тѣмъ рѣже мы встрѣчаемъ говорящихъ по-грузински людей, хотя двѣнадцать селеній, расположенныхъ въ окрестностяхъ горы Гомихвеція слывуть среди народа подъ названіемъ „гурджистанскихъ“. А что всѣ эти „турки“ не находятся въ племенномъ родствѣ съ настоящими турками, объ этомъ немного выше (стр. 340) говорится еще опредѣленнѣе: „Населеніе Шавшетіи (12.000—14.000 д. обоого пола)... состоитъ, за исключеніемъ 145 дымовъ армянь (приблизительно 900 душъ) изъ людей картвельской расы“. Въ городѣ Артвинѣ, средоточіи Ливанской области, согласно статистикѣ, на 6.442 жителей приходится 4.922 армянина и 1.508 турокъ (на картѣ ошибочно по близости Артвина отмѣчены лазы). А такъ какъ Артвинъ находится на краю аджарской области, то странно было бы, чтобы тамъ не жили аджарцы; однако, и по наблюденіямъ Казбека, „рѣдко можно слышать въ Артвинѣ грузинскій языкъ, но зато во всѣхъ окружающихъ его деревняхъ говорятъ всѣ почти по-грузински“ (Зейдлицъ, въ др. м. стр. 353). Если между первой разновидностью грузинъ, т. е. тѣхъ, которые принадлежать къ этой національности по происхожденію, языку и религіи, и второй—которые только по религіи турки, существуетъ, не скажу глубокая, но рѣзкая раздѣлительная черта, то таковой

нѣтъ налицо между этой второй и третьей, т. е. тѣми, которые по языку и религiи принадлежать къ турецкой национальности; можно предположить, что здѣсь наблюдается переходная ступень, а именно—что здѣсь въ известномъ отношенiи существуетъ двуязычiе, и притомъ двойкаго вида, смотря по тому, преобладаетъ ли грузинскiй, или турецкiй языкъ. Желательно было бы, чтобы какой-нибудь лингвистъ сдѣлалъ то же самое для грузино-турецкой лингвистической границы, что Цагарели сдѣлалъ для мингрельско-грузинской и мингрельско-абхазской.

Грузинскiй языкъ переходитъ вверхъ по Чороху чрезъ тенерешнюю государственную границу на турецкую территорию, но о томъ, какъ далеко онъ проникъ туда, пока еще нельзя ничего сказать съ достовѣрностью. О селенiи Мело, отстоящемъ недалеко отъ границы, говоритъ Левашовъ („Извѣстiя“, VI, 1879/81, стр. 229), что его жители по происхожденiю грузины, но въ настоящее время значительно отуречились и отчуждились отъ картвельской расы какъ по языку, такъ и по типу. Въ самой отдаленной долинѣ вверхъ по теченiю Пархали, лѣваго притока Чороха, отстоящей, правда, не слишкомъ далеко отъ границы, но какъ съ сѣверовосточной стороны, такъ и со стороны сѣверозападной, граничащей съ турецкими лазами, грузинскiй языкъ, влечить, по всей вѣроятности, свое существованiе и теперь еще, какъ и во время посѣщенiя этой страны Казбекомъ: „въ настоящее время все населенiе долинь Арменъ, Хеви и Кубаки (рѣчки этихъ долинь впадаютъ въ Пархали) говоритъ еще весьма испорченнымъ грузинскимъ языкомъ, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ селенiи Пархали далеко уже не всѣ знаютъ грузинскiй языкъ. Особая манера говорить и скороговорка придаютъ языку мѣстныхъ жителей своеобразный отпечатокъ, не подходящiй ни къ какому говору русской Грузiи“ (Зейдлицъ, въ др. м. стр. 356). А, между тѣмъ, они и теперь или, по крайней мѣрѣ,

прежде не всё были „аджарцы“; такъ, въ другомъ мѣстѣ говорится: „среди распространеннаго повсюду магометанства сохранилось здѣсь нѣсколько грузинскихъ семействъ православнаго исповѣданія. Число семействъ, исповѣдующихъ открыто христіанство, доходить до пяти, но, какъ говорятъ, „насчитывается еще 80 дворовъ „тайныхъ“ христіанъ“. По Вахушту, на стр. 124, жители Испирской долины (той части верхней долины Чороха, которая проходитъ по направленію отъ востока къ западу) или, по мѣстной терминологіи, Кларджетской сходствуютъ съ жителями Самцхе, и хотя они магометане, но, при турецкихъ обычаяхъ, сохранили грузинскій языкъ. На стр. 126 онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что жители Тортомійской долины (рѣка, соединившись съ Олтичаемъ, впадаетъ съ правой стороны въ Чорохъ) сходствуютъ съ мескійцами и, будучи магометанами, говорятъ не только по-грузински, но и по-турецки.

Необходимо прослѣдить аджарцевъ, т. е. говорящихъ по-грузински магометанъ не только къ югу, но и по направленію къ западу. У Гогешавили, на стр. 205, Грузія заключена предѣлами двухъ губерній, Бутансской и Тифлисской (со включеніемъ Закатальскаго округа), а вѣдь этой области своего распространенія грузины, по статистикѣ, встрѣчаются только отдѣльными единицами, если не упоминать объ имеретинской колоніи въ Черноморской губерніи (359 д.) *). Въ отдѣльности въ Карсской области упоминается только о 21 аджарцѣхъ (это не переселенцы ли?). И по Зейдлицу и Эркерту, имеретинско-гурійцы доходятъ до этой области, а именно перешли на довольно значительное разстояніе

*) На Сѣверномъ Кавказѣ, грузины встрѣчаются въ довольно значительномъ числѣ въ окрестностяхъ Моздока Терской области и въ нѣкоторыхъ городахъ той же области (во Влад.—1.311 д., Моздокъ—760, а въ Кизлярѣ—262); всего въ Терской области грузинъ 4.473 д. Въ Моздокѣ, съ его окрестностями, и Кизлярѣ грузины поселились еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія (по слѣдствію основанія Моздока въ 1759 г.).

на правый берегъ верхней Куры, на которомъ находится и мѣсто управленія Ардаганскаго округа, Карсской области, г. Ардаганъ (Артаани). Грузинскій участокъ всей этой полосы земли обозначенъ на картѣ К-а какъ турецкій, по это такая же неточность, которую Н. К. Зейдлицъ („Russ. Rev.“, XXII (1883), на стр. 283 и слѣд.) еще отмѣтилъ по отношенію къ переписи 1882 г.: „Грузинъ обоего пола показано только 9 душъ, всѣ въ Ардаганскомъ округѣ и всѣ православною исповѣданія, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что грузинская національность (независимо отъ религіи) составила сырой матеріалъ для образованія главной массы такъ называемыхъ турокъ въ Карсской области“. Однако, въ „Mitteilungen“ (1880), на стр. 347, показано въ теперешнемъ Ардаганскомъ округѣ, сверхъ 54.860 турокъ, 9.726 грузинъ, которыхъ тамъ теперь вовсе нѣтъ. Какъ же объяснить это противорѣчіе? По моему мнѣнію, подѣ первыми нужно понимать говорящихъ по-турецки магометанъ грузинскаго происхожденія, а подѣ вторыми—вообще магометанъ. говорящихъ по-грузински. Въ какой пропорціи должны быть раздѣлены показанные по статистикѣ въ Карсской области „турки“ (числомъ 41.823), а въ особенности живущіе въ Ардаганскомъ округѣ (числомъ 20.351) на говорящихъ по-грузински и на говорящихъ по-турецки, на этотъ счетъ я не хочу высказывать болѣе никакихъ предположеній и не буду даже дѣлать попытокъ объяснить противорѣчія между новѣйшими и прежними числовыми данными, тѣмъ болѣе что нельзя оставить безъ вниманія сильнаго выселенія магометанъ въ Турцію (въ началѣ 1882 г., по Зейдлицу, „Russ. Rev.“ XXIV (1884), на стр. 453 и слѣд., число выселившихся составило 15.234 д.; также и въ южной части Кутаисской губерніи произошло значительное выселеніе магометанъ послѣ занятія края русскими). Но только для меня ясно одно, что въ статистикѣ по отношенію къ Карсской

области составители придерживались иных взглядовъ, чѣмъ по Кутаисской губерніи; въ послѣдней они отдѣляли магометанскихъ грузинъ—аджарцевъ отъ „турокъ“, а въ первой смѣшивали однихъ съ другими *). Сюда примыкаетъ еще одинъ вопросъ, „относятся ли карскіе грузины къ западнымъ, какъ это можно судить по окраскѣ и различію на картахъ Эржерта и Зейдлица, или къ восточнымъ, названнымъ послѣднимъ „грузинами въ тѣсномъ смыслѣ“ (сравнительно съ имеретинско-гурійцами)? Первое мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ; ибо хотя населенныя ими долины (долина Кумы и ея сѣвернаго притока, Посхова—Поцхови) открыты въ сторону восточныхъ грузинъ, но рѣкъ отдѣлены отъ послѣднихъ татарами и армянами; притомъ нельзя приписать Арсианскимъ горамъ, между Кутаисской губерніей и Карской областью, значенія непроходимой преграды и, въ качествѣ таковой, вліяющей на выработку національныхъ противорѣчій. Да и Гогобашвили, на стр. 31, выставляетъ на видъ сходство между Цавшетиѣй и лежащей къ востоку за горами Эршетиѣй—такъ называлась часть Карской области, о которой идетъ рѣчь: „бросающееся въ глаза различіе состоитъ только въ томъ, что здѣсь живетъ много армянъ и турокъ, въ особенности на югѣ, и это обстоятельство сильно ослабило грузинскій элементъ; грузинскій языкъ здѣсь понимаютъ относительно меньше, а турецкіе обычаи пустили глубокіе корни“. „Въ Ардаганѣ (Артаани)“, продолжаетъ онъ; „находится очень мало грузинъ; большую часть населенія составляютъ армяне и турки“. Изъ 778 жителей Ардагана турокъ, правда, 403 (армяне только 141); но что касается этихъ турокъ, то таковыхъ, если подъ ними понимать толь-

*) Въ оправданіе составителей сталъ свѣдѣній можно привести то, что аджарцы хотя и магометане, но говорятъ еще по-грузински, между тѣмъ какъ ардаганскіе и посховскіе „турки“, хотя и называются турками „гурджи“, забыли уже грузинскій языкъ (см. ст. Садовскаго „Посховскій участокъ“, Сбор. мат. V, 1, стр. 40).

во говорящих по-турецки грузинъ, находится много также и въ Шавшетѣ. Можно бы, пожалуй, допустить предположеніе, что и сама у грузинъ стеръ совершенно разницу между западомъ и востокомъ; но мы встрѣчаемся съ несомнѣнными указаніями на то, что аджарцы (даже и въ смежныхъ съ Ахалцихскимъ уѣдомъ мѣстностяхъ) похожи на имеретинъ и гурійцевъ, а магометанскіе грузины Ахалцихскаго уѣзда сходятся съ карталинцами (см. Загуроваго „Этнол. классиф.“, стр. 4, прим. 5; Д. Бакрадзе „Извѣстія“ VI, 1879/81, стр. 158 и слѣд.) *). Правда, эти юго-западные и юговосточные мѣстности Грузіи находились между собою въ тѣсной связи и соединялись подъ общими названіями, какъ Самцхе, Месхетѣ, Верхнее Каргли, Саабабаго, имѣвшими также и свое болѣе тѣсное значеніе. Помимо общности названія, и населеніе этихъ мѣстностей считалось однороднымъ; такимъ оно представлялось уже Вадушту, стр. 78 и слѣд., а равно и Гогebaшвили, стр. 295 и слѣд., который мѣховъ называетъ жителями древней Месхія, понимая подъ послѣдней всю страну между моремъ и Арменіей. А. Хахановъ во Введеніи къ своей статьѣ „Месхія“ въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“, X, (1891 № 3), стр. 1—39, допущаетъ, что границы Месхія проводились то въ томъ, то въ другомъ направленіи и притомъ весьма противорѣчиво, но въ концѣ концовъ самъ помѣщаетъ ее въ предѣлахъ теперешняго Ахалцихскаго уѣзда. Было бы желательно какъ по этому вопросу, такъ и по другимъ—касающимся картвельской области вообще имѣть болѣе подробныя данныя о значеніи историческихъ наименованій и этнографическомъ примѣненіи таковыхъ.

*) И по Садовскому (цитов. выше ст., стр. 41) тѣ же говоры, которые еще понимаютъ по-грузински (напр. старики) „говоратъ съ аджаро-имеретинскимъ акцентомъ, а картли-кахетинскаго разговора здѣсь совсѣмъ нельзя встрѣтить“.

Область восточныхъ грузинъ, какъ сказано выше, представляется вообще весьма иззубренной по краямъ и раздробленной то ситобразно, то въ видѣ островковъ *); самой компактной она является на сѣверѣ. Далѣе всего на юго-западъ выдвинулись грузинскіе острова въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, а именно въ Баралетскомъ участкѣ (3.636 д.; на картѣ К-а показаны грузины въ югозападномъ углу Арагвинскаго общества, но тамъ ихъ вовсе нѣтъ, а имѣются они въ разныхъ пунктахъ другихъ обществъ **) и Богдановскомъ участкѣ (54 д.; на картѣ они показаны въ Эштійскомъ обществѣ, но тамъ ихъ нѣтъ, а значатся они въ Вацѣанскомъ обществѣ **); такъ же далеко выдвинулись грузинскіе острова на юговостокъ въ предѣлы Заватальскаго округа, въ которомъ, сверхъ ингилойцевъ (рѣчь о нихъ потомъ), къ востоку отъ нихъ, въ Кахскомъ участкѣ, показаны два круга восточныхъ грузинъ, а именно общества Алибегло и Кахъ-Мугаль (3.883 д), при чемъ первое находится въ непосредствѣннѣмъ сосѣдствѣ съ ингилойцами. Заваталы прежде были населены исключительно грузинами, теперь тамъ живутъ, по большей части, аварцы и татары. Далѣе къ востоку, вѣроятно, и въ прежнее время не проходила грузинская лингвистическая граница (ср. Зейдлица, „Russ. Rev.“ XIX, 1881, стр. 111).

Между восточными грузинами (въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ

*) Я не проверялъ вездѣ подробно карту К-а съ С въ рукахъ, но случайно я наткнулся на нѣкоторыя неточности. Такъ, Думанское общество Триалетскаго участка, Ворчалинскаго уѣзда, раздѣлено на три голубыхъ (армянскихъ) полосы и три желтыхъ (татарскихъ), а равно на одну зеленую (грузинскую), почти-что незамѣтную. Но по статистикѣ тамъ не значится ни одинъ татаринъ, а только—963 армянина и 1.191 грузинъ; такимъ образомъ, оказывается, что послѣднихъ нѣсколько даже больше, чѣмъ первыхъ, и притомъ, они не ограничены однимъ какимъ-нибудь населеннымъ пунктомъ, подобно армянамъ въ смежномъ Квемскомъ обществѣ.

**) Ошибки эти К-а произошли отъ того, что въ С, въ заголовкѣ рубрики, по недосмотру, трижды напечатано „грузины“ вмѣсто „татары“.

подъ названіемъ „грузины“ повимать именно таковыхъ) К-о не протянулъ извѣстныхъ раздѣлительныхъ линій; а, между тѣмъ, по аналогіи съ протянутыми между западными грузинами, было полное основаніе это сдѣлать. Неужели имеретинки и гурійцы сильнѣе различаются другъ отъ друга, чѣмъ кахетинцы отъ карталинцевъ? А если мы отдѣляемъ магометанскихъ гурійцевъ отъ христіанскихъ, то отчего не сдѣлать того же самаго по отношенію къ карталинцамъ? По статистикѣ, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи насчитывается 23.185 грузинъ (изъ 58.791 д. во всемъ уѣздѣ; Зейдлицъ, „Mitt.“, стр. 344: 3.239 изъ 48.377 д.); всѣ ли они христіане? Хотя по отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ распределено все населеніе вообще, а не отдѣльныя національности, какъ бы слѣдовало, то все-таки ясно видно, насколько въ этомъ уѣздѣ среди грузинъ имѣетъ перевѣсъ исламъ. Изъ 42.675 жителей этого уѣзда (за исключеніемъ города) мусульманскую религію исповѣдуютъ 31.754, въ числѣ вторыхъ: 17.380 соотвѣтствуютъ живущимъ тамъ татарамъ и курдамъ, а остальныхъ приходится искать среди 20.455 грузинъ. Только къ югозападу отъ Буры, въ Уравельскомъ участкѣ, большинство изъ 3.075 грузинъ исповѣдываетъ христіанство (6.838 татаръ и курдовъ; 7.252 магометанъ-суннитовъ *); Гогешавили, на стр. 248, говоритъ: „Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ живутъ грузины, но не всѣ исповѣдываютъ христіанство. Большая часть грузинъ приняла магометанство, и хотя они теперь и принадлежатъ къ нашему государству, но все-таки твердо придерживаются магометанской вѣры. Всѣ говорятъ чистымъ грузинскимъ языкомъ. Небольшая часть грузинъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ до сихъ поръ сохранила христіанство. Магометанскіе и христіанскіе грузины живутъ по деревнямъ болѣе особнякомъ и не смѣшиваются другъ съ другомъ, но общеніе между ними и сосѣдскія от-

*) Стало-быть, грузинъ-магометанъ только 414 д.

ношенія все-таки не прерываются“. Съ этимъ можно сравнить и вышеприведенное замѣчаніе Закурскаго. О жителяхъ города Ахалциха (гдѣ нѣкогда католическіе миссіонеры имѣли обыкновеніе изучать грузинскій языкъ) говорятъ Гогебашидзе, на стр. 249, что они состоятъ изъ армянъ, грузинъ и евреевъ и что изъ грузинъ многіе католики, но отчасти также и православные. И съ этимъ согласуется статистика, которая отмѣтила тамъ только 57 магометанъ. Однако, слѣдующее обстоятельство возбуждаетъ недоумѣніе. По Зейдлицу, „Mitt.“, стр. 344, изъ 13.265 жителей Ахалциха грузинъ было только 422, стало-быть, не полныхъ $\frac{1}{31}$, (въ 1859 г., по Семёнову, „Геогр.-стат. Слов. Росс. Имп.“, даже изъ 14.280 грузинъ только 255, с.-б., $\frac{1}{56}$), а по нашей статистикѣ изъ 16.116 жителей грузинъ не больше ни меньше, какъ 2.730, с.-б., больше $\frac{1}{6}$ части. Такой ростъ грузинскаго населенія (число армянъ за это время уменьшилось отъ 10.702 (у Сем.—12.513) до 10.417, а евреевъ увеличилось отъ 1.972 (у Сем.—1.364) только до 2.545) мало вѣроятенъ; дѣло, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что грузинъ-магометанъ, которыхъ теперь смѣшиваютъ съ грузинами-христіанами, прежде точно также смѣшивали съ татарами-магометанами. Н. К. Зейдлицъ говоритъ въ „Russ. Rev.“ XIX, 102, Прим.: „Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды, составляющіе древніе уѣзды Грузин, съ этнографической точки зрѣнія, мы рѣшаемся разсматривать только съ трудомъ, такъ какъ здѣсь грузины-магометане низшими чиновниками показаны, большею частію, преднамѣренно *) татарами (каковыхъ здѣсь, въ видѣ османовъ или турокъ, найдѣть очень мало)“. Такимъ образомъ, вмѣсто требуемаго

*) Скорѣе по обыкновенію въ такихъ случаяхъ смѣшенію понятій: въ обществѣ обыкновенно всѣхъ магометанъ считаютъ за татаръ, отождествляя религію съ народностію. Но причинъ такой замѣны одного понятія другимъ, турецкая народность не только въ Турціи, но и у насъ въ Россіи слѣдила большія завоеванія.

дѣленія на три части, каждый разъ получалось дѣленіе на двѣ. Но собственно слѣдовало бы сдѣлать еще одно подраздѣленіе, а именно то, которое мы рекомендовали для юга Кутаисской губерніи— для части грузинъ-магометанъ, принявшей турецкій языкъ. По Готебашвили, это едва-ли могло имѣть мѣсто; но Зейдлицъ (стр. 127 и 131) заслуживаетъ больше вѣроятія. Онъ говоритъ во второмъ изъ цитованныхъ мѣстъ слѣдующее: „Ахалцихскіе, издревле тамъ поселившіеся, евреи оказались въ этомъ отношеніи большими консерваторами, чѣмъ принявшее магометанство грузинское коренное населеніе Ахалцихскаго уѣзда, которое все болѣе и болѣе забываетъ свой родной языкъ, замѣняя его турецкимъ“. Впрочемъ, въ вышеупомянутой статьѣ о „месхахъ“, т. е. грузинахъ Ахалцихскаго уѣзда Хахановъ говоритъ, на стр. 5, о тѣхъ изъ нихъ, которые исповѣдываютъ магометанство (остальные католики или православные), что они большею частью хорошо говорятъ по-грузински, и что онъ какъ разъ въ двухъ магометанскихъ селеніяхъ, Ацхури и Куде, записалъ самыя лучшія народныя пѣсни. Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, въ древней Джавахин (Джавахеги), число грузинъ доходитъ только до 3.735 (Зейдлицъ, „Mitt.“, стр. 344: 2.809). И по отношенію къ нимъ говоритъ Готебашвили, на стр. 251, что не всѣ они христіане. Но, согласно статистикѣ, только немногіе принадлежатъ къ магометанской религіи. Вахунтъ, на стр. 102, говоритъ о джавахахъ (джавахетцахъ): „Крестьяне пока всѣ христіанской вѣры, но у нихъ нѣтъ своего настая-епископа, хотя и есть грузинскіе священники. Ихъ языкъ грузинскій, но знать понимаетъ также по-турецки, въ чему ихъ принуждаютъ турки“.

Отъ каховъ (кахетинцевъ) или скорѣе отъ ваховъ (кахетинцевъ) и картловъ (карталиковъ), соединяемыхъ вмѣстѣ подъ названіемъ грузинъ въ тѣс. см., которыхъ насчитыва-

ется въ Тифлисской губерніи 363.717, а во всемъ Закавказьѣ—381.208, отвѣтвляются слѣдующія племена:

а) ингилойцы, которые занимаютъ два лингвистическихъ острова въ Закавказскомъ округѣ (въ Алибадскомъ участкѣ—7.864, въ Кахскомъ—498, въ Джаромухахскомъ—365, но въ послѣднемъ они не живутъ, какъ показано на картѣ. въ Гогамскомъ и Чардахлинскомъ обществахъ, которыя населены исключительно аварцами и татарами, но въ Итительскомъ обществѣ, которое по статистикѣ принадлежитъ ингилойцамъ, но по картѣ—наполовину татарамъ). Они еще при персидскомъ правительствѣ обращены въ магометанство и въ настоящее время почти всѣ считаются магометанами; по статистикѣ магометане живутъ въ двухъ послѣднихъ участкахъ безъ всякой примѣси, а въ первомъ участкѣ число христіанъ немногимъ больше ста. Это противорѣчитъ показанію Джанашивили („Сборникъ“ XVII (1893), II, 145, прим. 2), согласно которому въ 1850 г. половина возвратилась къ христіанству*). По Гогешавили, стр. 234 и слѣд., всѣ инги-

*) Грузины-ингилойцы сами себя называютъ картвелами, грузинами; такъ же ихъ называютъ и соседя, лезгини и татары, съ придаткомъ эпитета „ингилавъ“, ренегаты; они живутъ въ двухъ участкахъ Закавказскаго округа: Кахскомъ и Алибадскомъ. Жители перваго участка подчинились елисейскому султанамъ, предкомъ которыхъ, эриставъ (воевода) Вахаишвили (Гурамъ) (?), въ угоду Шахъ-Аббасу 1-му, измѣнилъ православной вѣрѣ (въ 1616 году) и принялъ магометанство; населеніе втораго участка, смежнаго съ Кизикіей, до 1716 года находилось подъ управленіемъ эристава грузинскаго царя и только въ этомъ—1716 году перешло подъ власть джаро-белокавказскихъ лезгинъ. Съ этого времени грузины-ингилойцы официально считались магометанами, хотя тайно и негласно оставались такими же ярыми христіанами, какими были ихъ предки, во время могущества Грузіи и святительства курмухскихъ (кахскихъ) епископовъ. При поддержкѣ бодбійскихъ митрополитовъ грузины-ингилойцы продолжали исполнять всѣ обряды христіанской вѣры, соблюдали посты и почитали свои святини, хотя за это не разъ подвергались гоненію со стороны своихъ властителей лезгинъ. Такъ, за вѣру Христа Хуцишвили былъ повѣшенъ, а Зилия Джанашивили замученъ джарскими лезгинами. По вступленіи Грузіи въ подданство Россіи и блистательныхъ побѣдахъ кн. Цицианова надъ джарскими лезгинами, взоры грузинъ-ингилойцевъ обращены были къ Тифлису, откуда они ожидали спасенія отъ немилосерднаго ига лезгинъ. Депутациіи ихъ неоднократно

лойцы говорятъ хорошо на двухъ языкахъ—грузинскомъ и татарскомъ (татары и аварцы—ихъ сосѣди). По отношенію къ грузинскому языку обнаруживаютъ ингилойцы; въ особенности живущіе въ гористыхъ мѣстностяхъ, хотя и незначительныя, но все-таки болѣе замѣтныя особенности, чѣмъ дру-

жились къ главнокомандующимъ съ изъявленіемъ своей покорности русскому оружію и готовности принять священниковъ. Но желаніе ихъ не могло быть исполнено до 1849 года. Георгій Джанашиви, отецъ инициатора эти строки, Иванъ Булугашви и еще 5 другихъ ингилойцевъ чрезъ Телавъ отправились въ Тифлисъ и 17 сентября 1849 г., представъ предъ кн. Воронцовымъ, объявили ему, что весь грузинскій народъ Закавказскаго округа готовъ присоединиться къ православной церкви. Воронцовымъ сдѣлано было распоряженіе выкрестить представителей депутаціи, при чемъ Георгія Джанашиви крестилъ онъ самъ, а Ивана Булугашви его супруга. Затѣмъ они были отправлены на родину, откуда въ слѣдующемъ 1850 году возвратились обратно въ Тифлисъ съ 70 ингилойцами. По совершеніи надъ ними обряда крещенія, вмѣстѣ съ ними отправлены были въ Кахъ священники для крещенія и остальныхъ грузинъ-ингилойцевъ. Такимъ образомъ, всѣ ингилойцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ димовъ въ Кахъ, Сосисани, Верхіани и др., обратились въ христіанство, всѣхъ открылись и возобновились св. церкви.

Ликваніе народа было безвреднѣе, но оно продолжалось не долго. Крымская война, съ одной стороны, и усѣйки Шамши, съ другой—привели сильное броженіе въ левгинскомъ населеніи округа, которое давало чувствовать горсти христіанъ, что, въ случаѣ побѣды турецкаго султана, всѣ они будутъ ирлізани. Эти тревоги и всевозможныя козни фанатиковъ-муллъ совратили въ лагетанство всѣхъ, за исключеніемъ населенія Кахи, Мешабани, Алибегло, Котуло и ¹/₂, Корагана. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ доно православной церкви вернулось опять 85 душъ тасманскихъ грузинъ-ингилойцевъ.

Все это я пишу какъ очевидецъ того, что было и есть въ Закавказскомъ округѣ и что согласно съ разсказомъ моего же, много потрудившагося для христіанства, отца и съ несомненными документами, большая часть которыхъ почала въ изданіи Тифлисской Археографической комиссіи.

Численность грузинъ-ингилойцевъ Закавказск. округа опредѣляется такъ:

1. Агабадь	2.228 муж.	2.128 женщ.
2. Верхіани	1.398 "	1.289 "
3. Загани	408 "	382 "
4. Тасмало	283 "	270 "
5. Лалавана	100 "	85 "
6. Марсани	181 "	135 "
7. Енгіани	211 "	203 "
8. Мосули	680 "	575 "
9. Велакани около 12 душъ.		
10. Алибегло	483 "	424 "

гое какое-нибудь грузинское племя*) (ср. Джанапшвили „Парсадан Горгиджанидзе да мисни шромани“, Тиф. 1896, стр. 88—125). Если, какъ говоритъ Губебапшвили, между ингилойскими селеніями не происходитъ никакихъ браковъ**), то здѣсь могли бы представиться благопріятныя условія для образованія діалектическихъ особенностей. Отъ сосѣднихъ съ

11. Корагани	888	муж.	473	женщ.
12. Котукко	116	”	111	”
13. Каки (Кахи) . .	1.177	”	1.116	”
14. Менабани . . .	66	”	63	”
15. Соскани	82	”	58	”
Итого	15.105	душъ	об.	всѣхъ.

Цифры эти взяты мною изъ „Свода статист. данныхъ о населеніи Закавказскаго края, изданныхъ изъ посольскихъ отчетовъ 1886 года“ (издан. 1893 г.), съ тою только разницею, что:

А) Гдѣ „Сводъ“ картвельцевъ округа дѣлитъ на „грузинъ“ (т. е. православныхъ) и „ингилойцевъ“ (т. е. магометанъ), такъ мы ихъ соединяемъ въ одну единицу и называемъ „грузинами-ингилойцами“, каковыми они въ дѣйствительности и есть, ибо въ Кахскомъ и Алішбадскомъ уездахъ гдѣ ни одного картвельца, котораго съ начала этого вѣка принято называть просто „грузиномъ“. Истинно замѣчу, что, благодаря такому дѣленію Свода, сыновья одного отца—одни (христиане) названы „грузинами“, а другіе (магометане) „ингилойцами“.

Б) Въ сел. Верхняя по „Своду“ всѣ татары, но на самомъ дѣлѣ тамъ нѣтъ ни одного татарина, а всѣ омуслиманившиеся грузины-ингилойцы, которые изъ фанатизма не говорятъ уже по-грузински, хотя они знаютъ этотъ языкъ, и себя называютъ то армянами, то „татарами“, понимая это слово въ значеніи „магометанина“.

В) Въ сел. Соскани, гдѣ 38 дымъ населенія, „Сводъ“ находитъ только 34 души „ингилойцевъ“, тогда какъ въ этомъ селеніи однихъ только мужъ однофамильцевъ считается около 20—22 душъ. Сосканицы всѣ грузины-ингилойцы, за исключеніемъ, переселившихся сюда изъ Бука, 3—4 дымовъ лезгинъ.

Въ виду всего этого, да еще и потому, что въ продолженіе 22 1/2 лѣтъ (считая съ 1886 года) должнъ былъ совершиться естественный приростъ населенія округа, численность грузинъ-ингилойцевъ въ настоящее время должна быть не менѣе 13—14 тысячъ. М. Дж.

*) Въ „Парсаданъ Г-дзе“ я привожу только древне-груз. слова, сохранившіяся у грузинъ-ингилойцевъ. Наоборотъ, изъ всѣхъ говоровъ картвельскихъ самый близкій къ грузинскому грузино-ингилойскій. М. Дж.

**) Это не вѣрно: браки между ингилойскими селеніями происходили и происходятъ такъ же свободно и безпрепятственно, какъ и въ прочихъ частяхъ Грузіи. М. Дж.

ними православныхъ грузинъ (см. выше стр. 18) они отдѣляются какъ статистически, такъ и картографически;

б) подъ названіемъ „грузины-горцы“ соединяются обыкновенно живущіе къ сѣверу отъ Кахетіи въ Тіонетскомъ (Тіамети) уѣздѣ пшавы, хевсуры и тушины.

Пшавы занимаютъ на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ верхнія долины Пшавской Арагвы, Іоры и Алазани, съ выдвинутыми впередъ постами (находящагося въ Тіонетскомъ обществѣ—Халпо, съ 76 д., на картѣ нѣтъ налицо), вдоль по Іорѣ, даже до Тифлискаго уѣзда (Уджармійское общество, съ 618 д., исключительно пшавское, но на картѣ оно грузинское). Основанныя на переписи 1873 г. статистическія данныя Г. И. Радде въ „Die Chewsuren und ihr Land“, Kassel, 1878, стр. 45 и слѣд. и приложенная въ нихъ 5-верстная карта отступаютъ отъ новѣйшихъ данныхъ въ слѣдующемъ. Согласно послѣднимъ, Земо-Тіонетское общество Эрцойскаго участка совершенно грузинское, между тѣмъ какъ въ первыхъ Веривели и Цивлиант-кари отнесены въ пшавамъ, а въ Диджетауъ, кромя 9 грузинскихъ, показано 11 пшавскихъ дымовъ; точно также въ Зенамхари, кромя 13 грузинскихъ—5 пшавскихъ (и 8 истинскихъ) дымовъ. Въ Накалакарскомъ обществѣ того же участка, по новѣйшей статистикѣ, Вагранети чисто пшавское, а Орхеви—чисто грузинское селеніе; по прежней статистикѣ было въ первомъ селеніи изъ 53, а во второмъ—25 дымовъ 20 и 6 пшавскихъ, „жители которыхъ признаны уже грузинами и внесены таковыми въ официальные списки“. Тамъ же селеніе Трани считается теперь чисто-грузинскимъ, а прежде оно было грузино-пшавскимъ; селеніе Иквливи въ настоящее время грузинское, а прежде оно было чисто-пшавскимъ. Въ Сакараульскомъ обществѣ селеніе Сиджи теперь чисто-грузинское, въ прежнее время было на одну четверть пшавскимъ. Пшавское население простирается (что не обозначено на картѣ) также

вдоль Пшавской Арагвы, вглубь Базалетскаго участка Душетскаго (Душети) уѣзда; оно распространено въ Цранавскомъ обществѣ (577 д.), гдѣ 550 грузинъ занимаютъ почти исключительно селеніе Хорхи, въ боковой долині. Также и въ прилегающемъ къ нему Аранисскомъ обществѣ еще пока насчитывается 241 пшавъ. Дальше къ югу, въ Мцхетскомъ (Мцхета) участкѣ Душетскаго уѣзда, Наджиметское общество представлено на картѣ К-а какъ чисто хевсурскій внутренній кругъ; но въ немъ находятся, при 187 хевсурахъ, 393 пшавы. Также и въ лежащемъ еще южнѣе Цваричамійскомъ обществѣ живутъ среди грузинъ 50 пшавовъ (и 142 хевсура). На картѣ К-а весьма широкая полоса Тую-Кахскаго участка Тіонетскаго уѣзда предоставлена, въ истокахъ Алазани, пшавамъ; но они тамъ являются только въ числѣ 276 д. и поселились, должно-быть, въ недавнее время. Еще слѣдуетъ замѣтить, что (прежнее) общество Кацалхевское (въ Пшаво-Хевсурскомъ участкѣ Тіонетскаго уѣзда), по „Географ.-Стат. Словарю“ Семенова, собственно не пшавскаго происхожденія, но хевсурскаго и грузинскаго; послѣдніе въ настоящее время до того перемѣшались съ пшавами, что мало чѣмъ отъ нихъ отличаются. Вообще же насчитывается 9.155 пшавовъ. Отгнѣны пшавскаго говора можно изучить по собраннымъ Д. Хизанашвили и изданнымъ редакціей „Иверіи“ „Пшавскимъ пѣснямъ“ („Пшаури лѣсеби, Тифлисъ, 1887). Онъ же издалъ въ „Иверіи“, за 1889 г., о пшавлахъ этнографическое разсужденіе, изъ котораго сообщено извлеченіе въ „Запискахъ Кавк. Отд. Имп. Русск. общ.“, XVIII, 1896, стр. 129—138.

На сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, въ верховьяхъ рѣкъ Ассы, Аргуни и Пшавской Арагвы, къ сѣверу отъ пшавовъ, находится родина хевсуровъ, которые тѣсно связаны съ первыми и обыкновенно съ ними соединяются подъ назв. пшаво-хевсуръ. Ихъ число составляетъ здѣсь въ Пша-

во-Хевсурскомъ участвѣ Тіонетскаго уѣзда 4.986 д.; отсюда, какъ отъ исходной точки, небольшая ихъ кучка—353 д. проникла въ Квишетскій участокъ Душетскаго уѣзда, въ общества Сно и Дидебаант-кари, о чемъ вовсе не показано на картѣ. Къ сѣверу отъ Тифлиса существуютъ два выдвинутыхъ поста, одинъ, какъ выше упомянуто, въ Надживетскомъ обществѣ Душетскаго уѣзда (187 д.) и второй—въ Талатсопельскомъ обществѣ Эрцойскаго участка, Тіонетскаго уѣзда (864 д.), который на небольшое разстояніе распростирается и къ югу. Относительно послѣдняго общества говорится въ книгѣ Радде, на стр. 48: „начало ему положили, еще около 60 лѣтъ тому назадъ, переселенцы, которые, двигаясь внизъ по рѣчной долинѣ, расположились въ широкой Эрцойской котловинѣ, применивши частью къ грузинамъ и пшавамъ, частью же образовавши небольшіе самостоятельные поселки“. По нашей статистикѣ, это общество, за исключеніемъ чисто-грузинскихъ селеній Надокра (237 д., у Радде 22 хевсурскихъ и 11 грузинскихъ дымовъ) и Валебис-хеви (80 д.), чисто-хевсурское. Общее число хевсуръ составляетъ 6.560 д. Относительно диалектическихъ особенностей хевсуръ см. Эркерта, стр. 330 и слѣд. Если же у Радде, на стр. 75, говорится: „хевсуры говорятъ древнимъ грузинскимъ языкомъ, сохранившимся неприкосновенно въ горныхъ труппахъ, который съ трудомъ понятенъ грузинскимъ жителямъ“ *), то послѣднее, конечно, нѣсколько преувеличено. Между прочимъ, здѣсь упоминается о томъ, что жители прилегающихъ къ кистинской области селеній Шатили и Ардоти говорятъ также по-кистински.

*) Грузинскій писатель А. Мочхубаридзе (Казбекъ) представилъ намъ прекрасный очеркъ быта хевсуръ съ ихъ легендами и нѣснями, и тѣмъ доказалъ, что хевсурскій говоръ совершенно понятенъ всякому грузину. Онъ же исправляетъ ошибки, вкравшіяся въ трудъ Радде: „Хевсуры и Хевсурия“ (см. А. Казбекъ „Дальній уголокъ“ въ журналѣ „Иверія“ за 1881 г. № IV). Образцы Хевсурскаго народнаго эпоса, записанные братьями Разикашвидами и др., читаются весьма легко и удобопонятны.

М. Дж.

Тушины живутъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, въ верховьяхъ Андійскаго Койсу, къ сѣверовостоку отъ Циаговъ, въ Тушино-Кахскомъ участкѣ (5.607 д.). Слѣдуетъ замѣтить, что названіе „тушинъ“ примѣняется не только къ населенію, говорящему по-грузински, но также и къ тѣмъ истиннамъ (это чеченское племя, въ верховьяхъ Аргуни; см. А. Берже, „Ченна и чеченцы“, Тифльскъ, 1859, стр. 81 и слѣд., съ картой), которые „переселились сперва къ хемсугамъ на восточныхъ истокахъ Арагвы, но ими были отиснуты къ истокамъ Тушинской Алазани, въ страну тушинъ. Эти цовцы оставили внослѣдствіи мѣста, которыя имъ тогда понравились (Индуртская община), и подвинулись дальше всего къ югу, гдѣ они лѣтомъ пасутъ свои стада на жирныхъ пастбищахъ, на высотахъ Тбатани; а зимою—на Алванской или Алонской равнинѣ; спустившись на населенную равнину и имѣя общеніе съ цивилизованными элементами, они сдѣлались самыми развитыми и во всѣхъ тушинъ и, такъ сказать, самыми образованными“ (Радде, стр. 65 и сл.). И еще пространнѣе говоритъ Радде о тбатанскихъ или батанскихъ тушинахъ, на стр. 330 и слѣд.: „По преданію, они происходятъ собственно изъ самыхъ возвышенныхъ, теперь уже лежащихъ въ развалинахъ, селеній Индурта и Сатирта... Почти 150 лѣтъ тому назадъ, какъ говорятъ, оттуда двинулись первые переселенцы, а именно на равнину Кахетинской Алазани, въ Алванскую ея часть (западный уголъ). Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ почти всѣ жители этихъ двухъ селеній, существовавшихъ подъ общимъ названіемъ Цовской общины, оставили эту горную долину... Но они еще не совсѣмъ отказались отъ своей прежней родины, и до сихъ поръ живутъ въ Индуртѣ двѣ-три семьи и даже остаются тамъ на зиму. Такъ какъ съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ ихъ стадъ, обыкновенныя передвиженія съ Алвана въ отдаленную Индурту, на альпійскія кочевки, для пересе-

венцевъ было очень затруднительно, то они при Императорѣ Александрѣ I выхлопотали себѣ мѣста для поселенія вокругъ Батани... Нельзя отрицать, что это для нихъ въ экономическомъ отношеніи очень выгодно и что туда стремится всякій, кто можетъ, чѣмъ объясняется и зависть другихъ тушинъ, а именно кистинъ, которымъ не досталось на долю такое преимущество. Это тѣ же самые цовцы, которые, 150 лѣтъ лѣтъ тому назадъ, прогнали татаръ изъ Алвана и изъ западнаго угла Алазанской долины... Предполагаютъ, что они происходятъ отъ кистинъ... Въ настоящее время они не могутъ выносить воровскихъ кистинъ и были очень встревожены извѣстіемъ, что и кистинамъ хотятъ предоставить Батани для лѣтнихъ коневовъ". Тѣхъ же самыхъ тушинъ, Вахуштъ, на стр. 328, называетъ кахетинскими, говорил о нихъ, что они ради своихъ стадъ зимою спускаются къ Гарма-Мхари, въ западной части Кахетіи (на сѣверѣ которой находится Алазанская или Адванская равнина); приведенный имъ на стр. 482 тушинскія селенія находятся какъ разъ напротивъ—въ средней Кахетіи. Что же касается тушинъ собственной Тушетіи, то онъ о нихъ говоритъ не очень-то ясно. Впрочемъ, онъ заявляетъ (относится это собственно, судя по смыслу, къ сѣверной части Тушетіи—до Фарсманской (Парсман) долины), что ихъ вѣра и языкъ грузинскіе. Однако дальше сказано, что живущіе по сосѣдству (не цовцы ли это?) съ кистинами и глгвйцами (на Ассѣ) лучше понимаютъ грузинскій языкъ *), а у фарсманскихъ перемѣнчанъ вѣра и языкъ, какъ и у кистинъ. Броссе, „Voyage archéologique“, Premier rapport, стр. 80 и слѣд., называетъ кистинскихъ тушинъ на Алазани точно также чистыми тушинами; и одинъ изъ нихъ доставилъ Шифнеру матеріалъ для его изслѣдованія „Versuch über die Thusch-Sprache“ („Опытъ изслѣдо-

*) У Вахушта бундально: „тѣ, которые живутъ въ странахъ кистинъ и глгвовъ (глгвй) большей частью употребляютъ ихъ языки“. М. Дж.

ванія тушинскаго языка“) стр. 7; Шифнера „Tchetschen-tzische Studien“— Чеченскіе этюды, стр. II, согласно которому ихъ мѣстожителство находится „въ верховьяхъ Алазани и у истоковъ Андійскаго Койсу“; Загурскій, „Этнол. класс.“, стр. 5. На вопросъ объ ассимиляціи этихъ кистинскихъ тушинъ грузинскимъ останавливается съ особенности А. Хахановъ въ своей статьѣ „Тушины“ („Этнографическое обозрѣніе“, вып. II, Москва 1889 г., стр. 40—62). Онъ ихъ изображаетъ смѣсью грузинъ и огрузинившихся кистинъ, которые хотя и имѣютъ собственный языкъ, но не только знаютъ всѣ по-грузински, но и на грузинскомъ языкѣ поютъ пѣсни ишаво-хевсуръ и собственныхъ тушинъ, такъ какъ они на своемъ языкѣ не успѣли развить народной поэзіи и вообще приняли обычаи и религіозныя представленія другихъ (стр. 41; ср. стр. 43). Поэтому, у Раде эти тушины не только въ статистическихъ цифрахъ, но и на картѣ не отдѣлены отъ другихъ, а за кистинъ выдаются только тѣ, которые недавно поселились между Тбатани и Алвани въ Джобольскомъ и Омальскомъ обществахъ. Онъ говоритъ, на стр. 332: „Въ 1854 г... взятъ былъ кистинскій аулъ Джоболосопели... при помощи тушинъ, и рѣшено было поселить его жителей въ Панкисскомъ ущельѣ, т. е. въ той части Алазанской долины, которая примыкаетъ съ сѣвера къ кахетинской равнинѣ. Джоболо былъ предводителемъ той кистинской шайбы, которая постоянно вторгалась съ цѣлью грабежа въ тушинскія и хевсурскія селенія“. Эти двѣ кистинскія общины (Джоболо и Омало-Кистинское) отмѣчены какъ таковыя въ новѣйшей статистикѣ и на картѣ К-а, но о кистинскихъ тушинахъ нѣтъ на ней и слѣда. А такъ какъ, по словамъ Хаханова, въ Цовскомъ обществѣ еще продолжаетъ существовать кистинское парѣчіе, то нельзя допустить, что 746 жителей Индурты и 787—Сагирты *) принадлежать къ гру-

*) Отъ селенія Царо, принадлежащаго къ Сагиртскому обществу, Раде

зинскимъ тушинамъ; въ статистическихъ данныхъ Г. И. Радде приведены для этихъ двухъ обществъ приблизительно тѣ же самыя цифры, а именно 809 и 717, такъ что упомянутое выше почти-что полное ихъ переселеніе въ Алазанскую долину (также на стр. 314 изображаетъ Г. И. Радде оба поименованныхъ общества „остатками прежнихъ многочисленныхъ поселеній“ *), повидимому, могло произойти и въ обратномъ направленіи. Этимъ можно было бы объяснить и то, что въ послѣднее время въ Алазанской долинѣ тушины вообще уже болѣе не приводятся, хотя съ этимъ находится въ противорѣчій то, что Хахановъ, на стр. 42, селеніями „цовцевъ“ на Алванской равнинѣ—ихъ зимними квартирами показываетъ слѣдующія: Алвани, Гургадчала, Пхавалкура и Цоцура (не нахожу этихъ названій въ С, а Гургенчалу и Пханкалтуре только на картѣ отъ 1869 г.). Также и Гогобашвили, говоря на стр. 236: „верхніе тушины говорятъ по-грузински, а нижніе—по-тушински, но, воѣ понимаютъ также по-грузински“, подъ этими „нижними“, какъ кажется, могъ имѣть въ виду только живущихъ по Алазани. Общее число тушинъ простирается до 5.624.

Сѣверную часть Карталиніи составляютъ мѣстности: Мтиулетія (Вахуштъ, стр. 224), лежащая къ югу отъ Кавказскаго хребта, но къ западу отъ Пшавія, и Хеви—къ сѣверу отъ хребта, а къ западу отъ Хевсуріи (ср. Радде, стр. 49: „мтиульцы въ Эрцойской котловинѣ точно также состоятъ изъ переселенцевъ, жилища которыхъ были въ альпійскихъ долинахъ, къ юго-востоку отъ Казбека“). Я не знаю, почему жителей этихъ мѣстностей, которые по Вахушту, стр.

видѣлъ только развалины: „это многолюдное прежде тушинское селеніе такъ часто въ прежнее время подвергалось нападеніямъ и грабежамъ кистинъ, что большая часть его жителей ушла оттуда и поселилась въ верховьяхъ Кахетинской Алазани, въ Панкисскомъ ущельѣ (стало-быть, посреди враждебныхъ имъ кистинъ?). Въ настоящее время тамъ остался только два дыма (стр. 313). По статистикѣ Радде ихъ было 26 дымовъ, а по новѣйшей—21.

228 и слѣд., похожи другъ на друга („жители Хеви сходствуютъ съ грузинами по религiи, не имѣя, впрочемъ, о ней никакого понятiя“) и, по его же мнѣнiю, стр. 298,—на пшавовъ и хевсуръ, не причислены въ отношенiи языка прямо къ „грузинамъ-горцамъ“ (мѣиули соотвѣтствуетъ по-грузински какъ разъ значенiю слова „горецъ“). Въ „Извѣстiяхъ“ V, 1877/78, стр. 51, говорится о мохевцахъ, мтiульцахъ, пшаввахъ, хевсурахъ, рядомъ съ карталинцами и кахетинцами, изъ вниманiя къ этнологическимъ ихъ различiямъ. Мохевцы (по-груз. мохевеоби), повидимому, имѣютъ, какъ это я и привелъ, согласно Чавчавадзе, въ моемъ сочиненiи „Über das Georgische“, стр. 13 и слѣд., нѣкоторыя диалектическiя особенности; къ сожалѣнiю, вышедшее въ 1886 г. въ Тифлисѣ собранiе ихъ народныхъ пѣсень еще мною не получено *).

Въ статистическихъ свѣдѣнiяхъ вообще приводятся еще в) мтiульцы (мтiулетини), какъ отдѣльное племя, но они живутъ отъ вышепоименованныхъ далеко (не переселенцы ли они оттуда?), а именно въ южной гористой части Горiйскаго уѣзда, въ Хидиставскомъ (—ѣави) участкѣ, двумя группами—меньшей западной и большей восточной (2.296 д.); къ нимъ присоединяются еще 28 д. въ Цинаидальскомъ (Цин.) участкѣ Телавскаго уѣзда. О мтiульцахъ не упоминается ни въ прежнихъ работахъ по статистикѣ ни въ сочиненiи ген. Эркерта.

Д-ръ Гуго Шухардтъ,

Проф. Градскаго ун., членъ Вѣн. Акад. Наукъ.

*) Мтiульцы, гудамакари и мохевцы, представители которыхъ были извѣстный грузинскiй писатель Ал. Казбекъ, говорятъ на чисто грузинскомъ языкѣ, съ тою только разницею, что они въ разговорѣ любятъ дѣлать сильныя ударенiя и часто сокращаютъ слова (кайсъ вм. кай арисъ и т. под.). *М. Дж.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Помѣщаемая здѣсь статья вышла въ свѣтъ въ 1897 г. въ „Petermanns Mitteilungen“ подъ заглавіемъ „Zur Geographie und Statistik der kharthwelischen (südkaukasischen) Sprachen“. По желанію многоуважаемаго автора, она является въ Сборникѣ въ русскомъ переводѣ, съ цѣлью выясненія на мѣстѣ нѣкоторыхъ вопросовъ о разграниченіи картвельскихъ племенъ въ Зап. Закавказьѣ. Статья эта составлена на основаніи весьма цѣнныхъ работъ по статистикѣ Н. К. Зейдлица, по кавказской картографіи Е. И. Кондратенка и другихъ кавказовѣдovъ. Несмотря на возможную точность этихъ трудовъ, въ нихъ оказались нѣкоторыя противорѣчія и недомолвки; авторъ старается прослѣдить ихъ шагъ за шагомъ, нисколько не нарушая при этомъ ученыхъ заслугъ нашихъ изслѣдователей Кавказа и руководствуясь единственно желаніемъ выяснить истину. Однако, не имѣя возможности провѣрить на мѣстѣ нѣкоторые вопросы, авторъ оставилъ ихъ неразрѣшенными. Помочь ихъ выясненію и оказать этимъ наукѣ великую услугу могутъ только мѣстные дѣятели, въ лицѣ народныхъ учителей и всѣхъ интересующихся этнографіей Кавказа. Для могущихъ быть исправленій и пополненій какъ въ самой статьѣ, такъ и въ приложенной въ ней этнографической картѣ Редакція открываетъ въ концѣ каждаго изъ слѣдующихъ выпусковъ особый отдѣлъ. Кое-что можно было сдѣлать уже во время печатанія настоящаго выпуска; замѣтки эти помѣщены въ примѣчаніяхъ къ тексту.

Л. Л.

20 августа 1899 г.
Тифлисъ.

О знаменитомъ персидскомъ поэтѣ Низами Ганжійскомъ и о его поэмѣ: „Походъ русовъ противъ Вердаа“.

Между свѣтилами, сіяющими на небосклонѣ иранскаго Парнасса, Низами занимаетъ безспорно выдающееся мѣсто, наравнѣ съ Фирдауси, Саади и Джами. Низами родился въ первой половинѣ XII столѣтія и умеръ въ 1203 году; стало-быть, онъ жилъ въ ту счастливую эпоху, когда науки и поэзія процвѣтали съ особеннымъ блескомъ какъ въ Иранѣ, такъ и въ сосѣдней Грузіи, въ эпоху славной царицы Тамары и ея цѣвца Руставели, эпоху столь внезапно и грозно прерванную монгольскимъ погромомъ. Родина Низами есть Ганжа, нынѣшній Елисаветполь; тутъ же онъ провелъ почти всю свою жизнь. Тѣло его похоронено въ такъ называемой Зеленой мечети, въ восьми верстахъ отъ Елисаветполя, и по сіе время часто посѣщаемой набожными мусульманскими паломниками, чтущими, впрочемъ, больше память святаго шейха, чѣмъ славнаго поэта, произведенія котораго стали совершенно чуждыми для теперешняго населенія. О тогдашнемъ состояніи Ганжи арабскій географъ Казвини, жившій немного позже Низами, рисуетъ въ своей Космографіи слѣдующую картину:

„Ганжа—это древній городъ, лежащій въ области Арранъ, пограничный съ христіанскою Грузією, не далеко отъ рѣки Куры. Городъ—богатъ, и жители въ изобиліи пользуются всѣми дарами природы. Они ревностные сунниты, т. е. придерживаются преданія, и отличаются благочестіемъ и

строгимъ выполнениемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. Поэтому они не терпятъ въ городѣ иновѣрцевъ и сектантовъ, дабы вѣра ихъ не подвергалась смущенію. Военное дѣло и упражненіе оружіемъ вотъ главное ихъ занятіе, такъ какъ они живутъ на рубежѣ мусульманскаго міра и граничатъ съ невѣрными“.

То же самое находимъ у другихъ писателей, напр. у Даулет-шаха и у Якута, которые притомъ восхваляютъ любовь ганжійцевъ къ просвѣщенію и къ наукамъ, приводя имена многихъ поэтовъ, родомъ изъ Ганжи, напр., кроме Низами—его брата Кавами Мутариззи, тоже великаго мастера въ искусствѣ писать васиды, потомъ Абу-ола, президента академіи стихотворцевъ, состоявшей при дворѣ Ахситана, владѣтеля Ширвана (теперь Шемахинскій уѣздъ), и т. д. Итакъ, семьсотъ лѣтъ тому назадъ, жители Ганжи, т. е. настоящаго Елисаветполя, отличались не только воинственностью, религіознымъ фанатизмомъ и нетерпимостью, но и любовью къ просвѣщенію и къ поэзіи. Ганжа считалась важнымъ оплотомъ мусульманскаго міра противъ сосѣднихъ гяуровъ; славилась своимъ богатствомъ, своими медреса; наконецъ, гордилась тѣмъ, что была родиною многихъ славныхъ поэтовъ. Сравнивая тѣ времена съ настоящею эпохою, мы находимъ, что изъ всѣхъ этихъ качествъ сохранился за мусульманскимъ населеніемъ Елисаветполя развѣ только религіозный фанатизмъ, проявляющійся, напр., въ ежегодно совершаемыхъ безобразіяхъ при празднествахъ Могаремма; вмѣсто любви къ просвѣщенію, мы видимъ тупое невѣжество массъ и повальную безграмотность; вмѣсто прежнихъ медресъ, жалкіе мектеба при мечетяхъ, гдѣ бѣдные мальчики въ продолженіе 4—5 лѣтъ зубрятъ какъ попугай, не понимая ни слова по-арабски, послѣднія 15 суръ или главъ Корана, чѣмъ и ограничивается все ихъ ученіе. Относительно же любви къ поэзіи нашихъ елисаветпольцевъ, приведу

слѣдующій фактъ. У воротъ здѣшной мечети сидитъ всегда какой-то мулла, продающій, между прочимъ, разныя брошюры правовѣрнымъ. Вотъ однажды я подлюбопытствовалъ узнать отъ него, нѣтъ ли у него какого-либо изъ сочиненій знаменитаго его земляка Низами, напр. его „Махсанъ-эль-Асраръ“ т. е. „Сборникъ таинственностей“. На это онъ, махнувъ рукою, мнѣ отвѣтилъ: „Это все старыя книги; такихъ у насъ не водится“. Видно, наши елисаветпольцы ничего звать не хотятъ про безпощадный законъ борьбы за существованіе, обрекающій къ постыдному исчезновенію всякую личность, всякое племя, которое не напрягаетъ всей своей энергіи для того, чтобы не отстать отъ другихъ.

Но возвратимся къ нашему Низами. Какъ протекли первые года его молодости, намъ неизвѣстно. Онъ, какъ видно, рано усвоилъ себѣ весь объемъ тогдашней мусульманской науки, о чемъ свидѣлствуетъ его первое сочиненіе: „Сборникъ таинственностей“. Даулет-шахъ называетъ шейха Али-Фаррухъ Ригани наставникомъ Низами. Глубокое благочестіе является основной чертой его характера и его сочиненій. Но это благочестіе умѣрялось природною его кротостью и благодушіемъ, и проявлялось безъ обычной рѣзкости и нетерпимости. До сорокалѣтняго возраста Низами велъ аскетическій образъ жизни и приобрѣлъ такимъ образомъ у своихъ согражданъ репутацію шейха святой жизни; но мало-по-малу ему оностыли монотонная односторонность и бездушіе окружающей среды:

„Тѣ два-три пріятели, которыхъ ты имѣешь,
Грязны и сухи какъ подворотная колода“.

Такъ поетъ онъ въ своемъ „Махсанъ-эль-Асраръ“. Его угнетала праздность, на которую его обрекало аскетическое неподвижничество, убивающее всякія свободныя проявленія духа. Тогда—говоритъ онъ въ томъ же сочиненіи—въ одну ночь его озарило какъ бы откровеніе свыше. Онъ услышалъ

какъ бы внутренній голосъ—Гатифъ, призывающій его къ новой дѣятельности:

„Ты отнынѣ не долженъ болѣ сидѣть въ праздности:

Расторгни ты радостно врата сердечныя;

Подъ голубымъ сводомъ небосклона

Ты запой пѣснь торжественную, пѣснь сердечную.

Брось тропу безумцевъ, убивающихъ чувства;

Сердце знаетъ твою тропу: слушайся голоса сердца“.

Онъ послушался этого голоса, съ юношескою силою проявились въ немъ сдержанные дотолѣ порывы поэтической фантазій, и плодомъ этого явился его „Сборникъ таинственностей“, первое произведеніе его поэтической музы. Но духъ того времени требовалъ, чтобы поэтъ, желавшій добиться успѣха и популярности, непременно посвящалъ свое произведеніе какому-нибудь сильному міра сего, и, наоборотъ, эмиры и атабеги того времени за честь себѣ считали быть прославленными поэтами, и щедро дарили ихъ деньгами и помѣстьями. Въ то время когда Низами кончилъ свое первое произведеніе, атабегъ сосѣдняго Азербейджана, Ильдегизъ, основатель династїи атабеговъ азербейджанскихъ, предпринималъ походъ противъ Георгїа, царя грузинскаго, въ 1171 г. по Р. Х. Войска Ильдегиза наводнили область Арранъ, и сама Ганжа наполнилась военнымъ шумомъ. Тутъ представился удобный случай для Низами предстать предъ очи атабегъ Ильдегиза и посвятить ему свое произведеніе, во увѣ! напрасно ждалъ поэтъ отъ атабегъ обычныхъ щедротъ и, еще десять лѣтъ спустя, онъ пишетъ о себѣ:

„Такъ живу я тихо, спихомъ обратившись къ міру

И питаюсь горсточкой ячнаго хлѣба,

Подобно дракону, стерегущему сокровище.

Ночью я творю, а днемъ запираюсь

Какъ пчела, обитающая въ своемъ тѣсномъ ульѣ,

И все-таки производящая нѣчто сладкое!“

Въ это время, по свидѣтельству Касвини, поэтъ Фахри-Джорджани написалъ прелестный рассказъ о любовныхъ походахъ Висы и Рамина (замѣтимъ въ скобкахъ: этотъ рассказъ переведенъ тогда же на грузинскій языкъ и слыветъ въ Грузіи подъ названіемъ Висрамяни) и тогда Низами, въ подражаніе Джорджани, захотѣлъ подобнымъ же образомъ изложить извѣстную легенду о любви Хосроя и Ширинъ. Въ поэтическомъ послѣсловіи, приложенномъ, нѣсколько лѣтъ спустя, самимъ Низами къ поэмѣ, онъ рассказываетъ, какою удивительный успѣхъ имѣла его поэма: „Хосрой и Ширинъ“, какъ со всѣхъ сторонъ онъ получалъ поздравленія и подарки; только князь, которому была посвящена поэма, Мугаммадъ, сынъ умершаго Ильдегиза, ничѣмъ его не надѣлилъ. Между тѣмъ, дары, сыпавшіеся на Низами, вскорѣ изсякли, и Низами опять очутился въ матеріальной нуждѣ, какъ вдругъ онъ получаетъ приглашеніе отъ Кизилъ-Арслана, брата умершаго уже Мугаммада, и теперь новаго атабега азербейджанскаго, въ 1186 г. по Р. Хр. (582 гіджры), явиться къ его двору. Низами принялъ съ радостью приглашеніе; князь принялъ его очень милостиво, обласкалъ его всячески, наградилъ его почетными халатами и подарилъ ему и его потомкамъ въ вѣковѣчное владѣніе дарственной грамотою, собственноручно имъ подписанною, двѣ деревни, Низанъ и Гамедъ. Съ этихъ поръ Низами, не зная болѣе нужды, вполне посвятилъ себя поэзіи. Такъ, чрезъ два года послѣ этого (въ 1188 г.), онъ упоминаетъ съ радостью о завершеніи своего Дивана, т. е. сборника лирическихъ стихотвореній, напр. газелей, касидовъ, четверостишіи и т. д., въ объемѣ 20.000 стиховъ. Къ сожалѣнію, этотъ Диванъ до насъ не дошелъ. Тутъ же, по просьбѣ Ахситана, шаха ширванскаго, Низами обработалъ стихотворно извѣстную арабскую легенду о Лейли и Меджлунѣ: въ теченіе 4 мѣсяцевъ была кончена вся поэма, заключающая въ себѣ до

5.000 стиховъ. Черезъ три года, въ 1189 г., Низами приступилъ къ составленію главнаго своего творенія, а именно къ Искендеръ-Намэ или Книгѣ о дѣяніяхъ Александра Македонскаго. Сперва онъ хотѣлъ было, въ подражаніе Фирдауси, написать книгу подъ названіемъ „Шерефъ-Намэ“, т. е. Книга Славы, какъ дополненіе и продолженіе къ Шахъ-Намэ Фирдауси, но потомъ, какъ онъ самъ говоритъ, ему послышался какъ бы голосъ пророка Хиззера, такъ зывающаго къ нему:

„Мнѣ стало извѣстно, что ты изъ Книги Царей
Избираешь себѣ матеріалъ для живого потока рѣчи,
Но ты внемли словамъ древняго мудреца:

„Не слѣдуетъ дважды жемчужину пронизывать“;
Ты можешь искусно новое создавать.

Къ чему стопы направлять по чужимъ слѣдамъ?

Нужно ли свататься за вдовами,

Когда можешь избрать себѣ дѣвѣ?

Ты добудь яхонтовъ изъ копей Искендера;

Самъ Искендеръ явится къ тебѣ покупателемъ.

Если побѣдитель всемирной твой покупатель,

То твое твореніе быстро поднимется до самыхъ звѣздъ!“

Низами послушался этого голоса и рѣшился создать эпопею, героемъ которой онъ избралъ Александра Македонскаго. Въ этой поэмѣ онъ изображаетъ Александра сперва какъ покорителя вселенной, затѣмъ какъ мудреца и, наконецъ, какъ пророка. Итакъ, это есть романтическая эпопея — въ родѣ твореній Аріосто и Боярдо, въ которой поэтическіе вымыслы перемѣшаны съ историческою былью, не такъ какъ эпопея Фирдауси, придерживающагося строго національныхъ преданій. Сама поэма окончательно посвящена Насратъ-эдъ-Дину, племяннику атабега Кивилъ-Арслана. Насратъ-эдъ-Динъ побуждалъ нашего Низами продолжать свою поэтическую дѣятельность, предоставляя ему впрочемъ

полную свободу выбора темы. И вотъ Низами избралъ себѣ, для послѣдняго своего произведенія, разсказъ о сассанидскомъ шахѣ Беграмъ-Гурѣ и о его семи любовницахъ. Поэма называется „Гефтъ Пейкеръ“, или „Семь Картинъ“. Беграмъ-Гуръ выстроилъ для своихъ любовницъ семь отдѣльныхъ дворцовъ или замковъ. Въ каждой любовницѣ поочередно онъ является, и та его, между прочимъ, привѣтствуетъ какимъ-нибудь разсказомъ. Одна изъ нихъ была славянская или русская принцесса, по имени Насринъ-Гушъ, т. е. ухонарцисса или шиповника.

Разсказъ, которымъ эта Насринъ-Гушъ привѣтствовала Беграмъ-Гура, переведенъ казанскимъ профессоромъ Эрдаманомъ и изданъ отдѣльною книжкою.

Вотъ всѣ пять поэтическихъ произведеній Низами, а именно:

- 1) Мазранъ-эль-Асраръ, или „Сборникъ таинственныхъ изреченій“,
- 2) Хосрой и Ширинъ,
- 3) Лейли и Меджнунъ,
- 4) Искендеръ-Намэ, или Книга о дѣяніяхъ Александра Македонскаго, и
- 5) Гефтъ Пейкеръ, или „Семь Картинъ“ — эти произведенія слывуть на Востокѣ подъ общимъ именемъ: „Панджъ-Кенджъ“ т. е. „Пять Сокровищъ“, или просто: Хамсэ, т. е. „Пятерикъ“. Смотри, напр. Бомбейское изданіе 1304 года Гиджры (1886 г. по Р. Хр.).

Теперь возвратимся къ поэмѣ Низами — Искендеръ-Намэ. Во второй части поэмы находится интересный для насъ, русскихъ, эпизодъ, а именно сказаніе „о походѣ русовъ противъ г. Бердаа“, близъ нынѣшняго Елисаветполя. Тутъ сперва является вопросъ, какимъ образомъ могутъ совмѣщаться имена русовъ и Александра? На это мы отвѣтимъ, что Низами, жившій въ исходѣ XII столѣтія, могъ легко услы-

шать преданія о походахъ русовъ въ X вѣкѣ (въ 943 или 944 г.) противъ Табаристана и Бердаа *). Такъ, у арабскихъ писателей: Абульфеда, Массуди, но въ особенности у Ибнъ-Фосслана описываются набѣги русовъ въ первой половинѣ X столѣтія, какъ они, спустившись на ладьяхъ по Волгѣ до самаго Каспійскаго моря, грабили, жгли и опустошали все каспійскія прибрежья, и какъ они, поднявшись вверхъ по Курѣ, добрались до большого города Бердаа, предали его разграбленію и, умертвивъ до 20.000 жителей, ушли безнаказанно во-свои.

О городѣ Бердаа **) такъ пишутъ арабскіе географы:

Бердаа—старинный, большой городъ, со значительнымъ народонаселеніемъ, и многими прекрасными, высокими зданіями, лежитъ при рѣкѣ Курѣ, въ двухъ переходахъ въ сѣверо-востоку отъ Ганжи (нынѣшняго Елисаветполя). Земля вокругъ Бердаа чрезвычайно плодородна, обильна водами и мѣстами, удобными для охоты. Вся мѣстность болѣе похожа на огромный садъ. Изъ фруктовъ замѣчательны: гранаты, каштаны и орѣхи. (О виноградѣ, нынѣшнемъ главномъ богатствѣ жителей, у мусульманскихъ писателей и не упоминается).

Во время Абульфеды Бердаа лежала уже въ развалинахъ.

Итакъ, Низами пишетъ во второй части своей Искендеръ-Намѣ, что Александръ, сынъ Филиппа, покоривъ почти весь кругъ вселенной, и днемъ и ночью о томъ только по-

*) Къ литературѣ предмета: Григорьевъ „О древнихъ походахъ руссовъ на Востокъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, 5), Куникъ „Sur l'expédition des Russes Normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizami, Ibn-ab-Athir et Ainy“ (Bulletin de l'Acad. de Pétersb.), Соловьевъ „Исторія Россіи съ древн. временъ“ I, 130. *Ред.*

**) Берда, по-армяски Партавъ, теперь селеніе, а прежде столица Албанскаго царства, принадлежала въ V вѣкѣ армянамъ, была возобновлена арабами въ 704 г., а въ X в. считалась однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ халифата; селеніе это лежитъ на шоссе, проходящемъ отъ желѣзнодорожной станціи Емакъ въ г. Шушу. *Ред.*

мышлялъ, какъ бы лучше устроить благоденствіе своихъ обширныхъ владѣній. Вдругъ онъ получилъ вѣсть о вторженіи огромнаго войска русовъ, алановъ и варяговъ въ свои владѣнія. Они, словно грозная туча съ ливнемъ и градомъ, стремительно обрушились на Дербентъ и сосѣднія побережья Каспійскаго моря, предавая все огню и мечу; разграбивъ городъ Бердаа, они увели въ плѣнъ съ собою царицу города Бердаа—Нушаба. Низами прибавляетъ, что русы въ продолженіе многихъ лѣтъ опустошали Грецію (Румъ) и Арменію, вездѣ, гдѣ только могли, похищали золото и сокровища и, подобно свирѣпымъ волкамъ и лвамъ, разбойничали. Александръ, узнавъ объ этомъ, воспыпалъ страшнымъ гнѣвомъ: онъ клянется, что не оставитъ въ живыхъ ни одного руса ни буртаса *), что онъ всѣ ихъ головы перебьетъ и предастъ на растоптаніе ногамъ своихъ слоновъ. Онъ выступаетъ изъ своей столицы Вавилона въ челѣ огромнаго войска, состоящаго изъ грековъ, иранцевъ, хорасанцевъ и витайцевъ. Онъ переходитъ рѣку Джагунъ или Амударью и вступаетъ въ кипчакскую степь. Здѣсь онъ встрѣчаетъ кипчаковъ и между ними дѣвъ ослѣпительной, ангельской красоты, не скрывающихъ своего лица никакимъ покрываломъ. При видѣ ихъ, войско Александра, не привыкшее къ виду женскаго лица безъ покрывала, возгорѣлось любовнымъ пыломъ, но никто не посмѣлъ, въ виду своего вождя, оставить ряды. Александръ созвалъ на совѣтъ старшинъ кипчакскихъ и сталъ ихъ уговаривать заставить этихъ дѣвъ надѣть покрывало, чтобы не соблазнять его дружинъ, но кипчаки на это не согласились. Тогда Александръ приказалъ ваятелю изваять изъ камня женскую фигуру, закрытую покрываломъ, и поставилъ эту фигуру въ полѣ, полагая, что всѣ проходящія мимо дѣвы, стануть подражать этой фигурѣ. Но не то вышло: въ самомъ дѣлѣ кипчаки, при-

*) Низинніе башкиры, по Соловьеву (Ист. Россіи)—мордовцы. Ред.

нявъ эту фигуру за нѣкое божество, стали ему приносить жертвы, такъ что въ концѣ концовъ Александръ велѣлъ разрушить этотъ истуканъ и слѣшилъ выбраться изъ кипчакской пустыни до мѣстъ болѣе значныхъ, гдѣ и расположился, раскинувъ свой лагерь недалеко отъ стоянки русовъ. Предводитель или князь русовъ, по имени Кияталь, узнавъ о приближеніи Александра, раздѣлил на семь полковъ свои огромныя полчища, числомъ не менѣе 900.000 человекъ. Войска его простирались отъ земли Вису (т. е. Веси) до кипчакской степи, и заключали въ себѣ, кромѣ русовъ, еще аланъ (т. е. осетинъ), буртасовъ и хазарь. Описывая русовъ, Низами выставляетъ какъ отличительный признакъ красный или рыжій цвѣтъ. Такъ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

„Съ той стороны виднѣлись красныя лица русовъ,
Пылая, словно огонь въ храмѣ огнепоклонниковъ“;

а въ Гефтѣ Пейкерѣ (см. двустихія 4 и 5-ое):

„Онъ, т. е. Беграмъ-Гуръ поспѣшилъ къ принцессѣ,
т. е. къ Насринъ-Гушъ, съ краснымъ лицомъ славянскимъ:

Она цвѣта огненнаго, нѣжной красотой!“

Далѣе, Низами удивляется пышности и богатству одѣянія русовъ и ихъ вооруженію:

„Одежда ихъ—ткани шелковыя и парчевыя, красныя и желтыя.

Самъ Богъ надалъ имъ такое умѣніе,

Головные уборы ихъ украшены золотомъ и жемчугомъ,

Шлемы и копья изукрашены золотомъ, жемчугомъ и яхонтами!“

Началась жестокая битва: въ центрѣ находились русы, правое крыло занимали хазары, лѣвое—буртасы. Семь дней сряду продолжался бой. Изъ русскихъ богатырей Низами именуетъ Киятала, Джударэ и Терта, прибавляя притомъ,

что на языкѣ русовъ—Тертусъ значить то же, что иранскій Рустемъ, т. е. несравненный витязь. Изъ алановъ—именуетъ богатыря Феридже. На восьмой день битвы, наконецъ, побѣдилъ съ великимъ трудомъ Александръ, взявъ въ плѣнъ самаго князя русовъ Кинтала, а съ нимъ вмѣстѣ несмѣтное количество золота, серебра, яхонтовъ, жемчуговъ, дорогихъ мѣховъ и т. д. Послѣ побѣды Александръ соскочилъ съ коня и, повергая лицо въ прахъ, возблагодарилъ Всевышняго, ему одному приписывая побѣду, а не себя. Затѣмъ онъ возвратился въ свои владѣнія, а плѣнную царицу Нушабэ, опять посадилъ на престолъ въ городѣ Бердаа, соединивъ ее бракомъ со своимъ вассаломъ Давали. Наконецъ, Александръ смилостивился надъ княземъ русовъ Кинталомъ и отпустилъ его во-свояси, обложивъ его, однако, данью.

Николай Ивановичъ Гулакъ.

Елисаветполь.

ОТДЪЛЪ II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второй отдѣлъ настоящаго выпуска составилъ изъ этнографическихъ матеріаловъ, характеризующихъ главнымъ образомъ татаръ и терскихъ казаковъ, и отчасти касается грузинъ, талышей и нѣкоторыхъ горскихъ народовъ, единовѣрныхъ и сосѣдственныхъ татарамъ.

Статья Талышинскія легенды и повѣрья (стр. 1—10) вводитъ насъ въ нравы небольшого народца, въ видѣ обломка сѣдой древности обитающаго въ юго-восточномъ уголкѣ Закавказья, въ Ленкоранскомъ уѣздѣ Бакинской губерніи. Краткія свѣдѣнія объ этомъ народѣ и его языкѣ были сообщены въ XX выпускѣ „Сборника“ (см. замѣтку Л. Г. Лопатинскаго, отд. 2, стр. 22), по поводу напечатанныхъ въ немъ талышинскихъ текстовъ. Въ легендахъ „о спящемъ рыцарѣ“ и „о спящей царевнѣ“ удивительнымъ образомъ сочетались элементы древнѣйшихъ иранскихъ сказаній и вѣрованій съ позднѣйшими магометанскими представленіями этого народа. Въ подробностяхъ этихъ легендъ обращаютъ на себя вниманіе распространенный мотивъ относительно чудеснаго сна (сравни выпускъ VIII, 2 от., стр. 382,—грузинское преданіе о спящей царицѣ и царевичѣ) и относительно роли змѣй, какъ хранительницъ сокровищъ. Третья изъ статей представляетъ повтореніе напечатаннаго шесть лѣтъ тому назадъ (въ XVII вып. „Сборника“) сообщенія того же автора, подъ заглавіемъ: *Изъ космогоническихъ повѣрій талышинцевъ Ленкоранскаго уѣзда*; редакція печатаетъ этотъ отрывокъ въ виду малой распространенности свѣдѣній объ этомъ народѣ и для сопоставленія съ подобнымъ

грузинскимъ повѣрьемъ, напечатаннымъ на 253-й страницѣ на стоящаго выпуска: тождественная по своему корню съ талышинскою, у грузинъ эта легенда значительно измѣнилась. Однородная по своей темѣ айсорская легенда иначе объясняетъ дѣло: луна въ ней представляется сыномъ, а солнце дочерью бога Бела, и первоначально днемъ свѣтила луна, а солнце ночью; когда же солнце подверглось нападенію отъ бога вѣтровъ, то жена Бела приказала сыну помѣняться временемъ со своею сестрой, при чемъ ударила его рукою, вымазанною въ тѣстѣ, по лицу, когда онъ не хотѣлъ согласиться на обмѣнъ („Сборн.“ в. VIII, 2 отд., стр. 63). Съ айсорскою легендою въ тѣсной связи находится и армянское повѣрье относительно солнца и луны („Сб.“ вып. XVII, отд. 2, стр. 194). Интересно сопоставить данное повѣрье съ грузинскимъ же повѣрьемъ относительно повода, по которому удалилось небо отъ земли (см. „Сборн.“ XVII в., отд. 2, стр. 145 и 126—127).

Въ ряду образцовъ татарской народной словесности первымъ стоитъ **Преданіе о городѣ Бану**, которое сохранило память не только вообще о вліяніи греческой культуры на берегахъ Каспія, но даже и имена Платона (Аелатьюнь) и Аристотеля (Арастыюль). Преданія о провалившихся или затопленныхъ городахъ являются довольно распространенными на Кавказѣ, и на страницахъ „Сборника“ подобныя преданія появлялись не разъ. Для примѣра укажемъ на преданіе о Палеостомѣ („Сб.“ вып. XIII, 2, 71—72), объ озерѣ Папанцкуръ (Ibid., 32), объ озерѣ близъ станицы Самурской (вып. VI, о. 1, стр. 103—14).

Слѣдующія затѣмъ былины: **Богатырь, О нартѣ Умѣ, О семи братьяхъ—нартахъ, Объ Эльдарушѣ и Бектемирѣ**, принадлежатъ къ богатырскому эпосу; герои этихъ былинъ одарены нечеловѣческими силами и совершаютъ невѣроятные подвиги: безыменный старикъ-богатырь, герой первой былины, ударяетъ оземь по два богатыря за одинъ разъ; онъ однимъ ии-

зинцем отбрасывает огромный камень, который съ трудомъ поднимають двѣнадцать богатырей; богатырь Ужь такого громаднаго роста, что море приходится ему до колѣнъ, а голова упирается въ облака; онъ вырываетъ изъ земли огромную гору, чтобы бросить въ своихъ враговъ. Первая изъ названныхъ былинъ является до нѣкоторой степени съ характеромъ легенды: въ ней фигурируютъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ пр. Магометъ и архангелъ Гавріиль; впрочемъ личность того и другого въ общемъ ходѣ разсказа имѣетъ лишь внѣшнее значеніе; пророкъ нуженъ былъ только для совершенія чуда, а архангелъ—для того, чтобы подать совѣтъ пророку; главный интересъ разсказа сосредоточенъ на личности богатыря, который, при всей своей грубой и несокрушимой силѣ, отличается отзывчивостію къ несчастію ближняго; въ былинѣ нашель себѣ мѣсто и сказочный мотивъ о нахожденіи красавицы по ея портрету (Сравн. сказки: „О Кушѣ и Агилѣ“, „О „царевичѣ и воспитанникѣ Ндеми“, „Странствованія царскаго сына“ и др.). Былина о нартѣ Ужь проводитъ нравственную тенденцію о томъ, что человѣкъ не долженъ кичиться своею силою, что надъ нимъ всегда господствуетъ высшая сила: такъ, неизмѣримо сильнѣе нарта-хана оказывается богатырь Ужь, а надъ послѣднимъ господствуетъ божеская власть. Въ этомъ отношеніи данная былина примыкаетъ къ группѣ напечатанныхъ въ „Сборникѣ“ сказаній: **Сильнаго болѣе сильный всегда бываетъ** (вып. X, 2, стр. 326—327 и 3, 32—35 или в. XII, 1, 92—97), **Кто больше, и Девлеръ или кто сильнѣе** (также в. III, о. 2, 148—155).

Былина о семи братьяхъ-нартахъ и объ ихъ сестрѣ (19—20) представляетъ скорѣе мѣстное преданіе, связанное съ извѣстными камнями, нежели нартовскую былинку; ни громадной силы, ни особенной удали, ни какихъ-либо выдающихся подвиговъ герои этого преданія не обнаруживаютъ и вызываютъ у читателя лишь состраданіе, жалость... Былина

эта хотя и помѣщена среди образцовъ татарской словесности и до нѣкоторой степени обнаруживаетъ черты послѣдней, но редакція не можетъ пройти молчаніемъ тотъ фактъ, что Кайтаго-Табасаранскій округъ имѣетъ двойственное населеніе, и большая часть жителей въ немъ не татары, а лезгины, исповѣдующіе магометанство и въ значительной степени усвоившіе какъ языкъ, такъ и другія черты быта татаръ.

Былина объ Эльдарушѣ и Бентемирѣ (22—23), подобно предыдущей, не можетъ быть отнесена къ циклу древнѣйшихъ нартовскихъ сказаній; но во всякомъ случаѣ обнаруживаетъ черты патріархальнаго быта древнихъ временъ, отошедшихъ давно въ область исторіи. Подобно предыдущей, и она возникла въ Дагестанѣ и, быть можетъ, лезгинскаго происхожденія.

Преданіе объ **Овчи-Пиримѣ** (24—25) даетъ картину трогательной борьбы благородныхъ чувствъ: отецъ, которому Овчи-Пиримъ возвращаетъ сына, отказывается въ пользу его отъ всего своего имущества, тогда какъ Овчи-Пиримъ, сдѣлавъ доброе дѣло, не хочетъ омрачить радость облагодѣтельствованной имъ семьи ея разореніемъ. Интересно, что личность Овчи-Пирима, по видимому, въ татарскихъ сказаніяхъ является имѣющею вполнѣ опредѣленный характеръ: въ сказкѣ, напечатанной подъ этимъ заглавіемъ въ VII в. „Сборника“ (отд. 2, стр. 98 и д.), Овчи-Пиримъ также является охотникомъ и отличается благородствомъ характера и отсутствіемъ жадности.

Сказка о Нушѣ и Агилѣ (стр. 26—34), отличающаясь сложнымъ составомъ, въ отдѣльныхъ своихъ мотивахъ имѣетъ немало прецедентовъ въ прежнихъ выпускахъ Сборника. По общему своему плану и особенно по началу, она напоминаетъ мингрельскую сказку **О царевичѣ и воспитаникѣ Ндеми** (X в., о. 2, 279—291): воспитаникъ Ндеми является храни-

лемъ царевича, спутникомъ и главнымъ героемъ всѣхъ приключеній, какъ и Агиль въ нашей сказкѣ; равнымъ образомъ, и поводъ къ странствованіямъ въ обѣихъ сказкахъ совершенно одинакій: царевичъ находитъ портретъ красавицы и, воспламеняясь любовью съ ней, отправляется искать ея и овладѣваетъ, наконецъ, ею, послѣ многихъ приключеній. Что касается самыхъ подвиговъ, то разсказчикъ настоящей сказки идетъ совсѣмъ инымъ путемъ. По завязкѣ своей къ нашей сказкѣ подходитъ напечатанная въ IX выпускѣ (о. 2, 87—91) сказка: **Странствованія царскаго сына (Исмаила)**: герой ея также влюбляется въ портретъ и отыскиваетъ красавицу, на немъ изображенную; но здѣсь у царевича нѣтъ сообщниковъ и никто не затмеваетъ его доблести, какъ въ вышеуказанныхъ сказкахъ. Съ этой стороны нашу сказку любопытно сравнить съ помѣщаемою ниже (стр. 114) **Царевичъ Газанфаръ**: въ ней мы встрѣчаемся съ тѣмъ же сказочнымъ мотивомъ. Изъ деталей нашей сказки отмѣтимъ чудодѣйственныя яблоки, съ помощью которыхъ зачаты Кушъ и Агиль. Этотъ сказочный мотивъ часто попадаетъ въ кавказскихъ сказкахъ. Отмѣтимъ, напр., сказки: **Новрузъ** (VII вып., отд. 2, 164 стр.), **Арсланъ-ханъ и Батырь-ханъ** (II вып., о. 2, 121—128), **Царевичъ отданный дервишу** (XIII в., о. 2, 99—107), **Воспитаникъ великана** (XXI в., о. 2, 225 и д.). Интересно, что мотивъ этотъ перешелъ и въ мѣстные апокрифы: такъ, по мингрельскому сказанію, даже и Христосъ родился отъ яблока, принесеннаго пр. Маріи архангеломъ Гавріиломъ (X вып., о. 1, стр. 245—251). Къ числу знакомыхъ мотивовъ относятся также благодѣтельные наставленія, преподаваемыя голубями. Эти птицы въ роли добрыхъ совѣтниковъ или благодѣтелей встрѣчаются весьма часто въ кавказскихъ сказкахъ. Такъ, далѣе, въ сказкѣ **Жидъ и его дочь**, они помогаютъ возвратить жизнь зарѣзанному жидомъ младенцу, а въ сказкѣ **Царевичъ Газанфаръ** они указываютъ средство вер-

нуть зрѣніе герою этой сказки; въ сказкѣ Чыллагъ (Голышъ), когда герой ея, по пути за повивальной бабкою для своей беременной жены, зашелъ въ мечеть и усердно молился въ ней, къ его женѣ являются благодѣтели-голуби: они предупреждаютъ судьбу новорожденной, принимаютъ у бѣдной женщины ребенка и даютъ, вмѣсто избушки, великолѣпный теремъ (вып. VII, отд. 2, стр. 187—188). Въ сказкѣ Соловей, напечатанной въ XXIV выпускѣ Сборника (отд. 2, стр. 219—223), голуби своими наставленіями помогаютъ возвратитъ зрѣніе несчастному царевичу, лишенному глазъ. Въ татарской же сказкѣ Богатырь Гасанъ (в. XXI, отд. 2, стр. 3) голуби, благодѣтельницающіе Гасану, оказываются *анелами*. Иногда подобную роль наставниковъ и руководителей играютъ и другія живыя существа. Такъ, въ грузинской сказкѣ О двухъ братьяхъ: добромъ и зломъ (вып. XIX, отд. 2, стр. 104—105), добрый братъ, ослѣпленный злымъ, возвращаетъ зрѣніе и, кромѣ того, получаетъ богатство, благодаря разговору между волкомъ, лисою и медвѣдемъ; а въ сказкѣ Овчи-Пиримъ (вып. VII, отд. 2, стр. 106) герой ея вразумленъ бесѣдою между собакою и пѣтухомъ; въ одной же изъ сказокъ (вып. II, отд. 2, стр. 128) подобными учителями для героя являются мыши, изъ коихъ одна воскрешаетъ другую съ помощью нѣкоторыхъ травъ и песку. Подобно этому, въ сказкѣ О купцѣ честномъ и купцѣ нечестномъ (вып. VI, отд. 2, стр. 77—78) въ роли руководителей, хотя и невольныхъ, являются даже черти, а въ сказкѣ О трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ дурочкѣ (вып. XIX, о. 2, стр. 56—57) благодѣтелями и помощниками являются ангелы.

Отмѣтимъ еще одинъ интересный мотивъ нашей сказки: возвращеніе къ жизни окаменѣлаго Агила кровью младенца. Здѣсь ясно отразилось восточное повѣрье о цѣлебной силѣ крови младенцевъ. Отсылая интересующихся этимъ вопросомъ къ соображеніямъ, высказаннымъ относительно этого

мотива покойнымъ проф. Н. И. Костомаровымъ, напомнимъ напечатанную имъ (Памятн. стар. русск. литер., изд. графомъ Г. Кушелевымъ-Безбородко, стр. 117—118) легенду „Объ умерщвленномъ младенцѣ“: здѣсь страннолюбивый и „благовѣрный“ купецъ, для исцѣленія страждущаго „злую болѣзнью“, странника, которому раньше онъ былъ обязанъ своимъ обогащеніемъ, рѣшается, по совѣту нѣкоего врача, зарѣзать своего младенца „первенца“, чтобы кровью его помазать тѣло странника: когда онъ „помаза его по всему тѣлу, отъ главы до ногу, абіе здравъ бысть болный“. Какъ и въ нашей сказкѣ, въ этой легендѣ нравственное чувство читателя примирается съ пролитіемъ крови невиннаго младенца тѣмъ, что умерщвленный „дѣтищъ“ чудеснымъ образомъ оживаетъ „вѣры ради и милости ради и любви“ своего отца. Родство мотивовъ нашей сказки и приведенной легенды вполне ясно.

Слѣдующая затѣмъ сказка: **Невѣста богатырь** представляетъ вариантъ армянскихъ сказокъ: **Невѣста-всадникъ**, напечатанной въ VII вып. Сб. (о. 2, стр. 79—83), и **Гайраманъ Блуть**, которая помѣщена была XXIV выпускѣ (отд. 2, стр. 139—148). Сравнивая эти сказки, однако, не трудно замѣтить большую разницу между ними въ обработкѣ общей темы. Въ первомъ, напр., изъ армянскихъ вариантовъ умирающій царь запрещаетъ дѣтямъ своимъ посѣщать не садъ свой, а мѣстности, лежащія „на югъ отъ его царства“, а во второмъ—ѣздитъ „по такой-то дорогѣ“; невѣста всадникъ обладаетъ „летучею лошадыю“, а въ другомъ—превращается въ громадную птицу и падаетъ небеснымъ огнемъ; младшій царевичъ въ первомъ изъ армянскихъ вариантовъ овладѣваетъ невѣстою не силой, а хитростью и, даже, съ помощью коня, принадлежащаго богатырѣ невѣстѣ, во второмъ же вариантѣ,—благодаря сну невѣсты, во время котораго застаётъ ее; старуха, похищающая невѣсту богатырку, по первому варианту, *онаиваетъ* молодыхъ супруговъ и заключаетъ ее въ бочку, а по второму,—даётъ

нохатъ какое то *лькарство* и похищаетъ съ помощью „хноди“ (посуды, въ которой бьютъ масло). Все это представляется въ печатаемой сказкѣ совсѣмъ иначе. Въ разсказѣ о похищеніи царевны старухою нашъ вариантъ ближе стоитъ къ сказкѣ Лисица, напечатанной въ XIII вып. Сборника.

Помѣщаемая далѣе сказка: *Гордость* (стр. 41—44) представляетъ нравоучительный разсказъ, имѣющій характеръ легенды, на тему, что Богъ наказываетъ за гордость.

Сказка *Алиханъ* (стр. 49—50) имѣетъ характеръ, можно сказать, эклектическій: въ ней скомбинированы два сказочныхъ мотива,—одинъ, встрѣчавшійся раньше (см. VII вып., отд. 1, стр. 141 и д.) въ русской сказкѣ, записанной въ станицѣ Бороздинской, подъ заглавіемъ: *Незнайко*. Герой послѣдней, Магометанъ-Магометановичъ, съ помощью вѣщаго коня, Чернаго-Вихря, угадываетъ козля свою матери, которая измѣнила его отцу и увлеклась „генераломъ“, и, наконецъ, спасая своего коня и себя, оставляетъ родительскій домъ. Вторая половина сказки повторяетъ мотивъ двухъ, очень сходныхъ между собою, сказокъ: *Арсланъ-ханъ и Батыръ-ханъ* (вып. II, о. 2, стр. 123 и д.) и *Авилъ-Насимъ и Авилъ-Мамадъ* (вып. III, о. 2, стр. 120 и д.). Здѣсь разсказывается, какъ герой каждой изъ этихъ сказокъ, переодѣвшись, поступаетъ въ услуженіе (садовникъ, конюхъ) къ царю (ханъ, шахъ) и, женившись, противъ желанія послѣдняго, на младшей его дочери, своими подвигами возбуждаетъ къ себѣ уваженіе тестя и становится его наслѣдникомъ. Но, представляя сходство съ этими сказками по главной фабулѣ, въ частности данная сказка во многомъ отличается отъ нихъ. Ближе подходит она къ русскимъ, напечатаннымъ А. Н. Аванасьевымъ, подъ заглавіемъ „Незнайко“: общій ходъ разсказа совершенно одинъ и тотъ же и разница лишь въ общемъ колоритѣ и въ подробностяхъ разсказа (см. у Аванасьева. № 165-й).

Сказка *Жидъ и его дочь* (стр. 50—56) составляетъ та-

тарскій вариантъ сказки, напечатанной въ XIX вып. Сборника въ армянской передачѣ, подъ заглавіемъ: **Обиженному людямъ Богъ помогаетъ**. При тождествѣ общаго сюжета и даже нѣкоторыхъ подробностей, въ обработкѣ темы, однако, замѣчается и много отличій. Такъ, въ армянской передачѣ спасеніе дѣвушки отъ сластолюбивыхъ замысловъ отца представляется чудомъ и совершается съ помощью ангела, который заключаетъ ее въ треснувшую балку. Въ татарской сказкѣ это является дѣломъ предприимчивости самой дѣвушки, которая, переодѣвшись въ мужское платье, въ маскѣ, уходитъ изъ отцовскаго дома. Въ связи съ этимъ, въ татарской сказкѣ является лишняя подробность о томъ, какъ замаскированная дѣвушка становится женою царевича; но, зато, въ ней нѣтъ заключительнаго разсказа о томъ, какъ обиженная женщина вразумляетъ своего бывшего супруга и заставляеть его понять, какъ тяжело переносить ложныя обвиненія. Что касается другихъ аналогій со сказками, напечатанными въ Сборникѣ, то онѣ перечислены въ предисловіи къ XIX выпуску (стр. XVII); тамъ же указано отношеніе этой сказки къ русской „Косоручкѣ“.

Коротенькая безыскусственная сказочка **О Рахимѣ и Номазѣ** развиваетъ мысль о непостоянствѣ земнаго счастья. Тема ея довольно распространенная, но обработка ея въ сказкѣ совершенно оригинальная.

Сказка **О царевичѣ Джанъ-шахѣ и царевнѣ Хаятаннуфусѣ** (стр. 58—64) обнаруживаетъ очевидное родство съ одною изъ сказокъ Шехеразады: „Исторія любви принца Камараль-замана и китайской принцессы Бадурь“ (Тысяча и одна ночь. Изд. Голанди, М. 1866 г. т. I, стр. 358—389); только эта исторія освобождена здѣсь отъ разныхъ подробностей и отступленій, которыми она такъ богата, и заключаетъ лишь основной сюжетъ разсказа. Изъ характерныхъ подробностей арабской сказки удержанъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ,

разсказъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ возникла любовь между царевичемъ и царевной. Въ арабской сказкѣ дѣло начинается съ того, что между духомъ Данхашемъ *) и феей Маймуною возникаетъ споръ: Маймуна утверждаетъ, что красивѣе царевича Камаральзамана не можетъ быть чело-вѣка, а Данхашъ ставитъ выше красоту царевны Бадурь. Для сравненія ихъ красоты духъ переноситъ Бадурь къ Камаральзаману во время ихъ сна. Фея, превращаясь въ клопа, кусаетъ и пробуждаетъ поочередно царевича и царевну; тѣ взаимно влюбляются до того, что впоследствии, отнесенная духомъ къ себѣ домой, Бадурь дѣлается помѣшанной. Въ нашей сказкѣ вмѣсто духа и феи дѣйствуютъ ангелы и не споръ, а желаніе сравнить красоту Джанъ-шаха и Хаятаннуфусы, заставляетъ ихъ устроить свиданіе прекраснаго юноши и красавицы Хаятаннуфусы. Подобно феѣ Шехеразды, ангелы въ нашей сказкѣ превращаются въ блохъ. Въ арабской сказкѣ послѣ перваго свиданія и царевичъ и царевна заболѣваютъ отъ безнадежной любви и почти сходять съ ума, и, только послѣ посѣщенія молочнаго брата Бадурь, царевичъ отправляется искать ее. Въ нашей сказкѣ сумасшествіе выпадаетъ на долю только слабаго пола, а царевичъ на поиски отправляется самостоятельно. Конецъ обѣихъ сказокъ, въ общихъ чертахъ, одинаковъ: царевичъ въ качествѣ астролога (въ нашей сказкѣ—доктора восточнаго, волшебника) проникаетъ во дворецъ китайскаго (или, какъ въ нашей сказкѣ гырманскаго) царя излѣчиваетъ царевну, а потомъ женится на ней и съ женою возвращается къ отцу. Въ арабской сказкѣ, возвращеніе царевича осложняется разсказомъ о вторичной разлукѣ его съ царевной, чего въ нашей сказкѣ нѣтъ. Самое имя Хаятаннуфусы заимствовано изъ арабской сказки, только принадлежитъ здѣсь второй женѣ царевича Камаральзамана.

*) Не отсюда ли имя „Джанъ-шахъ“?

Труднѣе опредѣлить происхождение послѣдующей сказки: **Шамиль** (стр. 65—71),—въ ней перепутались самые разнообразныя сказочныя сюжеты; форма разсказа указываетъ на сильное вліяніе русской сказки, хотя одновременно съ тѣмъ очень силенъ и мѣстный колоритъ, указывающій на ея кавказское происхождение.

Сказка **Пастухъ Ибрагимъ** (стр. 71—81) развиваетъ мысль, что избраннику судьбы все удастся: случайно, по волѣ судьбы, онъ попадаетъ въ слутники одной царевны и женится на ней; случайно же проникаетъ въ подземное царство дива и женится на плѣнницѣ его, царевнѣ, капли крови которой превращаются въ драгоценныя камни; точно также, по волѣ судьбы, удастся ему приобрести содѣйствіе птицы и дѣвушекъ, смѣхъ которыхъ превращается въ розы „атри-лала“. Нѣкоторыя подробности этой сказки также знакомы уже читателямъ нашего „Сборника“: такъ, напр., превращеніе смѣха въ розы и, вмѣстѣ, слезъ въ жемчугъ, а слѣда ступни—въ золотой кирпичъ встрѣчается въ сказкѣ **Чыплагъ** (VII вып., отд. 2, стр. 187); исторія благодарной чудной птицы, птенцовъ которой спасаетъ герой сказки, есть также и въ сказкѣ **Коровій сынъ** (вып. IX, о. 2, стр. 197), а также въ грузинской сказкѣ **Судьба** (X, отд. 3, стр. 54—61), въ абхазской—**Рустамъ**, напечатанной въ приложеніи къ VI выпуску „Сборника“ и въ татарской сказкѣ **Трусъ** (XIII в., отд. 2, стр. 295); превращеніе дѣвушекъ въ птицъ находимъ въ сказкѣ **О девятиглавомъ орлѣ и охотникѣ** (XIX вып., отд. 2, стр. 14 и 15) и т. п. Но въ цѣломъ данная сказка является оригинальною. Къ сожалѣнію изложеніе ея носитъ отпечатокъ юности и незрѣлости разсказчика и мѣстами не обнаруживаетъ достаточной послѣдовательности. Для доказательства укажемъ, напримѣръ, на то, что разсказчикъ, упомянувъ о чудныхъ свойствахъ яблокъ и грушъ, добытыхъ за „Синимъ“ моремъ въ одномъ саду, не воспользовался этою находкою

для дальнѣйшаго развитія разсказа. Точно также, войско, явившееся на помощь Ибрагиму, остается, по дальнѣйшему ходу разсказа, совершенно ненужнымъ.

Въ сказкѣ **Сирота Ибрагимъ и жадный лавочникъ** (стр. 82—95) разсказывается о томъ, какъ хорошему сыну, который помнитъ отца и слѣдуетъ его профессіи, пошло въ прокъ убогое наслѣдство, оставленное ему отцомъ: ему удается добыть райскихъ птицъ и чудную красавицу, изъ каждой капли крови которой выросли букеты розъ, и которая своимъ совѣтомъ не только спасаетъ его отъ гибели, но и даетъ случай погубить своего врага, жаднаго лавочника. Основная мысль сказки не представляетъ новизны: награда за добродѣтель составляетъ тенденцію и многихъ другихъ сказокъ, на примѣръ, **Сахна Юсуфъ** („Сб.“, в. VII, о. 2, стр. 196 и дал.), **Рыба разноцвѣтная** (IX в., отд. 2, стр. 75—83), **Месропъ и его мудрый слуга** (тамъ-же, стр. 199—207) и др. Но обстановка сказки, развитіе ея основной мысли являются оригинальными. Изъ подробностей отмѣтимъ, какъ уже встрѣчавшуюся въ Сборникѣ, посыланіе героя сказки на тотъ свѣтъ, къ родителямъ царя, съ порученіемъ: этотъ мотивъ есть также въ армянской сказкѣ **Царскій сынъ и лягушка** (вып. XIX, отд. 2, стр. 155 и д.); здѣсь Сегранъ, нелюбимый отцомъ младшій сынъ царя, получаетъ отъ отца разныя порученія, рассчитанныя на его гибель при выполненіи ихъ; послѣ другихъ порученій царь посылаетъ сына „на тотъ свѣтъ“, къ своей матери, за ключомъ отъ своихъ сокровищъ. Герой этой сказки выходитъ изъ затрудненія также, какъ и въ нашей, съ помощью своей жены: она даетъ ему своего осла и объясняетъ, какъ поступать, и герой, дѣйствительно, путешествуетъ на тотъ свѣтъ и получаетъ ключъ отъ матери. Путешествіе на тотъ свѣтъ, какъ деталь, входитъ и въ составъ сказки **Царевна лягушка** (вып. VI, отд. 2, стр. 141—155).

Слѣдующая затѣмъ сказка **Богатырь Ибрагимъ** (стр. 95—104) представляетъ обработку того же сказочнаго сюжета, какой встрѣчаемъ мы среди русскихъ сказокъ Аванасьева подъ заглавіемъ: „Поющее дерево и птица говорунья“ (№ 160-й) или въ собраніи сказокъ Шехеразады подъ названіемъ: „Исторія двухъ сестеръ, завидующихъ меньшей сестрѣ“ (Тысяча и одна ночь, изд. Голанди, М. 1866 г. т. 2, стр. 908, и слѣд.). Въ нашей сказкѣ этотъ сюжетъ осложняется еще прибавленіемъ въ началѣ ея исторіи удаленія трехъ сестеръ, вслѣдствіе ненависти мачехи, отцомъ ихъ. Вообще, слѣдуетъ сказать, что въ своихъ подробностяхъ наша сказка сильно расходится какъ съ однородными русскими сказками, такъ и съ указаннымъ рассказомъ Шехеразады, и захватываетъ немало мотивовъ изъ другихъ сказокъ, служа нагляднымъ свидѣтельствомъ того, какъ въ народной передачѣ перепутываются и сглаживаются разнообразныя сказочныя мотивы. Изъ напечатанныхъ раньше въ Сборникѣ ближе всего подходитъ къ нашей сказкѣ, по крайней мѣрѣ своимъ началомъ, сванетская сказка: **Царь и Золотыя дѣти царя Нучи** (см. вып. X, отд. 2, стр. 163—175 и отд. 3, стр. 24—32).

Сказка о багдадскомъ жителѣ Джафарѣ (стр. 104—108) затрогиваетъ также знакомые читателямъ „Сборника“ мотивы. Такъ, въ армянской свакѣ **Три юноши**, напечатанной въ VII выпускѣ „Сборника“ (отд. 2, стр. 87), мы встрѣчаемся съ обработкою той же темы, хотя и гораздо болѣе бѣдною и примитивною. Въ ней юноша служитъ у хозяина три года за три рубля и три добрыхъ совѣта, которые приносятъ ему впослѣдствіи большія и годы. Въ подробностяхъ армянская сказка сильно разнится отъ нашей. Однородны съ нею по своей темѣ также легенда **О Соломонѣ Мудромъ**, напечатанная въ IX выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 171—174), и армянскія сказки: **Сахна Юсуфъ** (т. VII, отд. 2, стр. 196—206) и **Сначала слуга, а потомъ**

царь (вып. XIX, отд. 2, стр. 167—180). Последняя из них ближе стоит къ нашей сказкѣ, чѣмъ другія; но здѣсь основной сюжетъ усложняется многими другими, сравнительно съ печатаемой сказкой, подробностями. Русскія параллели къ послѣдней указаны были въ предисловіи къ XIX выпуску, по поводу сказки „Сначала слуга, а потомъ царь“ (см. стр. XVI).

Сказка Царевичъ Газанфаръ (стр. 109—120) представляетъ соединеніе трехъ сказочныхъ сюжетовъ: первая часть ея повѣствуетъ о женской неблагодарности, вслѣдствіе которой едва не погибъ царевичъ Газанфаръ; вторая часть—о томъ, какъ Газанфаръ, влюбившись въ портретъ красавицы Шахбазъ-Пари, отыскиваетъ ее и овладѣваетъ ею съ помощью богатыря Кара-Куламали; третья, наконецъ, рассказываетъ о томъ, какъ царевичъ Газанфаръ едва не погибъ вслѣдствіе вѣроломства своего отца. Хотя въ передачѣ этихъ рассказовъ найдется немало подробностей, которыя встрѣчались и въ другихъ сказкахъ, но въ цѣломъ она является своеобразною, особенно по своему началу. Изъ эпическихъ подробностей можемъ отмѣтить, какъ отголосокъ классицизма, летучаго коня *Пеиса*, который едва ли не представляетъ наслоенія, проникшаго въ народный эпосъ школьнымъ путемъ. Заслуживаетъ также вниманія личность богатыря Кара-Куламали: роль его въ этой сказкѣ очень напоминаетъ какъ Агила, наперсника царевича Куша, такъ и другихъ подобныхъ наперсниковъ: въ нашей сказкѣ особенностью является то, что услуги Кара-Куламали приобрѣтены вслѣдствіе великодушія царевича Газанфара.

Сказка Салимъ-ханъ (121—128) представляетъ нѣчто оригинальное: среди раньше изданныхъ въ „Сборникѣ“ сказокъ мы не можемъ указать параллелей для нея. Положимъ, превращеніе дѣвушки въ лань упоминается въ *Сназиѣ о Хаторѣ* (XII вып., отд. 1, стр. 85 и д.), но совершенно при дру-

гихъ обстоятельствахъ: дочь Хагора, желая спасти своихъ братьевъ, превращается въ лань и попадаетъ на охотѣ „молодому охотнику“; тотъ убиваетъ ее, но лань оживаетъ и, убѣгая, своими словами заинтересовываетъ молодого охотника въ судьбѣ Хагора; молодой охотникъ отыскивая Хагора, дружится съ нимъ и женится на его дочери, которую нѣкогда въ видѣ лани застрѣлилъ на охотѣ. Обратней въ образѣ оленя знаютъ и русскія сказки. Такъ, напр., въ сказкѣ „Скорой гонецъ“ (Аван. Р. ск. № 145-й) герой ея, „Семень—малой юнышъ“ превращается въ оленя для того, чтобы быстро сбѣгать за оружіемъ своего патрона-царя, а въ сказкѣ „Два Ивана—солдатскихъ сына“ (№ 92-й) оборотень-олень приводитъ Ивана царевича къ жилищу „змѣиной сестры“, на его гибель. Въ другой однородной сказкѣ „Солдатъ и царь въ лѣсу“ (№ 197-й) олень является, наоборотъ, на благо героя сказки, доставляя ему случай оказать царю услугу.

Помѣщаемыя далѣ Анекдоты про муллу Насръ-Эддина (стр. 129—166) дополняютъ собраніе ихъ, напечатанное въ IX выпускѣ „Сборника“ (отд. 2, стр. 52—74). Не касаясь личности муллы, которая такъ мало освѣщена до сихъ поръ, и отсылая за справками по этому вопросу къ предисловію 2-го отдѣла, названнаго выпуска (стр. VII—IX), считаю нужнымъ припомнить что, послѣ изданія послѣдняго, анекдоты муллы Насръ-Эддина появлялись въ русской мѣстной печати два раза: въ 1890 году на страницахъ газеты „Новое Обзорѣніе“ напечатано было въ разныхъ №№ ея (2267 — 2367) 149 анекдотовъ, переведенныхъ съ татарскаго уважаемымъ любителемъ кавказскихъ древностей и этнографіи А. Д. Эрицовыхъ, а позже, кажется, въ 1894 году, К. Н. Вѣгичевымъ, изданы были анекдоты про муллу Насръ-Эддина отдѣльною брошюрой. Тому и другому изданію собирателями ихъ предпосланы замѣтки, которыя, однако, не прибавляютъ ничего существеннаго для выясненія личности муллы. Важнѣе

библиографическая справка г. Эрицова, который перечисляет различные изданія анекдотовъ про м. Насръ-Эдина и говоритъ, что въ его распоряженіи было до 800 анекдотовъ про муллу, и тѣ, которые изданы имъ, составляютъ лишь малую часть его собранія. Не помѣщены имъ въ печати очень многіе по своему нецензурному („скабрѣзному“) содержанію. Изъ напечатанныхъ же имъ анекдотовъ нѣкоторые дословно сходны съ тѣми, какіе были раньше помѣщены въ IX выпускѣ „Сборника“, и русскій текстъ ихъ, повидимому, взятъ цѣликомъ изъ послѣдняго. Для примѣра укажемъ хоть слѣдующіе №№: 4 (соотв. 13 Сборника), 3 (=64), 9 (=1-му), 10 (=39), 11 (=43), 16 (=26), 21 (=3), 23 (=14), 34 (=15), 41 (=24), 43 (=53) и т. п. Что касается сборника Бѣгичева, то онъ и не претендовалъ на оригинальность или новизну, и его анекдоты представляли или повтореніе или переделку раньше изданныхъ. Напечатанные имъ анекдоты очень изящно обработаны. Изданіе это, не имѣя научныхъ цѣлей, скорѣе рассчитано на читателя, ищущаго развлечения. Въ настоящее время оно вышло изъ продажи, и его не нашлось даже въ Тифлисской публичной библіотекѣ.

Печатающіе настоящіе анекдоты, редакция старалась не повторять того, что уже было напечатано въ названныхъ выше собраніяхъ. Изъ 57 нашихъ анекдотовъ не вполне оригинальными являются № 1, 2, 9, 17, 26, 34, 42, 47 и 48; они соотвѣтствуютъ въ собраніи Эрицова анекдотамъ подъ №№ 2, 154, 18, 143, 22, 106, 84, 20, 91; но, сравнивая предлагаемый пересказъ съ редакціей г. Эрицова, читатели найдутъ большую разницу въ подробностяхъ разсказа, иногда совершенно мѣняющихъ даже смыслъ его. Такъ, напр., въ анекдотѣ № 2, озаглавленномъ: „Догадливость муллы“, въ нашей редакціи встрѣчный проситъ муллу отгадать, что у него въ платкѣ, а мулла находитъ его вопросы глухими; въ редакціи же Эрицова, наоборотъ, самъ мулла проситъ встрѣчнаго отгадать, что

у него въ платкѣ и сколько, и, самъ подсказывая отвѣтъ, потому удивляется уму отгадчика. Или возьмемъ № 47: въ нашемъ анекдотѣ мулла берется перенести 10 слѣпыхъ черезъ рѣку и утопивъ 10-го, оправдывается, находя, что утонувшему оказалъ услугу, и что слѣпые ничего не потеряли, потому что товарища своего все равно не видѣли... У Эрицова (№ 20-й) переправляетъ онъ 10 женщинъ и, оправдываясь, старается доказать, что отъ этого въ убыткѣ лишь одинъ онъ. Постановка разсказа, слѣдовательно, совсѣмъ иная. Такимъ образомъ, всѣ, вообще, перечисленные анекдоты, относительно редакціи г. Эрицова являются вариантами и притомъ довольно сильно расходящимися съ ними. Изъ числа присланныхъ въ редакцію анекдотовъ, нѣкоторые не могли быть помѣщены вслѣдствіе неприличнаго ихъ содержанія, а иные потому, что совсѣмъ не остроумны.

По поводу помѣщаемыхъ далѣе народныхъ повѣрій терскихъ казаковъ, можемъ указать однородныя наблюденія, сдѣланныя въ станицѣ Ардонской (вып. XVI, стр. 319, статья: „Повѣрья, праздники, пѣсни и сказки стан. Ардонской“): здѣсь также мѣстные жители полагаютъ, что въ вихрѣ дѣйствуютъ черти, и что, „если бросить въ средину вихря ножъ, то лезвее его покрывается сатанинскою кровью“. Интересно также сопоставить и заговоры, записанные въ станицѣ Ардонской, съ печатаемыми въ настоящемъ выпускѣ: въ Ардонской станицѣ не только знаютъ 77 сестеръ лихорадокъ, но извѣстны даже и имена ихъ (см. стр. 324).

Изъ печатаемыхъ далѣе легендъ, записанныхъ въ разныхъ станицахъ Терской области и имѣющихъ, вообще, большой этнографическій интересъ, обращаетъ на себя вниманіе вторая: она представляетъ новый вариантъ сказанія „Объ оживленной курицѣ“, помѣщеннаго въ цитированномъ выше изданіи Н. И. Костомарова (Памятники старинной русск. литер., в. I, стр. 217), и съ картвельскимъ преданіемъ О пришествіи Христа

на землю, напечатаннымъ въ XIX выпускѣ „Сборника матеріаловъ“. Въ нашей легендѣ начало факта совершенно иное, нежели въ сказаніи „Объ оживленной курицѣ“: въ послѣдней христіанинъ неизвѣстно почему приходитъ къ „жидовину“, пребывающему въ уныніи, и вступаетъ въ состязаніе съ нимъ; въ нашемъ вариантѣ дѣло происходитъ не въ присутствіи христіанина, а только въ присутствіи Пилата, фарисеевъ и жидѣнка, получившаго красное яичко отъ Христа. Оживаетъ не курица (въ колядкѣ, взятой изъ Червонной Руси и напечатанной въ томъ же изданіи, упоминается „каплунъ“), какъ въ „сказаніи“, а пѣтухъ и двѣ рыбы; но эффектъ чуда слабѣе, въ нашей легендѣ: тогда какъ въ „сказаніи“ жидъ пораженъ чудомъ и принимаетъ крещеніе, въ нашей легендѣ Пилатъ и фарисеи коснѣютъ въ невѣріи.

Изъ другихъ легендъ обращаетъ на себя вниманіе пятая, повѣствующая о томъ, почему женщина въ подчиненіи у мужчины; причина эта усматривается въ лютости женщины. По ея главной мысли легенду эту любопытно сравнить съ напечатанною въ XIII выпускѣ „Сборника“ сказкою Чортъ и баба (289—291 стр., отд. 2) и другими сказаніями о злыхъ женахъ, каковы, напр., въ VII выпускѣ: Жена спорщица (отд. 1, стр. 123—125) и въ XII вып.: Злая жена и чудовище (отд. 1, стр. 106—111). Если въ этихъ послѣднихъ сказаніяхъ злая женщина становится пугаломъ для самого чорта, и своею лютостью одерживаетъ побѣду надъ самимъ источникомъ всякаго зла, то въ печатаемой легендѣ эта лютость одерживаетъ новую, еще болѣе важную, побѣду надъ благостію апостола и заставляеть его раскаяваться въ своей добротѣ по отношенію къ женщинѣ.

По своему общему тону къ вышеназванной легендѣ подходитъ и слѣдующая за нею: Можно ли вѣрить женщинѣ? И въ ней проводится крайне пессимистическій взглядъ на женщину, какъ и въ предыдущей: нѣтъ ни одной заслуживающей до-

вѣрія женщины!—въ такомъ выводу приходитъ синонимъ мудрости—Соломонъ Премудрый.

Легенда о томъ, какъ Соломонъ изъ ада вышелъ (стр. 190—191) уже отчасти знакома читателямъ „Сборника“: въ XIII выпускѣ его былъ помѣщенъ грузинскій вариантъ ея, записанный въ селеніи Норіо. При общей основѣ этихъ легендъ, замѣчается большая разница въ характерѣ разсказа и въ подробностяхъ: въ грузинской легендѣ завязку составляетъ желаніе чертей испытать Соломона; въ русской дѣло представляется совсѣмъ иначе: Христось, выводя грѣшниковъ изъ ада, оставляетъ Соломона въ аду, чтобы дать ему случай показать свою мудрость, нашедши средство, чтобы выбрать ся оттуда.

Помѣщаемая далѣе легенда о происхожденіи горъ имѣетъ большое сходство съ напечатанною раньше, записанною въ Кубанской области (вып. III, о. 2, 98 стр.), только передаетъ дѣло съ большею обстоятельностью и съ большими подробностями.

Сказки, записанныя въ Терской области, являются вариантами частію къ сказкамъ, помѣщеннымъ въ сборникѣ Аванасьева, частію къ напечатаннымъ уже въ предшествовавшихъ выпускахъ „Сборника матеріаловъ“. Такъ, сказка Кудый волкъ (стр. 197—200) однородна по своему предмету съ напечатанными у Аванасьева подъ заглавіемъ: Волкъ дурень (Нар. р. сказки, № 24-й); изъ нихъ ближе къ нашей сказкѣ вариантъ подъ литерою в, хотя и онъ въ подробностяхъ значительно разнится отъ нея: планъ ея совершенно иной; вмѣсто св. Георгія, по мнѣнію народа, покровителя стада, волкъ жалуется самому Христу; конецъ сказки также другой.

Вторая изъ сказокъ: Лѣсной челоуѣкъ и котъ (стр. 290—295) однородна съ имеретинскою сказкою: „Лиса и мельникъ“, напечатанною въ XIX вып. „Сборника“ (отд. 2, стр. 71—74); только послѣдняя сравнительно съ нею очень бѣдна

подробностями. Ближе къ ней стоятъ однородныя русскія сказки, напечатанныя Аванасьевымъ подъ заглавіемъ: „Бухтанъ Бухтановичъ“ и „Козьма Скоробогатый“ (№№ 98 и 99), особенно послѣдняя. Завязка, однако, въ послѣдней совѣтъ другая: тогда какъ въ нашей сказкѣ котъ безкорыстно и не извѣстно почему является съ своими услугами къ „лѣсному человѣку“, лиса благодѣтельствуемъ Козьмѣ Скоробогатому въ видѣ штрафа за то, что поѣла куръ, принадлежавшихъ ему. Въ нашей сказкѣ нѣтъ также эпизода съ „пудовкою“, которую беретъ у царя лисица, якобы для размѣриванія денегъ у героя сказки.

Сказка **Два брата и Горе** (стр. 205—211) есть вариантъ сказки, озаглавленной въ сборникѣ Аванасьева: „Лихо одноглазое“ (№ 170-й), но въ подробностяхъ между ними есть большая разница. Такъ, въ сказкѣ Аванасьева идетъ искать горе профессиональный кузнецъ, и, почему онъ это дѣлаетъ, не выясняется; въ нашей сказкѣ искать горе отправляются двое богатыхъ братьевъ: Семень и Иванъ, и кузнецомъ младшій изъ нихъ только назвался, чтобы избавиться отъ Гора. Причина же ихъ путешествія та, что, при своемъ богатствѣ, они горя не знали. Эпизодъ избавленія отъ Гора передается въ печатаемой сказкѣ послѣдовательнѣе: такъ, напр., золотой топоръ, орудіе мести Гора, являющійся въ сказкѣ Аванасьева въ лѣсу не извѣстно почему, въ нашей сказкѣ брошень Горемъ въ Ивана во время погони.

Сказка **Морозъ и два брата** (стр. 211—221) также печатается, какъ цѣнный вариантъ къ извѣстнымъ уже сказкамъ. Такъ, въ XV выпускѣ „Сборника“ (отд. 2, стр. 167—170) напечатана была сказочка: Красная и зеленая сумки, записанная въ станицѣ Наурской. Дѣйствующими лицами въ этой сказкѣ являются также бѣдняки—старикъ и старуха, и интересъ разсказа сосредоточенъ на томъ, какъ старикъ за добродѣтель свою получилъ сперва чудную сумку, красную,

изъ которой выльзали молодцы, подававшіе всякіе кушанья и напитки, а потомъ, въ наказаніе за простоту и легкомысліе, получаетъ другую, зеленую, изъ которой появляются молодцы съ кнутьями и наказываютъ сперва его самого, потомъ—куму его и, наконецъ,—его сварливую старуху. Сказочка полна живаго юмора. Наша сказка, по сравненію съ ней, гораздо глубже и сложнѣе по своему замыслу. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является жадный богатый братъ старика, наказанный за свою жадность, и миѳическія существа: Морозъ и его сыновья—Вѣтры; отъ Мороза старикъ получаетъ, въ первый разъ, берестяной коробокъ, дающій всякую снѣдь, во второй же—коробокъ изъ золота съ драгоценными камнями. Среди разныхъ вариантовъ этой сказки, приведенныхъ въ сборникѣ Аванасьева, нѣтъ ни одного, который вполне совпадалъ бы съ нашимъ (см. № 109: „Двое изъ сумы“ и относящуюся къ этой сказкѣ замѣтку). Ни въ одной изъ нихъ мы не встрѣчаемъ жаднаго брата. Ближе другихъ стоитъ вариантъ, озаглавленный: „Смирный мужикъ и драчливая жена“: здѣсь также мы встрѣчаемся съ миѳическими существами: съ Вѣтрами и ихъ матерью; вмѣсто завистливаго брата въ этой сказкѣ мы видимъ дворянина, который подмѣниваетъ благодѣтельную коробочку, которую получилъ мужичокъ отъ Вѣтра.

Сказка *Портретъ* (стр. 222—231) проводитъ мысль о томъ, что нельзя вѣрить ласкамъ жены. Какъ по своей главной мысли, такъ и по нѣкоторымъ подробностямъ она очень подходитъ къ армянской сказкѣ-легендѣ, напечатанной въ XXV выпускѣ „Сборника“ (отд. 2, стр. 184 и д.) подъ заглавіемъ: „По лунѣ не суди о погодѣ, по ласкамъ не вѣрь женѣ“. Даже и характеръ легенды до нѣкоторой степени удержанъ въ нашей сказкѣ: старикъ, превращающій влюбленнаго въ свою жену казака въ козла, очевидно, не есть обыкновенный човѣкъ, а существо, одаренное сверхъестественными силами.

Обстановка разсказа, однако, совершенно иная, равно и конецъ сказки также иной. Изъ русскихъ сказокъ, собранныхъ Аванасьевымъ, по своей идеѣ подходитъ: „Мужъ да жена“ (№ 240). Здѣсь обманываемый женою, но любящій ее, мужъ убѣждается случайно въ невѣрности жены, только не съ помощью Бога или „старца“, а съ помощью догадливаго солдата: будучи отправленъ женою въ „Крымъ-градъ за гѣчбой“, мужъ встрѣчаетъ солдата, который догадывается о невѣрности жены и беретъ безъ крымскаго лѣкарства вылѣчить ее; затѣмъ, пробравшись въ хату этого мужика и добившись расположенія невѣрной жены, солдатъ, по порученію послѣдней, приноситъ вязанку соломы, внутри которой запрятываетъ мужа. Убѣждаясь по пѣснѣ своей жены въ невѣрности ея, мужъ, какъ и въ нашей сказкѣ, „учить“ ее побоями.

Послѣдняя изъ сказокъ, записанныхъ Барановымъ, Демидна (стр. 231—244) носить юмористическій характеръ и представляетъ сатиру на поповскую жадность и недогадливость. Однородныхъ сказокъ, имѣющихъ съ нею сходство или по общему характеру или по нѣкоторымъ частностямъ, въ „Сборникѣ“ напечатано было нѣсколько; таковы: Тамбій (во II выпускѣ, отд. 2, стр. 129 и д.), Хархали (вып. XIII, отд. 2, стр. 305—308) и Петръ и Петрушка (вып. XVI, о. 1, стр. 358—363). Сходство, главнымъ образомъ, обнаруживается въ общемъ складѣ сказокъ: ихъ герои въ рядѣ продѣлокъ дурачатъ другихъ и на глупости ихъ совидаютъ свое благополучіе; общимъ въ этихъ сказкахъ является, кромѣ того, и конецъ ихъ: герой сказки топить своихъ враговъ или своего противника въ морѣ, обманувши надеждою добыть въ морѣ стада скотины или множество денегъ. Печатаемая сказка, однако, ближе стоитъ не къ кавказскимъ своимъ вариантамъ, а къ однороднымъ русскимъ сказкамъ, каковы, напр., напечатанныя въ сборникѣ Аванасьева подъ заглавіемъ: „Шуть“

(№ 223-й). Сходство здѣсь выразилось, между прочимъ, и въ томъ, что объектомъ продѣлокъ шута является „попъ“ (въ нашей сказкѣ даже и съ дьячкомъ) и въ самомъ содержаніи продѣлокъ: въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ, какъ и въ нашей сказкѣ умерщвленіе жены и плеть „живилка“, а также коза, которая „носить“ „семигривенники“, соответствующая въ нашей сказкѣ „коню-одру“, проданному попу Демидкою по дорогой цѣнѣ.

Заключительныя статьи втораго отдѣла, напечатанныя подъ общимъ заглавіемъ: Нѣсколько грузинскихъ легендъ и сказаній имѣютъ по большей части мѣстный характеръ, будучи связаны съ тѣми или другими предметами почитанія въ разныхъ селеніяхъ Закавказья. Исключеніе составляютъ четыре послѣднихъ статьи, касающіяся повѣрій, очень распространенныхъ въ Грузіи.

Директоръ Тифлисской

3-ей женской гимназіи *А. Богоявленскій.*

Тифлисъ.

1899 года, 29 сентября.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ

(мотивовъ), заключающихся въ сказкахъ, преданіяхъ и легендахъ 2-го отдѣла.

Апель, принимающій видъ царя (42), . . . , устраивающіе свиданіе юноши и дѣвицы (59), . . . , приносящіе пищу „богомольцу (97).

Банка, въ которой находится душа дива (69). *Баранъ*, глупый, одурачиваетъ волка (199); . . . дикій (112). *Богатыри*—хранители воротъ дворца (15); *богатырь*—женщина, на бѣломъ конѣ (35). *Богомалецъ*, спасающій дѣтей изъ воды (97). *Бомльнъ* отъ любви (60). *Бородатая* женщина (4). *Борьба* паревича съ богатыркой (35, 36 и 110). *Браслетъ* съ надписью, даваемый для того, чтобы отецъ могъ узнать свое дитя (123). *Букетъ*, связанный золотыми и серебряными волосами (47; 89). *Бутылка*, въ которой находится жизнь дива (118). *Быкъ*, служащій орудіемъ чуда (248). *Бытъ* въ перегонки (96). *Быство* царевны отъ отца (30; 72), . . . паревича и его сверстницы (126).

Визирь—злой совѣтникъ (74; 76 и 119). *Вкусъ* дичи собирается въ ноги и голову (48). *Вмъзаніе* въ ухо коню, чтобы сдѣлаться молодцомъ (49 и 70). *Водолазъ* (40). *Волкъ*—купный (197). *Волосокъ*, какъ средство вызвать дающаго его (117). *Волосы* золотые и серебряные (44). . . . лошади, какъ средство вызвать ее (46). . . . дѣвусекъ, какъ средство вызвать ихъ (79). *Волшебные* предметы: лошадь и собака золотыя (32); волшебный кубшинъ (38); ножичекъ, отъ котораго зависитъ жизнь (39); волосокъ и кольцо, изъ которыхъ течетъ кровь (40); коверъ-самолетъ, палка, шапка-невидимка и скатерть прожорливая (103); собака громадная и мость, не пропускающіе путника (111); старецъ дряхлый съ узами на рукахъ (117); банка, въ которой—душа дива (69);

бутылка, также заключающая душу дива (118); топоръ золотой, къ которому прирастаетъ коснувшаяся его рука, и который при этомъ звучитъ (210); коробокъ берестяной, изъ котораго появляются руки, приготовляющія столъ, кушанья и напитки (216); коробокъ изъ золота съ драгоценными камнями, изъ котораго появляются люди съ плетями (219). *Вставленіе* глаза (208 и 209). *Выборъ* мужа для царевны (70). *Выкалываніе* глазъ въ наказаніе (97). *Вымышленное имя*—Кечаль (46). *Вѣдьма* (38); . . . , придумывающая средство извести дѣтей (98). *Внѣтры*—сыновья Мороза (215). *Внѣшій сонъ* (71).

Голосъ изъ могилы (24). *Голуби*, три, рассказывающіе о судьбѣ людей (3); . . . помогающіе ослѣпленной женщинѣ (55); . . . оборотни, дѣвицы (78); . . . открывающіе средство возвратитъ зрѣніе (120). *Гордость*—причина несчастія (42). *Гранаты*, оказывающіяся наполненными драгоценными камнями (106). *Громъ*—предвѣстникъ появленія дива (75). *Груши*, отличающіяся чудесными свойствами (79). *Гыратъ* или *шратъ* (70 и 90).

Дворецъ семи богатырей-братьевъ (61). *Дервишъ* (13; 26; 54). *Дерево* говорящее, съ листьями поющими пѣсни (99). *Дивъ*, страшный (37); . . . , спящій на своихъ подостланныхъ, вмѣсто подушки, ухахъ (66); . . . удерживающій въ плѣну красавицу (75); . . . словно гора (88); . . . , семь могучихъ (109); . . . крылатые (111). *Должникъ*, запряженный въ соху (56). *Драконъ* крылатый (5). *Дьячокъ* въ роли обольстителя чужой жены (227). *Дѣти* съ золотыми и серебряными волосами (97).

Еареи, охотящіеся на мусульманъ (61).

Жернова, какъ орудіе мести птицы (68). *Жестокосердіе* богача (213). *Живая вода* (2). *Жидъ*, принуждающій дочь вытти за него замужъ (50). *Жизнь* отъ чего зависитъ (39).

Зависть (84; 85). *Завѣщаніе* отца (84). *Запирательство* невѣрной жены (231). *Землетрясеніе*, уничтожающее городъ (58). *Змѣиное царство* (5). *Змья* около двухъ саженой длины (68). *Золотая лошадь* (31); . . . собака (32); . . . ой топоръ (210). *Зумрудъ-гуши*, царь птицъ (68).

Иблисы (9; 10). *Измѣна* жены мужу (44); . . . сестры брату (110); . . . сестры братьямъ-нартамъ (20). *Изюмъ* въ качествѣ

корма царскимъ лошадямъ (96). *Имамъ*, ожидаемый пшитами (3). *Исканіе* нужды (205). *Испытаніе* силы (67); вѣрности жены (225).

Камень бѣлый, драгоценный (73 и 74); жерновъ, какъ орудіе мести (68; 77). *Карточка*—портретъ (13). *Клейкое* лѣкарство для соединенія частей трупа (114). *Ключъ*, см. родникъ. *Кобыла*, одурчивающая волка (200). *Коверъ*—самолѣтъ (103). *Конь* бѣлый (35); Пегасъ (111). *Кони* дива (90). *Конюхъ*—царевичъ (40; 89). *Коровы* съ золотыми рогами (204). *Котъ*, устраивающій свадьбу лѣснаго человѣка съ царевною (201). *Красавица* въ плѣну у дива (75). *Кровь* младенца оживляетъ умершаго (34); красавицы превращается въ драгоценные камни (76), въ букеты розъ (92).

Лисица, одуроченная котомъ (202). *Ловля* птицъ (85); воронъ Демидкою (234). *Лошадь*,—бѣлый конь (35); черная (44). *Лѣсной* человѣкъ (200). *Людодѣ*—богатырь (116).

Маническая палка (11). *Мать*, устраивающая козни своему сыну (45); одобряющая умерщвленіе сыномъ отца (69). *Мачеха*, ненавидящая падчерицъ (95). *Местъ* за кровь брата (2); за отца (67); за обманъ, не удавшаяся (243). *Морозъ*, его жилище (215). *Мостъ* волшебный (111 и 112). *Мудрецъ*, указывающій средство избавиться отъ безплодія (65). *Мудрые* совѣты въ награду за вѣрную службу (106). *Мячикъ*, подаренный съ умысломъ (29).

Наводненіе, уничтожающее городъ (11). *Наказаніе* розовыми прутьями (29); ослѣпленіемъ и удаленіемъ въ пустыню (54); невѣрной жены мужемъ (231). *Наказанная* жадность и тщеславіе богача (220 и 221). *Нартъ-Ужъ* (18); *нарты*—братья, семь (19). *Насмѣдство* въ видѣ сѣти и дудки (82). *Нелѣпныя* рѣчи для вразумленія (104). *Ножичекъ* съ надписью (59).

Обманъ попа посредствомъ продажи ему вороны (232; 234), живилки (239), коня (237) и телѣжки (235). *Обыскиваніе* (55). *Овцы* съ золотыми рогами (204). *Олень*, увлекающій охотника за собою. *Оленье* мясо, какъ лѣкарство для испѣленія царя (48). *Освобожденіе* сыномъ отца изъ желудка дива (69); красавицы изъ плѣна у дива (89). *Осина* учитъ соблюденію праздничнаго покоя (253). *Ослѣпленіе* младенца

ножикомъ (54); матери (55); царевича (119). *Отвѣтъ* изъ зависти бросаетъ сына въ яму (69); преслѣдуетъ свою дочь (50); приказываетъ казнить сына, не зная его (128). *Охота* (38; 56).

Палка въ три пуда вѣсомъ (72); опрокидывающая пень (103); въ сорокъ пудовъ вѣсомъ, съ крючкомъ на концѣ (116); *Паукъ*, помогающій мучителямъ Христа (252). *Переодѣваніе* въ докторскій костюмъ (63); дочери жида въ мужской костюмъ (51); мужчины женщиной (29); царевича пастухомъ (46). *Перстень*, положенный въ пловъ (53); съ надписью (59). *Перышко*, съ помощью котораго (дунуть) исполняется всякое желаніе (68); голубя, возвращающее зрѣніе (120). *Письмо* къ родителямъ на тотъ свѣтъ (93). *Платье* матери (51). *Поюня* волковъ за портнымъ (197) дива за похитителемъ его плѣнницы, прекрасной царевны (91); жениха за похитителемъ царевны (16); царя, отца, за похитителями царевны (30; 41). *Подмѣлъ* дѣтей щенками (97). *Покаяніе*, какъ средство примиренія съ Богомъ (43). *Портной* одурачиваетъ волка (197). *Портретъ* красавицы (27); найденный въ сундуѣ отца (114); жены, причиняющій неприятности (37); *портреты* для постоянного вспоминанія другъ о другѣ (222). *Порученія* опасныя: добыть крупныхъ драгоценныхъ камней (74); достать розу атри-лала (76); достать грушъ, растущихъ за синимъ моремъ въ одномъ саду (79); достать чудесную розу, красотою и ароматомъ которой можно наслаждаться цѣлый годъ (86); поймать самца дивной птицы съ разноцвѣтными перьями (85); . . . сходить на тотъ свѣтъ, къ родителямъ царя (93 и 94). *Потопленіе* обманомъ (242). *Похищеніе* платья купающихся (78). *Превращеніе* въ блохъ—ангеловъ (59); въ деревья—участниковъ свадебной процессіи (251); . . . въ камень за нарушеніе заповѣди голубей (33); въ камень—пастуха за неисполненіе обѣта (246); въ камни—искателей красавицы (115); въ камни—участниковъ свадебной процессіи (250); въ козла—мужа, чтобы испытать вѣрность жены (225); въ оленя—дѣвушки (121); въ осину—нарушите-

ля святости праздничнаго покоя (253). *Преимущество* армянъ относительно времени разгавливанія на Пасху (254). *Птица* громадная (77); *Зумрудъ-гуши* (68); переводчица говорящаго дерева (100); съ разноцвѣтными перьями (83). *Путешествіе* на птицѣ (80). *Пятна* на лувѣ отъ приставшаго тѣста (253).

Разбойники нападаютъ (60; 107). *Разлука* мужа съ женой (105). *Разрѣзываніе* пальца, чтобы не спать отъ боли (67). *Родникъ*, подъ которымъ скрывается путь въ жилище дива (75); (ключъ) въ царствѣ бѣсовъ (102). *Роза* въ волшебномъ кувшинѣ (38); атри-лала (76); чудесная, необыкновенная (86). *Рыцарь* спящій (1); *Ювелиръ* (123).

Садъ заповѣданный (35); пріютъ бѣгянки (52). *Садовникъ* добрый, дающій пріютъ переодѣтому царевичу (47); укрывающій путника (62); дающій пріютъ золото-волосымъ дѣтямъ (98). *Самоубійство* вслѣдствіе отчаянія (16). *Свадьба* противъ отцовской воли (48). *Свинья*, одурачивающая волка (199). *Связываніе* большихъ пальцевъ на рукахъ съ коварною цѣлью (113). *Сестра-предательница* (20 и 113). *Сестры* въ лѣсу и у шаха (96). *Скатертъ*, съѣдающая сорокъ котловъ плова (103). *Скрывается* царевичъ у купца въ лавкѣ (127). *Слезы* красавицы, пробуждающія героя (41). *Смѣль* ноги на камнѣ, чудесный (249). *Смѣль*, превращающійся въ розу (78). *Собака* громадной величины (111); питающая царевича во время нахождения его въ ямѣ (119): *собаки* охотничьи, стерегущія трупъ (114). *Совѣтникъ* злой, визирь (74); лавочникъ (84 и 85). *Совѣты* мудрые (106). *Соленый* хлѣбъ для возбужденія жажды (119). *Сонъ* чудный (3); вѣщій (71). *Сосаніе* пальцевъ для утоленія голода (98). *Спасеніе* птенцовъ птицы отъ змѣи (68 и 77). *Спящая* царевна (4). *Спящій* рыцарь (1). *Ссора* солнца съ мѣсяцемъ (8); изъ-за порицанія жены (223—224). *Старецъ* дряхлый, съ узами на рукахъ (117). *Старуха*, помогающая добыть красавицу (28); даетъ пріютъ путнику (63); предостерегаетъ отъ бѣды (100 и 101). *Столбы*, три, на распутѣ (122). *Сынъ* изъ мести изрѣзываетъ въ куски вѣроломнаго отца (69).

Тетки, злая, стараются погубить племянника и племянницу (18);

100 и 101). *Толкованіе сна* (71). *Тополн* на могилѣ (17).
Тризна по умершему (67).

Убіеніе сыномъ матери (46); дочерей при рожденіи (109);
 сына отцомъ (119); сыномъ отца (69). *Удавъ*
 змѣя (32).

Царевна, поражающая непріятеля (16; 31); спящая (4);
 дочь царя Гуріи (101). *Царь бѣсовъ* (102).

Чародѣйка, жена визиря (38). *Чашика* съ водою для гаданія (63).
Человѣкъ, которому море до колѣна (17). *Честнымъ* путемъ
 заработанныя деньги (106). *Чудесное* возникновеніе ороси-
 тельной канавы (25), спасеніе иконы отъ сожже-
 нія (248).

Шатка-невидимка (103). *Шелковый платокъ*, какъ перевязь (50).

Яблоки, сообщающіе дѣторожденіе (26); для выбора жени-
 ха, посредствомъ удара (47);, отъ которыхъ растутъ
 хвостъ (80); растущія въ саду семиглаваго дива (111).
Яичко черное, изъ зоба краснаго пѣтуха, противъ беспло-
 дія (65). *Яйцо* разноцвѣтное (83).

А. Б.

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ ВЪ СКАЗКАХЪ, ПЕРЕДА-
НІЯХЪ И ЛЕГЕНДАХЪ 2-ГО ОТДѢЛА.

- Ашъ*, герой ск. *) (26). *Аларь*, гора (4). *Али-Мамедъ-ханъ* (47).
Али-ханъ (44). *Арастыюль*, гежимъ (11). *Ардабилъ*, го-
родъ (1). *Арсланъ-Гирей* (21). *Афлатюнъ*, гежимъ (11).
Афросіябъ-царь (2).
- Баидадъ*, городъ (104). *Баиро*, гора (1). *Баку*, городъ (11). *Ба-
тыръ-ханъ* (2). *Бектемиръ*, богатырь (21). *Боже*, бога-
тырь (2).
- Гавриилъ*, архангелъ (12). *Гаджи-Муратъ* (44). *Газанфаръ* (109).
Галзатъ-бекъ (44). *Георгій*, святой (198). *Горе Косое* (205);
(207). *Гурія*, страна (101). *Гюльмизара* (97). *Гюльтери* (50).
Гыльманъ, страна (62).
- Давестанъ*, страна (21). *Дамаскъ*, городъ (52). *Девъ-каласи*, древн.
крѣпость (4). *Дегеръ-каласи*, древн. крѣп. (4). *Демидка* (231).
Дербентъ, городъ (19). *Джасанбахшъ* (1). *Джанъ-шахъ* (58).
Джафаръ (104).
- Зенарда*, селеніе (245). *Зиба-Изабелла* (123). *Зибейда* (125). *Зу-
вандскія горы* (1).
- Ибраимъ* (71 и 72). *Ибраимъ* съ золотыми и серебряными во-
лосами (97). *Ибраимъ-сирота* (82). *Иванъ* (205).
- Кааба*, святилище магометанъ (12). *Кара-Куламами* (116). *Кай-
таю-Табасаранскій округъ* (19). *Кирвинскій хребетъ* (1).
Куль-Шадъ (72). *Кушъ* царевичъ (26). *Кызъ-каласи*, древ.
крѣп. (4).
- Мамедъ* (53). *Мастанъ* (65). *Меликъ-Асланъ* (74). *Меликъ-Джум-
шидъ* (65). *Меликъ-Надиръ* (109). *Морозъ* (221).

*) Дальше эпическихъ героев обозначаютъ всѣ тѣ имена, при ко-
торыхъ нѣтъ поясненія.

Номазъ (56).

Овчи-Пиримъ (24). *Орандскія горы* (1).

Парабашъ (66). *Пожалевскій господиень* (202). *Правда* (233).

Рахмъ (56). *Ркониси, мѣстность* (247). *Рубась-чай, рѣка* (19).

Руиси, селеніе (246). *Рустамъ* (71). *Рустамъ-Залъ* (1).

Саваланъ, гора (1). **Салимъ-ханъ** (121). *Сардованскій хребеть* (1).

Сафавійя, династія (15). *Светети, селеніе* (251). **Се-**

менъ 205. *Сербуяня, богатырь* (1). *Сефи шейхъ-Загидъ* (6).

Тамара, царица (251). *Тортиза, селеніе* (250).

Ужъ, богатырь (17).

Франистанъ, страна (11).

Хая-таннафуса (58). *Хуришда* (90). *Хуришдъ ханумъ* (47). **Хуч-**

ни, селеніе (19).

Шаарабаилъ, городъ (11). **Шамилъ** (65). **Шахъ-Аббазъ** (98 и 121).

Шахбазъ-пари (114). *Шахъ-Санамъ* (76). **Ширазъ, гор.** (105).

Эльдарушъ, богатырь (21).

Ювелинъ, рыцарь (123).

А. Б.

Замѣченныя опечатки.

Отд.	Страница.	Строка	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.	
		<i>сверху. снизу.</i>			
I	X(предисл.)	—	8	соломенка	соломинка
II	3	15	—	нея	него
"	14	12	—	любоваться, глядя	любоваться
"	30	13	—	одной	одного
"	31	—	17	рабудиль	разбудиль
"	—	—	1	увидять	увидать
"	38	14	—	что бы	чтобы
"	62	4	—	царевачь	царевичь
"	72	—	1	исдѣлалъ	и сдѣлалъ
"	98	—	4	опустили	опустили
"	114	3	—	сѣѣденіе	на сѣѣденіе
"	137	—	11	отвѣтила	отвѣтилъ
"	171	10	—	за людей	на людей
"	174	11	—	„Сатаила“	„Сатанаила“
"	183	9	—	помиловать	помиловать
"	—	11	—	Видишь	видишь
"	186	—	16	хрипѣть	храпѣть
"	190	15	—	самъ какъ	самъ, какъ
"	—	—	13	бармочеть	бормочеть
"	200	—	13	кобыли	кобылы
"	229	—	13	можно.	можно, а
"	230	—	14	узнала	узналъ
"	232	—	1	яйчницу	яичницу
"	234	10	—	то	то,
"	235	9	—	онъ.	онъ
"	238	—	4	выновать	виновать

ТАЛЫШИНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

1. Легенда о спящемъ рыцарѣ.

Продолженіе Зуvandскихъ и Орандскихъ горъ, находящихся на русской территоріи, составляютъ персидскіе кражи, именуемые Кирвинскими и Сардованскими хребтами, на коихъ замѣчательны своею высотой двѣ вершины—Саваланъ и Багро, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Первая расположена въ ста верстахъ отъ Ардабиля*); она стройнѣе, красивѣе и выше всѣхъ прочихъ сосѣднихъ горъ, поэтому она пользуется у шитовъ особенною симпатіею. Про нее существуетъ много легендарныхъ разсказовъ, созданныхъ народной фантазіей.

По словамъ „правовѣрныхъ“, на Саваланѣ обрѣтается священная пещера, гдѣ постоянно горитъ сверхъестественный, неугасаемый огонь, который носитъ персидское названіе „нуръ“ и, будто-бы, очень ясно и отчетливо виденъ по ночамъ. Въ этой глубокой и закрытой пещерѣ, какъ гласитъ легенда, спитъ непробуднымъ сномъ богатырь Джаганбахшъ, прозванный народомъ „Сербурягна“, что означаетъ на персидскомъ языкѣ открытую голову, такъ какъ онъ бился съ непріателемъ всегда съ открытою головою, обвязавъ ее только желѣзною цѣпью, служившею ему щитомъ. Этотъ спящій рыцарь считается сыномъ извѣстнаго народнаго богатыря Рустамъ-Зала, отличавшагося беззавѣтной отвагой, неимовѣрною силою и непобѣдимостью; послѣ всякой его побѣды надъ

*) Къ западу отъ Ардабиля; им. 15792 ф. абс. выс. *Ред.*

врагами, народъ воспѣвалъ его подвиги стихами. Джаганбахшъ, получивъ печальную вѣсть о своемъ родномъ братѣ — Беже, убитомъ Туранскимъ царемъ Афросіабомъ, и желая отомстить ему за кровь брата, явился къ своей нѣжно-любимой матери просить благословенія и позволенія ѣхать въ далекій край. При этомъ онъ объяснилъ ей и цѣль своей поѣздки, такъ какъ онъ, благоговѣя предъ матерью и зная ее за вдохновенную женщину, пророчицу и предсказательницу судьбы челсвѣа, слушался ея указаній и поступалъ по ея совѣтамъ. Мать, выслушавъ сына и одобривъ его благородный въ отношеніи къ своему брату поступокъ, благословила его чтеніемъ молитвы и кропленіемъ розовою водою и въ заключеніе сказала:

— „Сынъ мой, ты выйдешь побѣдителемъ, отомстивъ врагамъ за кровь брата. Ты счастливѣе своихъ братьевъ и отца, ибо тебѣ предопредѣлено Аллахомъ драться съ „кафирами“ за исламъ, помогая своему послѣднему имаму, который явится на свѣтъ для упроченія шиитской религіи. Послѣ побѣды надъ злодѣями ты не возвращайся домой, а поѣзжай прямо на г. Саваланъ, куда повезетъ тебя твой умный конь. На этой горѣ ты найдешь пещеру и въ ней родникъ живой воды, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пещеры—другой родникъ. Какъ только пріѣдешь туда, ты, предварительно вымывъ лицо и выпивъ воды изъ перваго родника, соверши два „рукать-намаза“*) Аллаху и, затѣмъ, изъ другого родника напой своего добраго коня: оба вы станете безсмертными, но только съ тою разницею, что ты заснешь глубокимъ сномъ и станешь просыпаться лишь по временамъ, а конь твой будетъ стоять на стражѣ, охраняя тебя отъ хищныхъ звѣрей. Ты спустишься съ горы внизъ тогда, когда сабля твоя, совершенно выйдя изъ своихъ ноженъ и упавъ на землю, будетъ обращена рукояткою къ тебѣ, а

*) Намазъ—установленная молитва, совершаемая мусульманами пять разъ въ день. Онъ состоитъ изъ частей, называемыхъ „рукать“.

твоя лошадь будетъ безпрестанно ржать и бить копытами въ землю, давая тебѣ знать о появленіи святого имама.“

Сказавъ это, мать попрощалась съ сыномъ и отпустила его въ путь. Джаганбахшъ, уничтоживъ своихъ враговъ, поѣхалъ оттуда прямо на Саваланъ, гдѣ онъ, по повѣрью шиитовъ, и доннынѣ спитъ богатырскимъ сномъ. Просыпается онъ черезъ каждые семь лѣтъ, смотреть на свою саблю булатную и опять погружается въ глубокой сонъ. На него, какъ говорятъ мусульмане, не дѣйствуетъ ни жара, ни холодъ, ни жажда, ни голодъ, ибо сонъ этотъ навѣянъ божественною силою. Не вдалекѣ отъ таинственной пещеры, видной, по словамъ легенды, только счастливымъ и безгрѣшнымъ, которымъ удалось взобраться на Саваланъ, струится по камнямъ горный ручей, вода котораго, отличаясь чудесною силою, даетъ человѣку, выпившему изъ нея хотя нѣсколько капель, вѣчную жизнь. Возлѣ этого ручья на высокой зеленой травѣ пасется крылатый чудесный конь. Трава эта имѣетъ то свойство, что, будучи съѣдена конемъ, снова моментально вырастаетъ, по волѣ Аллаха, и конь, благодаря этому, не терпитъ ни голода, ни жажды. Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ появленія имама, дабы хозяинъ могъ съѣсть на него и вступить въ бой съ невѣрными. Имамъ, ожидаемый мусульманами по настоящее время, есть Газръятъ-Мехти-Саибъ-Заманъ-Галеэтъ-Саламъ, который придетъ, по преданію, тогда, когда на свѣтѣ не останется ни одного истиннаго мусульманина, и магометанская религія, подавленная христіанствомъ, будетъ при послѣднемъ издыханіи; тогда вездѣ будутъ царить обманъ, ложь, развратъ, атеизмъ, боготвореніе денегъ; старики не будутъ пользоваться уваженіемъ со стороны молодежи; повсюду будутъ свирѣпствовать моръ и страшный голодъ; люди станутъ ѣсть себѣ-подобныхъ, употребляя въ пищу даже своихъ дѣтей. Миссія имама—возстановить шиитскую религію на незыблемыхъ началахъ, уничтоживъ всѣ другія вѣроисповѣданія. Предъ тѣмъ, какъ явится имаму, на небѣ, какъ разъ

надъ вершиною Савалана, покажется громадная комета съ длиннымъ огненнымъ хвостомъ. Какъ только придетъ имамъ, исчезнутъ голодъ и моръ, всѣ люди будутъ благодушествовать, деньги потеряютъ свое прежнее значеніе. Но имамъ будетъ убить бородатую женщиною; поэтому всякая бородатая женщина не уважается мусульманами.

Записана учителемъ Ленкоранскаго двухкласснаго начальнаго училища *Теймуръ-бекомъ Байрамъ Алибековымъ.*

2. Легенда о спящей царевнѣ.

Въ ста двадцати верстахъ отъ Ленкорани, по направленію къ западу, величественно возвышается скалистая гора Аларъ. На вершинѣ этой недоступной горы донинѣ существуетъ одна древняя крѣпость, называемая по-татарски Кызъ-каласи, а вблизи ея стоитъ другое укрѣпленіе—Девъ-каласи; на нѣкоторомъ же разстояніи отъ этихъ двухъ расположена еще и третья крѣпость—Дегеръ-каласи. Объ этихъ историческихъ памятникахъ сохранилось въ народѣ много легендъ.

Въ одной изъ этихъ легендъ, рассказываемой зувандцами, живущими въ окрестностяхъ крѣпости Кызъ-каласи, говорится, будто въ этой крѣпости есть царскій дворецъ, во дворѣ котораго вѣчно зеленѣетъ роскошный садъ, окруженный высокими каменными стѣнами; въ саду высится хрустальная башня, а въ ней на золотой кровати, убранной драгоценными камнями, спитъ красавица-царевна. Осужденная злымъ волшебникомъ, она спитъ уже давно и будетъ спать до тѣхъ поръ, пока не явится и не разбудитъ ее отъ этого сна влюбленный въ нее принцъ. Спящая красавица вся окутана вѣчно зелеными благоухающими цвѣтами, изъ которыхъ она

нѣкогда свивала прекрасную гирлянду. Когда поблекнуть эти цвѣты, тогда она проснется и увидитъ передъ собой влюбленнаго принца, который подаритъ ей драгоцѣнное воздушное платье.

Она дочь знаменитаго рыцаря-шаха, который, благодаря своей силѣ и отвагѣ, нѣкогда владѣлъ всѣмъ міромъ; но вся его славная династія была истреблена семиглавымъ девоу, который, плѣнившись красотою царевны, оставилъ только ее одну въ живыхъ, чтобы сдѣлать ее своею наложницею. Но въ это время на него моментально напалъ крѣпкій, непреодолимый сонъ, и онъ спитъ и поднесъ въ роскошныхъ хоромахъ башни Девъ-каласи. Тамъ же зарытъ кладъ въ тысячахъ кувшиновъ, наполненныхъ золотомъ; этотъ кладъ стерегутъ ядовитыя рогатыя змѣи. У змѣй этихъ есть своя царица, съ драгоцѣнною короною на головѣ; всѣ змѣи, обитающія въ горахъ и подвластныя царицѣ, приходятъ къ ней на поклонъ въ день „Новруза“*), и приносятъ ей въ дань по червонцу, держа его во рту. Царица окружена блестящею многочисленною свитою, состоящею изъ молодыхъ, красивыхъ змѣй, которыя охраняютъ также и спящаго великана-дева, душа котораго скрывается въ маленькомъ бѣломъ камешкѣ, спрятанномъ подъ языкомъ у царицы. Девъ будетъ безсмертенъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ этотъ бѣлый камешекъ, который, поэтому, тщательно сохраняется царицей, и по смерти ея передается другой царицѣ, наслѣдницѣ первой.

Молодой, влюбленный въ спящую царевну, принцъ, родъ котораго происходитъ отъ извѣстныхъ благочестивыхъ персидскихъ царей династіи „Сафавыйя“, передъ тѣмъ какъ подняться на вершину этого змѣинаго царства и забраться въ крѣпость, встрѣтитъ у входа крылатаго дракона. Этотъ драконъ не впуститъ влюбленнаго принца къ спящей царевнѣ, и между

*) Новрузъ—Новый годъ у магометанъ.

ними произойдетъ отчаянная борьба, въ которой принцъ останется побѣдителемъ. Оставивъ дракона въ живыхъ, онъ сдѣлаетъ его ручнымъ, и драконъ, какъ преданная собака, будетъ сопровождать принца во всѣхъ его походахъ и сраженіяхъ. Въ то время, когда принцъ войдетъ въ крѣпость, и на него нападутъ страшные крокодилы, драконъ поможетъ принцу перебить ихъ всѣхъ, и принцъ, преодолевъ всѣ эти препятствія, выкупается въ чудесной водѣ священнаго родника, находящагося въ крѣпости, и, явившись чистымъ къ спящей царевнѣ, разбудить ее, наконецъ, отъ долгаго сна. Подойдя къ ней, онъ спроситъ ее:

— „Скажи, красавица-царевна, кто заключилъ тебя сюда, и я уничтожу его.“

— „Меня заключилъ сюда злой волшебникъ“, отвѣтитъ она, „но онъ теперь ничего уже не сдѣлаетъ со мной, такъ какъ ты нашелъ меня. Препятствовать тебѣ можетъ только дѣвъ, который на дняхъ проснется и возьметъ меня къ себѣ; онъ истребилъ весь нашъ родъ, который въ былое счастливое время процвѣталъ, благодаря своему славному царю Дару. Я научу тебя, какъ убить этого страшнаго врага. Слушай меня: недалеко отсюда стоитъ скала Дегеръ-каласи; тамъ есть старинная царская мечеть съ гробомъ одного святого. Туда наканунѣ пятницы, по вечерамъ, приходитъ любимый и уважаемый всѣми шіитами наставникъ—Сефи-шейхъ-Загидъ. Онъ совершаетъ въ этой мечети семь „рукатовъ“ вечерней молитвы и громко читаетъ „ясинъ“*) надъ могилой святого. Этотъ шейхъ становится видимымъ только во время „намаза“. Подожди его у могилы святого и, когда онъ явится, подойди къ нему, упади къ ногамъ его и произнеси кротко: „О, святой отецъ всѣхъ шіитовъ, помоги моему горю во имя великаго Аллаха и Магомета, пророка его.“ Кончивъ „намазъ“, онъ спроситъ: „Въ чемъ твое

*) Ясинъ—отрывокъ изъ корана, читаемый надъ покойниками.

горе, дорогой царевича рода славныхъ государей Саффарийя?“ Тогда ты расскажи ему о девѣ; святой шейхъ-Загидъ прочтетъ нѣсколько молитвъ, дунетъ нѣсколько разъ тебѣ въ лицо и, отдавая тебѣ таинственный талисманъ, скажетъ: „Пойдешь ты, царевичъ, съ этою „дувою“ въ крѣпость Девъ-каласи, гдѣ пребываетъ страшный девъ; прежде всего, подойдя къ стѣнѣ крѣпости, прочти ты семь разъ отрывокъ изъ корана: „Иннаэн-зялла“; потомъ войди въ крѣпость, гдѣ тебя окружаютъ ядовитыя змѣи; но ты не бойся ихъ; послѣ этого явится предъ тобой, въ сопровожденіи блестящихъ змѣй, одна бѣлая змѣя и выкинетъ изъ своего рта маленькій камешекъ; ты возьми его и, сдѣлавъ три поклона бѣлой змѣѣ, отпусти ее, а камешекъ истолки въ мелкій порошокъ. Послѣ этого пойдешь къ деву и найдешь его уже мертвымъ.“

Выслушавъ все это отъ царевны, царевичъ отправится туда, гдѣ по вечерамъ въ четвергъ горитъ всегда священный огонь, и святой шейхъ-Загидъ молится въ мечети, находящейся въ древней крѣпости Дегеръ-каласи. Царевичъ дѣйствительно увидитъ почтеннаго старца, который, какъ гласитъ легенда, дастъ царевичу талисманъ для умерщвленія дева. Послѣ этого снова возобновится царствованіе его славнаго рода „Саффарийя“.

Записана въ селеніи Сорусъ, Зувандскаго приставства, со словъ *Рза-Али Мамедъ Али-оглы* и *Музаффаръ Алимагъ-оглы*, учителемъ *Теймуръ-бекомъ Байрамъ Али-бековымъ*.

3. П о в ѣ р ь я .

Во время затменія луны мусульмане бьютъ, стучать всѣми силами въ мѣдную посуду и стрѣляютъ изъ ружей, желая посредствомъ напугиванія и шума освободить луну изъ рукъ тѣхъ чертей, которыми она будто-бы задержана. По

словамъ мусульманъ, дьяволы ловятъ луну и погружаютъ ее въ большое, глубокое озеро, находящееся на „третьемъ небѣ“; они держатъ ее подъ водою, но когда слышать шумъ и выстрѣлы людей, то, испугавшись, отпускаютъ ее на волю. Мусульмане вполне вѣрятъ, что черти сильно боятся звука металлическихъ предметовъ, а потому каждый мусульманинъ, если только ему приходится идти въ лѣсъ или отправиться куда-нибудь ночью, непременно возьметъ съ собою на дорогу ножъ или какую-нибудь мѣдную вещь для того, чтобы избавиться отъ чертей, которые, будто-бы, преслѣдуютъ каждого человѣка, съ цѣлю извести его. Что же касается интеллигентныхъ мусульманъ, т. е. муллъ и ахундовъ, то они затменія луны и солнца приписываютъ карѣ Аллаха, который, по ихъ мнѣнiю, прогнѣвавшись на правовѣрныхъ за ихъ грѣхи и гнусныя дѣла, посылаетъ въ несмѣтномъ количествѣ своихъ небесныхъ ангеловъ, и они, по приказанiю Аллаха, заслоняютъ своими крыльями луну или солнце отъ глазъ грѣшниковъ, чтобы заставить ихъ вернуться на путь истины, оставивъ свои порочныя дѣла. Послѣ затменiя, муллы и ахунды приглашаютъ нѣсколькихъ благочестивыхъ и почтенныхъ гаджiевъ въ мечеть и, вмѣстѣ съ ними, совершаютъ намазъ, чтобы Аллахъ, услышавъ ихъ горячія молитвы, простилъ грѣшниковъ и ниспослалъ на нихъ свою благодать. По выходѣ изъ мечети, они раздаютъ бѣднымъ милостыню.

Относительно луны и солнца существуетъ слѣдующая легенда, весьма распространенная между мусульманами. Мѣсяцъ и солнце суть живыя, подобныя ангеламъ, наикрасивѣйшія существа, которыя сотворены Аллахомъ для того, чтобы они своею блестящею и свѣтлою красотою освѣщали правовѣрныхъ, живущихъ на землѣ. Солнце, по мнѣнiю мусульманъ, представляетъ собою женщину ослѣпительной красоты, а мѣсяцъ—красиваго мужчину. Нѣкогда они были связаны узами брака, но, поссорившись между собою, разошлись и донны

находятся въ разлукѣ. Ссора, какъ гласитъ легенда, произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: солнце, будучи женою мѣсяца, исполняло всѣ домашнія работы, какъ-то: стирало пищу и мыло бѣлье. Разъ оно, предварительно замѣсивъ тѣсто, пекло въ „тандирѣ чуреки“*); въ это время подошелъ къ нему мѣсяцъ и на правахъ мужа сталъ заигрывать съ нимъ; но солнце нашло оскорбительнымъ и крайне неприличнымъ любезничанье мужа во время печенія чурековъ,—въ сердцахъ оно бросило въ лицо мужа тѣстомъ, а само убѣжало, оставивъ мужа у „тандира“; мѣсяцъ, сильно разсердившись на жену, пустился за нею въ погоню, чтобы поймать и строго наказать ее за дерзость. Но и до сихъ поръ онъ гоняется за солнцемъ и никакъ не можетъ догнать.

По словамъ мусульманъ, въ концѣ каждаго мѣсяца луна снова рождается, находясь два дня въ утробѣ матери; поэтому каждый мѣсяцъ она то уменьшается, то снова растетъ. Это дѣлается для того, чтобы мѣсяцу съ молодою силою и новой энергіею продолжать погоню за солнцемъ, которое отличается необыкновенною быстротою; такъ-какъ мѣсяцъ находится отъ солнца на далекомъ разстояніи, то поэтому послѣднее идетъ умѣреннымъ шагомъ, не нуждаясь въ новой силѣ и энергіи, не увеличиваясь и не уменьшаясь. Пятна, находящіяся на лунѣ, по словамъ мусульманъ, суть остатки высохшаго тѣста, которымъ солнце бросило въ лицо лунѣ. Хотя мѣсяцъ молодится и моетъ свое лицо всѣми возможными снадобьями, но никакъ не можетъ смыть пятенъ съ лица. Мѣсяцъ, по мнѣнію мусульманъ, раньше былъ краше солнца, но послѣ этой печальной исторіи онъ лишился своей прежней красоты.

По словамъ ахундовъ и муллъ, падающія звѣзды или аэролиты суть дьяволы, именуемые по-арабски „иблисами“. Они,

*) Тандиръ—печь. Чурекъ—хлѣбъ, въ видѣ толстой лепешки.

эти „иблисы“, прежде находились въ раю, усердно служа Аллаху, проводя жизнь въ молитвахъ: впоследствии они были выгнаны изъ рая за то, что Богъ приказалъ имъ поклониться праотцу нашему Адаму, когда тотъ былъ выдѣленъ изъ глины, а они наотрѣзъ отказались исполнить это приказаніе, сказавъ: „мы созданы изъ огня, изъ самаго чистаго вещества, а Адамъ сотворенъ изъ глины; мы не можемъ поклониться чело-вѣку, сдѣланному изъ грязи: это для насъ унижительно.“ За эту гордость Богъ выгналъ ихъ изъ рая. Но когда „иблисы“, вопреки волѣ Аллаха, хотятъ силою занять свое прежнее мѣсто въ раю, то ангелы, по приказанію Аллаха, выгоняютъ ихъ изъ предѣловъ рая, и они, выходя оттуда, обращаются въ бѣгство, оставляя позади себя огненные искры, служащія для нихъ защитою отъ враговъ ихъ, ангеловъ.

Сообщилъ учитель Ленкоранскаго двухкласснаго начальнаго училища *Т. Байрамъ-Алибековъ*.

ТАТАРСКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

I. Легенды, былины и преданія.

1. Преданіе о городѣ Баку.

Много лѣтъ тому назадъ Каспійскаго моря не было. На мѣстѣ его находился *древній* городъ Баку, который назывался Шаарабаилемъ. Онъ былъ населенъ греками (прежде всѣ народы были греками). Царствовалъ въ этомъ Шаарабаилѣ величайшій мудрецъ и гекимъ (врачъ) Аелатьюнъ. Онъ зналъ такія искусства, какихъ не знаетъ теперь никто: такъ, онъ могъ обращаться въ какого угодно звѣря или птицу, лѣчить всякаго рода болѣзни и т. п. У Аелатьюна былъ ученикъ Арастыюль, который въ знаніи не уступалъ своему учителю. Разъ Аелатьюнъ, взявъ съ собою книги свои, превратился въ орла и полетѣлъ гулять по бѣлому свѣту. Арастыюль, воспользовавшись отсутствіемъ учителя, взялъ его магическую палку и поднялся на скалы. Подойдя къ одной скалѣ, изъ которой вытекала вода, Арастыюль ударилъ въ нее магической палкой. Вдругъ скала раздѣлилась на двѣ части, и изъ середины ея хлынула вода, которая покрыла всю эту мѣстность и затопила городъ Шаарабаилъ. Арастыюль спасся бѣгствомъ, а на мѣстѣ города образовалось Каспійское море. Между тѣмъ возвратился съ прогулки и Аелатьюнъ. Увидѣвъ положеніе своего города и понявъ, въ чемъ дѣло, онъ взмахнулъ крыльями и улетѣлъ въ Франгистанъ. По удаленіи гро-

наго учителя, Арастыюль собралъ разбѣжавшихся жителей и основалъ городъ Баку, часть котораго и въ настоящее время называется Баилемъ. Камни, которые по мѣстамъ выдаются въ Каспійскомъ морѣ изъ воды, говорятъ, не иное что, какъ стѣны разрушенныхъ домовъ древняго Шаарабаила.

Записалъ, со словъ *Гаджи Вааба-Керимова*, въ гор. Баку воспитанникъ Закавк. учительск. семинаріи *А. Бабалянъ*.

2. Богатырь.

(Мусульманская легенда.)

Разсказываютъ, что у пророка Магомета часто болѣлъ зубъ и каждый разъ сильно мучилъ его. Однажды зубъ заболѣлъ у него въ Каабѣ, когда онъ проповѣдывалъ народу. Въ это время явился ему архангелъ Гавріилъ и сказалъ пророку:

— „Великій пророкъ! въ городѣ живетъ одинъ богатырь, который настолько состарѣлся, что морщины его лба держатся на затылкѣ нѣсколькими крючками; если онъ разскажетъ тебѣ какой-либо случай изъ своей жизни, то, съ Божіею помощію, твой зубъ перестанетъ болѣть навсегда.“

Сказавъ эти слова, архангелъ исчезъ. Окончивъ проповѣдь, пророкъ приказалъ привести къ нему того старика-богатыря. Старикъ пришелъ къ пророку и, поклонившись ему въ ноги, сѣлъ. Пророкъ поднялъ его на ноги и сказалъ:

— „Разскажи мнѣ какой-либо случай изъ твоей жизни.“

Богатырь началъ:

— „Пусть буду я жертвою ногъ твоихъ, великій пророкъ! Въ молодости царь назначилъ меня базарнымъ смотрителемъ. Въ теченіе недѣли я ничего не ѣлъ, но когда наступала джумма

(пятница), я собиралъ съ базара десять пудовъ риса, соответственное количество масла и мяса, варилъ себѣ пловъ и съѣдалъ разомъ, а потомъ опять ничего не ѣлъ до слѣдующей джуммы.

Однажды— это было въ джумму—по обыкновенію, собирая рисъ, масло и мясо, я увидѣлъ, что какой-то дервишъ стоитъ передъ одной лавкой и поетъ печальныя пѣсни, а народъ кидаетъ ему деньги. Пѣсня такъ тронула меня, что я сунулъ руку въ карманъ и, доставъ оттуда цѣлую горсть денегъ, далъ дервишу. Когда дервишъ кончилъ пѣсню, я предложилъ ему ночевать у меня. Дервишъ не согласился, опасаясь за цѣлость своихъ денегъ. Тогда я отвелъ дервиша къ одному честному муллѣ и поручилъ ему на сохраненіе деньги дервиша. Когда былъ готовъ пловъ, мы начали ѣсть, но не знаю, сытъ ли былъ дервишъ. Послѣ плова, уложивъ дервиша спать въ другой комнатѣ, я потушилъ свѣчу, заперъ двери и легъ спать. Ночью просыпаюсь и вижу, что въ комнатѣ дервиша—свѣтъ; я удивился, когда увидѣлъ свѣтъ, подошелъ къ дверямъ и сталъ смотрѣть въ щель: дервишъ, глядя на какую-то карточку, билъ себя въ грудь и горько плакалъ. Увидѣвъ это, я крикнулъ:

—„Дервишъ, отвори дверь!“

Дервишъ сказалъ, что онъ спитъ. Тогда я сердито закричалъ:

—„Дервишъ, если ты не отворишь,—не сидѣть твоей головушкѣ на плечахъ!“

Дервишъ испугался и отворилъ двери. Я вошелъ и потребовалъ у него карточку. Тотъ, испугавшись, отдалъ и карточку. Посмотрѣлъ я и вижу, что это портретъ какой-то прелестной дѣвушки, гуріи дженната (рая). Удивленный красотой дѣвушки, я спросилъ у дервиша о ея происхожденіи. Онъ рассказалъ, что она его двоюродная сестра, дочь царя, а онъ плачетъ оттого, что выдаютъ ее не за него, а за другого. Я

взялъ карточку и, отправившись къ живописцу, приказалъ снять самую точную копию съ этого портрета. Живописецъ исполнилъ мое желаніе въ точности. Старый портретъ я возвратилъ дервишу, а новый оставилъ у себя и всегда хранилъ при себѣ. Утромъ пошелъ дервишъ къ муллѣ, взялъ у него деньги и удалился.

Однажды я осѣдлалъ коня, надѣлъ свои богатырскіе доспѣхи и выѣхалъ на охоту. Ночь пришлось провести въ лѣсу. Ночью вспомнилась мнѣ эта красавица; я досталъ ея портретъ и сталъ любоваться, но вдругъ пришла мнѣ въ голову такая мысль: „Какой я глупый человѣкъ! зачѣмъ смотрѣть на портретъ, когда я могу достать ее самоё и любоваться, глядя на ея прелестное лицо?!“ Утромъ сѣлъ я на своего коня и отправился въ тотъ городъ, гдѣ жила эта прелестная царица, и къ ночи доѣхалъ до него. Городъ еще издали удивилъ меня красотою своихъ дворцовъ, башенъ и садовъ. Ворота города были закрыты. Я перелѣзъ черезъ стѣну, отворилъ ворота и ввелъ своего коня въ городъ, а потомъ отправился въ каравансарай, ворота котораго тоже были закрыты. Я сталъ звать хозяина каравансарая, но тотъ сказалъ:

— „Не время! ступай себѣ мимо!“

Слова эти разсердили меня, и я сказалъ:

— „Отвори, а то не сидѣть твоей головушкѣ на плечахъ! я— богатырь, при имени котораго дрожить вся земля.“

Узнавъ меня, хозяинъ каравансарая отворилъ ворота и, упавъ въ ноги, сталъ просить прощенья. Потомъ онъ отвелъ мнѣ самую хорошую комнату. Я не легъ спать, желая въ эту же ночь похитить прелестную царицу. Оставивъ лошадь въ каравансарай, я отправился во дворецъ. Дворецъ, чудо старины, былъ окруженъ стѣною. Такъ какъ и здѣсь ворота были закрыты, то я перелѣзъ черезъ стѣну и очутился во дворцѣ. За воротами, во дворцѣ спали двѣнадцать человѣкъ, а около нихъ лежалъ огромный камень. Я зналъ, что у этихъ царей былъ такой

обычай: въ правой части дворца помѣщался царь съ царицей, а въ лѣвой—дѣти, но у этого царя была только одна дочь. Пользуясь этимъ, я постучался въ двери комнаты царевны. Она вышла и спросила:

— „Кто ты и для чего пришелъ?“

Я отвѣтилъ:

— „Я *такой-то* богатырь и пришелъ похитить тебя.“

Она охотно согласилась ѣхать со мной, но я сказалъ себѣ: „Какой я глупый человекъ! приду лучше днемъ и возьму ее силой.“ Она собралась-было уйти со мною, но я сказалъ:

— „Подожди, приду утромъ и возьму тебя. Но скажи ты мнѣ, что за люди, которые снять у воротъ, и что за камень тамъ лежитъ.“

Она объяснила, что люди эти—богатыри; они, когда наступаютъ сумерки, поднимаютъ съ трудомъ камень, берутъ изъ-подъ него ключъ и запираютъ имъ ворота дворца, а потомъ ключъ кладутъ обратно. Я пошелъ, отбросилъ однимъ мизинцемъ камень въ сторону, взялъ ключъ, отперъ ворота и вышелъ. Утромъ я пришелъ во дворецъ, поднялся на балконъ и направился къ свѣтлицѣ царевны. Царь меня замѣтилъ; его окружали двѣнадцать богатырей; самый высокій и сильный изъ нихъ стоялъ сзади. Царь послалъ одного изъ богатырей узнать, кто направился къ свѣтлицѣ его дочери. Когда тотъ пришелъ, я сказалъ ему, что не слышу, когда мнѣ говорить одинъ человекъ и попросилъ, чтобы позвалъ и другого богатыря. Когда оба пришли, я взялъ ихъ обоихъ за волосы и такъ ударилъ о землю, что оба пали мертвыми; тоже самое сдѣлалъ я и съ другими богатырями. Царь испугался и спросилъ:

— „Кто ты и для чего пришелъ?“

Я назвалъ себя и сказалъ, что пришелъ взять его дочь. Услышавъ мое имя, царь съ радостью согласился выдать свою дочь за меня. Я взялъ ее и поѣхалъ въ свой городъ. Дорогой пришлось ѣхать черезъ лѣсъ, гдѣ и застигла насъ ночь. Въѣхавъ

въ лѣсъ, мы увидѣли, что юноша лѣтъ шестнадцати спитъ подъ высокимъ деревомъ. Юноша этотъ былъ тоже богатырь, знакомый намъ дервишъ. Не взявъ царевну себѣ, я выдалъ ее за дервиша. Дервишъ не зналъ, какъ благодарить меня. Поужинавши, мы легли спать. Въ полночь увидѣлъ я, что за нами движется огромное войско подъ начальствомъ жениха царевны, за котораго хотѣли выдать ее. Увидѣвъ это, я надѣлъ доспѣхи, сѣлъ на коня и собрался-было выступить противъ войска, какъ проснулась царевна и спросила, куда я ѣду. Я указалъ на приближающееся войско. Она не согласилась, чтобы я ѣхалъ, и сказала:

— „Если не позволишь, чтобы я билась съ войскомъ, то скажу мужу, что ты ночью беспокоилъ меня.“

Я согласился. Она взяла оружіе и пошла противъ войска. Дервишъ, услышавъ шумъ, просыпается и, не спрашивая о царевнѣ, идетъ къ войску. Такъ какъ онъ не зналъ, что и царевна среди войска, то не разбирая убивалъ всѣхъ, кто ни попадался. Истребивъ всѣхъ, онъ вернулся назадъ, но не зналъ, что вмѣстѣ съ нимъ билась и царевна. Увидѣвъ, что царевны нѣтъ около меня, онъ спросилъ о ней. Я отвѣтилъ, что и она билась вмѣстѣ съ нимъ.

— „Ахъ!“ воскликнулъ богатырь-дервишъ: „значить, это она слѣдовала за мной и защищала меня. Боже, неужели я и ее убилъ?!“

Онъ пошелъ на поле битвы и, увидѣвъ среди мертвыхъ и тѣло царевны, сказалъ:

— „Для чего мнѣ жить, когда нѣтъ въ живыхъ моей возлюбленной?“

Сказавъ эти слова, онъ ударилъ себя кинжаломъ и тутъ же умеръ.

Я долго ждалъ возвращенія дервиша и царевны, но, не дождавшись, тоже пошелъ на поле битвы и увидѣлъ, что они оба лежатъ мертвыми. Я вырылъ яму и похоронилъ ихъ въ

одной могилѣ: на могилѣ ихъ посадили два тополя, которые теперь выросли высоко и при легкомъ вѣтеркѣ цѣлуются другъ съ другомъ, какъ нѣкогда они цѣловались. Теперь, Великій Пророкъ, пересталъ ли болѣть твой зубъ?“

— „Пересталъ,“ отвѣтилъ пророкъ.

— „Такъ исполни мою просьбу: воскреси ихъ!“

Пророкъ сказалъ:

— „Укажи ихъ могилу, и я исполню твою просьбу.“

Когда пришли на ихъ могилу, пророкъ водѣлъ руки къ небу и сталъ просить Бога объ ихъ воскрешеніи. Богъ услышалъ молитву пророка, и они оба, и дервишъ и царевна, чихнувъ, вышли изъ могилы и произнесли:

— „Ахъ, какъ долго мы спали!“

Узнавъ о случившемся, они стали просить пророка, чтобы старикъ-богатырь сталъ такимъ же молодымъ, какимъ онъ былъ при ихъ жизни, и, по молитвѣ пророка, онъ сталъ такимъ же молодымъ, какимъ былъ при похищеніи царевны.

Записалъ въ селеніи Агдамъ, Шущинскаго уѣзда, воспит. Закавказ. учит. семинаріи *Исмаиль Эфендіевъ*.

3. Былина о богатырѣ (нартѣ) Ужѣ.

Въ глубокой древности жилъ одинъ ханъ, который обладалъ громадной силой, такъ что всѣ нарты и ханы боялись его. Видя, что всѣ его боятся, ханъ очень возгордился и сталъ считать себя самымъ сильнымъ нартомъ въ свѣтѣ. Однажды онъ сидѣлъ на тронѣ въ своемъ дворцѣ. Вдругъ прибѣжалъ къ нему его табунщикъ и объявилъ ему слѣдующую удивительную новость:

— „Свѣтлый ханъ! Я пасъ табунъ твоей милости на берегу моря и увидѣлъ чудо: по морю шель какой-то человекъ, которому самое море приходится по колѣни, голова его уни-

ралась въ облака, глаза его были громадны, какъ колесо огромной арбы. Онъ остановился передо мной и объявилъ, что онъ нартъ Ужь, и спросилъ:

— „Кто осмѣливается пускать въ мои владѣнія своихъ лошадей?“

Я сказалъ, что табунъ принадлежитъ могущественному хану. На мои слова Ужь отвѣтилъ:

— „Убирайся отсюда съ своимъ табуномъ и скажи своему хозяину, что, если онъ во второй разъ пуститъ свой табунъ въ мои владѣнія, то ему не слобовать!“

Сказавъ эти слова, страшный Ужь нагнулся и вытащилъ изъ моря огромную рыбу, которую поднесъ къ солнцу, изжарилъ и съѣлъ“.

Сказавъ все это, бѣдный табунщикъ съ перепугу тутъ же испустилъ духъ, у подножія ханскаго трона. Случай, сообщенный табунщикомъ, сильно разсердилъ хана, и онъ приказалъ своимъ полководцамъ вести войска для наказанія Ужа. Войска пришли къ морскому берегу и нашли Ужа спящимъ. Вотъ воины начали пускать стрѣлы въ Ужа. Уколы стрѣлъ Ужь принялъ за кусаніе маленькихъ насѣкомыхъ и потому не подымался, а только почесывался; но, наконецъ, видя, что уколы становятся слишкомъ чувствительными, онъ открылъ глаза и увидѣлъ толпу людей, которая стрѣляла въ него. Тогда онъ поднялся и началъ топтать ногами войско: перетопталъ всѣхъ, только нѣкоторыхъ конныхъ оставилъ въ живыхъ и, спрятавъ ихъ въ полу черкески, понесъ къ матери. Мать его начала ласкать обезумѣвшихъ отъ ужаса плѣнниковъ и, наконецъ, оставила ихъ въ покоѣ. Плѣнники, видя, что за ними нѣтъ никакого надзора, убѣжали и принесли хану вѣсть о гибели войска. Ханъ разсердился, собралъ войска еще многочисленнѣе и самъ лично повелъ ихъ на Ужа. Видя, что на него идетъ еще войско, Ужь вырвалъ изъ земли огромную гору и, поднявъ ее надъ головою, хотѣлъ бросить на своихъ враговъ; но

вдругъ случилось чудо: въ срединѣ горы образовалось отверстие, и гора упала на самого Ужа, такъ что отверстие горы охватило шею Ужа и задушило его.

Такою страшною смертію умеръ нартъ Ужъ. Муталимы *) рассказываютъ иначе это преданіе. Они говорятъ, что Ужъ жилъ во времена пророка Моисея. Моисей распространялъ вѣру въ единого Бога; но Ужъ не хотѣлъ принять ее; поэтому Моисей, собравъ войско, рѣшился наказать Ужа. Вида идущее на него войско, Ужъ поднялъ руками ближайшую гору и хотѣлъ бросить ее на войско Моисея; но, по повелѣнію Божьему, въ горѣ образовалось отверстие и, охвативъ шею Ужа, задушило его. Какъ ни старался Моисей измѣрить ростъ Ужа, не могъ достать даже его мыщелка.

4. Былина о семи братьяхъ-нартахъ и объ ихъ сестрѣ.

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, недалеко отъ города Дербента, близъ селенія Хучни, на берегу рѣки Рубасъ-чай, возвышается небольшая гора, на которой красуются и нынѣ остатки старинной крѣпости, такъ называемой „крѣпости семи братьевъ“ (едды кардашъ каласы). Про эту крѣпость сохранилось среди народа слѣдующее преданіе.

Крѣпость эта прежде состояла изъ громадной башни въ семь этажей. По народному преданію, въ ней жили семь братьевъ-нартовъ съ красавицей сестрой. Красота сестры нартовъ была неописанная: она имѣла золотыя косы и такой длины, что привязывала къ нимъ кувшинъ и доставала изъ

*) Муталимы—ученики духовныхъ училищъ (мектебовъ).

рѣки воду. Братья и сестра жили въ дружбѣ и согласіи; она занималась домашними работами, а братья охотой и грабежомъ сосѣднихъ хановъ. Сосѣди, выведенные изъ терпѣнія грабежами нартовъ, объявили имъ войну и двинули противъ братьевъ многочисленное войско, подъ начальствомъ одного изъ своихъ хановъ. Сестра нартовъ, увидѣвъ предводителя непріятельскаго войска, влюбилась въ него. Она хотѣла, чтобы братья ея были побѣждены, и рѣшилась погубить ихъ. Когда враги осадили крѣпость, то сестра разрядила ружья и пистолеты братьевъ и налила соленой воды въ ножны кинжаловъ и шашекъ. Братья сдѣлали вылазку: съ крикомъ бросились на враговъ и дали залпъ изъ ружей и пистолетовъ, но, къ ихъ удивленію, выстрѣлы не причинили врагамъ никакого вреда; они схватились за шашки и кинжалы, но не могли ихъ вынуть, потому что отъ соленой воды они заржавѣли; братья были окружены врагами и шесть изъ нихъ погибли, только младшій спасся бѣгствомъ въ крѣпость. Онъ узналъ про измѣну своей сестры и, привязавъ ее за косы къ сѣдлу своего коня, убилъ предъ глазами непріятеля; но самъ послѣ того пропалъ безъ вѣсти.

И теперь предъ крѣпостью на огромномъ камнѣ виднѣется, говорятъ, отпечатокъ копытъ его коня. Кромѣ того, около крѣпости находятся два громадныхъ камня съ выбитыми на нихъ отверстіями; въ эти отверстія каждый прохожій клялъ одну пулю и одинъ зарядъ пороху; это служило какъ-бы поплиной съ каждаго прохожаго. А то мѣсто, гдѣ похоронена сестра нартовъ, слыветъ проклятымъ, и каждый прохожій считаетъ своимъ долгомъ бросить на ея могилу камень, такъ что здѣсь образовалась небольшая горка камней.

5. Былина объ Эльдарушѣ и Бектемирѣ.

Нѣсколько сотъ лѣтъ тому навадъ, когда не было на свѣтѣ еще нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, въ Дагестанѣ въ одномъ селеніи жилъ со своей женой знаменитый и богатый князь Арсланъ-Гирей.

У него было много добра, но больше всего его радовалъ единственный сынъ Эльдарушъ, которымъ онъ не могъ налюбоваться.

Арсланъ-Гирей любилъ очень охоту и большую часть своего времени проводилъ въ огромныхъ лѣсахъ Дагестана, охотясь по цѣлымъ днямъ. Во время одной такой охоты онъ такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ наступила ночь. Домой ѣхать было далеко, и Арсланъ-Гирей рѣшился переночевать въ ближнемъ селеніи у своего знакомаго, Батыръ-хана. Сказано—сдѣлано... Батыръ-ханъ принялъ его радушно и повелъ гостя въ кунацкую*). Они сѣли, и, по обыкновенію, начался разговоръ о войнѣ и молодецкихъ подвигахъ. Спустя нѣкоторое время, входитъ въ комнату рабыня Батыръ-хана и просить пріятелей въ столовую ужинать. Какъ только Арсланъ-Гирей увидѣлъ красивую и статную рабыню, сжалось у него сердце, и онъ поблѣднѣлъ. Все это замѣтилъ хозяинъ, но не показалъ виду и повелъ гостя въ столовую. На полу была разостлана скатерть, на которой находились всевозможныя печенья, сладости, жаба, буза**) и т. п. За ужиномъ оба пріятеля ѣли, пили и очень дружелюбно разговаривали.

Когда Арсланъ-Гирей замѣтилъ, что хозяинъ навеселѣ, то онъ откровенно попросилъ его, чтобы тотъ продалъ ему рабыню или подарилъ. Такъ какъ Батыръ-ханъ не нуждался

*) Приемная для гостей комната.

**) Жаба и буза—лезгинскіе напитки.

въ деньгахъ, то онъ подарилъ рабыню своему пріятелю, который на слѣдующій же день отвезъ ее къ себѣ домой, ибо до безумія влюбился въ нее.

Спустя два года, Арсланъ-Гирей женился на ней, и у нихъ родился сынъ, Бектемиръ. Рабыня, видя, что она можетъ имѣть большое вліяніе на своего мужа, задумала прогнать изъ дому Эльдаруша съ его матерью и, дѣйствительно, достигла своей цѣли: они были прогнаны безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но Эльдарушъ былъ не простой малый: въ скоромъ времени онъ поступилъ на службу, получалъ жалованье, на которое кормилъ мать и себя. Наконецъ, умеръ Арсланъ-Гирей, завѣщавъ все свое имущество второй женѣ.

Какъ только услышалъ Эльдарушъ о смерти отца, тотчасъ же поѣхалъ получить хоть часть имущества, но былъ прогнанъ и пріѣхалъ домой съ пустыми руками. Спустя нѣсколько лѣтъ, ему пришлось однажды поѣхать купить для матери на шубу мѣху. Голодный и изнуренный, онъ наѣхалъ на огромную баранту, слѣзъ съ лошади и попросилъ у пастуха, чтобы тотъ продалъ ему одного барана. Пастухъ не согласился, говоря:

— „Эта баранта принадлежитъ Бектемиру, а онъ отдалъ приказъ,—всякаго, продавашаго или подарившаго хоть одного барана, повѣсить и дать на растерзаніе собакамъ“.

Но Эльдарушъ не переставалъ просить и, когда пастухъ наотрѣзъ отказалъ, безъ церемоніи поймалъ одного барана, зарѣзалъ, содралъ съ него шкуру и началъ жарить шашлыкъ. Дошелъ объ этомъ слухъ до Бектемира, который находился въ своемъ хуторѣ, недалеко отъ мѣста, гдѣ происходило описанное событіе; онъ сильно разсердился и поѣхалъ съ сорока нукерами къ Эльдарушу. Пріѣхавъ, онъ началъ ругать Эльдаруша, называя его трусомъ, воромъ и т. п. Но Эльдарушъ отнесся ко всему этому хладнокровно и началъ успокаивать брата:

— „Предположи“, сказалъ онъ, „что твоего барана волкъ съѣлъ, или что его съѣлъ рабъ“ и т. д.

Но Бектемиръ не унимался, и, когда онъ задѣлъ честь матери Эльдаруша, которую тотъ любилъ больше всего на свѣтѣ, больше своей жизни, у него потемнѣло въ глазахъ, загорѣлась жажда мщенія; онъ вспрыгнулъ на коня, сказавъ:

— „Терпѣннѣе имѣеть предѣлъ, и я дошелъ до этого предѣла: больше терпѣть я не въ силахъ, и рѣшилъ свою саблю испытать сегодня на тебѣ; приготовься же!“

И они начали сражаться. Битва продолжалась до вечера Эльдарушъ убилъ всѣхъ нукеровъ брата. Видя это, Бектемиръ хотѣлъ было убѣжать; но Эльдарушъ поймалъ его и отрѣзалъ ему носъ, одно ухо и нѣсколько пальцевъ и въ этомъ видѣ отпустилъ его. Самъ же Эльдарушъ получилъ нѣсколько смертельныхъ ранъ и множество мелкихъ. Онъ съ большимъ трудомъ возвратился домой. Мать его, видя сына въ такомъ состояннн и догадавшись, въ чемъ дѣло, хотѣла прогнать его, говоря:

— „Какъ ты смѣлъ притти ко мнѣ, получивъ раны отъ руки безчестнаго раба!“

Тогда Эльдарушъ бросилъ передъ ней узелъ, въ которомъ находились носъ, ухо и пальцы Бектемира, и сказалъ:

— „Эльдарушу одинъ день—смерть и одинъ день—паннихида, а Бектемиру—каждый день—смерть и каждый день—паннихида!“

Какъ только мать развернула узелъ, бросилась къ сыну на шею со слезами на глазахъ, а Эльдарушъ въ тотъ же мигъ умеръ въ объятняхъ своей матери. Мать не пережила сына и умерла на его трупѣ: наболѣвшее сердце ея не выдержало и разорвалось.

Записаль ученикъ VI кл. Бакинскаго реального училища *Джамалъ Эддинъ Доногуевъ*.

6. Овчи-Пиримъ

(Преданіе)

Преданіе рассказываетъ, что разъ Овчи-Пиримъ былъ на охотѣ и, поохотившись, возвращался домой, но наступила ночь, и Овчи-Пиримъ вынужденъ былъ остановиться ночевать на кладбищѣ. Онъ развелъ огонь и началъ готовить себѣ шашлыкъ изъ мяса убитой дичи. Въ это время онъ услышалъ какъ-будто человѣческій голосъ изъ одной могилы. Овчи-Пиримъ удивился, что человѣческій голосъ можетъ раздаваться изъ могилы, началъ съ напряженіемъ прислушиваться и убѣдился, что это не былъ обманъ воображенія, а, дѣйствительно, человѣческій голосъ. Онъ подошелъ къ этой могилѣ и ясно услышалъ голосъ, просящій помочь выйти изъ могилы. Овчи-Пиримъ открылъ могилу и увидѣлъ живого человѣка; онъ отдалъ ему свою чуху, привелъ къ своему костру и, покормивъ шашлыкомъ, началъ спрашивать его о томъ, кто онъ, чей сынъ, отъ какой болѣзни онъ умеръ и какимъ образомъ ожилъ. Тотъ сказалъ свое имя, а о болѣзни и воскресеніи рассказалъ слѣдующее.

— „Я заболѣлъ“, сказалъ онъ, „воспаленіемъ легкихъ; никто не догадался пустить мнѣ кровь *), потому я и умеръ, а въ могилѣ, по Божьей милости, у меня изъ носу вышло много крови, и я, находившійся до этого времени въ забытьѣ, вдругъ очнулся. И что же? вижу себя въ этой тѣсной могилѣ! О, добрый человѣкъ! не будь тебя, я дѣйствительно умеръ бы!. Какъ будутъ радоваться мои родители, когда ты отведешь меня къ нимъ!“

Утромъ Овчи-Пиримъ, взявъ ожившаго, отправился къ нему въ домъ; когда они приблизились къ дому, то онъ остановился и сказалъ Овчи-Пириму:

*) При воспаленіи, въ Джеванширскомъ уѣздѣ принято пускать кровь въ третій, седьмой или девятый день болѣзни.

— „Ты иди впередъ, попроси у моихъ родителей чего-либо!“

Овчи-Пиримъ исполнилъ его желаніе: прийдя въ ихъ домъ, онъ увидѣлъ, что всѣ плачутъ и въ траурѣ. Овчи-Пиримъ привѣтствовалъ ихъ обычнымъ „селямомъ“ и, обратившись къ отцу ожившаго, громогласно сказалъ:

— „Не плачь, но слушай меня! Что обещаешься дать мнѣ, если я приведу твоего умершаго сына?“

Обрадованный старикъ отвѣтилъ:

— „Я возьму мою жену и сына и уйду, куда глаза глядятъ, а домъ мой со всѣмъ имуществомъ пусть будетъ твоимъ. О, не мучь, меня, ради Аллаха, дай посмотрѣть на моего любимаго сына, если можешь!“

Овчи-Пиримъ привелъ его сына. Бѣдный отецъ, при видѣ своего единственнаго сына, палъ на колѣни и возблагодарилъ Аллаха. Ничье перо не опишетъ радости бѣдной матери! Отецъ ожившаго устроилъ пиръ, угостилъ всѣхъ и Овчи-Пирима, потомъ взялъ свою жену и сына и хотѣлъ уйти, желая исполнить свое обѣщаніе; но Овчи-Пиримъ остановилъ ихъ и сказалъ:

— „Ты—мой отецъ, твоя жена—моя мать, твой сынъ—мой братъ! Живите въ своемъ домѣ, какъ и прежде! Да повелитъ Аллахъ, чтобъ вашъ сынъ былъ достойнымъ вашей родительской любви! Да благословитъ его Аллахъ!“

Записалъ въ селеніи Мамурлы, Джеванширскаго уѣзда, Елисаветпольской губ., воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Муса Кулиевъ*.

II. Сказки.

I. Сказка о Кушѣ и Агилѣ.

Жиль-быль великодушный и справедливый царь; у него было много золота, серебра, жемчуга, алмазовъ, но не было наследника престола. У царя былъ визирь, тоже не имѣвшій дѣтей. Царь уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Разъ онъ сидѣлъ на тронѣ и думалъ о томъ, кому его царство и богатство достанутся послѣ его смерти. Въ это время къ царю зашелъ деревишъ. Онъ вынулъ изъ кармана два яблока и, подавая ихъ царю, сказалъ:

— „Царь, возьми эти яблоки: одно разрѣжь на двѣ части, половину дай царицѣ, а половину скушай самъ; другое яблоко дай визирю, и пусть онъ сдѣлаетъ тоже самое, — съ Божьей помощью у тебя и у визира родятся дѣти“.

Прошли мѣсяцы, и, наконецъ, насталъ день, въ который министры и сановники поздравили царя съ рожденіемъ наследника. Въ этотъ же день и у визира родился сынъ. Царевичу дали имя „Кушъ“, а сыну визира — „Агилъ“. Радость у царя и у визира была велика. Царь велѣлъ новорожденныхъ воспитывать вмѣстѣ. Съ пяти лѣтъ Кушъ и Агилъ стали ходить въ школу. Въ школѣ сынъ визира учился лучше царевича и обнаруживалъ необыкновенный умъ. Они достигли пятнадцатилѣтняго возраста. Однажды, возвращаясь изъ школы, Агилъ сказалъ Кушу:

— „Кушъ, отецъ твой старъ, онъ скоро умретъ; ты единственный сынъ его и наследникъ: тебѣ необходимо знать, какія богатства есть у отца“.

Какъ только Кушъ услышалъ это, побѣжалъ прямо къ отцу и сталъ просить у него ключи отъ казнохранилищъ. Царь

исполнилъ желаніе своего сына. Царевичъ отправился разсматривать богатство отца. Зашелъ онъ въ казнохранилище, наполненное грудями золота, серебра, алмазовъ. Царевичъ радовался, смотря на несмѣтное богатство. Вдругъ онъ увидѣлъ восторопѣ дверь, запертую на большой замокъ. Царевичъ сталъ думать, почему всѣ другія двери имѣютъ маленькіе замки, а эта дверь—большой замокъ, должно быть, рѣшилъ онъ, тамъ находится наиболѣе цѣнное богатство. Онъ хотѣлъ было отворить эту дверь, но между ключами не оказалось такого, которымъ можно было сдѣлать это. Царевичъ возвратился къ отцу и сталъ просить его дать ключъ отъ той двери. Царь сталъ отказываться, такъ какъ ему не хотѣлось позавать сыну того богатства, которое находилось въ запертой комнатѣ.

— „Сынъ мой“, сказала царь, „ты еще молодъ, нельзя тебѣ видѣть той комнаты“.

Когда царевичъ услышалъ это, то любопытство его увеличилось еще больше. Онъ сталъ неотступно просить отца. Наконецъ, царь согласился и далъ сыну ключъ отъ той двери. Царевичъ, отъ радости не чувствуя земли подъ ногами, подбѣжалъ къ двери и проворно отворилъ ее. Но что же онъ увидѣлъ? Въ комнатѣ сидитъ дѣвица, которая, какъ солнце, озаряетъ ее. О подобной дѣвицѣ царевичъ не слыхалъ даже и въ сказкахъ. Кровь въ царевичѣ закипѣла: онъ бросился обнимать чудную красавицу. Увы! въ объятіяхъ царевича оказалась не живая дѣвица, а портретъ ея. Царевичъ испугался и упалъ безъ чувствъ. Черезъ часъ онъ пришелъ въ себя и, весь блѣдный, какъ полотно, отправился къ отцу. Царь, узнавъ, въ чемъ дѣло, промолчалъ. Съ того времени царевичъ сталъ задумчивъ: онъ пересталъ учиться, все лежалъ въ постели и день ото дня становился блѣднѣе. Царь, опасаясь за жизнь сына, сталъ спрашивать о причинѣ его горя.

Царевичъ сказалъ отцу:

— „Отецъ мой, чудная красавица, портретъ которой нахо-

дится у насъ, очаровала меня. Мысль пріобрѣсти ее не покидаетъ меня. Любовь моя, навѣрно, погубить меня“.

— „Сынъ мой“, сказала царь, „дѣвица эта есть единственная наслѣдница одного богатаго и сильнаго царя. Многіе цари и царевичи погибли изъ-за нея, но никто взять ее не могъ. Тебѣ нельзя владѣть этой красавицею, и выбрось ты лучше эту мысль изъ головы!“

Царевичъ, выслушавъ слова отца, сказалъ:

— „Отецъ, дай мнѣ отрядъ войска: я поѣду за этою дѣвицею; если сумѣю пріобрѣсти ее, будетъ хорошо, а если этого мнѣ не суждено, то буду въ числѣ погибшихъ“.

Царь не могъ отказать сыну; онъ отрядилъ большое войско, но подучилъ всѣхъ полководцевъ и воиновъ возвратиться назадъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, оставивъ царевича одного.

Царевичъ, окруженный вельможами и полководцами, выѣхалъ изъ столицы. Движеніе войска, огромное число его радовали царевича. Онъ думалъ съ этимъ войскомъ не только побѣдить царя, отца красавицы, но и покорить другія земли. Въ тотъ день царевичъ сдѣлалъ сто верстъ. Ночью войско его остановилось на берегу моря, а утромъ царевичъ увидѣлъ около себя только Агила, совѣтовавшаго ему возвратиться назадъ. Царевичъ, догадываясь, что войско возвратилось по приказанію отца, рѣшился скорѣе погибнуть въ чужихъ краяхъ, чѣмъ постыдно вернуться въ столицу. Кушъ и Агиль, помолившись Богу, пустились въ путь.

Долго ли они ѣхали, или коротко,—не извѣстно, но достигли столицы царя, дочь котораго погубила многихъ царей и царевичей. Они остановились въ домѣ одной старухи. Старуха радушно приняла ихъ. На другой день гости открыли старухѣ свое намѣреніе и просили ее итти къ царевнѣ. Старуха стала отказываться, говоря, что никто во дворецъ не ходитъ, и что туда ее вовсе не пустятъ. Агиль вынулъ горсть

золота и далъ старухѣ. Послѣ этого она стала увѣрять своихъ гостей, что не только каждый день бываетъ у царевны, но что царевна даже очень ласкова съ нею и называетъ ее „матушкою“. На другой день старуха отправилась къ царевнѣ, рассказала ей о намѣреніи своихъ гостей и предложила ей бѣжать изъ родительскаго дома съ царевичемъ Кушемъ. Царевна, услышавъ это, приказала своимъ рабынямъ бить старуху розовыми прутьями. Когда рабыни пошли въ садъ за розовыми прутьями, старуха пустилась домой и, едва живая отъ страха, прибѣжала къ гостямъ. Узнавъ отъ нея о случившемся, Агиль сказалъ:

— Не бойся! царевна, приказывая наказывать тебя розовыми прутьями, приглашаетъ Куша въ розовый садъ“.

Кушъ нашель слова Агила основательными и отправился въ розовый садъ. Онъ тамъ долго ждалъ царевну и, наконецъ, заснулъ въ тѣни кустовъ ароматныхъ розъ. Въ это время зашла въ садъ царевна, окруженная сорока рабынями, не уступавшими въ красотѣ другъ другу. Царевна приказала собирать букеты, а сама пошла гулять одна. Въ это время она увидѣла въ тѣни розовыхъ кустовъ спавшаго царевича и подошла къ нему. Царевичъ спалъ сладкимъ сномъ. Царевна всунула въ его карманъ мячикъ и возвратилась къ рабынямъ. Царевичъ, проснувшись, замѣтилъ въ карманѣ мячикъ, но не зналъ, что это означаетъ. Наступалъ уже вечеръ, когда царевичъ возвратился къ Агилу. Агиль, увидѣвъ мячикъ, догадался, въ чемъ дѣло, и сказалъ:

— „Кушъ, этотъ мячикъ означаетъ, что тебѣ пока нужно играть съ дѣтьми“.

Агиль рѣшился самъ итти къ царевнѣ и съ этою цѣлью на другой день опять послалъ старуху къ ней. Нѣсколько ободренная старуха теперь охотнѣе отправилась въ теремъ и сказала ей слѣдующее:

— „Добрая царевна, у меня есть дочь; она служила до сихъ

поръ у одной принцессы, теперь прѣѣхала ко мнѣ; не пожелаешь ли взять ее къ себѣ на службу?“

Царевна поняла хитрость и позволила старухѣ привести во дворецъ свою мнимую дочь. Старуха весело возвратилась домой. На другой день она взяла къ царевнѣ Агила, одѣтаго въ дѣвичій костюмъ. Съ появленіемъ Агила царевна отпустила всѣхъ служанокъ. Агилъ, оставаясь при царевнѣ, сталъ подговаривать ее къ бѣгству. Долго царевна отказывалась, но, наконецъ, согласилась и назначила время бѣгства.

Въ одну лунную ночь царевна собрала всѣ свои сокровища и отправилась въ домъ старухи. Кушъ въ это время держалъ наготовѣ двухъ жеребцовъ, осѣдланныхъ богатою сбруею. Царевна сѣла на одной изъ жеребцовъ, а царевичъ на другого, и отправились въ дорогу. Агилъ остался въ теремѣ царевны, чтобы на нѣсколько дней попрепятствовать царю узнать о бѣгствѣ дочери. Три дня Агилъ оставался въ теремѣ царевны, на четвертый день сѣлъ на славнаго коня и отправился за царевичемъ и царевною. Утромъ придворные замѣтили отсутствіе царевны и донесли объ этомъ царю. Царь узналъ, что виновницею отсутствія царевны была старуха, и потребовалъ ее къ себѣ. Старуха повинилась во всемъ. Царь отправилъ за бѣглецами огромный отрядъ конницы и велѣлъ достать ихъ живыми или мертвыми. Онъ далъ приказаніе первымъ долгомъ убить царевну.

Агилъ въ полдень догналъ царевича и царевну. Царевичъ и царевна въ теченіе четырехъ дней сдѣлали всего сто верстъ. Агилъ сталъ упрекать царевича за медленную ѣзду, но дѣлать было нечего. День былъ жаркій, весенній; благоуханіе цвѣтовъ, пѣніе птичекъ, журчаніе рѣчекъ приводили ихъ въ восторгъ. Вотъ они остановились у родника, осѣненного вѣтвистымъ чинаромъ, напоили своихъ лошадей и пустили щипать зеленую траву, а сами, утоливъ свою жажду и освѣживъ свои лица студеною водою, легли въ тѣни чинара. Скоро царевичъ и ца-

ревна заснули, Агилъ же караулил лошадей. Вдругъ онъ увидѣлъ огромную тучу, которая надвигалась на нихъ. Это было войско, посланное отцомъ царевны. Агилу стыдно было будить спавшихъ; онъ взялъ свои доспѣхи, вскочилъ на своего коня и стрѣлой помчался противъ огромнаго отряда. Началась битва. Агилъ нападалъ на войско спереди, сзади, слѣва, справа; съ быстротою молніи кружился вокругъ непріятеля, однимъ взмахомъ шашки снималъ по пятнадцать головъ. До полудня Агилъ уменьшилъ огромную армію почти на половину, но и самъ получилъ нѣсколько ранъ. Сила и ловкость уже измѣнялись ему. Вдругъ проснулась царевна. Увидѣвъ Агила въ многочисленной толпѣ воиновъ, царевна какъ бы обратилась въ молнію. Она взяла доспѣхи царевича, сѣла на жеребца и съ такою быстротою напала на остатокъ конницы, что воины обратились въ бѣгство. Герой и героиня стали преслѣдовать ихъ, и немногимъ изъ воиновъ удалось спасти свою жизнь.

Возвратившись изъ преслѣдованія, Агилъ рабудилъ Куша и рассказалъ ему о случившемся. Царевичъ и царевна перевязали раны Агила. Потомъ они продолжали свой путь. Долго ли, коротко ли они ѣхали, Богъ вѣдаетъ о томъ, но доѣхали до берега рѣчки. Тамъ они остановились, напоили лошадей и пустили ихъ пастись, сами же легли подъ тѣнью зеленаго дуба. Скоро сладкій сонъ сомкнулъ очи царевича и царевны, Агилъ желегъ на спину и сталъ любоваться легкимъ движеніемъ листьевъ. Въ это время прилетѣли три голубя и сѣли на вѣтку дуба, подъ которымъ лежали наши герои. Одинъ изъ этихъ голубей, обратившись къ другимъ, сказалъ:

— Видите ли этихъ героевъ? Они съ большимъ трудомъ приобрѣли эту красавицу. Теперь они считаютъ себя освобожденными отъ всякихъ трудовъ и опасностей, но ошибаются: ихъ ожидаетъ три чародѣйства. Во первыхъ, они встрѣтятъ на дорогѣ золотую лошадь: если они поймутъ ее, то всѣ обратятся въ камень. Во-вторыхъ, они увидятъ золотую

собаку: кто ее поймаешь, тотъ тоже обратится въ камень. Въ-третьихъ, когда царевичъ и царевна пойдуть на брачную постель, то ихъ пожретъ огромный удавъ“.

Потомъ тотъ же самый голубь сказалъ:

— „Вотъ было бы хорошо, если бы кто-нибудь изъ нихъ услышалъ это и принялъ мѣры! но если услышавшій мои слова расскажетъ ихъ другому, то самъ превратится въ камень.“

Сказавъ это, голуби улетѣли. Агиль услышалъ слова голубя и затаилъ ихъ въ своемъ сердцѣ.

Царевичъ и царевна проснулись отъ сладкаго сна, умылись ключевою водою. Путники наши отправились далѣе. Они ѣхали по широкой дорогѣ, которая шла черезъ зеленые луга; они разговаривали весело между собою, любовались зеленою травою, красивыми цвѣтками, которые какъ-будто смотрѣли на нихъ, и вся природа казалась теперь имъ милѣе, чѣмъ когда-нибудь. Вдругъ они увидѣли золотую лошадь. Увидѣвъ волшебную лошадь, Кушъ воскликнулъ:

— „Вотъ лошадь, на которой подобаешь царю ѣздить!“ и хотѣлъ поймать ее. Агиль, ничего не говоря, пустилъ стрѣлу въ волшебную лошадь. Лошадь, какъ стекло, разлетѣлась въ дребезги. Дѣйствіе Агила не понравилось Кушу, и онъ рѣзко выразилъ свою досаду на него, но царевна нашла поступокъ Агила разумнымъ и успокоила царевича.

Проѣхавши нѣсколько верстъ, они встрѣтили и золотую собаку. Несмотря на предупрежденіе царевича, Агиль убилъ и собаку. Кушъ тутъ совсѣмъ разсердился на Агила, въ гнѣвъ хотѣлъ даже ударить его; но царевна остановила его и успокоила. Хотя царевичъ успокоился и исмирился съ Агилломъ, но все же сталъ подозрѣвать его въ томъ, что онъ враждебно настроенъ относительно его.

Прошло еще нѣсколько дней, и путники наши приблизились къ своей родинѣ. Они отправили письмо съ доброю вѣстью. Царь, получивъ письмо отъ сына, далъ приказаніе министрамъ,

сановникамъ, главноначальникамъ, войскамъ приготовиться ко встрѣчѣ царевича и его спутниковъ. Во дворцѣ начались оживленныя приготовленія. На другой день царь съ царицею, визирь съ женой и прочія высшія лица и весь городъ отправились на встрѣчу героямъ. Радость царя была велика: онъ потерялъ-было надежду видѣться съ сыномъ. Неожиданное и счастливое возвращеніе царевича привело его въ восторгъ. Царь долго обнималъ Агила, называя его своимъ вторымъ сыномъ: счастливое возвращеніе царевича онъ приписывалъ высокому уму Агила. Сорокъ дней и сорокъ ночей давались во дворцѣ пиры по случаю счастливаго возвращенія Куша и Агила. Въ послѣдній день этихъ праздниковъ царевичъ вступилъ въ бракъ съ прекрасною царевною. Ночью новобрачные вошли въ комнату; за ними незамѣтно вошелъ и Агиль; онъ сталъ за занавѣсомъ, ожидая появленія страшной змѣи. Вдругъ въ потолокъ открылось отверстіе, и оттуда стала спускаться огромная змѣя. Агиль обнажилъ саблю и разсѣкъ чудовище. Услышавъ сильный ударъ, Кушъ отдернулъ занавѣсъ и увидѣлъ Агила съ саблею въ рукѣ. Кушу подумалось, что Агиль пришелъ убить его, и онъ сталъ осыпать Агила упреками. Несмотря на стараніе царевны, на клятвы самого Агила, царевичъ не успокаивался. Онъ тотчасъ же доложилъ отцу объ этомъ. Царь велѣлъ взять Агила подъ стражу. На другой же день учредили судъ надъ нимъ. Члены суда потребовали, чтобы онъ сказалъ всю истину.

— „Я зналъ, что царевича ожидаетъ опасность на брачной постели, и рѣшился выручить его отъ нея“, отвѣтилъ Агиль.

— „Ты не можешь предугадать будущаго, у тебя нѣтъ дара пророчества“, возразили судьи и посоветовали Агилу сказать истину, и Агиль разказалъ о предсказаніи голубя и окончивъ разсказъ превратился въ камень. Тогда всѣ узнали невинность его. Кушъ раскаялся въ своемъ поступкѣ, обналъ камень и долго плакалъ. Больше всѣхъ это обстоятельство огорчило

царевну. Она каждый день плакала по Агилѣ и никогда его не забывала. Разъ царевна отправила царевича на то мѣсто, гдѣ Агилѣ услышалъ предсказаніе отъ голубя. Кушъ поѣхалъ туда и остановился подѣ тѣмъ же дубомъ, подѣ которымъ нѣкогда лежалъ Агилѣ. Вдругъ прилетѣли голуби, и одинъ изъ нихъ, увидѣвъ Куша, сказалъ:

— „Вотъ неблагодарный, который жестоко поступилъ съ товарищемъ своимъ!“ а потомъ дабавилъ: „если онъ убьетъ своего сына и кровью его обагрить камень Агила, то послѣдній станетъ опять человѣкомъ“.

Послѣ этого царевичъ Кушъ возвратился домой и разсказалъ царевнѣ объ услышанномъ. Царевна тотчасъ же велѣла зарѣзать своего младенца на камнѣ, въ который превратился Агилѣ, и, какъ только теплая кровь зарѣзаннаго ребенка потекла по камню, Агилѣ вскочилъ на ноги. Царь и царица, визирь и его жена стали обнимать и цѣловать Агила. Въ это время и зарѣзанный ребенскъ поднялся на ноги: къ великой радости прибавилась еще радость! Потомъ всѣ они стали мирно и счастливо жить вмѣстѣ.

Въ селеніи Чайлы, Казахскаго уѣзда, со словъ Сулеймана Джафаръ-оглы, записалъ воспитанникъ Закавказ. учит. семинаріи *Гаджи-Керимъ Саніевъ*.

2. Невѣста-богатырь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ какой-то царь. У этого царя было три сына. Передъ смертью онъ зоветъ къ себѣ сыновей и завѣщаетъ имъ, чтобы они никогда не посѣщали извѣстный имъ садъ, послѣ чего и отдаетъ душу Всевышнему.

Сыновья, похоронивъ отца, живутъ себѣ и думаютъ, почему отецъ запретилъ имъ посѣщать садъ. Наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца, старшій сынъ захотѣлъ

увидѣть этотъ садъ; съ этою цѣлью онъ взялъ съ собою отрядъ войска и отправился въ тотъ садъ. Когда онъ вошелъ туда, передъ нимъ открылось прелестнѣйшее зрѣлище, и онъ невольно воскликнулъ:

— „Зачѣмъ, отецъ, ты не позволялъ намъ наслаждаться прелестью этого сада?!“

Сказавъ это, онъ отпустилъ своихъ воиновъ гулять по саду и кушать плоды. Около полудня они увидѣли, что къ нимъ мчится бѣлый конь съ богатыремъ. Этотъ конь бралъ воиновъ зубами, бросалъ ихъ на землю и топталъ ногами; такимъ образомъ онъ умертвилъ всѣхъ воиновъ, а потомъ и царевича и умчался назадъ. Не дождавшись возвращенія своего старшаго брата, отправляется за нимъ средній братъ. Но съ нимъ было то же, что и съ первымъ.

Наконецъ, очередь дошла до младшаго брата. Вотъ и онъ отправляется въ этотъ садъ: находить тамъ погибшихъ воиновъ и отыскиваетъ между ними своихъ братьевъ. Онъ велитъ своимъ приближеннымъ похоронить ихъ и, затѣмъ, отпускаетъ воиновъ гулять по саду. Около полудня опять является бѣлый конь съ богатыремъ. Онъ поступаетъ съ воинами такъ же, какъ и съ прежними, и приближается къ царевичу. Когда конь хотѣлъ взять его зубами и ударить о землю, то царевичъ такъ ударилъ коня кулакомъ, что тотъ задрожалъ и не трогался съ мѣста. Увидѣвъ это, богатырь слѣзъ съ коня, и между нимъ и царевичемъ завязалась борьба; между тѣмъ приблизился полуденный намазъ, и тогда царевичъ произнесъ:

— „Эй, гауръ! пусти меня совершить намазъ, а потомъ продолжимъ борьбу.“

Тотъ пустилъ его; царевичъ совершилъ молитву и затѣмъ сталъ продолжать борьбу. Скоро царевичъ повалилъ богатыря и сѣлъ на грудь его. Увидѣвъ грозящую опасность, богатырь сказалъ:

— „Эй, богатырь! я даль обѣтъ, что если кто-нибудь пова-
лить меня, тотъ пусть и разстегнетъ у меня пуговицы на
груди.“

Царевичъ исполнилъ желаніе противника и вдругъ уви-
дѣлъ, что изъ подъ одежды показалась женская грудь. Изу-
мленный царевичъ пришелъ въ замѣшательство, а противница,
воспользовавшись этимъ, тотчасъ вспрыгнула на бѣлаго коня и
скорѣе бури помчалась домой. Царевичъ опомнился, сѣлъ на
коня и поскакалъ по слѣду противницы. Долго ли, коротко ли
доѣхалъ онъ до того мѣста, гдѣ жила она, и остановился у
фонтана, куда каждый день бѣлый конь ходилъ утолять жажду.
Царевичу сказали, что онъ долженъ спрятаться за деревомъ,
которое росло у фонтана, и когда бѣлый конь, напившись, по-
вернется назадъ, чтобы итти домой, то покрѣпче сѣсть на не-
го. Онъ поступилъ такъ, какъ ему совѣтовали, и въ одно утро,
когда бѣлый конь, напившись, хотѣлъ итти домой, вспрыг-
нулъ на него. Бѣлый конь, чуя на себѣ чужого сѣдока, по-
вернулъ голову и хотѣлъ ударить его о землю, но царевичъ
самъ ударилъ коня въ морду кулакомъ, и тотъ понесся къ
воротамъ хозяйки. Тамъ царевичъ закричалъ:

— „Эй, гяуръ, выходи кончать борьбу!“

Тогда противница, дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣтила:

— „Войди въ домъ! здѣсь окончимъ борьбу.“

Царевичъ слѣзъ съ коня и вошелъ въ домъ, гдѣ и возобно-
вилось состязаніе. Послѣ продолжительной борьбы царевичъ
повалилъ противницу и хотѣлъ уже умертвить ее, но та сказала:

— „Герой, я обѣщалась выйти замужъ за того, кто побѣ-
дитъ меня.“

Тогда царевичъ согласился на ея предложеніе и заста-
вилъ ее произнести слова корана: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога,
и Магометъ Его пророкъ“. Послѣ этого царевичъ вмѣстѣ съ
своей молодой женой поѣхалъ въ свое царство.

Долго ли ѣхали, мало ли ѣхали, наконецъ доѣхали они

до громаднаго зданія. Изъ этого дома имъ навстрѣчу вышелъ одинъ страшный дивъ и сказалъ, что имъ придется ѣхать мимо семи сыновей его, которые ни коимъ образомъ не пустятъ ихъ дальше. Сказавъ это, онъ взялъ ихъ въ домъ, угодилъ, и, когда они хотѣли отправиться далѣе, сказалъ царевичу:

— „Дай мнѣ какъ-нибудь знать, когда ты будешь въ бѣдѣ, чтобы я могъ помочь тебѣ.“

Царевичъ далъ ему золотое кольцо, говоря, что когда онъ будетъ въ бѣдѣ, то изъ этого кольца потечетъ кровь. А дивъ съ своей стороны далъ царевичу талисманъ, съ помощью котораго царевичъ могъ спокойно проѣхать мимо сыновей дива. Сыновья дива также просили царевича дать имъ какую-нибудь вещь, по которой они могли бы узнать, когда онъ будетъ въ бѣдѣ. Царевичъ далъ имъ волосокъ, говоря:

— „Когда изъ этого волоска закаплетъ кровь, такъ знайте, что я въ бѣдѣ, и спѣшите помочь.“

Каждый изъ сыновей дива зналъ одно искусство; такъ, одинъ изъ нихъ могъ по нѣскольку часовъ плавать подъ водою; другой, припавъ на землю и приложивъ ухо къ ней, узнавалъ, что случилось на далекомъ разстояніи. Царевичъ ѣхалъ, ѣхалъ и, наконецъ, достигъ до берега моря, гдѣ увидѣлъ красивый домъ безъ хозяевъ. Онъ рѣшился остаться въ этомъ домѣ на нѣкоторое время. Царевичъ каждый день, оставляя жену дома, отправлялся на охоту. Встрѣчая дичь, онъ прицѣливался въ нее, но, вспомнивъ милый образъ своей жены, падалъ безъ чувствъ на землю и оставался до вечера въ такомъ положеніи, а вечеромъ, опомнившись, съ пустыми руками приходилъ домой. Вотъ разъ жена спрашиваетъ его, почему онъ такъ задумчивъ и печаленъ. Царевичъ, рассказавъ ей все, проситъ у нея портретъ; но она говоритъ:

— „Мой портретъ причинитъ тебѣ много неприятностей.“

Царевичъ настаиваетъ на своемъ, и она даетъ ему свой

портретъ. Получивъ его, царевичъ отправляется на охоту. Онъ видитъ оленя и хочетъ уже пустить въ него стрѣлу, какъ опять вспоминается ему милый образъ супруги; онъ достаетъ портретъ, чтобы, смотря на него, воодушевиться и убить оленя. Но какъ только онъ досталъ портретъ, вѣтеръ вырвалъ его изъ рукъ и унесъ на другой берегъ моря. Въ это время царь той земли отправилъ за какимъ-то дѣломъ своего визиря; тотъ, выходя, замѣтилъ портретъ, взглянулъ на него и, увидѣвъ красавицу, упалъ около дверей безъ чувствъ. Не дождавшись возвращенія визиря, царь выходитъ самъ, но при видѣ портрета и самъ падаетъ безъ чувствъ около визиря. Узнавъ о случившемся, всѣ приближенные бѣгутъ къ царю и приводятъ его въ чувство, тогда царь приказываетъ своему визирю, что бы онъ досталъ ту женщину, которая изображена на портретѣ; визирь, печальный, идетъ домой къ своей матери, которая была чародѣйка. Она, замѣтивъ печаль сына, спрашиваетъ, почему онъ такъ задумчивъ и печаленъ. Онъ рассказалъ ей обо всемъ случившемся и о повелѣніи царя. Она сказала:

— „Не горюй, иди и выпроси у царя сорокъ дней срока; я достану ее“.

Визирь отправился къ царю и взялъ сорокъ дней срока. Вѣдьма сѣла на свой волшебный кувшинъ и помчалась прямо черезъ море къ дому царевича. Тамъ она оставила свой кувшинъ около комнаты и положила въ него одну розу, а сама отправилась къ берегу моря и сѣла на дорогѣ царевича. Вотъ возвращается съ охоты царевичъ; увидѣвъ его, вѣдьма начинаетъ плакать. На вопросъ царевича, почему она плачетъ, та отвѣчаетъ, что заблудилась и отстала отъ своихъ. Тогда царевичъ спросилъ:

— „Если я возьму тебя, то будешь ли служить моей жень?“

Старуха согласилась съ великою радостью; царевичъ хотѣлъ посадить вѣдьму на коня; бѣлый конь, знавшій все,

сталъ сопротивляться, но царевичъ, ударивъ его по оловгѣ кулакомъ, все-таки посадилъ старуху сзади себя. Вѣдьма, поселившись у царевича, однажды уговариваетъ красавицу, чтобы она спросила своего мужа, отъ чего зависитъ его жизнь. Тотъ, не желая сказать, указываетъ на вѣнокъ, говоря:

— „Если этотъ вѣнокъ уничтожится, то и я умру.“

Запомнила эти слова вѣдьма, и въ одинъ день, подметая домъ, нарочно бросила вѣнокъ въ огонь. Но вечеромъ царевичъ возвратился домой безъ всякаго вреда; тогда вѣдьма увидѣла, что онъ обманулъ супругу, и уговариваетъ ее, чтобы она опять спросила своего мужа, отъ чего зависитъ его жизнь. На этотъ разъ царевичъ сказалъ правду:

— „У меня надъ плечомъ пришитъ ножикъ; если взять этотъ ножикъ у меня, то я останусь безъ чувствъ, пока опять не принесутъ ножъ.“

Однажды, когда царевичъ спалъ, вѣдьма взяла у него ножикъ и бросила въ море. Утромъ супруга увидѣла, что царевичъ лежитъ безъ чувствъ, начала плакать и просить помощи у вѣдьмы. Старуха сказала, что для возвращенія царевичу жизни нужна роза. Тогда царевна съ вѣдьмой отправились искать розу; послѣ напрасныхъ и долгихъ поисковъ онѣ возвращались къ дому; тамъ вѣдьма показала ей розу въ своемъ волшебномъ кувшинѣ. Царевна просила старуху, чтобы она нагнулась вынуть розу; но вѣдьма сказала, что она уже стара, не можетъ нагнуться, и потому предложила, чтобы царевна сама вынула розу. Царевна нагнулась къ кувшину, чтобы достать розу, а вѣдьма втокнула ее сзади въ кувшинъ, и закрывъ его, поѣхала на немъ прямо въ свой домъ. Тамъ красавицѣ объявили, что она должна выйти замужъ за царя. Царевна, желая выгадать время, сказала царю:

— „У меня умеръ братъ, и я должна носить трауръ сорокъ дней; отложи свадьбу на это время“.

Царь исполнилъ ея желаніе.

Между тѣмъ дивъ, которому царевичъ далъ золотое кольцо, видитъ, что изъ кольца каплетъ кровь. Онъ догадывается, что царевичу грозитъ бѣда, и отправляется къ своимъ сыновьямъ. Въ это время и изъ волоска потекли капли крови, и сыновья дива также узнали, что царевичъ въ бѣдѣ. Дивъ, прибывъ къ сыновьямъ, говоритъ, чтобы они помогли царевичу; тогда они обратились къ брату, который могъ узнать, что случилось съ человѣкомъ на далекомъ разстояніи; тотъ, припавъ къ землѣ ухомъ, рассказаль о случившемся съ царевичемъ. Братья отправились къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ царевичъ ужъ нѣсколько дней безъ чувствъ. Водолазъ тотчасъ бросился въ море искать ножикъ, брошенный вѣдьмой. Сначала онъ досталь ручку ножа: ее пришили надъ плечомъ царевича, но царевичъ не оживаль; тогда одинъ изъ братьевъ сказаль, что когда бросили ножикъ въ море, то лезвее его проглотила рыба. Водолазъ бросился въ море вторично и досталь эту рыбу; братья зарѣзали рыбу, достали изъ живота ножикъ, приложили къ ручкѣ и зашили надъ плечомъ царевича; царевичъ тотчасъ всталъ, говоря:

— „Ахъ, какъ долго я спалъ!“

Узнавъ о случившемся, онъ, поблагодаривъ братьевъ, отправляется искать любимую жену и приходитъ въ то самое царство, гдѣ жила, горюя о своемъ мужѣ, супруга его. Около города онъ видитъ толпу народа надъ мостомъ; приблизившись, онъ спрашиваетъ, зачѣмъ они тутъ; ему отвѣчаютъ, что здѣсь есть одинъ бѣлый конь, который не доускаетъ къ себѣ никого и душитъ всѣхъ, а потому всѣ бросаютъ въ него камнями. Царевичъ узналъ своего бѣлаго коня и просилъ позволенія поймать его; ему позволили, и онъ, поймавъ коня, повелъ его къ царю въ подарокъ. Царь велѣлъ царевичу остаться у него конюхомъ. Царевичъ повиновался и каждую ночь вмѣстѣ съ бѣлымъ конемъ плакалъ о любимой супругѣ. Между тѣмъ приблизился срокъ, данный царемъ кра-

савицѣ. Узнавъ, что у царя есть какой-то чудный конь, который слушается одного только конюха, красавица однажды отправляется въ конюшню посмотреть на этого коня. И что же она видитъ передъ собою? Царевичъ сидитъ около бѣлаго коня и проливаетъ слезы; она бросается къ нему, и долго они не могутъ отъ радости говорить. Наконецъ, царевичъ осѣдлалъ бѣлаго коня для себя, другого для жены, и они поскакали. Выѣхавъ изъ города, царевичъ сказалъ:

— „Остановимся ночевать здѣсь; пусть царь увидитъ, что я беру тебя не украдкой“.

Вскорѣ начало разсвѣтать. Царь, узнавъ о случившемся, собралъ громадное войско и окружилъ бѣглецовъ. Когда царица увидѣла многочисленное войско, то заплакала. Слезы ея падали на лицо царевича; тотъ проснулся и спросилъ, зачѣмъ она плачетъ. Жена отвѣтила, что ихъ окружили непріатели. Царевичъ тогда велѣлъ супругѣ-богатыркѣ нападать на вражеское войско съ лѣвой стороны, а самъ заѣхалъ съ правой. Разогнавши войско, они свободно поѣхали домой и благополучно пріѣхали въ свое царство.

Съ неба упало три яблока: одно мнѣ, другое дервишу, а третье слушателю.

Записалъ въ селеніи Салахлы, Казахскаго уѣзда, воспитанникъ Закавк. семинаріи *Али Джабраиловъ*.

3. Гордость.

Жилъ на свѣтѣ одинъ могущественный царь. Онъ очень любилъ своихъ рабовъ, которые также любили и почитали своего властелина. Обширно и велико было царство его; много разныхъ народовъ было подъ его властью. Онъ былъ мудръ и добръ, и подвластные ему народы благословляли его. Въ одинъ вечеръ царь погрузился въ думу и долго не могъ

заснуть: царю въ голову пришла мысль, нѣтъ ли въ государствѣ такой слабой границы, откуда могла бы грозить опасность государству. Долго думая объ этомъ, царь мысленно говорилъ себѣ:

— „На такой-то границѣ находится столько-то войска и орудій, на другой границѣ—двое больше, а на третьей границѣ—еще больше. Ни одинъ изъ современныхъ мнѣ царей“, говорилъ онъ съ гордостью, „не можетъ сопротивляться мнѣ и не смѣетъ даже думать объ этомъ“.

Мечтая такимъ образомъ, царь позабылъ о Богѣ, и гордость его все возрастала. Наконецъ, сладкій сонъ одолѣлъ его.

На другой день, проснувшись рано утромъ, царь сказалъ своимъ евнухамъ, рабамъ и другимъ придворнымъ, что онъ намѣренъ пойти въ баню, для совершенія полного оможенія. Рабы тотчасъ дали знать банщику о намѣреніи царя. Содержатель бани очень обрадовался этому и немедленно принялся за уборку бани. Царь въ сопровожденіи придворныхъ пріѣхалъ въ роскошно убранную баню. На лицѣ содержателя бани сіяла радость.

Царь, совершивъ полное оможеніе, сталъ отдыхать и предался сладкому сну. Въ это время былъ ниспосланъ Богомъ ангель въ образѣ царя. Ангель явился въ баню и, подошедши къ придворнымъ, сказалъ имъ, что хочетъ пойти въ гаремъ. Придворные и сопровождавшіе царя рабы съ свойственнымъ имъ раболѣпиемъ проводили своего властелина до гарема, гдѣ мнимый царь началъ бесѣдовать со своими женами, и всѣ онѣ думали, что онъ—истинный царь, и ни у одной изъ нихъ не было ни малѣйшаго подозрѣнія, что въ гаремѣ не царь. Между тѣмъ въ это самое время царь, спавшій въ банѣ, проснулся и видитъ, что при немъ нѣтъ никого, а дверь заперта. Царь потребовалъ къ себѣ обычнымъ ему повелительнымъ голосомъ банщика и началъ грозно спрашивать его о причинѣ отсутствія своихъ рабовъ, а банщикъ сталъ

кричать на него и поносить его бранными словами. Тогда царь, въ припадкѣ гнѣва, самъ вымыль себѣ бороду, голову и вышелъ изъ бани, чтобы арестовать банщика; но къ великому ужасу его никто не обращалъ на него вниманія. Наконецъ, онъ одинъ пошелъ домой. Когда онъ подошелъ ко дворцу и хотѣлъ проникнуть туда, то привратникъ и другіе слуги остановили его, не обращали на слова его никакого вниманія и препятствовали ему войти во дворецъ. Несчастный государь былъ страшно удивленъ этимъ и сказалъ привратнику:

— „Мнѣ нужно сообщить царю важное извѣстіе; если ты тотчасъ же не пропустишь меня къ нему, то великая бѣда постигнетъ государство“.

Тогда привратникъ пропустилъ его къ царю. Онъ вошелъ во дворецъ и увидѣлъ на тронѣ точь въ точь такого же человѣка, какъ онъ самъ.

Смущенный царь поклонился своему двойнику и произнесъ:

— „Скажи ради Всемогущаго Бога, такъ унижившаго меня въ теченіе одного часа и возвысившаго тебя, кто ты такой и какъ ты овладѣлъ моимъ государствомъ?“

Сидѣвшій на тронѣ спросилъ его:

— „Вчера вечеромъ ты, сидя на этомъ же тронѣ о чемъ думалъ?“

Царь отвѣтилъ:

— „Я думалъ о своемъ государствѣ, а потомъ заснулъ“.

Ангель сказалъ:

— „Думая, о своемъ государствѣ, ты очень гордился своимъ величіемъ и силою. Это Всемогущему Богу не понравилось, а потому Онъ послалъ меня, чтобы показать тебѣ, что весьма легко отнять у самаго сильнаго государя все государство, если онъ гордится своею силою и забываетъ о Царѣ царей—Богѣ. Если ты теперь принесешь покаяніе, то получишь свое государство обратно“.

Гордый царь немедленно принесъ покаяніе, сѣлъ на

царскій тронъ и сталъ прежнимъ, только не гордымъ, повелителемъ своего государства, ниспосланный же съ неба ангелъ исчезъ.

Записаль въ г. Шушѣ воспитанникъ Закавк.
учит. семинаріи *Т. Кулибесковъ.*

4. Али - ханъ.

Жиль-быль въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ богатый купецъ-Гаджи-Мурадъ съ женою Гулистанъ-ханумою, которая не уступала по своей красотѣ даже солнцу, и прекраснымъ сыномъ—Али-ханомъ. Волосы у Али-хана были золотые и серебряные.

Когда ему минуло пятнадцать лѣтъ, отецъ отдалъ его въ мектебъ, а самъ черезъ мѣсяцъ отправился по торговымъ дѣламъ въ дальній путь; онъ при отъѣздѣ подарилъ сыну одну черную лошадь, которая знала всѣ тайны людей и умѣла говорить по-человѣчески, и Али-ханъ, обыкновенно, каждый разъ, уходя изъ дому и возвращаясь, заходилъ къ ней.

Разъ Гулистанъ-ханумъ одна вышла прогуляться по городу; ее увидѣлъ нѣкто—Гамзатъ-бекъ, подошелъ къ ней и упалъ къ ногамъ ея, говоря:

—„О, солнце земли! я давно искалъ случая открыть тебѣ свою пламенную душу: я сильно влюбленъ въ тебя и до пріѣзда Гаджи-Мурата долженъ быть твоимъ мужемъ. Если ты не согласишься на это, то я убью и тебя и себя!“

—„И я давно желала этого“, говоритъ красавица.

—„А какъ же сдѣлать, чтобы Али-ханъ не мѣшалъ намъ?“ говорятъ Гамзатъ-бекъ.

—„Объ этомъ ты не думай, душа моя, не безпкойся!

Я устрою дѣло такъ, что, кромѣ Всевышняго, объ этомъ никто не узнаеть," отвѣтила она.

И вотъ, на другой день Гулистанъ-ханумъ приказываетъ мултѣ не пускать Али-хана на чешть*) до вечера, а слугамъ приказываетъ отъ воротъ до порога двери вырыть нѣсколько глубокихъ ямъ и покрыть ихъ коврами, въ томъ убѣжденіи, что когда Али-ханъ придетъ домой голодный, то онъ не замѣтитъ ямъ, упадетъ въ одну изъ нихъ и уьется. Наступаетъ вечеръ. Али-ханъ возвращается домой и что же видитъ? Предъ нимъ, вмѣсто прежней прямой, ровной дороги,—глубокія ямы, застланныя коврами. Онъ догадывается, что здѣсь есть какая-то тайна, кое-какъ пробирается къ лошади и видитъ, что она опустивъ голову, плачетъ, ногами землю бьетъ.

— „О, мое сокровище, мое сердце! скажи мнѣ пожалуйста, что съ тобою случилось, и какая тайна скрывается въ нашемъ домѣ? Открой мнѣ всю правду!“ говорить Али-ханъ своему коню.

— „О, Али-ханъ! какъ-же мнѣ не плакать, не горевать, когда мать твоя измѣнила отцу твоему и желаетъ твоей, такого прекраснаго юноши, погибели!? И завтра, по приказанію ея, меня уьютъ, а тебя не будетъ дома. Но я три раза буду ржать, и ржаніе мое донесется до тебя: ты поспѣши тогда ко мнѣ на помощь, не смотри на угрозы моллы!“

На другой день все случилось точь въ точь такъ, какъ сказалъ конь, и Али-ханъ является какъ разъ въ то время, когда обнажили пашку, чтобы убить бѣдное животное; онъ со слезами на глазахъ обращается къ матери и говоритъ:

— „Мать моя, съ того времени, какъ отецъ мнѣ подарилъ это бѣдное животное, я никогда не ѣздилъ на немъ; дай хоть разъ покататься на немъ, а потомъ, что хочешь, то и сдѣлай съ нимъ“.

*) Чешть—обѣдъ въ полдень.

Мать согласилась исполнить его просьбу. И вотъ онъ нарядился, вооружился, сѣлъ на коня, скакалъ то направо, то налѣво и, наконецъ, разрубивъ пашкою мать пополамъ, помчался съ быстротою молніи за три-девять земель, и какія въ него стрѣлы ни пускали, не могли повредить ему.

Бхаль послѣ того Али-ханъ долго-ли, коротко-ли, Алахъ вѣдаетъ, наконецъ, остановился онъ на безконечной степи, гдѣ одинъ пастухъ пасъ стадо. Али-ханъ слѣзъ съ черной лошади и пустилъ ее на волю, она же, на прощанье, дала ему пучокъ волосъ, говоря:

— „Али-ханъ! если въ чемъ-нибудь будешь нуждаться, то дунь на этотъ пучокъ, и твое желаніе тотчасъ исполнится, и я очучусь предъ тобою“.

Али-ханъ взялъ этотъ пучокъ, попрощался съ лошадыю, отправился къ пастуху и говоритъ:

— „Здравствуй, землякъ!“

— „Здравствуй“, отвѣчаетъ онъ.

— „Какъ поживаешь?“ „продолжаетъ онъ, не желаешь ли помѣняться со мною одеждою? Я тебѣ дамъ эту дорогую одежду, а ты давай мнѣ свои лохмотья и дыравый балахъ“.

— „Если ты согласенъ, отчего же не дать?“ говоритъ пастухъ, и, напивъ его молокомъ, помѣнялся съ нимъ одеждою. Али-ханъ, переодѣвшись въ платье пастуха, отправился далѣе. Шелъ долго ли, коротко ли, наконецъ остановился у забора садовника царя Ага-Мамедъ-хана и началъ горько плакать. На плачь его выходитъ садовникъ и говоритъ:

— „Не плачь, лжбезный! скажи лучше мнѣ, какъ тебя зовуть, кто ты такой и что тебѣ надобно.“

— „Меня зовуть Кечаломъ *); я сынъ кочевника; родители мои во время кочевки забыли меня здѣсь; я умираю съ голоду, и прошу взять меня въ слуги до поры до времени“.

*) Кечаль—плѣшивый.

Садовникъ сжалился надъ нимъ, взялъ его къ себѣ домой, а черезъ нѣсколько времени усыновилъ его, потому что у него не было своихъ дѣтей.

У царя Али-Мамедъ-хана были три дочери, одна красивѣе другой: Гулузаръ-ханумъ, Ася-ханумъ и Хуршидъ-ханумъ. Разъ онѣ приходятъ въ отцовскій садъ прогуляться и, видя въ немъ Кечала, удивляются и спрашиваютъ садовника:

— „Что это за человѣкъ, и какимъ образомъ онъ сюда попалъ?“

Садовникъ, что зналъ о немъ, подробно имъ разсказалъ. Онѣ сжалились надъ Кечаломъ, подарили ему по имперіалу и приказали приготовить каждой по букету.

Кечаль исполнилъ ихъ приказаніе, но только связалъ букеты для двухъ старшихъ царевенъ веревочкою, а букетъ младшей, Хуршидъ-ханумъ, своими золотыми и серебряными волосами. Хуршидъ-ханумъ смотритъ на свой букетъ и на букеты сестеръ, — удивляется и говоритъ про себя: „Здѣсь есть какая-то тайна“. По возвращеніи домой, онѣ обращаются къ отцу и говорятъ:

— „О, царь царей земныхъ! намъ пора выходить замужъ...“

Царь на другой день приказываетъ, чтобы весь его народъ собрался къ нему на площадь, и, давъ дочерямъ по яблоку, говоритъ:

— „Пускай каждая изъ васъ ударитъ своего избранника этимъ яблокомъ“.

И вотъ старшая, Гулузаръ-ханумъ, ударила сына визиря, средняя Ася-ханумъ — сына векила, а Хуршидъ-ханумъ стоитъ и смотритъ. Царь спрашиваетъ ее, чего же она ждетъ.

— „Не явился еще тотъ юноша, котораго я желаю“, говоритъ Хуршидъ-ханумъ.

— „Кто-же еще не явился?“ — спрашиваетъ царь.

— „Сынъ твоего садовника, Кечаль“, — отвѣчаетъ народъ.

— „Привести его сейчасъ сюда!“ приказываетъ царь.

И вотъ привели его въ лохмотьяхъ, въ лаптяхъ, и Хуршидъ-ханумъ ударила его яблокомъ. Царь кричитъ:

— „Она ошиблась, она ошиблась, она осрамила меня— старога отца, пускай снова выбираетъ!“

Но она во второй и въ третій разъ выбираетъ его же. Царь разсердился и махнулъ на нее рукой, говоря:

— „Богъ съ нею! что хочеть, пускай то и дѣлаетъ; она уже больше не моя дочь“.

Свадьба старшихъ дочерей продолжалась по семи дней и по семи ночей, а младшая была отправлена салаватомъ *).

Проходитъ мѣсяцъ,—вдругъ царь сильно заболѣваетъ. Врачи приказываютъ кормить его оленьимъ мясомъ. Царь призываетъ своихъ любимыхъ зятей и приказываетъ имъ достать ему оленьяго мяса. Зятья немедленно вооружаются и отправляются на охоту. А Кечаль, между тѣмъ, выходитъ на поляну и дуетъ на пучокъ волосъ, говоря:

— „Соберитесь, всѣ олени, ко мнѣ!“

Приказано—сдѣлано. Онъ легъ подлѣ нихъ и затанулъ грустную пѣсню. Въ это время свояки его, послѣ долгой неудачной охоты, подѣхали къ нему. Они не могли узнать его, тогда какъ онъ ихъ узналъ. Они и говорятъ Кечалу:

— „Землякъ, почему продаешь штуку?“

— „За деньги я не продаю, „отвѣчаетъ онъ,“ а даю только тому, кто позволяетъ положить ему на лицо клеймо, и съ тѣмъ еще условіемъ, чтобы олень былъ зарѣзанъ мною здѣсь, и чтобы я взялъ себѣ ноги и голову его“.

— „Хорошо, пускай будетъ по твоему!“—говорятъ свояки.

И вотъ Кечаль зарѣзалъ оленя, говоря про себя:

— „Весь вкусъ, соберись къ ногамъ и головѣ!“

Приказано—сдѣлано. Свояки получили мясо и отправились домой. Каждый приготовилъ по кушанью и принесъ въ

*) Салаватъ—безъ свадьбы, безъ свадебнаго торжества.

золотыхъ чашахъ царю. Царь попробовалъ кушанья, но ему стало еще хуже. А Кечаль, приготовивъ изъ головы и ногъ оленя похлебку, принесъ въ мѣдной чашѣ и подалъ царю. Царь нѣхотя, ради дочери, хлебнулъ одну ложку, но при этомъ почувствовалъ себя лучше, хлебнулъ другую ложку, — ему стало еще лучше; тогда онъ съѣлъ все, до дна, и сталъ совершенно здоровымъ. Поблагодаривъ Кечала, онъ пожаловалъ ему каморку и приказалъ жить вблизи себя.

Проходитъ годъ. Вдругъ царь получаетъ письмо отъ какого-то шаха съ объявленіемъ ему войны. Царь Ага-Мамедъханъ начинаетъ горевать и бить себя по лицу, говоря:

— „О, Боже! съ кѣмъ-же я выйду на войну? у меня всѣхъ эскаровъ*) пять тысячъ!“

Послѣ долгихъ думъ, царь призываетъ своихъ старшихъ зятей и говоритъ имъ:

— „Герои мои, дѣти мои, дѣло такого рода, что вы должны приготовиться итти на войну!“

И вотъ войско подъ начальствомъ царскихъ зятей пустилось въ путь. Между тѣмъ Кечаль выходитъ на поле и дуетъ на пучокъ волосъ, говоря:

— „Очутись предо мною, мой любимый, прекрасный конь!“

Конь бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ ушей пламя, изъ ноздрей дымъ столбомъ валить; прибѣжалъ и сталъ конь предъ Кечаломъ.

— „Ну, влѣзай мнѣ въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзай!“ говоритъ конь.

Влѣзъ Кечаль коню въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзъ, и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вдумать, ни вгадать, ни въ сказкѣ сказать. Съѣлъ тогда Кечаль на коня и помчался, какъ молнія, сражаться съ врагами. Онъ десятью взмахами винжала уничтожилъ войско врага, только при этомъ ра-

*) Эскаръ — солдатъ.

нилъ себѣ руку. Ага-Мамедъ-ханъ тотчасъ вынулъ свой шелковый платокъ, перевязалъ рану его, но ни онъ, ни войско не могли узнать, кто былъ этотъ незнакомецъ, и Кечаль умчался обратно домой, отпустилъ на волю коня, а самъ опять въ лохмотьяхъ отправился въ свою каморку. Царь Ага-Мамедъ-ханъ торжественно возвратился назадъ.

На другой день Хуршидъ-ханумъ видитъ, что рука у мужа завязана платкомъ отца; она удивляется этому и немедленно докладываетъ отцу. Царь тогда узналъ, кто именно былъ виновникомъ побѣды. Онъ позвалъ Кечала къ себѣ, поцѣловалъ его въ уста, снова сыгралъ свадьбу Хуршидъ-ханумы съ нимъ, сдѣлалъ пиръ на весь мiръ и назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Съ того дня Кечаль съ женою сталъ жить да поживать у тестя, а послѣ смерти его сталъ управлять государствомъ.

Записалъ въ г. Шушѣ, со словъ Зейналь-бека, воспитанникъ Закавк. учит. семинаріи *Мамедъ-бекъ Меликъ-Егановъ*.

5. Жидъ и его дочь.

Жилъ въ нѣкоторомъ городѣ одинъ жидъ, богатый купецъ (таджиръ). У него была красивая дочь Гюльпери. Прошло нѣсколько времени, жена жида скончалась, жидъ остался вдовцомъ; онъ вездѣ искалъ себѣ невѣсты, но красивой дѣвушки по своему вкусу не находилъ; видитъ онъ, что красивой дочери его нѣтъ въ городѣ ни одной дѣвушки, и рѣшился жениться на ней. Но сказать ей объ этомъ ему было стыдно. Жидъ тогда пустился на хитрости и объявилъ дома, что онъ женится на той, кто надѣнетъ платье умершей его жены, и чтобы достигъ своей цѣли, онъ пересталъ покупать дочери платье. Дѣвушка по инстинкту поняла намѣреніе отца и да-

ла себѣ слово никогда не надѣвать платья своей матери. Прошло нѣсколько времени; у дѣвушки все изнашивалось, остались только на ней рубаха и туманъ (кальсоны), да и тѣ были грязны, и ихъ надо было мыть.

— „Ахъ, Боже мой! что мнѣ дѣлать, что это мой отецъ выдумалъ!“ говорила она.

Но нечего дѣлать, она надѣла платье матери на нѣсколько часовъ, пользуясь отсутствіемъ отца. Между тѣмъ, жидъ постоянно слѣдилъ за дочерью и каждый день раза три-четыре тайно возвращался съ базара узнать, не надѣла ли дочь платья матери; и въ этотъ день, по обыкновенію, жидъ пришелъ неожиданно и видитъ, что дочь надѣла платье матери и на дворѣ моетъ бѣлье свое; тутъ подошелъ онъ къ ней и говоритъ:

— „Жена, ты что дѣлаешь?“

— „Папа, я, вѣдь, твоя дочь, а не жена“, отвѣчаетъ она.

— „Нѣтъ, ты не дочь, а моя жена!“ настойчиво говоритъ онъ ей.

Она, возражая отцу, просила и умоляла его, чтобы тотъ отказался отъ такой мысли; но жидъ остался твердъ въ своемъ намѣреніи: назначилъ день свадьбы и для дочери, какъ для будущей жены, заказалъ богатый костюмъ и женскіе золотые уборы. Но дѣвушка, въ свою очередь, для себя заказала мужской костюмъ: короткую шубу, широкіе шаровары и маску, съ цѣлю покинуть отцовскій домъ и пойти искать себѣ счастья въ другихъ краяхъ.

Наступилъ день свадьбы; солнце уже клонилось къ западу; гости предались удовольствіямъ: пили, ѣли, веселились. Воспользовавшись удобной минутой, невеста надѣла заранѣе приготовленное мужское платье, накинула на себя шубу и маску и пустилась въ путь. Кончился ужинъ, кончилось и веселіе; настало время, когда молодая въ первый разъ должна войти въ комнату мужа. По обычаю, въ послѣдній день

свадьбы, послѣ ужина, новобрачный въ отдѣльной комнатѣ ждетъ молодую, которую одна или двѣ опытная и пожилыя женщины вводятъ къ нему и, передавая ея руку въ руку мужа, говорятъ ему: „ее поручаемъ тебѣ, а тебя Богу“. Стали искать молодую, но ея не оказалось въ домѣ. Тутъ жидъ понялъ, что Гюльпери убѣжала; на другой день, распродавъ все свое имущество, онъ отправился искать ее.

Гюльпери же шла, мало ли, много ли—Аллахъ вѣдаетъ, и, наконецъ, пришла въ городъ Дамаскъ. Бѣдной бѣгланкѣ некуда было дѣться, и она зашла въ садъ тамошняго царя; нѣжная дѣвушка, уставшая отъ долгой ходьбы, легла подъ деревомъ и тотчасъ же заснула. Въ это время въ саду гуляла царица; вдругъ она увидѣла какую-то некрасивую дѣвушку (Гюльпери была въ маскѣ), спящую подъ деревомъ. Царица разбудила ее и спросила:

— „Кто ты така?“

— „Я сирота и никого не имѣю, мнѣ некуда дѣваться, и я рѣшилась отдохнуть въ вашемъ саду“ сказала Гюльпери.

Царица спросила Гюльпери объ ея имени, и та назвала себя. Царицѣ стало жаль бѣдную сиротку и она взяла ее къ себѣ въ услуженіе. Гюльпери служила царскому семейству такъ честно и аккуратно, что всѣ домашніе царя ее любили и уважали; но больше всѣхъ уважалъ ее царевичъ Ахмедъ. Однажды въ городѣ праздновалась свадьба дочери царскаго визиря, и семья царя была приглашена на эту свадьбу. Когда домашніе царя собирались итти на свадьбу, то Гюльпери стала просить царицу, чтобы и ее взяли съ собой; но царица не согласилась и приказала ей остаться дома; бѣдная служанка принуждена была повиноваться и осталась дома. Но когда всѣ ушли, Гюльпери сняла шубу, маску и шаровары, надѣла новое платье и тоже пошла на свадьбу; тамъ, конечно, никто не могъ узнать ее въ новомъ платьѣ и безъ маски. На свадьбѣ Гюльпери много плясала и веселилась; всѣ лю-

бовались ея красотой, а царевичъ до безумія влюбился въ нее. Она вышла раньше всѣхъ, быстро ушла домой и тотчасъ же надѣла маску, шубу и шаровары. Пришли всѣ домой.

— „Ханумъ, хорошо ли провели время на свадьбѣ?“ спросила царицу Гюльпери.

— „Да, Гюльпери, весело: тамъ была такая красавица, какой нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; такъ какъ никто не зналъ ея, то и рѣшили, что это была гурія рая“.

Влюбленный царевичъ вернулся со свадьбы печальный; у него изъ головы не выходила плясавшая на свадьбѣ красавица. Послѣ продолжительной думы, царевичъ рѣшилъ отыскать ту красавицу; по его мнѣнію, чтобы найти ее, пришлось бы вести борьбу съ колдунами и дивами; поэтому онъ приказалъ прислугѣ приготовить въ путь. Дома всѣ были опечалены такимъ рѣшеніемъ царевича; одна Гюльпери была весела. Она всегда сама подавала обѣдъ царевичу; въ день отбѣда его она, по обыкновенію, подала ему пловъ, но предварительно положила въ него свой перстень и немного шерсти отъ своей шубы; этимъ она хотѣла ему дать знать, что та красавица—она сама, и чтобы онъ не искалъ ея въ чужихъ краяхъ.

Царевичъ во время обѣда нашелъ въ пловѣ перстень и шерсть отъ шубы; тутъ онъ понялъ, что та красавица—сама Гюльпери. Тогда царевичъ пропѣлъ слѣдующую пѣсню:

Возлюбленная въ нашемъ домѣ,

А мы ходимъ вокругъ міра;

Вода въ нашемъ кувшинѣ,

А мы нуждаемся въ ней.

Царевичъ отказался отъ поѣздки и потребовалъ къ себѣ Гюльпери.

Когда она явилась къ нему, царевичъ повелительнымъ тономъ приказалъ ей снять ея обычный нарядъ.

Она сняла, и его глазамъ предстала та самая красавица,

о которой онъ такъ долго мечталъ; онъ бросился къ ней и началъ ее цѣловать и обнимать.

Царь женилъ своего сына на Гюльпери; сорокъ дней и сорокъ ночей праздновали ихъ свадьбу.

Прошло девять мѣсяцевъ, девять дней и девять минутъ отъ этого счастливаго брака, и Гюльпери родила сына, котораго назвала Мамедомъ. Царь до такой степени полюбилъ своего внука, что каждое утро, не поцѣловавъ его, не совершалъ намаза. Дамасскій царь былъ человекъ кроткаго нрава и очень набожный; онъ любилъ дервишей (странниковъ) и охотно проводилъ съ ними время, и старался исполнять всякую ихъ просьбу.

Отецъ Гюльпери, странствуя по городамъ въ качествѣ дервиша, прибылъ въ городъ Дамаскъ и первымъ долгомъ явился во дворецъ къ царю, любителю дервишей. Царь принялъ жид-дервиша радостно и познакомилъ его со всей своей семьей, чтобы тотъ благословилъ ее; жид-дервишъ увидѣлъ тутъ свою дочь, она тоже узнала въ дервишѣ своего отца; такъ какъ она раньше никому не открывала своей тайны въ домѣ царя, то и теперь тоже не пожелала открыть ея, а потому сдѣлала видъ, будто не знаетъ пріѣхавшаго дервиша; жидъ тоже показалъ видъ, будто не знаетъ ея.

Ночью дервишъ пожелалъ спать въ комнатѣ царевича; его желаніе было исполнено. Всѣ уже спятъ, а дервишу-жиду не спится: онъ все думаетъ о томъ, какъ отомстить своей дочери. Наконецъ, онъ рѣшилъ и въ полночь всталъ, потихоньку подошелъ къ постели Гюльпери, досталъ у нея изъ кармана перочинный ножикъ и выкололъ глаза бѣдному ребенку; потомъ положилъ ножъ обратно въ карманъ несчастной матери; послѣ этого безсердечный злодѣй быстро легъ въ свою постель и преспокойно заснулъ.

Рано утромъ, когда царь, по обыкновенію, подошелъ къ люлькѣ ребенка, чтобы поцѣловать его, къ своему ужасу

увидѣлъ передъ собой ослѣпленнаго малютку; царь страшно былъ огорченъ, онъ плакалъ, билъ себя по головѣ и глабоко страдалъ.

— „Узнать, кто совершилъ это звѣрское преступленіе!“ наконецъ воскликнулъ царь въ гнѣвъ, „Дервишъ, узнай, кто сдѣлалъ это!“

— „Царь, вели обыскать присутствующихъ: у кого окажется орудіе, которымъ совершено преступленіе, тотъ, слѣдовательно, и совершилъ его“, посовѣтовалъ дервишъ.

Обыскали всѣхъ, по совѣту дервиша, и окровавленный ножикъ былъ найденъ въ карманѣ у Гюльпери. Разгнѣванный царь приказалъ выколоть глаза бѣдной матери, ребенка передать въ ея руки, увести ихъ въ пустыню и оставить тамъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Приказаніе царя было исполнено въ точности. Между тѣмъ Гюльпери догадывалась, что это преступленіе совершено ея отцомъ, но не открывала этого: она предпочитала лучше умереть, чѣмъ опозорить себя и осрамить родного отца, хотя тотъ поступилъ съ нею крайне безчеловѣчно.

Двое сутокъ Гюльпери оставалась въ пустынѣ одна, со своимъ Мамедомъ; мучили ее и голодь и жажда; она уже приготовилась къ смерти; но на третій день прилетѣли къ ней двѣ голубки, изъ нихъ одна сказала другой:

— „Сестрица, мнѣ жаль Гюльпери: она невинна, а мы должны всегда помогать невинно-страдающимъ“.

— „Да!“ сказала другая голубка: „я брошу на землю одно перо, пускай она подниметъ это перо и потретъ имъ свои глаза и глаза своего ребенка, и они получатъ исцѣленіе“.

Какъ сказали голубки, она такъ и сдѣлала, и исцѣлились глаза ея и ея ребенка. Гюльпери увидѣла вблизи красивое зданіе и направилась туда; зашедши въ зданіе, она не нашла тамъ ни одного человѣка. Въ этомъ чудномъ домѣ были прекрасно убранныя комнаты; въ одной изъ нихъ были

неизсякаемые съѣстные припасы. Гюльпери стала жить въ этомъ домѣ одна, съ ребенкомъ Мамедомъ, не испытывая нужды. Послѣ изгнан'я Гюльпери царевичъ Ахмедъ далъ себѣ слово никогда не жениться на другой, и носилъ трауръ по женѣ.

Прошло десять лѣтъ; царевичъ какъ-то отправился на охоту; въ полѣ онъ увидѣлъ зданіе и вошелъ туда; на встрѣчу къ нему, неожиданно для него, вышли Гюльпери и Мамедъ; тутъ они узнали другъ друга и начали цѣловаться, обниматься и плакать отъ радости. Здѣсь же царевичъ узналъ о невинности Гюльпери и взялъ ее и сына къ себѣ въ городъ; всѣ обрадовались, увидѣвъ Гюльпери; она рассказала свою исторію царю; а тотъ далъ себѣ слово больше не вѣрять дервишамъ и преслѣдовать ихъ; послѣ этого много дервишей было казнено по приказанію царя. А Гюльпери съ того времени жила счастливо и весело.

Сообщилъ учитель Неграмскаго двухкласснаго училища *Кяримъ-бекъ-Измаиловъ*.

6. О Рахимѣ *) и Номазѣ.

Разсказываютъ, что Рахимъ, одинъ изъ добрыхъ людей, проходя мимо какого-то пахаря, увидѣлъ, что онъ пашетъ поле, впрягши въ соху одного быка и одного человѣка. Удивленный Рахимъ спросилъ о причинѣ такого безчеловѣчія. Пахарь отвѣтилъ:

-- „Этотъ человѣкъ, по имени Номазъ, мой должникъ. У меня было два быка; одинъ изъ нихъ издохъ; я потребовалъ съ Номазы деньги, но у него не оказалось денегъ; тогда я его самого впрягъ въ соху и нашу свое поле“.

*) Рахимъ былъ путешественникъ и всю жизнь провелъ въ путешествіяхъ.

Рахимъ спросилъ:

— „Сколько Номазъ тебѣ долженъ?“

— „Пятьдесятъ драхмъ“, отвѣтилъ пахарь.

Рахимъ уплатилъ долгъ Номазу и освободилъ его изъ неволи. Когда Номазъ сталъ благодарить Рахима, послѣдній отвѣтилъ:

— „Мой другъ, свѣтъ и такъ не останется!“ и отправился далѣе.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и, по закону природы, многое измѣнилось на свѣтѣ. Рахимъ на возвратномъ пути заѣхалъ въ какой-то городъ; у встрѣчнаго человѣка онъ спросилъ:

— „Кто первый богачъ въ этомъ городѣ?“

— „Номазъ“, отвѣтилъ встрѣчный.

При этомъ имени Рахиму какъ будто какой-то внутренней голосъ прошепталъ: „Это тотъ самый, кого ты когда-то освободилъ изъ неволи“.

Рахимъ прямо направился въ домъ Номазу. Послѣдній, узнавъ о прибытіи своего избавителя, съ большимъ почетомъ принялъ его и, угостивъ, сказалъ:

— „О, мой избавитель! Благодарю тебя за оказанную мнѣ услугу и молю Аллаха, чтобы онъ позволилъ мнѣ отплатить тебѣ добромъ за добро! Я обязанъ тебѣ моимъ существованіемъ; ты избавилъ меня отъ мученій!“

— „О, мой другъ!“ началъ Рахимъ: „по закону нашей религіи, мы всѣ обязаны помогать другъ другу, ибо въ этомъ состоитъ цѣль нашего существованія. Помнишь мою поговорку: свѣтъ и такъ не останется?“

Прогостивъ у Номазу нѣсколько дней, Рахимъ отправился далѣе. Прошло много лѣтъ, и Рахиму опять пришлось посѣтить городъ своего друга Номазу. Номазъ былъ уже царемъ этого города; онъ принялъ Рахима съ большимъ почетомъ, предложилъ ему мѣсто визиря, думая этимъ отплатить Рахиму за оказанную раньше услугу; но Рахимъ не принялъ

его предложенія, поблагодарилъ за любезность, повторилъ свою прежнюю поговорку: „Свѣтъ и такъ не останется“ и уѣхалъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ увидѣлъ одного землепашца, который пахалъ землю, и спросилъ:

— „Кому принадлежитъ это поле?“

— „На этомъ полѣ“, началъ землепашецъ: „былъ расположенъ многолюдный городъ, царемъ котораго былъ Номазъ. Случилось землетрясеніе, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ городъ, образовалась огромная пропасть, которая и поглотила городъ и жителей его“.

При этихъ словахъ Рахимъ горько, горько заплакалъ, вспомнивъ своего друга Немаза, и сказалъ землепашцу:

— „Свѣтъ и такъ не останется“.

Записалъ въ сел. Мамурлы, Джебанширскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи, воспитанникъ Закавк. учит. семинаріи *Муса Кулиевъ*.

7. О царевичѣ Джанъ-шахѣ и царевнѣ Хаятаннуфусѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ большомъ государствѣ жилъ былъ могущественный царь. У этого царя былъ единственный сынъ, по имени Джанъ-шахъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ склонность къ занятіямъ науками и всею душою предавался ихъ изученію. Отецъ, замѣтивши у своего сына любовь къ наукамъ, нанялъ ему въ наставники одного ученаго и въ своемъ роскошномъ саду велѣлъ построить особое помѣщеніе со всевозможными необходимыми приспособленіями для изученія разныхъ наукъ. Тутъ Джанъ-шахъ занимался, пока ему не исполнилось 15 лѣтъ.

Въ одну прекрасную ночь пятнадцати-лѣтній юноша, за-

нимаясь при свѣтѣ лампы, былъ замѣченъ двумя ангелами, которые плѣнились красотой его. Эти ангелы встрѣтились на небѣ, надъ крышей палаты Джанъ-шаха. Одинъ изъ нихъ долго стоялъ надъ палатой и все любовался красотой царевича; когда же онъ встрѣтилъ другого ангела и указалъ ему на занимавшагося юношу, то тотъ замѣтилъ сходство его съ одной царевной, которую онъ видѣлъ въ другомъ государствѣ, и они рѣшили устроить свиданіе этихъ двухъ созданій. Условившись, они стали ждать, чтобы Джанъ-шахъ заснулъ.

Наконецъ, царевичъ послѣ продолжительныхъ занятій легъ спать на свою золотую кровать. Когда онъ заснулъ, наблюдавшіе ангелы спустились на землю и, взявъ его съ кроватю, подлетѣли къ тому городу, гдѣ жила похожая на него царевна Хаятаннуфуса; проникши во дворецъ, они положили царевича на ту самую кровать, на которой спала неописанной красоты царевна, а сами обратились въ блохъ и начали кусать молодую царевну. Она проснулась и, увидѣвъ юношу, лежавшаго около нея, была поражена его красотой и тотчасъ влюбилась въ него. Тутъ царевна начала обнимать и цѣловать Джанъ-шаха; затѣмъ она стала обыскивать его карманы и нашла красивый ножикъ съ надписью: „Царевичъ Джанъ-шахъ“; спрятавъ его, она обняла царевича и долго любовалась его красотой. Потомъ она заснула, положивъ свою голову на грудь спящаго царевича. Теперь блохи начали кусать Джанъ-шаха. Онъ, проснувшись, очень удивился тому, какимъ образомъ попалъ сюда, и былъ пораженъ въ свою очередь красотой лежавшей на его груди чудной красавицы. Успокоившись отъ волненія, Джанъ-шахъ снялъ съ ея пальца перстень съ надписью: „Хаятаннуфуса“ и, положивъ его въ карманъ свой, крѣпко обнялъ царевну. Тутъ онъ заснулъ; ангелы же вошли въ прежній свой образъ и, положивъ царевича на его кровать, полетѣли обратно и поставили кровать въ его комнату, а сами скрылись.

Утромъ царица проснулась и, не видя около себя царевича, подумала, что она его видѣла во снѣ. Но, вспоминая, что взяла изъ кармана его ножикъ, и имѣя его въ дѣйствительности, впала въ грусть и начала съ каждымъ днемъ худѣть, болѣть и, наконецъ, отъ сильной любви сошла съ ума.

Отецъ, узнавъ объ этомъ, собралъ докторовъ, какъ изъ своего государства, такъ и изъ другихъ земель, и объявилъ слѣдующее:

— „Если кто вылѣчитъ мою дочь, то по излеченіи я дамъ ее за него замужъ и, вдобавокъ, еще дамъ много богатства, а кто примется за лѣченіе и не вылѣчитъ, тому голову долой!“

Многіе, желая владѣть красавицей, принимались за это дѣло, но заплатились жизнью.

Между тѣмъ царевичъ, проснувшись и найдя у себя перстень, который былъ снятъ съ пальца царицы, тоже сталъ все думать о ней и, наконецъ, рѣшилъ во что бы то ни стало отыскать свою возлюбленную. Царь долго не соглашался на отъѣздъ его; наконецъ, по настоянію сына, онъ отпустилъ его и далъ ему въ спутники нѣсколькихъ сановниковъ. Джанъ-шахъ въ сопровожденіи сановниковъ пустился въ путь. Долго ли, коротко ли они ѣхали, Богъ вѣдаетъ о томъ, но только они очутились однажды въ дремучемъ лѣсу и расположились въ немъ на ночлегъ. Наѣвшись, напившись, они легли спать. Когда всѣ заснули, шайка разбойниковъ, слѣдившая за ними, напала на нихъ. Нѣкоторые сановники были убиты, другіе спаслись бѣгствомъ, царевичъ же, убивъ нѣсколькихъ разбойниковъ, сѣлъ на своего коня и пустился въ путь уже безъ провожатыхъ.

На дорогѣ онъ встрѣтилъ восемь сыновей еврея, которые были посланы отцомъ на охоту съ цѣлью поймать и

съѣсть какого нибудь мусульманина *). Когда охотники увидѣли Джанъ-шаха, обрадовались, но радость ихъ обратилась въ печаль: Джанъ-шахъ, узнавъ ихъ намѣреніе, вступилъ съ ними въ борьбу и убилъ трехъ сыновей еврея. Еврей, узнавъ о смерти сыновей, съ своими товарищами отправился ловить Джанъ-шаха. Онъ былъ скоро пойманъ, но еврею не удалось убить его, благодаря дочери. Когда царевичъ находился взаперти, дочь еврея увидѣла его изъ окна и влюбилась въ него. Она уговорила Джанъ-шаха жениться на ней и обѣщала освободить его. Царевичъ согласился, но потомъ, воспользовавшись случаемъ, съѣлъ на своего коня и бѣжалъ.

Долго ѣхалъ онъ. Наконецъ, на вершинѣ одной горы онъ увидѣлъ что-то блестящее. Онъ поинтересовался узнать, что это такое, поднялся на вершину и увидѣлъ громадный дворецъ. У воротъ этого дворца стояли два великана съ шашками въ рукахъ. На разспросы Джанъ-шаха они сказали, что десять лѣтъ здѣсь караулятъ и до сихъ поръ ни одинъ смертный не осмѣлился подняться во дворецъ; что здѣсь живутъ семь братьевъ богатырей, которые имѣютъ прекрасную сестру; чтобы стеречь ее отъ злоумышленниковъ въ ихъ отсутствіе, они назначили этихъ двухъ великановъ.

— „А ты какъ осмѣлился подняться на эту гору? Развѣ ты не жалѣешь себя?“ спросили они Джанъ-шаха.

Въ это время красавица, стоявшая на балконѣ, замѣтила Джанъ-шаха и велѣла великанамъ пропустить его во дворецъ. Красавица, пользуясь тѣмъ, что братья ея были на охотѣ, повела царевича въ свою комнату и начала спрашивать его, какъ онъ попалъ сюда. Джанъ-шахъ разжалъ ей всю исторію свою, добавивъ, что ищетъ царство „гилманское“.

*) Между необразованными мусульманами есть повѣрье, будто еврей, поймавъ мусульманина, убиваетъ его и кровь употребляютъ вмѣсто воды при печеніи хлѣба. Въ особенности этимъ пугаютъ дѣтей.

(такъ называлось то царство, въ которомъ жила его возлюбленная Хаятаннуфуса).

Выслушавъ его рѣчь, красавица предложила Джанъ-шаху жениться на ней. Царевачъ молчалъ, зная, что если откажетъ, то она обидится.

Такъ какъ братья красавицы должны были скоро возвратиться съ охоты, то она, чтобы они не видѣли Джанъ-шаха въ ея комнатѣ, велѣла садовнику взять Джанъ-шаха къ себѣ и угостить чѣмъ-нибудь.

Садовникъ исполнилъ приказаніе своей госпожи. Скоро пріѣхали братья, и она обратилась къ нимъ со слѣдующими словами:

— „Въ нашъ дворецъ попалъ чужеземецъ, который по виду не похожъ на простаго человѣка; видно, онъ царскаго происхожденія. Идите, разузнайте о немъ; онъ находится у садовника; но если убьете его, то будете прокляты!“

Братья поспѣшили къ садовнику. Когда они вошли въ домъ садовника, Джанъ-шахъ всталъ и почтительно поклонился имъ. На вопросъ братьевъ, куда онъ ѣдетъ и какъ попалъ сюда, Джанъ-шахъ разсказалъ всю свою исторію. Когда они выслушали царевича, то сказали ему:

— „Ты, какъ видно, человѣкъ знатнаго рода, и мы жадѣемъ тебя, какъ бы ты не погибъ въ своемъ далекомъ путешествіи. Многіе шли по этой дорогѣ, но никто не возвращался. Оставайся лучше у насъ, мы выдадимъ за тебя замужъ свою сестру, и будешь ты намъ восьмымъ братомъ“.

Джанъ-шахъ не рѣшился на это, но, чтобы они не оставались имъ недовольны, далъ слово опять пріѣхать къ нимъ и жениться на ихъ сестрѣ. Братья повѣрили ему и указали царевичу безопасный путь въ Гылманъ. Царевичъ, простившись съ ними и съ ихъ сестрою, пустился въ путь, снабженный всевозможными съѣстными и другими припасами.

Долго ѣхалъ Джанъ-шахъ по долинамъ, полямъ, по ши-

рокимъ морямъ. Наконецъ онъ достигъ того города, гдѣ жила возлюбленная Джанъ-шаха, и поселился въ хижинѣ одной старухи на окраинѣ того города. Старуха, хозяйка хижины, была одѣта въ черную одежду. Когда царевичъ спросилъ ее, какое несчастье заставляетъ ее носить траурную одежду, она со вздохомъ отвѣтила:

— „Господинъ мой! единственная дочь нашего царя уже болѣе полгода болѣетъ тяжкою болѣзнью, такъ-что самые лучшие доктора не могутъ вылѣчить“. При этомъ она добавила, что царь казнить тѣхъ докторовъ, которые принимаются лѣчить царевну и не вылѣчиваютъ, а за того, кто вылѣчитъ, онъ обѣщаль выдать ее замужъ.

На другой день Джанъ-шахъ надѣлъ докторскій нарядъ, пошелъ къ царю и объявилъ, что онъ берется вылѣчить его дочь, а если его средство окажется бесполезнымъ, то пусть и ему отрубятъ голову, какъ и другимъ. Царь согласился. Джанъ-шахъ приказалъ царскимъ слугамъ раздѣлить комнату царевны на двѣ половины занавѣсомъ. Когда слуги исполнили его приказаніе, царевичъ велѣлъ всѣмъ уйти оттуда, а самъ съ перстнемъ, снятымъ съ пальца царевны, зашелъ въ ея комнату и сталъ за занавѣсомъ, чтобы она не узнала его. Прежде всего Джанъ-шахъ спросилъ ее, отчего она заболѣла. Царевна не отвѣтила. Потомъ Джанъ-шахъ поставилъ передъ собою чашку, наполненную водою *), ударилъ перстнемъ о край чашки и сказалъ:

— „Царевна, слушай, что показывается мнѣ въ водѣ: ты влюблена! Такъ ли?“

Но царевна не дала отвѣта. Джанъ-шахъ, опять ударивъ перстнемъ о край чашки, сказалъ:

— „Ты, царевна, взяла изъ кармана своего возлюблен-

*) Какъ дѣлаютъ обыкновенно восточные волшебники, „джиндары“.

наго ножи́къ на память, онъ же взялъ у тебя перстень, на которомъ написано твое имя“.

Хаятаннуфуса, услышавъ это, не могла удержаться и бросилась къ занавѣсу, чтобы посмотрѣть на говорившаго, и передъ ней очутился не волшебникъ, не докторъ, а тотъ самый юноша, красотою котораго она увлеклась годъ тому назадъ и по винѣ котораго такъ тяжко заболѣла. Она бросилась въ объятія Джанъ-шаха. Само собою разумѣется, что послѣ этого у нея не замѣчалось уже никакихъ признаковъ сѣумасшествія. Джанъ-шахъ же представился царю и донесъ ему объ излѣченіи его дочери.

Царь обрадовался. Онъ сыгралъ ихъ свадьбу и далъ имъ много богатства. Джанъ-шахъ сталъ жить съ чудной красавицей счастливо. Проживъ въ Гылманѣ десять лѣтъ, Джанъ-шахъ просилъ царя отпустить его съ женою на его родину. Царь отпустилъ ихъ съ большимъ богатствомъ и далъ имъ для охраны цѣлое войско. Доѣхавъ до дворца семи братьевъ-богатырей, они на нѣсколько дней остались у нихъ, и Джанъ-шахъ взялъ и ихъ сестру себѣ въ жены. Потомъ Джанъ-шахъ съ своимъ семействомъ выѣхалъ и достигъ благополучно своего царства.

Отецъ и мать очень обрадовались имъ, и они стали жить счастливо въ своемъ родномъ городѣ. Скоро отецъ умеръ, и Джанъ-шахъ сдѣлался царемъ.

Записалъ въ г. Шемахѣ, со словъ Сафтара Азизова, воспитанникъ Закавк. учительск. семинаріи *Солтанъ М.-Эфендіевъ*.

8. Ш а м и л ь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ царь. Ему было шестьдесятъ лѣтъ, а дѣтей у него все нѣтъ да нѣтъ. Сколько онъ ни приносилъ жертвъ Богу, сколько онъ ни оказывалъ бѣднымъ помощи, сколько ни молился, — Аллахъ все не внималъ его мольбамъ. Видитъ царь, что подходит и смерть, собираетъ онъ своихъ приближенныхъ и со слезами говоритъ:

— „Ну, мои совѣтники, вельможи, что же мнѣ дѣлать? Куда мнѣ голову склонить? Кому останется послѣ моей смерти это обширное и могущественное царство?“

— „Не печалься, о добрый царь! Богъ поможетъ: Онъ милостивъ и щедръ!“ отвѣчаютъ ему приближенные.

Проходитъ годъ, проходитъ другой; вдругъ является въ эту столицу одѣтый въ лохмотья, съ длинными волосами, хромой старикъ, мудрецъ. Немедленно о немъ докладываютъ царю. Царь приказываетъ привести его во дворецъ и рассказываетъ ему свое горе. Старикъ говоритъ:

— „Не печалься, государь! твоему горю помочь можно“, и, указывая на одного краснаго стараго пѣтуха, прибавляетъ: „послѣ моего ухода зарѣжь его; у него въ зобу есть одно черное яичко, возьми и свари его; половину самъ съѣшь, а другую половину отдашь царицѣ, и спустя девять мѣсяцевъ будетъ у тебя наслѣдникъ, а черезъ одиннадцать мѣсяцевъ — наслѣдница“.

Царь поблагодарилъ старика, приказалъ дать ему приличную одежду и двѣ тысячи червонцевъ и отпустить съ честью. Послѣ ухода старика царь поступилъ по его совѣту. И что же? проходитъ девять мѣсяцевъ, и жена его рождаетъ царевича, Меликъ-Джумшида, а черезъ одиннадцать мѣсяцевъ появляется на свѣтъ Божій и царевна-красавица, Мастанъ; она была такъ прекрасна, что солнце не смѣло предъ нею пока-

зваться, и при видѣ ея хотѣлось все забыть и только любоваться ея красотой. У царя не было предѣла радости, но, къ сожалѣнію, она продолжалась недолго: Меликъ-Джумшидъ умираетъ отъ оспы, а жена не выноситъ горя и черезъ три дня также умираетъ. Несчастный царь, удрученный горемъ, остался лишь со своею умною, доброю красавицею дочерью.

Въ столицѣ этого царя жилъ нѣкто Пара-Башъ съ женою и сыномъ, Шамилемъ. Разъ Пара-Башъ выходитъ на базаръ и видитъ, что продаютъ дрова; онъ удивляется этому невиданному, неслыханному до того явленію и, вернувшись, рассказываетъ объ этомъ женѣ, а на слѣдующій день самъ беретъ веревку, топоръ, мѣшокъ и отправляется въ лѣсъ за дровами.

Онъ зашелъ въ чащу лѣса и заблудился тамъ. Приходитъ ночь, становится темно, — зги не видать. Пара-Башъ влѣзаетъ на дерево и видитъ вдали огонекъ; слѣзаетъ поскорѣе и отправляется въ ту сторону, гдѣ свѣтилось, и приходитъ къ одной избушкѣ. Онъ входитъ въ избушку и видитъ: въ углу — куча золота, серебра и драгоценныхъ камней, а за дверью спитъ дивъ, подставивъ подъ себя уши. Дивъ этотъ былъ злѣйшій врагъ его отечества: каждый Божій день жители обязаны были давать ему по человѣку, но никто изъ нихъ не отважился убить его, чтобы освободить своихъ соотечественниковъ отъ такой тяжелой дани. Пара-Башъ тихонько перепрыгнулъ черезъ него, наполнилъ свой мѣшокъ драгоценностями и пустился въ путь, домой; приходитъ онъ домой, стучитъ въ дверь и говоритъ женѣ:

— „Милая моя, родимая моя, отвори дверь и посмотри, что я принесъ тебѣ!“

Жена отворяетъ дверь и что-же видитъ? предъ нею — полный мѣшокъ драгоценностей! Она бросается мужу въ объятія, цѣлуетъ его и говоритъ:

— „Мой ненаглядный, расскажи мнѣ, пожалуйста, гдѣ ты досталъ столько богатства?“

Мужъ исполнилъ желаніе жены, и затѣмъ стали они жить да поживать, устраивая ежедневно пиры.

Проходить три дня; дивъ просыпается и видитъ, что недостаетъ осмой части его богатства; онъ, разрѣзавъ себѣ палець, посыпалъ туда соли и сталъ ожидать вора.

Черезъ недѣлю Пара-Башъ приказываетъ женѣ приготовить мѣшки, чтобы итти вторично за драгоценностями, а жена говорить:

— „Душа моя, не ходи больше! хватить намъ этого богатства на всю жизнь; чрезмѣрная ѣда лишаетъ человѣка и малой ѣды“.

Но Пара-Башъ не послушалъ ее, взявъ два чувала и отправился за золотомъ. Какъ только онъ подошелъ къ кладу, дивъ бросился на него и цѣликомъ проглотилъ его. Проходить день, проходитъ другой, а Пара-Башъ все не возвращается, — поняла жена, что съ нимъ случилось несчастіе, и устроила по немъ тризну. А между тѣмъ сынъ ихъ, Шамиль, росъ не по годамъ и днямъ, а по минутамъ и секундамъ. Разъ онъ приходитъ къ матери и говорить:

— „Матушка моя, почему-это мои сверстники имѣють отцовъ, а у меня отца нѣтъ?“

Мать рассказала ему исторію отца.

— „Я долженъ непременно отомстить за отца“, говорить Шамиль: „если не отомщу, то пускай твое молоко сдѣлается для меня кровью!“

Вотъ Шамиль пустился въ путь; шелъ долго ли, коротко ли—Аллахъ вѣдаетъ, вдругъ встрѣчается съ нимъ толпа людей; она подводитъ къ нему разъяренныхъ барана, верблюда и буйвола и говорить:

— „Если ты ихъ повалишь, то отомстишь за отца“.

Шамиль всѣхъ сразу повалилъ и, сдѣлавъ себѣ шапкы изъ бедеръ каждаго, продолжалъ свой путь; шелъ долго

ли, коротко ли—Парвардгарь *) вѣдаетъ; вдругъ видитъ онъ на чинарѣ гнѣздо зумрудь-гуши **), а къ нему ползаетъ змѣя, длиною около двухъ сажени, а толщиною болѣе сажени, чтобы истребить дѣтенной птицы. Шамиль тотчасъ взялъ стрѣлу, убилъ змѣю и, раздѣливъ на куски, раздалъ птенцамъ зумрудь-гуши, а самъ легъ подъ тѣнью дерева и крѣпко-крѣпко заснулъ. Въ это время зумрудь-гуши прилетѣлъ къ гнѣзду и, замѣтивъ подъ деревомъ Шамиля, взялъ семь жернововъ на крылья и хотѣлъ бросить на него эти жернова, но птенцы закричали:

— „О царь птицъ, не тронь его! онъ убилъ нашего злѣйшаго врага.“

Зумрудь-гуши бросилъ жернова всторону, прилетѣлъ къ Шамилю и, раскрывъ крылья, покрылъ ими его. Черезъ нѣсколько времени Шамиль проснулся.

— „Чего хочешь отъ меня за свое доброе дѣло, о прекрасный юноша? скажи, я охотно исполню твое желаніе“.

— „Ничего не хочу: освободить твоихъ дѣтей отъ такого злѣйшаго чудовища считалъ я для себя священнымъ долгомъ“, говоритъ Шамиль.

Зумрудь-гуши поблагодарилъ его и далъ ему одно перышко, говоря:

— „Если въ чемъ-нибудь будешь нуждаться, то дунь на него, и твое желаніе тотчасъ же исполнится“.

Шамиль взялъ это дорогое перышко и пустился въ путь. Шелъ долго ли, коротко ли—Богъ вѣдаетъ, наконецъ встрѣчаетъ гору, вершина которой доходила до неба, а за этою горою уже стояла изба врага его, дива. Онъ ударилъ перышкомъ о гору и сказалъ:

*) Парвардгарь—Богъ.

***) Зумрудь-гуши—изумрудная птица; вродѣ жарь-птицы русскихъ сказокъ.

— „Откройся предо мною, прямая и короткая дорога!“

И предъ нимъ открылась прямая и короткая дорога къ избѣ дива. Онъ вошелъ въ избу и увидѣлъ, что въ углу сидитъ дочь дива, а дивъ былъ въ это время на охотѣ.

— „Скажи мнѣ, гдѣ находится душа твоего отца!“ говорить Шамиль: „Если не скажешь, то убью тебя“.

Дочь испугалась и указала на одну банку, которая находилась на полкѣ. Какъ только Шамиль взялъ банку, дивъ тотчасъ очутился предъ нимъ, упалъ на земь и сталъ умолять о пощадѣ, говоря:

— „Не убивай меня, Шамиль, съ нынѣшняго дня я сдѣлаюсь твоимъ слугою до гробовой доски“.

Но Шамиль не послушалъ его, ударилъ банку оземь такъ, что только брызги засверкали, и дивъ тотчасъ испустилъ духъ. Шамиль разрѣзалъ его на куски, вынулъ изъ его желудка своего отца, живымъ, съ длинною сѣдою бородою, и, завладѣвъ добромъ дива, пустился съ отцомъ обратно домой. На дорогѣ Шамиль почувствовалъ усталость и просилъ отца, чтобы онъ смотрѣлъ за нимъ и за его добромъ, а самъ наснулъ богатырскимъ сномъ у одной глубокой ямы. Отецъ, завидуя богатству сына, соблазнился и бросилъ его въ яму, а самъ съ добромъ продолжалъ свой путь. Черезъ нѣсколько времени Шамиль проснулся; увидѣвъ себя въ ямѣ, онъ догадался, что это отецъ столкнулъ его туда, быстро вылѣзъ изъ ямы, пустился за отцомъ и, поймавъ его, изрѣзалъ на куски, а самъ пришелъ съ добромъ домой и рассказалъ матери обо всемъ. Мать обняла его и сказала:

— „Мой неаглядный, ты исполнилъ свой долгъ; да благословить тебя Господь Богъ!“ и стали они жить да поживать.

Скоро донесли царю, что убили дива, но кто убилъ, — никто ничего не говорилъ.

Проходитъ годъ. Идетъ отъ царя кличъ, чтобы народъ, сколько ни есть въ его царствѣ, собирался къ нему, брать

съ собой лучшихъ коней, и кто на своемъ конѣ доскочитъ до терема царевны и поцѣлуеть ее, за того царь царевну замужъ отдастъ и сдѣлаетъ его своимъ наслѣдникомъ.

Вышелъ Шамиль въ поле и дунулъ на перышко, говоря:
— „Гыр-ать *), стань предо мною, какъ рабъ предъ господиномъ!“

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей пламя, изъ ноздрей паръ столбомъ валитъ; прибѣжалъ и сталъ конь предъ нимъ.

— „Ну“, говоритъ, „влѣзай мнѣ, Шамиль, въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзай!“

Шамиль влѣзъ коню въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзъ и сталъ такимъ молодцомъ, что не вадумать, ни възгадать, ни въ сказкѣ сказать.

Сѣлъ тогда Шамиль на коня, поскакалъ на площадь предъ дворцомъ и видитъ: въ высокомъ теремѣ, у окна, царевна, красавица изъ красавицъ, сидитъ, а предъ дворцомъ—народу видимо-невидимо, и сыновья визира и вѣкила **) въ драгоценныхъ одеждахъ на гнѣдыхъ лошадяхъ, украшенныхъ золотою сбруею, скачутъ то направо, то налево, то впередъ, то назадъ. При видѣ ихъ, Шамиль пришелъ въ ярость и ударилъ своего коня; осерчалъ конь: прыгнулъ и досталъ до окна. Шамиль поцѣловалъ царевну въ сахарныя уста, повернулъ коня и такъ ударилъ по головамъ сыновей визира и вѣкила, что они на десять саженой вошли въ землю. Тутъ царь, визирь, вѣкиль и народъ стали кричать:

— „Держи, держи его!“

Шамиль остановился, подошелъ къ царю и сказалъ:

— „О царь царей земныхъ, я—Шамиль, тотъ изъ тво-

*) Гыр-ать—дикая лошадь, вродѣ сивки-бурки.

**) Вѣкиль—министръ двора.

ихъ подданныхъ, который убилъ дива и освободилъ твой народъ отъ мученія“.

Царь бросился къ нему на шею, поцѣловалъ его и, взявъ его за руку, подвелъ къ своей дочери, Мастанъ, говоря:

— „Вотъ твой женихъ и мой наслѣдникъ, моя возлюбленная, моя ненаглядная, моя неоцѣнимая! Съ нынѣшняго дня онъ принадлежитъ тебѣ, а ты ему“.

Спустя день, сыграли свадьбу царевны съ Шамилемъ: пировали семь дней и семь ночей. Я тамъ былъ, шербеть и медь пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ и капли не попало.

Съ неба упало три яблока: одно мнѣ, другое Мамедъ-беку, третье рассказчику.

Записалъ въ г. Шушѣ, Елисаветпольской губерніи, воспитанникъ Закавк. учительск. семинаріи
Мамедъ-бекъ Мемикъ-Егановъ.

9. Пастухъ Ибрагимъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ отдаленнѣйшемъ государствѣ жилъ-былъ старикъ. У него было два сына: Рустамъ и Ибрагимъ. Послѣ смерти старикъ оставилъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ небольшое стадо овецъ. Когда сыновья выросли, стали пасти свое стадо. Днемъ они пасли стадо на полѣ, а по вечерамъ возвращались домой къ своей матери. Такимъ образомъ провели они нѣсколько лѣтъ. Однажды братья остались ночевать подъ открытымъ небомъ. Младшій братъ Ибрагимъ увидѣлъ во снѣ, что луна спустилась съ неба прямо на его стадо. Онъ проснулся, разбудилъ своего брата и рассказалъ ему свой сонъ. Рустамъ толковалъ сонъ брата такимъ образомъ:

— „Твой сонъ предвѣщаетъ тебѣ великую будущность“.

Послѣ этого Ибрагимъ разсказалъ свой сонъ и другимъ, и всѣ сказали ему то же, что сказалъ и старшій братъ, Рустамъ. Ибрагимъ повѣрилъ и очень обрадовался. Всю свою долю, доставшуюся ему отъ отца, онъ подарилъ своему брату, матери и бѣднымъ родственникамъ, а самъ пустился въ путь, взявъ съ собой только свою палку, въсомъ въ три пуда. Ибрагимъ шелъ на сѣверъ. Долго ли онъ шелъ, коротко ли шелъ, объ этомъ ничего не извѣстно, а извѣстно только, что черезъ два съ половиною мѣсяца прибылъ онъ въ одинъ городъ. Около этого города находилась старая крѣпость. Такъ какъ было уже темно, то Ибрагимъ рѣшился ночевать въ крѣпости, а утромъ располагалъ идти въ городъ.

Въ этомъ городѣ жилъ царь. У него была единственная дочь, по имени Куль-Шадъ; у визиря его былъ сынъ, по имени Ибрагимъ. Царевна Куль-Шадъ и Ибрагимъ были на возрастѣ и оба учились въ мектебѣ. Здѣсь они влюбились другъ въ друга. Разъ, когда они возвращались вмѣстѣ изъ мектеба, Ибрагимъ сказалъ царевнѣ:

— „Мы полюбили другъ друга, но твой отецъ царь, а мой отецъ только его визирь; поэтому онъ не выдастъ тебя за меня. Если ты согласишься, то я увезу тебя въ другое царство“.

Царевна дала ему согласіе и сказала:

— „Въ такомъ случаѣ, я пойду домой, возьму денегъ и двухъ лошадей и ночью приѣду къ той крѣпости, которая находится недалеко отъ нашего города; ты же ступай сейчасъ въ эту крѣпость и жди тамъ меня“.

Потомъ они разошлись по домамъ. Вечеромъ сынъ визиря раздумалъ и не пошелъ въ крѣпость, говоря: „Куль-Шадъ — дочь царя; она не въ состояніи будетъ привести въ исполненіе свой планъ и теперь, навѣрно, спитъ“.

Между тѣмъ царевна, какъ сказала, такъ и сдѣлала

Она взяла много золота, осѣдлала двухъ коней и тайкомъ выѣхала изъ дворца. Приѣхавши къ означенной крѣпости, Куль-Шадъ стала звать своего любимца, Ибрагима. Въ это время *пастухъ* Ибрагимъ проснулся отъ сна и сталъ прислушиваться, кто его зоветъ. Услышавъ, что кто-то зоветъ его по имени, онъ отозвался. Тогда царевна приняла его за своего влюбленнаго и просила поскорѣе выйти изъ крѣпости и сѣсть на лошадь. Ибрагимъ пошелъ навстрѣчу къ царевнѣ. Последняя, ничего не различая въ темнотѣ, предложила ему сѣсть на лошадь и уѣхать поскорѣе. Пастухъ Ибрагимъ поспѣшилъ исполнить ея предложеніе.

Куль-Шадъ ѣхала впереди, а пастухъ Ибрагимъ за ней. Когда стало разсвѣтать, царевна обернулась назадъ и очень удивилась, увидѣвъ, что на лошади сидитъ какой-то оборванецъ пастухъ и держитъ въ рукѣ громадную дубину. Она спросила его, кто онъ такой. Тотъ рассказалъ ей всю свою исторію. Куль-Шадъ тоже рассказала свои приключенія Ибрагиму и очень огорчалась своею ошибкою. Но дѣлать было нечего, нужно было повиноваться судьбѣ. Она велѣла Ибрагиму послѣдовать за ней.

Скоро сказка сказывается, да не скоро на землѣ дѣло дѣлается. Долго они ѣхали и, наконецъ, остановились около одного родника, чтобы утолить голодъ и жажду. Ибрагимъ нашель у этого родника какой-то бѣлый камень, величиною съ яйцо и тотчасъ принесъ показать его царевнѣ. Она посмотрѣла и сказала, что найденный камень очень дорогой. Тогда Ибрагимъ положилъ его въ карманъ, бросилъ свою дубину и попрежнему сталъ продолжать путь вмѣстѣ съ царевной. Черезъ нѣсколько дней они приѣхали въ одинъ городъ и наняли здѣсь самую лучшую квартиру. Тутъ Куль-Шадъ заказала для Ибрагима одежду, построила великолѣпный дворецъ, и стали они жить въ довольствѣ.

Отецъ царевны Куль-Шадъ, проснувшись утромъ, не за-

сталь дома своей любимой дочери. Долго искали Куль-Шадъ, но нигдѣ не нашли ея. Царь много лѣтъ гореваль, но, наконецъ, успокоился.

Въ томъ городѣ, гдѣ жили Ибрагимъ и Куль-Шадъ, правиль царь, по имени Меликъ-Асланъ. Царевна захотѣла познакомиться съ нимъ. Она наполнила одно блюдо драгоценными камнями, а сверху ихъ положила тотъ камень, который нашель Ибрагимъ у родника, и отправила царю въ подарокъ. Затѣмъ и они сами отправились къ царю. Царь приняль ихъ очень ласково и поблагодариль за отличный подарокъ. Но царь и его визирь Мамедъ-Али стали завидовать имъ и сказали другъ другу:

— „Почему они имѣють столько богатства и такой драгоценный камень, который положень сверху другихъ камней, а мы владѣемъ цѣлымъ государствомъ, но ничего подобнаго не имѣемъ?“

Тутъ они стали совѣщаться, какъ завладѣть богатствомъ Ибрагима. Визирь сказаль царю:

— „Государь! ты притворись больнымъ, а я позову Ибрагима; тогда ты скажи ему: я сильно боленъ и не выгѣчусь, пока не принесешь мнѣ нѣсколько такихъ камней, какой ты прислаль мнѣ въ подарокъ“.

Царь одобриль совѣтъ визиря и велѣль позвать Ибрагима. Когда явился послѣдній, то царь приказаль ему исполнить то, о чемъ говорилъ съ визиремъ. Ибрагимъ сказаль:

— „Государь мой! я или умру, или достану тебѣ этотъ камень“.

Потомъ онъ отправился домой и сталь приготовляться въ дорогу.

На другой день, рано утромъ, Ибрагимъ сѣль на коня и поскакаль прямо къ тому роднику, гдѣ нашель драгоценный камень. Приѣхавши къ роднику, онъ слѣзъ съ коня, привязаль его къ дереву, а самъ вошелъ въ родникъ. Вода въ

немъ была глубока. Какъ только Ибрагимъ вошелъ въ нее, то погрузился ко дну и сталъ продолжать путь подъ водою. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ на сушу и опять продолжалъ путь.

Наконецъ предъ нимъ открылась большая дверь. Онъ отворилъ дверь и увидѣлъ другую; отворилъ вторую—увидѣлъ третью. Ибрагимъ отворилъ и третью дверь и вошелъ въ хорошо убранную комнату. Въ ней спала въ это время прекрасная дѣвушка. Ибрагимъ съ перваго разу полюбилъ ее и, ставъ передъ нею, началъ любоваться ея неописанной красотой. Въ это время красавица проснулась и, увидѣвъ передъ собой незнакомаго человѣка, очень удивилась. Она сказала ему:

— „О молодой человѣкъ! какими судьбами ты попалъ сюда и какъ осмѣливаешься здѣсь стоять? Эта мѣстность принадлежит диву, который пошелъ на охоту и скоро вернется; если онъ увидитъ тебя здѣсь, то разорветъ и меня и тебя на куски. Уйди немедленно, пока есть возможность. Я сама—царевна. Однажды вышла гулять и пришла къ этому роднику. Тутъ меня замѣтилъ дивъ, увезъ къ себѣ и посадилъ въ эту комнату подъ замокъ“.

Ибрагимъ успокоилъ ее и сказалъ:

— „О красавица! не бойся, я пришелъ убить дива и освободить тебя изъ плѣна“.

Красавица спросила его, какимъ образомъ тотъ узналъ, что здѣсь, подъ землею, живетъ человѣческое существо. Ибрагимъ началъ рассказывать ей о томъ, что его заставило прийти сюда. Царевна сказала, что камни, за которыми онъ посланъ, образуются изъ ея крови и очень дорого стоятъ.

Въ это время загремѣлъ громъ, земля затряслась и все зданіе пришло въ движеніе. Красавица сказала Ибрагиму:

— „Молодой человѣкъ! мнѣ тебя жаль; спрячься гдѣ-нибудь: дивъ уже идетъ“.

Тогда Ибрагимъ обнажилъ мечъ и спрятался за дверьми. Какъ только дивъ вошелъ въ комнату, Ибрагимъ выскочилъ изъ-за дверей и такъ сильно ударилъ мечемъ по головѣ дива, что тотъ палъ на землю мертвымъ. Потомъ побѣдитель взялъ красавицу, сокровище дива и вернулся назадъ. Прибывши къ роднику, они сѣли на коня и поѣхали обратно домой. Оказалось, что эта красавица была дочь царя духовъ и называлась Шахъ-Санамъ *). Приѣхавши домой, нѣсколько дней они отдохнули. Наконецъ, Ибрагимъ хотѣлъ отправиться къ царю. Тогда Шахъ-Санамъ попросила подать ей тарелку съ водой. Ибрагимъ исполнилъ ея просьбу. Красавица ударила рукой себя по носу, и изъ него упало въ воду двѣнадцать капель крови, которыя тотчасъ же превратились въ двѣнадцать такихъ камней, какихъ требовалъ отъ Ибрагима царь. Ибрагимъ взялъ эти камни, отправился къ царю, поклонился ему въ поясъ и положилъ ихъ передъ нимъ. Царь холодно поблагодарилъ его. Когда Ибрагимъ удалился, то царь позвалъ визиря и сталъ совѣщаться съ нимъ о томъ, какъ послать его за такимъ дѣломъ, чтобы онъ больше не могъ вернуться назадъ. Царь поручилъ визирю придумать для Ибрагима трудную задачу. Спустя нѣсколько дней Мамедъ-Али, визирь, явился къ царю и сказалъ ему:

— „Позови Ибрагима и скажи ему: камни мнѣ не помогли; я выздоровѣю, если достанешь мнѣ розу, такъ называемую „атри-лала“, отличающуюся особенной красотой и ароматомъ“.

Царь велѣлъ позвать Ибрагима, который немедленно явился. Получивъ отъ царя приказъ ѣхать за розой, онъ вернулся домой и сталъ приготовляться къ путешествію.

Черезъ нѣкоторое время Ибрагимъ пустился въ дорогу.

*) Шахъ-Санамъ—царица красавица.

Долго ли ѣхалъ онъ, коротко ли ѣхалъ, объ этомъ Аллахъ вѣдаетъ, только извѣстно, что онъ пріѣхалъ въ одну степь. Здѣсь онъ пустилъ свою лошадь пастись, а самъ легъ спать подъ однимъ деревомъ. На этомъ деревѣ было гнѣздо какой-то громадной птицы. Только что Ибрагимъ заснулъ, какъ вдругъ его разбудилъ сильный крикъ. Это кричали надъ его головой птенцы: одна большая змѣя взобралась къ нимъ и хотѣла съѣсть ихъ. Ибрагимъ, увидѣвъ это, соскочилъ съ земли и пустилъ стрѣлу въ змѣю, и она тотчасъ упала на землю убитою. Ибрагимъ разрубилъ ее на куски и бросилъ подъ дерево, а самъ опять легъ спать и скоро заснулъ богатырскимъ сномъ.

Спустя нѣкоторое время прилетѣла мать птенцовъ. Увидѣвъ спящаго Ибрагима, она подумала, что онъ—ея врагъ, который каждый годъ истребляетъ ее дѣтенышей; поэтому она полетѣла назадъ и скоро принесла въ своихъ когтяхъ мельничныи жерновъ и хотѣла бросить его на голову Ибрагима. Въ это время птенцы закричали своей матери:

— „Этотъ человѣкъ спасъ насъ отъ змѣи, которая хотѣла насъ съѣсть. Онъ разрубилъ ее на куски и бросилъ вонъ-тамъ, подъ дерево. Не будь его,—мы всѣ погибли бы“.

Услыдавъ все это и увидавъ подъ деревомъ валявшіеся куски убитой змѣи, мать остановилась и бросила камень всторону. Замѣтивъ, что солнечныя лучи мѣшаютъ Ибрагиму спать, птица распустила свои крылья надъ головою его и въ такомъ положеніи стояла въ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока нашъ герой не выспался. Когда Ибрагимъ проснулся и увидѣлъ надъ головою громадную птицу, очень изумился. Въ это время она стала говорить съ нимъ по-человѣчески. Она сказала:

— „Такъ какъ ты убилъ моего врага и спасъ моихъ дѣтей отъ гибели, то мнѣ нужно отплатить тебѣ за твое добро; скажи, Ибрагимъ, для чего ты пріѣхалъ сюда,—я помогу тебѣ“.

Ибрагимъ отвѣтилъ, что онъ пріѣхалъ изъ дальнихъ странъ за розой „атри-лала“.

Птица сказала:

— „Очень трудно достать эту розу, такъ какъ она растетъ только на одномъ кустѣ, который принадлежитъ двумъ дѣвушкамъ; а гдѣ живутъ онѣ, никто не знаетъ. Я знаю только одно средство достать эту розу: недалеко отсюда находится озеро. Около него стоитъ одно вѣчно-зеленое дерево. Каждый день эти дѣвушки въ образѣ голубей прилетаютъ и, раздѣвшись, вновь превращаются въ людей и начинаютъ купаться. Ты ступай къ озеру, поднимись на дерево и жди, когда прилетятъ голуби, слѣзь съ дерева, украдкой возьми ихъ одежду и поднимись опять на дерево. Тогда дѣвушки станутъ умолять тебя возвратитъ имъ одежду. Ты отдай назадъ одежду и попроси у нихъ розу“.

Ибрагимъ поспѣшилъ къ озеру, влѣзъ на дерево и сталъ дожидаться голубей. Скоро голуби прилетѣли, раздѣлись и въ образѣ двухъ прекрасныхъ дѣвушекъ стали купаться. Ибрагиму удалось украсть ихъ платье и опять скрыться въ вѣтвяхъ, между листьями. Дѣвушки, не находя своихъ платьевъ на мѣстѣ, стали осматриваться кругомъ, чтобы найти похитителя. Въ это время онѣ увидѣли на деревѣ Ибрагима и обратились къ нему съ слѣдующими словами:

— „Странникъ! возврати намъ наше платье и скажи, что тебѣ надобно, мы исполнимъ твое желаніе“.

Ибрагимъ отдалъ имъ платье и сказалъ, что ему нужно достать розу „атри-лала“. Тогда одна изъ дѣвушекъ засмѣялась, и тотчасъ отъ нея смѣха образовался букетъ изъ розъ „атри-лала“. Ибрагимъ взялъ этотъ букетъ, поблагодарилъ дѣвушекъ и хотѣлъ вернуться назадъ; но дѣвушки остановили его, дали ему немного изъ своихъ волосъ и сказали:

— „Если тебѣ что-нибудь понадобится, или если тебѣ

будетъ грозить какая-нибудь опасность, то зажги эти волосы, и мы сейчас будемъ у тебя съ войскомъ“.

Сказавъ эти слова, дѣвушки превратились въ голубей и улетѣли. Ибрагимъ же пошелъ къ птицѣ, которая дала ему также одно изъ своихъ перьевъ и сказала тоже, что говорили дѣвушки. Здѣсь Ибрагимъ сѣлъ на коня и очень довольный, поѣхалъ домой.

Вернувшись домой, Ибрагимъ на слѣдующій же день взялъ букетъ и отправился къ царю. Неожиданное появленіе Ибрагима удивило царя и его визиря. Послѣ того, какъ Ибрагимъ вернулся домой, царь указалъ визирю:

— „До сихъ поръ мы старались завладѣть сокровищемъ Ибрагима, а теперь слѣдуетъ опасаться его самого, потому что онъ впоследствии убьетъ насъ и самъ сдѣлается царемъ“.

Визирь подумалъ, подумалъ и сказалъ царю:

— „Государь! ты опять притворись больнымъ, вели позвать Ибрагима и отправь его за грушами, которыя растутъ за „синимъ“ моремъ только въ „одномъ“ саду и отличаются особеннымъ вкусомъ и чудеснымъ свойствомъ. Если онъ и на этотъ разъ вернется назадъ, то придется съ нимъ открыто воевать“.

Царь приказалъ ему отправиться за „синее“ море и привезти для него груши. Ибрагимъ опять согласился и пошелъ домой приготовляться въ путь. Дома жены его не соглашались, чтобы онъ ѣхалъ за грушами, ибо онѣ узнали, что царь старается только погубить Ибрагима. Но Ибрагимъ и слушать не хотѣлъ и скоро пустился въ новые поиски. Послѣ многихъ и трудныхъ приключеній онъ пріѣхалъ къ „синему“ морю и увидѣлъ, что далеко за „синимъ“ моремъ чернѣетъ садъ. Перескочить „синее“ море было невозможно; объѣхать его стоило большихъ трудовъ и требовало болѣе семи мѣсяцевъ времени. Ибрагимъ слѣзъ съ коня, стреножилъ его и пустил на поле пастись, а самъ сѣлъ на землю и сталъ думать, какъ

ему поступить. Вдругъ онъ вспомнилъ о птицѣ, досталъ ея перо и зежегъ. Тотчасъ явилась птица и спросила, что ему нужно. Ибрагимъ отвѣтилъ, что царь сильно боленъ и отправилъ его за грушами, которыя растутъ за „синимъ“ моремъ въ „одномъ“ саду, и вотъ пріѣхалъ сюда и не знаетъ, какъ поступить. Птица успокоила его и сказала:

— „Отсюда до этого сада семь мѣсяцевъ пути, но ты не бойся: я доведу тебя въ два часа“.

Ибрагимъ обрадовался, оставилъ лошадь у „синяго“ моря, сѣлъ на птицу, и они полетѣли къ саду и черезъ два часа были уже тамъ. Въ немъ было много спѣлыхъ яблокъ и грушъ. Птица сказала Ибрагиму:

— „Если кто-нибудь съестъ этихъ яблокъ, то у него образуется хвостъ, и онъ не въ состояніи будетъ двинуться съ мѣста, а если дать ему этихъ грушъ, то у него хвостъ исчезнетъ, а самъ сдѣлается очень бодрымъ. Такъ ты не ѣшь этихъ яблокъ“.

Послѣ этого Ибрагимъ вошелъ въ садъ, набралъ цѣлый мѣшокъ яблокъ и грушъ, сѣлъ опять на птицу и полетѣлъ обратно на другой берегъ „синяго“ моря, гдѣ оставилъ свою лошадь. Тутъ онъ простился съ птицей, сѣлъ на коня и поѣхалъ домой. Дома его встрѣтили очень радостно.

На другой день Ибрагимъ взялъ нѣсколько штукъ грушъ и отправился къ царю. Царь и его визирь очень удивились Ибрагиму и сказали ему:

— „Мы опасаемся тебя: ты хочешь завладѣть нашимъ царствомъ; поэтому мы принуждены убить тебя“.

Услышавъ это, Ибрагимъ пришелъ въ ярость и сказалъ царю:

— „До сихъ поръ я изъ уваженія къ тебѣ не отказывалъ ни въ одной твоей просьбѣ; если ты теперь хочешь убить меня или воевать со мною, то дай мнѣ два дня срока, чтобы я могъ приготовиться къ войнѣ“.

Царь согласился. Раздосадованный несправедливостью царя и озабоченный предстоящей войною, Ибрагимъ вернулся домой очень печальный. Когда жены стали спрашивать о причинѣ его печали, то онъ рассказалъ имъ о всемъ случившемся. Онѣ немного успокоили его, говоря:

— „Не бойся! Богъ за правду...“

Долго Ибрагимъ думалъ о своей бѣдѣ и, наконецъ, вспомнилъ о птицѣ и о двухъ дѣвушкахъ, которыя дали ему свои волосы и обѣщали явиться ему на помощь, когда будетъ нужно. Ибрагимъ немедленно зажегъ перья птицы и волосы дѣвушекъ, и тѣ тотчасъ явились съ войсками. Ибрагимъ оставилъ эти войска позади себя и попресилъ ихъ не помогать ему, пока онъ не устанетъ. Въ назначенный день началась битва. Ибрагимъ въ богатырскихъ доспѣхахъ отправился навстрѣчу неприятелю и вызвалъ себѣ противника. Тогда изъ царскаго войска вышелъ одинъ богатырь. Долго они дрались, и Ибрагимъ остался побѣдителемъ. Потомъ противъ Ибрагима вышли еще нѣсколько богатырей, которыя также были перебиты имъ. Наконецъ Ибрагимъ обнажилъ мечъ и разогналъ все царское войско; затѣмъ онъ убилъ царя и его визиря, вернулся къ своимъ войскамъ, поблагодарилъ ихъ и отпустилъ домой. Послѣ этого Ибрагимъ сдѣлался царемъ и сталъ водворять порядки въ своемъ царствѣ.

Съ неба упало три яблока: одно мнѣ, рассказчику, другое слушателямъ, а третье дервишу, который стоитъ у дверей и просить подаванія.

Записалъ въ гор. Гори, со словъ жителя сел. Сарванъ, Борчалинскаго уѣзда, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Рустамъ Меликъ-Аслановъ*.

10. Сирота Ибрагимъ и жадный лавочникъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ со своей женой одинъ птицеловъ. Тяжело жилось имъ на землѣ: не разъ голодъ заставлялъ ихъ оплакивать свою горькую судьбу. Иногда мужъ отлучался отъ жены на нѣкоторое время, отправлялся въ чужія страны, ловилъ тамъ птицъ, продавалъ ихъ за ничтожную цѣну и тѣмъ поддерживалъ свое существованіе; жена же его работала для богатыхъ людей и за свои труды получала деньги только на клѣбъ. Но ей пришлось испытать еще болѣе сильный ударъ судьбы: мужъ ея, съ которымъ она раздѣляла и радость и горе, вдругъ умеръ. Бѣдная вдова сдѣлалась предметомъ всеобщаго сожалѣнія. Въ добавокъ, въ это время она была беременна и не могла работать, какъ раньше. Когда же у нея родился сынъ, то ей пришлось заботиться не только о себѣ, но еще и о сынѣ. Последняго назвали Ибрагимомъ. Но время шло, года текли за годами,—и вотъ Ибрагиму минулъ двѣнадцатый годъ. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на мать, исхудавшую отъ неусыпныхъ трудовъ и заботъ, и однажды спросилъ ее:

— „Мама, у меня есть отецъ? Если есть, то гдѣ онъ и чѣмъ занимается?“

Мать отвѣчала:

— „Былъ у тебя отецъ, да умеръ. Занимался онъ птицеводствомъ и оставилъ послѣ себя сѣть и дудку, съ помощью которыхъ ловилъ птицъ“.

— „А гдѣ это наслѣдство?“ спросилъ мальчикъ.

— „Вонъ безъ употребленія лежитъ въ сундукѣ“, отвѣтила мать, показывая рукой на сундукъ.

Ибрагимъ съ жаромъ бросился къ сундуку, досталъ завидное отцовское наслѣдство и принялся разсматривать его. Тутъ онъ рѣшилъ слѣдовать своему отцу и заниматься его ремесломъ.

Однажды Ибрагимъ заявилъ матери, что онъ намѣревается итти ловить птицъ и просилъ ее приготовить для него дорожные припасы. Мать удивилась неожиданному намѣренію своего сына и спросила, куда онъ направится. Ибрагимъ сказалъ матери, что желаетъ стравствовать до тѣхъ поръ, пока не сжалится надъ нимъ Богъ и не пошлетъ ему своей благодати. Это очень тронуло несчастную мать, и она со слезами на глазахъ стала готовить сына въ дорогу. Она заняла у одного богача немного денегъ съ обязательствомъ полгода работать за нихъ. На эти деньги несчастная мать купила хлѣба, сыру и такимъ образомъ приготовила сына къ далекому путешествію.

Въ одинъ день, рано утромъ, нашъ Ибрагимъ простился съ матерью и отправился въ путь. Онъ шелъ и днемъ и ночью и на третій день очутился на опушкѣ незнакомаго лѣса. Здѣсь Ибрагимъ устроилъ себѣ шалашъ, съ цѣлью пожить въ немъ нѣсколько дней и заняться ловлею птицъ. Ему пришлось жить въ немъ очень недолго: едва онъ разставилъ сѣть и началъ дуть въ дудку, какъ появилась одна необыкновенная птица. Каждое перо на ней имѣло особый цвѣтъ. Когда она появилась, то Ибрагимъ не могъ налюбоваться ею, и велика была радость его, когда эта птица вдругъ попала въ сѣть. Ибрагимъ быстро схватилъ ее вмѣстѣ съ сѣтью и, недолго думая, воротился домой раздѣлить свою радость съ матерью. Мать Ибрагима чрезвычайно обрадовалась возвращенію своего сына съ такою счастливою добычею. Она была увѣрена, что всякій охотно дастъ за эту птицу денегъ, но Ибрагимъ не думалъ продавать ее: онъ посадилъ ее въ клѣтку и сталъ любоваться ея красотою. Черезъ нѣсколько времени эта птица снесла одно яйцо. Бѣдное семейство пришло въ восхищеніе, когда увидало, что и яйцо было такъ же необыкновенно красивое, разноцвѣтное, какъ и сама птица. Мать Ибрагима взяла яйцо и пошла къ лавочнику продать его.

Лавочникъ далъ ей за яйцо немного денегъ и обѣщалъ вдвое больше заплатить, если она принесетъ ему еще такое яйцо. Женщина вернулась домой весьма довольная.

Лавочникъ же взялъ яйцо и отправился въ городъ, къ царю, чтобы дать ему это яйцо въ подарокъ. Царь обрадовался такому подарку и щедро наградилъ лавочника. Какъ только лавочникъ возвратился домой въ деревню, то мать Ибрагима принесла ему еще два яйца. Лавочникъ опять отнесъ ихъ царю. Царь велѣлъ ему взять изъ царской казны денегъ, сколько можетъ. Лавочникъ поситѣшилъ, конечно, исполнить приказаніе царя. Такимъ образомъ лавочникъ въ весьма незначительное время сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ городѣ. Мать же Ибрагима, узнавъ о причинѣ его быстрого обогащенія, перестала уже продавать ему яйца, хотя тотъ предлагалъ за каждое большія деньги.

Разъ Ибрагимъ взялъ нѣсколько штукъ этихъ яицъ и самъ отправился къ царю. Царь вознаградилъ Ибрагима еще лучше, чѣмъ лавочника: ему было позволено брать изъ царской казны денегъ, сколько угодно. Лавочникъ узналъ, что Ибрагимъ пошелъ къ царю, и самъ послѣдовалъ за нимъ. Дорогою онъ встрѣтилъ Ибрагима, который возвращался отъ царя, и сталъ просить его дать ему изъ полученныхъ денегъ нѣкоторую сумму, но Ибрагимъ не далъ ему ничего. Тотъ сильно обидѣлся и поклялся отомстить ему. Послѣ этого Ибрагимъ еще нѣсколько разъ ходилъ къ царю съ подарками и каждый разъ былъ щедро награждаемъ имъ. Тѣмъ временемъ лавочникъ сталъ думать, какъ бы лишить Ибрагима его завиднаго богатства.

Въ одно утро лавочникъ отправился къ царю и сказала ему:

— „Ваше Величество! не принимайте отъ Ибрагима яицъ, а лучше потрѣбуйте отъ него ту диковинную птицу, кото-

рая несетъ такіа чудныя яйца. Она достойна царя, а не какого-то деревенскаго мальчика“.

Царь подумалъ немного и согласился съ мнѣніемъ лавочника. На другой день Ибрагимъ опять явился къ царю съ яйцами. Царь обычнымъ порядкомъ вознаградила его и велѣлъ ему принести на другой день самую птицу, которая несетъ такіа чудесныя яйца. Предложеніе царя показалось Ибрагиму невозможнымъ. Печальный онъ возвратился домой и рассказалъ своей матери о всемъ случившемся. Лишиться этой птицы было для нихъ великимъ несчастіемъ, хотя они знали, что царь вознаградитъ ихъ за это очень щедро. Долго мать и сынъ думали объ этомъ, но не пришли ни къ какому результату: они должны были исполнить приказаніе и уступить птицу царю.

На слѣдующій день Ибрагимъ съ птицей отправился къ царю. При видѣ этой птицы, царь пришелъ въ изумленіе. Онъ позволилъ Ибрагиму брать изъ казны золота, сколько онъ можетъ. Съ тѣхъ поръ Ибрагимъ сдѣлался завиднымъ богачомъ. Особенно завидовалъ ему лавочникъ, такъ что покупался даже на его жизнь. Кромѣ того, Ибрагимъ сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ царя и каждый день ходилъ къ нему. Такое расположеніе царя къ Ибрагиму было крайне непріятно лавочнику. Онъ всевозможными мѣрами старался повредить ему.

Въ одинъ день лавочникъ отправился къ царю и сказалъ:

— „Ваше Величество! птица, которую принесъ Вамъ Ибрагимъ, несетъ всего три яйца въ недѣлю, а черезъ нѣкоторое время она ни одного яйца не снесетъ, такъ какъ вѣтъ самца. Прикажите Ибрагиму поймать и принести самца“.

Царь послушался лавочника, и на другой день, когда Ибрагимъ, по обыкновенію, пришелъ къ нему, онъ приказалъ немедленно принести птицу, а въ противномъ случаѣ грозилъ казнью.

Ибрагимъ опечалился, вернулся домой и рассказал матери о всемъ случившемся. Мать успокоила Ибрагима и сказала:

— „Отправься опять на то мѣсто, гдѣ поймалъ эту птицу. Вѣроятно, съ ней былъ и самецъ; тамъ равставь сѣть и дуй въ дудку; когда прилетитъ самецъ, то ужъ не упусти его изъ глазъ до тѣхъ поръ, пока не поймашь его“.

Слова матери нѣсколько ободрили Ибрагима. Онъ собрался въ новое путешествіе. На четвертый день Ибрагимъ прибылъ на опушку знакомаго уже ему лѣса. Онъ попрежнему устроился здѣсь и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія чудной птицы. Наконецъ, она прилетѣла, и Ибрагимъ безъ особеннаго труда поймалъ ее. Новая птица была еще лучше прежней. Ибрагимъ былъ внѣ себя отъ радости и немедленно вернулся домой. Онъ былъ такъ измученъ дорогою, что по возвращеніи спалъ цѣлыхъ три дня. На четвертый день онъ взялъ съ собою птицу и отправился къ царю. Царь былъ пораженъ красотою новой птицы и, обычнымъ порядкомъ, щедро наградилъ Ибрагима.

Узнавъ о всемъ этомъ, лавочникъ пришелъ въ страшную ярость: зависть мучила его еще больше. Онъ старался ослабить славу Ибрагима, а тотъ, наоборотъ, еще возвысился и теперь сталъ пользоваться необыкновеннымъ расположеніемъ царя. Лавочникъ старался придумать еще что-нибудь во вредъ Ибрагиму и, наконецъ, задумалъ доложить царю о томъ, что существуетъ одна чудесная роза: если ее прибрѣсти, то можно цѣлый годъ любоваться ея красотою, свѣжестью и ея чудеснымъ ароматомъ; но только добываніе этой розы сопряжено съ большими опасностями: она растетъ только въ одномъ саду и на единственномъ кустѣ; садъ же этотъ принадлежитъ диву, который уже погубилъ многихъ людей, цытавшихся достать ее; кромѣ того, садъ окруженъ стѣной въ пять саженой высоты

и въ одну сажень толщины, а входъ въ него только через одни ворота, у которыхъ привязаны два сильныхъ льва.

Рано утромъ лавочникъ отправился къ царю, который въ это время находился въ хорошемъ расположеніи духа и принялъ его радушно. Послѣ нѣкотораго молчанія, лавочникъ началъ такъ:

— „Государь, ты необыкновенно богатъ и могущественъ; къ тебѣ пріѣзжаетъ множество гостей, но всѣ они замѣчаютъ одинъ недостатокъ въ твоёмъ дворцѣ: у тебя нѣтъ *необыкновенной* розы“.

На это царь сказалъ:

— „Я охотно обогатилъ бы того, кто доставилъ бы мнѣ одну изъ *необыкновенныхъ* розъ, но только, слыхивалъ я, многіе пытались достать ее, да не вернулись“.

Лавочникъ сказалъ:

— „Это препятствіе можно преодолѣть: сирота Ибрагимъ, который, по твоей милости, сдѣлался теперь богачомъ, обладаетъ волшебными способностями; онъ вѣдь посредствомъ волшебства доставилъ тебѣ райскихъ птицъ; для него на землѣ нѣтъ ничего невозможнаго“.

Царь повѣрилъ лавочнику и даже за догадливость назначилъ его своимъ сановникомъ. Въ это время явился къ царю и Ибрагимъ, царь и предложилъ ему исполнить то, о чемъ говорилъ лавочникъ. Ибрагимъ въ первый разъ слышалъ о такой *необыкновенной* розѣ и не зналъ, гдѣ и какъ можно достать ее. Со слезами на глазахъ онъ вернулся домой. Напрасно мать старалась узнать о причинѣ этихъ горькихъ слезъ, Ибрагимъ былъ не въ состояніи молвить ни одного слова; наконецъ, и она стала также плакать. Долго они рыдали, пока въ слезакъ не встухли. Когда они проснулись, то Ибрагимъ расказалъ матери о новомъ приказаніи царя. Несчастливая мать много разъ слышала о *необыкновенной* розѣ и знала, какъ трудно и опасно было достать ее. Она была убѣ-

ждена, что сынъ ея ужъ больше не возвратится съ этихъ поисковъ. Но нужно было повиноваться и исполнить царское приказаніе.

Ибрагимъ въ отчаяніи желалъ скорѣе отправиться за розой, чтобы поскорѣе окончить жизнь,—такъ ему было тяжело. Но мать уговорила сына остаться съ ней еще хоть нѣсколько дней. Бѣдная мать не отходила отъ сына ни на шагъ. Она готова была лишиться всего своего богатства, лишь бы сына оставить у себя. Она не знала, чѣмъ кормить въ эти дни Ибрагима, и каждый день приготавливала для него обѣдъ изъ пяти, шести блюдъ; но Ибрагиму было не до пищи: онъ постоянно думалъ о предстоящемъ путешествіи. Но, наконецъ, насталъ день, когда мать обняла въ послѣдній разъ свое дитя и благословила его въ опасный путь. Ибрагимъ взялъ съ собою много денегъ. Ему нужно было быть въ дорогѣ очень долго.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. На третій годъ своего странствованія Ибрагимъ приблизился, наконецъ, къ тому саду, гдѣ была чудесная роза. Тутъ онъ отдохнулъ нѣсколько дней и на седьмой день медленно подошелъ къ саду. Садъ былъ такой огромный, что объѣхать его стоило ему большихъ трудовъ. Долго ходилъ Ибрагимъ вокругъ стѣнъ сада, но нигдѣ не находилъ прохода. Онъ собирався было отдохнуть и заснуть, какъ вдругъ услышалъ громкій ревъ. Ибрагимъ обернулся и увидѣлъ, что словно гора приближается къ нему. Это былъ дивъ, владѣлецъ сада. Ибрагимъ сильно испугался и спрятался за кусты.

Между тѣмъ дивъ все приближался къ нему и, наконецъ, подошелъ къ кустамъ, за которыми спрятался Ибрагимъ. Къ счастью, дивъ не замѣтилъ его. Подошедши къ стѣнѣ своего сада, дивъ ударилъ кулакомъ о стѣну: часть ея тотчасъ расступилась, и дивъ вошелъ въ садъ. Ибрагимъ же въ это время вышелъ изъ своей засады и послѣдовалъ за

нимъ. Вошедши въ садъ, онъ былъ пораженъ его видомъ, красотою и ароматомъ. Но онъ не переставалъ наблюдать за дивомъ и увидѣлъ, что тотъ вошелъ во дворецъ. Во дворецъ зайти Ибрагимъ не рѣшался уже, ибо зналъ, что дивъ замѣтитъ его тамъ и растерзаетъ. Онъ сѣлъ подъ однимъ деревомъ и сталъ думать, какъ ему поступить. Но любопытство взяло верхъ, и онъ рѣшился пробраться во дворецъ. Тутъ прошелъ онъ очень много пышныхъ комнатъ и, наконецъ, достигъ одной красивой залы, въ которой на драгоценномъ коврѣ сидѣла красавица неземной красоты, а на полу растянулся дивъ и голову свою положилъ на колѣни этой красавицы. При видѣ незнакомаго молодого человѣка, красавица почувствовала жалость къ нему и знаками велѣла ему удалиться; но Ибрагимъ не послушался. Тогда красавица сказала:

— „О несчастный! видишь ли ты этого великана? (она указала на дива) онъ только что заснулъ; черезъ день онъ проснется и разорветъ тебя на клочки; лучше удались, пока возможно“.

Ибрагимъ на это отвѣтилъ, что, увидѣвши ее, не въ состояніи уже оставить ее въ рукахъ дива: онъ или умретъ, или увезетъ ее съ собою. Красавица сказала:

— „Не старайся освободить меня. Многіе смѣлые люди пытались освободить меня и всѣ погибли на этомъ мѣстѣ. Я не хочу, чтобы и ты погибъ ради меня. Скажи мнѣ, для чего ты пришелъ сюда; можетъ быть я могу быть полезной тебѣ“.

Ибрагимъ отвѣтилъ, что онъ уже два года находится въ пути и пришелъ сюда съ цѣлью освободить ее изъ плѣна.

Услышавши это, красавица освободила себя отъ головы дива, встала, отвела Ибрагима въ одну комнату и велѣла ему отдохнуть и спать здѣсь до слѣдующаго дня. Когда дивъ проснется и пойдетъ, по своему обыкновенію, схотится, то они въ это время и посоветуются, какъ имъ поступить. Рас-

порядившись такимъ образомъ, красавица отправилась опять въ залу, сѣла на прежнее мѣсто и положила голову дива на свои колѣни.

На другой день дивъ проснулся и сказалъ красавицѣ, что пахнетъ человѣческимъ духомъ. Красавица отвѣтила:

— „Можетъ быть ты растерзалъ какого-нибудь несчастнаго человѣка, и отъ него во рту у тебя остался запахъ. Иначе какой же человѣкъ дерзнетъ зайти сюда?!“

Дивъ повѣрилъ и ушелъ на охоту. Красавица же пошла навѣстить своего гостя и застала его спящимъ. Она разбудила его, и они рѣшились убѣжать съ нимъ отъ дива.

У дива было много быстроногихъ коней. Красавица выбрала изъ нихъ шесть самыхъ лучшихъ и велѣла Ибрагиму осѣдлать ихъ. Онъ немедленно исполнилъ ея приказаніе. Потомъ они вошли въ одну изъ комнатъ дива, гдѣ хранилось золото, наполнили золотомъ восемь мѣшковъ, навьючили ими четырехъ изъ коней, а на двухъ сами сѣли и пустились въ путь.

Вечеромъ дивъ возвратился съ охоты и пришелъ въ неописанную ярость, когда не засталъ своей возлюбленной дома. Онъ обшарилъ всѣ комнаты, обошелъ весь садъ, но напрасно: Хуршиды *), такъ звалась красавица, и слѣдъ простылъ. Затѣмъ дивъ зашелъ въ конюшню и хотѣлъ было осѣдлать своего любимаго быстроногаго коня Гирата; но и его не оказалось на мѣстѣ. Тогда дивъ сѣлъ на другого коня и помчался по слѣдамъ похитителя.

Ибрагимъ и Хуршида ѣхали безъ остановки цѣлый день. На второй день Хуршида сказала Ибрагиму:

— „Оглянись назадъ и скажи, что видишь!“

Ибрагимъ отвѣтилъ, что онъ видитъ на горизонтѣ словно туманъ. Тогда Хуршида сказала:

*) Хуршидъ—солнце. Дѣвушка названа такъ за свою красоту.

— „Это не туманъ, а царь, который выходитъ изъ ноздрей и рта дива. Онъ сильно разгнѣванъ и пустился за нами въ погоню“.

Спустя нѣкоторое время, Ибрагимъ опять оглянулся назадъ. На этотъ разъ онъ, кромѣ тумана, услышалъ какой-то шумъ, похожій на вѣтеръ.

— „Это сопѣніе дива“, сказала красавица: „онъ, значитъ, находится недалеко отъ насъ“.

Въ третій разъ Ибрагимъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что сильный туманъ приблизился, покрылъ ихъ, и идетъ даже мелкій дождикъ. Это явленіе Хуршида объяснила такъ:

— „Сильный туманъ“, сказала она, — „оттого, что дивъ находится очень близко отъ насъ; дождь же происходитъ отъ слюны дива“.

Тутъ они стали ѣхать еще скорѣй, чтобы спастись отъ дива. Черезъ нѣкоторое время Хуршида сказала Ибрагиму, что имъ больше опасаться нечего, такъ какъ они проѣхали границу, за которую дивъ не смѣетъ перешагнуть. Остальной путь они проѣхали въ два мѣсяца и на третій уже были дома. Мать Ибрагима, при видѣ своего сына, не вѣрила своимъ глазамъ, и радости ея не было предѣловъ. Ибрагимъ же не узналъ даже своей матери, до того она была худа, блѣдна, съ покраснѣвшими глазами: съ тѣхъ поръ, какъ простилась со своимъ сыномъ, она перестала ѣсть и пить и постоянно плакала о немъ.

Ибрагимъ и Хуршида пріѣхали домой такими усталыми, что цѣлый мѣсяцъ не могли оправиться. Ибрагимъ съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывался къ прекрасной Хуршидѣ. Последняя же съ своей стороны очень полюбила Ибрагима. Оказалось, что Хуршида была дочь одного царя. Она была похищена дивомъ восемь лѣтъ тому назадъ, когда со своими подругами вышла на прогулку. Тогда ей было одиннадцать лѣтъ.

Вскорѣ, по возвращеніи домой, Ибрагимъ, по предложенію Хуршиды, началъ строить себѣ дворець, который долженъ былъ превзойти своимъ изяществомъ царскій, а потомъ уже думалъ вступить и въ бракъ съ Хуршидой. Спустя мѣсяца два послѣ пріѣзда, Ибрагимъ вспомнилъ вдругъ о *необыкновенной* розѣ, за которою царь его послалъ: увидѣвъ Хуршиду у дива, онъ такъ увлекся ею, что и позабылъ про розу и пріѣхалъ домой безъ нея. Теперь ему оставалось одно: или вторично отправиться за розой, или со всеми своими богатствами тайкомъ переселиться въ другое государство. Ибрагимъ вспомнилъ о розѣ въ то время, когда онъ распоряжался своими рабочими при постройкѣ. Онъ бросилъ рабочихъ и блѣдный, какъ смерть, пришелъ домой. Увидѣвъ блѣдное лицо будущаго своего супруга, Хуршида сильно испугалась и спросила о причинѣ его блѣдности. Тутъ Ибрагимъ рассказалъ ей, что онъ вовсе не за ней отправлялся, что его царь послалъ за розой, а онъ забылъ ее привезти.

Красавица успокоила Ибрагима и попросила подать ей блюдо; потомъ она ударила указательнымъ пальцемъ о свой носъ. Тотчасъ изъ носа упали на блюдо двѣ капли крови и превратились въ два букета розъ необыкновенной красоты.

Ибрагимъ пришелъ въ крайнее изумленіе и восторгъ, осыпалъ Хуршиду поцѣлуями въ знакъ благодарности и потомъ взялъ букеты и поспѣшилъ къ царю. Царь очень обрадовался возвращенію Ибрагима и щедро наградилъ его. Главный же сановникъ его, бывшій лавочникъ, очень былъ опечаленъ: онъ совсѣмъ не ожидалъ видѣть Ибрагима и считалъ его погибшимъ. Слава Ибрагима не давала лавочнику покою. Онъ задумалъ отправить Ибрагима за такимъ дѣломъ, исполненіе котораго было бы невозможно для смертнаго человѣка, и нашелъ для него новое порученіе.

Улучивъ время, когда царь находился въ особенно при-

ятномъ расположеніи духа, сановникъ его развязалъ свой языкъ и сказалъ:

— „Ваше Величество! вы совершенно позабыли о своихъ родителяхъ. Они вѣдь пять лѣтъ тому назадъ померли. Пошлемъ Ибрагима на тотъ свѣтъ: пусть онъ узнаетъ объ ихъ здоровьѣ и положеніи“.

Царь поблагодарилъ сановника за то, что напомнилъ ему о его родителяхъ, и далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, привести въ исполненіе предложеніе лавочника. На другой день царь велѣлъ позвать Ибрагима, который немедленно и явился. Царь вручилъ ему письмо къ своимъ родителямъ и приказалъ на другой же день отправиться на тотъ свѣтъ.

Страшно смутился Ибрагимъ и хотѣлъ было отказатьсь отъ такого неслыханнаго порученія, но ему приказали не отговариваться ни подъ какимъ предлогомъ. Несчастный Ибрагимъ принужденъ былъ повиноваться и пришелъ домой въ отчаяніи. О порученіи царя онъ разсказалъ красавицѣ Хуршидѣ, но она успокоила его и дала ему весьма умный совѣтъ:

— „Милый мой!“ сказала она Ибрагиму: „какъ видно, у твоего царя мало ума, и потому обмануть его не трудно. Поѣзжай на годъ куда-нибудь, потомъ вернись и скажи царю, что родители его здоровы и благодарятъ его за вниманіе“.

Ибрагимъ послѣдовалъ совѣту Хуршиды, простился съ матерью и съ прекрасною Хуршидой и пустился въ путь. Долго ли шель, коротко ли шель, объ этомъ Аллахъ вѣдаетъ, — на третій мѣсяцъ онъ прибылъ въ одинъ большой городъ другого царства. Здѣсь Ибрагимъ цѣлый годъ учился грамотѣ и, благодаря старанію, изучилъ даже нѣсколько языковъ. Послѣ же ухода Ибрагима, Хуршида стала заботиться о постройкѣ начатаго дворца и о внутренней отдѣлкѣ его. Черезъ нѣкоторое время Ибрагимъ пріѣхалъ. Чтобы освободиться отъ

своего врага-лавочника, Ибрагимъ придумаль слѣдующее. Онъ представился царю и сказалъ:

— „Ваше Величество! родители ваши здоровы и благодарятъ васъ; но они обижены тѣмъ, что вы отправили къ нимъ меня, а не своего приближеннаго сановника, и многое они передали бы Вамъ, еслибы онъ явился“.

Царь повѣрилъ Ибрагиму, наградилъ его, а сановникъ, который тутъ присутствовалъ, побѣднѣлъ отъ страха, когда услышалъ это. Мысль узнать что-нибудь достовѣрное о своихъ родителяхъ такъ глубоко засѣла въ голову царя, что онъ рѣшился, дѣйствительно, отправить къ нимъ сановника.

Спустя нѣсколько дней бывший лавочникъ, а теперь главный сановникъ, получилъ отъ царя распоряженіе поѣхать къ тотъ свѣтъ и навѣстить давно умершихъ его родителей. Тяжело было положеніе сановника: онъ придумаль это для Ибрагима, а теперь пришлось самому отправиться; отказаться не было возможности, ибо ему отсѣкли бы тотчасъ голову. Долго онъ думаль, что ему дѣлать и, наконецъ, рѣшился обратиться за помощью къ самому Ибрагиму.

На слѣдующій день лавочникъ собралъ все свое богатство и отправился къ Ибрагиму, бросился къ нему въ ноги и со слезами на глазахъ сталъ умолять его о помощи, при этомъ отдалъ ему почти все свое богатство. Ибрагимъ сначала отказывался помочь, но потомъ далъ ему совѣтъ, какъ найти тотъ путь, по которому онъ можетъ отправиться на тотъ свѣтъ. Привелъ онъ лавочника къ одной ямѣ, глубиной въ сорокъ аршинъ, и сказалъ:

— „Бросься въ эту яму; на днѣ ея ты увидишь двѣ дороги: одна ведетъ на востокъ, а другая на западъ. Если пойдешь по первой, то въ три года дойдешь до того свѣта, но перенесешь много страданій, а если пойдешь по второй, то дойдешь черезъ пять лѣтъ и не почувствуешь никакой усталости“.

Глушій лавочникъ вполнѣ повѣрилъ Ибрагиму и, поблагодаривъ его еще разъ за услугу, закрылъ глаза и сразу бросился въ яму, которая и послужила ему могилой. Такъ погибъ лавочникъ за свое дурное поведеніе, на радость Ибрагима. Ибрагимъ же вернулся домой и сталъ приготовляться къ свадьбѣ. А царь долго ждалъ возвращенія своего сановника и, наконецъ, когда терпѣніе его лопнуло, самъ, недождавшись лавочника, отправился навсегда къ своимъ роднымъ на тотъ свѣтъ.

Ибрагимъ скоро женился на своей прекрасной Хуршидѣ: сорокъ дней и сорокъ ночей праздновалъ свою свадьбу и затѣмъ сталъ счастливо жить съ ней.

Записано въ сел. Тугъ, Шушинскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи, со словъ пастуха Фазлали Алишъ-оглы, воспитанникомъ Закавказской учительской семинаріи *Рустамомъ Меликъ-Аслановымъ*.

11. Богатырь Ибрагимъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жили были мужъ и жена съ тремя дочерьми. Мужъ каждый день ловилъ рыбу и кормилъ тѣмъ свою семью. Однажды жена его сильно захворала и черезъ нѣсколько времени умерла. Рыбакъ женился на красивой, но злой вдовѣ. Мачеха сильно возненавидѣла падчерицъ. Однажды она говоритъ мужу:

— „Отвези ты своихъ дочерей въ лѣсъ, чтобы я ихъ больше не видѣла!“

Мужикъ долго не соглашался, но потомъ по настоянію жены отвезъ дочерей въ лѣсъ и оставилъ ихъ тамъ. Дѣвушки,

увидѣвъ, что онѣ оставлены въ лѣсу, стали плакать, но это не помогло. Несмотря на всевозможныя старанія, онѣ не могли выйти изъ лѣсу. Послѣ трехъ дней, въ продолженіи которыхъ онѣ питались плодами деревьевъ, имъ удалось, наконецъ, выйти изъ лѣсу, и онѣ пошли по какой-то пустынѣ, куда глаза глядятъ. Долго онѣ шли, наконецъ, голодъ заставилъ ихъ рѣшиться на слѣдующее: они уговорились пуститься въ перегонки,—кто отстанетъ отъ всѣхъ, та и будетъ съѣдена другими... Побѣжали: отстала младшая сестра,—ее и хотѣли было съѣсть, но она сказала:

— „Милыя мои сестры, подождите еще нѣсколько времени!“

Сказавъ это, она взяла палочку, начала водить ею по землѣ, обдумывая свое положеніе, и нашла двѣ изюмины. Обрадовавшись, она отдала ихъ своимъ сестрамъ. Далѣе она нашла цѣлую горсть изюма и тоже раздала сестрамъ. Такимъ образомъ она рыла землю до тѣхъ поръ, пока не прорыла ходъ въ подземную конюшню, которая принадлежала царю Шахъ-Аббасу. Лошади въ ней ѣли изюмъ. Дѣвушки стали таскать изюмъ у лошадей, чтобы не умереть съ голоду.

Однажды Шахъ-Аббасъ приказалъ придворнымъ вывести коней на дворъ для осмотра. Царь, увидѣвъ своихъ коней худыми, разсердился и велѣлъ давать конямъ корму больше и выслѣдить вора, который крадетъ кормъ. Ночью одинъ изъ придворныхъ поймалъ крестьянскихъ дочерей и представилъ ихъ Шахъ-Аббасу. Шахъ одарилъ придворнаго, а дѣвушекъ спросилъ:

— „Въ чемъ вы искусны?“

Старшая сказала:

— „Я могу соткать коверъ, на которомъ помѣстится все твое войско“.

Средняя сказала:

— „Я могу въ скорлупѣ одного яйца сварить яичницу, которою можно накормить все войско“.

Младшая сказала:

— „А я могу родить своему мужу двухъ дѣтей, у которыхъ волоса будутъ золотые и серебряные“.

Шахъ-Аббасъ, выслушавъ крестьянскихъ дочерей, рѣшился жениться на младшей, а на другихъ женились его вири.

Прошелъ годъ. У молодой царицы родились два ребенка: одинъ мальчикъ, другой—дѣвочка, а волоса у нихъ были золотые и серебряные. Мальчика назвали Ибрагимомъ, а дѣвочку Гюльлизарой. Старшія сестры не исполнили обѣщаній и стали завидовать младшей; тогда онѣ позвали къ себѣ вѣдьму и спросили у нея совѣта. Она согласилась помочь имъ и сказала:

— „У царя оценилась одна собака; подложите щенятъ вмѣсто дѣтей, а дѣтей задѣлайте въ ящикъ и пустите въ море“.

Сестры такъ и сдѣлали. И вотъ къ царю зашли придворные и доложили, что царица родила не дѣтей, а щенятъ. Царь разсердился, велѣлъ выколоть ей глаза, бросить въ яму и давать ей въ день по кусочку хлѣба и по кружкѣ воды.

На берегу того моря, по которому плылъ ящикъ съ дѣтьми, жилъ богомолецъ. Онъ увидѣлъ ящикъ, досталъ его и вынулъ изъ него младенцевъ. Съ этихъ поръ богомолецу ежедневно Божьи ангелы приносили пищу, и онъ жилъ, не зная никакого горя. Такъ жили двое царскихъ дѣтей у богомольца семь лѣтъ. На восьмой годъ богомолецъ сказалъ имъ:

— „Я скоро умру; похороните меня, а сами идите противъ теченія рѣки“.

Случилось такъ, какъ сказалъ богомолецъ: черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, и дѣти, поплакавъ надъ нимъ и

похоронивъ его, отправились по указанному пути. Долго шли Ибрагимъ и его сестра Гюльзивара. Наконецъ пришли они въ какой-то садъ. Будучи голодны, дѣти стали сосать другъ у друга пальцы. Въ это время пришелъ хозяинъ-садовникъ и, увидавъ въ своемъ саду двухъ дѣтей, сказалъ:

— „Не хотите ли вы сдѣлаться моими дѣтьми?“

Они очень обрадовались и стали жить у садовника. Этотъ садъ находился въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ жилъ царь Шахъ-Аббасъ, и въ которомъ родились эти дѣти.

Однажды въ этомъ городѣ былъ замѣчательный торжественный праздникъ. Царскія свояченицы приказали садовнику связать нѣсколько букетовъ. Садовникъ началъ вязать букеты, а дѣти помогали ему. Они связали нѣсколько букетовъ, которые были такъ красиво составлены, что не возможно и описать. Когда садовникъ отнесъ букеты по назначенію, то свояченицы, увидѣвъ букеты, очень удивились ихъ красотѣ и сказали объ этомъ Шахъ-Аббасу. Шахъ-Аббасъ приказалъ спросить садовника о томъ, кто составлялъ эти букеты.

Садовникъ сказалъ, что у него есть двое дѣтей: мальчикъ и дѣвочка, съ золотыми и серебряными волосами на головахъ. Шахъ-Аббасъ сказалъ садовнику, чтобы тотъ завтра же привелъ къ нему дѣтей. Утромъ садовникъ привелъ только мальчика и, когда Шахъ спросилъ, почему онъ не привелъ и дѣвочку, сказалъ, что дѣвочка больна.

Шахъ началъ задавать мальчику различные вопросы; мальчикъ отвѣчалъ очень бойко и остроумно. Тогда Шахъ сказалъ мальчику, чтобы тотъ переночевалъ у него. Мальчикъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ спать безъ своей милой сестры. Его отпустили.

Когда Ибрагимъ ушелъ, то царскія свояченицы, тетки мальчика, узнавъ въ немъ своего племянника, позвали вѣдму и сказали ей, что онъ умретъ, если не избавится отъ Ибра-

гима. Вѣдьма обѣщала помочь ихъ горю. Она пошла къ сестрѣ Ибрагимѣ, Гюльлизарѣ, и, видя ее тоскующей, сказала:

— „Что ты сидишь да скучаешь? Скажи своему брату, чтобы онъ досталъ чудное дерево, которое можетъ говорить съ человѣкомъ, и листья котораго поютъ пѣсни“.

Гюльлизара выслушала совѣтъ вѣдьмы и, когда Ибрагимъ пришелъ домой, сказала ему:

— „Дорогой братъ! мнѣ очень скучно, когда ты уходишь и оставляешь меня одну; поэтому я прошу, чтобы ты нашелъ мнѣ дерево, которое говоритъ съ человѣкомъ, и листья котораго поютъ пѣсни“.

Услышавъ такія слова, Ибрагимъ изъ любви къ сестрѣ рѣшился отправиться на поиски за этимъ чуднымъ деревомъ. Но передъ своимъ отправленіемъ онъ пошелъ къ Шахъ-Аббасу и сказалъ:

— „Почтеннѣйшій монархъ! сестра моя хочетъ имѣть чудное дерево, которое можетъ говорить, какъ человѣкъ, и листья котораго поютъ пѣсни: я изъ любви къ ней иду отыскивать это чудо“.

Шахъ не совѣтовалъ ему братья за такое трудное дѣло. Но юноша не послушался и настаивалъ на своемъ. Тогда Шахъ-Аббасъ благословилъ его на далекій путь и подарилъ ему богатырскіе доспѣхи.

Ибрагимъ, простившись со всѣми, отправился въ путь. Долго ли ѣхалъ Ибрагимъ или мало, Богъ вѣдаетъ, но ѣхалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не достигъ одного маленькаго домика, въ которомъ жила старая-престарая старуха. Она, увидѣвъ Ибрагима, спросила:

— „Какимъ образомъ ты, такой молодой и красивый юноша, очутился здѣсь?“

Ибрагимъ рассказалъ ей исторію, случившуюся съ нимъ, и добавивъ, что онъ, во что бы то ни стало, долженъ найти и принести сестрѣ чудное дерево. Старуха не совѣтуетъ

вала ему ѣхать на такой подвигъ, такъ какъ всякій, кто идетъ за этимъ деревомъ, пропадаетъ безъ вѣсти. Но горѣло богатырское сердце у Ибрагима, и онъ, не послушавшись старухи, отправился далѣе. Ёхалъ онъ, ёхалъ и, наконецъ, достигъ чуднаго дерева, узналъ его и хотѣлъ вырвать съ корнемъ, но, какъ только потянулъ его изъ земли, тотчасъ же вошелъ въ землю до колѣнъ; другой разъ потянулъ,—вошелъ до пояса; съ отчаяніемъ, собравъ послѣднія силы, потянулъ онъ еще разъ и вырвалъ дерево съ корнями. Высвободившись изъ земли, онъ привезъ дерево домой и посадилъ на дворѣ своего дома. Немного спустя, онъ отправился къ Шаху. Шахъ-Аббасъ, увидѣвъ его, очень обрадовался и похвалилъ его за такой богатырскій подвигъ. Увидѣвъ своего племянника живымъ и здоровымъ, злые тетки опять призвали къ себѣ вѣдму и сказали ей о случившемся.

Вѣдма опять обѣщала помочь ихъ горю и придумала послать его за птицей-переводчицей дерева. Найдя удобный случай, она пришла къ Гюльлизарѣ и сказала:

— „Хоть твой братъ привезъ дерево, которое ты желала имѣть при себѣ, но вѣдь ты не понимаешь, что говорить оно, и что поють его листья. А есть птичка, которая можетъ служить переводчицей этого дерева“...

Сказавъ это, она ушла. Скоро пришелъ Ибрагимъ, и, увидѣвъ сестру въ грустномъ расположеніи духа, спросилъ:

— „Отчего ты горюешь, моя ненаглядная сестра?“

Дѣвушка рассказала ему о той птичкѣ и сказала:

— „Достань мнѣ, мой милый братъ, эту птичку-переводчицу нашего чуднаго дерева!“

Ибрагимъ утѣшилъ сестру тѣмъ, что обѣщаль исполнить ея просьбу. На другое утро онъ опять отправился къ Шахъ-Аббасу, рассказалъ все, что говорила его сестра, и отправился въ путь, получивъ благословеніе отъ Шахъ-Аббаса.

Долго ѣхалъ Ибрагимъ и, наконецъ, опять достигъ того домика, гдѣ жила старуха. Старуха, увидѣвъ Ибрагима, спросила:

— „Для чего ты пріѣхалъ ко мнѣ?“

Ибрагимъ отвѣтилъ, что пріѣхалъ за птицей-переводчицей чуднаго дерева. Старушка отвѣтила:

— „Я знаю, что ты не послушаешься моего совѣта, но все же слушай меня: когда доѣдешь до рощи, то знай, что роща эта и есть жилище птички. Она ищетъ тебя и, навѣрно, если увидитъ, то повредитъ тебѣ. Какъ только ты доѣдешь до рощи, остановись, вырой яму и спрячься въ нее. Когда птица прилетитъ къ ямѣ и начнетъ искать тебя, то ты ловко поймай ее, тогда уже она ничего не сдѣлаетъ тебѣ“.

Ибрагимъ выслушалъ совѣтъ старухи, обѣщалъ исполнить все то, что сказала она, и отправился далѣе.

Много дней ѣхалъ Ибрагимъ, а сколько именно, не извѣстно въ точности; но доѣхалъ онъ, наконецъ, до рощи. Тотчасъ же выкопалъ яму и спрятался въ нее. Какъ только прилетѣла птичка къ ямѣ, онъ поймалъ ее и привезъ домой къ сестрѣ. Съ тѣхъ поръ птичка объясняла все, что говорило дерево, и что пѣли его листья.

Прошло немного времени. Тетки опять позвали вѣдьму и спросили у нея совѣта, какъ избавиться отъ Ибрагима. Она обѣщала помочь ихъ горю, опять пошла къ Гюльлизарѣ и сказала:

— „Скажи своему брату, чтобы женился на дочери царя страны Гурин, потому что безъ нея не могутъ обойтись ни дерево, ни птичка“.

Сказавъ это, она удалилась. Пришелъ Ибрагимъ и, увидѣвъ сестру въ третій разъ въ тоскѣ, спросилъ:

— „Скажи мнѣ, милая моя сестра, о чемъ ты теперь горюешь,—вѣдь, кажется, всего у тебя вдоволь!“

Она отвѣтила:

— „Безцѣнный братъ! я желаю чтобы ты женился на дочери Гурійскаго царя“.

Услышавъ это, Ибрагимъ сказалъ:

— „Хорошо, милая сестра, я исполню и третье твое желаніе“.

Этими словами онъ утѣшилъ свою сестру, а потомъ пошелъ къ Шахъ-Аббасу и сказалъ:

— „Великій повелить, позволь мнѣ поѣхать за дочерью царя Гуріи и жениться на ней!“

Шахъ-Аббасъ не совѣтовалъ ему ѣздить за такимъ труднымъ дѣломъ, потому что онъ зналъ, что всякій, кто ѣздилъ за дочерью царя Гуріи, не возвращался живымъ. Но Ибрагимъ опять не послушался и отправился въ путь.

Черезъ нѣсколько дней онъ доѣхалъ до той избушки, въ которой былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Старука опять спросила, куда онъ ѣдетъ. Ибрагимъ отвѣтилъ, что ѣдетъ за дочерью царя Гуріи и хочетъ жениться на ней. Старука благословила его въ путь и пожелала ему удачи. Долго ѣхалъ Ибрагимъ и, наконецъ, достигъ до одного ключа. Этотъ ключъ былъ въ царствѣ бѣсовъ. Онъ слѣзъ съ коня, хотѣлъ напиться и отдохнуть. Его увидѣли придворные царя бѣсовъ и доложили царю, что пріѣхалъ какой-то человекъ въ ихъ царство. Царь бѣсовъ приказалъ представить ему этого человека. Когда царю представили Ибрагима, то онъ прежде хотѣлъ казнить его, но, видя честное лицо Ибрагима, рѣшился помочь ему и сказалъ:

— „Откуда ты пріѣхалъ, куда ѣдешь и какъ тебя зовутъ?“

Ибрагимъ отвѣтилъ:

— „Пріѣхалъ я изъ царства великаго царя Шахъ-Аббаса; меня зовутъ Ибрагимомъ, а ѣду я за дочерью царя Гуріи, чтобы жениться на ней“.

Царь бѣсовъ сказалъ ему:

— „Я подарю тебѣ четыре вещи: коверъ самолетъ, палку, шапку невидимку и скатерть. Возьми эти вещи. Когда прїѣдешь въ Гурійское царство, то тебѣ покажутъ пень, черезъ который не можетъ перейти ни одинъ человѣкъ, и прикажутъ тебѣ перейти черезъ этотъ пень. Тогда ты возьми эту палку, ударь ею о пень, и онъ дастъ тебѣ дорогу, по которой и пройдеши ты. Потомъ прикажутъ тебѣ выкупаться въ горячей банѣ; тогда ты надѣнь эту шапку и можешь спастись. Въ третій разъ прикажутъ тебѣ съѣсть сорокъ котловъ плова. Тогда ты раскрой скатерть и скажи: „кушай, скатерть, кушай!“ Скатерть съѣстъ все, а ты собери ее и положи въ карманъ. А коверъ доставитъ тебя, куда захочешь“.

Ибрагимъ, поблагодаривъ царя бѣсовъ, простился съ нимъ, сѣлъ на коверъ и сказалъ:

— „Отнеси меня, коверъ, въ Гурійскій дворецъ!“

Не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ очутился во дворцѣ Гуріи. Придворные доложили о немъ царю. Царь приказалъ привести къ нему этого человѣка. Когда Ибрагимъ явился, царь указалъ ему пень и сказалъ:

— „Переходи черезъ этотъ пень!“

Тогда Ибрагимъ ударилъ палкою о пень, и пень, дѣйствительно, далъ ему дорогу. Исполнивъ это, онъ явился къ царю; царь сказалъ:

— „Иди, купайся въ моей банѣ!“

Ибрагимъ вошелъ въ баню, надѣлъ на голову шапку и, будто выкупавшись, пришелъ къ царю. Тутъ царь приказалъ ему съѣсть сорокъ котловъ плова. Ибрагимъ въ отдельной комнатѣ досталъ скатерть и сказалъ:

— „Кушай, скатерть, кушай!“

Тотчасъ скатерть съѣла весь пловъ; потомъ Ибрагимъ убралъ ее и положилъ въ карманъ. Царь, узнавъ, что Ибра-

гимъ съѣлъ весь пловъ, отдалъ свою дочь за него. Потомъ Ибрагимъ сказалъ царю, что хочетъ возвратиться на свою родину. Царь позволилъ ему возвратиться къ себѣ.

Тогда Ибрагимъ и его жена съли на коверъ, и онъ сказалъ:

— „Отнеси насъ, коверъ, въ царство Шахъ-Аббаса!“

Какъ только онъ произнесъ это, тотчасъ они очутились въ царствѣ Шахъ-Аббаса. Ибрагимъ доѣхалъ до дома счастливо, и въ честь этого они устроили пиръ на весь міръ. На этомъ пиру былъ и самъ Шахъ-Аббасъ. Когда подали яства, Шахъ пригласилъ Ибрагима кушать съ нимъ. Ибрагимъ сказалъ:

— „Кушайте, мои рукава!“

На это Шахъ замѣтилъ:

— „Развѣ рукава могутъ кушать?!“

Ибрагимъ отвѣтилъ:

— „А развѣ женщина можетъ родить щенятъ?!“

Тогда Шахъ вспомнилъ все, что съ ними случилось, и велѣлъ казнить злыхъ тетокъ, а Ибрагимъ и его молодая жена стали жить да поживать, да добра наживать.

Записалъ въ селеніи Теджисѣ, Борчалинскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, со словъ крестьянина того же села *Машади-Али Куми-оми*, ученикъ Закавказской учительской семинаріи *Зялъ Шарифовъ*.

12. Сказка о багдадскомъ жителѣ Джафарѣ.

Въ городѣ Багдадѣ въ тѣ времена, когда онъ былъ столицею знаменитаго арабскаго халифата и процвѣталъ въ своемъ великолѣпнѣи, жили мужъ и жена. Они жили богато и честно; довольные своимъ состояніемъ, они удѣляли изъ своего богатства многимъ бѣднымъ и нищимъ, всячески ста-

раясь избѣгать зла. Но не долго они жили въ богатствѣ; случилось какъ-то, что они лишились своего богатства и остались безъ всякихъ средствъ къ жизни. Обѣдѣвшій Джафаръ (такъ звали мужа) день и ночь размышлялъ о своемъ безвыходномъ положеніи и, наконецъ, рѣшилъ оставить свою родину и отправиться на заработки въ чужой край. Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ своей женѣ:

— „Милая и вѣрная подруга жизни! безжалостная судьба бросила насъ въ омутъ бѣдности: такъ, видно, угодно Аллаху! Но это несчастье не сокрушаетъ во мнѣ надежды на милосердіе Всемогущаго. Какъ ни тяжело мнѣ разставаться съ тобой, но я принужденъ оставить тебя одну и отправиться въ чужой край. Можетъ быть, тамъ найду какое-нибудь занятіе и въ потѣ лица своего буду зарабатывать кусокъ хлѣба!“

Съ глубокимъ горемъ, но безъ ропота, покорилась жена рѣшенію мужа. На другой день отправлялся изъ Багдада въ Ширазъ караванъ, и мужъ присоединился къ нему. Прощаясь съ женой, Джафаръ сказалъ ей:

— „Не печалься, моя возлюбленная! своей судьбы никто не избѣжитъ. Жди меня три года: если въ теченіе этого срока я не возвращусь, то можешь выйти замужъ, за кого хочешь“.

Долго ли ѣхалъ онъ, коротко ли ѣхалъ, Аллахъ вѣдаетъ, но, наконецъ, Джафаръ издали завидѣлъ городъ Ширазъ. Сердце его забилося радостью: много онъ слышалъ объ этомъ городѣ. На необозримомъ пространствѣ тянулись розовые сады, которымъ, казалось, не было конца. Среди нихъ красовались пышные гаремы персовъ; во всѣхъ частяхъ города правильными колоннами возвышались минареты съ золотыми изображеніями луны, они при яркомъ свѣтѣ солнца играли самыми разнообразными цвѣтами и невольно привлекали вниманіе странниковъ. Прибывши въ городъ, Джа-

фаръ пошелъ на площадь и сталъ наниматься въ работники. Одинъ житель города согласился взять его въ себѣ. Съ тѣхъ поръ Джафаръ и сталъ служить этому человѣку. Прошелъ годъ. Хозяинъ былъ человѣкъ добрый и умѣлъ цѣнить честныхъ людей. Онъ призывалъ къ себѣ слугу и сказалъ:

— „Джафаръ! ты служилъ мнѣ честно. За это предлагаю тебѣ пятьдесятъ червонцевъ, добытыхъ нечестнымъ путемъ, или пятнадцать червонцевъ, добытыхъ честнымъ трудомъ,—бери, которые пожелаешь“.

Джафаръ, поблагодаривъ своего господина, взялъ пятнадцать червонцевъ и пошелъ купить чего-нибудь своей женѣ. Ему попался продавецъ гранатъ. Не долго думая, онъ выбралъ и купилъ четыре большихъ гранаты. Эти гранаты онъ отправилъ своей женѣ черезъ одного знакомаго земляка. Бѣдная женщина очень обрадовалась, когда получила подарокъ мужа и узнала о его здоровьѣ. Она разрѣзала одну изъ гранатъ, чтобы съѣсть ее, но вмѣсто зеренъ, изъ нея посыпались алмазы и другіе драгоценные камни. Искра счастья блеснула на лицѣ жены при видѣ этого богатства. Она собрала все эти драгоценности и спрятала.

Бѣдный Джафаръ между тѣмъ продолжалъ служить своему хозяину. Прослуживъ еще годъ, онъ пришелъ къ хозяину и сказалъ:

— „Господинъ мой! два года, какъ я служу тебѣ вѣрой и правдой. Послужилъ бы я и еще, но сильно мучитъ меня тоска по родинѣ и семьѣ. Отпусти меня домой!“

Жаль было хозяину расставаться съ Джафаромъ, ибо не всегда можно было найти такого честнаго слугу. Но онъ вознаградилъ его за труды и сказалъ:

— „Правда, ты мнѣ служилъ честно, и я не могу удерживать тебя. Отправляйся къ своей женѣ, на родину. Только я дамъ тебѣ два совѣта: ночуй тамъ, гдѣ застанетъ тебя

сумракъ, и во всякомъ дѣлѣ имѣй терпѣнье. Да принесутъ мои совѣты тебѣ счастье на землѣ!“

Послѣ этого онъ благословилъ своего честнаго слугу въ путь-дорогу.

Поблагодаривъ своего добраго господина, Джафаръ вмѣстѣ съ попутнымъ караваномъ отправился въ путь. На дорогѣ ихъ застала ночь. Караванъ-баши (глава каравана) велѣлъ продолжать путь; но тутъ Джафаръ вспомнилъ совѣтъ своего господина и объявилъ спутникамъ, что остается ночевать тутъ же и ни за что не поѣдетъ дальше. Напрасно старались товарищи уговорить его ѣхать; онъ крѣпко стоялъ на своемъ словѣ. Тогда спутники, не желая оставлять своего товарища одного среди безлюдной пустыни, намѣнили свое рѣшеніе и расположились на ночлегъ.

Проснувшись рано утромъ, они тронулись въ путь. Не проѣхали наши путешественники и пяти верстъ, какъ ихъ охватилъ ужасъ: по обѣ стороны дороги лежали обезображенные трупы. Они узнали, что немного раньше ихъ, ночью проѣзжали купцы; разбойники напали на нихъ и, всѣхъ перебивъ, расхитили товары. Такимъ образомъ, своимъ спасеніемъ они были обязаны Джафару, и всѣ стали благодарить его, а караванъ-баши приказалъ, чтобы каждый отдалъ часть своихъ денегъ Джафару. Послѣ долгаго странствованія Джафаръ, наконецъ, прибылъ въ Багдадъ и направился къ своему дому. Но на томъ мѣстѣ, гдѣ два года тому навадъ стояла погнувшаяся хижина его, теперь возвышался великолѣпный дворецъ, о какихъ говорится только въ сказкахъ. Онъ поднялся по мраморной лѣстницѣ къ окну и взглянулъ въ комнату: въ ней на бархатномъ диванѣ сидѣла его прекрасная жена, вся одѣтая въ шёлкъ и золото. Въ головѣ несчастнаго человѣка промелькнула мысль: „неужели измѣнила мнѣ та, которую я такъ любилъ, и вышла замужъ за кого-нибудь богача?“ Онъ готовъ былъ ворваться въ комнату

и разорвать на части измѣнницу-жену, но вспомнилъ совѣтъ своего господина относительно терпѣнія и, придя въ себя, вошелъ въ комнату. Вѣрная жена, увидѣвъ своего мужа послѣ двухлѣтней разлуки, бросилась къ нему на шею съ объятіями. Но Джафаръ отнесся къ ней очень холодно. Замѣтивъ это, она сказала:

— „Милый мой! не думаешь ли ты, что я вышла замужъ? нѣтъ, я все время оставалась вѣрною тебѣ. А дворецъ, въ которомъ ты находишься, принадлежитъ намъ. Его построила я на тѣ алмазы и другіе драгоценные камни, что ты прислалъ мнѣ въ гранатахъ“.

Сказавъ это, она принесла одинъ оставшійся гранатъ и разрѣзала его. Алмазы и другіе драгоценные камни посыпались къ ногамъ Джафара.

— „Точно такъ же было“, сказала жена, „когда я хотѣла скушать присланные тобой и другіе гранаты.“

Джафаръ убѣдился въ вѣрности своей жены и съ радостью принялъ ее въ свои объятія. Послѣ этого они опять стали жить попрежнему и помогать бѣднымъ. Богъ даровалъ имъ двухъ прекрасныхъ сыновей.

Черезъ нѣсколько времени Джафаръ сильно заболѣлъ и, предчувствуя конецъ жизни, призвалъ свою жену и сказалъ ей:

— „Мы жили честно и помогали бѣднымъ. За это Богъ одарилъ насъ богатствомъ. Когда мои дѣти вырастутъ, то наставляй и ихъ на честный путь, и пусть честнымъ трудомъ добываютъ себѣ насыщенный хлѣбъ!“

Съ этими словами онъ и умеръ.

Записалъ въ г. Гори воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Аббасъ Минасазовъ*.

13. Царевичъ Газанфаръ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь, по имени Меликъ-Надиръ. Онъ обладалъ несчетными сокровищами. У него былъ единственный сынъ, по имени Газанфаръ; дочерей же не было, такъ-какъ онъ, по своей жестокости, приказывалъ убивать ихъ при рожденіи. Разъ царю пришлось отправиться въ дальній путь. Въ это время жена его была беременна; вотъ онъ и поручилъ своему сыну, чтобы тотъ, если родится дочь, немедленно убилъ ее. И, дѣйствительно, царица родила прекрасную дочь. По приказанію своего отца, царевичъ долженъ былъ умертвить ее.—Но ему жаль стало сестры, и онъ не исполнилъ отцовскаго приказа. Черезъ десять слишкомъ лѣтъ царь, наконецъ, благополучно возвратился въ свое государство. Царевичъ Газанфаръ, узнавъ о прибытіи отца своего, испугался и приказалъ царевнѣ не показываться отцу; но скоро царь узналъ обо всемъ и приказалъ отрубить сыну за ослушаніе голову, а также и дочери. Тогда одинъ вельможа сказалъ:

— „Царь, не губи своихъ безвинныхъ дѣтей такою жестокою казнью! лучше прикажи удалить ихъ изъ предѣловъ твоего государства!“

Эти слова подѣйствовали на царя, и онъ приказалъ имъ оставить его царство съ нѣсколькими вельможами. Долго они шли, наконецъ, видятъ,—въ песчаной пустынѣ, у крѣпкой скалы, стоитъ маленькій домикъ. Царевичъ приказываетъ сестрѣ подождать его въ нѣкоторомъ разстояніи отъ домика, а самъ подѣзжаетъ къ домику и видитъ: кругомъ безмолвная тишина, а внутри домика богатырскими снами спятъ семь могучихъ дивовъ. Царевичъ, обнаживъ свой мечъ, перебилъ всѣхъ дивовъ и бросилъ ихъ въ колодець, который находился на дворѣ, для сора. Потомъ онъ вернулся къ царевнѣ и привелъ ее въ домъ. Тутъ они на-

шли все необходимое для жизни и остались жить. Царевич каждый день ходилъ на охоту и всегда возвращался съ богатою добычею. Во избѣжаніе всякихъ опасностей, царевич строго воспретилъ сестрѣ бросать что-либо въ колодець; но царевна, не зная, въ чемъ дѣло, каждый день, въ отсутствіе брата, бросала въ этотъ колодець кости, остатки хлѣба и т. п.

Между тѣмъ одинъ изъ дивовъ оказался живъ и, питаясь бросаемыми остатками, приобрѣлъ прежнюю силу. Разъ, когда царевна, по своему обыкновенію, пришла къ колодцу, она услышала какой-то невнятный голосъ въ немъ, нагнулась и увидѣла въ немъ человѣка, молящаго о помощи. Царевна долго была въ недоумѣніи, не зная, какъ ей поступить; но, наконецъ, она вытащила его на Божій свѣтъ. Скоро они полюбили другъ друга и стали злоумышлять о томъ, какъ бы погубить царевича. Разъ, когда царевичъ пошелъ на охоту, дивъ говорить царевнѣ:

— „Какъ только братъ придетъ, ты притворись больной и скажи ему, что для твоего выздоровленія нѣтъ другого лѣкарства, кромѣ дынь, которыя растутъ на *одномъ* огородѣ; онѣ вполнѣ помогутъ вылѣчиться отъ этой болѣзни; если же онъ спроситъ, откуда ты узнала это, то скажи, что во снѣ видѣла; этотъ огородъ принадлежитъ главѣ всѣхъ дивовъ, и они растерзаютъ его на клочки“.

Вѣроломная женщина исполнила то, что сказалъ ей дивъ. Добрый царевичъ, изъ любви къ сестрѣ, отправился въ путь за дынею и черезъ нѣсколько дней подѣхалъ къ одному двору, окруженному со всѣхъ сторонъ прекрасными садами. Вдругъ вышелъ изъ этого двора какой-то богатырь и направился къ царевичу: между ними завязался упорный бой; наконецъ, царевичъ одолѣлъ и готовъ былъ отрубить врагу голову, но въ это время онъ замѣтилъ, что его противникомъ была женщина. Онъ былъ пораженъ ея красотою

и сохранилъ ей жизнь, а потомъ они полюбили другъ друга. Красавица, узнавъ о намѣреніи царевича, дала ему своего крылатаго коня-Пегаса и сказала:

— „Не бойся, поѣзжай, куда хочешь! Пегасъ выручитъ отъ всякой опасности“.

Царевичъ сѣлъ на Пегаса, который и доставилъ его въ тотъ же самый день въ огородъ съ дынями. Царевичъ Газанфаръ, взявши дыню, пустился въ обратный путь. Крылатые дивы погнались было за нимъ, но напрасно: Пегасъ, какъ стрѣла, помчался по воздуху, и скоро они уже были дома. На другой день царевичъ отправился домой и благополучно прибылъ къ сестрѣ.

На слѣдующій день царевичъ, по обыкновенію, отправился на охоту, а дивъ сказалъ царевнѣ:

— „Ты опять притворись больной и отправь брата за яблокомъ, которое растеть въ саду семиглаваго дива. На этотъ разъ ужъ ему не миновать смерти!“

Такъ какъ царевичъ Газанфаръ съ дѣтства питалъ горячую любовь къ сестрѣ, то онъ не могъ отказать ей въ просьбѣ и отправился за яблокомъ. Онъ прежде всего пріѣхалъ къ своей красавицѣ и сказалъ ей о своемъ намѣреніи; она не хотѣла-было пускать его въ такое опасное предпріятіе, но царевичъ сказалъ, что непременно долженъ достать одно изъ этихъ яблокъ.

— „Видно, сестра твоя хочетъ быть причиною твоей смерти“, сказала героиня, „этотъ садъ принадлежитъ семиглавому диву; даже птицы не смѣютъ пролетать надъ нимъ! Дорога, ведущая въ этотъ садъ, весьма опасна... Коли ты непременно хочешь достигнуть своей цѣли, то садись опять на моего Пегаса, возьми корзинку и поѣзжай съ Богомъ. Ты встрѣтишь на пути собаку громадной величины и мощь: собаку накорми хорошенько мясомъ, а мосту поклонись“.

Царевичъ сѣлъ на Пегаса и отправился въ путь. Дѣйствительно, на дорогѣ онъ встрѣтилъ большую кровожадную собаку, которая готова была растерзать его, но царевичъ накормилъ ее и благополучно проѣхалъ мимо. Затѣмъ предъ нимъ появился страшный мостъ; царевичъ привѣтствовалъ его и благополучно проѣхалъ; наконецъ, онъ достигъ и сада, проникъ въ него и, наполнивши свою корзинку яблоками, быстро пустился назадъ. Въ это время въ саду поднялась тревога, и дивы пустились за нимъ въ погоню. Семиглавый дивъ приказалъ мосту и собакамъ преградить дорогу похитителю яблокъ. Но ни тотъ, ни другая не повиновались: мостъ сказалъ, что царевичъ привѣтствовалъ его, а собака, въ свою очередь, что онъ накормилъ ее мясомъ.

Такимъ образомъ царевичъ проѣхалъ безпрепятственно и невредимо прибылъ домой. Красавица, по совѣтамъ которой поступалъ царевичъ, зная, что эти яблоки имѣютъ цѣлебное свойство, взяла нѣсколько штукъ себѣ. А на другой день царевичъ сѣлъ на своего коня и поспѣшилъ къ сестрѣ. Въ этотъ разъ она и дивъ были еще больше поражены его чудеснымъ спасеніемъ. Послѣдній, наконецъ, говорить сестрѣ царевича:

— „Теперь отправимъ его въ такое мѣсто, откуда онъ уже больше не возвратится: на сѣверѣ, въ пещерѣ одной горы, находится замѣчательный дикій баранъ, съ вилообразными рогами; однимъ взмахомъ ихъ онъ производитъ страшныя опустошенія... Ты опять скажи брату: „любезный братъ! въ эту ночь я видѣла во снѣ, что, скушавъ кусочекъ курдюка чуднаго барана, я совершенно выздоровѣла... Достань мнѣ его!..“ Я думаю, что братъ твой опять захочетъ исполнить твое желаніе“.

Такъ и случилось: царевичъ отправился въ путь, искать чуднаго барана съ развиллистыми рогами, и пріѣхалъ къ своей возлюбленной. Узнавши обо всемъ, она сказала:

— „Твоя сестра несомнѣнно имѣетъ любовника и старается какъ-нибудь погубить тебя“.

Но царевичъ не повѣрилъ ея словамъ и рѣшился исполнить желаніе сестры: онъ вскочилъ на Пегаса и позволилъ ему итти, куда онъ хотѣлъ. Пегасъ полетѣлъ прямо къ той самой горѣ, гдѣ находился, по словамъ сестры царевича Газанфара, дикій баранъ. Царевичъ, обнаживъ свою саблю, незамѣтно отрѣзалъ кусочекъ курдюка у этого барана и быстро поворотилъ назадъ; но свирѣпое животное скоро почувствовало боль и, взмахнувъ своими острыми рогами, кончиками ихъ нанесло Пегасу небольшую рану, царевичъ же остался невредимъ. Несмотря на полученную рану, Пегасъ неся, какъ птица, и скоро былъ уже дома. Возлюбленная царевича была весьма обрадована благополучнымъ возвращеніемъ своего любовника; но привезенный курдюкъ она взяла себѣ, а на мѣсто его незамѣтно подложила другой, обыкновенный. Царевичъ отправился домой. Опять дивъ и сестра его удивились спасенію царевича. Наконецъ дивъ сказалъ:

— „Я придумалъ теперь другое средство: когда братъ придетъ домой, ты ласково спроси его, откуда берется у него столько силы; когда онъ, навѣрно, укажетъ тебѣ на свои руки, ты скажи ему: „Давай, я свяжу тебѣ большіе пальцы веревкою, а ты попробуй, разорвешь ли ее“. Если онъ согласится на это и разорветъ веревку, то ты въ другой разъ попытайся связать ему пальцы проволочной веревкою, и тогда позови меня умертвить его“.

Она послушалась и поступила такъ, какъ сказала ей дивъ: сначала связала пальцы простодушному брату старую веревкою, которую царевичъ легко разорвалъ, а потомъ крѣпко привязала ему пальцы проволочною веревкою, которую царевичъ уже не могъ разорвать. Царевичъ попросилъ ее снять петлю, но было уже поздно: дивъ явился съ шашкою въ рукахъ и изрубилъ царевича на мелкіе куски. Потомъ онъ взялъ

трупъ царевича, положилъ его въ мѣшокъ, привязалъ къ спинѣ одного осла, загналъ его въ дикій, глухой лѣсъ и оставилъ тамъ съѣденіе волкамъ. Но, къ счастью, у царевича были двѣ любимыя охотничьи собаки, которыя стерегли осла отъ всякихъ лѣсныхъ звѣрей.

Разъ возлюбленная царевича вышла на охоту въ тотъ самый лѣсъ, гдѣ находился осель съ трупомъ на спинѣ; она нашла трупъ царевича, долго плакала и, наконецъ, привезла его домой. Изъ курдюка и яблокъ, которые она оставила у себя, она сдѣлала клейкое лѣкарство и этимъ склеила всѣ разрѣзанныя части тѣла покойника. Потомъ она стала усердно молиться Всевышнему о ниспосланіи новой жизни безвинной душѣ. Молитва ея была услышана: по Божіей волѣ, царевичъ вдругъ всталъ съ земли и говорить:

— „Какъ долго я спалъ!“

Но скоро онъ сообразилъ все, что съ нимъ случилось, и далъ себѣ слово немедленно умертвить сестру-измѣнницу вмѣстѣ съ дивомъ самою жестокою смертью. Съ этою цѣлью царевичъ съ своею возлюбленною отправились туда, гдѣ жила царица съ дивомъ. Онъ сперва отсѣкъ диву голову, потомъ руки и ноги; царицу же облилъ керосиномъ и сжегъ. Послѣ этого царевичъ съ своею возлюбленною стали жить вмѣстѣ. Только не долго продолжалось ихъ счастье: она скоро умерла, а царевичъ съ горя отправился странствовать, и не скоро потомъ вернулся на свою родину. Отецъ его, узнавъ о прибытіи сына, весьма обрадовался и встрѣтилъ его съ восторгомъ. Съ этого времени царевичъ сталъ жить, по-прежнему, у отца.

Разъ царевичъ открылъ денежный сундукъ отца и нашелъ въ немъ портретъ одной красавицы, по имени Шах-базъ-Пари. Онъ былъ пораженъ ея красотой и съ этого дня ничего не ѣлъ, не пилъ, а все время думалъ о ней. Наконецъ, онъ заявилъ отцу, Меликъ-Надиру, что, если онъ не отыщетъ

ему той красавицы, портретъ которой находится въ его сундукѣ, то онъ убьетъ себя.

Такое заявленіе сына привело царя въ большое затрудненіе: страна, гдѣ находилась красавица Шахбазъ-Пари, лежала въ одномъ изъ тайныхъ и далекихъ угловъ міра. Она была дочь одного могущественнаго царя. Слухъ о ея красотѣ распространился по всему свѣту; многіе изъ царей отправлялись за этой красавицей, но никому изъ нихъ не удалось достигнуть цѣли: одни изъ нихъ погибали на пути въ безводныхъ пустыняхъ; другіе, добравшись до этого царства, были или растерзаны кровожадными звѣрями, или же превращены злыми чародѣйками на вѣки въ камни. Но, несмотря на все это, царь Меликъ-Надиръ, въ виду рѣшительнаго намѣренія сына, хотѣлъ сдѣлать попытку исполнить его желаніе. Онъ снарядилъ многочисленное войско и отправился въ путь. Во время похода по песчанымъ пустынямъ въ войскѣ Меликъ-Надира скоро начался ужасный голодъ: воины, отъ недостатка припасовъ, убивали и съѣдали своихъ товарищей, которыхъ выбирали по жребію. Наконецъ, войска рѣшили покинуть царя и вернуться назадъ. Въ одно утро царь увидѣлъ, что изъ окружавшихъ его воиновъ осталось только два человѣка: сынъ его Газанфаръ и визиръ. Тогда страхъ взялъ царя, и онъ сталъ убѣждать сына, чтобы тотъ вернулся назадъ; но царевичъ не согласился и рѣшился продолжать свой путь; царь же съ визиремъ рѣшили возвратиться, и отецъ съ сыномъ должны были разстаться: долго плакали они, обнявъ другъ друга; наконецъ, царь, снабдивъ сына запасомъ денегъ, отправилъ его въ дорогу, а самъ съ визиремъ возвратился назадъ.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ царевичъ Газанфаръ, объ этомъ ничего не извѣстно, но только черезъ нѣсколько недѣль онъ прибылъ въ одно селеніе. Къ удивленію царевича, не было въ этомъ селеніи ни дѣтей, ни юношей; встрѣча-

лись все только старики да старухи. Удивленный царевич обратился къ одному изъ толпы со слѣдующими словами:

— „Мнѣ очень любопытно узнать, почему между вами не видать никакихъ молодыхъ людей?“

Ему отвѣтили такъ:

— „Въ этомъ селеніи живетъ одинъ богатырь-людоедъ, по имени Кара-Куламали, который уничтожилъ всѣхъ нашихъ младенцевъ“.

Тогда царевичъ Газанфаръ попросилъ ихъ показать ему этого человѣка. Но жители сказали:

— „Этотъ богатырь-людоедъ нынѣ находится на цѣпи, и, если снять съ него цѣпь, онъ съѣстъ у насъ весь изготовленный пловъ“.

— „Не бойтесь“, сказалъ царевичъ: „приведите его ко мнѣ,—я его возьму съ собою и избавлю васъ отъ него“.

Жители, наконецъ, согласились и привели его къ царевичу. Онъ былъ высокаго роста и носилъ палку съ желѣзнымъ крючковатымъ концомъ; она вѣсила около сорока пудовъ, и однимъ взмахомъ этой палки онъ производилъ страшныя опустошенія. Къ радости всѣхъ жителей, царевичъ взялъ съ собою богатыря. На дорогѣ царевичъ разсказалъ ему свою исторію. Кара-Куламали утѣшалъ его и общалъ въ скоромъ времени доставить его къ возлюбленной Шахбазъ-Пари. Потомъ онъ съѣлъ коня царевича и, взявъ послѣдняго къ себѣ на шею, быстрыми шагами пустился въ путь. Въ одну ночь они увидѣли передъ собою громадный семиэтажный дворецъ, построенный изъ золотыхъ кирпичей. Кара-Куламали оставилъ царевича въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца, подъ однимъ деревомъ, а самъ подошелъ къ дворцу. Въ это время, къ ихъ счастью, всѣ придворные спали глубокимъ сномъ. По мраморнымъ ступенямъ онъ подымался съ одного этажа на другой, всюду ища царевну, и, наконецъ, нашелъ ее на самомъ верхнемъ этажѣ. Она лежа-

ла на золотомъ тронѣ въ дремотѣ. Кара-Куламали былъ пораженъ ея красотою; онъ на цыпочкахъ подошелъ къ ней, взялъ драгоцѣнный коверъ, осторожно завернулъ ее въ коверъ и благополучно выбрался изъ дворца. Царевичъ же въ это время спокойно спалъ; вдругъ, проснувшись, онъ увидѣлъ надъ головою свою возлюбленную. Тутъ они разговорились и полюбили другъ друга. Царевна настаивала немедленно удалиться отсюда; но такъ какъ Кара-Куламали сильно усталъ и легъ спать, то они стали ожидать слѣдующаго дня. На другой день, рано утромъ во дворецѣ поднялась страшная тревога; тотчасъ собралось много войска для преслѣдованія похитителя царевны. Скоро придворные увидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца царевну съ двумя посторонними лицами: все войско сразу бросилось на нихъ; но Кара-Куламали, взявъ свою палку, перебилъ всѣхъ воиновъ. Потомъ онъ взялъ двухъ хорошихъ коней, посадилъ на нихъ царевича съ царевной и сказалъ ему:

— „Теперь мы должны разстаться; поэтому имѣй въ виду слѣдующее: на пути вы встрѣтите дряхлаго старца съ узами на рукахъ; онъ будетъ умолять васъ освободить его отъ узъ, но ты не обращай на него никакого вниманія и продолжай свой путь: это—семиглавый дивъ, который причинитъ вамъ много вреда; потомъ, отецъ твой, при встрѣчѣ, устелетъ вамъ путь драгоцѣнными коврами и сдѣлаетъ вамъ большіе подарки, но ты не принимай никакихъ подарковъ и не ходи по разостланному ковру, ибо отецъ твой, увидѣвъ красавицу, будетъ завидовать тебѣ и задумаетъ погубить тебя“.

Кромѣ этого онъ далъ царевичу Газанфару волосокъ и сказалъ:

— „Когда встрѣтишь какое-нибудь затрудненіе, или тебѣ постигнетъ бѣда, то ты поддержи этотъ волосокъ противъ себя, и я немедленно явлюсь къ тебѣ“.

Послѣ этого они разстались. Долго ли, коротко ли ѣхали наши путники, объ этомъ Господь вѣдаетъ; но черезъ нѣсколько недѣль они встрѣтили того самаго старца, о которомъ говорилъ имъ Кара-Куламали. Старецъ умолялъ ихъ развязать его оковы. Царевичъ долго отказывалъ, но старецъ все не отставалъ отъ нихъ. Наконецъ, царевичъ Газанфаръ, обнаживъ свою саблю, разрѣзалъ старцу узъ. Освободившись, старецъ сильно ударилъ царевича кулакомъ, такъ что онъ палъ безъ чувствъ на землю, самъ же взялъ царевну и полетѣлъ къ себѣ домой. Спустя нѣсколько времени, царевичъ опомнился и, видя свое бѣдственное положеніе, вспомнилъ слова Кара-Куламали, взялъ волосокъ и подержалъ его противъ себя: тотчасъ Кара-Куламали явился передъ нимъ. Онъ сталъ упрекать царевича за неосторожность, а потомъ они отправились къ семиглавому диву. Они пришли къ диву въ такое время, когда онъ былъ на охотѣ; они повидались съ царевной, утѣшили ее и сказали:

— „Когда дивъ возвратится домой, ты скажи ему: „ты днемъ ходишь на охоту, а я одна скучаю дома,—по крайней мѣрѣ, покажи мнѣ ту бутылку, гдѣ находится твоя жизнь, чтобы я свои дни проводила съ нею безъ скуки“. Дивъ, навѣрное, согласится, а ты, когда онъ уйдетъ на охоту, дай намъ знать“.

Такъ и было сдѣлано: царевна выпросила бутылку и, послѣ ухода дива, подала ее Кара-Куламали, который тотчасъ и разбилъ ее въ дребезги. Въ то же время дивъ съ неимоверной быстротой явился, и завязался между ними страшный бой, но скоро Кара-Куламали одолѣлъ дива, повалилъ его на землю и отрубилъ ему голову. Послѣ этого онъ отправилъ царевича съ царевною благополучно въ путь, а самъ, по прежнему, сталъ бродить по свѣту. Послѣ долгаго пути они, наконецъ, доѣхали до того города, гдѣ жилъ отецъ царевича Газанфара, Меликъ-Надиръ; узнавъ о прибытіи

своего сына, царь Меликъ-Надиръ собралъ большое войско и вышелъ встрѣтить сына. Онъ приказалъ устлать весь путь сына драгоценными коврами, но царевичъ отказался идти по нимъ. Кромѣ того, онъ не принялъ ни подарковъ, ни приглашенія отъ отца поселиться въ его дворцѣ, и остановился на время въ домѣ одного преданнаго себѣ человѣка; царь же Меликъ-Надиръ старался, во что бы то ни стало, погубить сына и жениться на царевнѣ. Разъ онъ пригласилъ царевича отправиться съ нимъ на охоту; царевичъ согласился. Во время этой охоты Меликъ-Надиръ поручилъ своему визирю убить сына. Съ этою цѣлью тотъ взялъ съ собою графинъ воды и соленый хлѣбъ. Долго они охотились по безводной пустынѣ; однажды визирь накормилъ царевича соленнымъ хлѣбомъ, и тому сильно захотѣлось пить; онъ попросилъ у визиря воды, но тотъ сказалъ ему:

— „Если позволишь выколоть глазъ, то я дамъ тебѣ воды, а иначе умирай отъ жажды“.

— „Ну, выколи, если не жалѣешь меня“, говоритъ царевичъ.

Безжалостный визирь вырѣзалъ ему одинъ глазъ, но воды не далъ, а когда царевичъ опять сталъ просить воды, онъ выкололъ ему и другой глазъ, а потомъ бросилъ его въ одинъ глубокой колодець. У царевича была одна собака, которая замѣтила, когда его бросили въ колодець, и каждый день приносила ему хлѣбъ, жареное мясо и другіе припасы. Между тѣмъ царь Меликъ-Надиръ насильно заставилъ царевну выйти за него замужъ. Царевичъ же сидѣлъ въ колодцѣ и, наконецъ, вспомнилъ о Кара-Куламали, взялъ волосокъ и сталъ держать его противъ себя. Кара-Куламали немедленно явился, вытащилъ его изъ колодца и привелъ слѣпого царевича въ одному ручью. Тутъ царевичъ разказалъ Кара-Куламали о случившемся и далъ свои вырѣзанные глаза, котрые онъ хранилъ у себя; тотъ вымылъ его хорошенько водою и удо-

жилъ спать, а самъ сѣлъ противъ него. Въ это время онъ видитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, на вѣткѣ дерева, сидятъ два голубя и разговариваютъ между собою.

— „Видишь этого спящаго царевича?“ говоритъ одинъ изъ нихъ другому: „онъ послѣ долгой и упорной борьбы съ судьбою погибаетъ подъ ударами ея, не достигши своей цѣли“.

Другой говоритъ:

— „Его можно вылѣчить такимъ образомъ: взять одно изъ моихъ перышекъ и, вложивъ глаза на свои прежнія мѣста, обвести вокругъ нихъ этимъ перышкомъ, и послѣ этого зрѣніе возвратится“.

Сказавъ эти слова, голуби улетѣли; но, къ счастью царевича, изъ крыла голубя выпало одно перышко. Кара-Куламали съ восторгомъ взялъ это перышко, вложилъ глаза царевича на мѣста и сталъ обводить вокругъ нихъ перышкомъ, пока царевичъ не сталъ зрячимъ. Тутъ царевичъ сердечно поблагодарилъ его за оказанную услугу, и они вмѣстѣ отправились къ царю Меликъ-Надиру. Они прибыли въ городъ въ самый разгаръ свадьбы. Кара-Куламали, вошедши во дворецъ, перебилъ всѣхъ придворныхъ своею палкою, а самого царя съ визиремъ сжегъ въ огнѣ. Послѣ этого царевичъ обвинчался со своей невѣстой и приказалъ задать знатный пиръ на весь міръ. Кара-Куламали принялся за свое прежнее занятіе, а царевичъ Газанфаръ со своею супругой стали жить да поживать въ счастья и благополучіи.

Записалъ со словъ *А. Ахмедова* въ сел. Юзбашилу, Шушинскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Дадашъ Мамедовъ*.

14. Салимъ-ханъ.

Шахъ-Аббасъ Джанатъ Маканъ однажды собралъ свою дружину и поѣхалъ съ нею на охоту. Два дня они охотились и не встрѣчали никакой дичи. Возвращаясь съ полной неудачей домой, охотники вдали, на равнинѣ, увидѣли оленя, который остановился и смотрѣлъ на охотниковъ; тутъ они замѣтили, что на правой щекѣ у оленя была бородавка, которая очень украшала его. Шаху захотѣлось, во что бы то ни стало, поймать этого оленя, и онъ объявилъ большую награду тому, кто поймаетъ его живымъ и представить ему. Но олень пробѣжалъ мимо самого Шаха, который и рѣшилъ самъ его преслѣдовать. Онъ приказалъ дружинѣ идти и ожидать его возвращенія; если же оно замедлится, то царствомъ поручилъ управлять своей женѣ. Дружина пришла домой и рассказала женѣ Шаха все случившееся. Времени прошло такъ много, что дружина потеряла надежду на возвращеніе Шаха и избѣнила ему, и въ царствѣ начались неурядицы: царица была слаба и неопытна, не могла удержать въ повиновеніи какъ народъ, такъ и дружину, и послѣдняя уже думала раздѣлить царство между собою. Шахъ же въ это время все гнался за оленемъ. Скоро онъ потерялъ его изъ виду и подѣхалъ къ одному мѣсту, гдѣ дорога расходилась въ три стороны. Тутъ онъ остановился и не зналъ, куда ѣхать. Настала ночь. Шахъ слѣзъ съ лошади, отпустилъ ее пастись, а самъ присѣлъ немного отдохнуть. Скоро сонъ началъ понемногу овладѣвать имъ, и онъ заснулъ. Къ утру Шахъ слышитъ какой-то шумъ: просыпается и видитъ передъ собою человѣка, который сдѣлалъ ему низкій поклонъ.

— „Кто ты?“ спросилъ его Шахъ: „откуда и куда путь держишь и по какой дорогѣ пришелъ? Расскажи мнѣ, куда ведетъ каждая изъ этихъ дорогъ. За добрый совѣтъ добрую получишь и награду: я владѣтель Персіи, Шахъ-Аббасъ“.

Тутъ Шахъ разсказаль о своемъ желаніи поймать оленя. Человѣкъ далъ Шаху такой отвѣтъ:

— „Тутъ недалеко стоятъ три столба съ надписями; самъ я человѣкъ неграмотный, но надписи на этихъ столбахъ дадутъ тебѣ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ трехъ дорогахъ; олень же, за которымъ ты ѣдешь, находится на средней дорогѣ“.

Царь обрадовался и направился къ столбамъ. На первомъ столбѣ надпись была такая: „дорога гибели“, на среднемъ—„дорога счастья“, на послѣднемъ—„дорога несчастія“.

Возвратившись къ страннику, Шахъ щедро наградиль его и пустился въ путь по дорогѣ счастья. Тяжело было ему одному ѣхать по одинокой дорогѣ; но черезъ нѣсколько времени онъ доѣхаль до стараго заброшеннаго замка. Подѣхавъ къ воротамъ этого замка, Шахъ-Аббасъ, желая узнать, живетъ ли въ замкѣ кто-нибудь, сталъ кричать:

— „Эй, вы, хозяева замка! я странникъ и странствую по важному дѣлу; откликнитесь и приютите меня!“

Но никакого отвѣта не послѣдовало. Тогда Шахъ-Аббасъ слѣзъ съ коня, поднялъ камень и сталъ стучать въ ворота. На стукъ явился старикъ.

— „Хозяинъ, ночь на дворѣ,—прими и приюти меня до утра. За это я отплачу тебѣ“, сказалъ Шахъ.

Старикъ впустиль его въ замокъ и повелъ въ свою комнату. Пошелъ разговоръ между ними. Шахъ-Аббасъ завелъ рѣчь объ охотѣ и описаль своего прекраснаго оленя. Старикъ улыбнулся и сказалъ, что это не настоящій олень, а его дочь, и что, если ему угодно, онъ можетъ привести ее къ нему. Шахъ-Аббасъ сталъ умолять его объ этомъ. Черезъ нѣсколько времени передъ Шахъ-Аббасомъ явилась дочь старика, стройная, красивая, съ большими черными глазами, съ длинными рѣсницами, съ такими же черными бровями и свѣтло-золотыми вудрявыми волосами, распущенными по лицу. Правую щеку ея украшала бородавка. Шахъ-Аббасъ

пришелъ въ восторгъ, и у него исчезло всякое сомнѣніе въ томъ, что дочь старика есть тотъ самый олень, за которымъ онъ пріѣхалъ сюда. На другой день Шахъ сдѣлалъ предложеніе старику о томъ, чтобы онъ выдалъ за него свою дочь. Старикъ долго не соглашался и отговаривался тѣмъ, что дочь его, по имени Зиб-Изабелла помолвлена за одного рыцаря, который живетъ недалеко въ лѣсу, въ большомъ замкѣ, къ которому нѣтъ никому доступа. Шахъ-Аббасъ же сказалъ старику, что онъ не простой странникъ и не охотникъ, а царь Персіи. Старикъ очень удивился и, наконецъ, соглашаясь на его просьбу, сказалъ:

— „Повелитель Персіи, я исполню твою просьбу, если только согласна будетъ на это дочь“.

Но спустя немного времени и она явилась и изъяснила свое согласіе. Объ этомъ узналъ Ювелинъ, сынъ рыцаря, вызвалъ Шахъ-Аббаса на поединокъ, но остался побѣжденнымъ. Послѣ этого скоро состоялась свадьба, и молодые стали счастливо жить. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы Шахъ-Аббасъ вспомнилъ о своемъ давно имъ брошенномъ царствѣ и собрался ѣхать туда; но супруга его отказалась отъ поѣздки, отговариваясь тѣмъ, что отецъ ея старъ и она не желаетъ оставить его одного. Пришлось Шахъ-Аббасу ѣхать одному. Прощаясь съ супругой, Шахъ-Аббасъ вынулъ изъ кармана большой, дорогой браслетъ съ надписью: „Царскій сынъ—направо, а царская дочь—налѣво“, передалъ его супругѣ и сказалъ при этомъ:

— „Возьми, дорогая, этотъ браслетъ, держи его до того времени, когда у тебя родится ребенокъ: если будетъ, сынъ, то надѣнь ему браслетъ на правую руку, а если будетъ дочь, то на лѣвую руку“.

Послѣ этого Шахъ-Аббасъ сѣлъ на своего коня и пустился въ путь. Долго онъ ѣхалъ, пока, наконецъ, достигъ до своей столицы. Здѣсь всѣ люди показали для него совершенно

иными, и много переи́мъ нашелъ онъ въ дѣлахъ царства. Началъ онъ поправлять разстроенныя дѣла и, какъ человекъ опытный, въ два года поправилъ все: исключилъ со службы плохихъ людей, назначивъ на ихъ мѣста людей молодыхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ. Такимъ образомъ, Шахъ-Аббасъ поставилъ свои дѣла даже лучше прежняго. Одно только его мучило: отъ первой супруги у него не рождалось дѣтей, и онъ не зналъ, кому передать свое царство, если и отъ второй супруги не родится наслѣдника. Вотъ однажды Шахъ-Аббасъ взялъ съ собою нѣсколько приближенныхъ и вышелъ на охоту. Передъ нимъ опять показался тотъ же самый олень. Нѣкоторые изъ приближенныхъ хотѣли стрѣлять въ него, но Шахъ-Аббасъ остановилъ ихъ. Олень же пустился бѣжать, а Шахъ-Аббасъ опять поѣхалъ за нимъ; ѣхалъ онъ цѣлые два дня и къ утру третьяго дня съ большимъ трудомъ доѣхалъ до замка, гдѣ жила возлюбленная супруга Шахъ-Аббаса. Его встрѣтилъ старикъ и очень обрадовался его приѣзду. Шахъ-Аббасъ спросилъ его:

— „Ну, что, старина, здорова ли моя дорогая Изабелла, и не родилось ли у нея дитя?“

Старикъ отвѣтилъ:

— „На дняхъ супруга твоя Изабелла разрѣшилась красивымъ и полнымъ сыномъ“.

Шахъ-Аббасъ очень обрадовался, обнялъ, поцѣловалъ старика и сказалъ:

— „За такую добрую вѣсть я дарю тебѣ высшую награду!“

Тутъ Шахъ-Аббасъ снялъ съ себя золотой мечъ, украшенный драгоценными камнями, и передалъ его старику. Потомъ Шахъ-Аббасъ устремился въ комнату своей супруги. Она встрѣтила его съ сыномъ на рукахъ. Шахъ въ восторгѣ взялъ его и обратился къ окружающимъ со словами:

— „Ребенокъ этотъ, какъ вы видите, полный, краси-

вый и крѣпкій,—назначаю его наследникомъ, быть ему шахомъ Персіи послѣ меня. Онъ сынъ мой отъ супруги моей Изабеллы“.

На другой день Шахъ-Аббасъ поѣхалъ обратно къ себѣ въ столицу. При отъѣздѣ онъ поручилъ Изабеллѣ, чтобы она дала ихъ сыну хорошее воспитаніе. Царь уѣхалъ, а сынъ его, наследникъ Персіи, Салимъ-ханъ, сталъ мало-по-малу подростать. Онъ отличался необыкновенною красотою. Еще въ дѣтствѣ его прозвали Гезаль-ханъ (ханъ-красавецъ). Мать заботилась объ его воспитаніи. Мальчикъ выказывалъ большія способности и добрый характеръ: онъ былъ смиренный, послушный и веселый мальчикъ.

Такъ какъ Салимъ-ханъ не имѣлъ сверстниковъ и не вращался въ ихъ обществѣ, то въ немъ мало-по-малу начала развиваться нелюдимость и склонность къ уединенной жизни. Во избѣжаніе этого мать его стала искать ему товарища. Съ этою цѣлью она разослала по разнымъ мѣстамъ людей съ приказаніемъ найти мальчика или дѣвочку восьми—деяти лѣтъ. Долго они искали, пока, наконецъ, пришли къ одному великолѣпному замку, въ которомъ жилъ одинъ персидскій принцъ. Когда ему сказали о желаніи Изабеллы взять къ себѣ на воспитаніе чужое дитя, принцъ согласился отдать свою восьмилѣтнюю дочь Зибейду, но съ условіемъ, что дѣти будутъ жить годъ у Изабеллы, а годъ у него. Предложеніе было принято, и Зибейда поселилась съ Салимъ-ханомъ. Она была красива, ласкова и добра. Салимъ-ханъ и Зибейда стали вмѣстѣ воспитываться и скоро сошлись въ характерахъ. Никогда между ними не бывало ни спору, ни недоразумѣній, и они очень скоро полюбили другъ друга.

Прошелъ первый годъ, и два новыхъ друга поѣхали къ принцу. Принцъ со своей супругой вышелъ имъ на встрѣчу и повелъ ихъ въ замокъ. Принцъ и супруга его замѣтили въ

дочери своей большую перемену къ лучшему. Такимъ образомъ дѣти жили вмѣстѣ цѣлыхъ семь лѣтъ, попеременно, то у Изабеллы, то у принца.

Когда Салимъ-хану исполнилось двѣнадцать лѣтъ, Изабелла получила отъ Шахъ-Аббаса письмо, въ которомъ онъ просилъ свою супругу отправить Салимъ-хана къ отцу. Но объ этомъ Изабелла побоялась сказать сыну. Прошелъ мѣсяцъ, и Изабелла получила второе письмо о томъ же; но Изабелла опять ничего не сказала сыну: нужно было и ей ѣхать вмѣстѣ съ сыномъ, а она не хотѣла жить съ первой супругой Шахъ-Аббаса. Разсердился послѣ этого Шахъ-Аббасъ и послалъ людей за сыномъ и супругой. Теперь только Салимъ-ханъ узналъ о волѣ отца. Долго онъ не зналъ, что ему дѣлать: приходилось ему оставить свою подругу, съ которой онъ не могъ разстаться, а на то, чтобы ѣхать съ ней, не соглашались ея родители. Тогда онъ рѣшился убѣжать вмѣстѣ съ Зибейдой и сообщилъ ей объ этомъ. Та согласилась, и вотъ они отправились въ путь. Имъ въ это время было по 16 лѣтъ. Ёхали они цѣлыхъ пятнадцать дней и остановились въ лѣсу. Время приближалось къ ночи; они увидѣли дикихъ звѣрей и очень боялись ихъ. Но въ это время послышался недалеко человѣческій говоръ. Они обрадовались и подали голосъ; на зовъ явились двѣ женщины, которыя стали разспрашивать ихъ, кто они, откуда и куда идутъ.

— „Я царскій сынъ“, отвѣчалъ Салимъ-ханъ, „а вотъ эта дѣвушка—сверстница моя. Мы оставили отцовскій домъ и хотимъ гдѣ-нибудь пріютиться. Будьте добры, примите насъ хоть на ночь! Мы будемъ вамъ очень благодарны“.

Женщины сжалились надъ молодыми людьми, взяли ихъ и направились къ дому, который находился недалеко, на опушкѣ лѣса. Домъ ихъ по наружному виду не представлялъ ничего особеннаго, но внутри они были удивлены его убран-

ствомъ, чистотою и роскошью. Тутъ Салимъ-ханъ и Зибейда втайнѣ и поселились.

Тѣмъ временемъ Изабелла дала знать своему супругу о бѣгствѣ своего сына и дочери принца. Узнавъ объ этомъ, Шахъ-Аббасъ разослалъ гонцовъ во всѣ концы Персіи, чтобы найти бѣглецовъ и представить ему. Долго безуспѣшно искали Салимъ-хана и Зибейду, наконецъ, и они узнали объ этихъ поискахъ и рѣшили возвратиться домой, къ родителямъ Зибейды. Всѣ обрадовались ихъ возвращенію и въ виду такой ихъ привязанности рѣшили соединить ихъ бракомъ; но только Салимъ-ханъ предварительно долженъ былъ поѣхать къ отцу и попросить разрѣшенія, принцъ же обѣщаль отказывать всѣмъ тѣмъ, кто будетъ просить руки его дочери. Салимъ-ханъ простился съ ними и поѣхалъ къ своей матери. Онъ сказалъ ей, что собирается ѣхать къ отцу; тогда она достала изъ сундука данный ей Шахъ-Аббасомъ браслетъ и надѣла его сыну на правую руку.

Салимъ-ханъ пустился въ дорогу и пріѣхалъ въ столицу своего отца. Онъ не захотѣлъ открыто явиться къ отцу и поступилъ служить въ лавку одного купца. Красота его скоро обратила на него всеобщее вниманіе. Всѣ граждане стекались въ лавку этого купца лишь для того, чтобы хоть разъ взглянуть на этого прекраснаго юношу. Дочь одного изъ приближенныхъ царя влюбилась въ него и даже оставила домъ родителей. Послѣдніе обратились къ Шаху-Аббасу съ просьбою, чтобы тотъ удалилъ этого юношу изъ города. Шахъ приказалъ привести его къ себѣ. Салимъ-ханъ явился. По персидскому закону, его нужно было убить, но, по просьбѣ первой супруги Шахъ-Аббаса, его оставили въ живыхъ и заключили въ тюрьму. Но всѣ дѣвушки продолжали увлекаться Салимъ-ханомъ, и каждая изъ нихъ желала выйти за него замужъ. Тогда Шахъ-Аббасъ рѣшился покончить съ Салимъ-ханомъ.

Позвали палача, чтобы отрубить ему голову, но, когда радѣли хана, на его рукѣ замѣтили браслетъ съ надписью царя и донесли ему объ этомъ. Тутъ Шахъ узналъ въ осужденномъ своего сына отъ второй супруги, объявленнаго имъ наслѣдникомъ Персіи.

Сталъ Салимъ-ханъ жить у своего отца во дворцѣ. Но, несмотря на окружающую его роскошь, онъ все скучалъ, находясь въ разлукѣ со своей возлюбленной Зибейдой; ему все хотѣлось видѣться съ нею. Чѣмъ дальше, тѣмъ жизнь безъ нея казалась ему все труднѣе и невыносимѣе. Въ это время Шахъ-Аббасъ однажды заболѣлъ на охотѣ и умеръ. Салимъ-ханъ тогда вступилъ на персидскій престолъ и сейчасъ же рѣшилъ жениться на дочери принца, Зибейдѣ, съ которой девять лѣтъ жилъ вмѣстѣ. Онъ объявилъ объ этомъ всѣмъ и, взявъ съ собою свою свиту, поѣхалъ къ своей матери, чтобы взять у нея согласіе. Изабелла не только согласилась, но даже обрадовалась этому. Вмѣстѣ съ Изабеллой они поѣхали къ принцу, который также согласился и благословилъ ихъ. Скоро они устроили торжественную и великолѣпную свадьбу, которая продолжалась цѣлыхъ двадцать дней, и стали счастливо жить да поживать.

Записалъ въ гор. Шушѣ, Елисаветпольской губ., воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Джамиль-бекъ Ахундовъ.*

III. Анекдоты про муллу Насръ-Эддина.

1. Проповѣдь муллы Насръ-Эддина.

У мусульманъ по пятницамъ въ большихъ мечетяхъ произносятся проповѣди; для этого обществомъ выбирается особое духовное лицо (имамъ джума). Въ одну изъ такихъ пятницъ единогласно обществомъ избранъ былъ для произнесения проповѣди мулла Насръ-Эддинъ. Послѣ долгихъ колебаній онъ согласился, наконецъ, и, поднявшись на кафедру, обратился къ публикѣ съ слѣдующими словами:

— „Внемлите, вы, собравшіеся сюда! каждую минуту вы обязаны благодарить Зиждителя вселенной за то, что Онъ не одарилъ верблюдовъ крыльями, какъ одарилъ человѣка разумомъ. Иначе они могли бы подняться на воздухъ и, когда имъ вздумалось бы сѣсть на крыши вашихъ домовъ, то дома ваши обрушились бы, и вы сами погибли бы подъ ихъ развалинами“.

2. Догадливость муллы Насръ-Эддина.

Одинъ шутникъ, подобный самому муллѣ Насръ-Эддину, несъ въ платкѣ пятнадцать яицъ. Встрѣтившись съ муллою, онъ сказалъ послѣднему:

— „Если узнаешь, что у меня въ платкѣ, то половину этихъ яицъ я даромъ отдамъ тебѣ; а если отгадаешь сколько ихъ, то всѣ пятнадцать будутъ твои!“

Долго думалъ мулла и, наконецъ, вымолвилъ:

— „Ты, братъ, дуракъ! Я не Богъ и не племянникъ его, и кромѣ Бога, никто, я думаю, не можетъ узнать, что

у тебя въ платкѣ. Но если скажешь хоть нѣкоторые признаки, то тогда, пожалуй, могу догадаться“.

— „Снаружи бѣлаго цвѣта, внутри желтаго цвѣта, а само имѣть продолговатый видъ“, сообщилъ его собесѣдникъ.

— „Нашель!“ съ радостью воскликнулъ тогда мулла, „это—рѣпа, внутри наполненная желтымъ имбиремъ“.

3. Гасидъ (скороходъ).

По смерти первой жены, мулла женился на другой, и она черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы уже родила сына. Спустя немного времени собрались родственницы муллы Насръ-Эддина и его жены, чтобы дать имя новорожденному ребенку. Предлагали разныя имена. Но мулла остановилъ всѣхъ ихъ, говоря:

— „Этому ребенку я самъ дамъ имя и называю его „Гасидомъ“.

— „Почему же ты даешь ему такое имя?“ спрашивали заинтересованныя родственницы.

— „Онъ девятимѣсячный путь прошелъ въ три мѣсяца, а потому вполне достоинъ и заслуживаетъ названія Гасида“, растолковалъ имъ мулла.

4. Мулла въ роли осла.

Эмиръ того города, въ которомъ жилъ нашъ мулла, былъ сластолюбивъ и все время проводилъ въ своемъ гаремѣ. Мулла Насръ-Эддину вздумалось отклонить эмира наставленіями отъ этого порока. И, вотъ, онъ въ бесѣдѣ съ эмиромъ, сталъ доказывать ему, какъ его поступки недостойны того высокаго положенія, которое занимаетъ онъ, и что тотъ унижаетъ себя въ глазахъ подданныхъ, кто позволяетъ господствовать надъ собою женщинамъ.

Слова муллы произвели на эмира потрясающее дѣйствіе. Эмиръ отказался отъ всѣхъ удовольствій гарема и далъ себѣ слово избѣгать общества своихъ женъ.

Красавица служанка, къ которой эмиръ питалъ особую любовь, замѣчая теперь охлажденіе къ ней эмира, спросила его о причинѣ. Эмиръ въ отвѣтъ объяснилъ ей, что мулла Насръ-Эддинъ вполне убѣдилъ его не имѣть больше общенія съ женщиною.

Служанка попросила тогда своего повелителя, чтобы онъ подарилъ ее муллѣ хоть на время, обѣщая, что мулла перемѣнитъ тогда свой взглядъ на женщину.

Эмиръ, повинувшись просьбѣ красавицы служанки, подарилъ ее муллѣ.

Красавица очень скоро обворожила своего новаго господина: чѣмъ больше мулла Насръ-Эддинъ знакомился съ нею, тѣмъ болѣе овладѣвала имъ любовь къ ней. И, вотъ, наконецъ, онъ палъ передъ ней на колѣни и въ пылу страсти воскликнулъ:

— „Люблю тебя, цвѣтокъ души моей, и готовъ на все, лишь бы ты согласилась быть моею!“

— „Я согласна“, отвѣтила красавица, „но, чтобы я видѣла, что ты говоришь правду, позволь мнѣ осѣдлать тебя, и покататься на тебѣ верхомъ“.

Нашъ мулла ликовалъ: онъ ждалъ гораздо большаго и готовъ былъ даже на смерть, а потому съ радостью передалъ себя въ распоряженіе своей капризной служанки.

Тогда красавица тайкомъ отправила къ эмиру человека, прося его немедленно прійти къ муллѣ. Эмиръ явился и вошелъ въ комнату тогда, когда красавица служанка уже сидѣла верхомъ на осѣданномъ муллѣ, и тотъ галонировалъ съ нею. Эмиръ, которому уже наскучила его монашеская жизнь, набросился на муллу съ укорами:

— „Ахъ, ты грѣховодникъ безстыдный! какъ же это ты

такъ легко покорился женщинѣ?! И ты, негодяй, еще смѣешь, послѣ того упрекать меня въ моихъ поступкахъ и совѣтовать мнѣ дѣлать то, чего и самъ не дѣлаешь?!”

— „Это вѣрно, повелитель мой“, отвѣтилъ находчивый мулла, „но если хорошенько вникнуть въ сущность дѣла, то правда на моей сторонѣ: ну, не правъ ли я былъ, утверждая, что не слѣдуетъ приближаться къ женщинамъ?! И тебѣ слѣдовало бы не бранить меня, а благодарить Аллаха, что не ты, а я осѣданъ этою женщиною, какъ настоящій осель“.

5. Мулла-портной.

Отецъ муллы Насръ-Эддина, когда послѣдній былъ мальчикомъ, отдалъ его въ ученики къ одному портному. Черезъ три года отецъ навѣстилъ сына и спросилъ его, чему научился онъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Тотъ отвѣтилъ, что почти половину всего портняжнаго искусства уже усвоилъ и уже знаетъ, какъ нужно вдѣвать нитку въ ушко иглы,—осталось только выучиться дѣйствовать иглой.

6. Старость и молодость.

Въ одномъ собраніи, гдѣ участвовалъ и мулла Насръ-Эдинъ, между прочимъ зашла рѣчь о молодости и старости. Каждый изъ членовъ собранія говорилъ объ уменьшеніи физическихъ силъ человѣка по мѣрѣ того, какъ онъ старѣется. Захотѣли узнать и мнѣніе муллы Насръ-Эддина по этому предмету и, къ удивленію всего общества, онъ сталъ утверждать противное:

— „У насъ въ домѣ“, говорилъ онъ, „есть очень большой камень, котораго я въ молодости не могъ даже сдвинуть съ мѣста, какъ ни старался о томъ; теперь, подѣ старость, какъ ни тружусь, такъ же не въ состояніи сдвинуть

его съ мѣста; слѣдовательно сила и въ молодости и въ старости одинакова“

7. Инша-Аллахъ *).

Мулла Насръ-Эдинъ отправился на базаръ купить себѣ осла. На встрѣчу ему выходитъ одинъ изъ его друзей.

— „Къ добру ли? куда такъ торопишься?“ спрашиваетъ онъ

— „На базаръ,—куплю себѣ осла“.

— „Скажи: „инша-Аллахъ“, замѣчаетъ сосѣдь.

— „Для чего же это?—у меня въ карманѣ есть деньги, а на базарѣ слово достаточно!“ возразилъ мулла и пошелъ далѣе.

На базарѣ у муллы утащили изъ кармана всѣ его деньги, и съ пустыми руками онъ вернулся назадъ. На возвратномъ пути его встрѣчаетъ тотъ же другъ съ вопросомъ:

— „Ну что, купилъ осла?“

— „Инша-Аллахъ, украли мои деньги“, отвѣчаетъ мулла, наученный опытомъ, „инша-Аллахъ, да будешь ты проклять!“ обращается онъ къ своему пріятелю, напророчившему ему неудачу.

Съ тѣхъ поръ мулла уже всякій разговоръ начиналъ этимъ выраженіемъ.

8. Догадливость.

Разъ мулла Насръ-Эдинъ несъ платокъ съ персиками. Проходя мимо группы знакомыхъ, онъ вздумалъ пошутить съ ними:

— „Кто изъ васъ узнаетъ, что я несу въ платкѣ“, ска-

*) Всякій благочестивый мусульманинъ, приступая къ дѣлу или говоря о своемъ намѣреніи, произноситъ выраженіе „инша-Аллахъ“, что значитъ—„если Богъ дастъ“.

заль онъ, тому я отдамъ изъ этихъ персиковъ самый большой“.

Конечно, кто-то изъ собравшихся закричалъ:

— „Персики!“

— „Какой это подлецъ рассказалъ вамъ объ этомъ?!“ сердито сказалъ мулла, передавая, по обѣщанію, самый большой персикъ отгадчику.

9. Мулла въ чужомъ саду.

Съ корзинкою въ рукѣ, мулла Насръ-Эддинъ вошелъ въ чужой садъ и, не видя тамъ садовника, началъ наполнять свою корзинку разными овощами. Но садовникъ не долго заставилъ себя дожидаться,—съ дубиною въ рукѣ онъ подбѣжалъ къ муллѣ и закричалъ:

— „Кто ты такой и какъ попалъ въ этотъ садъ?“

Внезапное появленіе садовника такъ поразило муллу, что онъ не сразу нашелся, что сказать, и, наконецъ, молвилъ:

— „Я шелъ по дорогѣ, но поднялся сильный вѣтеръ и перебросилъ меня несчастнаго въ этотъ садъ“.

— „Хорошо!“ замѣтилъ на это садовникъ, „но почему же ты выдернулъ эти овощи?“

— „Не горячись, добрый садовникъ, а подумай: какъ бы я могъ устоять при такомъ вѣтрѣ, если бы не держался за растенія. Должно быть, когда вѣтеръ бросалъ меня по саду, я и надергалъ этихъ овощей, хватаясь за нихъ.“

— „Хорошо!“ возразилъ садовникъ, „допустимъ, что вѣтеръ надергалъ овощей, но кто же ихъ такъ заботливо собралъ въ корзинку?“

Но муллу не смутило и это возраженіе, онъ спокойно отвѣтилъ:

— „Надъ этимъ и я думалъ; только ты помѣшалъ мнѣ

своимъ появленіемъ, и я не успѣлъ понять настоящей причины“.

Весь этотъ разговоръ такъ развеселилъ садовника, что онъ не только не тронулъ муллы, но и подарилъ ему всѣ собранныя имъ овощи.

10. Мулла спасаетъ Бога.

Женѣ муллы Насръ-Эддина надоѣло кормить мужа, который рѣшительно не хотѣлъ взятыся за какую-либо работу, чтобы на заработки кормить свою семью: онъ все время бездѣльничалъ и отъ бездѣлья занимался разными глупостями. Вотъ въ одинъ день жена прогнала его изъ дому, и пригрозила, что, если къ вечеру онъ не заработаетъ двадцати грошей, то не пуститъ его домой ночевать.

Мулла до самаго вечера прошлялся по базару и не заработалъ ни одного гроша. Между тѣмъ стало смеркаться. Гдѣ же пріютиться? думаетъ мулла: домой нельзя итти,—жена не пуститъ. Наконецъ, приблизившись къ однимъ развалинамъ, онъ присѣлъ около и хотѣлъ ночевать здѣсь, подъ открытымъ небомъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что какой-то дервишъ, съ сумою на спинѣ, вошелъ въ эти развалины. Мулла сталъ слѣдить за нимъ. Дервишъ осторожно сѣлъ на землю, досталъ изъ сумы подсвѣчникъ со свѣчкою и кусокъ воску, зажегъ свѣчку, а изъ воску старательно вылѣпилъ изображеніе.

— „Тебя, Адамъ“, сказалъ дервишъ, обращаясь къ восковой фигурѣ, „Богъ такъ щедро одарилъ всевозможными благами: позволилъ тебѣ постоянно жить въ раю и пользоваться всѣми находившимся тамъ плодами и ягодами, и только запретилъ трогать пшеницу. Почему же ты, Адамъ, не удержалъ порывы обжорства своего и не исполнилъ приказанія Всемогущаго?! Если бы ты не нарушилъ заповѣди

Бога, то не былъ бы самъ изгнанъ изъ рая, а люди не были бы вынуждены такъ много трудиться, чтобы добывать себѣ насущный хлѣбъ, и послѣ смерти, сверхъ того, выдерживать страшный судъ Божій и давать отвѣтъ за всѣ свои проступки! Этому виновникъ—ты, Адамъ!”

И, въ видѣ наказанія, однимъ ударомъ палки дервишъ смялъ изображеніе Адама. Затѣмъ, онъ, вылѣпивъ изъ воску другое изображеніе и назвавъ его Евою, держалъ къ нему такую рѣчь:

— „А ты, Ева, почему одобрила своего мужа и даже заставляла его ѣсть плоды пшеничные?!”

Изображеніе Евы постигла та же участь, какъ и изображеніе Адама.

Дервишъ вылѣпилъ, затѣмъ, третье изображеніе, которое назвалъ шайтаномъ (дьяволъ).

— „Ты—постоянный и смертельный врагъ человѣчества! Ты былъ изъ числа ангеловъ... Почему же ты возгордился и не исполнилъ повелѣнія Божія поклониться Адаму, когда всѣ другіе ангелы исполнили Его повелѣніе?! Расскаиваешься ли теперь, что исключенъ Богомъ изъ числа ангеловъ? И какъ осмѣливаешься ты быть врагомъ человѣчества и отклонять его съ истиннаго пути? И какъ ты посмѣлъ искусить Еву и внушить ей мысль ѣсть пшеницу?! Да сохрани ты насъ Зиждитель вселенной отъ тебя, демона проклятаго!”

Съ этими словами послѣдовалъ взмахъ жезла и изображеніе дьявола было изуродовано.

Четвертое изображеніе, сдѣланное дервишомъ, представляло самого Властителя вселенной. Послѣ обвиненія Бога, дервишъ намѣревался ударомъ жезла разрушить и изображеніе Бога. Но вдругъ раздался испуганный крикъ муллы Насръ-Эддина:

— „Остановись!.. потерпи, пожалуйста, пока я получу отъ Бога двадцать грошей, иначе жена меня не пуститъ домой!”

Неожиданный крикъ и появленіе муллы такъ перепугали дервиша, что онъ, оставивъ свою сумку, подсвѣчникъ и все прочее, пустился бѣжать.

Мулла заботливо собралъ все оставленное дервишомъ и въ сумѣ дервиша среди другихъ вещей нашелъ сто золотыхъ монетъ.

— „Ну, слава Богу! не мнѣ, значить, ночевать подъ открытымъ небомъ!“ воскликнулъ обрадованный мулла.

Подошедши къ своему дому, онъ смѣло застучалъ въ дверь.

— „Кто тамъ?“ закричала жена изъ дому.

— „Не чужой, а мужъ! отворяй скорѣй!“ отвѣчаетъ мулла.

— „Двадцать грошей гдѣ? иначе не пущу“.

— „Отворяй, глупая! вмѣсто двадцати грошей, я принесъ тебѣ сто золотыхъ монетъ“.

Жена не повѣрила, но изъ любопытства отворила дверь и къ удивленію увидала, что у мужа дѣйствительно много золотыхъ монетъ.

— „Откуда ты взялъ столько денегъ?“ поспѣшила узнать она.

— „Эти деньги достались мнѣ за избавленіе Бога отъ гибели“, важно отвѣтила ей мулла.

11. Мулла-математикъ.

На вопросъ одного изъ собесѣдниковъ своихъ, какъ онъ чувствуетъ себя въ области математики, мулла отвѣтилъ, что эту науку онъ знаетъ такъ хорошо, что не было еще вопроса, касающагося этой науки, который могъ бы его затруднить. Чтобы испытать муллу, ему предложили раздѣлить поровну четыре драхмы между тремя товарищами. Мулла Насръ-Эддинъ на это сказалъ:

— „Это сдѣлать очень легко: каждому изъ двухъ товарищей дадимъ по двѣ драхмы, а третьяго попросимъ обождать,—когда Богъ дастъ еще двѣ драхмы, тогда и его удовлетворимъ“.

12. Кошка на вѣсахъ.

Вернувшись домой съ тремя фунтами мяса, мулла поручилъ своей женѣ приготовить для него къ вечеру изъ мяса бозбашъ. Жена приготовила кушанье, но съѣла его сама, вмѣстѣ со своимъ любовникомъ.

Наступилъ вечеръ. Мулла возвращается домой, проголодавши цѣлый день: въ тотъ день какъ бы нарочно онъ ничего не бралъ въ ротъ, чтобы съ большимъ аппетитомъ поѣсть бозбаша.

— „Жена,“ говоритъ мулла входя въ домъ, „принеси бозбашъ и побольше хлѣба!“

— „Пепель на твою голову!“ восклицаетъ жена, „сколько разъ я говорила тебѣ, что нужно удалить эту кошку-воровку, а ты все не обращалъ на мои слова никакого вниманія! вотъ и сегодня она все мясо съѣла...“

Мулла, и безъ того сердитый вслѣдствіе голода, вскочилъ съ мѣста, поймалъ кошку и положилъ ее на чашку вѣсовъ, а на другую сталъ накладывать гири, пока обѣ чашки не пришли въ равновѣсіе. И что же? Кошка оказалась не много легче трехъ фунтовъ.

— „Безстыдная ты баба!“ закричалъ тогда мулла, „какъ же ты обвиняешь невинную кошку?! если бы она, въ самомъ дѣлѣ, съѣла три фунта мяса, то должна была бы имѣть хоть немного больше вѣсу, чѣмъ три фунта!“

13. Мулла, пойманный въ воровствѣ.

Однажды мулла съ полнымъ мѣшкомъ пшеницы отправился на мельницу, чтобы смолоть ее; но мельника онъ за-

сталъ за большою и слѣшною работою, такъ что мельникъ даже и не замѣтилъ его прихода. Мулла Насръ-Эдинъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и сталъ тайкомъ перекладывать въ свой мѣшокъ по горсти изъ каждаго находившагося тамъ полного мѣшка съ пшеницею. Догадавшись о воровствѣ, мельникъ обернулся и схватилъ муллу за уши, приговаривая:

— „Что ты дѣлаешь, глупый!“

— „Ничего! Какъ ты называешь меня, я, дѣйствительно, глупый человѣкъ, а съ дурака за проступки не взыскиваютъ!“ успѣшилъ отвѣтить мулла.

— „Но если ты, дѣйствительно, глупъ, то почему же изъ своего мѣшка не сыплешь въ чужой, а, наоборотъ, чужое въ свой кладешь?“

— „Тогда я былъ бы уже не просто глупимъ, а самымъ глупымъ человѣкомъ“, отвѣтилъ мулла.

14. Мулла ограбленъ.

Мулла Насръ-Эдинъ, возвращаясь изъ другого города, для безопасности, держалъ оружіе наготовѣ: въ одной рукѣ саблю, а въ другой пистолеть. Вдругъ съ нимъ встрѣчается пѣшеходъ, который останавливаетъ его и отнимаетъ у него все, что было у него, даже архалухъ и штаны.

Мулла приходитъ къ друзьямъ и рассказываетъ имъ, какъ на дорогѣ его ограбилъ какой-то человѣкъ.

— „Да развѣ при тебѣ не было оружія?“ спрашиваютъ его друзья.

— „Что же могъ бы я сдѣлать?“ возразилъ мулла, „вѣдь обѣ руки у меня были заняты: въ одной рукѣ была сабля, а въ другой пистолеть; а будь у меня руки свободны, я задушилъ бы его!“

15. Способъ выручать свои деньги.

— „Отчего ты орѣхи ѣшь со скорлупой?“ спросилъ муллу Насръ-Эддина его собесѣдникъ.

— „Отъ того, мой милый, что и за скорлупки деньги заплатилъ. Ты бы лучше предложилъ вопросъ безсовѣстнымъ бакальщикамъ: почему-это они продаютъ орѣхи со скорлупой!“

16. Баранья голова.

Отецъ отправилъ муллу Насръ-Эддина къ келла-пазу*) купить для него баранью голову; тотъ исполнилъ требованіе отца; но дорогой съѣлъ все находившееся на головѣ мясо и предъ отцомъ положилъ только гладкій черепъ. Отецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на черепъ и сказалъ:

— „Сынъ мой, это вѣдь черепъ! Гдѣ же уши этой головы?“

— „У нея, вѣроятно, отъ рожденія не было ушей“, отвѣтилъ Насръ-Эдинъ.

— „А гдѣ же ея глаза?“

— „Слѣпою родилась, должно быть.“

— „А языкъ то, языкъ гдѣ?“

— „Нѣмою родилась, по всей вѣроятности.“

— „А куда же дѣвалась кожа съ головы?“

— „Быть можетъ, она паршивая была!... Но смотри, отецъ“, прибавляетъ онъ, „зато зубы то какіе прочныя! До сихъ поръ ни одинъ не выпалъ!“

17. Сонъ муллы.

Видитъ во снѣ мулла, что кто то даритъ ему девять золотыхъ монетъ, а онъ отказывается и проситъ прибавить

*) Келла-казъ—поварь, исключительно приготовляющій кушанья изъ головъ.

еще одну монету, чтобы было ровно десять,—круглое число. Во время этого спора мулла просыпается и ни копейки не находит у себя. Раскаивается мулла въ сдѣланной ошибкѣ, и думаетъ поправить ее: вновь закрываетъ онъ глаза, притворяясь спящимъ, протягиваетъ руку и говорить:

— „Ну, пусть будетъ по твоему, давай хоть девять!...“

18. Качество сыра.

Въ одинъ вечеръ муллѣ Насръ-Эддину сильно захотѣлось ѣсть, но у него въ домѣ ничего не было съѣстного, кромѣ сухого хлѣба.

— „Жена,“ говоритъ мулла, „принеси немного сыру!— это прекрасное и весьма полезное кушанье: сыръ придаетъ человѣку силу и энергію.“

— „Только жаль, что у насъ нѣтъ даже и кусочка сыру!“ поспѣшила иронически замѣтить жена.

Услышавъ слова жены, мулла сказалъ:

— „Хорошо, что нѣтъ сыру: онъ портитъ желудокъ, зубы дѣлаетъ слабыми и не имѣетъ никакого вкуса.“

— „Чему же вѣрить теперь: похвалямъ твоимъ или порицанію?!...“ воскликнула жена муллы.

— „Не кричи, жена! это весьма ясно и просто: если у тебя есть сыръ, повѣрь первому, а если нѣтъ,—второму,“ отвѣтилъ мулла.

19. Щекотливый вопросъ.

Случилось муллѣ Насръ-Эддину обѣдать вмѣстѣ съ эмиромъ. Между разнообразными кушаньями находилась сваренная голова теленка. Эмиру захотѣлось подшутить надъ муллою Насръ-Эдиномъ.

— „Мулла! я совѣтую тебѣ поѣсть головы теленка,—отъ этого прибавляется мозгу въ головѣ“, замѣтилъ онъ.

— „Ваша милость каждый день кушаете телячьи головы, и если ваши слова справедливы, то въ вашей головѣ должно быть мозгу гораздо больше, чѣмъ у любого осла!“ глубокомысленно заключилъ мулла.

20. Избавленіе луны.

Въ одну прекрасную лунную ночь муллѣ Насръ-Эддину вадумалось посмотрѣть въ колодець.

— „Увы, несчастная луна утопаетъ въ водѣ! нужно ее спасти!“ воскликнулъ онъ, замѣтивъ луну на днѣ колодца.

Долго не думая, мулла досталъ крючекъ, привязалъ къ веревкѣ и опустил его въ колодець. Крючекъ зацѣпился за каменя. Мулла думаетъ, что крючекъ зацѣпился за луну и принимается тащить съ такимъ усердіемъ, что веревка обрывается и мулла падаетъ, сильно разбивая себѣ спину. Но вдругъ, лежа въ этомъ положеніи, онъ замѣчаетъ на небѣ луну.

— „Ну, слава Богу!“ восклицаетъ онъ, хоть и спину себѣ ушибъ, но все жъ таки избавилъ несчастную луну отъ гибели.

21. Надобно братья за корень зла.

Мулла Насръ-Эдинъ хотѣлъ поймать своего теленка; но теленокъ, лягнувъ его, убѣжалъ отъ него. Раздосадованный мулла приходитъ къ матери теленка и беспощадно бьетъ ее.

— „Дуракъ! да чѣмъ же корова-то виновата!“ кричитъ ему жена.

— „Она-то и виновата: ужъ конечно она учила его такъ искусно лягаться и убѣгать отъ людей! Иначе шестимѣсячный теленокъ развѣ могъ бы такъ ловко лягаться и убѣгать, да еще и хвостъ на зло поднимать вверхъ?!...“

22. Хорошая примѣта.

Разъ мулла Насръ-Эддинъ съ большимъ усиліемъ рылъ землю. Одинъ изъ прохожихъ заинтересовался и спросилъ его:

— „Зачѣмъ ты такъ трудишься?“

— „Нѣкогда я зарылъ здѣсь кладъ,“ отвѣтилъ мулла, „а теперь, какъ ни стараюсь, какъ ни ищу, не могу найти.“

— „А развѣ, зарывая кладъ, ты не замѣтилъ его какъ-нибудь?“ спросилъ прохожій.

— „Какъ же!? надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я зарылъ кладъ, стояло небольшое черное облачко“, сказалъ на это мулла, „а теперь, сколько ни смотрю, нигдѣ не вижу его“.

23. Мулла—критикъ.

Эмиръ того города, гдѣ жилъ мулла Насръ-Эддинъ, любилъ поэзію и самъ упражнялся въ стихотворствѣ. Сочинивши одно стихотвореніе, онъ пригласилъ къ себѣ муллу, прочелъ ему свое стихотвореніе и ожидалъ похвальнаго отзыва съ его стороны. Къ удивленію и досадѣ эмира, мулла не одобрилъ его стихотворенія и сталъ указывать въ немъ дурныя стороны. Раздосадованный эмиръ велѣлъ тогда арестовать муллу и посадить въ тюрьму.

Когда въ другой разъ, по приглашенію эмира, привели муллу, и эмиръ прочелъ ему другое вновь сочиненное имъ стихотвореніе, мулла, не давши отвѣта, направился къ выходу изъ комнаты.

— „Куда ты уходишь?“ закричалъ эмиръ, „скажи же свое мнѣніе о моемъ стихотвореніи.“

— „Я уже иду въ тюрьму,“ отвѣтилъ ему мулла.

Отвѣтъ муллы показался эмиру забавнымъ, и онъ освободилъ на этотъ разъ своего безмолвнаго критика отъ тюрьмы.

24. Мулла свято исполняетъ свой долгъ.

Матери муллы Насръ-Эддина случилось отправиться на похороны одного знакомаго. Предъ тѣмъ, какъ пойти туда, она поручила своему сыну до ея возвращенія сидѣть дома и „беречь двери“ *). И вотъ мулла сидитъ и смотритъ на двери; долго ждалъ онъ свою мать; между тѣмъ ему страшно захотѣлось пойти на базаръ, а потому, не дождавшись прихода матери, онъ снялъ съ большимъ трудомъ двери съ петель, взялъ ихъ на спину и отправился бродить по базару. Мать, возвратившись домой и не видя ни сына, ни дверей, отправилась искать его и, послѣ долгихъ поисковъ, нашла его изнемогающимъ подъ непосильной ношей. На упреки матери мулла отвѣтилъ:

— „Я же ничего не сдѣлалъ плохого, а напротивъ свято исполнилъ твое порученіе.“

25. Сомъ-Газа **).

Мулла Насръ-Эддинъ продавалъ оливковое масло. Подходить къ нему покупатель и говорить:

— „Не дашь ли мнѣ немного оливковаго масла въ кредитъ?“

— „Съ удовольствіемъ“, отвѣчаетъ мулла, „я никогда не откажу такому почтенному человѣку, какъ ты“, и восхваляя свое масло, проситъ покупателя испробовать его.

— „Извини, пожалуйста“, говоритъ ему покупатель, „я вынужденъ отказаться отъ этого, потому что сегодня я по-

*) У татаръ, вмѣсто выраженія „караулить домъ“, говорятъ „беречь двери“ (гануданъ-мухафизать-оль).

**) Сомъ-газа—постъ взаимнѣ того, который въ свое время, т. е. въ амазанѣ мѣсяцѣ, не былъ исполненъ.

щусь взамѣнъ того поста, который въ свое время не былъ мною исполненъ“.

Подумавъ немного, мулла сообразилъ, что отъ рамазана мѣсяца прошло уже десять мѣсяцевъ, а потому, взявъ обратно отъ покупателя свое масло, прогналъ его, съ слѣдующими словами:

— „Если ты долгъ Бога платишь не въ свое время и такъ поздно, то моего, я думаю, и совсѣмъ не заплатишь.“

26. Способъ отказать въ просьбѣ.

Сосѣдъ просилъ у муллы Насръ-Эддина „ольяна“ (плоская веревка).

— „Жена моя на ольянѣ рассыпала для просушки рожь“, отговаривается мулла.

— „Богъ съ тобой! что ты говоришь? возможно ли на ольянѣ сушить рожь? ты бы лучше ужь прямо отказалъ!“ возразилъ сосѣдъ.

— „Если бы я имѣлъ намѣреніе отказать, то сказалъ бы тебѣ, что на ольянѣ жена рассыпала не рожь, а муку“, оправдывался мулла.

27. Состязаніе муллы съ мудрецомъ.

Въ одно время съ муллою Насръ-Эддиномъ жилъ другой мудрецъ, противъ котораго въ спорѣ никто не могъ устоять,—такъ силенъ былъ онъ во всѣхъ наукахъ. Всякіе трудные вопросы легко рѣшались имъ. Пріѣхавъ въ тотъ городъ, гдѣ жилъ нашъ мулла, онъ освѣдомился у другихъ, нѣтъ ли въ этомъ городѣ такого мудреца, который могъ бы рѣшить нѣкоторые вопросы, затрудняющіе его. Всѣ ему указали на муллу Насръ-Эддина. Мудрецъ отправился за нимъ; но не долго пришлось искать муллу: онъ самъ попался мудрецу навстрѣчу, сидя верхомъ на своемъ ослѣ.

— „Саламунъ-алеюкумъ!“ говорить мудрецъ.

— „Алеюкумъ-ассаламъ!“ отвѣчаетъ мулла.

— „Я имѣю къ тебѣ просьбу“, предлагаетъ мудрецъ.

— „Сдѣлай одолженіе,—скажи!“ отвѣчаетъ мулла.

— „Мнѣ хотѣлось бы предложить тебѣ нѣкоторые вопросы, которые меня затрудняютъ“.

— „Предлагай!“ послѣдовалъ отвѣтъ муллы.

— „Какое мѣсто на землѣ можно назвать центромъ ея?“

— „Центръ земли есть именно то мѣсто, гдѣ въ настоящее время стоитъ мой осель. Если не вѣришь, измѣрь!“ отвѣчаетъ мулла.

Озадаченный отвѣтомъ муллы, мудрецъ сталъ втупикъ и, не зная, какъ возразить, поторопился предложить новый вопросъ:

— „Сколько по твоему звѣздъ на небѣ?“

— „Ровно столько, сколько волосковъ у моего осла; если сомнѣваешься, сосчитай!“ отвѣчаетъ нашъ мулла.

Второй отвѣтъ еще больше озадачилъ мудреца.

— „Не знаешь ли ты ужъ и того изъ сколькихъ волосъ состоитъ моя борода?“ насмѣшливо спросилъ онъ муллу.

— „Въ твоей бородѣ ровно столько волосъ, сколько ихъ въ хвостѣ моего осла. Можешь провѣрить, если хочешь!“

Рѣшеніе третьяго вопроса совсѣмъ поразило мудреца: онъ призналъ себя побѣжденнымъ и поспѣшилъ удалиться, едва попрощавшись съ муллою.

28. Пророчество муллы.

Муллѣ Насръ-Эддину вздумалось пророчествовать и, вотъ, однажды, среди большого стеченія публики, онъ выступилъ съ проповѣдью и сталъ призывать къ покаянію. Но никто не повѣрилъ его пророческому призванію, а нѣкоторые, шута, потребовали отъ него доказательствъ его посланничества.

— „Чѣмъ ты докажешь“, говорили они, „что ты пророкъ? Можешь ли подобно истиннымъ пророкамъ сотворить какое-либо чудо? Ну, вотъ, покажи свою пророческую пророзорливость и угадай, о чемъ каждый изъ насъ думаетъ въ настоящее время!“ сказалъ кто-то изъ нихъ.

— „Въ настоящее время“, отвѣтилъ на это мулла Насръ-Эддинъ, „каждый изъ васъ думаетъ: должно быть мулла или шутитъ съ нами, или обманываетъ насъ“.

29. Неудачная жалоба.

Жена муллы Насръ-Эддина любила проводить праздно время, то у одного, то у другого изъ сосѣдей, а праздность научаетъ всякому злу. И, вотъ, наконецъ, она надоѣла своимъ непрерывными посѣщеніями всѣмъ, какъ горькая рѣдька, а потому они и рѣшились пожаловаться мужу. Мулла, смѣясь, сказалъ имъ:

— „Странные вы люди!—развѣ когда-нибудь я застаю жену дома, чтобы переговорить съ ней по поводу вашей жалобы и наказать ее!“

30. Разсѣянность.

Отправляясь въ баню, мулла Насръ-Эддинъ поручилъ своей женѣ до его возвращенія сварить пловъ. Жена сварила пловъ, но съѣла его до возвращенія муллы съ приходившимъ къ ней любовникомъ своимъ. Мулла возвращается домой и предлагаетъ женѣ подать обѣдъ.

— „Ты только что вернулся изъ бани“, закричала жена, „и хочешь сейчасъ же приступить къ ѣдѣ!—заболѣть что-ли хочешь ты? Ни подъ какимъ видомъ я такъ скоро не дамъ тебѣ ѣсть! тебѣ теперь необходимъ покой: ложись и

немного полежи; тогда и безъ твоего распоряженія будетъ тебѣ пловъ“.

Мулла былъ мнителенъ: боясь заболѣть, послушался жены и легъ въ постель; но скоро сонъ одолѣлъ его. Жена этого только и хотѣла: она мастерски намазала остаткомъ плова губы, бороду и усы мужа. Спустя немного времени, мулла просыпается и снова проситъ жену подать пловъ.

Жена съ удивленіемъ смотритъ на мужа и восклицаетъ:

— „Ба! что за разсѣянность!?“ и подаетъ мужу зеркало, говоря: „если я скажу тебѣ, что ты уже съѣлъ пловъ, ты, пожалуй, не повѣришь; такъ посмотри лучше въ зеркало на свои губы, бороду и усы, которыхъ ты еще не успѣлъ вымыть, и ты наглядно убѣдишься, что уже успѣлъ съѣсть пловъ“.

Несчастный мулла, видя въ зеркалѣ на своей бородѣ зерна плова, подумалъ, что ошибся и напрасно беспокоилъ жену, и сталъ просить у нея извиненія.

31. Даровой обѣдъ.

Въ одинъ день мулла Насръ-Эддинъ, вернувшись домой, ничего не нашель у себя съѣтного, а вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, что у сосѣда готовили пловъ и собираются обѣдать. Мулла прибѣгнулъ тогда къ слѣдующей хитрости:

— „Жена,“ говоритъ онъ, „я вовьму палку и буду бить тебя, а ты бѣги къ сосѣду будто бы за помощію; такимъ образомъ мы оба зайдемъ къ нему; они не пустятъ меня бить тебя и вдобавокъ попросятъ съѣсть и обѣдать, и мы съ тобой будемъ ѣсть пловъ“.

Что сказано, то и сдѣлано. Дѣйствительно, въ тотъ день мулла съ женой обѣдали у сосѣда, хотя женѣ муллы и дорого обошелся этотъ даровой обѣдъ.

32. Больной выздоровѣлъ.

Мулла Насръ-Эддинъ былъ сильно боленъ; родственники и друзья пришли посѣтить его и такъ долго сидѣли у него, что сильно надоѣли ему. Желая избавиться отъ посѣтителей, мулла, вставши съ мѣста, говорить имъ:

— „Радуйтесь! Богъ пожалѣлъ вашего больного, и онъ выздоровѣлъ. Можете теперь уйти!“

32. Удивленіе муллы.

Въ одномъ городѣ мулла увидѣлъ, что собравшаяся толпа людей внимательно слѣдила за появленіемъ новой луны. Это такъ озадачило муллу, что онъ воскликнулъ:

— „Боже праведный, вотъ глупые люди! Собираются толпой, чтобы видѣть маленькую луну, тогда какъ въ нашемъ городѣ никто не обращаетъ вниманія на нее даже и тогда, когда она въ жерновъ величиной!“

34. Воскресеніе муллы.

Мулла Насръ-Эддинъ съ большимъ трудомъ влѣзъ на дерево и сталъ пилить именно тотъ сукъ, на которомъ сидѣлъ самъ. Прохожій, замѣтивъ несообразительность муллы, предупредилъ его о дурномъ исходѣ, ожидающемъ его: „упадешь, мулла!“ сказалъ онъ ему. Мулла не обратилъ вниманія на предостереженіе прохожаго и продолжалъ пилить до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ съ сукомъ и пилою самъ не слетѣлъ съ дерева и не оцарапалъ лицо и руки. Окровавленный мулла, видя, что пророчество прохожаго сбылось, погнался за нимъ и, догнавши, сказалъ ему:

— „Ты или сынъ Бсга, или племянникъ Его! Скажи, пожалуйста, когда я умру!“

Прохожій сначала отказывался пророчествовать, но, видя упрямство муллы и желая избавиться отъ него, сказалъ ему:

— „Когда осель твой три раза споткнется, тогда ты и умрешь“.

Мулла, вернувшись къ своему ослу, сѣлъ на него и отправился къ себѣ домой. Дорогою осель его два раза споткнулся. Мулла и думаетъ про себя: „скоро конецъ всему,—смерть приближается“, и когда осель его третій разъ споткнулся, мулла, ослабѣвъ, упалъ съ осли и, вытянувъ ноги и руки, вообразилъ себя мертвымъ.

Родные муллы, встревоженные его продолжительнымъ отсутствіемъ, пошли искать его, и послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, отыскали. Но, несмотря ни на какія просьбы и усилія собравшихся, мулла не откликался на ихъ зовъ, считая себя мертвымъ. Собравшіеся стали, наконецъ, думать, что мулла, дѣйствительно, умеръ и начали готовиться хоронить его: они принесли носилки, положили на нихъ муллу, взяли ихъ на плечи и направились къ кладбищу. На дорогѣ имъ пришлось переправляться черезъ рѣку. Воды въ рѣкѣ было много, а моста не было; несшіе не знали, гдѣ переправиться. Долго ждалъ мулла, когда они совершатъ переправу и, наконецъ, не вытерпѣлъ и, поднявъ голову, воскликнулъ:

— „Я при жизни своей всегда переправлялся въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ высокій чинаръ. Тамъ и вы переправляйтесь!“

Поднялся всеобщій хохотъ и восклицанія: „мулла воскресъ!“

35. Особый способ совершать намазъ.

Однажды мулла, желая помолиться, приступилъ къ совершенію частнаго омовенія *), но у него не достало воды, и одной ноги онъ не могъ вымыть. „Кто пойдетъ еще за водою?“ думаетъ про себя мулла, „и такъ могу совершить намазъ“. Вошедши въ мечеть, мулла поднимаетъ ту ногу, которую не вымылъ, и, стоя на одной ногѣ, совершаетъ намазъ. Собравшіеся въ мечеть молеельщики были изумлены, что мулла такимъ необыкновеннымъ способомъ совершаетъ молитву, и спросили его:

— „Развѣ совершеніе намаза на одной ногѣ по шаригату допускается, если есть другая нога?“

— „Эта нога моя осталась безъ омовенія, а потому я не пускаю ее въ намазъ“, отвѣтилъ на это мулла.

36. Сейръ **).

Мулла случайно попалъ въ одинъ садъ. Здѣсь сидѣли нѣсколько человекъ; мулла, подошедши, присѣлъ къ нимъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ сказалъ:

— „Давайте-ка устроимъ сейръ и проведемъ цѣлую недѣлю въ этомъ саду“.

— „Я вполне согласенъ и принимаю на себя недѣльный расходъ на провизію“, отвѣтилъ другой.

— „А я — расходъ на сазандаровъ ***)“, промолвилъ третій.

— „Я достану сахару и чаю“, добавилъ четвертый.

*) Прежде, чѣмъ приступить къ совершенію молитвы (намаза), мусульманинъ, обязанъ совершить частное омовеніе, т. е. вымыть лицо, руки, ноги, внутреннія части носа, рта, ушей и известную часть головы; безъ этого совершенія намаза не допускается.

**) Загородное гулянье, пикникъ.

***) На музыкантовъ и пѣвцовъ.

Потомъ они обратились къ муллѣ съ вопросомъ, что онъ приметъ на себя.

— „А я все время буду оставаться здѣсь и да буду я проклять, если раньше недѣли уйду отсюда!“ объявилъ мулла.

37. Есть чѣмъ утолить голодъ!

Мулла Насръ-Эддинъ, отправляясь въ другой городъ по торговымъ дѣламъ, забылъ взять съ собой хлѣба. Между тѣмъ въ дорогъ его очень мучилъ голодъ, а утолить его было нечѣмъ. На пути своемъ, у одного родника, онъ встрѣчаетъ возвращающагося изъ долгаго путешествія одвигорожанина своего, который, доставъ изъ своего мѣшка хлѣба и сыръ, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

— „Слава Богу, есть чѣмъ утолить голодъ!“ невольно сорвалось съ языка муллы.

Мулла обрадовался этой встрѣчѣ подобно бѣдняку, нашедшему кладъ, и, подошедши къ одвигорожанину, ласково поздоровался съ нимъ:

— „Здравствуй, землякъ! откуда Богъ несетъ?“

— „Изъ Тегерана, мой милый! Вотъ уже десятый годъ, что я былъ на чужбинѣ и въ послѣднее время не имѣю никакихъ свѣдѣнй о своемъ семействѣ. Скажи, пожалуйста, не можешь ли ты сообщить мнѣ что-нибудь о моихъ дѣтяхъ и о домѣ?“

— „Слава Богу, всѣ благополучны“, отвѣтилъ мулла. Такимъ пріятнымъ извѣстіемъ онъ хотѣлъ порадовать одвигорожанина своего и расположить его къ тому, чтобы онъ предложилъ ему закусить; но землякъ муллы спокойно продолжалъ закусывать, не заботясь о муллѣ; тогда мулла рѣшился другимъ способомъ получить отъ земляка припасы.

Обрадованный извѣстіемъ о благополучномъ состояніи

своей семьи, одnogорожанинъ сталъ предлагать болѣе подробно вопросы.

— „Будь такъ добръ, скажи, пожалуйста: былъ у меня ручнѣй джейранъ,—живъ ли онъ?“

— „Да! прекрасный былъ джейранъ! я часто видалъ его, когда онъ съ вашимъ сыномъ ходилъ мимо нашего дома. Но, къ несчастію, выражаясь изящнымъ слогомъ, вашъ джейранъ перешелъ въ вѣчный міръ...“

— „Боже мой! да что же такое съ нимъ случилось?“

— „Послѣ кончины твоей жены и сына (царство имъ небесное!) родственники твои были такъ сильно поражены горемъ, что забыли о твоёмъ джейранѣ, и онъ издохъ съ голоду.“

— „Да развѣ жена моя и сынъ умерли? О, сынъ мой, сынъ мой!“

Несчастный одnogорожанинъ при этихъ словахъ зарыдалъ.

— „Да умерли,“ отвѣтилъ мулла, „миръ праху ихъ!“

— „Да отъ какой же болѣзни скончались они, бѣдные? Ужь не холера ли сгубила ихъ?“

— „О нѣтъ, они совсѣмъ и болны не были, а случился у васъ пожаръ, и домъ твой сгорѣлъ вмѣстѣ съ женою и сыномъ твоимъ и со всѣмъ, что находилось въ немъ“.

Несчастный одnogорожанинъ повѣрилъ мულлѣ и, оставивъ мѣшокъ съ хлѣбомъ и сыромъ, пустился бѣжать домой, ударяя себя по головѣ и издавая жалобные вопли. А мулла емокойно, сидя у родника, распорядился провизіею обманутаго земляка своего.

38. Имена пророковъ.

У эмира былъ большой пиръ, на который пригласили и муллу Насръ-Эддина, надѣясь, что онъ будетъ развлекать

общество остроумными шутками. По окончаніи пира, когда гости расходились, мулла упалъ къ ногамъ эмира.

— „Повелитель мой!“ сказалъ онъ, „я имѣю къ тебѣ просьбу“.

— „Какую?“ спрашиваетъ эмиръ и заранѣе общается исполнить, предполагая, что она ничего особенно-труднаго не представитъ.

— „Обезпечь ты меня-старика, неспособнаго къ работѣ! Жена не пускаетъ меня домой безъ заработка, а откуда я возьму?!.. У тебя казны много: приказы выдать мнѣ столько золотыхъ монетъ, сколько было пророковъ,—въ честь каждаго изъ нихъ по одной монетѣ“.

Эмиръ и думаетъ про себя: какъ же выдать такую огромную сумму *), а если не дать, то какъ избавиться отъ исполненія обѣщанія. Отказать же муллѣ прямо нельзя. Наконецъ, онъ придумалъ исходъ и велѣлъ принести мѣшокъ золотыхъ денегъ.

— „Я не откажусь исполнить просьбу твою, мулла!“ сказалъ онъ, „вотъ мѣшокъ наполненный золотомъ, и ты получишь столько золотыхъ монетъ, сколько было пророковъ, но не иначе, какъ тогда, когда назовешь каждаго изъ нихъ по имени: какъ только назовешь какого пророка, такъ и получишь одну монету въ честь его“.

Мулла началъ перечислять пророковъ по именамъ. Назвавъ ихъ только двадцать, онъ, по договору, получилъ двадцать золотыхъ монетъ. Но дальше, какъ ни придумывалъ и какъ ни старался, не могъ припомнить ни одного и, наконецъ, сталъ говорить всѣ, какія приходили ему на память имена и названія: Фараонъ, Немрудъ и т. п.

— „Мулла, остановись!“ замѣтили ему присутствовавшіе визири, „вѣдь это не пророки!“

*) Надобно замѣтить, что у магометанъ считается 12400 пророковъ.

— „Помилуйте, господа! Я даю вамъ больше, чѣмъ долженъ: Фараонъ и Немрудъ выдавали себя за самого Бога, и многіе признавали ихъ такими, а вы не хотите принять ихъ и за пророковъ!...“ обидчиво замѣтилъ мулла.

39. Мулла сватаетъ дочь свою.

Мулла Насръ-Эдинъ продавалъ на рынкѣ корову. Долго стоялъ онъ на рынкѣ, но никто даже и не подходилъ освѣдомиться у него о цѣнѣ коровы. Наконецъ, подошелъ къ нему какой-то человѣкъ и говорить:

— „Дай-ка ты эту корову мнѣ!—я тебѣ ее сейчасъ продамъ.“

Обрадованный мулла, поблагодаривъ его, отдалъ корову въ его распоряженіе и самъ слѣдилъ за нимъ. Незнакомецъ водилъ ее по всему базару, выхваляя ея достоинства:

— „Купите, господа, прекрасную корову: вотъ уже шестой мѣсяць, какъ она стельна, скоро отелится!“

Одинъ изъ покупателей обратилъ вниманіе на корову и купилъ ее за болѣе высокую цѣну, чѣмъ та, за какую думалъ продать мулла. На радости мулла щедро отблагодарилъ своего неожиданнаго благодѣтеля.

Прошло нѣкоторое время. Къ муллѣ пришли сватать его дочь. Мулла вспомнилъ урокъ незнакомца и вздумалъ также хвалить свою дочь, чтобы скорѣе сбыть съ рукъ.

— „Прошу обратить вниманіе,“ сказалъ онъ, „что дочь моя, помимо плѣнительной наружности и красоты лица, и кромѣ своихъ добродѣтелей, теперь уже шестой мѣсяць беременна и скоро произведетъ на свѣтъ Божій подобнаго себѣ“.

Услышавъ такіе похвалы, сваты поскорѣе распрощались съ муллой, а жена накинулась на муллу съ жестокими упреками, что онъ навсегда опозорилъ имя своей дочери.

— „И что ты, глупая, говоришь мнѣ!“ отвѣтилъ на это мулла, „когда я продавалъ корову, то, какъ только упомянули мы про теленка, сейчасъ же покупщикъ нашелся. Ребенокъ то развѣ хуже теленка?!“

40. Мулла у цирюльника.

Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ мулла Насръ-Эдинъ, цирюльники за бритье головы, по обычаю, брали по двѣ копейки. Однажды, по приглашенію муллы, цирюльникъ выбрилъ ему голову и, по окончаніи работы, мулла далъ ему только одну копейку. Удивленный цирюльникъ говоритъ муллѣ:

— „Что ты нарушаешь обычай и удерживаешь одну копейку? прибавь еще одну копейку! Я тороплюсь, не задерживай меня!“

— „Вотъ ловкій паренъ!“ возразилъ мулла, „вѣдь голова моя—лѣшная, и, слѣдовательно, половина ея навсегда выбрита самимъ Богомъ, за это я дено и ношно и благодарю Его, а ты хочешь, чтобы я и за труды Бога платилъ тебѣ!“

Несчастный цирюльникъ ничего не нашелъ сказать противъ аргументовъ муллы.

41. Любезный гость.

Мулла Насръ-Эдинъ принесъ домой кашпунъ и поручилъ своей женѣ сварить ихъ какъ можно скорѣе, потому что у нихъ будетъ почетный гость. Жена сварила кашпунъ и съѣла ихъ вмѣстѣ съ приходившимъ къ ней любовникомъ, прежде, нежели пришелъ гость муллы. Но, вотъ, является домой и мулла съ гостемъ и предлагаетъ женѣ подать обѣдъ.

— „У насъ нѣтъ ни одного куска хлѣба!“ сообщаетъ ему жена.

Мулла спѣшитъ на базаръ купить хлѣба, а жена тѣмъ

временемъ приходитъ къ гостю и начинаетъ жаловаться на свое несчастіе.

— „Знаешь-ли ты?“ говоритъ она, „вѣдь мужъ мой въ послѣднее время совсѣмъ помѣшался: онъ впалъ въ какую-то болѣзнь и въ одной медицинской книгѣ вычиталъ, что, для избавленія отъ болѣзни, ему необходимо поѣсть щей съ чело-вѣчьими глазами.“

Услышавъ это, гость подумалъ: ужь не за тѣмъ ли и позвалъ его мулла, чтобы воспользоваться его глазами, и, не давъ женѣ муллы даже кончить свою рѣчь, схватилъ свой папахъ и пустился бѣжать, сколько мочи было, изъ дома муллы.

Послѣдній между тѣмъ возвращается домой и, не видя ни гостя, ни каплуновъ, спрашиваетъ жену:

— „А гдѣ же кунакъ (гость) и гдѣ кушанье?“

— „Безпутному человѣку и гость попадаетъ такой же!“ отвѣчаетъ жена. „Кунакъ твой долго сидѣлъ,—ждалъ тебя. Да вдругъ какъ вскочить съ мѣста, выхватилъ у меня изъ рукъ каплуновъ да и былъ таковъ! Вѣроятно онъ думалъ, что ты обманулъ или посмѣялся надъ нимъ...“

Мулла, которому, наравнѣ съ гостемъ, жаль было и каплуновъ, побѣждалъ искать кунака. Долго онъ гнался за своимъ гостемъ и, выбившись изъ силъ, закричалъ ему велѣдь.

— „Эй, кунакъ! не поступаай такъ безбашно, оставовисы! ужь пусть одинъ будетъ твой, а другой мой!“

Эти слова муллы Насръ-Эддина еще больше утвердили кунака въ мысли, что муллѣ захотѣлось, для избавленія отъ болѣзни, воспользоваться его глазами, и потому пустился бѣжать еще быстрѣе, а муллѣ только кривнуть:

— „Когда догонишь меня, тогда оба будутъ твоими!“

42. Продажа осла.

Мулла Насръ-Эддинъ гналъ осла своего на базаръ, для продажи. Дорогою осель погрузился въ грязь и запачкалъ себѣ хвостъ.

— „Токушъ *)!“ закричалъ мулла

Осель остановился. Мулла и думаетъ про себя: если я поведу осла на базаръ въ такомъ видѣ, то никто не купитъ его,—подумають, что отъ слабости упалъ въ грязь. Поэтому, не долго думая, мулла отрѣзалъ хвостъ у осла и положилъ себѣ въ сумку. На базарѣ вокругъ осла собралось много покупателей, и всѣ, какъ одинъ, говорили:

— „Хорошій осель! жаль только, что безъ хвоста!“

— „О хвостъ его не беспокойтесь!“ поспѣшилъ заявить на это мулла, „кто возьметъ этого осла, тотъ получить отъ меня и хвостъ его.“

Съ этими словами онъ досталъ изъ сумки загрязненный ослиный хвостъ и, къ общему удовольствію, показалъ его покупателямъ.

43. Ф и г и.

Одинъ изъ знакомыхъ просилъ муллу Насръ-Эддина къ себѣ въ гости, обѣщая угостить прекрасными фигами; но жена, которой онъ велѣлъ подать блюдо изъ фигъ, за разными хлопотами позабыла объ этомъ. Кончился обѣдъ. Встали изъ за стола. Спустя немного времени, домохозяйинъ убѣдительно просить муллу прочесть какую-либо суру изъ Корана. Мулла воспользовался случаемъ и прочелъ именно ту главу, въ которой говорится о фигахъ, но при чтеніи нарочно выпустилъ слово фиги („тини“).

*) Токушъ—междометіе, означающее желаніе остановить осла.

Домохозяинъ сейчасъ же остановилъ его:

— „Почему же ты пропустилъ въ самомъ началѣ слово фига?“

— „Такъ какъ раньше и ты и жена твоя забыли о фигахъ и лишили меня фигъ, то и я послѣдовалъ вашему примѣру“, растолковалъ мулла.

44. Признани сходства атмосферы.

Въ одномъ городѣ, по единогласной просьбѣ общества, мулла долженъ былъ прочесть проповѣдь народу. Муллѣ захотѣлось блеснуть ученостью. И вотъ, поднявшись на кафедрѣ, онъ обратился къ собравшимся съ слѣдующими словами:

— „Правовѣрные! не удивительно, что вашъ городъ напоминаетъ мнѣ нашъ городъ, ибо атмосфера вашего города точно такая же, какъ и атмосфера нашего города“.

— „А какія имѣешь на это доказательства?“ спросилъ кто-то изъ собравшихся.

— „Это я заключаю изъ того, что тѣ же солнце, луна и звѣзды, которыя видалъ я въ нашемъ городѣ, точно также видны и въ вашемъ городѣ“.

45. Скупой другъ.

Одинъ изъ друзей муллы Насръ-Эддина былъ очень скупъ и ни разу не пригласилъ его къ себѣ въ гости, хотя самъ неоднократно бывалъ у муллы въ гостяхъ. Муллѣ это и досадно и обидно было.

— „Отчего ты никогда не пригласишь меня къ себѣ? Право, не грѣшно будетъ хоть разъ побѣдять у тебя взаимнѣнъ десятка моихъ обѣдовъ!“ сказалъ мулла скупому другу своему, встрѣтись съ нимъ на улицѣ.

— „Я не приглашаю тебя не отъ скупости, а изъ опасенія за жизнь твою, ибо ты цѣликомъ глотаешь большіе куски и, не съѣвши еще одного куска, находящагося во рту, тащишь уже другой и третій“.

— „Это совершенно справедливо“, отвѣчаетъ мулла, „но ты пригласи ужь меня къ себѣ, а я даю тебѣ честное слово послѣ каждаго куска совершить намазъ въ два „рукъ-ата *)“.

46. Кладъ.

Въ своей конюшнѣ мулла Насръ-Эддинъ влоачивалъ деревянный коль въ стѣну и съ такимъ усердіемъ, что въ стѣнѣ образовалось довольно большое отверстіе, чрезъ которое стала видна сосѣдская конюшня, и въ ней нѣсколько лошадей и катеровъ. Увидѣвъ лошадей и катеровъ въ сосѣдской конюшнѣ, мулла, не помня себя отъ радости, бѣжитъ къ своей женѣ.

— „Радуйся жена!“ кричитъ онъ, „мы разбогатѣли: у насъ изъ-подъ земли вышла конюшня, а въ ней немало лошадей и катеровъ... Должно быть ихъ съ незапамятныхъ временъ спрятали подъ землей и впослѣдствіи забыли о нихъ, на наше счастье!“ пояснилъ онъ.

47. Мулла и слѣпые.

Мулла Насръ-Эддинъ сидѣлъ на берегу рѣки. Къ нему приблизились десять слѣпыхъ и просили его переправить ихъ черезъ рѣку за извѣстную плату. Мулла согласился переправить ихъ, съ платою за каждаго слѣпого по одному „динару“ **). Такимъ образомъ мулла переправилъ девять слѣпыхъ, а когда

*) Рукъ-атъ—произнесеніе извѣстныхъ молитвъ, съ двумя поясными поклонами и двумя припаданіями къ землѣ.

**) „Динаръ“, или кранъ, въ Персіи—десятая часть „тумана“, 2 р. 85 к.

съ десятимъ на спинѣ дошелъ до середины рѣки, то уронилъ его въ воду, и несчастный слѣпой съ отчаяннымъ воплемъ утонулъ въ водѣ.

— „Почему ты утопилъ нашего товарища, безжалостный!“ накинулись на него товарищи утонувшаго съ упреками.

— „Какое вамъ до того дѣло?!“ отвѣтилъ мулла, „я избавилъ его навсегда отъ пѣшехожденія; а если вы очень ужъ хотите, чтобы онъ былъ въ живыхъ, то полагайте, что я и его перенесъ; вѣдь, все равно, вы его не видѣли бы! можете даже за него и динаръ заплатить, чтобы вамъ больше казалось, что онъ между вами.“

48. Поимка вора.

Въ одну лунную ночь мулла Насръ-Эддинъ спалъ у себя въ домѣ со своею женою. Вдругъ онъ слышитъ,—кто-то ходитъ по кровлѣ его дома; мулла тотчасъ догадался, что это воръ, собирающийся обворовать его.

— „Жена!“ говоритъ громко мулла, „ты знаешь, какъ я вчера ночью пробрался домой, когда двери были заперты?“

— „Нѣтъ“, отвѣчаетъ жена.

— „Когда я пришелъ и увидѣлъ, что двери заперты; я поднялся на крышу, прочелъ молитву о вспомоствованіи, а потомъ ухватился за лучи луны и преспокойно спустился сюда“.

Жена, успѣвшая, вѣроятно, заснуть, ничего не возражала. Находившійся въ это время на крышѣ воръ со вниманіемъ слушалъ муллу. Выждавши время, какое, по мнѣнію его, было нужно, чтобы заснулъ мулла, и неслыша больше разговора, воръ рѣшилъ послѣдовать примѣру муллы: прочелъ молитву о вспомоствованіи и, сдѣлавши руками движеніе, чтобы ваяться за лучи луны, бросился внизъ, но, вмѣсто того, чтобы плавно спуститься, конечно, упалъ съ кровли во дворъ и разбился.

— „Жена, принеси сюда скорѣ огня!“ закричалъ торжественно мулла, услыхавъ звукъ падающаго тѣла. „Слава Богу! нашель, наконецъ, чловѣка глупѣ себя!“

49. Вынужденная любезность.

Шли дорогой мулла и его другъ, мусульманинъ. Стало смеркаться. Около одного селенія они сошли съ дороги и расположились въ лѣсу на ночлегъ. Они достали молока и рису, сварили молочную кашу и стали ѣсть вмѣстѣ, изъ одной посуды. У друга мутлы оказался сахаръ: онъ досталъ сахару и положилъ въ кашу передъ собой. Мулла попросилъ его подсластить и ему кашу:

— „Насыпь и на мою долю!“ сказалъ онъ.

— „Нѣтъ не могу“, отвѣтилъ спутникъ, „за него вѣдь деньги заплачены“.

— „Хорошо!“ сказалъ на это мулла, „пусть будетъ по твоему! а я на свою долю ужъ буду лить вино“...

Нечего дѣлать, благочестивый другъ мутлы, чтобы избѣжать вина, поспѣшилъ предложить ему сахару.

50. Угощеніе.

Однажды кто-то пригласилъ муллу къ себѣ въ гости.

— „Приходи, мулла, къ намъ хлѣба-соли откушать!“

Мулла, рассчитывая на угощеніе, явился къ пригласившему: „званаго гостя“, думаетъ онъ, „всегда хорошо угощаютъ“. Вотъ, хозяинъ усаживаетъ его и вѣжливымъ образомъ подаетъ ему на подносѣ кусокъ хлѣба съ солью и больше—ничего. Между тѣмъ въ это время одинъ нищій стучить въ дверь и жалобно просить милостыни.

— „Ступай!“ говоритъ домохозяинъ, „Богъ дастъ“.

Не смущаясь отказомъ, нищій и другой разъ повторяетъ

свою просьбу, только еще болѣе жалобно, чѣмъ въ первый разъ.

— „Нищій! тебѣ говорятъ, чтобы ты уходилъ,—не уйдешь честию, такъ я разобью палкою тебѣ голову!“

— „Эй, несчастный!“ торопливо закричалъ вдругъ мулла нищему, „уйди какъ можно скорѣе! домохозяинъ, увѣряю тебя, ужасно постояненъ въ своихъ обѣщаніяхъ и ужъ что сказалъ, то буквально и сдѣлаетъ“.

51. Неудачная молитва.

Мулла Насръ-Эдинъ шель въ другой городъ. На половинѣ дороги онъ совершенно усталъ и не въ силахъ былъ болѣе продолжать путь.

— „Какъ было бы хорошо“, подумалъ онъ, „если бы ты, Боже, сжаился надо мной, измученнымъ дорогою, и послалъ мнѣ, несчастному, или лошадь, или осла!“

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ замѣтилъ одного человѣка, который лежалъ близъ дороги и, едва поравнялся съ нимъ мулла, поднялся вдругъ, вскочилъ ему на спину и заставилъ его нести себя.

— „О, Боже!“ воскликнулъ мулла, „шестьдесятъ лѣтъ, какъ я знаю, что ты занимаешь тронъ свой, и Ты не хочешь даже понять моей просьбы!..“

52. Воскресеніе куръ.

Мулла Насръ-Эдинъ изжарилъ въ маслѣ нѣсколько куръ, положилъ въ котель, закрылъ его крышкою и отправился приглашать на обѣдъ друзей.

Между тѣмъ жена его, въ отсутствіе муллы, съѣла куръ со своимъ любовникомъ и, вмѣсто куръ, посадила въ котель нѣсколько живыхъ голубей.

Мулла возвращается съ друзьями домой, подходит къ котлу и, едва снимаетъ съ него крышку, голуби разом вылетѣли изъ котла и быстро скрылись въ разныя стороны.

Озадаченный мулла стоитъ возлѣ котла, какъ вкопанный, и смотритъ вслѣдъ удалившимся птицамъ.

— „Милосердый Аллахъ!“ восклицаетъ онъ наконецъ, „могущество Твое неоспоримо. Тебѣ жалко было изжаренныхъ куриць, и Ты оживилъ ихъ и освободилъ. Но скажи мнѣ, съ кого же я долженъ получить стоимость масла, куръ и всего другого, что потрачено мною? А главное, что же мнѣ дать гостямъ?“

53. Мулла заказываетъ обѣдъ.

Мулла принесъ домой три фунта мяса.

— „Что можно приготовить изъ этого мяса?“ спрашиваетъ онъ у жены.

— „Всякое кушанье“, отвѣчаетъ жена.

— „Такъ ты и приготовь намъ изъ этого мяса всякаго кушанья“.

54. Мулла-пѣвецъ.

Мулла Насръ-Эддинъ отправился въ баню; въ банѣ никого не было, и мулла на свободѣ началъ пѣть разныя „газэлы“ *). Извѣстно, что въ банѣ даже и неприятный голосъ кажется пріятнымъ, и, прислушиваясь къ своему пѣнію, мулла восхищался своимъ голосомъ и, наконецъ, рѣшилъ, что ему слѣдуетъ быть пѣвцомъ: „зачѣмъ“, думаетъ онъ, „мнѣ лишать другихъ наслажденія слышать мое столь пріятное пѣніе?!“

И вотъ онъ идетъ прямо къ эмиру города.

*) Эротическія пѣсенки.

— „Я пришелъ къ тебѣ, достойнѣйшій эмиръ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе своимъ пѣніемъ“.

— „Спой, мулла!“ сказалъ эмиръ, „надѣюсь, мнѣ пріятно будетъ тебя послушать“.

— „Но прежде, чѣмъ мнѣ пѣть, необходимо, чтобы здѣсь была одна изъ двухъ вещей: или баня, или хоть кадка, до половины наполненная водой“.

По приказанію эмира была приготовлена кадка. Всунувъ свою голову въ кадушку, мулла сталъ пѣть свои „газэлы“. Но противный голосъ муллы отъ этого не сталъ лучше. И раздосадованный эмиръ велѣлъ своимъ слугамъ мочить свои руки въ кадкѣ и бить муллу мокрыми руками по лицу до тѣхъ поръ, пока вся вода въ кадкѣ не кончится. Слуги стали нещадно бить, а мулла, вмѣсто воплей отчаянія и боли, приговариваетъ: „Слава Богу! Слава Богу!“ Эмиру показалось интересно, почему мулла во время наказанія прославляетъ Аллаха, и, приказавши остановить наказаніе, онъ спросилъ муллу объ этомъ.

— „Я хвалю Бога за то, что Онъ не допустилъ тебя построить здѣсь баню: вода изъ кадки кончится, а въ банѣ, безъ сомнѣнія, во вѣки вѣковъ не кончилось бы мое мученіе“.

Эмиръ послѣ этого приказалъ отпустить муллу.

55. Удачный отвѣтъ.

— „Кто изъ васъ старше,—ты или братъ твой?“ спрашивали однажды муллу Насръ-Эддина.

— „Я годомъ старше брата“, отвѣчаетъ имъ мулла, „но въ будущемъ году онъ догонитъ меня, и ему будетъ столько же, сколько мнѣ теперь“.

56. Искусство сдержать свое слово.

У муллы Насръ-Эддина пропаль однажды осель. Разыскивая его, съ досады, что осель часто убѣгаетъ, мулла божится, что, если найдетъ осла, продасть его за одинъ динаръ. Осель найденъ, но муллѣ жаль продать его такъ дешево, а не сдержать клятвы онъ боится. Чтобы выйти изъ затрудненія онъ придумалъ хитрость. На одну и ту же веревку онъ привязалъ осла и свою кошку и повелъ ихъ на базаръ.

— „Держу данное слово, господа!“ прокричалъ онъ на базарѣ: „продаю осла своего; кто хочетъ купить этого осла за одинъ динаръ, и эту кошку за сто динаровъ? только продать могу не иначе, какъ обонхъ вмѣствъ“.

57. Завѣщаніе муллы.

Мулла былъ опасно боленъ и передъ смертью завѣщалъ похоронить его въ *старой* могилѣ.

— „Отчего ты просишь похоронить тебя именно въ старой могилѣ?“ спрашивали его собравшіеся къ нему знакомые.

— „Если меня похороните въ старой могилѣ, то Мункиръ *) приметъ меня за стараго мертвеца и не станеть подвергать меня допросу“.

Завѣдующій Бакинскимъ русско-татарскимъ 3-мъ училищемъ учитель *Мамедъ Гасанъ Эфендіевъ*.

*) Мункиръ—има ангела, который, по вѣрованію магометанъ, вѣстѣ съ другимъ, называемымъ Некиромъ, подвергаетъ допросу мертвыхъ послѣ того, какъ они положены въ могилу.

ИЗЪ ОБЛАСТИ СУЕВѢРІЙ И УСТНОЙ СЛОВЕСНОСТИ ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I. Народныя повѣрья.

По понятіямъ народной массы, присущимъ, впрочемъ, не одной только русской, но и другимъ народностямъ, находящимся какъ на низшей степени культурнаго развитія, такъ и переживающимъ переходную ступень этого развитія, происхожденіе стихійныхъ явленій, какъ, напр., вихря, вьюги, грома, молніи, находится въ прямой зависимости отъ борьбы двухъ началъ: добраго (Бога) и злаго (дьявола).

Дьяволъ, какъ существо, исполненное безконечной, не имѣющей предѣловъ, злобы и коварныхъ замысловъ ко всему живущему на свѣтѣ, не можетъ равнодушно совершать величія Божества. Вѣчно терзаемый ненасытимой завистью къ Богу, онъ ведетъ постоянную борьбу съ нимъ. Но всѣ его замыслы въ самомъ началѣ разрушаются Богомъ, и тогда онъ всѣ свои козни обращаетъ на человѣка, — старается ввести его въ соблазнъ, въ искушеніе. Для того, чтобы легче и скорѣе достигнуть осуществленія своихъ коварныхъ замысловъ, онъ дѣйствуетъ на человѣка посредствомъ наводненій: является ему въ видѣ животныхъ, птицъ, разныхъ неодушевленныхъ предметовъ, какъ, напр., въ видѣ клубка нитокъ, въ видѣ стихійныхъ явленій: сильнаго вѣтра, вьюги, вихря.

Но у человѣка имѣется могучее орудіе противъ бѣсовскаго наводненія: стоитъ ему только упомянуть имя Божіе и прочесть молитву „св. животворящему кресту“, и всѣ бѣ-

совскія чары исчезнуть. Человѣкъ же, вѣчно погруженный въ помыслы о благахъ земныхъ, мало думаетъ о Богѣ, и даже въ критическую для него минуту забываетъ призвать на помощь имя Божіе. Поэтому дьяволу часто и удается вводить человѣка въ грѣхъ. Особенно же легко удается ему это съ людьми пьяными: пьяный человѣкъ уподобляется скоту, не сдерживаетъ своихъ порочныхъ чувствъ и грѣшитъ безъ конца. Дьяволъ любитъ потѣшиться надъ пьянымъ: водить его по оврагамъ, болотамъ, ярамъ, заставляетъ его продѣлывать самыя несообразныя вещи, продѣлать которыя трезвому человѣку никогда и на умъ не придетъ. Затѣмъ, натѣшившись вволю надъ пьянымъ, дьяволъ сбрасываетъ его съ высокой кручи, топить въ болотѣ, въ рѣкѣ или заставляетъ удавиться. И пьяный человѣкъ можетъ разрушить чары дьявола, если онъ во-время призоветъ на помощь Бога, но, обыкновенно, это рѣдко случается.

Къ такимъ народнымъ повѣрьямъ принадлежатъ и казачье повѣрье о вихрѣ *), какъ о силѣ дьявольской.

1. Повѣрье о вихрѣ.

Въ одинъ жаркій лѣтній день вѣтеръ закрутилъ столбомъ пыль на дорогѣ. Парень стоялъ неподалеку съ ножомъ въ рукахъ,—взялъ и бросилъ ножикомъ въ этотъ столбъ. Вѣтеръ вдругъ прекратился, и столбъ рассыпался пылью по дорогѣ. Началъ парень искать ножикъ и не нашелъ его. Ужъ онъ его искалъ-искалъ, нѣтъ, да и только, точно съвозъ землю провалился. „Ну,“ думаетъ парень, „процаль, и шутъ съ нимъ, —дома другой есть.“ Послѣ того парень пошелъ за быками въ степь, гдѣ они паслись. Только вышелъ на выгонъ, глядь, —мѣсто совсѣмъ незнакомое, какового онъ раньше не видывалъ:

*) Записано въ станицѣ Троицкой, Сунж. окр., Терской области.

какіе-то курганы стоять, кустарникъ густой растеть... „Что за чудо!“ думаетъ парень. „Откуда все это взялось? Вѣдь на нашемъ выгонѣ нѣтъ ни одного курганчика, ни одного кусточка, а тутъ-то ихъ сколько! Должно быть, дьяволъ надо мной шутку подшутить... Бѣда!“ Долго ходилъ парень по этой степи взадъ-впередъ и никакъ выбратъся съ нея не могъ, а еще больше запутывался. Видитъ онъ,—вьется промежь кустовъ тропинка; онъ и пошелъ по ней, „куда нибудь, молъ, выйду“. Шелъ онъ, шелъ, подходитъ къ рѣчкѣ. Видитъ,—на берегу рѣчки голый человѣкъ лежитъ: голова вся до плечъ въ водѣ, а туловище на пескѣ. Не успѣлъ парень хорошенько присмотрѣться къ человѣку, какъ замѣтилъ, что изъ камыша, который мѣстами росъ по берегу, къ этому самому человѣку волкъ подкрадывается съ раскрытою пастью. Жаль стало нарню этого человека,—изорветъ его волкъ! Вотъ онъ громко и крикнулъ:

— „Эй, человѣкъ, берегись: тебя волкъ хочетъ съѣсть!“

Только онъ крикнулъ это, какъ человѣкъ бултыхъ въ воду! только его и видѣли... А волкъ прыгъ въ камыши! и пропалъ. „Что за чудеса такія?“ подумалъ парень. „Это ужъ непременно дьяволъ потѣшается надо мною... Пойду назадъ, авось еще куда-нибудь дьяволъ заведетъ меня!“

Повернулся парень назадъ, видитъ,—лѣсъ стоитъ и дорожка въ него вьется, а раньше ни лѣса, ни дорожки здѣсь совсѣмъ не было. Пошелъ парень по дорожкѣ, приходитъ въ лѣсъ и видитъ,—на полянѣ стоитъ старая хижинка. Подошелъ онъ къ этой хатѣнѣ, отворилъ дверь. Видитъ,—сидитъ въ хатѣ, на лавкѣ, старая и страшная старуха, чудомъ вяжетъ и такъ-то быстро спицами шевелить. Заробѣлъ парень,—„вѣдьма“, думаетъ онъ про старуху. Потомъ подумалъ: „что будетъ, то будетъ!“ и говоритъ старухѣ:

— „Здравствуй, бабушка!“

— „Здравствуй, сынокъ!“—отвѣтила старуха.

— „Нѣтъ ли у тебя, бабушка, хлѣбца? Ъсть мнѣ хочеться очень“.

— „Вонъ на полкѣ лежать хлѣбы,—возьми себѣ любой и ѣшь!“—сказала старуха. „А вонъ и ножикъ на столѣ“.

Снял парень съ полки одинъ хлѣбъ, взялъ ножикъ и ѡхнулъ отъ удивленія: ножикъ-то оказался тотъ самый, которымъ онъ въ столѣ пыли бросилъ.

Замѣтила старуха, что парень такъ сильно удивился и засмѣялась.

— „Что, сыновъ, узнаешь ножикъ?“ спросила она.

— „Да“, отвѣтилъ парень, „знаю: этотъ ножикъ мой. Но скажи мнѣ, какъ онъ къ тебѣ попалъ!“

— „Слушай, я все расскажу тебѣ. Когда ты нынче бросилъ ножикомъ въ столѣ пыли, то ранилъ въ бокъ моего младшаго сына...“

— „А кто же твой сынъ?“ перебилъ старуху парень.

— „Мой сынъ—дьяволъ; онъ вышелъ поиграть, потѣшиться надъ людьми, а ты, не говоря худого слова, трахъ его ножомъ въ бокъ! Ну, вотъ, когда ты попалъ ему ножомъ въ бокъ, онъ побѣжалъ на рѣку и ждалъ, пока его волкъ съѣстъ: такой ужъ у насъ законъ, что каждаго раненаго челоуѣкомъ чорта долженъ волкъ съѣсть. Но, на счастье, ты тутъ подоспѣлъ, кривнулъ ему и спасъ его изъ бѣды. За то, что ты выручилъ моего сына изъ бѣды, и я тебѣ вреда никакого не сдѣлаю. Возьми свой ножикъ да смотри, никогда не бросай имъ въ пыль, когда ее закрутитъ вихрь! Ступай себѣ домой! а быковъ своихъ ты недалеко отсюда найдешь“.

Поблагодарилъ парень мать дьявола за наставленіе, вышелъ изъ хаты да такъ и обомлѣлъ отъ удивленія: ни дѣса, ни кустарника, ни кургановъ будто и въ поминѣ не было! оглянулся назадъ,—отъ хаты и слѣда не осталось,

точно она сквозь землю провалилась! предъ нимъ—станичный выгонъ, и быки, которыхъ онъ такъ долго искалъ, по немъ ходить, пасутся.

Когда волкъ бѣжитъ въ степи противъ вѣтра и не въ одномъ прямомъ направленіи, а видается въ стороны, то онъ уже попробовалъ крови дьявола, отчего и возбѣлся. Внутри у него дѣлается сильный жаръ, и онъ расширяетъ свою пасть, чтобы вѣтеръ охладилъ его. Такой волкъ самъ натывается за людей, чтобы тѣ убили его и прекратили его мученія. Самимъ Богомъ опредѣлено, чтобы волки рвали чертей и сами отъ этого бѣснлись. Поэтому волки и слѣдятъ за чертями и, какъ только застигнуть ихъ врасплохъ, безпощадно рвутъ.

2. О происхожденіи грома и молніи.

Бѣсы часто стараются проникнуть на небо; собираются они въ великомъ множествѣ и направляются туда. Но Илья пророкъ ихъ не допускаетъ проникнуть къ престолу Бога, гоняется за ними на колесницѣ и поражаетъ ихъ стрѣлами. Отъ грохота колесъ его колесницы и происходитъ громъ, а отъ полета стрѣлъ—молнія. Сверженные съ неба бѣсы стараются укрыться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія пророка Ильи на землѣ: они входятъ въ животныхъ,—лошадей, быковъ, коровъ, кошекъ и собакъ, а другіе бѣгаютъ по дорогѣ, куда глаза глядятъ. Вотъ, поэтому то, во время сильной грозы, чтобы не быть убитымъ ею, не слѣдуетъ находиться близъ животныхъ, а также и идти по дорогѣ: стрѣла, пущенная Ильею пророкомъ, можетъ попасть и въ человѣка *), что часто и случается.

*) Это повѣрье, какъ и предыдущее, записано въ ст. Троицкой, Сунж. окр., Терской области.

3. Отчего произошла на землѣ лихорадна.

По разсказамъ казаковъ, раньше на свѣтѣ не существовало лихорадки. Появилась она на землѣ въ очень отдаленное отъ насъ время, а именно тогда, когда Іоаннъ Креститель явился народу изъ пустыни съ проповѣдью покаянія, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды Иванъ Креститель шелъ по дорогѣ и повстрѣчался съ семидесяти-семью дѣвцами. Всѣ онѣ были одѣты въ дорогія платья, а Иванъ Креститель былъ одѣтъ только въ верблюжью шкуру. Увидѣли это семьдесятъ-семь дѣвицъ и принялись насмѣхаться надъ Иваномъ Крестителемъ. Тогда онъ остановился и спросилъ ихъ:

— „Что вы-за дѣвы и куда идете?“

На это дѣвы отвѣчали, что онѣ—дочери царя Ирода и идутъ купаться. Иванъ Креститель сказалъ имъ:

— „За то, что вы надо мною насмѣялись, будьте вы анаемы, трижды прокляты! И пусть въ васъ вселится болѣзнь, которая будетъ васъ трясти, корчить, ломать, знобить, сушить. И гдѣ только вы ни появитесь, отъ васъ всѣ люди будутъ очень болѣть и будутъ проклипать васъ. Не умрете вы до скончанія вѣка и будете невидимо ходить межъ людей и мучить ихъ; люди же вѣчно будутъ за то васъ клепать“.

Вотъ съ тѣхъ поръ и шляются по свѣту семьдесятъ-семь дочерей царя Ирода и разносятъ промежъ людей болѣзнь, а люди клепутъ ихъ. По числу дочерей царя Ирода и лихорадка раздѣляется на семьдесятъ-семь сортовъ: трясучка, ломучка, лихоманка, сухотка, которою, впрочемъ, называютъ и чахотку, и т. п.

II. „Молитвы“ и заговоры.

Нижеслѣдующіе „молитвы“ и заговоры хотя и записаны въ станицѣ Троицкой, Сунженскаго округа, но они, безъ сомнѣнія, также распространены и среди остального казачьяго населенія Терской области. Существуютъ разныя „молитвы“: на случай болѣзни человѣка, домашнихъ животныхъ, пожара и другихъ несчастій въ жизни, точно также и разные заговоры: отъ пули, желѣза, воровъ и т. п. Кроме того, существуютъ и такіе заговоры, посредствомъ которыхъ думаютъ одного человѣка, противъ его собственной воли, заставить полюбить другою. Такіе заговоры въ народѣ извѣстны подъ названіемъ „присухи“ *).

Знатоками всѣхъ этихъ „молитвъ“ и заговоровъ въ станицахъ большею частью являются люди пожилые, умудренные житейскимъ опытомъ. Такіе люди, или, какъ называютъ ихъ, *знахари*, среди большей части казачьяго населенія пользуются большою популярностью: къ нимъ, чтобы получить облегченіе отъ тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ, являются не только жители той станицы, въ которой они (знахари) проживаютъ, но и изъ сосѣднихъ, окрестныхъ станицъ. Денежной платы знахари не принимаютъ, потому что брать деньги за это, по ихъ словамъ, грѣшно, да и „молитва“ или заговоръ въ такомъ случаѣ не можетъ имѣть надлежащей силы; если же кто желаетъ отблагодарить знахаря за труды, то долженъ выразить свою „благодарность“ въ видѣ приношенія одежды, съѣстныхъ припасовъ, живности и т. п. Впро-

*) Отъ глагола „присухить“, т. е. заставить одного человѣка полюбить другого такъ сильно, что онъ отъ любви къ нему теряетъ здоровье, худѣетъ,—сохнуть.

чемъ, въ нѣкоторыхъ станицахъ есть профессиональные знахари и знахарки, которые, предварительно распустивъ о себѣ молву, какъ о врачевателяхъ человѣческихъ недуговъ посредствомъ заговоровъ и „молитвъ“, дѣлаютъ наѣзды на сосѣднія станицы и за свои труды берутъ и деньги и все, что только имъ дають.

Интересно, что, по возрѣнію казаковъ, тѣ знахари, которые противъ болѣзни человѣка и въ другихъ несчастныхъ случаяхъ дѣйствуютъ „молитвой“, дѣйствуютъ „съ помощью Бога“, а тѣ которые прибѣгаютъ къ такимъ заговорамъ, какъ „присуха“, заговоръ отъ суда,—съ помощью дьявола („сатанила“), что, тѣмъ не менѣе, нисколько не мѣшаетъ пользоваться такими заговорами не только молодежи, но и людямъ пожилымъ.

1. П р и с у х а.

Для того, чтобы „присушить“ человѣка, надо взять яблоко, наколоть въ немъ иглою 24 дырочки, предварительно вырвавъ изъ него стебелекъ, которымъ оно держится на вѣтви дерева; затѣмъ, въ середину яблока—влиять три капли крови, выпущенной изъ-подъ ногтя мизинца лѣвой руки; разрѣзать яблоко на 12 равныхъ частей; взять изъ нихъ среднюю часть и вложить въ нее волосъ, вырванный изъ головы*). Этой части яблока необходимо дать полежать въ укромномъ мѣстѣ трое сутокъ, а, затѣмъ, на четвертые, рано утромъ, надо съ нею выйти на рѣку и махнуть ею (частью яблока) на всѣ четыре стороны свѣта, сначала на востокъ, затѣмъ на западъ, югъ и сѣверъ, при этомъ прочесть слѣдующій заговоръ:

*) Если яблока нѣтъ подъ руками, то можно три капли крови влить въ рюмку съ водкой и опустить въ нее волосъ изъ головы; водки тоже надо дать постоять трое сутокъ, а на четвертые выйти рано утромъ на рѣку и плеснуть водкой на востокъ, западъ, югъ и сѣверъ.

„Есть на морѣ-окіанѣ, на островѣ Буянѣ,—тамъ стоитъ баня, а въ этой банѣ лежитъ доска, подъ этой доской ходить тоска; ходить, тоскуеть,—некуда ей дѣться, не въ кого вселиться. Вселись, тоска, въ раба или рабу (имя рекъ): въ жилки-пожилки, въ ноготки-погалки (?), въ его красную кровь, въ его желтый мозгъ, чтобы онъ меня (т. е. того, кто проивноситъ заговоръ) ѣлъ—не заѣлъ, спалъ—не заспалъ; чтобы я ему была милѣе свѣта, милѣе рода племени, милѣе жизни своей“.

2. Заговоръ отъ укушенія гадны (змѣи).

„На морѣ-окіанѣ, на островѣ Буянѣ, тамъ стоитъ дубъ, подъ этимъ дубомъ гнѣздо, въ гнѣздѣ три гадины: одна—Елена, одна—Лисавета, одна—Махта (?). Поспѣшайте, поскорайте,—теменной зубъ вынимайте, Святымъ Духомъ заговарайте“.

3. Заговоръ отъ раны (крови).

„Рана вставала, макъ разсѣвала, отъ чистаго сердца кровь замолвляла у раба Божія (имя рекъ)“.

4. Молитва отъ лихорадки.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. На горѣ Синайской, подъ дубомъ маврійскимъ, тамъ стояли трое святыхъ: Гурій, Ефремъ, Трофимъ. Взволноваше море, изыдоша изъ моря 77 дѣвъ просто-волосыхъ. И рекоша имъ святые отцы: „Вы-ли Рыгорови?!?“ Онѣ же отвѣщаша: „Нѣтъ, мы—дочери царя Ирода и идемъ къ рабу (рабѣ) Божію (имя рекъ), тѣло его возмутить, кости переломать“. Выслушавши сіе, святые отцы взяли въ руки по три прута желѣзные и дали каждой дѣвѣ по 77 ранъ.“

Онѣ же, дѣвы, заклинали себя Богомъ-Савваоомъ, что „вѣкъ не возвратимся къ рабу Божію (имя рекъ)“. Аминь“.

5. Молитва отъ язвы.

„Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ! (3 раза) Источникъ якоже живота твоего, Господи, благослови. Аминь. Да избави. Аминь. Отъ скорби. Аминь. Отъ смертоносной язвы. Аминь. Отъ Отца. Аминь. Отъ Сына. Аминь. Отъ Святаго Духа. Аминь. Аминь. Аминь. Аминь. Владыко, Человѣколюбче, спаси насъ отъ всякаго обстоянія, отъ сей ужасной, смертоносной язвы. Смиренно молимъ тя, услыши молитву нашу, преклони (?) колѣна со слезами. Аллилуя (3 раза). Пречистая Богородица Скорбящая, святыи Креститель, святыи Николай Чудотворецъ, святыи Симеонъ, святыи Димитрій Ростовскій, святыи Димитрій Муроточивый, святыи Исцѣлитель Пантелеймонъ, святыи безсребренники Козьма и Демьянъ и всѣ преподобные мученики и мученицы, помогите и спасите раба Божія (имя рекъ)! Аминь. Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, Матерь Пречистая Богородица, въ горѣ-вертепѣ родила Христа Бога нашего. *Прекозь зазду* *) раба Божія (имя рекъ) лютую скорьбь, язву денную, полуночную, полуденную, зорную, ползорную. Христось воскрес!“ (3 раза).

*) Въ рукописи, съ которой списана эта „молитва“, стоитъ „*прекозь зазду*.“ На просьбу объяснить значеніе этихъ словъ ни одинъ изъ знатоковъ „молитвъ“ не могъ этого сдѣлать, хотя всѣ они употребляютъ эти слова при чтеніи „молитвъ.“

III. Легенды.

Предлагаемыя вниманію читателя легенды относятся къ тѣмъ произведеніямъ апокрифическаго характера, которыхъ такъ много распространено среди русскаго народа. Такъ, на примѣръ, существуютъ легенды о сотвореніи міра, грѣхопаденіи первыхъ людей, всемірномъ потопѣ и по поводу другихъ выдающихся событій изъ священной исторіи ветхаго и новаго заветъа. Интересъ подобныхъ легендъ заключается въ томъ, что онѣ могутъ служить матеріаломъ для исторіи развитія народныхъ понятій. Изъ нижеприведенныхъ легендъ семь первыхъ записаны въ Терской области, со словъ казаковъ станицы Карабулакской, Сунженскаго округа, а послѣднія же—въ ст. Троицкой, той же области, но онѣ встрѣчаются и среди населенія другихъ казачьихъ станицъ, расположенныхъ преимущественно по нижнему теченію р. Терекъ.

1. О крестномъ деревѣ.

Когда похоронили Адама *), Святъ Духъ посѣялъ сѣмена на его могилѣ. Изъ этихъ сѣмянъ выросло три дерева кипариса (кипариса). Когда царь Соломонъ началъ строить во святомъ городѣ Ерусалимѣ единую соборную церковь, то приказалъ срубить тѣ три дерева для постройки. Два дерева народъ осидилъ притащить къ постройкѣ, а третье нѣтъ. Сколько ни мучился съ нимъ народъ, не могъ стащить его

*) Въ передачѣ этихъ легендъ удерживается характеръ народнаго рѣчи.

съ мѣста,—такое оно было тяжёлое. Когда его рубили, оно упало черезъ рѣчушку, и народъ ходилъ по немъ, какъ по мосту. Когда жиды распинали Иисуса Христа, то не знали, изъ какого дерева сдѣлать крестъ. Одни говорили, что для креста надо срубить дерево въ лѣсу, а другіе,—что распять Христа на самомъ негодномъ деревѣ. Тогда одинъ фарисей предложилъ взять то дерево, которое лежитъ черезъ рѣчушку. Жиды такъ и сдѣлали. Срубили изъ него крестъ и распяли на томъ крестѣ Христа.

2. О фарисеяхъ, не увѣровавшихъ въ воскресеніе Христа.

Послѣ воскресенія Своего, однажды шель Христось во святомъ градѣ Ерусалимѣ, а за нимъ шли одиннадцать Его учениковъ. Христось несъ въ рукахъ красныя яйца. На встрѣчу Ему попадается мальчишка-жидёнокъ. Увидѣлъ онъ красныя яйца и говоритъ Христу:

— „Дай мнѣ, дяденька, красное яичко!“

А Христось ему въ отвѣтъ:

— „Скажи: „Христось воскресъ“, тогда я дамъ тебѣ красное яичко.“

Сказавъ жидёнокъ эти слова,—Христось и далъ ему яичко и пошелъ съ учениками дальше. А жидёнокъ побѣждалъ во бесѣду, гдѣ собрались фарисеи вмѣстѣ съ Пилатомъ,—дѣла они какія-то тамъ рѣшали. А на столѣ у нихъ на тарелкахъ лежали: жареная щука, камбала и вареный пѣтухъ. Увидѣли фарисеи у мальчишки красное яйцо и спрашиваютъ его:

— „Гдѣ ты, мальчишка, взялъ красное яйцо?“

Мальчишка отвѣтилъ:

— „Шель я по улицѣ и повстрѣчалъ одного человѣка, за которымъ шло еще одиннадцать человѣкъ. Несъ этотъ че-

ловѣкъ въ рукѣ красныя яйца; я попросилъ у него яйцо, а онъ сказалъ мнѣ: „Скажи—Христось воскресъ, тогда дамъ“. Я сказалъ, и онъ мнѣ далъ красное яичко“.

Злобно засмѣялись тутъ фарисеи: ужь очень смѣшно показалось имъ, чтобы Христось могъ воскреснуть!

— „Пусть“, говорятъ фарисеи, „воскреснуть вотъ эти—пѣтухъ и рыбы, тогда мы можемъ повѣрить, что и Христось воскресъ изъ мертвыхъ!“

Только-что они сказали это, какъ пѣтухъ вскочилъ на ноги да какъ крикнетъ „ку-ку-реку“, рыбы какъ забьются на тарелкѣ! такъ всѣ фарисеи, съ Пилатомъ вмѣстѣ, отъ страху попадали въ обморокъ... Ну, а потомъ всё-таки не увѣровали, что Христось дѣйствительно воскресъ.

3. Обь Іудѣ-предателѣ.

Когда Христось воскресъ изъ мертвыхъ, Онъ сошелъ въ адъ,—грѣшниковъ простить и освободить. Увидѣлъ въ аду Іуду-предателя: сидитъ онъ на колѣнкахъ у Сатанаила и кошелекъ съ серебрянниками, за которые продалъ Христа, въ рукахъ держать. Христось говоритъ ему:

— „Іуда, мой бывшій ученикъ, а теперь предатель! хочешь я, по добротѣ своей, прощу тебѣ твой грѣхъ?“

А Сатанаиль шепчетъ своему другу, Іудѣ, на ухо:

— „Скажи, не надо, Христось, мнѣ твоего прощенія!—у насъ свое царство есть“.

Іуда вьсьми да и скажи:

— „Не надо мнѣ, Христось, твоего прощенія!—у насъ свое царство есть“.

Трижды Христось спрашивалъ Іуду, хочетъ ли онъ, чтобы грѣхъ его прощенъ былъ. Іуда трижды отказался. Тогда Христось сказалъ ему:

— „Ну, и оставайся въ этомъ царствѣ и будь началь-

никомъ надъ скупцами и сребролюбцами!.. И пусть огонь неугасимый во-вѣки вѣчные жжётъ тебя, и прощенья тебѣ не будетъ отнынѣ и до скончанія вѣка!“

Тутъ огонь какъ запылаетъ въ аду!—Иуда ворочится, кричитъ благимъ матомъ,—огнемъ его ужъ очень то припекло... А его наставникъ, Сатанамъ, надъ нимъ же принялся смѣяться и насмѣхаться. А потомъ опять посадилъ его къ себѣ на колѣнки, такъ онъ и сидитъ до второго пришествія Господня.

4. О рукописаніи Адама.

Когда Богъ выгналъ Адама изъ рая, то сказалъ ему:

— „Владѣй всею землею! и отнынѣ ты самъ будешь добывать себѣ пропитаніе трудомъ: не потрудишься,—сытъ не будешь“.

Принялся Адамъ поле пахать, чтобы засѣять его пшеницей. Приходить къ нему дьяволъ и спрашиваетъ:

— „Ты что дѣлаешь?“

Отвѣчаетъ Адамъ:

— „Не видишь, что-ли, что я дѣлаю? Поле пашу!“

— „Вижу, что ты поле пашешь“, говоритъ дьяволъ, „только вѣдь ты мою землю то пашешь!..“

— „Какъ-такъ?“ спрашиваетъ Адамъ.

— „Да очень просто“, отвѣчаетъ дьяволъ, „Богъ сказалъ, что вся земля—твоя, но вѣдь и меня же онъ прогналъ съ неба на землю,—значитъ и я такой же хозяинъ на землѣ, какъ и ты“.

Подумаль-подумаль Адамъ, видитъ,—правду говорятъ дьяволъ, и спрашиваетъ его:

— „Какъ же намъ теперь быть, чтобы спору у насъ никакого не вышло?“

Засмѣялся дьяволъ и говорить:

— „А давай такое условіе сдѣлаемъ, что сколько бы ты хлѣба ни засѣялъ, дѣлать его пополамъ“.

— „Нѣтъ“, говоритъ Адамъ, „не согласенъ я на это: развѣ же можно такъ: я буду работать, а ты моимъ трудомъ будешь пользоваться?!“

— „Ну, хорошо“, говоритъ дьяволъ, „пусть земля остается за тобой, только ты отдай мнѣ всѣхъ людей, которые теперь есть и которые будутъ“.

— „И на это не согласенъ“, сказалъ Адамъ, „что это, по твоему: я долженъ и себя тебѣ отдать?!“

— „Ну, хорошо“, опять засмѣялся дьяволъ, „если такъ, отдай мнѣ хоть мертвыхъ людей. На что они тебѣ сдались?“

— „А, и въ самомъ дѣлѣ“, подумалъ Адамъ, „на что живъ мертвые?!“

— „Хорошо“, сказалъ онъ, „бери себѣ мертвыхъ, только пусть земля вся остается за мной“.

Обрадовался дьяволъ и говорить:

— „Вотъ и хорошо. Только, чтобы потомъ у насъ спору не вышло, давай напишемъ на мраморной доскѣ договоръ“.

Согласился на это Адамъ.

Приволокъ дьяволъ мраморную доску, написалъ на ней договоръ и заставилъ Адама подписаться. Адамъ подписался. Взялъ дьяволъ доску и отправился на свое мѣсто въ адъ, Адамъ же началъ пахать землю. И съ тѣхъ поръ, кто бы только изъ людей ни умиралъ,—грѣшникъ ли, праведникъ ли,—отправлялся въ адъ, различія ни для кого не было.

Прожилъ Адамъ на свѣтѣ 900 лѣтъ; пришло и ему время умирать. Тутъ-то онъ вспомнилъ, какой договоръ заключилъ съ дьяволомъ. „Эхъ“, говоритъ онъ самъ себѣ, „напрасно я

тогда такой договоръ съ дьяволомъ сдѣлалъ: вѣдь и мнѣ придется попасть въ адъ“. Погоревалъ Адамъ, погоревалъ, да ничего подѣлать было нельзя,—прошлаго не воротишь. Умеръ онъ и попалъ въ адъ. Дьяволъ очень обрадовался.

— „Наконецъ-то ты, Адамъ, попалъ ко мнѣ! А я уже давно приготовилъ для тебя мѣстечко...“

Запряталъ дьяволъ Адама въ особое помѣщеніе, а ко входу его приставилъ мраморную доску съ договоромъ. Нѣсколько сотъ лѣтъ Адамъ страдалъ въ аду. Потомъ Богъ сказалъ:

— „Довольно людямъ мучиться въ аду, надо разрушить адскую силу... Пошлю на землю сына Своего: пусть Онъ кровью Своею смоетъ рукописаніе Адама“.

Явился на землю Христосъ и началъ людей учить, чтобы они любили другъ друга и не помнили обидъ. Жидовскіе фарисей-книжники и богатые люди возненавидѣли Христа, потому что Онъ правду имъ въ глаза высказывалъ,—сговорились между собой и распяли его на крестѣ.

Утромъ рано, на другой день послѣ того дня, когда распяли Христа, Онъ сошелъ въ адъ. И вотъ вся земля затряслась, доска, которая была приставлена ко входу того мѣста, гдѣ находился Адамъ, раскололась на маленькіе кусочки. Вывелъ Христосъ изъ ада Адама и остальныхъ людей. Видитъ дьяволъ, что адъ его опустѣлъ и началъ стонать. Но Христосъ сказалъ:

— „Не стони, сатана, скоро наполнится адъ господами да неправедными судьями“.

Людямъ же сказалъ:

— „Далъ я вамъ законъ. Поступайте по немъ. Во второй разъ я прийду не спасать васъ, а судить, и каждому воздамъ по заслугамъ его“.

5. Почему женщина находится въ подчиненіи у мужчины.

Это было въ то время, когда Христось по землѣ ходилъ и училъ народъ. Шелъ Онъ разъ съ апостоломъ Петромъ черезъ одно селеніе. Увидѣлъ Петръ, что въ одномъ дворѣ мужчина женщину бьетъ и такъ-то надъ нею издѣвается, ровно бы она не человѣкъ была, а собака бѣшеная. А женщина вопить не своимъ голосомъ, просить помиловать её.

Жалко Петру стало женщины, и онъ сказалъ Христу:

— „Господи! Видишь, какъ тотъ человѣкъ женщину мучаетъ? И всюду такъ-то происходитъ, потому что власть большая дана мужчинѣ надъ женщиной. Прошу Тебя, Господи, сдѣлай такъ, чтобы женщина была старшею надъ мужчиной“.

— „Пусть будетъ по твоему!“ отвѣтилъ Христось“, и, по слову Его, перешла тогда власть отъ мужчинъ къ женщинамъ.

Спустя годъ, пришлось Христу съ апостоломъ Петромъ проходить опять черезъ это селеніе. Дѣло было подъ вечеръ, и сказалъ Петръ Христу:

— „Господи, ночь уже наступаетъ, переночуемъ въ этомъ селеніи!“

— „Переночуемъ“, отвѣтилъ Христось.

Подшли они къ тому самому двору, гдѣ въ прошломъ году мужчина женщину билъ, и просятъ у хозяина переночевать. Хозяинъ не зналъ ихъ и подумалъ, что они—простые стражники.

— „Отчего не пустить“, говорить онъ, „мѣста въ хатѣ вы не пролежите. Да только одна бѣда,—хозяйка у меня очень сердитая: прійдетъ, увидитъ васъ,—раскричится на всю улицу да какъ бы еще и по шеѣ не наклала вамъ. Я-то ужъ привыкъ къ ея колотушкамъ да ругани. Боль-

шую теперь силу-власть забрало бабѣ надъ нашимъ братомъ,—хоть просто ложись живьемъ въ могилу да умирай“, жалуется человекъ на свое положеніе, апостоль же Петръ знай посмѣивается про себя. „Что, не нравится?“ думаетъ онъ. „А какъ-то женщинамъ было терпѣть издѣвательство отъ вашего брата?“

— „Ну“, сказала человекъ, „если ночевать, то заходите въ хату да ложитесь поскорѣе спать, не то ярїдетъ баба, вытуритъ васъ со двора“.

Зашли Христось и Петръ въ хату, постелили на полу свою одѣжу и легли спать: Христось легъ около стѣнки, а Петръ съ краю. Лежитъ Петръ, не спитъ,—дежидаетъ, когда хозяйка домой вернется и какъ начнетъ она командовать. Вотъ слышитъ онъ, кто-то на улицѣ шумитъ, ругаетъ кого-то. Услышалъ этотъ шумъ хозяинъ, поблѣднѣлъ и затрасся весь,—видно, очень испугался онъ.

Вбѣгаетъ въ хату баба: вся растрепалась, раскосматилась и палку въ рукахъ держитъ. Только вбѣжала и, не говоря худого слова, хлысть мужа по бѣжкѣ палкой и давай его полосовать по чемъ попало. А онъ бухъ на колѣни передъ женой и прошенія проситъ.

— „Ниже, ниже кланяйся!“ кричитъ она, а сама все палкой накаливаетъ его. Вотъ увидѣла она на полу Христа и Петра, еще пуще взбѣсилась.

— „А-а!“ заорала она „ты безъ меня постоянный дворъ здѣсь открывай! Всяникъ бродягъ-нищихъ напускалъ въ мою хату, чтобы они убрали что-нибудь!“

И опять засвистала палка по бокамъ и спинѣ мужа. Потомъ бросила бить баба, подбѣжала къ Петру да какъ садонетъ его въ бокъ ногой, такъ у того ажно духъ занялся. Хотѣла она было и Христа ударить, да не достала до него ногой и къ тому же очень ужъ уморилась. Бросилась она въ постель и сейчасъ же захрапѣла. А бѣдный мужъ долго еще

не спать: все плакалъ да долю свою несчастную проклиналъ.

— „Да“, подумалъ Петръ, „плохое житье этому человѣку! А, можетъ, такъ и слѣдуетъ ему, потому что онъ, какъ видно, лѣнтивъ-лежебокъ, ну, и вывелъ жѣнщину изъ терѣннѣя. И мнѣ черезъ него влетѣло въ бокъ“.

На другой день, когда еще было темно, Христось и Петръ поднялись и ушли изъ хаты. Цѣлый день они проходили гдѣ-то, а ночевать обратно вернулись въ то же селеніе.

Христось направился ко вчерашнему хозяину, а Петръ началъ отговаривать Его.

— „Пойдемъ“, говоритъ, „поищемъ другой дворъ, а то въ этомъ не спокойно,—хозяева какіе-то взбаломошные люди; ссорятся между собой, кричать...“

Но Христось не послушалъ его. Пришли въ своему знакомому хозяину, попросились ночевать.

— „Да мнѣ чтожь?!“ говоритъ хозяинъ. „Я радъ принять въ домѣ странныхъ людей, да только жена у меня—авѣрь настоящій. Вчера-то видѣли, какъ она бушевала? То же вотъ и сегодня будетъ. Ужь я и не знаю, чѣмъ ей угодить: я и такъ, я и этакъ,—нѣтъ! все не по ея... Одно слово—бѣда мнѣ съ ней! А ежели вамъ, добрые люди, негдѣ ночевать, то заходите въ хату и ложитесь спать“.

Христось и Петръ вошли въ хату; стали они уснащиваться спать на томъ же мѣстѣ, гдѣ спали прошлую ночь. Петръ, какъ бы ничего не зная, по простотѣ души, улегся около стѣнки, а Христу оставилъ мѣсто съ краю. Ничего не сказавъ ему на это Христось, лёгъ и сейчасъ же заснулъ. А Петръ опять не спитъ, опять дожидаетъ хозяйку: хочется ему посмотреть, что она въ эту ночь начнетъ выкомаривать. Ждалъ онъ, ждалъ и дремать уже началъ, какъ вдругъ на дворѣ поднялся такой шумъ-крикъ, какъ будто пожаръ случился, и люди со всѣхъ сторонъ сбѣжали на него. „Началось!“ подумалъ Петръ, а самъ притворился спящимъ, при-

щуриль глаза и приготовился смотрѣть, что-то произойдетъ въ хатѣ. Вотъ отворилась дверь: показалась сначала баба, а за нею мужъ; уцѣпилась она въ его волосы и давай телепать изъ стороны въ сторону, потомъ рукой по щекамъ — разъ, два! разъ, два!

— „На колѣни!“ кричить она мужу „ноги цѣлуй!“

Упалъ на колѣни мужъ и принялся цѣловать ноги у бабы.

Увидѣла баба Христа и Петра, закричала на мужа:

— „Ты опять этихъ бродягъ пустилъ на ночлегъ, а? Да что это въ самомъ дѣлѣ: постоянный дворъ у меня что-ли или же гостиница какая, что всякіе проходимцы ночевать будутъ?! И у этихъ людей совѣсти-то, видно, нѣтъ ни на грошъ: рады, что дуракъ-мужъ имъ попался, такъ готовы совсѣмъ поселиться въ хатѣ“.

Петръ подумалъ, что хозяйка не станетъ всё-таки трогать спящихъ и, чтобы показать ей, что онъ спитъ, принялся хрипѣть на всю хату.

— „Вотъ еще хамъ: въ чужой хатѣ, а расхрипѣлся, какъ у себя дома! Пстой же, я тебя уйму живо“, сказала хозяйка да какъ учешетъ Петра по спинѣ палкой, такъ онъ, какъ ошпаренный, вскочилъ на ноги и давай Богъ ноги изъ хаты. Смѣшно это показалось хозяйкѣ, она упала на кровать и ну хохотать. Хохотала-хохотала да и заснула, а Христа и пальцемъ не тронула.

Рано утромъ проснулся Христочъ, вышелъ на улицу. А Петръ согнулся, продрогъ до костей на холодѣ, стоитъ около плетня. И совѣсть въ немъ заарила, что своего Учителя онъ обманулъ, — положилъ Его съ краю отъ себя, чтобы тѣмъ отъ пинка хозяйки избавиться. Стыдно ему и взглянуть на Христа. Потомъ собрался онъ съ духомъ, подошелъ къ Нему и спрашиваетъ:

— „Господи, Тебя не била хозяйка?“

— „Нѣтъ“, отвѣтили Христосъ.

— „Ну, это хорошо“, сказалъ Петръ. „Только я Тебя объ одномъ буду просить, Господи!“

— „О чемъ? говори!“

— „Сдѣлай, Господи, такъ, какъ было раньше между людьми: пусть мужчины будутъ старшими надъ женщинами, а не женщины надъ ними, потому что на свѣтѣ жить будетъ невозможно, если женщина всѣмъ начнетъ распоряжаться“.

— „Пусть будетъ по-твоему!“ сказалъ Христосъ.

И съ тѣхъ поръ женщина опять стала находиться въ подчиненіи у мужчины.

6. Можно ли вѣрить женщинѣ?

Когда царь Соломонъ началъ поклоняться языческимъ истуканамъ, то завелъ у себя множество женъ-наложницъ. Всѣ зарились на его богатство, и, по первому его слову, любая женщина соглашалась быть его женой. Были у него жены изъ простонародья, были и изъ царскаго рода. Вотъ разъ Соломонъ подумалъ про себя: „Какое легковѣрное существо женщина: на всемъ то бѣломъ свѣтѣ не найдешь такой женщины, которая не пошла бы на приманку, не согласилась бы согрѣшить, лишь бы ей дали побольше золота и камней драгоценныхъ!“

Была у Соломона мать, женщина очень строгая, и супружескій завѣтъ она въ чистотѣ хранила. Вотъ Соломонъ и спросилъ ее:

— „А что, мать моя родная, хочу я тебя спросить: есть ли на свѣтѣ такая женщина, которая бы свое женское положеніе въ чистотѣ соблюдала, не прельстилась бы никакими богатствами въ мірѣ?“

Разсердилась мать на Соломона за такія слова и говоритъ:

— „Глупыя слова ты, Соломонъ, говоришь! Ты спрашиваешь, есть ли на свѣтѣ добродѣтельная женщина? А твоя мать развѣ не добродѣтельная женщина?! Да пусть мнѣ со всего свѣта навезутъ богатства, и то я не соглажусь приступить свой супружескій завѣтъ“.

Ничего Соломонъ не сказалъ въ отвѣтъ своей матери, а про себя подумалъ: „Хорошо же! Посмотримъ, правду ли ты говоришь“. Залерся онъ въ комнату и началъ думать, что бы это такое устроить, чтобы мать соблазнить. Думалъ-думалъ и придумалъ сдѣлать зеркало. Три дня работалъ Соломонъ и, наконецъ, сдѣлалъ зеркало. Нарядился онъ странникомъ; лицо себѣ красками подвелъ, чтобы его никто не узналъ; вышелъ незамѣтно изъ дворца и идетъ мимо горницы матери. А мать его на ту пору подъ окномъ сидѣла. Увидѣла она странника и спрашиваетъ:

— „Что ты, страннѣй человѣкъ, шатаешься здѣсь? Развѣ ты не знаешь, что здѣсь дворецъ мудраго царя Соломона, и всякому сброду тутъ не полагается шлаться?“

— „Я вашихъ порядковъ не знаю“, отвѣчалъ Соломонъ, „пришелъ я изъ дальнихъ странъ спросить царя Соломона, не купитъ ли онъ у меня одну вещь“.

— „А ну, покажи, что тамъ у тебя за вещь“, говоритъ царица.

Соломонъ вытащилъ изъ мѣшка зеркало и показалъ ей. Какъ увидѣла царица въ зеркалѣ свой образъ, такъ и ахнула отъ удивленія.

— „Сколько“, говоритъ она, „просишь за эту вещь?“

— „Я за деньги не продамъ ее, а подарю тебѣ ее такъ, если ты согласишься нарушить со мною супружескую вѣрность“.

Разсердилась царица и говоритъ:

— „Ахъ, ты хамово отродье! Смѣешь ли ты мнѣ такія

держкія рѣчи говорить? вѣдь я царица, мать царя Соломона...“

— „А для меня всѣ люди равны“, отвѣчалъ Соломонъ: „что цари, что простые. Я тебѣ предлагаю вещь;—хочешь купить за ту цѣну, какую я назначилъ,—покупай, а не хочешь,—я пойду; вашего брата, покупателей, много найдется“.

Спряталъ Соломонъ зеркало въ мѣшокъ и собрался было уходить.

— „Постой!“ говоритъ царица, „я подумую“.

Думала она, думала и, наконецъ, согласилась на предложеніе Соломона,—очень ужъ ей захотѣлось имѣть у себя зеркало.

— „Заходи скорѣе въ горницу“, говоритъ она Соломону.

Соломонъ вошелъ въ комнату, скинулъ съ себя одежду странника, стеръ съ лица краски и говоритъ:

— „Ну, мать, узнаешь ли ты меня? Скажи теперь, есть ли на свѣтѣ добродѣтельная женщина, о которой я тебѣ говорилъ.“

Какъ узнала царица въ странникѣ своего сына, перепугалась страшно и говоритъ:

— „Прости меня, Соломонъ! Ты правду сказалъ, что не найдется на свѣтѣ такой женщины, которая на что-нибудь да не прельстилась бы и соблюла бы себя въ чистотѣ“.

Ну, послѣ такого случая Соломонъ взялъ да поразогналъ своихъ женъ: „Нѣтъ вамъ вѣры ни на волосъ,—ступайте, моль, отъ меня на всѣ четыре стороны! Будеть,—побаловался съ вами и довольно!“

Потомъ Соломонъ обратился къ истинному Богу, раскакаясь въ грѣхахъ и сталъ держать при себѣ только одну жену.

7. О томъ, какъ Соломонъ изъ ада вышелъ.

Когда Христось воскресъ, то сошелъ въ адъ и вывелъ изъ него всѣхъ людей, которые тамъ были. Находился между ними и царь Соломонъ. Онъ тоже хотѣлъ съ прочими людьми выйти изъ ада, да Христось остановилъ его.

— „Ты, Соломонъ,—мудрый человѣкъ“, сказалъ Онъ ему, „ухитрись выйти изъ ада самъ, безъ моей помощи!“

Остался Соломонъ въ аду, а Сатанаилъ, начальникъ надъ дьяволами, принялся надъ нимъ насмѣхаться.

— „Ну, что, Соломонъ, вывелъ тебя Христось изъ ада, а? А ты-то на него надѣялся,—только и словъ у тебя было, что „Христось“ да „Христось!“ . А вотъ теперь онъ тебя и оставилъ: выбирайся, молъ, самъ какъ знаешь. А отъ меня то, братъ, теперь ты не вырвешься!“

— „А вотъ увидимъ, не хвались раньше времени!“ отвѣчалъ Соломонъ.

Взялъ онъ аршинъ и принялся вымѣрять имъ землю. Самъ вымѣрять, а самъ бармочетъ себѣ подъ носъ: „Тутъ вотъ будетъ ограда, тутъ дверь, а тутъ притворъ...“ Смотрѣлъ-смотрѣлъ Сатанаилъ на Соломона,—чудно стало ему, ни какъ онъ въ толкъ не могъ взять, какіе это такіе планы Соломонъ разводитъ, что онъ затѣваетъ устроить въ аду. Спрашиваетъ онъ Соломона:

— „Къ чему ты, Соломонъ, землю измѣряешь да планы на ней разные разводишь?“

— „А вотъ къ чему“, отвѣчалъ Соломонъ: „хочу въ аду построить Божій храмъ; самъ буду молиться въ немъ, да и васъ, дьяволовъ, въ христіанскую вѣру обращу“.

Испугался Сатанаилъ и подумалъ про себя: „чего добраго отъ Соломона дождешься этого“.

Крикнул тут Сатанаилъ на своихъ подчиненныхъ, чтобы они изъ ада гнали Соломона. Тѣ принялись гнать его изъ ада, а онъ нарочито упирается, куражится: „постойте, молю, я еще храмъ не выстроилъ“. Тутъ самъ Сатанаилъ сгрѣбъ его за шиворотъ и выволокъ вонъ изъ ада: „иди, молю, отъ насъ подальше, намъ такихъ не надо“.

8. О всемірномъ потопѣ.

Когда людей на свѣтѣ стало очень много, и они позабыли истиннаго Бога и стали поклоняться разнымъ истуканамъ, Господь сильно разгнѣвался на нихъ и сказалъ Самъ Себѣ: „Очень гнѣвать меня люди, и ни чѣмъ ихъ устрашить нельзя: посылая Я на нихъ моръ и язвы лютыя, а они попрежнему поклоняются идоламъ и заповѣдей моихъ не исполняютъ. Истреблю Я ихъ всѣхъ, только оставлю въ живыхъ Ноя праведнаго, и отъ него пойдутъ праведные люди“.

Потомъ Богъ сказалъ Ною, чтобы онъ выстроилъ себѣ большой корабль, и чтобы объ этомъ никто ничего не зналъ. Вотъ Ной и принялся тайкомъ ходить въ лѣсъ и строить тамъ большой корабль. Жена его замѣтила, что онъ куда-то все ходитъ и спрашиваетъ его:

— „Куда это, Ной, ты все ходишь?“

— „Да такъ“, говоритъ Ной, „полюбилъ я похаживать по лѣсу,—любуюсь на деревья, на птицъ и звѣрей разныхъ: какъ это все чудно Господомъ на свѣтѣ устроено!“

Послѣ этого жена и не стала спрашивать, куда онъ ходитъ. Сто лѣтъ Ной строилъ корабль и наконецъ кончилъ его. Тогда Богъ сказалъ ему, чтобы онъ взялъ въ корабль чистыхъ животныхъ по семи паръ, а не чистыхъ и разнаго гада по двѣ пары, запасся бы провизіей на три года и со всею семьей входилъ бы въ корабль и заперся тамъ, потому что въ скоромъ времени настанетъ потопъ.

Ной въ точности исполнилъ повелѣніе Божіе. А люди передъ этимъ еще пуще прежняго начали дѣлать беззаконія. Сталъ итти такой сильный дождь, что скоро водою землю затопило; люди начали спасаться, кто куда попало: кто на деревья, кто на горы; но вода поднялась выше самыхъ высокихъ горъ, и люди потонули, а также потонули и звѣри, и птицы. Только слонъ да орелъ оставались еще живы.

— „Я плаваю хорошо и безъ нищи могу долго оставаться,—ничуть мнѣ не страшна вода“, сказалъ слонъ.

А орелъ сказалъ:

— Я летаю хорошо и безъ отдыха могу долго пролетать,—мнѣ тоже нечего бояться воды“.

Ну, однако, какъ они ни хвалились, а тоже, какъ и остальные, потонули въ водѣ, потому что не могли же они спорить противъ Бога! Потомъ, когда всѣ люди, звѣри и птицы погибли, вода понемногу стала спадать. Корабль, въ которомъ былъ Ной со своею семьею, плавалъ по водѣ, и нагнало его вѣтромъ на гору Казбекъ, но онъ не могъ остановиться на этой горѣ, а только днищемъ своимъ разрѣзалъ ее на двѣ части *). Послѣ того пригнало корабль на гору Араратъ, гдѣ онъ и остановился. Подождалъ немного Ной, выпустилъ изъ корабля голубя: полетѣлъ голубь, принесъ ему какую-то вѣтку съ плодами.

— „Ну“, сказалъ Ной, „пора намъ выбираться изъ корабля,—земля просохла“.

Забралъ онъ все свое семейство, животныхъ, звѣрей, птицъ и гадовъ и спустился съ горы Арарата, а корабль остается тамъ и будетъ стоять тамъ до конца свѣта.

9. Отчего произошли горы.

Вся земля сотворена Богомъ, только горы сотворены дьяволомъ. Вотъ какъ это произошло. Когда Господь сотво-

*) Какъ извѣстно, вершина Казбека представляетъ изъ себя сѣдловину.

рилъ небо и море, то началъ насаждать землю. Дьяволь-Вельзевулъ былъ тутъ же,—вылѣзъ изъ преисподней посмотреть, что это Господь будетъ дѣлать.

Послалъ Господь дьявола въ море песку принести. По-лѣзъ дьяволъ въ море, набралъ песку въ обѣ горсти, а одну горсть себѣ за скулу спряталъ: думалъ то же дѣлать, что и Господь. Вылѣзъ онъ изъ моря, подалъ Господу двѣ горсти песку, а про тотъ, что за скулой былъ спрятанъ, ни гу-гу,—словомъ однимъ не обмолвился. Вотъ Господь началъ разбрасывать песокъ во всѣ стороны, и, куда только упадетъ хоть одна песчинка, тамъ изъ нея земля начинаетъ расти все больше и больше. Началъ расти песокъ и у дьявола во рту, распираетъ ему пасть-то, а онъ и давай благимъ матомъ вопить:

— „Ой, больно мнѣ, больно!“

— „А отчего тебѣ, дьяволъ, больно?“ спрашиваетъ Господь.

— „Да вотъ“, говоритъ дьяволъ, „хотѣлъ я у Тебя песочку немного утаить, спряталъ его за скулу, а онъ, когда Ты сталъ разсѣвывать его, началъ распираеть мнѣ ротъ. Что мнѣ дѣлать? Выручи пожалуйста изъ бѣды!“

— „Ну, хорошо“, говоритъ Господь, „выручу тебя изъ бѣды. Вѣги ты, дьяволъ, и всё плюй, пока не выплюнешь всего песку“.

Пустился тутъ дьяволъ бѣжать, куда глаза глядятъ, и все плюетъ и плюетъ. Гдѣ только онъ ни плюнетъ, тамъ и вырастетъ гора. Долго бѣгалъ дьяволъ и много наплевалъ на землѣ горъ.

Вотъ потому-то человѣку и трудно взбираться на горы, и онъ влинетъ ихъ, что насаждены онѣ дьяволомъ.

10. Объ Іудѣ-предателѣ.

Іудѣ стало завидно, что Христось чудеса творить, и весь народъ говоритъ Ему: „Господи!“ Вотъ однажды Іуда и раздумался: „Что же это такое?—Христа народъ вездѣ принимаетъ съ радостью, за Бога почитаетъ Его. Почему же я то не могу быть такимъ, какъ Христось? Вѣдь и у меня ума много, а все же нѣтъ мнѣ никакого почета отъ людей“.

Думаль онъ, думаль, какъ ему съ Христомъ сравняться, и ничего не вышло изъ его думъ. Тогда обозлился Іуда и на Христа, своего Учителя, и на людей, и на самого себя, мать свою проклялъ за то, что она его на свѣтъ родила. Весь свѣтъ ему опостылѣлъ, и тошно ему стало жить промежъ людей: зависть ко Христу мучила его, и онъ покою себѣ ни въ чемъ не находилъ. И все онъ искалъ случая, какъ бы ему Христа убить. „Самъ пропаду, но и Его на свѣтъ не будетъ“, думаль Іуда. Да все удобнаго случая ему не выходило: при апостолахъ, своихъ товарищахъ, Іуда опасался убить Христа, а одинъ-на-одинъ Онъ ему нигдѣ не попадался. Вотъ разъ Христось бесѣдовалъ со своими учениками и сказалъ имъ, что скоро Его убьютъ, и что послѣ смерти своей Онъ сойдетъ въ адъ и всѣхъ грѣшниковъ спасеть, воскреситъ ихъ, а на третій день самъ воскреснетъ. Тогда Іуда послушалъ-послушалъ Христа и разсмѣялся про себя. „Ага, Христось, Самъ Ты научилъ меня, какъ теперь сдѣлать!“, сказалъ Іуда. „Выходить, значитъ, если я умру раньше Христа, то и воскресну раньше Его. Ну, теперь я ужъ знаю, какъ мнѣ сдѣлать: предамъ Христа въ руки фарисеевъ, а потомъ наложу на себя руки, и душа моя въ адъ попадетъ. А фарисеи-то тоже Христа живьемъ не выпустятъ,—убьютъ Его. Послѣ смерти своей Христось сойдетъ въ адъ, воскреситъ всѣхъ грѣшниковъ и меня тоже. И пока еще Самъ

Онъ воскреснетъ, а я уже снова по землѣ ходить буду. Тогда-то народъ весь и пойметъ, что я имѣю силу больше, чѣмъ Христосъ; и когда Христосъ воскреснетъ, всё скажутъ, что это я Его воскресилъ, и почитать меня будутъ за Бога, и слава обо мнѣ пройдетъ по всей землѣ“.

Какъ надумалъ Иуда, такъ и сдѣлалъ: пошелъ онъ къ своимъ друзьямъ-товарищамъ, фарисеямъ-книжникамъ, съ которыми раньше тайкомъ отъ Христа и апостоловъ знакомство имѣлъ, и сказалъ имъ:

— „Хотите, я вамъ Христа предамъ?“

Фарисей-книжники очень обрадовались и закричали:

— „Хотимъ, хотимъ! Предавай его намъ поскорѣе, а ужъ мы тебя безъ благодарности не оставимъ“.

И тутъ же одинъ фарисей-книжникъ сунулъ Иудѣ кошелекъ съ деньгами: тридцать серебрянниковъ въ немъ было. Иуда не хотѣлъ было брать денегъ, а потомъ подумалъ: „послѣ онѣ пригодятся мнѣ“, взялъ и спряталъ ихъ за пазуху.

Приказалъ онъ фарисеямъ быть наготовѣ и ушелъ. Дождался Иуда ночи, пришелъ съ фарисейскими воинами въ садъ, въ которомъ молился Христосъ, и предалъ Его.

Потомъ, когда фарисей и жида начали мучить Христа, совѣсть у Иуды зазрѣла, и ему стало жаль своего Учителя, а выручить его изъ рукъ фарисеевъ онъ уже не могъ. Пошелъ онъ къ фарисеямъ, бросилъ имъ кошелекъ съ деньгами, взялъ веревку и пошелъ давиться. Но ни одно дерево не принимало его: за сукъ какого бы дерева онъ ни закидывалъ веревку, сукъ самъ собою отламывался. Наконецъ онъ увидѣлъ, — надъ яромъ осина растеть: закинулъ за сукъ веревку и удавился. Пока Иуда еще не притрогивался къ осинѣ, она, какъ и другія деревья, не была еще проклята, а какъ только Иуду она приняла, Господь-Савваоѣ проклялъ её, и она задрожала и вѣчно будетъ дрожать.

Удивился Іуда, и душа его въ адъ попала. Распяли фарисеи Христа. Сожелъ онъ въ адъ, простилъ и воскресилъ всѣхъ грѣшниковъ, только одного Іуду нѣтъ, потому что онъ, хотъ и пожалѣлъ Христа, но не раскаялся въ своемъ грѣхѣ и не попросилъ у Христа прощенья. Такъ онъ и до сихъ поръ мучится въ аду и ожидаетъ втораго пришествія Господа.

IV. Сказки.

1. Куцый волкъ.

Вѣжить куцый волкъ по дорогѣ; навстрѣчу ему попадаетъ портной, съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукахъ.

— „Что ты, портной, думаешь? Вѣдь я тебя слопаю!“

— „Дуракъ—ты, волкъ, больше ничего!“ отвѣтилъ портной. „Ну, скажи на милость, какая тебѣ будетъ польза, что ты меня слопаешь? Вѣдь когда-нибудь опять же захочешь жрать? А лучше дай-ка я тебѣ шубу сошью,—на всю жизнь ея тебѣ хватить. А то, ишь ты, какимъ ошарой *) ходишь: вездѣ шерсть ключьями висить, какъ будто только что съ собаками дрался. Не хорошо; волкъ, право, не хорошо!“

— „Ну, ладно!“ говорить волкъ. „Шей, да только сейчасъ же и шей!“

— „Сейчасъ и начну шить,“ сказалъ портной, „только сначала надо вымѣрить, сколько на твою шубу матеріала пойдетъ. Ну-ка, повертывайся ко мнѣ задомъ!“

Повернулся волкъ, а портной уцѣпился рукой за остатокъ волчьяго хвоста и давай его насаживать аршиномъ и побочкамъ, и по спинѣ, и по башкѣ.

Взвѣлъ отъ боли волкъ не своимъ голосомъ, вырвался изъ рукъ портного и помчался, куда глаза глядятъ, точно очумѣлый. Попадаетъ ему на встрѣчу стая волковъ: онъ и началъ жаловаться имъ на портного. Волки говорятъ: „Погонимтесь, братцы, за этимъ портнымъ и растерзаемъ его.“ И кинулись волки портного догонять, а впереди всѣхъ мчится

*) *Ошара*—оборванецъ, нерака.

куцый волкъ,—дорогу товарищамъ показываетъ. Оглянулся портной, видитъ за собой погоню и вмгъ взобрался на самую вершину высокаго дерева. Остановились волки около дерева, на портного глядятъ да зубами щелкають, а достать-то его никакъ не могутъ. Вотъ куцый волкъ и говоритъ своимъ товарищамъ:

— „Я стану около дерева, а кто-нибудь изъ васъ влѣзетъ на меня, а на того—третій, на третьяго—четвертый и такимъ манеромъ мы живо доберемся до портнишки, стащимъ его съ дерева и растерзаемъ.“

Послушались волки своего куцаго товарища и похвалили его, что онъ такъ умно придумалъ. Уперся башкой куцый волкъ въ дерево; взобрался на него другой волкъ, на другого—третій и такъ взобрались почти всѣ; остался только одинъ волкъ, самый злой; началъ и онъ взбираться. Видитъ портной, что не одобровать ему,—по клочкамъ разнесетъ его звѣрье. Собрался онъ съ духомъ и крикнулъ:

— „Чего вамъ отъ меня надобно? Вотъ, постойте, слѣзу я съ дерева и ужъ накладу вамъ въ бока, такъ что меня долго помнить будете! А больше всѣхъ куцому зачинщику достанется!“

Испугался куцый волкъ, заворочался,—волки всѣ турманомъ полетѣли внизъ и сильно зашиблись о землю. Накнулись они тутъ на своего куцаго товарища, такъ что отъ того только клочки шерсти полетѣли. А портной съ дерева приговариваетъ:

— „Такъ его, такъ! Вотъ только слѣзу съ дерева, я еще прибавлю!“

Насилу вырвался куцый волкъ и побѣжалъ жаловаться къ святому Георгію *). Прибѣгаетъ и говоритъ:

*) По народному повѣрью, святой Георгій является покровителемъ всѣхъ домашнихъ животныхъ и звѣрей.

— „Бѣда со мной случилась, святой Георгій: хотѣлъ я портного слопать, а онъ обманулъ меня и арпиномъ избилъ, а потомъ свои же волки чуть въ ключья не разнесли... Да что тебѣ сказывать? самъ знаешь, что на свѣтѣ дѣлается промежъ насъ, звѣрья разнаго. Вотъ теперь я голодень, не знаю, гдѣ пищи себѣ найти...“

— „Ну“, говоритъ святой Георгій, „когда ты голодень, такъ ступай и сожри поповскую свинью! она тамъ, около станицы, пасется.“

Прибѣжалъ волкъ къ станицѣ, нашелъ поповскую свинью и говорить ей:

— „Свинья, я тебя слопаяю...“

— „Зачѣмъ ты, волкъ, будешь меня лопать? Лучше схвати меня за ухо и пойдемъ вмѣстѣ въ станицу,—тамъ тебя у насъ судьбою назначать и будутъ кормить поросятами“, отвѣчала свинья.

Захотѣлось волку поросятиной полакомиться...

— „Ну, чтожь?“ сказалъ волкъ,—„пойдемъ!“

Схватилъ онъ за ухо свинью и пошелъ вмѣстѣ съ нею въ станицу. Увидѣлъ народъ, что волкъ свинью ведетъ, взяли—кто вилы, кто колья, окружили его и давай бить. Едва-едва вырвался онъ на свободу. Весь избитый прибѣгаетъ онъ опять къ святому Георгію и жалуется.

— „Ну, если свинья обманула тебя, такъ иди на гору,—тамъ пасется поповскій баранъ: его и лопай!“ сказалъ святой Георгій.

Прибѣжалъ волкъ на гору, увидѣлъ барана и говорить:

— „Здравствуй, глушій баранъ!“

— „Здравствуй, умный волкъ!“ отвѣчаетъ баранъ. „Что хорошаго скажешь?“

— „А вотъ что: хочу я слопать тебя.“

— „Отчего же?! можно... Только стань ты подь горою

и разинь пасть, а я съ разбѣгу прыгну въ нее,—ты меня и проглотишь.“

Согласился волкъ. Сталъ онъ подѣ горой и пасть до ушей разинулъ. Разбѣжался баранъ да какъ стобанеть лбомъ волка, такъ у того ажъ искры изъ глазъ посыпались; ономился онъ; глядь,—а барана и слѣдъ простылъ.

Опять бѣжить волкъ съ жалобой къ святому Георгію.

— „Надоѣлъ ты мнѣ съ своими жалобами!“ говоритъ ему святой Георгій. „На лугу пасется поповская кобыла: иди и сломай ее, а съ жалобами не смѣй и на глаза мнѣ показываться!“

Бѣжить волкъ и думаетъ: „Ну, теперь то я дуракомъ не буду,—кобылѣ спуску не дамъ! ужъ я надъ ней въ волку натѣшусь!“

Прибѣгаетъ на лугъ къ кобылѣ и говоритъ:

— „Вотъ что, кобыла: я съ тобою долго растабарывать не стану,—готовься къ смерти, я тебя сейчасъ слопаю“.

— „Воля твоя,—лопай!“ отвѣтила кобыла. „Только ты сначала лучше сдери съ меня шкуру, а потомъ и лопай: схвати меня за хвостъ и тани!“

Ухватился волкъ зубами за хвостъ кобылы и принялся таянуть, что есть силы. Кобыла какъ подыхнетъ *) его задними копытами, такъ онъ, какъ мячикъ, отлетѣлъ отъ нея и тутъ же подохъ.

2. Лѣсной человѣкъ и котъ.

Жилъ на свѣтѣ одинъ человѣкъ; не было у него ни кола, ни двора; даже и одежды порядочной не было,—ходилъ онъ оборванецъ-оборванцемъ. А когда и эта одежонка истрепалась, сталъ онъ чутъ не голый ходить: кое-гдѣ болтались

*) Ударить.

на тѣлѣ кохмотья, и только. Стыдно ему стало людямъ показываться, онъ и поселился въ лѣсу. Живетъ онъ тамъ, какъ звѣрь дикій: отъ людей хоронится, жретъ ягоду лѣсную, травы разныя, да по птичьимъ гнѣздамъ шарить, яйца разсысываетъ.

Вотъ приходитъ къ нему котъ и говоритъ:

— „Ну, чего ты на себя дурость напустилъ? Къ чему по лѣсу скитаешься, какъ волкъ? Вѣдь ты—человѣкъ и долженъ жить промежду людей“.

— „Какъ мнѣ жить промежду людей, когда мнѣ не въ чемъ показаться имъ?“ спрашиваетъ этотъ человѣкъ.

— „Очень просто“, отвѣтилъ котъ, „ты женись и живишь себѣ бариномъ“.

— „Ну, что ты, котъ мелешь? Кто за меня замужъ пойдетъ?!“

— „А хочешь, я засватаю за тебя дочь царя?“—говоритъ котъ.

Человѣкъ, конечно, не вѣритъ коту,—думаетъ, что тотъ смѣется надъ нимъ, языкъ отъ нечего дѣлать чешетъ. А котъ-то говоритъ всерьезъ, и пришелъ-то онъ въ лѣсъ за тѣмъ, чтобы человѣка выручить.

— „Ты только меня во всемъ слушай, а ужъ я для тебя все сдѣлаю; благодарить послѣ будешь!“ опять говоритъ ему котъ.

— „Хорошо!“ отвѣчаетъ человѣкъ, а самъ смѣется, потому что нисколько не вѣритъ коту.

Побѣжалъ котъ въ городъ, укралъ цѣлую штуку сукна краснаго, иглодекъ, нитокъ,—приноситъ въ лѣсъ и заставляетъ человѣка шить солдатскія шапки.

— „Да на что они мнѣ сдались, эти шапки? Что я? солдатъ, что-ли?“ спрашиваетъ человѣкъ.

Разсердился на него котъ.

— „Не твое дѣло!“ говоритъ онъ. „Тебѣ говорятъ—шей, такъ ты и слушайся, а много не растабарывай!“

Подумаль-подумаль человекѣ да и принялся шанки пить. „Можетъ что и выйдетъ изъ этого“, сказалъ онъ самъ себѣ. А котъ тѣмъ временемъ пошелъ шататься по лѣсу, увидѣлъ одну лисицу и говоритъ:

— „У цари нынче будетъ балъ, много гостей соберется. Такъ вотъ гостямъ любопытно посмотрѣтъ на такихъ красивыхъ и рѣдкостныхъ звѣрей, какъ вы. Зови свою братію и вали на показъ къ царю!“

Лисица обрадовалась: „Вотъ, молъ, какой почетъ намъ, не то, что волкамъ и медвѣдямъ!“ Побѣжала она по лѣсу, собрала своихъ подругъ, а ихъ было, можетъ, до тысячи, а то и больше. Привелъ ихъ котъ въ царскій дворець, а самъ побѣжалъ къ царю и говоритъ:

— „Вотъ, мой баринъ, господинъ Пожалѣвскій, прислалъ тебѣ въ подарокъ лисицъ“.

Пожалѣвскій же былъ одинъ очень богатый баринъ и именитый человекъ, а котъ-то его фамилію и повернулъ на своего пріятеля, оборванного бродягу лѣсного.

— „Спасибо“, говоритъ царь коту, „благодари отъ меня господина Пожалѣвскаго“.

Потомъ онъ приказалъ своимъ слугамъ перебить всѣхъ лисицъ, а шкуры содрать съ нихъ женѣ и дочери на шубы.

Пошелъ котъ опять въ лѣсъ и такимъ же манеромъ обманулъ волковъ, медвѣдей и зайцевъ: приводилъ ихъ къ царю въ подарокъ отъ господина Пожалѣвскаго. Царь принималъ подарокъ, благодарилъ, а звѣрье приказывалъ убивать и сдирать съ нихъ шкуры.

Потомъ приходитъ однажды котъ къ царю и объясняетъ:

— „Такъ и такъ, Ваше Величество, пришелъ я къ тебѣ по важному дѣлу: мой баринъ желаетъ съ тобой породниться, —хочетъ жениться на твоей дочери“.

— „Что жъ?“ отвѣтилъ царь, „я согласенъ. Господинъ Пожальвовскій—человѣкъ богатый, известный,—онъ будетъ хорошимъ мужемъ моей дочери. Скажи ему, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гости“.

Идетъ котъ къ своему пріятелю лѣсному.

— „Забирай“, говоритъ, „свои шапки, да идемъ къ царю: дочь его сватать будемъ“.

А тотъ ему въ отвѣтъ:

— „Да ты что: поумный или вовсе дуракъ? Объ чемъ это ты вваля, чтобы я голахой *) явился къ царю? Что, жизнь мнѣ надоела, что-ли? Да и чего ты ко мнѣ пріѣхалъ?—можешь, я вовсе не хочу жениться!“

Разсердился котъ и привякъ ругать своего друга-пріятеля.

— „Дьяволь ты головастый, естопипна лѣсная!“ сказалъ онъ. „Ума-то въ твоей, дурацкой, башкѣ! вѣтъ ни на грошъ: отъ счастья своего отнаживаешься! А я-то для него стараюсь, я-то ноги бью! Да что съ тобой, съ анаемой; говорить: ежели не пойдешь со мной къ царю; побѣгу-разскажу ему, что, молъ, въ твоёмъ лѣсу появился какой-то голый проходимецъ, никому проходу не даетъ. Царь съ тобой растабарывать не станетъ: пошлетъ обшару, весь лѣсъ иверху дномъ перевернетъ, а ужъ тебя, катригу лѣсного, живымъ манеромъ ухватаютъ“.

Подумалъ лѣсной человѣкъ,—видитъ, что котъ говоритъ правду: „поймаютъ его царскіе солдаты, живымъ не выгустятъ; ну, да что будетъ, то будетъ!“ Забралъ онъ свои шапки и отправился вмѣстѣ съ котомъ. Перешли они рѣку: Котъ приказалъ ему побросать въ воду шапки и дожидать его, пока онъ вернется отъ цара.

Прибѣгаетъ котъ къ царю и говоритъ:

*) Нагишомъ.

— „Вотъ какая бѣда случилось съ моимъ бариномъ, господиномъ Пожальвскимъ: вѣдь онъ къ тебѣ въ гости съ своими солдатами, — мостъ обвалился, все его войско утонуло, и самъ онъ едва спасся. Теперь сидитъ голый на берегу. Давай одежды для него, — нельзя же его голымъ оставить. Если не вѣришь, когда самъ убѣдись“.

Взялъ царь лучшую одежду и пошелъ съ котомъ въ рѣкѣ. Увидѣлъ онъ, что въ водѣ плаваютъ солдатскія шапки, а на берегу самъ, господинъ Пожальвскій сидитъ, — и повѣрилъ рассказамъ kota.

Одѣлся лѣсной человекъ въ одежду, явился во дворецъ. А онъ, хоть и скитался по лѣсу, какъ забрь дикій, паренъ изъ себя былъ видный и красивый. Царская дочь возьми и полюби его. Ну, царь и радъ: „слава тебѣ, Господи, дочка по душѣ себѣ жениха нашла!..“ Отъ радости приказалъ онъ въ колокола звонить, въ барабаны бить и изъ пушекъ палить. А потомъ, когда женихъ и невѣста перенѣчались, захотѣлъ онъ посмотреть на житье-бытье молодежи. Собрались въ дуть. А лѣсной человекъ ходитъ около кареты и носъ повѣсилъ, печалится-кручинится, — не знаетъ, куда ему жезу молодую везти.

Подождалъ къ нему kota и шепчетъ:

— „Чего ты, дуракъ, башку повѣсилъ? Глади веселій, чтобы всѣ видѣли, что ты радуешься! А на счетъ квартиры не тужи, — я все устрою. Я побѣгу впередъ, а ты ѣмай за мной!“

Бѣжить kota, видить — насется стара овецъ съ золотыми рогами. Подбѣжалъ онъ къ пастухамъ и сказалъ:

— „Если кто васъ будетъ сиранивать, чьи эти овцы, вы говорите: „господина Пожальвскаго“. А если не скажете такъ, то вамъ плохо будетъ, потому что свани ѣдетъ самъ царь“.

Потомъ по дорогѣ увидѣлъ онъ стадо коровъ съ золоты-

ми хвостами, хлѣба и лѣсъ и вездѣ приказалъ говорить, что все это принадлежитъ господину Пожалѣвскому. Царь, провѣщая, разспрашиваетъ, чьи эти стада, хлѣбъ, лѣсъ, и на все получаетъ отвѣтъ, что все это—господина Пожалѣвскаго. Обрадовался царь, что у него зять такой богатый человекъ,—значить, моль, и дочкѣ его хорошо будетъ житься съ нимъ.

А котъ прибѣжалъ во дворецъ *настоящее* господина Пожалѣвскаго и говорить:

— „Вотъ что, господинъ Пожалѣвскій: къ тебѣ ѣдетъ царь съ молодыми; ты ужъ уступи имъ на время свои комнаты, а самъ спрячься куда-нибудь, потому что царь на тебя очень сердитъ,—какъ бы казнить не приказалъ...“

Испугался господинъ Пожалѣвскій и залѣзъ въ дупло дерева, что среди двора стояло. Котъ же приказалъ солдатамъ въ честь царя жалить нѣз пушечъ. Навели солдаты пушку на дерево да какъ шархнутъ: такъ все дерево, а вмѣстѣ съ нимъ и господина Пожалѣвскаго, въ дребезги и разнесли!..

Приѣхалъ царь съ молодыми и похвалилъ своего зятя, что онъ такъ богато живетъ. Зажилъ лѣсной человекъ съ своей женой во дворцѣ, а котъ за лакея у нихъ остался.

3. Два брата и Горе.

Жили на свѣтѣ два богатыхъ брата: старшій—Семень и младшій—Иванъ. Всего у нихъ было вдоволь, и они не знали, что такое нужда. Вотъ разъ Семень и говорить Ивану.

— „Пойдемъ-ка, братъ, искать по свѣту нужду! Что это такое, въ самомъ дѣлѣ?—люди все жалуются на нужду, а мы съ тобой и не знаемъ, что это за нужда такая... Пойдемъ искать ее!“

— „Пойдемъ!“ согласился Иванъ.

Набрали братья съ собой денегъ, камней разныхъ драгоценныхъ и отправились въ путь-дорогу. Шатались-шатались они по свѣту, денегъ извели пронасть, а все нужды не видѣли.

— „Нѣтъ“, говорить Семень, „видно, люди зря набрали: никакой такой нужды и нѣтъ на свѣтѣ, потому что если бы она была, то мы давно бы ее встрѣтили“.

— „Пойдемъ-ка, братъ, еще походимъ по бѣлу свѣту, можетъ, и найдемъ нужду“, отвѣчалъ Иванъ.

Пошли братья опять шататься по свѣту. Вотъ замѣчаютъ они, что денегъ и камней драгоценныхъ у нихъ остается мало, а потомъ, черезъ нѣкоторое время, и ничего не осталось. А ѣсть-пить нужно. Принялись братья добывать себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ, а иную пору поѣдать и выпрешеннаго хлѣбушка: ничего не подѣлаешь, потому что го-лодь не свой братъ, не помилуетъ. Не въ моготу стала такая жизнь младшему брату, Ивану,—онъ и говорить старшему, Семену:

— „А что братъ, не пора ли намъ домой вернуться?—вѣдь то, что мы теперь испытываемъ, и есть та самая нужда, которую мы такъ долго разыскивали“.

Засмѣлся въ отвѣтъ Семень и говорить:

— „Какая это нужда? намъ нужно повидать настоящее горе; пойдемъ дальше!“

Приходятъ братья въ дѣсь. Смотрятъ,—стоитъ на полянѣ дворецъ, весь высокою оградою обнесенъ. Подошли братья къ воротамъ, да отворить ихъ никакъ нельзя. Мучились они, мучились,—ничего съ воротами подѣлать не могли. Наконецъ Иванъ придавилъ какую-то пружину въ воротахъ, и онѣ сами-собою раскрылись настежь. Вошли братья во дворъ; видать,—на третій этажъ дома лѣстница ведетъ. Вообрались они по этой лѣстницѣ и очутились около двери од-

ной комнаты. Вдруг дверь сама передъ ними распахнулась; они вошли въ комнату, а дверь за ними также сама затворилась. Какъ только вошли братья въ комнату, такъ и ахнули отъ испуга: въ комнатѣ лежалъ громадный человѣкъ,—голова его находилась въ одномъ углу, а ноги—въ другомъ, комната же была такая, что въ ней смѣло можно было помѣститься пяти сотнямъ людей. И былъ у этого человѣка одинъ глазъ зрячій, а другой кривой.

— „Вѣдь это и есть то, что люди называютъ Горемъ Косымъ!“ сказалъ старшій братъ.

— „Оно и есть!“ отвѣтилъ младшій, а самъ оробѣлъ и, какъ листъ, дрожить.

— „Ну, что тутъ намъ дѣлать?“ говоритъ Семень. „Давай-ка попробуемъ дверь отворить“.

Сунулись было братья въ дверь, да не тутъ-то было: она никакъ не отворяется. Что тутъ дѣлать? Вотъ Иванъ и придумалъ спрятаться подъ печку: проснется, молъ, Горе,—не увидитъ насъ.

Залѣзали братья подъ печь и ждутъ, когда, наконецъ, Горе проснется. Черезъ малое время проснулось и Горе, встало, потянулось и говорить:

— „Э! да тутъ у меня русскимъ духомъ пахнетъ! Будетъ чѣмъ и пообѣдать! добыча-то сама въ руки пришла... Эй! кто тамъ? Вылѣзай изъ-подъ печки! не то выволоку...“

Братья отъ страха чуть не умерли. Видать,—такъ или иначе, а вылѣзть-то изъ-подъ печки неминуемо, только никто первымъ вылѣзть не хочетъ.

— „Вылѣзай ты, братъ!“ говоритъ младшій старшему, „ты вѣдь охотникъ до горя“.

Дѣлать нечего, вылѣзъ Семень изъ-подъ печки. Кинулось Горе на него, сребро его подъ себя, иаломало, исковеркало и слопало, такъ что отъ Семёна и косточки не осталось.

— „Ты чего же не вытѣзаешь?“ крикнуло оно на Ивана. „Дожидаешься, чтобы тебя вытащили?“

А Иванъ на эту пору придумалъ на хитрость удариться, чтобы какъ-нибудь Горе обмануть и задать тягу отъ него.

— „Слушай, Горе“, говорить онъ, „что я тебѣ скажу“.

— „А ну, говори! послушаемъ, что ты тамъ скажешь“, отвѣтило Горе.

— „Я, видишь-ли, маракую немного по кузнечной части: лошадей ли подковать, новую ли руку, ногу сдѣлать, глаза ли кому вставить,—все это я могу. Вотъ у тебя, я замѣчаю, одного глаза нѣтъ, т. е., хотя онъ и есть, но никуда не годится,—такъ вотъ я и надумалъ вставить тебѣ новый глазъ: о двухъ глазахъ, все же лучше, чѣмъ объ одномъ; въ благодарность же за это ты меня опустишь на волю“.

Обрадовалось Горе. „Вотъ добро-то мнѣ будетъ: вставить онъ мнѣ вмѣсто кривого глаза зрячій, а потомъ я его, этого кузнеца, и слопаю“, подумало оно. Потомъ говорить Ивану:

— „Вытѣжай! чего запрягался? Вотъ пообѣдаемъ вмѣстѣ, а потомъ ты и принешься вставлять мнѣ глазъ. Вытѣжай!“

— „А ты не тронешь меня?“ спрашиваетъ Иванъ. „Пожмишь, что не тронешь“.

— „Вотъ еще дуракъ! Разъ говорю тебѣ вытѣжай, такъ, значитъ не трону. А если бы захотѣло я тебя слопать, то стало бы съ тобой долго канителиться?“

„Что правда, то правда“, подумалъ Иванъ и вытѣзъ изъ-подъ печки. Вышелъ онъ съ Горемъ на дворъ. Пришли они подъ сарай, въ которомъ много быковъ стояло. Схватило Горе одного быка оторвало ему голову и бухъ его въ котель,—варись, молъ! Потомъ выкатило оно изъ подвала бочку водки, хлѣба оттуда же съ возъ приволокло. Сварилось мясо,—Горе и говоритъ Ивану:

— „Вот теперь мы съ тобой пообѣдаемъ, а тамъ и за работу примешься“.

Вывалило Горе на траву мясо изъ котла, налило полное ведро водки и подчууетъ Ивана.

— „А, ну-ка“, говоритъ, „шарахни этотъ стакашекъ передъ обѣдомъ!“

„Ну, и стакашекъ!“ подумалъ Иванъ, „будь ты трижды проклято вмѣстѣ съ нимъ!“ Потомъ говоритъ:

— „Нѣтъ, Горе, не могу я столько пить: когда я сюда шелъ, вдоволь напился и наѣлся. Сколько могу, столько выпью и закушу. Право, я сытъ“.

А какое тамъ сытъ?—въ животѣ, какъ у волка голоднаго, урчать!

— „Ну, хоть за компанію со мной немного выпей и закуси!“ просить его Горе.

Выпилъ Иванъ водки съ добрый стаканъ и мяса кусокъ порядочный съ краюхой хлѣба уплелъ и—сытъ.

— „Эво ты нажрался то!“ говоритъ ему Горе, „ни къ чему и притронуться не хочешь. Ужъ, дѣлать нечего, придется мнѣ одному закусывать“.

Полопало оно все мясо, весь хлѣбъ и всю водку, хлопнуло себя по брюху и говоритъ:

— „Ну, теперь я немного подаакусило. Начинай-ка теперь глазъ мнѣ вставлять! Да ты смотри, парень, не пускаешь ли ты мнѣ туману? Что-то у тебя никакихъ инструментовъ нѣтъ!“

— „Чудакъ ты, право!“ отвѣчаетъ Иванъ, „стану ли я за собою цѣлую куаницу таскать? Мнѣ только одно слово сказать, и разомъ все передо мною явится. Есть о чемъ толковать! Ты вотъ лучше о томъ подумало бы, какъ я тебѣ буду глазъ вставлять!“

— „А что?“

— „Да то, что ты очень высоко, и мнѣ никакъ тебя

не достать рукой. Становись-ка ты къ столбу, а я по лѣстницѣ валѣзу на твою голову и начну вставлять тебѣ глазъ. А чтобы ты башкой не крутило изъ стороны въ сторону, надо тебя цѣпами хорошенько къ столбу приковать. Поди, волоки лѣстницу и цѣпи, да выбирай-то покрѣпче!“

Подалось Горе въ подвалъ за лѣстницей и цѣпами; бѣда, какъ томашится!—глазъ поскорѣе хочется имѣть зрячій... Принесло оно и лѣстницу и цѣпи. Прикрутилъ его Иванъ цѣпами къ столбу крѣпко-накрѣпко; нашель кость заостренную да камень увѣсистый и взобрался на башку Гора. Наставилъ онъ въ зрячій глазъ кость да какъ хватить по ней камнемъ, такъ глазъ и вытекъ весь! Заорало благимъ матомъ Горе и ну бѣсноваться на цѣпяхъ! Столбъ запатался, лѣстница въ сторону полетѣла, а Иванъ не удержался на головѣ Гора, шарахнулся о землю и чуть было въ дребезги не расшибся. Подхватился онъ, выбѣжалъ черезъ ворота со двора и остановился посмотреть, что Горе станетъ дѣлать. Бѣсновалось Горе, бѣсновалось, наконецъ перервало цѣпи и давай видаться, шарить по двору: Ивана все ищетъ. А кровь изъ глаза такъ и льется ручьемъ. Напало оно на быковъ и давай ихъ шматовать: какъ хватить быка, такъ быкъ и пополамъ!

— „Ну, счастливъ твой богъ!“ закричало оно. „Сумѣлъ во время уйти. Да нѣтъ же, проклятушій обманщикъ, не уйдешь ты отъ меня!“

Кинулось оно со двора, а Иванъ подавай Богъ ноги отъ него... Побѣжалъ Иванъ въ лѣсъ, а Горе прислушалось къ топоту его ногъ и бросилось за нимъ. Кинуло оно золотымъ топоромъ, который и вонзился въ дерево. Увидѣлъ Иванъ этотъ топоръ и подумалъ: „Возьму я этотъ топоръ,—цѣлый городъ купить за него можно!“ Только Иванъ притронулся къ топору, рука сейчасъ же точно приросла къ нему, и никакъ онъ оторвать ее не могъ. Да вдобавокъ топоръ началъ

звенѣть. Что есть силы мчится Горе къ этому топору, заранѣе радуется, что въ волю потѣшится надъ Иваномъ.

Видитъ Иванъ—плоха шутка; выхватилъ онъ изъ кармана ножикъ и отрѣзалъ себѣ руку: лучше безъ руки быть, да живымъ остаться... Только онъ успѣлъ отхватить руку и отбѣжать въ сторону, а Горе ужъ тутъ-какъ-тутъ! Сгребло оно руку и сразу слопало ее.

— „Догадался, проклятушій обманщикъ, руку отрѣзать, не то я тебѣ показало бы!“ закричало Горе вслѣдъ Ивану.

Прибѣжалъ Иванъ домой, залѣчилъ свою руку, на оставшіяся деньги открылъ онъ торговлю и зажилъ себѣ хорошо и ужъ больше никогда не помышлялъ итти по свѣту нужду-горе разыскивать.

4. Морозъ и два брата.

Жили да были на свѣтѣ два брата: богатый и бѣдный. Богатый проживалъ въ городѣ, а бѣдный въ деревнѣ. Богатому везло во всемъ: за какое бы дѣло онъ ни взялся, все ему удавалось, и богатѣлъ онъ съ каждымъ днемъ; понастроилъ онъ въ городѣ домовъ, лавокъ, торговлю открылъ большую и зажилъ себѣ,—знать никого не хотеть. Бѣднякъ же бился, какъ рыба объ ледъ: нѣтъ ему ни въ чемъ удачи; то у него лошадь или корова издохнетъ, то самъ или жена заболѣетъ; да и по хлѣбопашеству тоже не везло бѣдняку: въ одно время съ сосѣдами онъ пахалъ-сѣялъ, да и работалъ, можетъ, лучше ихъ, а придетъ время убирать хлѣбъ, у сосѣдей урожай-урожаемъ, а у него, какъ на смѣхъ, одни пустые колосья стоятъ, и жать нечего. И такъ изъ года въ годъ. Совсѣмъ онъ обѣднялъ, по нѣскольку дней впроголодь съ своей старухой бывалъ; хатѣнка почти развалилась, сквозъ крышу вода въ дождь ручьемъ течетъ, а въ щели стѣнъ вѣтеръ такъ и свищетъ, на всѣ голоса завываетъ. Дошло

бѣдняку до того, что хоть суму надѣвай да иди кусочек выпрашивай-вымаливай. Онъ давно бы пошелъ просить „Христа ради“, да стыдно, боязно, было срамиться передъ людьми. Что тутъ дѣлать, какъ горю пособить? Вотъ разъ сидитъ въ хатѣ бѣднякъ со своею старухой, горькую думу думаетъ про свою судьбу несчастную.

— „Эхъ“, шепчетъ онъ про себя, „хоть бы Господь-Батюшка смерть мнѣ послалъ! Чего я на свѣтѣ живу-маюсь? да и старуха тоже мучится понапрасну... Эхъ, бѣда, бѣда!“

— „А что, старикъ?“ говорить старуха, „что я наду-мала...“

— „А что?“

— „Есть у тебя братъ богатый,—пойди къ нему, попроси помощи... Вѣдь не чужой же онъ тебѣ, думаю, не откажетъ онъ намъ...“

— „Боязно итти къ нему, старуха“, отвѣтилъ мужъ. „Я и самъ объ этомъ подумывалъ, да боюсь, какъ бы онъ, вмѣсто помощи, по шеѣ не наклалъ бы мнѣ...“

— „Ну, не можетъ этого быть, чтобы онъ родного брата этакъ-то выгналъ! нѣтъ у него Бога что ли? Право, старикъ, пойди къ нему. Расскажи ему про нашу бѣдность-нужду. Такъ, молъ, и такъ,—пришелъ нашъ конецъ, хоть живьемъ въ гробъ ложись... Чтожъ? Если бы мы пьяницы съ тобой были, лѣнтыя какіе, а то вѣдь, всѣ добрые люди скажутъ, работаемъ, рукъ не покладаючи. Чтожъ дѣлать, когда Богъ не даетъ намъ счастья? Мы въ этомъ не виноваты“.

Говорила-говорила старуха,—уговорила мужика: согласился онъ къ брату итти, помощи просить. Собрался онъ въ путь-дорогу, помолился на икону, попрощался со старухой и пошелъ къ брату. Пришелъ въ городъ и прямо направился во дворъ брата. А братъ-богачъ на ту пору во дворѣ стоялъ, съ мужиками за пшеницу рассчитывался. Подошелъ бѣднякъ

къ нему, шапку снялъ, ниценько поклонился и говорить:

— „Здравствуйте, братецъ!“

Взглянулъ богачъ на брата этакъ искоса, поморщился: видно не по сердцу ему пришелся братъ въ своей рваной одежонкѣ.

— „Ну, здравствуй!“ говоритъ онъ. „А для какой надобности приперся сюда? Что тебѣ надобно отъ меня? Говори скорѣе, потому у меня дѣла по горло, и съ разными под-
лецами я зря не стану растабарывать“...

Оробѣлъ бѣднякъ сразу.

— „Пришелъ я къ вамъ, братецъ... бѣдность наша, нужда... Мы не какіе нибудь пьяницы... На счетъ помощи... вы ужъ не оставьте...“ началъ бормотать онъ, а самъ сбивается, на каждомъ словѣ путается.

Взбѣсился богачъ и ногами затопалъ на бѣдняка.

— „Какой тебѣ помощи?“ заоралъ онъ. „Ишь ты проходимецъ какой!—натрескался сивухи, несчастный, да еще людей беспокоить... Вонъ пошелъ со двора, чтобы духа твоего здѣсь не пахло! Эй, вы галманы!“ крикнулъ онъ на работниковъ. „Чего рты-то разинули! Гоните этого пьянчугу по шеѣ!“

Кинулся бѣднякъ со всѣхъ ногъ со двора, а работники — за нимъ.

— „Лови, держи его!“ кричатъ они и гогочуть.

Выбѣжалъ бѣднякъ изъ города въ степь, сѣлъ на камень при дорогѣ и горько заплакалъ.

Ѣхалъ изъ города мужикъ изъ той самой деревни, изъ которой бѣднякъ былъ, остановилъ лошадь и говорить:

— „Слушай, дядя! Какъ ты сюда попалъ и чего ты плачешь?“

Бѣднякъ подошелъ къ нему и рассказалъ, какъ онъ пришелъ въ городъ, помощи у брата богатаго попросить, и какъ его братъ со двора прогналъ.

— „Ну, ничего!“ сказалъ мужикъ, „не тужи! Богъ не безъ милости... Правда, тебѣ ни въ чемъ не везеть и Богъ знаетъ, почему; ну, да мы тебя не оставимъ. Есть у меня мѣшокъ гречихи, я тебѣ его отдамъ, а сосѣдъ лошадедку дастъ, пашню вспахать. Посѣешь гречиху,—уродится, и кормись со своей старухой. А тужить да горевать ты брось, потому что это самое послѣднее дѣло...“

Пріѣхали въ деревню. Бѣднякъ разсказалъ своей старухѣ, какъ братъ его прогналъ, и какъ мужикъ общалъ ему дать мѣшокъ гречихи.

Поплакала старуха и говоритъ:

— „Ну, Господь съ нимъ, съ братомъ! жили безъ него раньше, проживемъ и послѣ безъ него“.

А мужикъ-то не обманулъ бѣдняка: мало того, что мѣшокъ гречихи ему далъ, еще помогъ и пашню вспахать и засеять. Радъ бѣднякъ, и старуха его рада. „Эхъ, если бы Господь-Батюшка урожай послалъ!“ только и думаютъ они. А какъ взошла гречиха, старикъ каждое утро ходилъ на пашню посмотрѣть всходы, все ли благополучно, не забралась ли въ нихъ скотина, не потоптала ли ихъ.

Разъ утромъ приходитъ онъ на пашню, взглянулъ на всходы да такъ и ахнулъ: всѣ они побѣлѣли, какъ будто ихъ кто снѣжкомъ посыпалъ. А это ихъ морозомъ-утренникомъхватило. Заплакалъ бѣднякъ и о землю ударился. „Что же это такое?!“ закричалъ онъ, а самъ слезами такъ и обливается. „За что бы я ни взялся, что бы ни началъ дѣлать, во всемъ мнѣ неудача! Ну, что я такого дурного сдѣлалъ этому Морозу, что онъ мою гречиху погубилъ?! Нѣтъ, я долго терпѣль-молчалъ, а этого такъ не оставлю. Пойду къ Морозу, спрошу его, за что онъ меня обидѣлъ“. Приподнялся онъ съ земли и пошелъ въ большой дремучій лѣсъ, Мороза искать. Долго онъ шелъ. Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ гуще становился лѣсъ; чѣмъ выше поднимался онъ въ горы, тѣмъ

холоднѣе дѣлалось. Наконецъ, увидѣлъ онъ изъ-за сосенъ: дворець огромный стоитъ, весь онъ изъ снѣга и льда сдѣланъ. „Вотъ гдѣ Морозъ-то живетъ!“ удивился бѣднякъ. Вошелъ онъ во дворець, оглядѣлся,—кругомъ нѣтъ ни души. Пошелъ онъ ходить по горницамъ,—тоже пусто кругомъ. Наконецъ, въ послѣдней, самой большой, горницѣ увидѣлъ онъ огромнаго старика, съ длинною бѣлою, какъ снѣгъ, бородой. Сидѣлъ старикъ этотъ въ креслѣ изъ чистаго, какъ стекло, льда, а въ рукахъ держалъ большую дубинку. „Вотъ это и есть Морозъ!“ подумалъ бѣднякъ, снялъ шапку и поклонился старику.

— „Здорово, здорово, старичокъ!“ сказала Морозъ. „А зачѣмъ Богъ привелъ тебя въ наши края?“

Разказалъ бѣднякъ Морозу, зачѣмъ онъ къ нему пришелъ. Нахмурилъ Морозъ свои сѣдыя брови и говоритъ:

— „Нѣтъ, старичокъ, не трогалъ я твоей гречихи. Ты это напрасно думаешь на меня. А, между прочимъ, мы сейчасъ узнаемъ, кто твою гречиху попортилъ“.

Стукнулъ онъ дубинкой объ полъ. Вдругъ кругомъ зашумѣлъ-загудѣлъ вѣтеръ, и въ горницу влетѣлъ старшій сынъ Мороза.

— „Зачѣмъ ты, батюшка, меня звалъ?“ спрашиваетъ онъ отца.

— „Что вы тамъ безобразничаете съ братомъ?“ закричалъ на него отецъ. „Не знаешь что ли, что для насъ время зимой опредѣлено? вы и весной начинаете свои штуки выкидывать!.. Вотъ съ жалобой на васъ пришелъ старикъ,—гречиху у него погубили!..“

— „Это правда, батюшка“, отвѣчалъ сынъ. „Дѣйствительно, мы съ братомъ сегодня утромъ разбаловались на пашнѣ этого старика и побили его гречиху, такъ что ей ужъ ни за что не подняться. Только потомъ и сами не рады были своему баловству, когда увидѣли, какъ старикъ благимъ

матомъ ревъль да о землю бился. Жаль стало, потому что бѣднѣй этого старика во всей деревнѣ нѣтъ: съ голоду умираеть... Меня даже слеза прошибла... Ты ужь, батюшка, прости нашу глупость, а старичка этого ублаготвори чѣмъ нибудь!

— „Ладно!“ сказалъ старикъ Морозъ, „не учи!— я самъ знаю, что дѣлать. Пойди, принеси мнѣ берестяной коробъ!“

Сходилъ сынъ въ какую-то горницу, принесъ отцу берестяной коробъ. Подаль старикъ-Морозъ этотъ коробъ и говорить бѣдняку:

— „Вотъ возьми, старичокъ, этотъ коробъ! онъ тебя всю жизнь будетъ кормить: только двинь имъ по столу взадъ-впередъ, и передъ тобой явятся всякія кушанья. Ну, иди съ Богомъ,—не обижайся на моихъ сыновей!“

Взявъ старикъ коробъ, поблагодарилъ Мороза и пошелъ домой. Идетъ-спѣшитъ,—хочется ему поскорѣе испытать коробъ, накормить онъ его, или же Морозъ обманулъ его, насмѣялся надъ нимъ. Вышелъ на дорогу, уѣлся на травѣ и двинулъ коробъ по дорогѣ взадъ-впередъ.

Вдругъ открылась крышка короба, высунулись изъ него двѣ руки, разстелили скатерть, поставили разныхъ кушаньевъ и опять спрятались въ коробъ.

— „Вотъ чудо, такъ чудо!“ удивился бѣднякъ. „Теперь мы со старухой съ голоду не умремъ!“

Наѣлся онъ до сыта и пошелъ домой. Долго рассказывалъ онъ старухѣ, что случилось съ нимъ у Мороза, и накормилъ ее изъ берестяного короба. Обрадовалась старуха, что наконецъ-то они будутъ всегда сыты, не умрутъ отъ голода. На-радостяхъ пригласили они своихъ сосѣдей покушать изъ берестяной коробки. Сосѣди ѣли и дивились чуду, какого они отродясь еще не видывали.

Прошла молва про коробъ по всей округѣ, дошла и

до богача, брата бѣдняка. Захотѣлось ему, во что бы ни стало, имѣть у себя этотъ коробокъ, чтобы въ городѣ передъ купцами да господами разными похвастать. Заложилъ онъ коляску и поѣхалъ къ брату въ деревню. Приѣхалъ и остановился передъ хатѣнкой брата. Вошелъ онъ въ хату и говоритъ:

— „А, здравствуй, братецъ! Ну, какъ ты поживаешь? Ъхалъ я вотъ по одному дѣлу, да думаю: дай заѣду, брата провѣдаю“.

Обрадовался бѣднякъ и позабылъ, что братъ-то еще недавно его со двора, какъ паршивую собаку, выгналъ. Не знаетъ, гдѣ его посадить, какими словами приласкать.

— „А слышалъ я, братецъ, что у тебя какой-то чудесный коробокъ имѣется“, говоритъ богачъ.

— „Какъ же, братецъ, имѣется! Какъ же! Господь послалъ намъ за наше терпѣнье... Вотъ, изволь, я угощу тебя изъ этого коробка“, отвѣчаетъ бѣднякъ, а самъ-то хлопочетъ.

Двинулъ онъ коробкомъ по столу взадъ-впередъ; открылась крышка въ немъ, высунулись двѣ руки, наставили на столъ разныхъ кушаній и опять спрятались.

Несказанно удивился богачъ такому чуду; глаза у него такъ и разгорѣлись на этотъ коробокъ.

— „Да“, говоритъ онъ, „коробокъ у тебя чудесный! Да только чтожь это? положимъ, ты завсегда смѣть, ну, а на счетъ прочаго имущества у тебя плоховато. Хата твоя вся развалилась, того и гляди, потолокъ обвалится и тебя со старухой на-смерть задавитъ, одежонка, на васъ вся въ ключахъ, а на дворѣ нѣтъ никакого живота: ни лошадки, ни коровки. Коробокъ-то этого ничего не можетъ дать... Правду ли я говорю?“

— „Это правда, братецъ“, отвѣтилъ бѣднякъ. „Но что жъ .

дѣлать? Все отъ Бога зависить. Намъ грѣшно на Него-Батюшку обижаться“.

— „Такъ-то это, такъ“, завелъ опять свою пѣсню богачъ, „а все же какъ-то неловко передъ другими людьми. Ты вотъ что, братецъ: дамъ я тебѣ кошелѣкъ золотыхъ денегъ,—хватить ихъ вамъ со старухой на всю жизнь. Построите себѣ хату новую, хозяйство заведете и заживете себѣ получше другихъ... А ты, взаимнѣ, отдай мнѣ этотъ коробокъ. На что онъ тебѣ сдался?“

Говорилъ-говорилъ богачъ и уломалъ-таки бѣдняка промѣнять коробку на кошелѣкъ золотыхъ денегъ. Взялъ богачъ коробокъ и уѣхалъ домой.

Дома созвалъ онъ къ себѣ въ гости богатыхъ купцовъ, господъ разныхъ и накормилъ ихъ изъ берестяного коробка. Всѣ гости дивились чуду невиданному, и въ городѣ только и разговоровъ было, что про коробокъ и богача. Сталъ богачъ еще болѣе извѣстенъ по всей округѣ, и сѣважались къ нему посмотрѣть не коробокъ и купцы, и помѣщики, и генералы. А богачу-то это по душѣ: дескать, вотъ какой мнѣ почѣтъ!

Бѣднякъ построилъ себѣ новую хату, накупилъ лошадей, коровъ, словомъ, хозяйство полное завелъ. Да не на долго было это хозяйство: лошади подошли всѣ, попадали и коровы; а денегъ-то тоже ничего не осталось, потому что въ деревнѣ нашлись такіе благодѣтели, которые въ долгъ заняли у него не мало денегъ, а отдавать ихъ не иначе расплагались, какъ на томъ свѣтѣ угольками; да потомъ на разные расходы пошло не мало... Извѣстно, деньги, что вода: начини ихъ тратить,—онѣ такъ и текутъ изъ кармана.

Пришло такое время, что у бѣдняка не осталось ни денегъ, ни хлѣба. Потужилъ онъ о берестяномъ коробѣ, да прошлаго ужъ не воротить! Надумалъ онъ опять пойти къ дѣдушкѣ Морозу: онъ-де старикъ добрый и на этотъ разъ изъ бѣды выручить.

Пришелъ мужикъ къ Морозу и все обстоятельно рассказъ ему, что съ нимъ случилось. Ничего ему не отвѣтилъ Морозъ, а только далъ другой коробокъ, только не берестяной, а весь изъ чистаго золота слитый, алмазами и разными камнями драгоценными усыпанный. Какъ солнце горитъ коробокъ! Обрадовался бѣднякъ. „Вотъ это коробокъ, такъ коробокъ! не чета тому берестяному!“ подумалъ онъ и пошелъ домой.

Поставилъ онъ въ лѣсу на дорожкѣ коробокъ, самъ усѣлся и говорить:

— „А ну-ка, коробокъ-голубчикъ, накорми меня по сытнѣе, а то я что-то ужъ очень проголодался!“ и двинулъ коробкомъ взадъ-впередъ. Вдругъ выскочили изъ коробка люди съ плетями и давай, что есть силы, дупить бѣдняка, а онъ только успѣваетъ переворачиваться. Исписали они ему всю спину и опять въ коробокъ спрятались.

„Вотъ это такъ накормили!“ думаетъ бѣднякъ, а самъ спину да бока почесываетъ себѣ. Хотѣлъ было онъ бросить этотъ коробокъ, да раздумалъ: „А дай-ка я его снесу брату, да на старый коробокъ промѣняю. Глаза-то у брата завидующіе: какъ увидить, что коробокъ весь изъ золота да камнями дорогими усыпанъ, вѣкъ не разстанется съ нимъ!“ подумалъ про себя бѣднякъ, накрылъ халатомъ коробокъ и направился въ городъ.

Приходить къ брату-богатѣю и просить работниковъ, чтобы о немъ доложили. Богатый сначала не хотѣлъ-было принимать бѣдняка, но когда узналъ, въ чемъ дѣло, самъ встрѣтилъ его и привелъ въ комнату къ себѣ. А какъ онъ увидѣлъ коробокъ, такъ отъ радости прыгать принялся да въ ладоши захопалъ. А бѣднякъ прикинулся дурачкомъ и давай ему свою пѣсню пѣть:

— „Такъ и такъ, молю, братецъ: послалъ мнѣ Господь вотъ этотъ коробокъ, да не знаю, какъ мнѣ съ нимъ быть: народъ-то у насъ на деревнѣ очень озорной,—того гляди,

что украдутъ его, да и самого уколотятъ. Вотъ я и надумалъ: „Пойду, молъ, отнесу этотъ коробокъ братцу; у него есть гдѣ спрятать его; да ему и пристойнѣе, какъ купцу, держать его у себя. А себѣ, молъ, возьму коробокъ берестяной,—по нашему, мужицкому, положенію и такой хорошъ будетъ“. Вотъ я и принесъ его вамъ, братецъ!”

— „И умно сдѣлалъ!“ отвѣтилъ богатѣй. „А любопытно было бы узнать, какія-такія чудеса выкомариваетъ этотъ коробокъ?“

— „О!“ говоритъ бѣднякъ. „Этотъ будетъ куда лучше прежняго: онъ не только самыя лучшія господскія кушанья поставляетъ, но и вина и водки разныя. Только вотъ одно въ немъ, пожалуй, не хорошо: онъ только по вечерамъ и дѣйствуетъ, а днемъ, хоть ты его тысячу разъ двигай взадъ-впередъ, толку никакого не будетъ“.

— „А это и хорошо“, отвѣчаетъ богачъ, „довольно благородному человѣку разъ хорошенько покушать,—не по-вашему же, по-свинки, лопать поминутно. Возьми ты свой старый коробокъ да вотъ тебѣ еще въ подарокъ кошелекъ съ золотомъ“.

Поблагодарилъ бѣднякъ брата, взявъ берестяной коробокъ и, давая Богъ ноги, домой.

А богачъ въ тотъ же день созвалъ со всего города самыхъ именитыхъ людей къ себѣ въ гости, на вечеръ. Понаѣхало тутъ къ нему и купцовъ, и генераловъ, и чиновниковъ, разныхъ тамъ господъ... Да и простого народа понашло къ дому богача множество: каждому захотѣлось посмотреть, какъ богатые люди веселятся. А богачъ заранѣе поставилъ среди залы столъ, а него коробокъ и закрылъ его платкомъ шелковымъ; гостямъ же объявилъ, что онъ покажетъ имъ такое чудо, какого никто отродясь не видалъ.

Когда съѣхались всѣ гости, и лакеи поставили по столамъ тарелки, ножи, рюмки, богачъ попросилъ гостей са-

даться за столъ. Усѣлись гости и ждутъ вкуснаго ужина. Не даромъ же передъ каждымъ приборъ поставлень! А богачъ такой веселый и радостный, съ медалями на шеѣ и на груди, подошелъ къ столу и снялъ съ коробка платокъ. Гости такъ и ахнули отъ удивленія: и, правда, такого чуда никто изъ нихъ еще не видывалъ. Тысячами огней загорѣлся коробокъ.

— „Играйте самый веселый маршъ!“ весело кричитъ богачъ музыкантамъ, которые тутъ же въ залѣ стояли.

Заиграли музыканты маршъ. Богачъ двинулъ коробокъ по столу взадъ-впередъ: выскочили изъ него люди и давай жарить плетями и хозяина и гостей! Поднялся тутъ крикъ, шумъ, ругань; гости, давай Богъ ноги, кто куда попало: кто въ двери, а кто и въ окно. Всякъ спѣшить поскорѣе выбраться изъ залы, и началась тутъ потасовка между гостями, пошли въ ходъ и кулаки, и стулья, и тарелки... А люди изъ коробка знай свое: дупять плетями и направо и налѣво безъ всякаго милосердія. Наконецъ и они уморились, въ коробокъ попрятались.

А на утро въ городѣ только и было разговору, что про вчерашнее „угощеніе“ у богатѣя. Всѣ гости проклинали его и цѣлую недѣлю ходили—кто съ фонарями подъ глазами, кто съ свороченной скулой, кто съ проломленной головой, а спины-то у иныхъ цѣлый мѣсяцъ, какъ чугуны, были черныя отъ плетей.

А богачъ съ такого срама чуть было не удавился, глазъ на улицу не сталъ показывать, коробокъ въ рѣку ночью бросилъ и на всѣ корки ругалъ брата-обманщика.

Бѣднякъ же зажилъ себѣ со старухой славно: коробокъ ихъ каждый день кормилъ до отвала, одежды гаранте накуплено... Чего еще нужно?!

5. Портретъ.

Жили въ одной станицѣ мужъ и жена и такъ они любили другъ друга, что разстаться не могли: по цѣлымъ днямъ въ хатѣ сидѣли и одинъ другому въ глаза заглядывали.

— „Я безъ тебя, муженѣкъ милый, и одной минуточки дыхнуть не могу,—все бы около тебя сидѣла и на красоту твою любовалась!“ говоритъ баба мужу, а сама его чмокъ-чмокъ въ губы. А мужъ-то радъ, губы растрепалъ и ухмыляется: вотъ, моль, какую хорошую жену мнѣ Господь послалъ,—просто золото-баба! Любовь-любовью, но нужно вѣдь когда-нибудь и работать; не то, и съ голоду не долго умереть. Такъ и этому казаку понадобилось въ лѣсъ по дрова съѣздить, пшеницу на мельницу свезти, скотину убрать... Да мало ли работы по хозяйству найдется,—только успѣвай дѣлать! Да съ бабой ему разстаться ужъ очень-то не хотѣлось. Пригорюнился онъ, бѣдняга, и чуть не плачетъ. Испугалась жена: ужъ не заболѣлъ-ли ея муженѣкъ.

— „Что съ тобой, мой милый?“ спрашиваетъ она.

Разказалъ ей мужъ, въ чемъ дѣло. Разсмѣялась въ отвѣтъ баба и говорить:

— „Не горюй, муженѣкъ! я придумала, какъ нашему горю помочь. Поѣдемъ съ тобой въ городъ, спишемъ съ себя портреты, и, когда настанетъ время намъ разстаться, то я отдамъ тебѣ свой портретъ, а ты мнѣ свой. Вотъ, хотъ и не вмѣстѣ мы будемъ, а все же будемъ другъ на друга смотрѣть“.

Развѣсилъ уши мужъ да, знай одно, удивляется: „Вотъ, дескать, какая у меня жена умная, какъ это она все ловко придумала. А еще говорятъ люди: баба—дура! Нѣтъ, братъ, шалишь! Если бы имъ такой умъ, какъ у моей жѣнушки, такъ сказали бы: Слава тебѣ, Господи!“

— „Хорошо“, говоритъ онъ, „ѣдемъ въ городъ!“

Приѣхали они въ городъ, сняли съ себя портреты и вернулись обратно домой. Собрался мужъ ѣхать въ лѣсъ по дрова, нацѣловался онъ въ волю съ женой, отдалъ ей свой портретъ, а ея взялъ съ собою и тронулся въ путь-дороженьку. Ѣдетъ онъ, а самъ глазъ съ женина портрета не спускаетъ, бросилъ и лошадыю править и чуть было вмѣстѣ съ ней подъ кручу не загудѣлъ, да, спасибо, Господь спасъ,—лошадь во время остановилась. Приѣхалъ онъ въ лѣсъ, принялся лошадь распрягать, а самъ все на портретъ смотреть и ужъ насилу-насилу распрягъ ее. Пристроилъ онъ на пенькѣ портретъ, и, какъ только разъ стукнетъ топоромъ по деревцу, то сейчасъ же бѣжитъ на портретъ взглянуть. Стукалъ онъ, стукалъ такимъ манеромъ и едва только къ вечеру возишко дровъ нарубилъ. А какъ началъ онъ дрова на возъ укладывать, лошадь запрягать, такъ та же потѣха съ портретомъ началась. Наконецъ-то, кое-какъ собрался онъ ѣхать домой; пристроилъ межъ дровъ портретъ, ѣдетъ и смотреть на него.

Шелъ по дорогѣ, ему навстрѣчу, прохожій какой-то, такъ себѣ—старичекъ сѣденькій. Остановился онъ и говорить:

— „Здравствуй, добрый человекъ, путь-дорога тебѣ!“

— „Спасибо, дѣдушка!“ отвѣтилъ казакъ, а самъ все на портретъ смотреть.

— „А что это, милый человекъ, у тебя на возу,—картинка что ли какая пристроена?“ спрашиваетъ старикъ.

— „Какая картинка?“ говорить казакъ. „Это портретъ женинъ, а ты—„картинка!“ Хамье необузданное!“

— „Къ чему же онъ, портретъ-то этотъ?“ опять спрашиваетъ старикъ.

— „А вотъ къ чему“, отвѣтилъ казакъ и рассказалъ, въ чемъ тутъ дѣло заключается.

— „Ха, ха, ха!“ принялся хохотать старикъ, и за бока

схватился. Нахохотался онъ въ волю и опять спрашиваетъ казака:

— „Что жъ, ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что жена ужъ очень-то тебя любить и не обманываетъ, а?“

Взбѣленился казакъ послѣ этихъ словъ, съ воза со-скочилъ и старика за шиворотъ сгрѣбъ. „Какое ты имѣешь право жену мою порочить?“ кричитъ онъ, а самъ его такъ то за шиворотъ трясетъ. „Да скажи ты мнѣ еще хоть одно слово про жену, такъ я тебѣ, старому дьяволу, всѣ рѣбра попересяжу. Ишь, пляются по свѣту проходимицы разные да еще въ чужія семейныя дѣла вмѣшиваются! Пошелъ, пока цѣль!“

Толкнувъ казакъ старика такъ, что тотъ кувыркомъ отъ него полетѣлъ и чуть было не растанулся на дорогѣ.

Оправился старикъ и опять подошелъ къ казаку.

— „Ты постой, не буянь!“ проговорилъ онъ. „Кричать тутъ да драться зря нечего,—адѣсь вѣдь лѣсъ, а не общественная сходка. Я тебѣ о дѣлѣ хотѣлъ поговорить, а ты кулаки въ рожу тычешь. Нѣшто это порядокъ?“

— „Ну, говори!—что ты тамъ еще скажешь?“ сердито отвѣтилъ казакъ и приготовился слушать.

— „Видишь ли?“ началъ старикъ, „бабы—народъ очень хитрый, продувной, и довѣрять имъ ни въ чемъ нельзя. Сейчасъ она тебѣ одно поетъ: „и милый, и другъ любезный, и такой-сякой, сухой-немазанный“. А чуть отвернешь ты,—она уже другую пѣсню запѣла: дружка милаго подъ бочѣкъ да и пошла съ нимъ разные планы разводить,—цѣлуется-милуется, да надъ мужемъ-дуракомъ потѣшается. Знаю я это бабѣ очень хорошо! Тоже вотъ, можетъ, и жена твоя: ты вотъ бѣлмы свои на портретъ вылупилъ, а у нея въ это время, можетъ, другъ любезный сидитъ. Я не знаю, можетъ, твоя баба и на самомъ дѣлѣ хорошая женщина, а только все же присматривать за ней не мѣшаетъ: Богъ знаетъ, что

у нея на умѣ... Я тебѣ вотъ про что говорю, а ты, точно съ цѣпи сорвался, орѣшь: „не порочь мою жену!“ да чуть было не задушилъ меня“.

Послушалъ, послушалъ казакъ да и думаетъ: „а можетъ, старикъ и правду говорить... Скитается онъ вездѣ по свѣту: мало ли разныхъ штукъ насмотрѣлся?“

— „А знаешь, старичекъ“, говоритъ онъ, „хотѣлось бы мнѣ посмотреть, что моя жена теперь подѣлываетъ, да такъ, чтобы она этого не знала. Ты, какъ я замѣчаю, человекъ съ головой,—не посовѣтуешь ли мнѣ, какъ это устроить“.

— „Что жъ?“ отвѣчаетъ старикъ, „сдѣлать это не трудно. Сворочивай возъ съ дороги!“

Свернулъ казакъ съ дороги, подошелъ къ старику. Стукнулъ его старикъ кулакомъ по затылку, и онъ вразъ изъ человека сдѣлался козломъ, да такимъ большимъ, лохматымъ, съ длинными рогами. Привязалъ сварикъ веревку за рога козлу и пошелъ съ нимъ въ станицу.

Разыскалъ онъ хату казака, вошелъ во дворъ, увидѣлъ хозяйку и говоритъ:

— „Здравствуйте, тѣтенька!“

— „Здравствуйте, дѣдушка!“ отвѣчаетъ хозяйка. „А для какой это надобности вы съ козломъ зашли ко мнѣ на дворъ?“

— „Да, видите ли, тѣтеня, человекъ я странній, пріюту ни гдѣ не имѣю,—такъ нельзя ли мнѣ съ козломъ у васъ ночку одну переночевать?“

— „Нѣтъ, нѣтъ!“ затараторила баба. „И съ чего это вы взяли, добрый человекъ, чтобы я къ себѣ въ домъ ночлежниковъ пускала?! Вѣдь у меня же не постоянный дворъ, да къ тому же и мужа нѣту дома. Пустя я васъ ночевать, что тогда сосѣди скажутъ? Она-де такая, она слая: мужъ со двора, а она разныхъ гостей къ себѣ принимаетъ... Нѣтъ, нѣтъ! у меня пріюту не имѣется... Идите себѣ съ Богомъ!“

Бабёшка этакъ-то отвѣчаетъ старику, а сама все на улицу поглядываетъ, точно кого-то къ себѣ поджидаетъ. За-мѣтилъ это старикъ и говорить:

— „Можетъ, тётенька, вы потому меня на ночлегъ не пускаете, что кого-нибудь къ себѣ поджидаете? Такъ я—человѣкъ старый и ни въ чемъ вамъ не помѣшаю“.

Разсердилась баба на старика за такія слова.

— „Да за кого же ты меня принимаешь? Что бы я къ себѣ гостей пускала, когда мужа дома нѣтъ?“ вскричала она. „Я вѣдь не какого-нибудь распутнаго поведенія, а муж-няя жена... Убирайся со двора, а не то, такъ я тебя живо вилами попру!“

Слышалъ козелъ разговоръ жены со старикомъ и думаетъ: „Такъ, женушка, такъ! Хорошенько пробери его, что бы онъ понапрасну не порочилъ тебя“.

— „Простите, тётенька, ради Христа!“ говоритъ старикъ и шапку передъ бабой снялъ. „Я и не думалъ васъ обидѣть, а сказалъ только такъ, по своей глупости. Вѣдь не даромъ же умные люди говорятъ: старый, что малый. Такъ же и я: что ни взбредетъ мнѣ въ башку, я то и бормочу, а о томъ и не подумаю, что, можетъ, это и неприятно людямъ. Дуракъ я, и больше ничего“.

— „Это правда“, засмѣялась баба. „А ночевать тебя все таки не пуцу, ужъ какъ ты тамъ ни проси меня“.

— „Ну“, говоритъ старикъ, „если меня не пустите, то дозвольте переночевать хоть козлу. Самъ-то я ужъ какъ-нибудь выпрошусь у людей на ночлегъ, только вотъ, съ козломъ какъ мнѣ быть, право, не знаю. Эхъ, связался я съ нимъ себѣ на горе!—самъ маюсь да еще и людей въ грѣхъ ввожу. Видите ли, тетенька, козелъ-то этотъ не простой, а особенной породы. Поручилъ мнѣ одинъ купецъ привести его къ нему,—сказалъ: „Ежели ты мнѣ его испортишь, или онъ тамъ отъ чего заболѣетъ, такъ лучше въ гробъ живой ло-

жись“. Ну, что мнѣ съ нимъ дѣлать? Оставить его на дворѣ опасно,—того гляди, украдутъ, а не то—дождь пойдетъ, намокнетъ онъ, простудится и заболѣетъ. Ужъ вы, тѣтенька, дозволейте переночевать ему въ хатѣ, ради самого Господа!“ просить старикъ, а самъ чуть не плачетъ.

Разжалобилась баба. „А что“, думаетъ она, „чего бѣдный человекъ изъ-за козла горе будетъ терпѣть? Пущу козла въ хату,—мѣста онъ за ночь не перестойтъ“.

— „Что жь!“ говорить потомъ она старику, „пусть козель остается въ хатѣ. Да только смиренный ли онъ у тебя?“

— „О, не беспокойтесь, пожалуйста, тѣтенька!“ отвѣтитъ старикъ, „онъ такой смиренный, что смиреннѣе и быть не можетъ“.

Ввелъ старикъ козла въ хату, привязавъ его въ углу за гвоздь, попрощался съ бабой и ушелъ.

А баба начала суетиться: столъ чистою скатертью накрыла; водки, вина, закусокъ разныхъ понаставила; въ хатѣ все поприбрала; полъ подмела; сама передъ зеркаломъ причепурилась *). Не сидится ей въ хатѣ: выбѣжить на дворъ, посмотреть на улицу, да опять въ хату, а потомъ опять на улицу. „Эге-е, такъ вонъ оно что!“ подумалъ козель и сталъ примѣчать, что дальше будетъ.

Черезъ нѣкоторое время приходитъ въ хату дьячокъ.

— „Здравствуйте!“ такъ-то важно говорить онъ бабѣ.

Баба такъ и заюлила передъ нимъ и, какъ сорока, затараторила.

— „Ахъ, здравствуйте! Милости просимъ садиться, хлѣба-соли откушать! Очень, очень благодарны вамъ, что не забываете насъ. Садитесь, пожалуйста!“

Не знаетъ баба, на какое мѣсто дьячка посадить, какъ умаслить его, а сама такъ и заглядываетъ ему въ глаза.

*) Причепуриться—продѣться, прифрантиться.

Разгладил дьячокъ рукой свою бороду, осмотрѣлся кругомъ.

— „А зачѣмъ, примѣрно сказать, такое животное въ хатѣ у васъ, когда ему самимъ Господомъ опредѣлено находиться на дворѣ?“ спрашиваетъ онъ и рукой на козла указываетъ.

— „Да это одинъ странный человѣкъ, старикъ, вымолил-выпросилъ у меня пустить въ хату козла, переночевать. Козель, говоритъ, заграничной породы; такъ боюсь, говорить, на дворѣ онъ можетъ простудиться“, отвѣчаетъ баба.

— „А!“ говоритъ дьячокъ, „это совсѣмъ другое дѣло. Да, дѣйствительно, есть такіе козлы особенной породы, которые не переносятъ холоднаго воздуха. Что жъ, пусть ночуетъ, помѣшать-то онъ намъ, я полагаю, не можетъ“.

— „Конечно, не можетъ“, отвѣчаетъ баба, а сама улыбается.

Засѣлъ дьячокъ за столъ, а баба не знаетъ, какъ и угодить ему: какой водки или вина налить, какой получше кусочекъ подложить. А дьячокъ пьетъ-ѣстъ да все бабу похваливаетъ.

— „Золотыя“, говоритъ онъ, „у васъ ручки: все то вы такъ сумѣете приготовить, что пальчики оближешь!“

А баба-то какъ будто застыдилась и говоритъ:

— „Да ужъ вы наговорите: только на смѣхъ поднимаете. Развѣ же я могу по вашему вкусу приготовить?“ Говорить она это, а сама рада, что ее хвалятъ.

Выпилъ дьячокъ еще рюмки три-четыре водки, и въ головѣ у него зашумѣло; вскинулъ онъ глазами на бабу и говорить:

— „Послѣ добраго винца нужна и добрая закусочка. А нѣтъ лучше закуски, какъ, если бы удостоили меня въ ваши алыя губки поцѣловать“.

А баба опять какъ бы застыдилась.

— „Ужъ вы“, говоритъ, „выдумаете!“ А сама чмокъ-чмокъ дьячка въ губы!

— „Ахъ, какъ это превосходно!“ вскричалъ дьячокъ. „Поди и мужа такъ-то сладко цѣлуете, а?“

Фыркнула баба и даже какъ будто разсердилась на дьячка за этакія слова.

— „Вотъ еще что выдумали!“ говоритъ она. „Стану я такого остолопа цѣловать! Его мѣсто на огородѣ, чучелой быть да воробьевъ пугать“.

Взяла она съ окошка портретъ мужа, подала дьячку и говоритъ:

— „Ну, сами посудите, можно-ли цѣловать такую образину?“

Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ дьячокъ на портретъ и головой помоталъ.

— „Да!“ говоритъ онъ, „не кавистъ у васъ муженекъ! Ни чѣмъ не взялъ,—ни красотой, ни умомъ“.

Взяла баба изъ рукъ дьячка портретъ; плюнула на него и бросила на окошко.

— „На такую пакостную харю только плевать можно. не цѣловать. А вотъ васъ отъ всего сердца поцѣлую!“

И принялась она тутъ цѣловать дьячка, да такъ часто, что дьячокъ не успѣвалъ и губы обтирать...

Смотрѣлъ-смотрѣлъ на все это козелъ, да ужъ очень-то ему обидно стало, не вытерпѣлъ онъ и заоралъ во все горло: „ме-ме-мее!“ Да такъ-то онъ жалостно закричалъ, что даже и у пьянаго дьячка на душѣ какъ-то нехорошо сдѣлалось.

А баба подскочила къ козлу, кричить на него:

— „Цыцъ, треклятая тварюка! Цыцъ, отродье дьявольской! Чего ты, анаема, горланишь? Чего тебѣ надо?“ Схватила она кочергу и давай охаживать его по бокамъ...

На утро пришелъ за возомъ старикъ. А баба въ хатѣ уже все прибрала, печку затопила, обѣдъ стряпаетъ.

— „Спасибо вамъ, тётенька, за ночлегъ“, говорить онъ. „А что случаемъ спросить васъ, спокойно ли мой козликъ ночевалъ?“

— „Какое спокойно!“ отвѣчаетъ баба. „Кричалъ все,—какой-то онъ у тебя блажной,—если бы знала, такъ не пустила бы въ хату“.

„Эге!“ подумалъ старикъ, „значить, что-то было,—не сталъ бы онъ зря кричать“. Попрощался онъ съ бабой и ушелъ съ возомъ въ лѣсъ. Здѣсь стукнулъ онъ козла по шеѣ кулакомъ, и вмгъ козелъ превратился опять въ чело-вѣка.

— „Ну, что ты теперь скажешь?“ спросилъ старикъ казака.

А тотъ отъ стыда не зналъ, куда и глаза дѣвать: молчить, ни слова не говорить.

— „Вотъ то-то оно и есть!“ сказалъ старикъ. „Ты вотъ сначала узнала бы хорошенько, чтó за птица твоя жена, а тогда бы и заступался за нее. Такъ-то, милый человѣкъ... Ну, прощай!“

Ушелъ старикъ, а казакъ сгребъ съ воза портретъ женинъ и въ клочки изорвалъ; запрягъ лошадь и поѣхалъ домой. Ъдетъ онъ и все лошадь погоняетъ,—хочется ему поскорѣе добраться до двора и съ бабой-измѣнницей по своему раздѣлаться. Подъѣзжаетъ онъ ко двору своему и видитъ, что изъ хаты баба выбѣжала и портретъ въ рукахъ держитъ. Подходить она къ воротамъ такая радостная, веселая и съ портрета глазъ не сводитъ. Начала ворота отворять да все съ портретомъ возится. Нахмурился казакъ, что туча дождевая; зло взяло его на жену, да стерпѣлъ онъ,—хотѣлъ посмотреть, что дальше будетъ. А баба отворила ворота,

идеть къ возу и въ портретъ такъ и впилась глазами. Вагнула она на мужа да какъ вскрикнетъ:

— „Пріѣхалъ, мой милый, пріѣхалъ! Охъ и соскучилась я по тебѣ, голубчикъ!“

Подошла она вплотъ къ возу и пуще прежняго взвизгнула:

— „Вотъ мой милый! Вотъ моя радость, солнце ясное, мой мѣсяцъ золотой!“ точно и на самомъ дѣлѣ ей пріятно видѣть мужа. И тянется она къ мужу, чтобы поцѣловать его. Вбѣселся казакъ, вскочилъ съ воза да какъ шарахнетъ бабу въ ухо: та такъ съ ногъ и сгорѣла. Поднялась она съ земли, принялась голосить да приговаривать:

— „Ой, да что же съ тобой случилось? что тебѣ попритчилось? Да какой же это злодѣй на тебя хворобу напустилъ? кто между насъ зло посѣялъ?“

Еще пуще вбѣленился казакъ, сгрѣбъ онъ бабу за косы и давай таскать по двору.

— „Признавайся, кто у тебя прошлую ночь въ гостяхъ былъ? Кого ты водкой да виномъ угощала? Говори, не то убью, какъ собаку!“ кричитъ онъ.

— „А вотъ тебѣ забожусь, а вотъ тебѣ заклянусь, что никого у меня не было“, вопить баба.

Билъ казакъ её, билъ, да такъ ни чего и не допытался отъ нея!

6. Д е м и д и а.

Жилъ на свѣтѣ одинъ человѣкъ,—Демидкой звали; онъ былъ такъ бѣденъ, что едва прокармливался съ женою своею. Вотъ разъ онъ раздумался о своемъ житѣ-бытѣ и говорить самъ себѣ: „Что за дьяволь! Сколько ни моволь рукъ, сколько ни гни спину надъ работою, а все толку нѣтъ никакого.“

Надо придумать, какъ бы на свѣтѣ не трудясь прожить и нужды ни въ чемъ не терпѣть. Вотъ это было бы куда какъ хорошо!“

Пошелъ онъ въ степь, гдѣ лошади паслись, понадергалъ изъ конскихъ хвостовъ волосья, понадѣлалъ силковъ и разставилъ ихъ на падлѣ *). Попались въ силки двѣ вороны; принесъ онъ ихъ домой; потомъ привалялъ у сосѣда денегъ, купилъ курицу, муки, яицъ и приказалъ женѣ сварить лапшу съ курицей и поджарить яичницу. А самъ посадилъ одну ворону на печку и настрого наказалъ женѣ не выпускать ее на дворъ; другую же взялъ подъ полу бешмета и пошелъ въ церковь. Въ тотъ день былъ праздникъ. Пришелъ бѣдный человекъ въ церковь и сталъ въ дверяхъ. Идетъ мимо него попъ, а онъ возьми и придави ворону, а та во все горло: „карь-карь-карь!“

— „Что это, свѣтъ-Демидушка, у тебя педъ полоку кричить?“ спрашиваетъ попъ у бѣднаго человека.

А тотъ попу въ отвѣтъ:

— „А это, батюшка, Правда кричитъ“.

— Какая-такая правда?“

— „А вотъ какая!“ говоритъ Демидушка, вытащилъ изъ-подъ полы ворону и показываетъ попу.

— „Да вѣдь это ворона“, говоритъ попъ. „Ты, свѣтъ, со мною дурака строишь. Какъ же это можно допустить, чтобы ворона, которая есть птица небесная, и вдругъ была бы правдой?“

— „Мало-ли, что она есть птица небесная, а все-же она—Правда“, увѣряетъ Демидушка. „Вотъ слушайте, батюшка, прикажу я Правдѣ полетѣть ко мнѣ домой и сказать женѣ, чтобы она къ обѣду приготовила лапшу съ курицей и яичницу. А послѣ обѣдни зайдите ко мнѣ, милости просимъ,

*) На падали.

отобѣдать, и если жена въ точности исполнитъ мое приказаніе, такъ, значитъ, птица эта и есть Правда“.

— „Хорошо, свѣтъ“, согласился попъ: „Ну, приказывай Правдѣ“.

Даль Демидушка приказаніе воронѣ насчетъ обѣда и пустилъ её. Полетѣла ворона въ лѣсъ и отъ радости закаркала.

Служитъ попъ обѣдню, и не терпится ему,—хочетъ узнать, правду ли говорилъ Демидушка, или же, по глупости своей, вралъ. Отслужилъ онъ обѣдню и съ Демидушкой пошелъ къ нему въ гости. Пришли, сѣли за столъ. Подала жена обѣдать. Смотритъ попъ—на столѣ лапша съ курицей и яичница.

Удивился онъ и спрашиваетъ:

— „А гдѣ же—Правда?“

— „Да вонъ на печкѣ сидитъ“, говоритъ Демидушка.

Взглянулъ попъ, и въ самомъ дѣлѣ, на печкѣ ворона сидитъ да перья на себя клювомъ охорашиваетъ.

Вызвалъ попъ Демидушку на дворъ и проситъ продать ему Правду.

— „Отчего же? можно!“ говоритъ Демидушка. „Сто рублей!“

— „Дорого, свѣтъ, уступи!“

— „По своей цѣнѣ, батюшка, отдаю вамъ. Вѣдь этой Правдѣ и цѣны нѣтъ. Ежели бы её повести къ какому-нибудь генералу, такъ тотъ и разговаривать не сталъ бы: „на! получай тысячу рубликовъ!“ А я вамъ по уваженію отдаю за сто“.

— „Видно, ужъ придется взять“, говоритъ попъ, вытащилъ кошелекъ, отсчиталъ Демидушкѣ сто рублей, взялъ ворону и пошелъ домой.

— „Вотъ, мать“, говоритъ онъ понадѣ, „какую рѣдкостную птицу приобрѣлъ я!“ И принялся онъ рассказывать

про ворону: такая-де она умная, что человѣческую рѣчь понимаетъ и всякое приказаніе въ точности можетъ исполнить. Попадья слушаетъ и только удивляется. На другой день, ни свѣтъ, ни заря, поднялся попъ съ постели, попадью разбудилъ и далъ ей такое приказаніе, чтобы она не смѣла готовить обѣдъ до тѣхъ поръ, пока Правда не прилетитъ и не скажетъ ей. Взялъ онъ ворону и отправился въ степь.

— „Ну“, говорить онъ, „лети ты, Правда, къ матушкѣ и скажи, чтобы она къ обѣду приготовила мнѣ солонинки съ хрѣномъ, а то скажи, давно ужъ батюшка не ѣдалъ ея; да чтобы щи жирныя были, да блинчики съ вареньемъ... Ну, лети!“

Пустилъ попъ ворону; поднялась та вверхъ и крикнула: „каръ-каръ“. А попъ-то подумалъ, что это она ему отвѣчаетъ: слушаюсь, молъ, исполню ваше приказаніе. До самаго обѣда шатался онъ по степи и такъ проголодался, что, кажется, быка цѣлаго съѣлъ бы. Приходитъ онъ домой и говорить:

— „Ну, и проголодался же я, мать моя! Давай-ка обѣдать поскорѣе!“

— „Да я еще и не думала обѣда-то готовить!—все ожидала, когда твоя Правда съ приказаніемъ прилетитъ“, отвѣчаетъ попадья.

— „Да развѣ же она не прилетала?“

— „Нѣтъ, не прилетала“.

— „Обманулъ меня, Демидка-пѣсь!“ подумалъ попъ. „Ну, ужъ и задамъ же я ему!—удушу его, собаку!“

На утро пригласилъ онъ съ собой дьячка, взялъ веревку и отправился Демидку душиить.

А тотъ зналъ, что попъ къ нему прійдетъ расчитываться за обманъ,—на другую хитрость ударился. Стояла у него на дворѣ горка небольшая; втащилъ онъ на эту горку телѣжку и ждетъ попа.

Только попь съ дьячкомъ къ нему на дворъ, а онъ прыгъ въ телѣжку, и покотился съ горки.

— „Тыр-р-у! Стой, телѣжка, стой!“ ореть онъ во все горло. „Стой, не то батюшку задавишь!“

Телѣжка и остановилась около воротъ.

Удивился попь такому чуду: вотъ, дескать, добро-то какое!—не нужно ни лошадей, ни кучера, садись и поѣзжай, куда душѣ твоей угодно. Разгорѣлись у него глаза на эту телѣжку, и о томъ забылъ, что пришелъ-то онъ, за тѣмъ, чтобы Демидушку-обманщика удушить. Отозвалъ онъ въ сторону Демидуку и сторговалъ у него телѣжку за двѣсти рублей. Отдалъ онъ деньги, привезъ телѣжку и опять хвалится попадѣ.

— „Не вѣрится мнѣ что-то“, говоритъ попадья, „какъ-бы опять Демидка поганый не обманулъ тебя“.

— „Ну, ужъ нѣтъ!“ весело отвѣчаетъ попь, „самъ же я, своими собственными глазами, видѣлъ, какъ эта чудесная телѣжка, по приказанію Демидки, дѣйствовала. Да чего тамъ? Мы можемъ сейчасъ испытать еѣ! У насъ это не долго, мы на этотъ счетъ мастера... Хочешь, я покатаюсь въ телѣжкѣ?“

— „А ну, начинай!“

Усѣлся попь въ телѣжкѣ и кричить:

— „Ну-ка, чудесная телѣжка, покатай батюшку по двору!“

А телѣжка ни съ мѣста,—какъ стояла, такъ и стоитъ себѣ. Ужъ попь на нее кричалъ-кричалъ, ногами толкалъ, а она—ни съ мѣста. Попадья схватила за бока и давай надъ попомъ смѣяться.

— „Ха-ха-ха!“ хохочетъ она. „Еще попомъ называешься, а какому-нибудь Демидкѣ-хаму, который трехъ свиньямъ не раздѣлить пожрать, въ обманъ дался! Ну, ужъ и муженекъ, нечего сказать, хорошъ!“

И стыдно стало попу, и злость его разбирала на Де-

мидку: кажется, попадись онъ ему сейчасъ на глаза, въ клочки бы разорвалъ его.

— „Ну, чего ты хохочешь?“ накинулся онъ на попадю, чтобы хоть на ней сорвать свое аю, и чуть не избилъ ее.

На утро идетъ онъ опять съ дьячкомъ Демидку душить. „Теперь, молю, не проведешь, не поддамся я твоимъ хитростямъ“.

А Демидка еще лучше телѣжки штуку выкинулъ: купилъ онъ гдѣ-то лошадь-клячу, такую скверную, худую, что хорошій ховяинъ не только не сталъ бы держать еѣ во дворѣ, а еще заплатилъ бы живодѣру, чтобы тотъ его избавилъ отъ нея. Демидка же поставилъ клячу по срединѣ двора, набросалъ въ навозъ ея серебряныхъ денегъ, присѣлъ на корточки и ну копать руками въ навозѣ!

Пришли поцъ съ дьячкомъ, увидѣли, какимъ дѣломъ онъ занимается, — засмѣялись.

— „Что ты, дуракъ, дѣлаешь!“ спросилъ поцъ. „Жуешь что-ли ты, что копаешься въ навозѣ? Это еще что за чудовище морское стоитъ?“ Толкнулъ онъ клячѣнку, а та чуть на землю не повалилась.

— „Потише, батюшка! будьте такъ добры, не толкайте моей лошади!“ отвѣтилъ Демидка, „вы не смотрите, что она такая худая: ей, ежели кто понимаетъ, и цѣны нѣтъ. Вы, вотъ, батюшка, говорите, что я какъ жуешь копаюсь въ навозѣ, а того не знаете, зачѣмъ я копаюсь...“

— „А зачѣмъ?“ спросилъ поцъ.

— „А вотъ зачѣмъ!“ говоритъ Демидка и указываетъ на деньги, рассыпанныя въ навозѣ.

— „Что же это такое?!“ вскричали въ одинъ голосъ поцъ и дьячокъ и отъ удивленія рты разинули.

— „То-то вотъ!“ ухмыляется Демидка. „А вы, батюшка, еще смѣтаетесь надъ моимъ конемъ! а навозъ-то съ деньгами

вѣдь онъ же приноситъ!.. Будь я при достаткѣ да корми коня овсомъ, такъ въ мѣсяцъ миллионщикомъ сдѣлался бы“.

— „А ты вотъ что, свѣтъ-Демидушка“, говоритъ попъ, „жъ чему тебѣ этакій конь? Конюшни у тебя нѣтъ, заборы въ домѣ хорошей то-же,—того и гляди, коня сопрутъ. А ты лучше, свѣтъ, продай его намъ“.

— „Да, да, это вѣрно!“ подхватилъ дьячокъ, „въ самомъ дѣлѣ, Демидъ Павлычъ, продай коня“.

— „Да я не прочь продать“, отвѣчаетъ Демидка, „лишь бы цѣну настоящую дали...“

— „А сколько ты, свѣтъ, хотѣлъ бы за него взять?“

— „Да что жъ съ васъ запрашивать?—люди вы свои, нужные. Давайте полтысячи рублей. А не хотите,—воля ваша“.

Переглянулись попъ съ дьячкомъ и въ сторону отошли, посовѣтывались между собой, сложились деньгами и купили у Демидки коня-одра за пять сотенъ рублей!..

Привели его къ попу во дворъ и поскорѣе въ конюшню поставили, чтобы никто изъ сосѣдей не видѣлъ.

— „Онъ у насъ въ одну недѣлю раздобрѣетъ“, говоритъ попъ про коня.

— „Главное, батюшка, не надо корма жалѣть,—пусть себѣ кушаетъ на доброе здорovie! Богъ съ нимъ!“ бормочетъ дьячокъ, а самъ старается, конюшню мететь,—потъ такъ и льетъ съ него.

— „Корма-то хватить“, отвѣчаетъ попъ, „лишь бы кушалъ онъ, голубчикъ. За кормомъ мы не постоимъ“.

Прибрали конюшню и подались они за кормомъ: одинъ принесъ на себѣ плѣный мѣшокъ пшеницы, а другой—цѣлый мѣшокъ кукурузы; высыпали все въ колоду,—ѣшь, молъ, голубчикъ, что твоей душѣ угодно!

Принялась жрать голодная кляча, а попъ съ дьячкомъ стоять тутъ же да руками его по бокамъ гладятъ. А потомъ

принесъ попъ огромнѣйшій замокъ, можетъ, фунтовъ въ десять, а то и больше, заперъ дверь въ конюшню и замокъ этотъ на пробой повѣсилъ. А какъ настала ночь, порѣшилъ онъ съ дьячкомъ ночевать около конюшни и коня стеречь: вѣдь мало ли на свѣтѣ разныхъ прохвостовъ, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы кого ограбить! Взялъ попъ револьверъ шестизарядный, кинжалъ на кушакъ навѣсилъ, а дьячокъ гдѣ-то старое ружье со штыкомъ досталъ и топоръ воялѣ себя положилъ, и сидятъ оба около двери, слова не пророняя, чутко ко всему прислушиваются. Ночь за годъ имъ показалась, утра ни какъ не могли дожидаться. Но вотъ занялась заря, а послѣ и совсѣмъ свѣтло стало на дворѣ. Отперъ попъ замокъ и вошелъ вмѣстѣ съ дьячкомъ въ конюшню,—глядятъ, а конь-то ихъ лежитъ на полу и ноги вытянулъ.

— „Тс-с-съ!“ говоритъ попъ дьячку и пальцемъ на него грозитъ, „Спать наша лошадушка, отдыхаетъ“.

А какое тамъ—отдыхаетъ, когда она совсѣмъ подохла, пшеницы да кукурузы обожравшись!

Подошелъ дьячокъ ближе къ лошади, толкнулъ её ногой, а она какъ бревно. Испугался онъ и говоритъ попу:

— „Батюшка, а вѣдь конь-то нашъ подохъ!..“

— „Что ты мелешь, грѣховодникъ!“ воскликнулъ попъ.

— „Ей-Богу, подохъ! Посмотрите сами. Обѣлся онъ вчера съ голодухи пшеницы и кукурузы и подохъ“.

Убѣдился попъ, что конь подохъ и принялся костерить *) дьячка.

— „Это все ты выновать!“ говоритъ онъ, „корма жалѣть не надо!“ А я-то, дуракъ, послушалъ тебя—пшеницы мѣшокъ приволокъ! Вотъ-те и не пожалѣли корма: пять-сотъ рубликовъ тю-тю! Эхъ, ты остолопъ, а еще дьячокъ!“

*) Ругать.

— „Да что вы, батюшка, пристали ко мнѣ?“ огрызнулся дьячекъ. „Что я? насильно, что ли, заставлялъ его лопать пшеницу? Самъ виноватъ,—не жадничалъ бы!“

— „Ну, ладно! давай-ко поищемъ денегъ“, говоритъ попъ. „Меня что-то сумѣнье беретъ: навозу-то чуть ли не возъ, а денегъ и гривенника не видать“.

— „Да и я тоже подумываю батюшка, ужъ не обманулъ ли насъ Демидка? Мужикъ-то онъ—пройдоха, на всякую подлость согласенъ“, отвѣтилъ дьячокъ.

Принялись они оба въ навозѣ копаться; но сколько ни копались, а денеть гроша ломаного не нашли.

— „Я такъ и зналъ, что Демидка-подлецъ обманулъ насъ!“ сказалъ дьячекъ. „А все вы, батюшка, виноваты: вы первый вздумали купить эту анаѣемскую лошадь...“

— „Что жъ, что я первый вздумалъ?!“ крикнулъ, всердцахъ, попъ. „А кто мошенника Демидку Демидомъ Павлычемъ называлъ? Кто къ нему лисой подмазывался? Не ты, а? Молчалъ бы ужъ лучше!“

Спорили-спорили попъ съ дьячкомъ и чуть не подрались, да спасибо во-время одумались. А какъ одумались, то порѣшили сейчасъ итти къ Демидѣ и безъ всякихъ разсуждений удавить его. Но Демидка не дремалъ: пока попъ съ дьячкомъ съ лошадыю возились, онъ выкинулъ штуку почище прежнихъ. Налилъ онъ въ бычачій пузырь крови куриной и приказалъ женѣ своей спрятать его у себя на груди, подъ кофтой.

— „Да смотри“, говоритъ онъ, „въ точности исполни, что я тебѣ прикажу. Слушай: прійдутъ къ намъ попъ съ дьячкомъ, а я на ту пору ругаться съ тобой буду: что я тебѣ ни скажу, ты на все, ровно бы собака цѣпная, огрызайся. Шарну я тебя ножомъ, а ты упали на полъ и притворись мертвой. Ударю я тебя кнутомъ, а ты, точно сразу оживѣла,

поднимись съ пола. Да, смотри, не смѣйся, а то все дѣло испортишь“.

Приходитъ попъ съ дьячкомъ во дворъ Демидка, а изъ хаты слышится крикъ, брань, шумъ.

— „Ишь, собака, разбушевался какъ!“ говоритъ попъ дьячку.

— „Чего ему не бушевать?“ отозвался дьячокъ. „Деньги то даромъ пришлись,—водни пей сколько хочешь“.

Вошли они въ хату и остановились у дверей. А Демидка, съ взерошенными волосами, съ ножомъ въ рукѣ, стоитъ посрединѣ хаты и такъ-то ругаетъ жену, что даже слушать страшно. Жена тоже спуску ему не даетъ: она ей слово, а она ему, въ отвѣтъ, двадцать.

— „Я тебѣ покажу! узнаешь, какъ мужа не слушать! Подавай на столъ—обѣдать пора!—вонъ, кстати, и батюшки, которые есть отцы духовные, пришли... Слышишь, что ли?“ оретъ онъ на жену.

— „Да ты что орешь? Испугалась я тебя!“ кричитъ жена. „Хочешь жрать, ну и жри, а за всякимъ чертомъ я ухаживать не стану!“

— „Такъ я, по твоему, чѣртъ, а?“

— „Понятно, чѣртъ!“

— „Такъ на же тебѣ отъ чѣрта, получай!“ рамакнулся Демидка и пырнулъ ножомъ жену въ грудь.

Та брякнулась на полъ и не копнулась, а изъ раны кровь по полу потекла. Испугались попъ съ дьячкомъ, „караулъ закричали и бросились было бѣжать изъ хаты, да Демидка остановилъ ихъ.

— „Постойте, отцы, ни кричите зря! пугаться тутъ нечего, потому у меня есть такое лѣкарство, что въ одинъ мигъ свою супружницу оживлю“, говорилъ Демидка, а самъ съ гвоздя снялъ кнутъ. „Ну-ка ты, барыня липовая, полно тебѣ ваяться!.. Вставай!“

Размахнулся Демидка да какъ вытянетъ жену кнутомъ такъ та, какъ оглашенная, съ полу вскочила и глаза начала протирать.

Попъ и дьячокъ глаза отъ удивленія вытарашили.

— „А что это, Демидушка, за живилка такая?“ спрашиваетъ попъ.

— „А вотъ эта самая!“ говоритъ Демидка, показывая кнутъ, и въ поясненіе прибавляетъ: „Быль у меня вчера ночью одинъ странній человекъ. Изъ китайской, говоритъ, земли идетъ, въ Ерусалимъ пробирается... Ну, и подарилъ мнѣ два кнутика... „За твою“, говоритъ, „честность, Демидъ Павлычъ, я тебѣ на память жертвую двѣ живилки. Рѣжь“, говоритъ, „хоть каждый день по сотнѣ людей, да только живилкой не забывай ихъ подстегивать, такъ ни одинъ не умретъ. Да чего вамъ рассказывать?—сами же видѣли сейчасъ...“

— „Да“, говоритъ попъ, „какимъ только чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! А что, Демидушка, случаемъ не продашь ли намъ эти живилки? На что онѣ тебѣ? Привыкнешь ножомъ людей пороть и, чего добраго, разбойникомъ сдѣлаешься и въ Сибирь на каторгу попадешь“.

— „Эхъ!“ вздохнулъ Демидка, „не хотѣлось бы мнѣ подарокъ хорошаго человека продавать, да ничего, видно, не подѣлаешь: бѣдность доняла... Что жъ? купите!—давайте по полсотнѣ рублей за каждую...“

Попъ и дьячокъ не стали и торговаться съ нимъ: видятъ, мужикъ—дуракъ, настоящей цѣны этимъ вещамъ не знаетъ; вынули деньги, отдали Демидкѣ, взяли кнуты и пошли по своимъ домамъ.

Пришелъ попъ домой и, ни съ того, ни съ сего, напустился на попадью: то не такъ, другое не такъ... Ругаетъ её, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— „Да ты что присталъ ко мнѣ?“ кричитъ попадья. „Чего тебѣ надо? Очумѣлъ ты что ли?“

— „А!.. я очумѣлъ?!“ заорала ночь, какъ будто и на самомъ дѣлѣ разозлился, схватилъ со стола ножъ да какъ по-лыхнетъ имъ жену въ бокъ, та такъ и покатила на полъ, подрыгала ногами, и духъ вонъ.

— „Вотъ я тебя живо подыму!“ говоритъ попъ и вытянулъ жену внотомъ. А попадья какъ лежала мертвая, такъ и лежить.

— „Что за оказія? Неужто умерла?“ подумалъ попъ и испугался.

Присѣлъ онъ на корточки передъ попадьею, за руку взялъ её, тормошить началъ... „Такъ и есть,—умерла!“ Еще пуще прежняго испугался онъ. Что тутъ дѣлать? Боится, какъ бы его за убійство не осудили, да и попадью жалко очень. Заплакалъ съ гора блѣдный попъ: ужъ онъ причитывалъ-причитывалъ надъ попадьею. Ну, однако, вадумалъ, что надо же куда-нибудь скоронить *) мертвое тѣло, а то, чего добраго, узнаетъ народъ. Схватился онъ бѣжать къ дьячку,—посовѣтываться. Глядь, а дьячокъ самъ въ нему спѣшитъ. Прибѣжалъ онъ, весь блѣдный, трясется.

— „Батюшка, а батюшка!“ бермочетъ онъ. „Что мнѣ дѣлать?—вѣдь я жену свою убилъ!“

— „Охъ, горе намъ!“ говоритъ въ отвѣтъ попъ. „И я свою попадью зарѣзалъ. Насмѣялся надъ нами Демидка-разбойникъ! Ну, что мы теперь будемъ дѣлать?“

Посовѣтывались они между собой: вырыли въ своихъ дворахъ ямы и захоронили убитыхъ женъ, а потомъ отправились Демидку душить. Пришли къ нему и говорятъ: „Ну, Демидка, полно тебѣ насъ обманывать!—готовься, братъ, къ смерти. Удушить тебя мы хотимъ...“

— „Что жъ?“ отвѣчаетъ Демидка, „я согласенъ, потому что много виноватъ передъ вами. Только вотъ что, студи: удушить меня вамъ нѣтъ никакой пользы, потому я могу

*) Спрятать.

опять оживѣть, а вы лучше посадите меня въ мѣшокъ и утопите въ рѣкѣ“.

— „Утопить, такъ утопить! намъ все равно, лишь бы отъ тебя, подлеца, избавиться“, говоритъ попъ. „Ну, полѣвай въ мѣшокъ!“

Влѣвъ Демидка въ мѣшокъ, а въ карманъ себѣ ножикъ спряталъ.

Принесли попъ и дьячокъ мѣшокъ съ Демидкой на рѣку и бросили въ воду.

— „Конецъ!“ сказалъ попъ. „Подохъ, собака!“

А Демидка-то и не думалъ умирать: распоролъ онъ ножомъ мѣшокъ и выплылъ на другой берегъ рѣки, а ночью пришелъ домой, забралъ денегъ и отправился въ городъ.

Утромъ прибѣгаетъ дьячокъ къ попу и говоритъ:

— „Батюшка, утопили мы вчера Демидку?“

— „Утопили. А что?“

— „Да то, что сейчасъ я его собственными глазами видѣлъ. Катить въ коляскѣ на четверикѣ, развалился, какъ баринъ“.

— „Ну-у? Что за чудеса? Пойдемъ къ нему, разузнаемъ“.

Приходятъ во дворъ Демидки. Правда!—коляска стоитъ на дворѣ, а подъ сараемъ кучеръ четверикъ лошадей убираетъ. Вошли въ хату, а Демидка сидитъ съ женой за столомъ и чай распиваетъ.

— „Какъ же это такъ? вѣдь мы тебя утопили?“ говоритъ попъ.

— „Вѣрно, утопили“, отвѣчаетъ Демидка.

— „Такъ какъ же ты здѣсь чай пьешь?“

— „Очень просто!“ говоритъ Демидка, „водяной дѣдъ меня отпустилъ на волю да еще и деньгами наградилъ: „за вашу“, говоритъ, „добродѣтель, Демидъ Павлычъ, васъ награждаю“. Вотъ у кого денегъ, такъ прямо, можно сказать, горы цѣлыя серебра и золота навалены“.

И началъ Демидка врать про богатство водяного дѣда.

Отъ такихъ рассказовъ у попа и дьячка глаза разгорѣлись: ужъ очень захотѣлось имъ поскорѣе разбогатѣть.

— „А что, свѣтъ“, говоритъ попъ, „какъ бы и намъ побывать у водяного дѣдушки?..“

— „Что жь? подѣзайте оба въ мѣшокъ, а я, такъ ужъ и быть, сволоку васъ на рѣку“.

Залѣзали попъ съ дьячкомъ въ большой мѣшокъ, а Демидка взвалилъ ихъ на плечо, принесъ къ рѣкѣ и бухъ въ воду! Мѣшокъ, конечно, пошелъ ко дну, а Демидкѣ того и надо было: забралъ онъ деньги попа и дьячка, лавку на нихъ открылъ и сталъ себѣ потроговывать да деньги наживать.

Ев. Барановъ.

НѢСКОЛЬКО ГРУЗИНСКИХЪ ЛЕГЕНДЪ И СКАЗАНІЙ.

1. Преданіе о зегардской церкви.

Въ семи верстахъ къ сѣверо-востоку отъ станціи Закавказской желѣзной дороги „Гравали“ расположена маленькая деревня, по имени „Зегарда“. Въ этой деревнѣ есть церковь во имя святого Георгія. Церковь эта очень старая: ея крыша и стѣны обросли такимъ толстымъ слоемъ мха, что издали она кажется зеленымъ холмомъ. На разстояніи полуторы сажени отъ церкви, съ южной стороны ея, находится небольшой, острый кверху, камень, около двухъ аршинъ высоты; рядомъ съ нимъ лежитъ другой, пониже и формою напоминаетъ фигуру лежащаго барана. По поводу этой церкви и указанныхъ камней существуетъ въ народѣ слѣдующая легенда.

Въ этой деревнѣ жилъ когда-то одинъ пастухъ. Сначала у него плохо водились овцы, но потомъ онъ обратился за помощью къ святому Георгію, назвалъ себя рабомъ его, и у него начали такъ плодиться овцы, что скоро образовалось стадо больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ пастуховъ. Разъ на это селеніе напали враги; всѣ успѣли укрыться въ горахъ, а этотъ пастухъ остался, надѣясь на своего покровителя; св. Георгія,—что онъ не допуститъ его до гибели и защититъ его отъ враговъ.

— „Святой Георгій“, такъ молился пастухъ: „въ руки твои предаю себя,—спаси меня! Если ты не допустишь до

меня враговъ, я пожертвую тебѣ самаго лучшаго откормленнаго барана“.

И дѣйствительно пришли враги, сожгли все въ деревнѣ, пастуха же не нашли и, затѣмъ, ушли дальше. Пастухъ былъ радъ, что спасся отъ враговъ, и поспѣшилъ исполнить свое обѣщаніе. Выбравъ изъ стада самаго лучшаго барана, онъ повелъ его въ церковь св. Георгія. Только, когда онъ приготовился зарѣзать жертву, ему стало жаль этого барана, и онъ подумалъ: „Не все ли равно? пожертвую лучше тощаго барана, а этого оставлю для себя.“ При этомъ онъ повернулся и ударилъ барана, чтобы угнать обратно. Едва онъ сдѣлалъ это, какъ обратился вмѣстѣ съ бараномъ въ камни, которые и остались тамъ до настоящаго времени *).

2. Легенда о русской церкви.

Въ сел. Руиси, близъ г. Гори, около церкви лежатъ два небольшихъ камня. Относительно ихъ у мѣстныхъ жителей разсказывается такая легенда.

Когда-то, въ одинъ изъ праздниковъ, народъ веселился около своихъ домовъ. Тутъ находилась и одна женщина съ грудной дѣвочкой и маленькимъ сыномъ. Вдругъ раздался крикъ:

— „Спасайтесь, приближается шайка лезгинъ!“

Мать въ испугѣ схватила грудного ребенка, о сынѣ же совсѣмъ забыла и убѣжала.

Нагрянули лезгины: разграбили селеніе, а маленькаго мальчика, котораго забыла мать, взяли съ собою въ плѣнъ.

Плѣнникъ долго жилъ у лезгинъ, наконецъ, сдѣлавшись юношей, убѣжалъ изъ плѣна и возвратился въ свое селеніе, Руиси. Тутъ онъ нанялся къ одному богатому помѣ-

*) Записано со словъ дворянина Ивана Басилашвили въ сел. Зегарда, Горійскаго уѣзда

щину, который полюбилъ его за вѣрную службу и подарилъ ему участокъ земли. Бѣглець, сдѣлавшись независимымъ человекомъ, задумалъ жениться, отыскалъ по душѣ невѣсту и обвѣнчался. Когда онъ выходилъ изъ церкви, священникъ началъ распрашивать новобрачнаго, кто онъ.

— „Я помню,“ рассказалъ онъ, „что украли меня лезгинны изъ какого-то селенія очень маленькимъ; остались у меня отецъ, мать; но, какъ ихъ звали, и гдѣ они, не знаю. Въ какое селеніе я ни приходилъ, меня оттуда тянуло все дальше, а когда пришелъ сюда почувствовалъ себя какъ-будто дома.“

Теща новобрачнаго при этомъ рассказѣ вспомнила, какъ она потеряла сына, и сказала.

— „По твоимъ словамъ я догадываюсь, что ты мой потерянный сынъ, а жена твоя—тебѣ сестра.“

Растроганные новобрачные испугались того, что онъ могутъ осквернить свое родство, и стали просить Бога, чтобы Онъ не допустилъ до этого. И Богъ сжалился надъ ними и чудеснымъ образомъ обратилъ въ камни, которые и лежатъ близъ церкви *).

3. Легенда о мѣстности „Ркониси“.

Въ двадцати верстахъ къ югу отъ селенія Ахалкалаки, Горійскаго уѣзда, расположенъ большой лѣсъ, принадлежащій князьямъ Джаваховымъ. Въ лѣсу есть мѣстность, называемая у тамошнихъ жителей „Ркониси“; тутъ видны слабые остатки зданій, садовъ и другіе слѣды человѣческаго жилья. По поводу этихъ развалинъ рассказываютъ слѣдующее.

Когда-то здѣсь былъ городъ, по имени Ркониси; отсюда у народа и названіе этой мѣстности. Однажды городъ осадили лезгинны; жители долго защищали его, но, утомленные войной, изнуренные голодомъ, не имѣя поддержки, наконецъ сдались.

*) Записано со словъ преподавателя семинаріи Н. Юс. Ломаури.

Ожесточенные лезгинь ворвались въ городъ и предали его опустошенію. Здоровыхъ и красивыхъ жителей взяли въ плѣнь, а остальныхъ обезчестили и перебили, дома и другія аданія разграбили и разрушили. Они не пощадили и церковей: ограбили ихъ дорогія иконы и утварь; серебро и золото перелили и подѣлили между собою. Изъ всѣхъ церковныхъ вещей осталась цѣлою только одна икона Богородицы, которую взялъ предводитель лезгинь для украшенія своего дома.

Лезгинь ушли затѣмъ въ свои мѣста, а предводитель ихъ взятую икону помѣстилъ въ своемъ домѣ.

Скоро во всей окрестности, гдѣ находилась святая икона, перестала расти трава, стала переводиться домашняя птица, и появилась болѣзнь, которая уничтожила большую часть жителей. Долго они не понимали причины своихъ несчастій, наконецъ предводитель сказалъ:

— „Все это горе съ нами, навѣрно, отъ той иконы, которая у меня; я уничтожу ее, и наши бѣдствія превратятся.“

Онъ приказалъ принести дровъ и сложить костеръ; самъ онъ вынесъ икону и положилъ въ середину костра; потомъ подожгли его. Но какъ-только пламя достигло до иконы, она закричала, какъ женщина, поднялась и потомъ опустилась на рога одного быка.

Всѣ приеутствовавшіе были поражены этимъ, паги на землю и начали молиться, чтобы Богъ простилъ имъ жестокое обращеніе съ иконою; потомъ принесли веревку, привязали икону къ рогамъ быка и пустили его, приставивши трехъ юношей въ провожатые.

— „Идите“, сказали имъ, „слѣдите за быкомъ; гдѣ онъ остановится, тамъ останавливайтесь и вы!“

Быкъ съ иконою пошелъ, а за нимъ направились и юноши. Долгое время шелъ онъ и, наконецъ, достигъ рконскаго лѣса и остановился. Тутъ веревка развязалась, и икона упала и ударилась о сналу той частью, гдѣ было изображеніе ноги

Богородицы; отъ этого остался на камиѣ слѣдъ ноги, который и теперь видѣнъ, величинею приблизительно въ ступню двѣнадцатилѣтней дѣвочки. Ударившись о камень, икона опустилась на лѣпу, которая и теперь стоитъ здѣсь и имѣетъ громадныя размѣры. Затѣмъ икона пришла на свое старое мѣсто, въ церковь, откуда она и была взята. Быка, привезшаго икону, оставили на свободѣ. Онъ жилъ около 15 лѣтъ, и никто для него не готовилъ ни сѣна, ни помѣщенія. Когда же быкъ околѣлъ, одному старику, по имени Семену, во снѣ явилась Богоматерь и сказала:

— „На томъ мѣстѣ, гдѣ околѣлъ быкъ, построй церковь во имя св. Георгія.“

Этотъ старикъ дѣйствительно построилъ церковь, которая и находится теперь въ полувестѣ отъ церкви рконской Богородицы и называется „Семенова церковь св. Георгія“.

Громадное липовое дерево, на которомъ, по преданію, стояла икона Богоматери, принадлежитъ князьямъ Джаваховымъ, которые очень дорожатъ имъ и никому не позволяютъ срывать съ него даже вѣточки. Когда у Джаваховыхъ въ семействѣ кто-нибудь заболѣетъ, то они приходятъ къ дереву и смотрятъ, всѣ ли на деревѣ вѣтки: если всѣ цѣлы, то нечего бояться за исходъ болѣзни, а въ противномъ случаѣ нужно заготовить гробъ, такъ какъ непременно послѣдуетъ смерть.

Три же левгина, провожавшіе икону, приняли впоследствии христіанство, и отъ нихъ произошли три существующія и въ настоящее время фамиліи: Горгашвили, Лелашвили и Пайчашвили.

Въ семействѣ Лелашвили сохраняется обычай непременно имѣть одну монахиню изъ своей фамиліи при рконской церкви. Когда одна монахиня умираетъ, они выбираютъ другую слѣдующимъ образомъ: берутъ черный платокъ, какой носятъ монашенки, показываютъ маленькимъ дѣвочкамъ и

спрашиваютъ: „кто хочетъ этотъ платокъ?“ Которая изъ нихъ возьметъ этотъ платокъ, ту и постригаютъ въ монахини *).

4. Легенда о тортизской церкви.

Въ селеніи Тортиза, въ семи верстахъ отъ горъ. Гора, есть небольшая церковь во имя Пресвятой Богородицы, пользующаяся у окрестныхъ жителей особеннымъ уваженіемъ: ей приписываютъ чудесную силу помогать тѣмъ матерямъ, которыя страдаютъ недостаткомъ молока при кормленіи дѣтей. Для этого, по народному повѣрью, нужно притти сюда на богомолье.

Деверь долженъ самъ привести мать и принести съ собою испеченный на маслѣ хлѣбъ, вино въ новомъ, еще неупотребляемомъ, сосудѣ, также чашку и метлу. Пришедши сюда, женщина должна подмести церковь, помыть соски виномъ въ каменномъ корытѣ, которое находится недалеко отъ церкви, подъ деревомъ; оставшееся вино и хлѣбъ дать кому-нибудь; посуду же съ метлой оставить въ церкви. Послѣ этого женщина должна отправиться домой и всю дорогу не оглядываться назадъ. Если женщина сумѣетъ исполнить все это въ точности, то совершится чудо: у нея явится много молока.

Вблизи церкви находится нѣсколько камней, а въ пятнадцати саженьяхъ—буковая и грабовая роща. Относительно этихъ камней и рощи существуетъ такая легенда.

Когда-то въ этой церкви вѣнчались женихъ съ невѣстой. Послѣ вѣнчанія, когда они со свитой отправлялись домой, на нихъ напала шайка бродячихъ лезгинъ. Лезгины первымъ поймали псаломщика, но онъ, не желая попасть въ постыдное рабство, сталъ молить Бога, чтобы Онъ обратилъ его въ камень. Молитва его была услышана, и онъ сдѣлался кам-

*) Записано со словъ крестьянки Тамары Джлантіашвили въ Гори.

нежь, который теперь лежитъ въ дверяхъ церкви. Женихъ же съ невѣстой, видя позади себя лезгинъ, молились: „Господи, не дай насъ на поруганіе врагамъ! обрати насъ въ деревья!“ И ихъ молитва была услышана: они обратились въ деревья, и то же самое случилось съ ихъ свитой. Одинъ только шаферъ успѣлъ убѣжать далеко отъ церкви, но его тоже скоро догнали лезгины. Онъ также обратился въ камень. Этотъ камень и сейчасъ называется „шаферскимъ камнемъ“ (շահերի քար) и находится въ полу-верстѣ отъ церкви *).

5. Легенда о свенетской оросительной канавѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ гор. Гори, къ сѣверу, находится небольшое селеніе Свенети. Черезъ деревню проходитъ оросительная канава, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „русхнули“, что значитъ „канавка для пашень.“ Такъ какъ мѣстность здѣсь низменная, то канава идетъ по насыпи, которая мѣстами имѣетъ до 30 футовъ высоты и отъ 7-ми до 10-ти ширины, глубина самой канавы иногда доходитъ до 7 фут. Вода идетъ изъ рѣчки Меджуды, небольшого притока Ліахвы, и по мѣрѣ надобности жители отводятъ ее на свои поля. Устройство этой канавы стоило много трудовъ и требовало искусства. О происхожденіи этой канавы существуетъ такое преданіе.

Разъ царица Тамара съ многочисленною свитою какъ-то пріѣхала въ Свенети и спросила жителей, которые встрѣтили ее:

— „Въ чемъ нуждается вы? скажите, и я помогу вамъ.“

Народъ сказалъ:

— „Царица, мы трудимся, сколько есть силы, но земля не даетъ намъ хорошаго урожая; воды для орошенія у насъ

*) Записано со словъ дворянки Нины Кикнадзе въ сел. Тортизи.

мало, и потому нивы гибнуть отъ засухи; проводи откуда-нибудь воду и этимъ помоги намъ“.

Тогда царица приказала своей многочисленной свѣтѣ принести по горсти земли и сложить въ долинѣ. Когда приказаніе царицы было исполнено, она начала молиться Богу; молилась она цѣлую ночь, и послѣ молитвы сама собой образовалась канава, которая и орошаетъ свенетскія поля *).

6. Преданіе о пауѣ.

У грузинъ есть преданіе, что мучили Спасителя не только люди, но и нѣкоторыя насѣкомыя, въ числѣ другихъ и паукъ. Чтобы увеличить страданія Христа, онъ лишилъ Его возможности говорить: онъ приползъ и заплелъ Ему паутиною ротъ, отчего Спаситель во время крестныхъ страданій не могъ говорить и молчалъ. Поэтому народъ не любитъ паука больше другихъ насѣкомыхъ: гдѣ ни увидитъ его, непременно убиваетъ. Свою ненависть къ пауку онъ выражаетъ, между прочимъ, въ слѣдующей прибауткѣ:

ამომა მიღის, მიგოგამს დედასთან მიუხარობს,
ვინც ხახოს იგი არ მოკლას, მასაც ნუ გაუხარობს.

„Паукъ идетъ, плетется мать обрадовать.

Кто увидитъ его и не убьетъ, тотъ да не увидитъ въ жизни радости“ **).

7. Преданіе объ осинѣ.

Грузины свято чтутъ праздники и работу въ эти дни считаютъ великимъ грѣхомъ. Вотъ какой рассказъ ходитъ въ народѣ по этому случаю.

Жилъ на свѣтѣ трудолюбивый, работающій человекъ. Онъ

*) Записано со словъ крестьянина Михаила Бежанашвили въ сел. Свенети.

***) Записано со словъ крестьянина Варвары Заридзе въ сел. Хелтубани.

до того любилъ работать, что даже въ праздничные дни занимался дѣломъ. Священникъ, узнавъ объ этомъ, уговорилъ его, чтобы онъ опомнился и не работалъ въ праздники. Человѣкъ этотъ послушался и рѣшился не работать въ праздники. Но трудно было ему отстать отъ своего обыкновенія. Вотъ однажды, въ воскресный день, пошелъ онъ въ церковь; послѣ богослуженія онъ хотѣлъ-было взяться за работу, но вспомнилъ свое обѣщаніе, данное священнику, и оставилъ работу. Чтобы свободнѣе провести безъ работы этотъ день, онъ ушелъ изъ дому въ лѣсъ, и легъ подъ деревомъ; но руки его не привыкли къ праздности: онъ собралъ листья и началъ изъ нихъ складывать фигуры и играть ими. За это Богъ разгнѣвался на него и обратилъ его въ осину. Поэтому-то у осины листья всегда дрожатъ, даже и въ ясные, безвѣтренные дни не остаются въ покоѣ *).

8. Повѣрье о солнцѣ и лунѣ.

У грузинъ есть повѣрье, что луна—дочь солнца. Это они выражаютъ въ слѣдующихъ словахъ, припѣваемыхъ при убаюкиваніи дѣтей:

„შეს დავსა და მთარე ზედა“.

„Солнце родило луну“.

Однажды солнце пекло хлѣбъ; голодная дочь-луна не дождалась, пока испечется хлѣбъ, и сказала:

— „Мама, я ѣсть хочу, дай хлѣба“.

Солнце разсердилось и ударило луну рукою по лицу. Тѣсто, которымъ запачканы были руки солнца, пристало къ лицу луны. Отъ этого у луны и теперь видны пятна **).

*) Записано со словъ крестьянки Нины Бижанавили въ сел. Свенети.

***) Записано со словъ жителя сел. Тортизи, дворянина Реваза Карумидзе.

9. Преданіе о томъ, почему армяне разговляются на Пасху раньше другихъ.

Какъ извѣстно, армяне на Пасху разговляются не въ воскресенье послѣ обѣдни, какъ православные, а наканунѣ, вечеромъ въ субботу.

По этому случаю рассказываютъ слѣдующее.

Когда жены-мироносицы возвѣщали вообще христіанамъ о воскресеніи Іисуса Христа, то никто не повѣрилъ имъ, кромѣ армянъ. Послѣдніе же съ великою радостью приняли это извѣстіе и поднесли мироносицамъ красныя яйца. Іисусъ Христосъ за такую вѣру и отличилъ армянъ отъ прочихъ христіанъ тѣмъ, что положилъ имъ разговѣніе днемъ раньше *).

Записалъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Михаилъ Шатберовъ*.

*) Записано со словъ мѣщанинки Анны Саркисянцъ въ г. Горы.

ОТДѢЛЪ Ш.

АДЫГСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Върованія.

Богъ. 1. Тһам кмзрѣдѣсѣ цмхуѣс. — Онъ таковой человѣкъ, каковымъ его Богъ создалъ (т. е. онъ человѣкъ безъ хитростей).

2. Зѣнѣмѣ змиѣсем јѣтһѣ јѣсекѣм. — Кто не (знаеть) признаеть того, кто лучше его, тотъ и Бога не знаетъ.

3. Псѣлешхо Тһѣ јѣжаѣсѣ. — Громкія (т. е. высокогърныя) рѣчи Богу не нравятся.

4. Гушхо Тһѣшхо јѣжаѣсѣ. — Самонадвѣянный Богу (великому) не милъ.

5. Кезѣзез Тһѣм кезтез. — Кающагося Богъ прощаетъ.

6. Тһѣм русе хозѣсѣр гаһурс. — (Богу товарища дѣлающій) кто не вѣрять въ одного Бога, тотъ невѣрный.

7. Нѣмѣзре ѣызакоре. — Знаеть только молитву и (одного человѣка) Бога.

8. Јалаһ! сѣжем зако һуѣһѣсѣс. — Боже, (моя единственная корова твоя гостыя есть) сбереги мнѣ мою единственную корову!

9. Дунеі-псом һусѣгузо Тһѣм јѣгуѣр хумых. — Хотя надеешься на весь міръ, но надежду на Бога не оставляй.

Сверхъестественныя существа. 10. сѣмѣеникопх мезѣтһѣ јѣжаѣсѣ. — Кто съѣдаетъ всю половину, того лѣшій не навидеть.

Душа. 11. Кыххозѣсѣ јѣссе. — (Дѣлающаго для меня душою влянусь) кто мнѣ дѣлаеть добро, тому я преданъ душою.

Молитва. 12. Нѣмъзре заоре зеходес.—Молитва и война равносильны.

13. Нѣжѣ нѣмъз, жѣзѣзѣ тѣаржо.—Молитва ради наиба, присяга по принужденію.

Сословія.

Князья. 14. Пѣмъ жѣмъбаз гате сабѣдаде.—За спиною князя машутъ саблѣ; ср. русс. За глазами и царя ругаютъ.

15. Упѣ куитѣмъ жѣзе нѣумѣмъ.—Когда твой князь даритъ тебѣ коня, то въ зубы не заглядывай; ср. русс. Даровому коню въ зубы не смотрять.

16. Гуаѣ тешерепет нѣне жѣпѣхѣнѣ.—Новобрачная княгиня и та комнату подметаеть.

17. Пѣмъ змѣпѣлазѣумъ тѣнѣ фѣуѣ.—Кто князя впервые видитъ, тому онъ кажется Богомъ.

Дворяне. 18. Уорк жѣзѣ жѣ'огезкѣмъ.—Дворянинъ не рассказываетъ о томъ, что онъ совершилъ.

19. Пу Тамбѣи, ну Кундет, ну Анзор?—Кто ты: Тамбѣевъ, Куденетовъ или Анзоровъ?

20. Уоркѣмъ жѣзмѣкъ кѣдѣркѣмъ.—(Дворянское тѣло не пропадаетъ) дворянская кровь выважеться.

21. Уорк нѣаѣе жѣпѣцѣзкѣмъ.—Дворянинъ отъ назначеннаго мѣста не отказывается.

22. Уорк-хѣбзер дѣзѣзѣжѣоѣ —Дворянскіе обычаи есть крутой подъемъ, т. е. требованія, которыя ставятъ въ дворянину, трудно исполнимы.

23. Уорк хѣше жѣхѣбзекѣмъ.—Вдавать чужую тайну не въ обычаѣ дворянина.

24. Пѣаѣсѣ змѣмъ'а) уоркѣе жѣлѣитекѣмъ —У кого нѣтъ кунацкѣи, того за дворянина не считаютъ.

25. Уоркыр пхънкѣм хебѣѣцсѣми воеценокѣм.—Если дворянина посадишь въ соръ, и то можно его узнать.

26. Уоркѣм јѣер јѣепс, јѣпсходе јѣгатеѣ.—(Плетью дворянина служитъ его языкъ) дворянинъ бойкій на языкъ, а его сабля (подобна его ввязю) соотвѣтствуетъ достоинству князя.

27. Уоркѣним үймѣме, пегосенѣм девазе.—Если не имѣешь поползновенія быть дворянкой, то начинай хозяйничать.

28. Уоркѣем іпѣмѣ јѣнкос.—Для игры въ дворянство нужно наполовину врать.

Крестьяне. Крѣпостные. Рабы. Слуги. 29. Пѣмѣм гуѣодѣуаѣс, јѣі сѣмѣуаѣс.—Рабъ скоро (теряется) падаетъ духомъ и скоро зазнается.

30. Пѣне'уѣо јѣѣре? жхокоѣмне нуѣмтере?—На глаза собаки развѣ дымъ (душитъ) дѣйствуетъ? Мужичьимъ глазамъ развѣ стыдно?

31. Пѣмѣм зебѣѣсѣме, уанегур нуѣсѣте.—Если холопа посадишь съ собою на крупъ лошади, то онъ и (сѣдло отнимаетъ) изъ сѣдла выброситъ; ср. русс. Посади свинью подъ столъ, а она лѣзетъ на столъ.

32. жхокоѣмр худаѣеме, пѣмѣм бзеѣеі сѣуѣ.—Когда рабъ зазнается, начинаетъ въ володцѣ рыбу удить.

33. Пѣмѣм вусе хѣре?—Развѣ рабъ годится въ товарищи.

34. жхокоѣмѣм кхѣшхѣмр зехуавекѣм.—Два раба не могутъ сварить другъ другу свиную лопатку (такъ какъ они передерутся).

35. сѣмѣмрт-сѣмѣмрт јѣжѣос.—Прислужникъ прислужнича пенавидитъ.

36. жхокоѣ(мм) жегот јѣсѣмѣхусѣсѣс.—Для раба топоръ служить предлогомъ (собст. онъ идетъ безъ опредѣленнаго дѣла).

37. Яхокоѡым зив сиратим: „вѣт!“ жѣѣс.—Когда вѣрѣ-
постному подарили одного быка, то онъ сталъ просить двухъ.

38. Яхокоѡ-физим удѣнекер сѣе хмше жеѣбиде (зере-
зе).—Женщина изъ вѣрѣпостныхъ (укрѣпляетъ) завязываетъ
(конецъ нитки) узелъ послѣ троекратнаго продергиванья
шолки, т. е. она плохая руководѣльница.

39. Анер кепшме, змзутѣур-псѣѣс.—Кто жметя, когда
(столъ принесешь) подають кушать, тотъ вѣрѣпостной, т. е.
боится, что не сумѣетъ держать себя прилично.

40. Мизкир зисахунѣам жеѣбѣзиркѣм.—Муживъ вто-
рично не поѣдетъ въ то мѣсто, гдѣ его разъ ограбили.

Народы.

Русские. 41. Адѣер жеѣшме мѣхупсерѣ, хурисмр же-
ѣшме матхе.—Адыге отъ скуки строгаеть, а русскій, когда
скачаетъ, пишетъ.

Абазехи. 42. Туб ѣсегошм яхемиѣаме, ху абизахеп
(абадз.).—Если ты не участвовалъ при дѣлежѣ полюсъ на
Тубѣ, то ты не абазехъ.

Хатунаевцы. 43. Тевезѣз ѣѣткѣи ѣѣжаѣс.—Возвращать-
ся назадъ хатунаевцы не любятъ.

Махашевцы. 44. Мамсѣѣ-ѣѣѣим уѣѣоме, зеусѣхѣ.—Если
ударить важнаго человѣка изъ махашевцевъ, онъ это скроеть.

Ногайцы. 45. Неѣѣѣр ѣѣме, адѣѣер ѣѣркѣм.—Если но-
гаецъ умираеть, адыге не плачетъ.

46. Адѣѣем ѣѣимѣѣѣр неѣѣѣѣм сѣѣѣѣѣе жеѣѣ-ѣѣѣ.— Только
жалкій изъ адыге просить у ногайца бурку.

Абазинцы. 47. Абазере мезгедре.—Абазинецъ, что ѣѣ-
завъ.

48. Абазере Јіуанре зешѣ.—Абазинецъ и Иванъ (русскій) братья.

Человѣкъ.

49. Цѣхум јізекуаѣер, јіѣодманѣс.—Гдѣ человекъ разъѣзжаетъ за добычей, тамъ онъ и гибнетъ.

50. Ымъ цаѣе јейѣманркѣм.—Достойный мужъ отъ условленнаго мѣста не отказывается.

Мужчина и женщина (дѣвица). 51. Физир тошке сашхес, ѣыр зешхеро закоѣ.—Женщина приступаетъ въ ѣдѣ и два и три раза, а мужчина (вущая разъ) только разъ.

52. Физ шибѣе хуѣане.—Ради женщины (лошадиный) вьюкъ иногда оставляютъ.

53. Цаѣе-зумим телубѣон јіѣасес.—Толстая дѣвица любить вутаться.

54. Уѣвѣане-махор ѣепитѣ, физим јатхерор кебѣа.—Ненастный день *удобенъ* для приготовленія конопля, а вареная тыква составляетъ блаженство для женщинъ.

55. Физим јіѣѣец здынесим јі'акмѣ блеѣыркѣм.—Умъ женщины (куда доходитъ) не идетъ дальше ея волосъ.

56. Змѣфт ху физир кабем маѣо *).—Женщина, у которой чешется . . ., идетъ въ Каабу.

57. ѣасе зымѣ'а(р), ѣмѣе јавѣтекѣм.—У кого нѣтъ любовницы, того за мужчину не считаютъ.

58. Уѣпходеѣ немѣ'аме сѣпа'а ховѣтѣмсѣс.—О если только (моя шапка ради тебя посажена, то она себя отстояла) онъ такой мужъ каѣъ ты, то эта не бѣда.

59. Јадере јанере јимѣсо хѣгебамшхо јісо һу'уѣеме, зѣгоѣѣаѣо (абадз.).—Если зрѣлую дѣвицу застанешь дома одну—безъ отца и матери, то приударь за ней.

*) Чтобы отправиться въ Мекку, женщина должна выйти замужъ.

60. Уърсебе баѣае смѣожникѣм. — Боясь тебя, не при-
бѣгну къ покровительству.

61. Пунер змзехунері блаер змѣблаері фмзс. — И
домъ и знакомства держатся женщиной.

62. Бзмѣхуерем жіганаѣе жікмблѣ ходмз жіделаѣс. — Жен-
щина настолько же глупа, насколько ея сорочка длинна.

63. Бзмѣхуер змсмтѣном ѣморе маѣо, змсѣѣном гу-
ѣоре маѣо. — Женщина идетъ туда, гдѣ ей будетъ привольно,
съ плачемъ, а гдѣ будетъ мучаться, идетъ съ радостью.

Части человѣческаго тѣла.

64. 'Агү неѣ паѣѣші. — Съ пустыми (ладонями) руками
и торчащими усами.

65. Паѣе ѣѣмѣо гегү хель? — Въ обжиганіи усовъ (шут-
ка?) нѣтъ шутокъ.

66. Уѣ нуѣе каіка. — *Да ты не глупъ*: зубы твои вы-
росли!

67. Нем ѣегыр нем ходес. — Кто постоянно на глазахъ,
тотъ (глазу подобенъ) дѣляется дорогимъ.

68. Нем псер жіфмѣоуе. — Для глаза душа завистница.

69. 'Ам жіѣ нѣхрі 'ум жіѣ. — Лучше во рту, нежели въ
рукахъ.

70. Зјане зі'а нѣхріѣ зі'а-пмт. — Лучше (живется) тому,
у кого руки цѣлы, нежели *быть безъ руки*, но имѣть мать.

71. Зінибер зі'аѣмѣем жігур жіѣемѣс. — (У кого жи-
вотъ служитъ съладомъ пряностей) кто любитъ сладко ѣсть,
(у того сердце служитъ мостомъ) тотъ не отвычивъ (рѣчь
идетъ объ эгонстахъ).

72. ѣѣм ѣер жіѣмѣо. — (Для головы ротъ посланецъ)
рѣчью выражаются мысли человѣка.

73. Јідмс мейші. — На немъ торчатъ три его волоска.

74. Сихенипе нѣкри леѡомбиѣ.—Лучше (ножной паль-
чикъ) что-нибудь, чѣмъ ничего.

75. Јінем бжеуѣ киѣоуо.—Онъ ему какъ колъ въ гла-
зу (волетса); т. е. терпѣть его не можеть.

76. Сінем ѣохоно ѣехуѣме, ѣесхннкѣм.—Если онъ по-
палъ во мнѣ въ глаза какъ соръ, то я его не выну; т. е.
хотя онъ мнѣ досаждаеть, но онъ мнѣ такъ близокъ, что
я отъ него не въ состояніи отдѣлаться.

77. Јіѣнѣ мнхузо боз рејшеѣ.—Здоровую голову обя-
зываетъ бязью (мнительный человекъ).

78. Таз-бзагем смгузо, јіѣнѣ пхалуѣнѣкѣс.—Онъ на-
дѣялся на дырявый шишакъ, а ему прорубили голову.

79. Мѣне-мнѣсефим гудыц јіѣнѣхусмѣос.—Смысль: не-
способный къ супружеской жизни взваливаетъ вину на по-
стороннюю причину.

80. Гуре гуре ѡзо зехуја'ас.—Сердце къ сердцу имѣ-
еть путь; ср. русс. Сердце сердцу вѣсть подаетъ.

81. Пузіжагом нуі-ѣнѣ феzumѣ.—Кому нелюбъ, тому
твоя голова кажется толстой.

82. Небзе зехекер гухемнѣмѣс.—Сросшіяся брови ни-
когда (изъ сердца не выходятъ) не забываются.

83. 'Ар нутхнѣме, абзанер пхкре.—Если рукой трях-
нешь, то развѣ ноготь отпадетъ.

84. Кекум нупеммкуѣме, фти зернху'ар нукнѣкѣм.—
Если п... шему не оплатишь тѣмъ же, то онъ и не узна-
еть, что ты обладаешь задницей.

85. ѣнѣр псоуме пи'а смѣркѣм.—(Цѣлая голова) жи-
вой человекъ безъ шапки не бываетъ.

86. Нибем јимѣме, ѡкор ѣкѣм.—Если въ желудкѣ
пусто, нога не двигается.

87. зѣке мајісеѣаѣе, семегуѣ.—Хотя языкомъ остеръ, но (рукой лѣвша) лѣнтый.

88. Ныбем јілаѣер отежмгуаѣеѣ.—(Горе живота) *перенесенный* голодь скоро забывается.

Чувства.

Зрѣніе. 89. Нем јілаѣур сѣам јі'уасеѣ.—Что видишь глазомъ, то стоитъ головы.

90. Комиѣозннор комиѣежннор нужанере нуинѣтрѣ.— Не будутъ завидовать и вредить только твоя мать и твои (два) глаза.

91. Гум јимѣлаѣур нем јілаѣуркѣам.—На что вниманіе не обратишь, того глазъ не увидитъ.

Слухъ. Глухой. 92. Дегѣм жм'ан јеѣот, нефим јіѣотир јеѣуз.—Глухой находитъ, что связать, а слѣпой, присваиваетъ себѣ все то, что находитъ.

Семья. Родъ.

93. фнѣам бзагеѣам Мамкуѣеѣхе јаходѣе.—Ни то ни се, какъ Мамкушаевы (фамилія средняго состоянія).

94. Бережеі меѣлаѣері сѣаѣз јіѣеѣк јеѣоѣ.—Бузина цвѣтеть, а всякъ (ударяется) дѣлается такимъ, какимъ *были* его предки; т. е. растеніе возобновляется цвѣтеніемъ, а родъ въ потомствѣ.

95. Пуѣсаѣем ѣѣѣкс, нуѣсамнѣем снѣзнѣс.—Гдѣ тебя знаютъ, тамъ имѣетъ значеніе твой родъ (происхожденіе), а гдѣ не знаютъ—одежда.

96. Пунем јамнѣрор јаѣоуѣ.—Въ семьѣ (глашатаемъ) распорядителемъ является самый негодный членъ ея.

97. сѣаѣд бнрнѣбр зербнн ја'уасеѣ.—Кучерявая дѣвушка стоитъ всей семьи.

98. Мелыр сезазем јіке киде'ојам бзенир сенекас.—
Когда у бѣзавшей овцы хвостъ поднялся вверхъ, надъ ней
же посмѣялась коза (у нея хвостъ маленькій).

Супруги. 99. Пузхеджино псмм нар хумиһуѣмһ, јуми-
ѣакижино физми зи фумиѣ.—Въ водѣ, изъ которой будешь
пить, собаки отнюдь не убивай; жену, съ которой не дума-
ешь разводиться, (порока не приписывай) не порочь.

100. Макүмешым һуифиз сифиз см'акам.—Въ лѣтнюю
страду все равно: своя ли жена, или чужая; т. е. некогда
этимъ дѣломъ заниматься.

101. Пуифиз ѣеме, һуиш птезѣ ходес.—Если жена
умретъ, то ты подобенъ всаднику, сброшенному конемъ.

102. Физ фермѣр ѣмзайцес.—Коветливая женщина
измѣняетъ мужу.

103. Пуѣме һусбе һусмиитхү, уѣ һуѣме һукалабунс.—
Если ты мужъ *достойный*, не хвастайся; если ты хорошъ,
тебя (увидать) замѣтятъ.

104. Хекү бѣнненре физ јѣакижннре.—Одинаково
трудно оставить родину и развестись съ женой.

105. Ссе свѣхмѣ һумиѣотме, смкешез, ситһамѣде.—
Если лучше меня не найдешь, снова женись на мнѣ, мой
супругъ.

106. Кезишезаѣем змсаѣоре зѣѣкере каѣте.—Новобрач-
ный приобрѣтаетъ новую бурку и новую походку.

107. Кезишезаѣем махо тоѣмтѣе јапе змкуимѣахо.—
Новобрачному въ теченіе сорока дней навстрѣчу не попадайся.

Отецъ и мать. 108. Пујане кобенми зкреимѣаһуд.—
Если и мать поборется, и то не (дай себя свалить) под'а-
вайся.

109. Маѣе-маѣе узу'абе, бми-маѣе ѣецаде, ѣабле бмсмм-

гуаде.—Дымъ огонька (т. е. безпрестанные гости), ворчливая семейка бываютъ (хозяйкой) причинной голода.

110. Јадер ссе шукѣт?—Я убійца его отца, что ли?

111. Пане декоре љидеуасере јеммеу ја'акѣм.—Съ выходомъ матери замужъ и въ (тайномъ выходѣ замужъ) побѣгѣ нѣтъ срама.

112. Бзеге-неге пишевум љујане миро јаѣмс.—Черезъ дурныя знакомства мать твоя сдѣлается несчастной.

113. Јанико-нико зијане, зикурмен.—(По половинеѣ да ваша мать будетъ вамъ жертвой) мнѣ только по половинеѣ, дорогія дѣтки!

114. Панегумке ке'арі, хане'амке кітрі, кизатѣм кисхуіѣс.—Если мать своимъ материнскимъ сердцемъ догадалась, материнской рукой дала, то все, что она дала, пошло въ прокъ.

115. Јане јелѣ, јіпху каше.—Смотри на мать и женись на дочери.

116. Јујаде кмѣмкі јінеі кмссѣхо.—Да (выйдетъ) возстанеть твой отецъ *изъ могилы* и обратитъ свой гнѣвъ на меня!

117. Панем ѣмбур дадес.—Кто *живетъ* съ матерью, тотъ и папаша.

118. Гатем јіѣаб нане сѣ'азкѣм.—Подъ ударомъ сабли (матери нѣтъ) поздно призывать мать на помощь.

119. Јуіјадезир шхннсѣаке љѣс, јібото љѣ?—Твой старикъ-отецъ (изъ-за пици) съ голоду умеръ; (находя) имѣя, что ѣсть, развѣ онъ умеръ бы?

120. Паде ѣеинншере, купѣенше абере зеходеѣ.—Одно и то же—отецъ (безъ) не оставляющій наслѣдства, или кусокъ мяса безъ кости.

Мачеха. 121. Пане-непеспр уѣсмм ходеѣ.—Мачеха похожа на снѣгъ, т. е. холодна.

Бракъ. Свадьба. 135. Зым жібадаге, зым жінкшасеш.— Похороны одного—свадебный пирь для другого.

136. Ссе сашен хуме, дарір меѳод.—Когда (меня уводить) мнѣ замужь выходить, тогда шелковыя матеріи пропадаютъ, т. е. мнѣ не везеть.

137. Пујане кишашем мѳбм ходыз куһатакѳм.—На свадьбѣ твоей матери тебѣ столько не было дано (рѣчь идетъ о щедромъ дарѣ).

Женихъ. Невѣста. 138. Фадер ѳодре сѳтме межабзе, ѳиגעбыр ѳодре сѳсме ѳи меху.—Напитокъ, когда долго стоять, отставшается, а когда дѣвица долго сидитъ, то дѣлается (хорошей) подходящей для замужества.

Братъ и сестра. 139. Шипхунше нѳхрі шипху ннеф.—Лучше имѣть слѣпую сестру, нежели вовсе ея не имѣть.

Родственники. 140. Кошыр һуснто кыре'уммвсѣ, жісме һусем'аз.—Въ твоємъ присутствіи не давай родственника свалить, а если свалится, то не помогай подняться.

141. Кошым холазері јазем хебутһарі зеходес.—Все одно: родственнику услужить или въ золу мочиться.

Аталычество (воспитаніе). 142. Былым уодыр һуишме, һујупе даге ребес; цмху уодыр һуишме, кофтрејіз.—Если худую скотину выбормишь, то губы намажеть жиромъ, а худого (дурного) человекѳа, если воспитаешь, то онъ только лягнетъ.

143. Цмху уодыр һуишме, һујупе ке'онс; мел уодыр һуишме, һујупе даге жіснѣс.—Если бѣднаго человекѳа воспитаешь, то онъ по (губамъ) лицу побьетъ, а если худую овцу всормишь, она губы насалитъ, т. е. будетъ прокъ.

Вдовство. 144. Физабем жібмн јепмз, ѳибуабем жібмн хойнзіркѳм.—Вдова своихъ дѣтей воспитываетъ, а вдовецъ своихъ дѣтей не можетъ воспитать.

Общественная связь.

Общество. 145. Жмлем ффѣ-псоу јакеплѣаме, ффѣ-ни-ко кахепхмаркѣм.—Если (обществу) народу дашь цѣлюю шкуру, то и поль-шкуру не получишь отъ нихъ обратно (говорится объ уступкахъ массамъ народа).

146. Зедешхе 'афс јікі береветс.—(Совмѣстная) ѣда въ компании не только вкусна, но и обильна.

147. Жмлер змшх дмвуз нѣхрі жмлегорир нѣх 'умахос.—Общество все же счастливѣе того волка, который (ѣсть) истребляетъ все общественное.

148. Кошроко зешмблмр гузаворе хунѣкѣм.—Семь братьевъ Кошеровыхъ не спѣша (не вдругъ) стали домо-мъ (хозяевами).

Сосѣдъ. 149. Змѣѣце зиммѣо, змзунезу зібіі.—Чья добра, того и горе; чье сосѣдство, того и вражда.

150. Зезунезут јажемшмке зеходекѣм.—У двухъ сосѣдей способъ доенія коровъ не одинаковъ.

151. Бунезуре фоншегре.—Что сосѣдъ, что штаны, т. е. одинако близки.

Законы и обычаи.

152. хабзе мѣѣ снтхуфем багулмвем фюу хельна.—Кто, не зная обычаевъ, хочетъ заслужить похвалу, тотъ въ гречневую кашу льетъ медъ (т. е. одно и другое несообразно).

153. Уорк хабзе мѣѣм ѣѣнем јинкор кежане.—Дворянинъ не знающій обычаевъ, (тобою сдѣланнаго половину оставляетъ) твоими услугами пользуется наполовину.

154. хабзер зммѣѣм ѣѣним јинкор хужанес.—Не знающій обычая принуждаетъ послужить только наполовину, т. е. теряетъ наполовину.

166. Пуненом јаћѧ һуз жехурѧ, һунехунем јанисе ме-
дѧбо (бесл.).—Кому (домомъ стать) разбогатѣть, того соба-
ка траву ѣсть, а кому разориться, того невѣстка воруетъ.

167. Зѣбѧзехо мѣхунерѧ, зеізѧт мѣиінахѧ. —(Соревную-
щіе) соперничающіе (въ трудѣ) богатѣютъ, а дѣлающіе другъ
другу на зло разоряются.

168. Факре паѣмен.—Нищій—гордецъ.

169. Мнѧром јѧкапсер беім жеѣлазе.—Веревку бѣдняка
(изнашиваетъ) рветъ богачъ.

170. Гуѣоіі змнмѣѣуѧм тнпшѧбо јѣсеркѧм.—Кто не
(видѣлъ) знакомъ съ лишениями, тотъ о спокойствіи не зна-
етъ.

Происхожденіе (знатность). 171. Кмзерікѧ ѡм же'убаз.
—Лѣзетъ въ ту же нору, откуда самъ вылѣзъ.

172. Зеходіѧтр зедоферѧ, зефеѣуіѧтр зедоко.—Равные
по происхожденію танцуютъ вмѣстѣ, а похожія другъ на
друга идутъ въ пару (второе говорится о лошадяхъ).

173. Зыхамн'о сіпѣашко.—(Моя большая шапка) счи-
таю себя большимъ человѣкомъ, не бывъ таковымъ.

Равенство. 174. Пузхомидем һујоред жеһус.—Съ кѣмъ
ты неравенъ, тотъ (твою пѣсню сочиняетъ) надъ тобою над-
смѣхается.

Отношеніе къ другимъ.

Дружба. Вражда. 175. Пупіху зерисре, һуинисе јі-
дисре.—Дружбы нельзя тебѣ не поддерживать съ тѣми, за
кого выдалъ дочь, и съ родней невѣстки.

176. Куаже-јѧв нѧхрі куаже-јѧблазе.—(Аульный быкъ
нежели аульный другъ) лучше имѣть въ каждомъ селѣ дру-
га, нежели быка.

177. Куаже-жібіі нѣхрі куаже-жіф.—Лучше въ каждомъ аулѣ имѣть пріятели, нежели врага.

178. Нибзеуѣтур зехознзапѣтур жімафе рѣпѣмѣахо пелѣнос.—Кто разстраиваетъ отношенія двухъ друзей, тотъ попадетъ въ готовый огонь (на томъ свѣтѣ).

179. сѣаэ жінимбзеуѣ жісунге маэс.—Каждому другъ служитъ зеркаломъ и гребнемъ, т. е. въ другѣ отражается.

180. Пузхудир 'охѣ, кнптеадер михѣме.—(Одолѣвающій тебя—это не дѣло, если онъ не бываетъ набѣгающій) ударъ не такъ опасенъ, какъ насиліе.

181. Јірахуд зіанѣиркѣм.—Кого одолѣваютъ, тотъ не (насыщается) мирится съ этимъ.

182. Блѣзетур біі хуркѣмі, біізур блазе хуркѣм.—Старый другъ (знакомый) врагомъ не дѣлается, а старый врагъ другомъ не дѣлается.

183. Пуделеме, копре пснпунере зекуапе ѣм.—Если ты (дуракъ) бездѣльничь, (сдѣлай) избери мѣстомъ хожденія родственниковъ и дворъ княжескій.

184. Біім һуѣнсѣапе, һуаѣа уохѣ.—Если врага пощадилъ, то будешь раненъ.

185. Јіһуні смнаѣоркѣм, сізакі пѣсезуркѣм.—И въ домъ къ нему не хожу и своей бороды тебѣ не подстилаю.

186. Пузмжаѣор кнпѣотхѣ, һузмѣасем уѣһуб.—(Ненавистный кому-нибудь) кто тебя не любитъ, тотъ хвалитъ въ глаза, а кто любитъ, тотъ осуждаетъ.

187. Блѣзет бііз хуркѣм.—Старый другъ старымъ врагомъ не дѣлается.

188. Кош жеуѣ нѣхрі нибзеуѣф.—Хорошій другъ лучше завистливаго родственника.

189. Пузіжаѣор капѣеме, кнзепѣмнор һуѣнѣаре һуѣакуіт-рес.—Врагъ прежде всего обращаетъ вниманіе на голову и ноги.

190. Шыре біре зеходес.—Что конь, что врагъ одно и то же.

Любовь. Расположеніе. Ненависть. 191. Ўзунҗасем һуҗау, һузмҗавор кнҗодеһашх.—Любящій тебя заставляетъ плакать, ненавидящій при встрѣчѣ тебѣ улыбаεται.

192. Кысхоҗ јіпсе.—(Мнѣ хорошему я его душа) кто ко мнѣ расположенъ, того я чту.

Война. Борьба. 193. Зышум шуһуітыр јізес.—Для одного всадника двое всадниковъ есть войско.

Драка. 194. Һуҗыммҗозымно һуҗыммҗоз.—Гдѣ ты потерялъ вліяніе, тамъ уже не бей (такъ какъ бесполезно).

195. Зеоҗре деоҗре смҗакәм.—Ни хорошей драки ни тяжбы нѣтъ.

196. Һузе'ор ко'оз.—Кого бьешь, тотъ и тебя бьетъ.

197. Мывеҗуреке ко'ом, коіһеке је'оз.—Кто будетъ голышомъ бить, отъ того кускомъ отбивайся.

Напасть. Преслѣдованіе. 198. Јапезуепдыһас.—Онъ носитель (ихъ) напастей для всѣхъ; ср. русс. На бѣднаго Макара всѣ шишки валяются.

Общеніе. Знакомство. 199. Бунтыр зе'уҗекәм, цыхуітыр зе'оҗе.—Двѣ горы не сходятся, а два человѣка сходятся; ср. русс. Гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человекомъ сходятся.

200. Јіҗһа-һҗасере губо-һҗасере зетоухо.—Горный и степной листъ другъ на друга ложатся.

201. Һуіпмшеҗу јіҗе кнҗите'о.—Съ вѣмъ ведшься, слава того и на тебѣ распространяется.

202. Пхомыде пышебум мыбо оіҗ.—Неравное знакомство до (несчастья) нищеты доводитъ.

Домохозяинъ. Гость. 203. Дыпхузъ һаҫо һукекожа?—
Развѣ ты вернулся гостемъ въ качествѣ замужней дочери? *)

204. Зыһаҫе зыһаҫем јіжабоҫ, һаҫытыр бисымым јіжабоҫ.
—Одинъ гость другому не любъ, а два гостя хозяину не
любы.

205. Һаҫер шхеме бжем је'упъ.—Гость, поѣвши, смо-
трить на дверь.

206. Һаҫер һазыр-сһаҫе бисымыр һазыр?—Хотя гость
наготовѣ, развѣ хозяинъ тоже на готовѣ?

207. Һаҫер мелым нахри нах'асеҫ.—Гость смириѣ
овцы.

208. Бисым бзагер деҫотеҫыҫ.—Плохой хозяинъ дале-
ко провожаетъ.

209. Цыхум јахемһаҫре камыҫхумре зеходеҫ.—Кто
не бываетъ между людьми, тотъ похожъ на не родившагося.

210. Һаҫем јінасып кыдоҫо.—Съ гостемъ приходитъ и
его счастье.

211. Һунеҫаҫе һаҫе јіҫасеҫ.—Начинающій жить домоѣ
любитъ гостей.

Бесѣда. Разговоръ. 212. Жмарыцъ сһ'акам.—(Говори-
мая ложь не бываетъ) что говорятъ, то правда.

213. Сікаме то кыхкам, сһпсаҫе то жы'акам.—Два ра-
за кинжала не вынимаю, и два раза слова не повторяю.

214. сҫхорибзе зымҫем һугъ хеҫ же'уми'а.—Кто не зна-
етъ двусмысленности въ словахъ, тому не говори, что у тебя
на душѣ.

215. Һедур сһсо шһпсе һумну'ате.—При (кошкѣ-чело-
вѣкѣ) лукавомъ человѣкѣ сказки не рассказывай.

*) Замужнія дочери долго не пріѣзжаютъ домой, но если возвращаются,
то забираютъ въ родительскомъ домѣ, что попало.

216. Псаъер брѣхувме вви ходес, брѣтисме џе ходес — Слово, если поставишь, кажется съ вола, а если посадишь — похожимъ на вошь, т. е. если раздуть все, что говорится, или отнять у него силу.

217. Јино жм'а, џинко һу'ате.—Говори громко, но рассказывай тихо.

218. Зигуѳ пѣир бжесна'ум тесѳ.—О вомъ говоришь, тотъ на порогъ; ср. русс. О волеѣ помолвка, а волеѣ тутъ.

219. Шипсе јео'ате-аби.—Сказки онъ такъ рассказываетъ.

220. Ыџеһеһе јео'ате.—Сны рассказываетъ.

221. Пусимитсим һусигуши'акѣм.—Гдѣ не садишься, тамъ и не бесѣдуешь (бесѣда требуетъ близкихъ отношений).

222. Јазе зе'умиѳо, јагѳ хель зериѳере?—(Ихъ рты не встрѣтившись) пока не поговорятъ, развѣ знаютъ, что у каждаго (на сердцѣ) въ мысляхъ?

Посоль. Посредникъ. 223. 'Охутер јажеркѣм, ѣжкор јаһукркѣм.—Посланнаго не душатъ, посредника не убиваютъ.

224. Хеѳре бзагер шиһузѳ.—Плохой посредникъ всегда позади.

Молва. Слава. 225. Даһусиѳир сиеѳ, даһус бзагер меѳ.—Хорошая слава лежитъ, а дурная разглашается (бѣжитъ).

226. Јеманде бир деһус, јахшиде бир даһус.—Дурная и хорошая слава одна и та же молва.

Достоинство. 227. Јиџе(м) ходес јиџѣр.—Его (голова) достоинства соотвѣтствуютъ имени.

Позоръ. 228. Јебехинѳи 'апезалес, кеһжинѳи һибзиреи хонѳ.—Проглотишь величиною съ палецъ (говорится о предметѣ незначительной толщины) а останется вѣчный позоръ.

Объщаніе. 229. *Һуіа јиміа мисафем гуасер сумибѣгуѣ.*
— Не обѣдай княгинѣ той медвѣжей шкуры, которой не имѣешь въ рукахъ на готовѣ.

Покровительство. 230. *Уор-сѣаке һаѣаіе смѣозмѣкам.*
— Боясь тебя, ни приобѣгну въ покровительство.

Подарокъ. 231. *Јаммѣот јатмѣкам.* — Чего не находятъ, того и не дарятъ.

232. *Һуммѣа'о, һузетеп іѣенокѣм.* — Самъ если не просиль, не будешь знать, кому нужно дарить.

Вопросъ. 233. *Һуіѣале јибнѣм кодиркѣм.* — Кто часто спрашиваетъ (наводитъ справки), у того ничего не пронадаетъ.

Советъ. 234. *Һузехуіѣмн һуммѣотме, һуіпа'а јехуіѣмз.*
— (Если ты не найдешь кого тебѣ спросить) если не съ кѣмъ тебѣ посоветоваться, то советуйся со своей шапкой.

235. *Фіһуне змснзасі кѣсе ко.* — Сперва дома научись советовать, а потомъ иди на совѣщаніе.

Ученіе. 236. *Бзѣге ѣасем мисе һоіѣ.* — Кто учитъ дурному, тотъ дѣлаетъ тебя виновнымъ.

Нравъ человѣка (характеръ). Душевныя и умственныя качества.

Послушаніе. 237. *Когем-јідеі ко коу'ономіѣ.* — Иди къ тому, кто зоветъ, хотя бы онъ тебя имѣлъ въ виду побить.

Гордость. 238. *Һузевѣѣкыр, копѣѣкмз.* — Передъ кѣмъ гордишься, тотъ и передъ тобой гордится.

Нетерпѣніе. 239. *Јібегу мѣху.* — Зудъ дѣлается (не терпится).

Насмѣшка. 240. *Һузѣдебѣшхир кмпсодѣбѣшхиз.*—Надъ кѣмъ насмѣхаешься, тотъ и надъ тобой насмѣхается.

241. „Тамбѣим сирикоѣ“, *жип-'ао:* „һукыскомѣ һусе; *leһузир шифѣ*“, *жип-'ао:* „һутеимисиз“.—Хотя ты и говоришь: „я сынъ Тамбѣева“, но это тебѣ не даетъ права трунить надо мной; хога ты и говоришь „эта лошадь лоовской породы“, но это тебѣ не даетъ права садиться на нее, *если она устала.*

242. *Ссе һукысомһусе, уѣ-һуһусмѣхес.*—Не труни надо мной: ты уже осмѣянь другими.

Клевета. Осужденіе. 243. *Һузѣйтс һуһубмѣркѣм.*—(Тебя посадившій) кто тебя заставляетъ сѣсть, тотъ тебя не станеть осуждать (намекаетъ на обычай горцевъ стоять въ присутствіи старшихъ).

Довѣріе. 244. *Һуіцѣмѣре, һуіпре змѣ хумѣ.*—На своего раба и коня не (надежды себѣ не дѣлай) полагайся.

245. *Һуіфмѣре, һуіпре змѣ-жахумѣ.*—Своей женѣ и лошади не довѣряйся.

246. *Һуіфес смсммхѣе, сіжумеренхер кетим сѣумѣфез.*—Если ты мнѣ не вѣришь (не довѣряешь), то моихъ крысъ въ овчарню не пускай.

Услуга. Угодливость. 247. *Ихозмѣрот јискѣм.*—Нѣтъ того, кто бы тебѣ потавалъ.

248. *Ссе кесхуѣ вѣим кеѣзазе.*—Заворачивай быва, котораго я пригналъ, т. е. пользуйся моей услугой.

249. *Һебдуле, швел пшхмноме, змкѣте.*—Абдулла, телятину если хочешь ѣсть, стань (торчмя) на вытяжку (т. е. слушайся, если хочешь получить что-нибудь).

Уговариваніе. Ободреніе. 250. *Јахутемһѣ јахутемѣкѣм.*—(Несговорчиваго) кого трудно уговорить, того трудно и отговорить.

251. Цмхур-цмхўсмадс. — Человѣкъ человѣка ободряетъ.

Добрый и злой. Добро и зло. 252. Бзагер кенгецебу гумисъ. — Съ дурнымъ человѣкомъ не совѣтуйся.

253. Бзагем холазери јазем хебутһари зеходесъ. — Кто дурному человѣку услуживаетъ и кто въ золу мочится—одно и то же.

254. Фн зиѣер һуиѣзаре? — Дѣлающій добро развѣ спрашиваетъ?

255. Бзаге йѣео фн һуснимгуф. — Дѣлан зло, на добро не надѣйся.

256. Коугу'аом шмъ-пастеке јегу'оз. — (Бьющему въ сердце) творящему тебѣ зло (бей въ сердце) отплачивай хлѣбомъ-солью.

Шаловливый (шутникъ). Шутка. 257. Гедзеи зежале псмвве хойѣе. — Шаловливый цыленовъ попадаетъ въ выпятокъ.

258. Гегум паго койк. — Изъ шутки выходитъ курносый (увѣчье).

259. Шхирмегү нмбале, забле хуме сбайма. — Шутникъ бываетъ жаденъ, но зато въ голодь прокармливается.

Благодарность и неблагодарность. 260. Пуіроме һуі-ромнелә, һуіуагеме кыплымһаз. — Въ дни счастья (хлѣбъ отъ тебя берущій) твой приживальщикъ, а въ дни горя (не переступающій) не переступаетъ порога.

Терпѣніе. 261. Змхомишв'ар пснтырафесъ. — Не терпящій пьетъ горячее.

Опытность. 262. Вакезьяе шинеркәм. — Бывалый человѣкъ не боится.

Капризь. 263. Зызрәгусер 'аһәншесъ. — Капризный остается безъ доли.

Храбрость (удаль) и трусость. 264. Гур кодме шир жеркѣм.—Когда человекъ падаетъ духомъ; то лошадь не можетъ скакать.

265. Цмкѹ-сѣѣке љабѣсѣ.—Хотя малъ, да удалъ.

266. Кѣрабѣр јіке сѣсѣж.—Трусъ пугается своего хвоста.

267. Пуріонвуй хурісѣтенвуй гу јі'акѣм.—У него нѣтъ сердца ни для боя ни для (испуга) бѣгства.

268. љызѣр 'афемгошѣ.—Мужество (есть недѣленный кушъ) достается въ удѣлъ полностью.

Благородство. 269. љн пхѣм љн је'озреп.—Связаннаго человека достойный мужъ не бьетъ; ср. русс. Лежачаго не бьютъ.

Жадность и скупость. 270. Шид Шу јібеітак хуѣ?—Что это? развѣ это пятакъ Шу Шидова? (этотъ недавно жившій старикъ придавалъ пятаку преувеличенное значеніе).

Умъ и глупость. 271. Дедем јібылм сѣпешѣ.—Первымъ *острѣчнымъ* растрачивается имущество дурака.

272. Деде кален јісѣсѣ.—Дураку нравится пестрота.

273. Јінсѣѣке надеѣ.—Хотя (великъ) онъ большой, но пусть.

274. Деіле фѣлмве сѣнеѣсѣ.—Дуравъ разсчитываетъ на сырны варенники.

275. сѣѣм ѣакыл јінтме љаком јіммѣуѣсѣ.—Если нѣтъ толку въ головѣ, то это несчастье для ногъ (т. е. шатается безъ-толку).

276. ѣакылр каленкѣм, ѣабѣр хубѣенкѣм.—Умъ не (повинность) рабъ, обычай (не потворствуетъ) для всѣхъ одинаковъ.

277. Зм 'акыл нѣхрі, 'акылісѣ.—Сто умовъ лучше одного.

278. **Иуделеме лазе маѣе?**—Если ты дурень, мало ли въ томъ (несчастья) горя?

279. **Деилер беим жігошебус.**—Дуракъ—пайщикъ съ богачомъ.

Привычка. 280. **Јесер сѣреіс.**—Привычка—несчастье.

Догадливость. 281. **Јіцеір вогу, јіне жігуао, зіі гӯ кодѧ пшебуѧ?**—Не видалъ ли ты челоѡѡва въ сѣрой черкескѣ, съ проткнутымъ глазомъ и у котораго пропалъ бугай?

Подозрительность. 282. **Исѧе бзагер гу бзагеѣс, гурѣхо ѣнмир хомихуеѣс.**—Бранное слово ожесточаетъ сердце, а быть подозрительнымъ есть недостатокъ въ характерѣ.

283. **Геднѣем цм хеѣ.**—Въ яйцѣ ищеть шерсти, т. е. до такой степени подозрительный.

Заносчивость. 284. **Иуснмнк, мерѣган!**—Не зазнавайся марвитанъ.

Хвастовство. 285. **Деде сѣснтхуѣс.**—Дуракъ бываетъ хвастливъ.

Пренебреженіе. 286. **запеке хеѣебзер запеке кепѣеже ноѣ.**—Случается, что носкомъ отброшенное *потомъ* (передними) зубами достаетъ.

Любознательность. 287. **Та'урнѣ ѣеһуѣем, та'урнѣ јеѣнху.**—Кто спрашиваетъ о преданіяхъ, тотъ знаетъ самъ ихъ.

Самодовольство. 288. **Зіѣѧ змѣемдахе сн'акѧм.**—Нѣтъ такого, который бы (своя голова) самъ себѣ не нравился.

Осторожность. 289. **Иудегеленер иѣетеме, һуѣе такир бѣетнѣмнт.**—Если бъ зналъ, гдѣ упадешь, такъ кусокъ войлока бы постлалъ.

290. Гупѣси псаље; зпльмнї тнѣ.—(Обдумай и) говори обдуманно; *вокруж себя* осмотрѣвшись, садись.

Знаніе. 291. Јеснке аге јеѣе.—Знаеть много способовъ плаванья.

Эгоизмъ. 292. Јіснѧ һуѣнѧ нѧхрі сіснѧгор.—Чѣмъ ему, да тебѣ, лучше себѣ; ср. русс. Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Откровенность и сыртность. 293. Гум хежыр зем ке'о.—Что на душѣ, то и (языкъ говоритъ) на языкѣ.

Рѣзность нрава. 294. Дахем јіѣаѣ феѣ ѣеѣѣ.—Подъ красивымъ (хорошимъ) находится медь; ср. русс. Мягко стелеть, жестко спать.

Увлеченіе (фантазія). 295. Темнто мезате, јимнто мевутнѧ.—Не имѧ (безъ крыльевъ) летаетъ, не содера (безъ позыва) мочитя.

Сожалѣніе. 296. Блѣбѣме һухуѣ'уѣѣ.—О пропущенномъ сожалѣешь.

Благотворительность. 297. Псапе код сн'акѧм.—Въ благотворительности нѣтъ излишества.

Соблюденіе приличія и несдержанность. 298. Јізем кнѣммкемі, јіпхем кнѣнѣнѣ.—Если не вырвется изо рта, то вырвется черезъ задній проходъ.

299. Уѧпжѣ һуѣснѧхрі, һуісѣ јеуб.—Чѣмъ сидеть да сложа руки смотрѣть, лучше хлебнувши обжечься.

Помыканіе другимъ. 300. Пуимнѣ, һуимнѣ, јісвуі скумнѣѣ.—Не входи, не сиди дома, а сидя дома, не давай мнѣ тебя застать (не то—съ тобой посчитаюсь).

Неподвижность нрава. 301. снѣбѣтнѣснн кнѣѣѣѣ.—Гдѣ посадишь, тамъ и найдешь.

Преувеличиваніе. 302. Зізермытым амбетіце крігаікс.— Гдѣ нѣтъ ничего, тамъ онъ заставляеть вырасти сто копень.

Похвала и порицаніе. 303. Пусытхуме лѣзеішец.— За похвалу дѣлается псаремъ.

304. 'Охъ дуимн'аеме, богъ худримкуаеме, жікі һумн-һуб жікі һусымитху.— Если съ кѣмъ дѣла не имѣль, или не ѣздиль въ дорогу, то его не хули и не хвали.

Ложь. 305. Пцмһупсим жісмйке зако һам феішх.— (Ігуна единственную правду собака пожираеть) лгуну, если и скажетъ правду, не вѣрятъ.

306. Ко пцмһупсим јане гуфе сьгафекѣм.— У лживаго сына мать всегда радуется (говорится о наивной матери).

307. Пцмр удѣне хузке дац.— Ложь спита бѣлыми нитками.

308. Пцым јівакор кец.— У лжи ноги коротки.

Молчаніе. 309. Самбмрим жісаз дыце фельц — (Подъ молчаніемъ лежитъ) молчаніе—золото.

Ласка. 310. Дахем (псаѣе) блер бом кьреіш.— Ласка вызываетъ змѣю изъ норы.

Клевета. 311. Јігедьгъ псаміе даѣе кькмі, жігъ кемн-кѣхер палһаоц.— Хотя бы изъ воротника шубы сало показывалось, но все же на него свалять, что ему и не пришло въ голову.

Лесть. 312. Ньбе фелһубзер 'охъ-гһабзафес.— Кто льститъ изъ-за (живота) насущнаго хлѣба, тотъ является исполнителемъ *чужого* дѣла.

313. Пусытме даѣе, һусмьме һубзе.— Когда стоишь, грози, а когда лежишь (будь поворнымъ), лсти.

Притворство. 314. Зефмр нефесмзым.— (Дѣлающійся старымъ притворщикомъ) притворщикъ притворяется.

Разборчивость. 315. Ја хедер медеху, ја хепхор аба-
фес.—Кто выбираетъ, тотъ прогадаетъ, а кто беретъ первое
попавшееся, тотъ въ выигрышѣ.

316. 'Ахедер медеху.—Кто выбираетъ, прогадаетъ.

Воровство. Пропажа. 317. Пхѣдекез псмм јібре? мѣм-
хуће кодре?—Чурбанъ развѣ въ водѣ тонетъ, овчарня развѣ
пропадаетъ?

318. Кезидыгур зыгоннѣсі, змѣкодыр гоннѣјісес.—Кто
воруетъ, тому одинъ грѣхъ, а у кого украли, тотъ дѣлаетъ
сотню грѣховъ.

319. Гур-зермзум дыгур јіроже.—Гдѣ (сердце подозрѣ-
ваетъ) подозрѣваешь, тамъ и воръ (скачетъ) налицо.

Дурной человекъ (негодяй). 320. Ђоамецму нѣхрі бо-
амешко.—Большой негодяй лучше маленькаго негодяя.

321. Бзагер хунехус, бзагем 'уѣери хунехус.—Негодяй
разорился, разорился и тотъ, кто съ нимъ повстрѣчался.

322. Бзагем ну'уѣеме, нупа'а јеті блекъ.—Если встрѣ-
тишься съ негодяемъ, то отдай ему шапку и разойдись.

Настроение духа.

Надежда. 323. Ну'а псор сі'ан нѣхрі нуземгуыр сі'а-
ферет.—Нежели имѣть, все то, что ты имѣешь, желалъ бы
и обладать тѣмъ, на что ты надѣешься (что ты имѣешь, и
знаю....).

324. Јимн'аф сыгурым, јивнѣт фокод.—Кто зря надѣет-
ся на то, чего (хорошего) не имѣетъ, у того два хорошихъ
быва пропадаютъ (гоняясь за недостижимымъ, упускаешь
что имѣешь въ рукахъ).

325. Нуземмигуырнем нуземгуеме, пхеше вогу нуриженс.
—Если будешь надѣяться на то, на что не слѣдуетъ надѣять-
ся, то будешь свакать по дорогѣ, по которой возятъ дрова.

Страхъ. 326. Пугузаваме, то пугутбенѣ. — Въ страхѣ будуть и два позова на низъ.

Дѣятельность и занятія человѣка.

Дѣло и досугъ. 327. Парі ахотеиѣѣѣ. — Это (дѣлается) такъ-себѣ по обязанности (говорится о поверхностномъ отношеніи къ дѣлу).

328. 'Охъу зі'ар псаъалеѣ, бегу зі'ар техуалеѣ. — Имбюнциій дѣло говорливъ, чесоточный часто чешется.

329. 'Охъу ммнублем бле хесѣ. — Кажется, что въ непапачатомъ дѣлѣ змѣй обитаетъ, т. е. непривычное дѣло кажется страшнымъ.

330. Падер кодре зепбеме, мме соурі, 'охур кодре зепбеме, мезаѣе. — Если трущъ долго продержатъ, начинаетъ вонять, а дѣло, съ которымъ долго возишься, запутывается.

331. Пусксипе нѣхрі псѣмз. — *Лучше сдѣлать что-нибудь хотя бы* (мѣрю съ носа) на мизинецъ, нежели (совсѣмъ сидѣть) ничего не дѣлать.

332. Пуі-'охъ зихеммъмм пуі-белаѣ хуммъ. — Въ чемъ нѣтъ твоего дѣла, не втывай своей лопатки для ваши; ср. русс. Не совай своего носа куда не слѣдуетъ.

333. Дао сѣмме дао хуп; дао хуме дао сѣмп, Карѣпаго дахе? — Какъ сдѣлаю, такъ и будетъ? Какъ будетъ и какъ сдѣлаю, красавица Карапаго? = (какъ быть?) какъ выйти изъ затруднительнаго положенія? ср. русс. Какъ ни кинь, все влннъ.

334. 'Охур беі сммѣаме, уѣ беім жідеі смкакорет. — Если бѣ дѣло не было мною изгажено, развѣ я къ тебѣ гадить пришелъ бы.

335. 'Охур кеке зерехѣ. — Дѣло носить за хвостъ, т. е. дѣло раздуваетъ.

Трудъ и лѣнь. 336. Псмѣ хоѣо лазі, псі хоѣо шхез.— Работай, какъ врѣпостной, а ѣшь, какъ внязь.

337. Пулаземе лнз пшхмнѣ.—Если будешь трудиться, то будешь ѣсть копченку.

338. Пазир-упехузѣ, хоммх ѣраѣѣс.—Щеголь и при бѣлыхъ газыряхъ—лѣнтяй.

339. Жемш јіуане јѣб.—Не устающій несетъ свое сѣдло.

340. сѣлхмнер теѣме һунем јісмр, псмбаѣе мехѣ.— Когда лѣнивый, въ домѣ живущій, встанетъ кому-нибудь воду подать, то у всѣхъ является жажда.

341. Уаѣе габенехумре фыз сѣлххѣ сѣреіре Таухе јі-зонехуаѣс.—(Отъ освѣщаемаго солнцемъ склона) отъ сидѣнія на солнышѣ и хозяйки, часто сзывавшей помощь, Тауовы разорились (такъ какъ помощь связана съ обильнымъ угощеніемъ).

342. Жемкум јѣпзі, дезмшмм је'о.—На не везущаго взгляни, и везущаго въ гору бей, т. е. наказуя трудящагося, исправляютъ лѣниваго.

343. Пулаземе 'абѣнше һухуркѣм.—Если работаешь, то безъ доли не бываешь.

Сотрудничество. Участіе въ трудѣ. 344. Зеходіт зе-зеіѣ.—Два одинаковые въ компаніи.

345. Зеходіт зе парѣс.—Два одинаковыхъ составляютъ пару.

346. Буѣ сѣреі зі'ар буѣ масте ѣоѣе.—У того желѣзный заборъ, у того иногда недостаетъ желѣзной иглы.

347. Зесмгуз меноѣ.—Надѣющіеся другъ на друга разоряются.

348. Тур зѣко пѣлѣсі, змр сѣмм'ахе пѣлѣс.—Двое, что одинъ, а одинъ все равно, что его и нѣтъ.

349. Зѣбуібур зеде'аме, вѣдасѣ трак.—Когда потянуть
вмѣстѣ девять мышей, то крышку съ кадупки сдвигаютъ.

350. Пунайѣ темлѣ темлѣбѣ.—На (свои брови) себя
не бери того, въ чемъ ты не причастенъ.

Долгъ (обязанность). 351. Пуохоім мебзеѣ.—Когда ну-
женъ (исчезаетъ) нѣтъ налицо.

Нужное и лишнее. 352. Пуохоім нухоімеі кыпѣлѣ.—
Съ нужнымъ тебѣ связывается и ненужное.

353. Јеѣлеі жеманѣ.—Пересаливать скверно.

Выгода (польза) и убытокъ. 354. Зерзнѣ 'аѣеѣс —
Кто беретъ по одному, всегда бываетъ въ выигрышѣ.

Торговля. 355. Нермимлауѣ сатѣ јаѣкѣм.—Заочной тор-
говли не (дѣлаютъ) бываетъ.

Рискъ. 356. Таѣкеім бѣім хеѣс.—Въ рискѣ заклю-
чается богатство; ср. русс. Смѣлымъ Богъ владѣеть.

Пахота. 357. „зеркос!“ жа'аре-пет Бмжир маве.—Въ
то время, когда говорятъ: „вотъ (войско) непріятель идетъ!“
Бижевъ нашетъ.

Ходьба-путь. 358. Шшм зі'ар канері, нуапе зі'ар кѣуѣс.
—У кого лошадь была, остался, а у кого сѣдло было, по-
ѣхалъ.

359. Јікѣзом нуемѣсо, нуіке думѣнеі.—Не доходя до
брода, подоль не подымай.

360. Бѣгум јікѣбѣрї јібунжабрі зеходеѣ.—Длина и
ширина пути одно и тоже.

361. Бѣгѣ блаѣе бѣгѣ жѣзе, бѣгѣ жѣзе бѣгѣ блаѣе.—
Близкая дорога — дальняя дорога, дальняя дорога — близкая
дорога; ср. русс. Напрямкѣ ѣздить, дома не ночевать.

362. Занѣо сѣко сѣзенѣеѣме сѣкер куаншо солаѣу —
Идя прямо, если оглнѣсѣ и тогда вижу свой хвостъ кривымъ (говорится о людяхъ неискреннихъ).

363. Бѣогѣ зѣммѣе паше нуѣаме, нѣавеѣм нѣухеше. — Если имѣешь главу (путеводителя), не знающаго дороги, то онъ приводитъ къ полю, покрытому собачьимъ пометомъ.

Пѣніе. 364. Гегуаѣо ходе мѣр. — Онъ словно пѣвецъ (скоморохъ).

Танецъ. 365. Нуѣмм сахепѣаѣесѣнѣаѣе, сѣкелѣаѣеѣкѣнѣи. — Хотя *меня* потащишь (въ хороводъ) къ танцующимъ, но развѣ будешь кругомъ таскать.

Начало и конецъ дѣла. 366. Пашер пѣшеѣме, дакер дѣкеѣсѣ. — Если (глава) начало хорошо, то конецъ хорошъ.

Возрастъ человѣна.

Старый и молодой. 367. Нуѣалеѣхѣ хотѣеѣ. — Пока ты юношей, наслаждаешься.

368. Нуѣалеѣме, ѣале ходе сѣнт, нѣудадеме, даде ходо сѣнт. — Если ты юноша, будь какъ юноша, но если ты старецъ, будь какъ старецъ.

369. Нѣхѣсѣм ѣѣсер рѣзѣн, нѣхѣнѣмм ѣѣсер шхѣм. — Что дѣлаетъ младшій, то оставляй стариться, а что дѣлаетъ старшій, вушай.

370. ѣалер жеѣме, ѣызѣмм ѣѣлентѣ мѣнуз. — Когда мальчикъ бѣжить, у старика голень болитъ.

371. зѣмм сѣнтѣуѣи, ѣер каѣте. — Похвали старое, но бери молодое.

372. Гуѣр нѣуѣереѣме, ѣалем ѣѣѣвесеѣ. — Если возъ перевернется, виноватъ мальчикъ (=вину обыкновенно взваливаютъ на другого, безотвѣтнаго).

373. ǰalem һусыдеһашхе, һуigelифе коі дебо жебуу *). — Если съ мальчикомъ смѣешься, то онъ въ твоихъ деснахъ видитъ сыръ (видитъ молочные зубы, т. е. съ тобой будетъ за пани-брата).

374. Ёгузаре фызаре һумбъине. — Старой дороги и старухи не покидай.

375. Јанăхнѣр јанăхсасе (у бжедхцевъ прибавляютъ — јанеһазир јанăһзаг). — Самый младшій болѣе любимъ, (а самый старшій менѣе послушенъ).

376. Пујин жеґаґи һуцнкү жеґе'отез. — Заставь большого (старшаго) сдѣлать, а малому (младшему) разсказать.

Внѣшность челоѡѡна.

Красивый и некрасивый. 377. Ём жеі сн'акам пѣсе жеі наӑке. — Некрасиваго мужчины нѣтъ (вромѣ), а есть некрасивыя дѣвицы.

378. Зисһа зисемнѣре, зѣлако зисемндахере псм-һуне-бжеу 'уберкăм. — Кто самъ себѣ не нравится и кому своя нога не кажется красивой, не бываетъ при вняжескихъ дворахъ.

Сходство и несходство. 379. Ахуамбытхур зеризехомидем ходес, цнхухер зеризехомидері. — Какъ пять пальцевъ не одинаковы, такъ и люди не одинаковы.

380. Зехомиде кмздеферкăм, земнѣреу зедекоркăм. — Неравные вмѣстѣ не танцуютъ, непохожіе не женятся.

381. сһаж језмм ходе јисдежынс. — На всякую вещь кладется заплатка изъ себѣ подобнаго лоскутка.

Чистота и грязь. 382. Зисһа каззо зігү цапе. — Кто по внѣшности чистъ, а кто по нутру грязенъ.

*) Дебо находясь=находящійся.

Плѣшивый. 383. Кур јермѣс, алафер бѣремѣс.—Плѣшивый настойчивъ, а нечистокровная лошадь лѣнива.

Безволосый. 384. Куасер бѣсеѣ гумнѣ.—Съ (безволосымъ) скопцомъ грядки рядомъ не дѣлай.

Тѣлесныя качества человѣка.

Сила и слабость (недостатокъ). 385. Змѣлкым бѣнер јіарсинѣ.—Для сильнаго ярмо служить аршиномъ (т. е. навязываетъ свой товаръ).

386. Гуз зі'ар јин'а тетѣ.—Имѣющій какою-нибудь недостаткомъ (вниманіемъ своимъ стоитъ) его скрываетъ.

Судьба.

Судьба. Удѣлъ. 387. Тѣа'усмхале јіжіл тѣуѣ (или јіѣнл тѣуѣ).—Кто часто жалуется на свою судьбу, того вѣкъ дѣлается продолжительнѣе (или: теряетъ внѣшнее благообразіе).

388. Кызатыр сі'ушх; јесмыр сімаѣѣс.—Что даютъ, тѣмъ питаюсь; что догораетъ, это мой огонь (о довольствѣ своей судьбой).

Счастье и несчастье. 389. Апході мехѣ, фѣји мехѣуз.—Бываетъ и такъ, (но и исправляется) и эдакъ.

390. Жыле-лазе лазе хуркѣм.—Горе цѣлаго общества не есть горе.

391. Жер нѣхрі 'умахо.—Лучше имѣть (начало счастливаго) счастье, нежели слагуна.

392. ѡакмыр немнѣс, бѣлмыр наснѣс.—Умъ есть слава, а богатство—счастье.

393. Сінасмпыр кнѣтѣѣс, сіпѣстемпыр хетѣтѣѣс.—Мое счастье повалило, моя каша переварилась.

394. Насмпыншер шмм хобиркѣм кирабѣкмі јасехуркѣм.—Несчастливаго и лошадь не везетъ, а если и предлагають его продать, никто не покупаетъ.

395. Насмл зми'ар махшем тесмі бѣр је'узакѣ.—Несчастныи хотя и бѣхаль бы на верблюды, и то собака его укуситъ.

Удача и неудача. 396. сммхукѣ зернѣо см.—Если не удается, то дѣлай такъ, какъ удается.

Разореніе. 397. Пунер हुनेहमे, жеш хуме пхѣдмбуг.—Когда домъ разорится, то *хозяймъ* съ наступленіемъ ночи вруетъ дрова (признавъ нравственнаго паденія).

398. Јигур мѣодо јіһунабо кодѣс.—Разорился, (не падая духомъ) не теряя надежды поправилъ свои дѣла.

399. Пузермгугѣ һухтеме, हुनेхрет.—Если бы выходило такъ, какъ предполагаешь, то не разорился бы (т. е. не все по мысли выходитъ).

Жизненные отправленія человекна.

Бда и питье. 400. Адмѣ-мибо шмбуре пастере.—Ничиі адыге, *хотя бы у него ничего не было*, предлагаетъ соли и ваши.

401. Сохте мхѣу, ане-хонѣ.—Онъ не можетъ стать ученикомъ, а со стола хорошо убираетъ.

402. Шху ѣао кобо зпегун змбѣпсвузѣм ходо змзбѣпсвузникѣм.—Не спрячусь, какъ тотъ, который ходилъ просить вислаго молока, а потомъ и ведро спряталъ (т. е. ему стыдно стало, что онъ просилъ помощи у другого).

403. Шхенке дамзикѣ, јекунке зепеленеѣ.—Бѣсть безподобно, а везетъ, какъ запаленный.

404. Падѣкѣсере хуѣ пастере.—Очень вкусное молодой пѣтушокъ (изъ молодого пшена) съ пшонной кашей.

405. Жеѣ, гум'удаѣ.—Пей, не напивайся.

406. Зедешке аѣс.—Купать вмѣстѣ сладко.

407. Ки'о ни'омі жмхуі'ар вазес.—Что бѣ ни говорилъ, все (кончаетъ) говоритъ о хлѣбѣ.

408. Јешке жеѣ нахри гегу.—Ѣдѣ и питью предпочитаютъ веселье.

409. Јеорішхем нуѣтхештеп.—Пропитаніе (выпрошенное) изъ милости не идетъ тебѣ въ прокъ.

410. Куажем дельме змгор погот.—Если есть въ аулѣ, то что-нибудь найдешь.

411. Уѣом ннем ѣальмр кмѣејху, ѣадем гум хельмр кеуѣа'о.—Дымъ (въ глазу лежащее) изъ глаза все выгоняетъ, а напитков заставляетъ тебя сказать все, что на душѣ.

412. Паѣзем хесмр імрем кмхеху, гум хельмр ѣадем кмхеху.—Какъ изъ бурьяна пожаръ все выгоняетъ, такъ изъ души напитков.

413. Шхми ѣаѣѣбз шхми ѣѣбзех.—(Головорѣзъ) разборчивый въ пищѣ, есть ея истребитель.

414. Јіз јіѣнѣ зммѣсем, јібу јіреіѣ.—Кто не знаетъ, какъ выпить полный бокаль, тотъ выпиваетъ ихъ девять.

415. Јіѣсеѣ смсѣр пѣсте јепсми језакѣм.—Прожившій годъ не могъ воды для ваши дожидаться (т. е. не дождался награды за терпѣніе).

416. Шем јісмр, шхум јопѣ.—Кто обожжется на молоко, тотъ и на бислое молоко дуетъ (въ русс.—на воду).

417. Пуздеммѣа колagem ім-дез нуѣѣ.—Тебѣ (все) кажется, что въ дощину, гдѣ ты не былъ, полно мяса (т. е. много дичи); ср. русс. Славны бубны за горами.

418. Пуѣхеѣзмнмо псмм нухоммѣзнтке.—Не плюй въ ту воду, изъ которой будешь пить; ср. русс. Не плюй въ колодезь: случится напиться.

419. Шыжў зшыхыр псм'юфез.— Кто ѣсть соль, тотъ воду пьетъ; ср. русс. Что поѣнешь, то и пожнешь.

420. Шыжў пут зедумшыхо һузериѣркѣм.— Не съѣвши пуда соли, не познаетъ другъ друга (въ русс.—не узнаешь человека).

421. Пунсومه пшхын һофот.— Если живъ, то находишь, что поѣсть.

Сытый и голодный. 422. Јізре јимкоре зериѣкѣм.— (Полный и половина не узнаютъ другъ друга) сытый голоднаго не познаетъ (въ русс.—не разумѣетъ).

423. Јимнкур јирызѣкур лепс.— Ненасытный насыщается и бульономъ.

Выдѣленія. 424. ѣбутгер ѣбусмзѣке 'азес.— Кто мочится въ постель, тотъ мастеръ сушить (т. е. скрывать свой недостатокъ).

425. Јесер псмне'убутнес.— Кто привыкъ, тотъ всегда мочится у ручья.

426. Зыр мыѣо, зыр тѣркѣм.— Пока одинъ не умретъ, другой удовольствія не получить (т. е. отъ несчастья одного зависить счастье другого).

Жизнь и смерть.

427. Змѣ змемнѣод ѣмне ѣм'акѣм.— Нѣтъ такого мѣста, гдѣ (одинъ человекъ) не погибъ бы кто-нибудь.

428. Пуине ке'ам, јипсе је'аз.— Кто беретъ тебя за глазъ, того и ты бери за душу (т. е. отнимай жизнь).

429. Псмн јибѣр, кудамам јеупхо.— Утопающій за вѣтвь хватается (въ русс.—за соломенку).

430. Пуѣын зм, һуѣен ту.— Остаются два выбора: или мужество, или смерть.

431. Зым хомифъ бѣдрихе ѡкѡм.—Никто (не идетъ на тотъ свѣтъ) не умираетъ, чтобы въ чѣмъ-нибудь не былъ гораздъ.

432. Ёениѡеръ 'аѣаммошс.—Смерть нераздѣленный купецъ (т. е. участь всѣхъ).

433. Ёеннимъ ёмѡа хелс.—Въ смерти есть мужество.

434. Миѣеме ёмъ ёунс.—Если не умереть, то (будетъ мужъ) вырастетъ большимъ.

435. Псммъ јѣѣр, јѣфтъ јеупѡ.—Утопающій за себя хватается (въ русс.—за соломенку).

Здоровье и болѣзнь. 436. Зѣѣѣа миѡузм, ѡуѣѣѣа-ѡузъ еумм'ат.—У кого голова не болитъ, тому о боли своей головы не рассказывай.

437. Нибемъ јѣлазеръ 'отезмѡуаѣес.—(Горе живота) голодъ легко (рассказывается) забывается.

438. Ыкммъ пытиѡръ меѡуз.—(Мясо находящееся на остовѣ) тѣло отъ кости болитъ.

439. ёммсмммагемъ беѡне јѣѣсет.—Когда не былъ больнымъ и то любилъ кисель (т. е. при малѣйшемъ недомоганьи онъ готовъ лечь въ постель).

440. ёмъ змѡемтъ ём'аръ ём'акѡм, ѡсве змѡемтъ ѡузмъ ѡузкѡм.—Холодъ (въ которомъ пѣтъ) безъ вѣтра не холодъ, болѣзнь безъ кашля не болѣзнь.

441. Јемнемъ келѡръ нибѡѡузмъ јѣѣѡ.—(Оставшійся) уцѣлѣвшій отъ холеры уносится болѣзненною живота.

442. Аѣѣѡмъ ѡузмъ кѡѡѣрѣ, аѡеѡуѣ кѡѡѡѣѣѡѡѡ.—Вмѣстѣ съ болѣзненною Богъ создалъ и лѣкарство для ея лѣченія.

443. Ыѡуѡеѡе ѡсѡурѣкъ јемнемс.—Отчего губитъ ни умереть—это холера (всякая смертоносная болѣзнь чума, т. е. все равно отъ чего бы ни умереть).

444. Пузыро 'азево зѣм'а сн'акѣм.—Нѣтъ такой болѣзни, которую бы нельзя излѣчить.

445. Змхамн'ор тегрѣ псеву уаџ.—Кого не замѣчали, всталъ и закашлялся.

Кровь. 446. Кодре шем жеульме, зм хожабѣ.—Долго если на пулю смотрѣть, то она кажется кровавой.

Рана. 447. 'Асем пмпуѣсир мекмаир, пселе-бзагем пмпуѣсир кизиркѣм.—Рана отъ оружія заживаетъ, а рана отъ браннаго слова никогда.

Утопленникъ. 448. Куафекітыр зедезм-'нѣсир псми жеѣ.—Кто за два руля держится, (того вода уноситъ) тотъ въ водѣ тонетъ.

Покойникъ. 449. Сѣѣде јѣлме јумихиз.—Послѣ этого, если будетъ у меня покойникъ, и тогда не выноси.

450. Пѣдер зезмѣарѣ јѣахуамбе же'упемиз.—Кто возится съ трупомъ, тотъ обнюхиваетъ свой палецъ.

451. Пѣде зезмѣарѣ јѣпе же'упем, феу зезмѣарѣ јѣпе жеубзеі.—Кто возится съ трупомъ, обнюхиваетъ свой палецъ, а кто—съ медомъ лижетъ его.

452. Пѣдер кодре зепѣме ме соу.—Трупъ когда долго (тобою ношенный) пролежитъ, то начинаетъ вонять.

Помины. 453. Пѣде'уситмі хенѣс.—Двухъ поминокъ лишился (т. е. изъ двухъ поминокъ ни одной не засталъ).

Кладбище. 454. Кѣм јаб каѣазыркѣм.—Унесеннаго на кладбище не приносятъ назадъ.

Связь человѣка съ мѣстомъ жительства.

Городъ и деревня. 455. Пунаџо гумихѣкѣсо, куаже хуѣуно жеумнѣазе.—Пока своимъ домомъ не обзавелся, не начинай аулъ *строить*.

Связь человека съ природой.

Горы и долины. 456. Дысе колaге дебапье.—Сулить (показываетъ) золотую лощину; ср. русс. Обѣщаетъ золотыя горы.

457. Ахмет жіфеу жісѣ.—Гора Ахметъ наполнена медомъ; ср. русс. За моремъ телушка—полушка, да рубль перевозъ.

458. Бъмь геднѣке јеуо.—Бьетъ гору яйцами; ср. русс. Объ стѣну горохомъ.

Рѣки и ручьи. 459. Пузытѣале псоуріѣ Пурихѣ.—Всякая рѣка, въ которой тонешь, есть Урухъ (=все равно, гдѣ бы ни утонуть).

460. Псыкемъжем псмѣлмѣо хуміѣ.—Не дѣлай стока для воды, которая не течетъ.

461. Псымъ 'усыр жімѣоке 'азес.—Кто живетъ у рѣки—мастеръ выбирать бродъ.

462. Псыжікѣомъ 'усымъ, псымъ жіпале јеѣе.—Живущій у переправы знаетъ (характеръ) свойство рѣки.

463. Пузытѣано псымъ мыве кмхѣо волабѣ.—Тебѣ виденъ камень выдающимся въ водѣ, которая тебя унесетъ (т. е. рѣка, въ которой утонешь, кажется настолько мелкой, что на днѣ камни видны).

464. Змѣмно псымъ псыфендыбѣ хескенѣ.—Къ рѣкѣ, въ которой (утонетъ) можно утонуть, прибавлю девять бурдюковъ воды.

Жаръ. Огонь. 435. Деппр жізмъ жідеіке кмѣтѣху.—Жаръ выгребаетъ въ свою сторону (т. е. заботится только о себѣ).

466. Маѣем жібуверу Іыр маѣе.—Мясо, находящееся поблизости огня, жарится.

467. Пхакосімі ше феіапет.—И щепва (подтапливаетъ) выпитить молоко.

468. Мафе михунор јісшўе мелмд.—(Огонь) костеръ, (не сдѣлавшійся) не разгорѣвшійся, начинаетъ горѣть сверху (говорится о поверхностномъ исполненіи дѣла).

469. Мафем куацеке хе'о.—Огонь бьетъ вѣткой (т. е. неосторожный разбрасываетъ костеръ).

470. Мафем хуримгегу, пафекме хуфенѣзнокѣм.—Не играй съ огнемъ: если упустишь, не (догонишь) совладаешь съ нимъ.

471. Мафе здесмиг'ам 'узо смвукѣм.—Безъ огня (дымомъ не отдаетъ) дыму не бываетъ.

472. 'Узом смхекъ зокпѣао *) мафем смхумизе.—Когда уже почти изъ дыма выбрался, въ огонь не бросай.

473. Мефенѣ хукекѣуа?—За огнемъ что ли пришелъ?

Намень. 474. Пујапекѣ миве бзиме ху'уфез.—Если впереди себя бросишь камень, то его и (встрѣтишь) найдешь; ср. русс. Что посеешь, то и пожнешь.

475. Псмм хеж мивитре пет зентеу — Два камня, находящіеся въ водѣ, и тѣ сталкиваются.

Эхо. 476. Герзегеж хухуа?—Ты въ эхо что ли превратился?

Промежутки времени.

Время. 477. Зм кезу зимм'а см'акѣм.—У всякаго свое время.

Годъ. Времена года. 478. Змѣм пахуиц' мекѣ, дѣтке јірікре?—Сѣна, накошеннаго въ одинъ годъ, развѣ на два года хватаетъ?

*) = смхекѣао.

479. Ёмахом керекуре ваъре?—Зимю бурьянъ развѣ цвѣтеть?

480. Ёмахом гумир, ёмахом боттиркам.—Чего лѣтомъ не соберешь, того зимю не найдешь.

Дни и часы. 481. Ёбам ккоре-пет код зихезиркам.—Во вторникъ свинья и та шерстинки не (дасть выпасть) сброситъ *).

482. Шм јимахоре ѓи јимахоре зеходекам.—(День лошадиный и человѣческой) день какъ для лошади, такъ и для наѣздника непостояненъ.

483. Махом махо келжѹ.—За днемъ идетъ день.

Состояніе погоды.

Погода и непогодь. 484. Уаѳим гумирот, уим ботти-жінокам.—Чего въ погоду не добудешь, того въ ненастье не найдешь.

Вѣтеръ. 485. ѳир кидетсеміе веразе (отъ јецен).—Поворачивается по вѣтру.

486. змм тесо псмм је'упмг.—Сидя на вѣтрѣ, колетъ воду (т. е. вретъ безъ зазрѣнія совѣсти).

Громъ. 487. Сіммжаѳо-сіммѳасо сікан шиблем јібуѳ.—Да сразитъ громомъ моего воспитанника: (не ненавида и не любя) -миѳ все равно!

488. Уаѳер ѳизуаѳоѳе ѳіаз јгон је'оѳ.—Когда (небо) громъ грянетъ, каждый бьетъ свой закрошь **).

Дождь и градъ. 489. Венвеі опх хешхѳс.—Коровіи пометъ дождемъ размыло.

*) Такой предразсудокъ существуетъ среди черкесовъ.

**) Согласно существующему среди черкесовъ предразсудку, этимъ можно вызвать урожай.

490. Ошх блекām факъ келе'умиһажез.—(За миновавшимъ дождемъ бурки не носи) когда дождя нѣтъ, бурка не нужна.

Снѣгъ и иней. 491. Уасишхо һузиһкām цикъ һумизма.—Послѣ большого снѣга лучше не ставь капкана.

492. Уәшукор бзу-цивум кеҗаҗеі.—Снѣжный обвалъ двигаетъ маленькая птичка.

493. Шипц-уәсир кмҗеске, һузериҗми һуимйә.—Когда идетъ мелкій снѣгъ, то (гдѣ находишься) съ мѣста не уѣзжай.

Миръ и небесныя свѣтила.

Вселенная (миръ). 494. Дуеир кезус.—Свѣтъ (по очереди) измѣнчивъ.

495. Дуеир һахус, хоммхур водс.—Миръ (временный) не вѣченъ, а лѣнтаевъ много.

496. Дуеир се теһа-теікҗ (абадз.).—Свѣтъ измѣнчивъ.

Предметы обихода и вооруженія.

Одежда. 497. Гане һаҗри фоншег һаҗ блаҗс.—Штаны ближе сорочки.

498. Харзине һугухеҗми, һуифт фоншег деҗмзкām.—Хотя у тебя и серьезные мысли, но на (твоемъ задѣ) тебѣ нѣтъ штановъ.

499. Зиваке зевим псаҗе јитһаҗуме јіҗекām.—У кого чувяки тѣсны, то (въ уши того слова не заходятъ) тотъ словъ не слышитъ.

500. Змйир гедмгуііҗс, жмйҗир гедмгуншес.—У одного (человѣка) десять шубъ, у десяти—ни одной (т. е. они безъ шубъ).

501. факом јікуаҗ һм кмкоҗ.—За буркой оказывается мясо.

502. Хег? жызы'а па'акъб. — Въ длинной шапкѣ, который говоритъ „кто?“ (такъ спрашиваютъ тугіе на ухо старики, которые и носятъ высокія шапки).

Арба. 503. Ггур сѣкутем сѣсма. — Гдѣ ломается арба, тамъ ее и чинять.

504. Ханзегуре-пет ггү жебоферек. — Кротовина и то арбу опроверждаетъ (оттого, что образуется бугорокъ).

505. Зигү һуисым, јіоһред жы'а. — На чьей арбѣ ѣдешь, того пѣсню пой; ср. русс. Чей хлѣбъ ѣшь, того пѣсенку пой.

506. Гузер жегейһуебо-жегейһуебоҫ — Спицы по очереди становятся на землю.

Мѣшонь. 507. Недисбар һумитато јіжыр іҫенокам. — Пока не развяжешь завязку мѣшка (кожаннаго), не узнаешь, что находится въ немъ.

Игла. 508. Мастеке 'ашес, кѣбке беші. — Калѣвка съ иглой, а тѣвву уничтожаетъ.

Топорь. 509. Уосыр патихуке, пѣем зегѣпсехү. — Пока топорь подынешь, дрова отдыхаютъ.

Утварь. 510. Бжемших буҫем 'ур сетіе. — Сухая ложка ротъ дереть.

Бурдюнь. 511. Фендиз бур псым сѣбаре? — Развѣ старый сухой бурдюкъ (идетъ подъ воду) тонетъ (т. е. опытный сухимъ изъ воды выходитъ).

Ружье. 512. Фоҫ неҫ жыт ҫашмынеҫ — Незаряженное ружье испугало двухъ мужинь.

Стрѣла. 513. Сіше зуане дежмно? — Моя стрѣла черезъ скважину пролетитъ что ли?

Домашняя обстановка.

Домъ. 514. Пунекѣм зегѣкѣм.—Ни дома ни очага.

515. Пунезгусем напсмз ннко (абадз.).—Стариннаго дома череповъ предпочтительнѣе цѣлой чашки изъ новаго дома.

Столъ. 516. Анер лѣкуіс.—Столъ о трехъ ногахъ.

517. Анер лѣкуісеме, меувиp.—Если столъ (азиатскій) о трехъ ногахъ, то онъ стоитъ.

Постель. 518. Пунхнац јеплі јіѣако кудіі.—Смотря по одѣялу, протягивай ноги; ср. русс. По одежѣ протягивай ножи.

519. Пуітеіен јеплі нуѣе нукоді (бесл.).—Посмотри на свое покрывало и вытяни ноги; ср. по одежѣ протягивай ножи.

Животныя.

Четвероногое вообще. 520. Паіјуанпетре—јісѣѣ јеббожѣуме, кофтреі.—Животное (продолжая) и то, если ему надоѣшь, лягается.

521. Хевреіѣ жыхуі, быннм жыко ѡ.—Сначала отыщи хорошаго посредника, а потомъ иди искать скотину (богатство).

Лошадь. 522. Шшнм зивотнм нехѣ тесѣакѣм.—(Для нашедшаго лошадь, не разсвѣтаетъ) кто лошадь найдетъ, тотъ и терлетъ ее въ первую же ночь до разсвѣта (т. е. несчастному долго не улыбается счастье).

523. Гувоіѣн зммлѣзуѣ шшнм вогуане хошеѣкѣм.—Лошадь, не бывшая въ лишеніяхъ, продолжительнаго пути не переноситъ.

524. Шшнр шнзуѣе јаѣаѣѣе, фнзир іѣѣѣе зераше.—Коня обманываютъ солью, а (жену ведутъ) по отношенію къ женѣ прибѣгаютъ ко лжи.

525. Шшм-бегузи́т зе́хобус.—Двѣ коростлявыхъ лошади пасутся вмѣстѣ.

526. Шшм кагом нутесме, шшм кепсоу нухоиб.—Если поѣдешь на вуцой лошади, то она донесетъ тебя до лошади съ длиннымъ хвостомъ.

527. хако ми́хъ зекаю.—Негодный жеребецъ любитъ кусаться.

528. Пате хоаре зеву-вуане смбѣшесѣме, сеѣапсмхиз.—Ну, если ты меня посадилъ на хуаре (лошадь особой породы) съ дуплистымъ зубомъ, то меня ссади.

529. Цѣбуалем нутесме, жіц кипхохо.—Если будешь ѣздить на бѣломъ конѣ, то его волосъ тебѣ передается; ср. русс. Съ кѣмъ поведешься, отъ того наберешься.

530. Шім жіако жібіц.—Врагъ лошади—ея нога.

531. Зыш-жінатырке шмце псм је'уфе.—Ради одной лошади сту лошадямъ даютъ воду.

Осель. 532. Шндим жіна́ве жікуху́ке, смце́м жі́мркѣм.—Осель не уходитъ съ мѣста до тѣхъ поръ, пока выюкъ не достигнетъ положенной тяжести.

533. Шнд сѣ́ймс жі́кы́ркѣм.—Осель не уходитъ съ того мѣста, гдѣ онъ....

534. Шнд шмзѣ жі́цере.—Осель развѣ соль разбираетъ?

535. Зіснѣ смнн'ам жі́шнд (или жі́гед) нѣ́м јешх.—Когда самого хозяина нѣтъ, то его осла (или курицу) волкъ (собака) съѣдаетъ.

536. Шндмр нудафеме талоу ме́хъ.—Осель (если опьянѣетъ) отъ жиру заболѣваетъ сапомъ; ср. русс. Отъ жиру бѣсятся.

Быкъ и корова. 537. Вви зі́мм'ам шѣ́е сѣі́е.—У кого нѣтъ быка, тотъ и теленка запрягаетъ; ср. русс. Голь на выдумки хитра.

538. Вмѣзир корашес, гур зезишер гурмѣс, нмбер змиѣзир бѣлмѣу.—Буланый быкъ *бываетъ* съ большими рогами, возъ тянется на шворнѣ, (желудку не даетъ сохнуть) хлѣбъ не даетъ погибнуть съ голоду (т. е. одно безъ другого не бываетъ).

539. Уив жері, уізеі нухеѣзѣс.—Послѣ того какъ твой быкъ издохъ, ты (вышелъ отъ твоего) лишился твоего компаніона-пахаря.

540. Вмѣашхере-пет пѣа кеше.—Отормленный быкъ и тотъ дрова возить.

541. Пуневим уоі'оме, мезивим жібе мехеі.—Когда быешь домашняго быка, то у лѣснаго тоже рога двигаются (т. е. горе одного отзывается на другомъ).

542. Шше маѣе кмзѣк зѣмыр бнѣуреіс.—Корова, дающая мало молока, часто мычить.

543. Жемыр бмзѣлме рѣшмѣс.—Если корова о четырехъ соскахъ, то даетъ много молока.

544. Жемим нусмѣуме, пегуним ко'уце.—Если корову похвалишь, то въ ведро нагадитъ (т. е. не будетъ давать молока).

545. Хмвм ясѣ(м) жемѣ ходес.—Какъ корова (привышая) привыкаетъ къ буйволамъ (говорится о покладистомъ человѣкѣ).

546. Жем ѣако шке жінуѣркѣм.—Коровья нога теленка не убиваетъ.

547. Венвеім кмке хеуѣм ходес.—Подобенъ тому, кто хворостиной билъ по коровьему (свѣжему) помету.

Теленокъ. 548. Бѣре шкаѣе, ѣмре тѣне (бжед).—(Продолжительный) остававшійся долго сосункомъ лѣтомъ годовалый теленокъ.

549. Вви хунор шке-кѣсо нафе.—Будущаго хорошаю быка ты узнаешь еще теленкомъ.

550. Жмѣпа-петнѣ шке кеѣхѣ.—Сколько ты ни говори, а все она рождаетъ телву; ср. русс. Хоть козь на головѣ тешн!

551. Шке 'афир жемѣт' јаше јофе.—Ласковый теленокъ двухъ коровъ сосетъ.

Овца. 552. Мелѣсем зымет' сѣсеме, мел сеникоѣ.—Если до ста овецъ не хватаетъ одной, то считается полъ-сотни.

553. Гед-ходо усаѣо, мелѣм-ходо 'у-саѣо.—Шепчетъ, какъ курица, а мягко, какъ ротъ овцы.

Коза. 554. Зѣбѣ дѣберѣѣо, зѣке мѣѣо 'усо, бѣде'ус хамѣѣба-бѣенѣ.—Чьи рога солнцемъ сушеные, чей хвостъ равенъ долѣ несчастнаго, чье мясо не идетъ на поминки—это коза.

555. Бжен мел хуре, мел бжен хуре?—Коза дѣлается ли овцой, овца дѣлается ли козой?

556. Бженѣм цѣке јѣје'уѣм ходѣс.—Подобенъ тому, кто у возы попросилъ шерсти.

Кошна. 557. Гедѣр зѣѣѣѣѣ ѣѣхѣуѣѣ.—Кошка храбра на мышей.

558. Гедѣ јѣгон хѣцен сѣнекѣм.—Кошка продолжаетъ гадить въ его закромѣ (т. е. если хозяинъ не принимаетъ своихъ мѣръ).

559. Гедѣ здѣсѣмѣ'ам, зѣѣѣѣѣ сѣгегу.—Гдѣ нѣтъ кошки, тамъ мышъ играетъ.

560. Гедѣ бзаге бунѣѣѣѣѣѣѣѣ.—Гадливъ котъ почуветь у сосѣдей.

561. Гедѣр зѣѣѣѣѣ'ас, ѣѣѣ-сѣѣѣѣѣ „меѣѣу!“ же'а.—Кошка о мѣсѣ, до котораго не можетъ достать, говоритъ: „воняетъ!“ (ср. басню „Лисица и Виноградъ“).

Собака. 562. Мндаор һармѣхуѣ.—Непослушный родился отъ собаки.

563. Һам купѣһаке уојоме, Һѣ'укам.—Если собаку костью ударишь, то она не визжитъ.

564. Һуооаѣме, маѣбзѣи здепѣаумѣ һумнѣо, һабане-мак змзехепхымѣ ю.—Если заблудишься, то иди не на огонь, а на лай собакъ.

565. Һам ојаме, нѣхеи меху.—Собаку станешь бить, хуже становится.

566. Һаѣем фоу јѣхуме, зегок.—Собачья шкура, когда медомъ наполнится, лопается.

567. хамнѣем нѣхри һунеһар нѣхѣѣѣ.—Своя собака сильнѣе чужой.

568. Змн јим'уасе һам јшхиркам.—Того, что ничего не стоитъ, собака не ѣсть.

569. Уасир хуз дндѣѣ, һар мақори теуғһа.—Снѣгъ очень бѣлъ, но собака иди мочится на него.

570. Һнѣѣ кодиркам, вуд һа језакеркам.—Добродѣтель не пропадаетъ, а собака не кусаетъ женщинъ въ....

571. Һам баѣе јѣхме кеѣнѣ.—Если собака съѣсть шерсть, то (выбросить) ее выветъ шерстью же.

572. Змзѣагусе(м) јѣ'аһа, һам јешх.—Кто не доволенъ тѣмъ, что ему дали, то его долю собака съѣдаетъ.

573. Һуне хуном јѣһа һуз јехѣ.—Кто сдѣлается хозяиномъ, у того собака на подножномъ корму.

574. Насмп зѣ'ам јѣһа һуз јехѣ.—Собака счастливаго на подножномъ корму.

575. Хемеһар коѣһари, һунеһар јѣреихѣ.—Чужая собака, водворившись, свою (домашнюю) выгоняетъ.

576. Һар здемиһа колатем Һн-дез фоѣ.—Собака вѣдетъ, что въ той лоцинѣ, гдѣ она не ходила, полно мяса.

577. Їам жіке हुतेहुвеме, козаке.—Когда собакъ наступишь на хвостъ, то она кусается.

578. Їавеім हुळіме лаіе меху.—Собачій пометъ становится дорогимъ, если (станешь) приходится его искать *).

579. Копеѣр јаһаѣоһуһа?—(К. ихъ собака желтая ты сдѣлавшійся) ты желтая собака Копашаровыхъ, что ли?

580. Їавеім हुімнабме, баме соуукъм.—Если до собачьяго помета не дотронешься, не воняеть.

581. Їавеір हुбидме हुбидипе.—Если возьмешь собачій пометъ въ руки, то бери (твердо) безъ колебанія.

582. Їа зераһуіа бапс.—(Вотъ) палка, которой убили собаку.

Свинья. 583. Кхѡм жіһуі, һам трелһа —Свинья (свое убійство) свою вину взваливаетъ на собаку.

584. Кхѡм жігубз һам трелһа.—Кабанъ свою злость срываетъ на собакъ.

585. Циху здесимм'ам, кхѡр уасһам довоі.—Гдѣ нѣтъ людей, тамъ и свинья взбирается на холмъ; ср. русс. На безлюдье и Оома дворянинъ, на безрыбье и ракъ рыба.

586. Кхѡ хомпш һа пмзетекъм.—Свинья (не дождающая) хотя и не можетъ добсть, но все же дождать собаки не допустить (ср. басню „Свинья подъ дубомъ“).

587. Кхѡнмз уавбәне дежхоѣ.—Дикая свинья рожаетъ въ ненастье.

588. Кхѡм жіл һам трелһа.—Кабанъ (свою кровь) гнѣвъ (накладываетъ) вымещаетъ на собакъ.

589. Їакері кхѡкері зерепх.—Связываетъ хвосты собаки и свиньи (т. е. соединяетъ невозможное).

*) У черкесовъ считается средствомъ отъ зубной боли.

590. Кѣом јѣв бѣм китеінекѣм.—Свинья вровь на собаѣ не остается (т. е. свинья всегда отомститъ собаѣ).

Олень. 591. Бланер жерсѣѣ зерапуѣир пшмѣ.—Оленя, хотя онъ и быстроногъ, (убивающей его лошадь есть) убиваютъ, сидя на лошади.

592. Нериммѣваву бланер јапуѣиркѣм.—Нельзя застрѣлить (невидимаго) оленя, *котораго* не видишь.

Заяцъ. Кролинь. 593. сшми'а вуандем, сшми'а тѣвукѣмѣѣр хесѣ жуми'а.—Не говори, что въ кустарникѣ, котораго нѣтъ налицо, имѣется заяцъ.

594. Кемкѣѣ вуандем, каммѣхуѣ тѣвукѣмѣѣр хесѣ.—Въ не выросшемъ кустарникѣ живеть не родившійся заяцъ.

595. Тѣвукѣмѣѣр зисшмиѣѣхо вуандем Імѣе јеуммз.—Не поджигай кустарника, въ которомъ заяцъ не родится.

596. Тѣвукѣмѣѣ хуѣѣ.—Кролинь—бѣль (т. е. тутъ ничего нѣтъ удивительнаго).

Волкъ. 597. Дшвуѣир зезѣкѣр јѣ'аѣѣѣ.—Волку принадлежитъ то, что онъ укусилъ.

Медвѣдь. 598. Мшѣем нусшмиѣѣѣме, кмшѣмѣѣнокѣм.—Если въ медвѣдю не полѣзешь, то самъ онъ къ тебѣ не полѣзеть.

599. Мшѣе дшвуѣ фебелѣѣѣѣѣ.—Медвѣдю волкъ кажется лохматѣе.

600. Мшѣем ѣѣѣѣ теіхоме меѣшмѣѣѣѣрѣ, ѣѣ теіхоме зеіѣѣѣѣ.—На медвѣдя если листъ упадетъ, то онъ сердится, а если (сильный ударъ попадетъ) сильно ударятъ,—молчить.

601. Мшѣер шхерѣ змѣе келѣѣ.—(Медвѣдь ѣдящій) послѣ ѣды у медвѣдя остался одинъ орѣхъ.

602. Бусе бзаге пѣшѣо мшѣем уѣимѣбен.—При плохомъ товарищѣ не вступаай въ борьбу съ медвѣдемъ.

603. Мисер зисшпінер зешіт зегурм'оре, змт зм'ут ка-
мерец.—Медвѣдъ боится только двухъ дружныхъ братьевъ
и обоюдоостраго винжала.

Мышь. 604. зифор зом јимхоме фѣльркеб зикереіфе.—
Если мышь не помѣщается въ норѣ, то она къ себѣ при-
вязываетъ кубышку (чтобы показать видъ, что этому причи-
ной привязанный предметъ: она скрываетъ свой недостатокъ).

605. зифром гедум нѣхъ лесъ сшмм'аке мегузе.—Мышь
(надѣется) думаетъ, что сильнѣе кошки никого нѣтъ.

Змѣя. 606. Бле зераһуѣа башс.—Это палка, которой
убита змѣя.

607. Блер зеор капсем сште.—Укушенный змѣей, ве-
ревки боится.

Птицы. 608. Гед нед доу'оі.—Курица (вверхъ) бьетъ
кожаный мѣшокъ (т. е. она ничего не можетъ подѣлать съ
нимъ).

609. Гедмм зераһукино сер ке'уъепхес.—Курица от-
рываетъ въ кучѣ навоза ножъ, которымъ ее зарѣжутъ.

610. Геднѣхрі гедзеі нѣх'-усс.—Цыпленокъ умнѣе ку-
рицы.

611. Бзум јахомиде бзум сімеш јешх.—Воробей и не-
похожій на воробьевъ истребляетъ мой посѣвъ.

612. Бзум јішм ходер јілепс.—Каково мясо воробья,
таковъ и бульонъ изъ него.

613. Бзу цмвум уѣс һутер кежехеі.—Маленькая птич-
ка и та обвалы учиняетъ.

614. Нибзор завем хесмі һѣмке јіпе безас.—Перепель
и тогда, когда въ просѣ сидитъ, носъ воракаетъ въ сторо-
ну ячменя.

615. Бзер кодре уоме, јідаме зепоһуд.—Если орелъ
часто бьетъ крыльями, то у него перебиваютъ крыло.

616. канжем не сиботим: „нѣбзе“ ж'ѣс.—Когда сорокѣ (нашла) дали глаза, она („бровей“ сказала) стала просить бровей.

Улитка. 617. Пѣмлашѣо кызриѣм 'упѣ хоѣмѣ.—Улитка (губы для него дѣлаетъ) надсмѣхается надъ той раковиной; изъ которой сама вышла.

Настѣномья. 618. Маѣем хе'орі као закор јѣхуѣс.—Ударивъ по кучѣ саранчи, убилъ только единственнаго вужечива.

619. Цем жуашкино жуигане шумт.—Если вши заѣдятъ, то своей рубашки не дари (чтобы можно было переменить бѣлье).

Растенія и плоды.

Дерево. 620. Пѣер језбм сѣс ѣлѣке мекуте.—Дерево колется посредствомъ влииа, *составляющаго* часть его.

621. Жѣмъ буар сѣто жѣмъ цѣнер јоѣ.—При сухомъ деревѣ сырое (молодое) валится.

Колючка. 622. Бѣне-ѣеѣ, бѣне кеѣмѣ (бесл.).—Изъ подъ колючки, колючка вырастаетъ.

Уголь. 623. Јазем ѣамѣс јѣтесенс.—На золѣ будетъ разсѣянъ уголь.

Цвѣтеніе. 624. Прамѣ меѣбалері, сѣмѣ јѣеѣк јеу оз.—Каждое *растеніе*, когда отцвѣло (въ свой родъ ударяется) сохраняетъ свой видъ (говорится о человѣкѣ).

625. Кемѣхуно хоѣлѣсѣ.—(Онъ для того цвѣтетъ, чтобы не созрѣть) цвѣтетъ какъ тотъ, который не дозрѣваетъ (говорится о скороспѣлахъ).

Огурецъ. 626. Наѣер мѣхуме верѣф меѣѣ.—Огурецъ если не поспѣетъ, то дѣлается уродливымъ.

АДЫГСКІЕ ЗАГАДКИ.

1. Копмплъ ꙗвенеі, Тһа холозе, ледекафе. (Куран).—Четыре угла, восемь реберъ, (служащее) служить Богу, трудъ богоугодный. **Коранъ.**

2. Зиваге хузо, зі жиле фнѣ. (Куран).—(У кого) имѣеть борозды бѣлыя, а сѣмена черныя. **Коранъ.**

3. Пӕлӕммсир зепзешмихумре, зеӕзефизмире. (ӕмре физре).—Три лепешки *раздѣлить* между братомъ и сестрою и между мужемъ и женою. Братъ, сестра и жена брата (братъ и мужъ въ одномъ лицѣ), или: мужъ, жена и сестра мужа (жена и сестра въ одномъ лицѣ *). **Мужъ, жена.**

4. Пӕфоу каком зе-уткӕм, лмо биратим купсѣе хевкӕм. (сӕлере анебизре).—Гостемъ приходитъ беззубымъ; мясо, которое ему даютъ, безъ костей. **Младенецъ и мат. грудь.**

5. Девӕз цӕкӕу фонимбӕ. (сӕа).—Маленькій чурбанчикъ о четырехъ отверстіяхъ. **Голова.**

6. Пӕкаритыр—зеуноуеу. (Нне).—Двѣ черныя собаки по сосѣдству. **Глаза.**

7. Уорі wуіа, сері сн'а, змии'а сн'ахеп. (зе).—Ты имѣешь, я имѣю; нѣтъ (не имѣющаго) того, кто бы ни имѣлъ. **Ротъ.**

8. Пӕфизитер зерошкі. (зе).—Двѣ бѣлыя собаки грызутся. **Зубы.**

9. Mel-физ псм јефе. (зе).—Бѣлая овца пьетъ воду. **Зубъ.**

*) Но почему-то при рѣшеніи этой задачи жену оставляютъ безъ доли, что доказываетъ, что не всѣ умѣютъ рѣшить эту задачу, или объясняется желаніемъ пошутить надъ женщиной.

10. Псѣм јіѣсѣаѣ апејесеѣ сѣлс. (Тѣкуме).—Подъ головой у князя лежитъ печенье въ видѣ раковины. **Ухо.**

11. Гѣсе-канѣтѣр зеѣпаѣс. (Наѣзе).—Двѣ (княжны-воспитанницы) барышни лежатъ ногами другъ къ другу. **Брови.**

12. Зѣ нѣкаре ке'абѣхи, зѣнаѣнѣз деѣеі. (сѣѣре сѣеи-ѣере).—Одна черная собака спускается и поднимаетъ бѣлую. **Волоса и носынка *).**

13. Зешітѣ доѣоірі нѣмтѣте каѣѣѣ. (Ахуамбере пере).—Пять братьевъ, взобравшись, заставляютъ испражниться мокрую часть тѣла т. е. носъ во время насморка. **Пять пальцевъ и носъ.**

14. Діікоѣнѣ тху јіѣс. (Бѣз).—Нашъ горшокъ полонъ масла. **Соски.**

15. Нейкѣм кеѣзеі усѣ. (Бѣз).—У скалы маленькая тыква сидитъ. **Соски.**

16. Фе'ум нѣхрі нѣх аѣо; бѣамѣем нѣхрі нѣх ондеѣо; нѣіѣмб јіѣлѣаме, пѣомѣно; безерім тепѣаме, пхуамѣсѣо. (Жеі).—Слаще меда; тяжелѣе свинца; возьмешь на спину, не можешь нести; на базаръ если понесешь, *никто* не покупаетъ. **Сонъ.**

17. Уач, уач нѣвуаѣ зерамѣѣ ѣеѣун. (Нѣдріх).—Эхъ, эхъ, *развеселое* помѣщеніе для танцевъ, куда никто не рѣшается итти. **Могила.**

18. Неріне, неріне, неріне пѣмѣутъ кѣже пѣмѣутъ кмѣзумѣто остѣнкѣм. (Лепс).—Все кружки да кружки—всѣхъ кружковъ двѣнадцать; *разгадку* скажу только тогда, когда дашь 12 ауловъ. **Бульонъ съ жиромъ, плавающимъ отдѣльными кружочками.**

*) Косныка у черкесовъ бываетъ бѣлая и очень длинная—до земли, толщиною въ вершокъ; эта косныка болѣе нарадная, въ различіе отъ короткой—будишной.

19. Уоіпъме, асѣ; һуѣме, кхос; хуміпре зеішеѣ. (Хів).
— Если смотришь, животное; если рысью идетъ, вабанъ; возитъ тяжести. **Буйволъ.**

20. Пѣфизмх псмбес. (Нежнре).—Шесть бѣлыхъ собакъ много воды выпиваетъ. **Муна.**

21. Ніх, піс, сһіс, кезако лѣкуі. (Шӯ-зекес).—Шесть глазъ, три носа, три головы, одинъ хвостъ, восемь ногъ. Два всадника на лошади (одинъ на сѣдлѣ, а другой на крупѣ коня).

22. Уо нѣһі нѣһ кһһі, се нѣһі нѣх кһһ, һѣфе-кһһ зм-смѣ. (Богӯ).—Длиннѣе тебя, длиннѣе меня, (одѣто) въ длинной кольчугѣ. **Дорога.**

23. Шшм чемпто, ввм чемпто: маѣ. (Мѣфегӯ).—(Не стоя) нѣтъ лошадей, нѣтъ быковъ, а бѣжить. **Потѣздъ.**

24. Пуде, һудо кмѣсоу, гоу кһһ кпреізе, зем федуо космѣ. (Мѣфегӯ).—Далеко, далеко кричитъ, врьѣъ (выкидываетъ длиннымъ) продолжительный, (прибываетъ) приближается подобно войску. **Потѣздъ.**

25. Жнжо улъеме фһіцаѣс; благоў уікуаъеме, пхемузуѣ. (Мѣфегӯ).—Если ты будешь смотришь издали—черное пятно; вблизи если посмотришь—старья доски. **Паровозъ.**

26. Дігабе пхе аіъе сѣяѣ. (Назмр).—На нашей груди лежитъ охапка дровъ. **Газыри.**

27. Хурмхо ледѣкеху. (Фок).—(Выгоняетъ) выбрасываетъ съ бѣлымъ основаніемъ. **Румье *).**

28. смъме бансѣ, језеме блаѣс. (Фок).—Когда лежитъ—въ три четверти, когда пойдетъ—громъ. **Румье.**

29. Чаі-лѣдекеф, брмф дмсецѣ. (Фок).—Ясневый прикладъ, а стволъ золотой. **Румье.**

*) Румья у горцевъ имѣютъ роговую оправу на задней сторонѣ приклада.

30. Пхѣ-кумле пхѣведеке, смхѣм жібзе, бзом жіѣмб. (Фокѣ).—Сердцевина дерева—основаніе дерева, рога оленя, лани спина (т. е. украшенія изъ оленьихъ роговъ, а попадаетъ въ спину лани). **Румье.**

31. смѣме губзе, жежеме блазе. (Фокѣ).—Когда лежитъ—перекладина, когда пойдетъ—близовъ (т. е. полетъ пули быстрый). **Румье.**

32. Атаке-кавѣ мез-хевѣ. (Фокѣсѣ).—Короткій пѣтухъ реветъ въ лѣсу. **Пистолеть.**

33. Махом рѣсегу, жешім ггу-неѣ. (Вакѣ).—Днемъ—возь съ хлѣбомъ; ночью—пустая телѣга. **Чуваки.**

34. Зезоберепѣрі пѣмм ѣѣпеѣ зереіѣне. (Калоп).—Хотя и важничаютъ, но князь ихъ носитъ на носкахъ. **Калопи.**

35. Крым кииѣ ѣекоѣмѣ діһунѣн кеіѣні смбезер. (Шмрук).—Длинноногий изъ Крыма *) въ нашемъ домѣ (заходитъ) напоминаетъ базаръ. **Сапоги.**

36. Жешке кеѣмх, махоке делеі. (Уерсекуѣ).—Ночью сирывиваетъ, днемъ впрывиваетъ. **Тюфякъ.**

37. зешре зе'ух махоре зе'утмѣ. (Оншек).—Ночью (вытягивается) разворачивается, а днемъ свертывается. **Матраць.**

38. Кырми кырахмі діһунѣке кыральнѣ (абадз.). (Шхнан).—Привозятъ изъ Крыма и у конца нашего дома владутъ. **Одѣяло **).**

39. Змзоберепѣо пѣмм жіагѣ жізутѣ. (Кубзан).—Спесиво мочится на руки внязя. **Рукомойникъ.**

40. Пѣѣолаѣѣо, кѣѣсеѣханѣте, кумбим жііѣке кмѣкетѣз. (Сабин).—Сѣрый конь, синебедренный, прыгающій въ яму (т. е. въ ладонь) и выпрививающій *оттуда*. **Мыло.**

*) Товары въ прежнее время получались изъ Каффы (Феодосія) въ Крыму.

**) Постель складывается съ противоположной стороны отъ двери.

41. Уепъме, уо пфед; јейуре кмбдеу *); јейон њѣзиреп. (Бунг).—Если ты помотришь, на тебя похожь; что ему ты *ни* говоришь, тебѣ вгорить; что (тебѣ) ему связать, не знаешь. **Зернало.**

42. ко-петмі бзмз нѣх јіѣуркѣм. (Бже).—Сколько ни идегъ, больше пяди не проходитъ. **Дверь.**

43. Мафі чеші маѣо, кеке **) фаѣе смз јіѣуреп. (Бже).—Идетъ днемъ и ночью, но не проходитъ *разстоянія*, равнаго личной сворлупѣ. **Дверь.**

44. Дігонѣмкѣ Ім јізс. ('Апхуаѣ).—Нашъ закромъ (маленькій) полонъ мяса. **Наперстокъ на пальцѣ.**

45. Крым кіѣ фереѣ папе. (Апхуаѣ).—Изъ Крыма приходитъ, съ рябымъ лицомъ. **Наперстокъ.**

46. Зепезадаке орк-бынм. (Шхуанте).—Кубической формы—собственность дворянъ. **Сундукъ.**

47. кѣн кѣно зерыѣ Мысирокохе јаѣѣѣ. (ѣахш).—Гость Мысировыхъ въ звеньяхъ. **Цѣпь для подвѣшиванья котла въ очагѣ.**

48. Зы ѣѣкаре кеабмла, зм ѣѣкаре деѣеі. (ѣѣхше-ѣѣхш).—Одна черная собака достаетъ сверху, и поднимаетъ другую черную собаку. **Цѣпь и котель.**

49. Пѣѣмѣнтъ зерошкі (абадз.). (Шмуннкумре ѣѣхшмре). Двѣ черныя собаки грызутся. **Ручка котла и цѣпь.**

50. Шммыѣако-шыѣе'уч. (Шхо).—То, что лошади не позволяетъ итти, заставляетъ ее пристать (выбиваться изъ силъ). **Уздечка.**

51. ѣѣаупснѣѣѣ ***)) шхмѣем деѣѣѣѣ. (Чан).—Свѣжо обритая голова (прыгаетъ) прячется въ ясли. **Ножникъ.**

*) = дмже'ан говорить вмѣстѣ.

**) = гедѣке лѣѣо.

***)) ѣѣа-упснн бригъ—ѣа-ѣе свѣжій.

52. Песѣозеі кеѣефс. (Месте-удане).—Стрѣнькая собачка хвостъ волочить. **Иголка съ ниткой.**

53. Пѣсем жадашке шхмъем дойкезі. (Бжемишх).—Съ гостями кушаетъ, а затѣмъ въ ясли (прыгаетъ) прячется. **Ложка.**

54. Зыпарем јимнуасо бін нуасе зышек. (Пижѣаѣ).—Ничего не стоящее, но несущее *на себя* (стоимости) богатство цѣлой семьи. **Вѣшалка.**

55. Діһуне нуріс-неде јілс. (кебѣнкѣ).—Въ нашемъ домѣ лежитъ трупъ русскаго *). **Балка.**

56. Кбпмшѣ, пѣаміі Тѣахолозес лѣзеѣсенше. (Гусе).—Четыре угла, восемь реберъ, служитъ Богу безвозмездно. **Колыбель.**

57. Јешмі махومی коо бзіз зымшеу. (Гусе).—День и ночь идя, пяди не проходитъ. **Колыбель.**

58. Азез бекѣ, бекѣ імцѣ. (Оржак).—(Разстояніе старыхъ саней обоженное) похожъ на обгорѣлыя полозья саней. **Дымовая труба.**

59. Уоһрі сері дымизатхо; нупсенапе кезнтѣм. (сезо цмш).—Ни тебѣ ни мнѣ не даетъ спокойствія; *только* (сдирающій) сдираетъ лицо у войлока. **Гребень для бури.**

60. Јіпердмсес, јі кер пѣампес. (Пѣезаѣ).—Носъ золотой, хвостъ деревянный. **Головня.**

61. Жыгисшем кырабзо хан-хыгебзым кыхуаһ. (Паасм-купѣ).—*Что это такое*, что срѣзано на верхушкѣ дерева и приносится въ даръ ханской дочери? **Болванчикъ **).**

62. Тхіцеке тель, язкоке бутне. (Фенд).—На спинѣ лежитъ, ногою мочится. **Бурдюкъ.**

*) Такъ какъ балки привозятся съ Волги.

**.) Такой болванчикъ служитъ для растагиванія шапки (мужской или женской).

63. Ботесъ бѣрипхъ тупхженхъ деабе. (зѣхѣпхе).—Поясъ Гаташевыхъ, (достающій) бывающій во всѣхъ уголкахъ. **Вѣнникъ.**

64. Јегѣба'о цѣнкѣфт. (Кузанеке сѣхуансѣе).—Отъ ударовъ въ стѣну испражняется. **Сито во время простѣванія проса.**

65. Пѣлѣне-неу дейкъ јекуз. (Шѣбзе).—Мучное лицо (убирается) помѣщается на стѣнѣ. **Сито.**

66. Абремвем *) зѣгаземе, купрапуз кѣѣѣ. (сѣл).—Камень-абре когда поворачивается, выходитъ синка. **Жерновъ.**

67. Шѣуѣсем (шубем) зѣшѣ јакѣуо. (Гѣх).—Одинъ всадникъ бросается на сто всадниковъ. **Ступка.**

68. Бузѣми'оре мекѣшх. (Шемѣт е ваке).—Что не (говорить „бу!“) мычитъ, а ѣсть сѣно? **Коса или чевяки.**

69. зѣсе зѣуто зѣгѣнѣлѣт ѣхъ зѣми'а. (сѣнгате).—Имѣетъ сто зубокъ и только два ребра. **Основа ткацкаго станка.**

70. Зѣкерѣблѣблѣ блѣшѣмъ пѣлѣ. (Псегѣ).—Безпорядочное на стѣнѣ повѣшено. **Утокъ ткацкаго станка.**

71. Жѣмъ сѣлѣ кѣрабзі јѣбзе-нѣбзе јекѣоі. (Гѣаѣо).—На верху дерева вырѣзають, а собираетъ пометъ. **Вилы.**

72. Курѣсѣп, мезѣмъ хѣбѣз. (Гѣаѣо).—Бурьянъ подбираетъ и уходитъ въ лѣсъ. **Вилы.**

73. Дѣмѣз-сѣз кѣрсѣзе сѣѣ. (Узѣ).—Подъ нашимъ лѣсомъ проходитъ карскій отрядъ. **Крупорушка.**

74. Каблѣ-чѣзѣі шѣ'убе дѣкі. (Узѣ).—Черезъ кладбищенскую валитку выѣзжаетъ много всадниковъ. **Крупорушка.**

75. Дѣпуне-сѣбазъ бѣтѣ сѣзерѣшх. (сѣл).—За нашимъ домоу два орла грызутся. **Ручная мельница (состоящая изъ двухъ жернововъ).**

*) Сказочный камень, которымъ закладывается входъ въ подземный міръ.

76. Дирго, дирго, дирго маѣ (аб. меу), куажіѣ (хисѣ) кизумито (кизати) вѣстынкѣм (кис'отенѣ). (ѣемнѣ).—Тукъ, тукъ, тукъ—пустота, пока ста ауловъ (морей) мнѣ не дашь, тебѣ не (дамъ) разъясю. **Мость.**

77. Јемне неф ѣм'уфереѣ. (Шѣас).—Слѣная чума переворачивающая землю. **Плугъ.**

78. ѣмбух дамвѣ, ѣмзев демнхо. (Шѣас).—Бѣлая спина—тавро въ тѣсной землѣ не вмѣщается. **Плугъ.**

79. Адѣкеѣмнм ходо каѣѣш, кашрмзмнм ходо јануу. (Ѓубзе).—Согнуть какъ хвостъ пѣтуха, зазубрентъ какъ щучьи зубы. **Серпъ.**

80. Мнѣоф, мафїї, алаѣ ѣенибе. (Ате).—Не можегъ ити, свистить, (съ жирнымъ брюхомъ) пузатый лошаекъ. **Копна.**

81. Пуѣаѣ нуѣас. (Ггу һаѣе).—Колышется и дрожить. **Возъ.**

82. Ѓуне јимнѣау пнѣо кѣзеѣуѣ. (Ггу).—Въ домъ не входитъ, но (плача) съ плачемъ (ходящїй) ходигъ. **Арба.**

83. Бзерабзо бземнѣ. (Ггу).—Много говоря, не говорить *ничего*. **Арба.**

84. Зїѣнѣ буапѣе, зїѣе геги. (Гуперѣ).—Его голова мѣдная, его нога блестящая. **Колесо.**

85. ѣбернѣо мез-ѣореї. (Азе).—(Часто идущїй) кто часто идетъ въ лѣсъ по мягкому? **Сани.**

86. Резнѣт, пѣтнне. (Азе).—Двое полозьевъ, со вздернутымъ носомъ. **Сани.**

87. Жмжерїпѣеѣ—пѣѣолеѣс, јеублеѣежме—декеѣс. (Куафе)—Если смотрѣтъ издали—бѣлый конь; если приблизишься—корода. **Лодна.**

88. Крым кирахнзї дїпѣасѣм јаѣѣгуше'а. (Шмнне).—Изъ Крыма привозятъ, а наши дѣвушки заставляютъ говорить. **Гармонїя.**

89. Уафем кехохме, мккуто; псмм хехоме; зейкпихо.—
Съ неба если падаетъ, не разбивается; въ воду если упа-
детъ, (распадается) размокаетъ. **Бумага.**

90. Дібънку дмсебаш телъ. (Дмсе небзі).—На нашей
балкѣ лежитъ золотая палка. **Солнечный лучъ.**

91. Дікафе дмсе-баш телъ. (Дмсе небзі).—На нашемъ
чердакѣ лежитъ золотая палка. **Солнечные лучи.**

92. Діхунасбѣ апсиз-нмко телъ. (Мазе).—На нашей кры-
шѣ лежитъ половина старой миски. **Луна на ущербѣ.**

93. Хедезі сеплі кебнмко сожабу. (Мазе).—Заглядывая
въ старый огородъ, я вижу поль-тыевы. **Луна.**

94. 'Анше бзеуѣ. (ззм).—*Кто* безъ руки отворяетъ
дверь? **Вѣтеръ.**

95. Уонемн неһзерс, ссе неһм неһзерс, удажкі усеһа-
неп (абадз.). (змбе) —Лучше тебя скачетъ, лучше меня ска-
четъ; если погонишься, то не догонишь. **Вѣтеръ.**

96. Пѣй рай ѡубзеімн. (Уес).—Тамъ и сямъ (липнуть)
ложится вучками на плетень. **Снѣгъ.**

97. Дібжебу-сбѣем гедмке хуз цмку пісс. (Уес).—На
верхушкѣ нашего кола сидитъ бѣлое личко. **Снѣгъ.**

98. Фыз фмце небуд смм дмд хезнѣ. (Опх) —Черная
женщина съ темными глазами втыкающая въ землю шило.
Дождь.

99. Јамсе себуис, кожис кисеті, ос'онс: 1) Хет уафем
ле'оі різі декожазе; 2) хет шмбзеке псм кеһбѣзе; 3) хет тху
цацемке јізежаз? (Лѣупнкѣ, уешх, дмбазіі).—Три неизвѣст-
ныхъ чуда; три аула дай, разгадку скажу: 1) кто на небо
(поставивъ лѣстницу) по лѣстницѣ забрался; 2) кто рѣше-
томъ воду носилъ; 3) кто масло на вертелѣ жарилъ? **Раду-
га, дождевая туча и солнечные лучи.**

100. Адри́ а́лерибѹ́ јізаѣ. (Мыл).—На ту сторону перекинутъ коверъ. **Ледъ на рѣкѣ.**

101. Уопѣме бунге, уоігеме дегѹ. (Мыл).—Если смотришь—зеркало, а если позавешь—нѣмой. **Ледъ.**

102. Јінжыг а́лерибѹ́ теіһубѹ́аѣ. (Мыл).—Зеленчукъ засланъ ковромъ. **Ледъ.**

103. ѣмахом дѣкыртоѣри, бѣмахом укѣжѣкеі. (Мыл).—Зимою чрезъ него проходимъ, лѣтомъ пропадаетъ *безслѣдно*. **Ледъ.**

104. Пунем јік, ѣмм јікѣз. („Убо).—Изъ дома выходитъ, со свѣта уходитъ. **Дымъ.**

105. Уѣфем ѣмѣриѣк, ѣмѣем ѣкѹпѣѣпѣ. (Иѣа).—Что уносится въ небеса, а на землѣ подбираетъ *соръ*? **Пожаръ.**

106. ѣоме, меѹушхе; тѣсме мешѣмѣи; ѣтме меѣао. (Шшм).—Когда ѣдетъ, жуется; когда сядетъ, улыбается; когда стоитъ, прислушивается. **Лошадь.**

107. Жѣмер зѣһо зѣфт ѣзаѣе. (Вви).—Кто тащитъ весь аулъ, у того задъ замаранный. **Быкъ.**

108. Јеуме, маѣе; јеумеѣрек; карезетес; јесеребѣгѹ. (Дѣѹз).—Когда бьютъ, бѣжитъ; рветъ на куски; черный всадникъ; привычный хватать подъ мышки. **Волиъ.**

109. ѣеѣе-куаѣе коѣори, ѣеѣе-ѣуре ѣдеіѣ. (Дѹѹзѣре бѣенѣре).—Приходитъ (хвостатый) съ хвостомъ, а уноситъ безхвостаго. **Волиъ и коза.**

— 110. Зѣѣе зѣѣфо зѣѣе зѣѣиі. (Баѣе).—Хвостъ (волочащая) волочитъ, кожа ея врагъ. **Лиса.**

111. Зѣѣер зѣѣѣфо зѣѣѣр зѣѣѣхѹ. (Баѣе).—Кто волочитъ хвостъ и чья кожа временная? **Лиса.**

112. Неѹбеѣз ѣеубѣерѣк. (Гедѹ).—Съ завистливыми глазами ходитъ по плетневымъ валиграмъ. **Кошма.**

113. Ѓоѓў-наџем цмвудѧ хелс. (Тѳекумеѳиѳ).—На краю дороги лежитъ расчищенная шерсть. **Заяць.**

114. Писѳаѳ-рмѳо, алесе ѳор. (Кундуз).—(Ходящій) хоподъ водою, иноходець-лошаекъ. **Выдра.**

115. Ѓуне-наѳем левуп-зеѳ кмѳове. (ѳубнеѳ).—У стѳѳны дома кипитъ маленькій котелокъ. **Кротъ.**

116. Оѳ жмзмн'ау венаѳо. (ѳубнеѳ).—Пахарь, не говорящій „ой“ (собь-цабе)! **Кротъ.**

117. Неѳмѳѳѳ, пеѳмѳѳѳ, тен ѳмѳѳѳ змѳмѳ. (змѳо).—Съ маленькими глазками, маленькимъ носикомъ и въ бѳличьей шубѳѳѳ, *кто это такой?* **Мышь.**

118. Нетѳеѳ Пм јѳ. (змѳо).—Кожанный мѳшочекъ полонъ мясомъ. **Мышь. Ноговица.**

119. Кау-кау ѳермѳ куаѳер се кеѳмѳ. (Гогуш, тѳегед).—*Говоря:* кау, кау, (бѳгунъ) обѳгаеть три раза деревню. **Индюшка.**

120. Јѳѳе теѳѳтеѳс, јѳѳну гуперѳс. (Тѳегед).—Его цѳѳѳѳѳ (находить-сходитъ) мѳвняется, спина его—колесо телѳѳѳѳѳ. **Индюшка.**

121. 'Уѳе кеѳѳ тхѳѳеѳе ѳуаѳѳе. (Вмнд).—Ртомъ несетъ яйца, на спинѳѳѳ высиживаетъ. **Воронъ.**

122. Крмѳ кѳѳ ѳеѳоѳѳѳѳѳ, дмѳуне кмѳѳѳ тѳѳгедмѳ: хѳе кмзегѳ, уостмѳс. (Крѳ).—Изъ Крыма (приходитъ) прилетаетъ длинноногій, въ нашъ домъ заходитъ индюшкой: сто морей если мнѳ дашъ, то скажу тебѳѳѳ. **Журавль.**

123. Змѳ 'аѳм-змѳѳ шмѳсм. (Гед).—Чье мясо вкусно, того потроха *идутъ* на соусъ. **Курица.**

124. Махом кеуѳмѳ, ѳешмѳ доѳеѳѳ. (Гед).—Днемъ прыгиваетъ, ночью впрыгиваетъ. **Курица.**

125. Адемѳдеѳз кмѳрмѳѳзегѳѳѳ. (ѳѳѳѳѳѳѳ).—Сюда и туда *летая*, (крымскій языкъ) говоритъ по-крымски. **Ласточна.**

126. Бзегу кăшенаш. (Бле).—Извилистая грудь. **Змѣя.**
127. Ъогу набзем гѣте жіхѣ уѣ. (Бле).—На (брови) краю дороги лежитъ обнаженная шапка. **Змѣя.**
128. Цѣсѣдлащѣ, кѣресѣуантес, кумбѣм жііко кнѣкетъз. (Шнндирѣоу).—Бѣлый-сѣрый конь, ребра синія, въ яму прыгаетъ и выпрыгиваетъ. **Ящерица.**
129. Ъогѣ кешенаше Пы пшер такыр. (Пандыркуако).—Извилистая дорога, кусокъ жирнаго мяса. **Лягушка.**
130. Амберемивем зезазері, мивехѣ-сын кнѣок. (Пандыркуако).—Когда камень-амбре перевернется, *то* оттуда выходитъ бѣлокаменный истуканъ. **Головастикъ.**
131. Быре быре быре быре, бетакіне. (Бзезеі).—*Издасть звукъ:* быре, быре, а глаза какъ пятакъ. **Рыба.**
132. Дігед хуз-цмѣу купѣншес. (Кои).—Наша бѣлая вурочка безъ костей. **Сыръ овечій.**
133. Сері кезмѣеш, нурі кумѣеш, Тге дікан кнѣшѣс. (Мелмзѣ).—Ни я не согнулъ, ни ты не согнулъ, а согнулъ нашъ (воспитанникъ) заступникъ Божь. **Бараній рогъ.**
134. Дізмз цмѣу пмѣу бешхс. (Гедьке).—Нашъ старичокъ много ѣстъ соли. **Яйцо.**
135. Тнѣ, тнѣ зетео нѣхѣ те'оз. (Жемп).—Топъ, топъ, (вмѣстѣ взятыя) моложе то, что послѣднимъ ударяется. **Коровій пометъ.**
136. Цмкуніте јѣтехепс. (Хху).—*Собою* малюсенькое, а выѣзаетъ изъ земли. **Просо.**
137. Мисе'о ту кезыхѣ. (Ђаше).—Безъ стона двухъ рождаетъ. **Полба (два колоса).**
138. Јампѣо пшер-фнѣте.—Не (воспитываемая) вскармливаемая *никѣмъ, дѣлается* очень жирной. **Дыня.**
139. Тнѣпезоз жіко хуреіцмѣу. (Кеб).—Широколистаго кругленькая (сынъ) дочка. **Тыква.**

140. Абызехе псацехер зырнцетубъ. (Камы).—Абадзехскія дѣвицы съ широкими (головными) покрывалами. **Намышъ.**

141. Даде јѣзакѣ моуфафері псн-уфем утс. (Камы).—Дѣдушка на берегу стоитъ и его борода колышется. **Намышъ.**

142. Жыгысѣм ккрабзо бземн'ум кмхуаѣ. (Вюк).—На верхушкѣ вырѣзываемое приносится *домой* для безсловеснаго *животнаго*. **Хворостина для быковъ.**

143. Мезым јѣбѹ, ввым јѣбѹт. (Вюк).—На (краю) опушкѣ лѣса *растетъ*, а у быка на обоихъ бокахъ *бываетъ*. **Хворостина.**

144. Јамыго хугѹ нед, јамыдо дарігане. (Шырий).—*Это* не мѣшокъ толчонаго (ими) пшена и не питая (ими) шелковая рубашка. **Алый цвѣтокъ.**

145. Псым узепырпѣме, гонпѣыз-цѣкѹ уожаѹ. (Шырий).—Когда смотришь чрезу рѣку, то видишь маленькій красный завромъ. **Алый цвѣтокъ.**

146. Јамыдо дарігане. (Шырий). **Алый цвѣтокъ.**

147. Пуд-бѣн дѣкоу-буане кидопѣ. (сѣбзѣі).—Семья вѣдмы выглядываетъ изъ-за дыры въ нашемъ плетнѣ. **Стручковый перецъ.**

148. коу буанем смдепѣме, пѣманѣаѣ сожаѹ. (сѣбзѣі).—Когда я смотрю чрезу щели плетня, вижу *что-то* недавно покраснѣвшее. **Стручковый перецъ.**

149. Бюгѹ-нѣпе жыпѣаѣ хель. (сѣмпе).—На краю дороги находится запекшаяся кровь. **Земляника.**

150. сѣсаѣым анеѣе-хуа соѣеѣы. (Бзыннхѹ).—Подъ землею бѣлая курица кладетъ яйца. **Чеснокъ.**

АДЫГСКІЕ СКОРОГОВОРКИ.

1. Пӕссым шетӕмӕ фетым фӕссыг зекельнысс, абм ссе сакельныссыг. — На длинной свамейкѣ, стоящей въ кунацкой, сидятъ одинъ за другимъ три гостя, а за ними сижу и я.

2. Мо фӕссыге фетым шетӕге фетым фӕссыг зекельныс, зекельныс, сері абм сакельныссыг. — Въ той новой кунацкой, на новой свамейкѣ, стоящей тамъ, сидятъ одинъ за другимъ три гостя, сидятъ одинъ за другимъ, и я за ними сижу.

3. Баге сӕггӕрӕ стӕсс, жем гӕггӕрӕ сӕггӕг. — Я задавилъ муху и сѣлъ; корова сѣла, я всталъ.

4. Дӕгунезум јаннсаге кӕфехузышхом кӕгоспыскуѣс *), нӕгоспыскуѣс. — У молодой снохи нашего сосѣда я щипалъ бѣлыя (большія) толстыя бедра то съ одной стороны, то щипалъ съ другой.

5. Гӕгунезум јаннсаге фӕкӕм јегӕі, ссе сӕгӕігі кӕккускубі, скускубігӕі сӕкӕігӕггӕг. — Молодая сноха нашего сосѣда (зашла) зашла въ печь, я за ней зашелъ; со всѣхъ сторонъ сталъ щипать, сталъ щипать и вышелъ.

6. Мм пчем сеплі, сеплӕггӕггӕг, зӕгӕ кӕгӕі јесукӕлі, зӕгӕ кӕгӕі чӕсӕгӕгупӕі. — Смотрю на эту дверь; я сосредоточился въ созерцаніи: одна вошь вышла; я ее придушилъ, одинъ мужчина вошелъ, и я забылъ объ этомъ.

7. Каче, каче сӕкебӕг. — Бѣги, бѣги, моя старая тыква.

*) Отъ јепескун щипать.

8. Камлѣзе пѣмзѣзісім шѣбіісѣа пѣмзѣзмѣ жарѣ.—
Въ трехъ очень красныхъ мискахъ лежатъ три очень крас-
ныхъ головки перца.

9. Чем-кере бзепеф-хмуфем кмѣосмѣ ѣосмѣж.—Черная
корова съ темно-свѣтлыми рогами приплываетъ къ берегу
моря и отплываетъ.

10. Апси-пѣмзѣзем псм-пѣмзѣзер іт.—Въ очень крас-
ной чашкѣ находится весьма красная вода.

11. Колхонико мін пѣне мін пѣнасѣ.—Тысячу рожде-
ній—головки тысячи колючекъ.

12. Меі меі мејасѣе, бѣне мін бѣнасѣе.—Яблоня, яб-
лоня—верхушка яблони, верхушки тысячи колючекъ.

13. Ане, ане аніі, пѣне мін пѣнасѣ.—Столъ, столъ во-
семь столовъ, верхушки тысячи колючекъ.

14. Афипс псм-смѣху сѣахук.—Афипсъ намочи водой—
ремень.

15. Сешхо пепіс, гѣте пепіс гѣтепс јіһуіе.—Шашки
(на концѣ сидящій) конецъ, сабли конецъ—мѣсто для того,
чтобы надѣтъ портупею.

16. Невоі зогур зогусс; невоізмсм сапесс —Ногайскихъ
дорогъ три, (сизу оволо) караулю трехъ ногайцевъ.

17. Пѣзо, шѣзо; пѣзор сѣтмі, шѣзор сешх.—Желтая
собака, желтый теленокъ; желтая собака хотя бы и стояла,
я предпочелъ бы съѣсть желтаго теленка.

18. Мо-псмѣом мѣвешуіще-ѣице-цѣмѣу дѣлѣвр оһһуі зако
һуімѣвешуіще ѣице цѣмѣу, псмѣ дѣзеходе мѣвешуіще ѣице
цѣмѣу.—На томъ берегу находящееся черное маленькое то-
чило не одному *тебѣ принадлежитъ*; твое маленькое чер-
ное точило, а принадлежитъ всѣмъ намъ одинаково это ма-
ленькое черное точило.

19. Мо жем кере нмбе гѣфе псм'уфернхур, онһуізако һуіжем кере нмбе-гѣфе псм'уфернхұ псомік дізеходо жем кере нмбе-гѣфе псм'уфернхұс.—Эта черная корова съ оголеннымъ бокомъ, пасушался на берегу тебѣ одному *принадлежитъ*—твоя черная корова съ оголеннымъ бокомъ; пасущаяся на берегу намъ всѣмъ одинаково *принадлежащая* корова съ оголеннымъ бокомъ (пасающаяся есть) пасется на берегу.

ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ.

Рай. 1. Һунезублнм *) јашуре **) һантхунсм ејеро һу-зегуіһудме женетнм һуконос.—Если ашурную кашу поѣшь въ семи домахъ и вслѣдствіе этого умрешь, то пойдешь въ рай.

Дьяволъ. 2. Һујабзане кнһме шетан тмснпес.—Длинные ногти жилище бѣсовъ.

Гость. 3. Адакер уоме, һѣсе коко.—(Если) когда пѣтухъ поетъ, пріѣзжаетъ гость.

4. Канжер какеме, һѣсе коко'а.—Когда сорока стрекочетъ, пріѣзжаетъ гость.

5. Депшұ мафем пернһувеме, һѣсе коко'а.—Когда разгорѣвшійся уголь въ огнѣ становится ребромъ, пріѣзжаетъ гость.

6. Депшур бегалеме, һѣсекаһом зкһулаіснзыре кнсос.—Если уголь стоящій ребромъ свалишь, то съ ѣдущимъ въ гости случается какое-нибудь привлоченіе.

*) Семь сосѣдей.

**) Праздникъ послѣ курбанъ-байрама, когда въ каждомъ домѣ обязательно каша изъ семи составныхъ частей: крупы, мясо курбаннаго барашка, фасоли и т. д.

7. Гедур аргеннм јестѣме, һаѣ кеѣноѣ.—Если кош-
ка царапаетъ рогожку, то прїѣдетъ гость.

Порицаніе (клевета). 8. Тѣакуме јіѣмр шхеме, кпѣо-
тѣѣ, семегур шхеме һуаһуб.—Если правое ухо чешется, то
тебя хвалятъ, а если лѣвое—то тебя порицаютъ.

9. Пуібзегѣ зпгор кпхѣме, бзего һуаһиноѣ.—Если на
языкѣ (что-нибудь вырастетъ) сдѣлается нарывъ, то тебя
(языкомъ понесутъ) оклеветаютъ.

Ссора. 10. Сабннпр 'аѣнбнм теѣо јірат.—Мыло (лежа)
при передачѣ владется на наружную часть руки *).

Капризъ. 11. ѣе зпзегусереім јннбе һа траѣшпхѣме,
зпзегусежкѣм —Если на животѣ мальчика, который часто
капризничаетъ, заставить вѣшать собаку, то онъ (больше не
капризничаетъ) перестаетъ капризничать.

Непрїятность. 12. Гед уоме, гухѣѣ меѣѣ.—Курица ко-
гда запоетъ, то случается непрїятность.

Новость. 13. Адакер берескешхо пшыѣ'оме, хнбар ке-
'уноѣ.—Если пѣтухъ наканунѣ воскресенья будетъ пѣть, то
(раздастся) получится новость.

Богатство. 14. Кпѣар-зпшпхпжпр беі меѣѣ.—(Вдѣщій
принесенное) кто ѣстъ то, что *самъ* принесъ, тотъ богатѣетъ.

15. Пуі'апе ѣоѣ хѣоме, бннм бѣотпноѣ.—Если на
пальцахъ появятся желтыя пятна, то ты получишь богат-
ство.

Прибыль (подарокъ). 16. Абзана колѣнхѣме, бннм кпѣ-
хѣоноѣ.—Когда (зарябѣетъ ноготь) пятнышка на ногтѣ по-
явятся, то скотины прибавится.

*) Такое повѣріе, чтобы не было ссоры.

17. Ымь козыгыр коммфигужис, мебабо.—Если подаривший тебе скотину не будет тебе завидовать, то *скотина* приувеличится.

18. Жыпано кибздебяр жујапе жыпнәм, уонахапе бымь јејот.—Если то, что (тебе в рот зашло) ты хотѣль сказать, другой скажет раньше тебе, то онъ раньше тебя (находить) получаетъ выгоду.

19. Пумицо смѣхер зеблепхукме, бымь кыпхехоноџ.—Если невзначай пуговицы застегнешь (неправильно) не такъ, какъ слѣдуетъ, то будетъ прибыль.

20. Семегур шхеме бымь уџот.—Когда лѣвый бокъ зачесется, то скотину (находишь) получишь.

21. 'Агү јізмр шхеме бымь от.—Если зачесется ладонь на правой руке, то скотину (дарить) придется подарить.

Урожай. 22. Нам жуз јішхме, јабев хуноџ.—Если собака ѣсть траву, то будетъ обильный урожай.

23. Пудхер Береј-у'асһа (Осһамахо) смзехос јілесисе кымбәке, кыздежено: јабевыр зһым јепљино; нәхапе кесым жыло здесим јабевыр кымноџ. Пудхер засем тесо, гухум тесо, һанцем тесо, жузем тесо, һам тесо, вым тесо кызедожехе *).—Вѣдьмы собираются на (курганѣ) вершинѣ „Борей“ (Ошхамахо), когда наступаетъ Новый годъ, чтобы (бѣжать вмѣстѣ) состязаться въ бѣгѣ, съ цѣлью узнать, (кто возьметъ) кому выпадетъ на долю урожай. Та изъ нихъ, которая первой придетъ въ ауль, гдѣ она живетъ, приноситъ урожай; онѣ (бѣгаютъ) летаютъ, сидя на вертелѣ, сидя на ступѣ, сидя на лопатѣ, сидя на врупорукѣ, сидя на собацѣ, сидя на быцѣ.

*) Смотри по тому, чья вѣдьма на состязаніи въ бѣгѣ одержитъ победу, черкесы увѣрены въ томъ, что въ ихъ аулѣ будетъ урожай.

24. Озурсызыр шибзым куа̄с, озурсызыр мелым куа̄с; берекетыр ветым куа̄с: ребевышхор мелым куа̄с.—Несчаст- ный въ табунъ поѣхаль, счастливый къ овцамъ поѣхаль, (обильный) все въ избыткѣ имѣющій въ шалашъ для *баран- ты* поѣхаль: большой урожай (на ниву поѣхаль) ниву на- вѣстиль.

Правда. 25. Зыгор жӣпа'о кепсаме жӣпар пезс.—Если ты что-нибудь скажешь, а другой чихнетъ, то (сказанное) это правда.

Воръ и воровство. 26. Зыфѣод'ам дмудзыхо мафем пыземе, зыдмудуам ја'а золе.—Если у кого-нибудь случится пропажа, и онъ бросить въ огонь волчью жилу, то у (взяв- шаго) вора рука скорчится.

27. Зыгор зыфадмудум пезз мафем пыземе, зыдмудуам жӣ- некѹ кырепх.—Если у кого что украли, и онъ въ огонь бро- сить траву-пезз, то у вора на лицѣ (высыпаетъ) появится сыпь.

28. снк кута̄е нушхеме, бмудуар кысѣкыжынос.—Если будешь ѣсть изъ битой посуды, то обнаружится, что ты во- роваль.

Дорога. 29. зегѹ шхеме, зогѹ хутеуба̄.—Когда подо- шва чешется, то (пускаешься въ дорогу) къ дорогѣ.

30. Пӯизегу шхеме, па̄са̄е нувонос.—Если твоя подо- шва чешется, то выѣдешь на большую дорогу.

Уродство. 31. Фызвум тѣакуме̄кыб сѣжавӯе, са̄ле заке кельх̄.—Если беременная женщина увидить зайца, то мла- денецъ бываетъ криворотый.

Исполнение желанія. 32. Пӯитѣакуме ц̄ур нузехӯпса̄м кысеме, нӯигу-жубд̄ар кыбдех̄унос.—Если спрошенный отга- даетъ, въ какомъ ухѣ у тебя звенить, то, что ты задумалъ, исполняется.

33. Пуит һавуме цур каҕеме, һигү-хелар кибдехуноҕ.— Если (узнають), отгадают (какое ухо) въ вагомъ ухъ у тебя звенить, то твое желаніе (задуманное) исполнится.

34. Шши-буашхо пѣаҕуме жылопар кибдехуноҕ.— Если увидишь жвачку лошади, то исполнится (тобою связанное) то, чего пожелаешь.

35. Блер ҕымахом пѣаҕуме, тһәм-һузрежуур хуноҕ.— Если змѣю увидишь зимою, то (у Бога тобою просимое) твое желаніе исполнится.

Судьба. 36. Уоіжао ҕабо һумитһиһіҕ.— Вытхавши, не встряхивай бурки.

Счастье. 37. Киҕепске: хеир һуһ! жыра'а.— Когда *кто-нибудь* чихаетъ, то говорятъ: будь счастливъ!

38. Дибуз бегум змиҕрепско зибрепскеме, ҕис.— Если выкупаешься раньше того, чѣмъ выкупался боростливый волкъ, *то это* хорошо.

Несчастье. 39. Вакер ҕибреһувке, зизерізекеме ҕыкәм.— Когда чевикъ поставишь, и онъ перевернется, *то это* не въ добру.

40. Пуізогү зена'уһеме, ҕыкәм.— Если твою дорогу герейдутъ, *то это* не въ добру.

41. Псир 'аҕыбке іракекәм.— Воду чрезъ руку не наливаютъ.

42. Физ-коаиҕе наҕхор оҕурсызс — Брюнетка съ сѣрыми глазами несчастлива.

43. Жеш хуао пхенкі јумыз.— Когда повечерѣло, сору не выбрасывай.

44. Һусиҕин ҕадым удаме зерыҕадеме, ҕыҕин махокәм.— Если (гдѣ шьютъ) при шитьѣ твоего платья завидываются узлы, то оно (будетъ несчастно) принесетъ несчастье.

Бда. 45. Уібзегӱ уоізекезме, Імѣ пшхмноѣ.—Если ты свой языкъ прикусишь, то будешь ѣсть новое мясо.

46. Пастепснм пѣ-ласѣ хехоме, пшхмз хуркам.—Если въ то время когда каша варится, попадетъ туда древесный осколокъ, то тебѣ ея ѣсть нельзя.

Сытый. 47. Шнм мартм јеѣ мѣтіѣ кріѣме, пшер хуноѣ.—Если лошадь въ мартѣ выверетъ сто корзинъ земли, то она будетъ (жирная) сытая.

Радость. 48. Пунайѣ гүѣме, зыгорнм нуіѣгүѣноѣ.—Надбровья если (радуются) смѣются, то кто-нибудь обрадуетъ тебя.

49. Небзе јіѣр шхеме, огуѣр.—Правая бровь если зачесется, то (ты радуешься) къ радости.

Печаль. 50. Семегур шхеме, һонесѣир.—Когда лѣвая зачесется, то (ты печалишься) къ печали.

51. Гегу пѣнѣіно плазуме, несѣејіѣѣ.—Если во снѣ (увидишь) приснится свадьба, *то это* къ печали.

Смерть. 52. зндү здеге һаблем зыгор јахоѣнк.—Въ околотѣѣ, гдѣ кричитъ сова, кто-нибудь умираетъ.

53. Блер ко'о һумнѣѣжо кобзеіѣме, һуѣноѣ.—Если змѣи ужалить, и ты *его* не убьешь, а онъ тебя оближетъ, то умрешь.

54. Днѣ кубѣѣѣом һуѣеіѣме, һадем һухаліѣте.—Если передъ закатомъ солнца спишь, то тебя (присчитываютъ) сочтутъ мертвымъ.

55. Жешнм адаке-оѣо мнѣо адакер см'оѣе, һунем јі-сим-анѣѣмзр ѣноѣ.—Если ночью (когда время пѣтушинаго пѣнія не настало) не во-время пѣтухъ запоетъ, то старшій (въ домѣ живущихъ) въ семьѣ умретъ.

56. Мазем ише-горен кехоѣме, пси маѣе. — Когда случается вокруг луны облачный кругъ, то умираетъ князь.

Болѣзнь (лѣкарство и выздоровленіе). 57. Пѣр кебзай-џеме, неѣегу нуѣуноџ.—Если собаку обманешь, то будетъ ячмень на глазу.

58. Пѣпестѣнѣем нуѣеме, бегѣфе'уне оѣѣ.—Если въ собачью лямку войдешь, то твое тѣло покроется сплошной коростой.

59. Бег зе'ор змѣунегорим маѣори: „Уѣ бег коуѣ?“ жно сѣнуѣѣе. „Уѣ бле коуѣ?“ жа'о кеһуѣѣме, бег зеуѣр мѣбеџо коне; кеһуѣѣме мебеџ.—Ужаленный паукомъ идетъ въ какой-нибудь домъ и (сказавъ) спрашиваетъ: „Ты паукомъ ужаленъ?“, и если его (сказавъ) въ свою очередь спросить: „Ты змѣей ужаленъ?“, то (ужаленный) ужаленное паукомъ *мьсто* не (не распухая остается) распухаетъ, а если не спросить, то пухнетъ.

60. Бер коо һонѣѣри неѣале пси јеѣеѣме, нуѣеноџ.—Если змѣя ужалитъ, и раньше тебя выпьетъ воды, то ты умрешь.

61. Змѣако шин ѣуреим, зѣфмзѣ је ѣмз-гор ѣеѣе, зѣтѣрио, жако јимшхизме, меѣуџ.—Если тотъ, у кого нога часто нарываетъ, (давши) дать обѣщаніе не ѣсть *бараньихъ* пожеекъ, пока не умретъ какой-нибудь старикъ или старуха, то нога (поправляется) перестанетъ болѣть.

62. Теѣѣџо кмзтеѣѣм теѣѣџо кѣтеѣѣ'о пси зѣрѣхопа'о зѣхиземе, меѣуџ.—Если (на того, на котораго находить лихорадка, найдеть лихорадка) больной во время пароксизма лихорадки въ одеждѣ бросится въ воду, то выздоровѣетъ.

63. Берескешком сѣнѣбе меһуз жиѣѣае, берескешхо кесѣхѣ, һуѣнѣбе һуѣшт.—Если въ воскресенье скажешь, что животъ болитъ, то будетъ болѣть (пока придетъ) до слѣдующаго воскресенья.

64. Пезъкурејінем һуіһәме, феҳу-теҳү воҳү. — Если зайдешь туда, гдѣ собака (валялась) каталась, то съ тобой дѣлается чесотка.

65. Шшм зъкурејінем һуіһәме, һуз коіх. — Если войдешь туда, гдѣ лошадь переворачивается, то (выносишь) получаешь болѣзнь.

66. Дыѳер коһәо зибзепсѣме, сѣһһузміе һуҳуноѳ. — Если послѣ заката (солнца) выкупаешься, то (частыя боли головы сдѣлаются) часто голова будетъ болѣть.

67. Гедыр зегү-паѳһәм деғуәһһәме, зыгоре сымате ҳуноѳ. — Если журица (ложится) сидеть въ очагѣ, то кто-нибудь изъ семьи заболѣетъ.

68. Сыматер се зеѣльпипто кепсме, ҳужмноѳ. — Если больной трижды подъ рядъ чихнетъ, то выздоровѣетъ.

69. Березеі пседыгызим гунеѳо блафе кебѳотме, 'азеѳоѳ. — Въ среду утромъ натоцаеъ если найдешь змѣиную шкуру, то она цѣлебна.

70. Шіѳе 'урізмр *) 'азеѳоѳ. — Шѣна изо рта жеребенка цѣлебна.

Кровь. 71. Сем жізе дізезеіме, лы сьзекмноѳ. — Если ножъ остриемъ вверхъ поворачивается, то кровь (пуститъ) прольетъ.

Рана. 72. Дығуз-бзегум Імр кекутері зуѳһпер кихеіш. — Лопухъ дѣлаетъ рану и извлекаетъ (блуждающее) находящееся внутри желѣзо.

Драгоценные камни. 73. Блекод зехесме, јаѳағым нал-кут-налмеѳ феѳе, жа'а. — Если змѣи сидятъ кучей, то подъ ними, говорятъ, лежитъ алмазь.

*) Отъ жізми выпадать и 'у ротъ — выпадать изо рта (о пѣніи).

Время. 74. Пснѣащѣа шеплѣ мефѣбѣ уеф, пседемгѣз шеплѣ мефѣи уеѣс.—*Если семь дней (вечеровъ) бываетъ съ ясной зарей, то за ними слѣдуетъ восемь (съ бурной зарей) бурныхъ дней [утрѣ].*

75. Ахшѣм снѣке хуѣбже хоѣзѣ.—*Когда наступаютъ сумерки, затворяй свои двери.*

Погода. 76. Куалехер куадыреѣ-хуме, воѣ меху.—*Когда вороны начинаютъ много варкать, то дѣлается ненастье.*

77. Гетѣм 'азабзукѣ знтѣаѣме, уеф хушт, 'асемерукѣ знтѣаѣме, уеѣ хуноѣ.—*Если кошѣа правой лапкой умывается, то будетъ ясная погода, а если умывается лѣвой, то будетъ ненастье.*

78. Бѣлазѣм јеѣзакеме, хуѣсманше уеѣ хуноѣ.—*Если лопатку для ваши оближешь, то въ день твоей свадьбы будетъ дурная погода.*

79. Гедѣм јеѣмб маѣем хуѣаземе, ѣм'а хуноѣ.—*Если кошѣа спину свою поворачиваетъ въ огонь, то будетъ холодно.*

Снѣгъ. 80. Хуѣзегу шхеме, уес кесноѣ.—*Если твоя подошва чешется, то снѣгъ будетъ.*

Животное. 81. Блел текѣ пшхеме, ѣе пхѣенокѣм.—*Если покушаешь немного мяса змѣи, то вши не будутъ заводиться.*

82. Кыбѣр зышхжѣм јаѣа је'узекеѣ.—*Кто ѣсть то, что самъ принесъ, того укусятъ ихъ же собака.*

83. Пѣбз зѣмпеѣхом зм нѣх кѣмѣхуме, фѣм мех.—*Если сукѣ (рожаетъ впервые) приходится оцѣниться въ первый разъ однимъ щенкомъ, то изъ него выходитъ хорошій песъ.*

Кое-что изъ народной медицины.

1. Тѣакуме-хузѣм вви пѣыз бутѣаѣс јеѣсебесѣ.—*Ушной болѣзни приноситъ пользу моча краснаго быка.*

2. Ху плызъ ѳебѳаомі јісебепѳ.—Полезенъ также дымъ отъ сожженнаго краснаго проса.

3. Шехуде бозъ пызано јізовамі јісебепѳ.—И вставленная *въ больное ухо* зажженная (вощенная матерія) клеенка приноситъ пользу.

4. Бѳехуцызъ тѳуке рѳлмбѳао теплѳѳаме.—Если вставишь старую вату, жаренную на маслѳ, *то помогаетъ противъ ушной боли.*

5. Пујаѳомбешко зызѳедебуво пѳедмгызъ гунеѳо бжемъ हुзедобызтѳікме.—Если три утра (подрядъ) на тощавѳ, вставишь большой палецъ между зубами, плюнешь *черезъ дверь, помогаетъ отъ ушной боли.*

6. Ыутѳѳѳ не-һузымъ јісебепѳ.—Средство противъ глазной боли—моча.

7. Гедѳепсмм аѳшедѳе хеѳо бмдо тѳхурмбе хухѳ һуднѳѳао.—Бѳлокъ яйца съ квасцами, взболченный до пѳны, помогаетъ отъ глазной боли.

8. Псмѳна не-һузымъ јісебепѳ.—Полезно промывать больной глазъ холодной водой.

9. Шібжі-шмзу тебѳудеме.—Если положишь (присыплешь) перецъ съ солью, *то помогаетъ отъ боли.*

10. Нмбе-һуз кмхевадемъ шмзу-шмпс јісебепѳ.—Разсолъ помогаетъ противъ рѳзи въ животѳ.

11. Куі пельхѳ се ѳѳѳѳе бледѳѳамъ: „Смъ куі пельхуѳ“ жіа'уре ѳѳѳѳгукѳе јеоме мехѳуз.—Плѳшивый первенецъ если ударитъ троекратно объ опухоль головою, говоря: „Я плѳшивый первенецъ!“, то она проходитъ.

12. Цмху бзагері шм-һузымъ јазебѳѳ.—Человѳческій калъ помогаетъ отъ лошадиной болѳзни.

13. ѳндагері (кетрен) шмм јісебепѳ.—Деготь помогаетъ лошади.

14. Пуаѳсем ѳндан зубѳапске роцмнѳ кепшекме, ѳнс.—
Перевязывать свѳжую рану тряпкой, смоченной въ мочѳ, по-
лезно (хорошо).

15. Пуаѳем лак сыпхоме ѳнс: сех жераѳуѳ.—Рану если
помажешь спиртовымъ лакомъ, скоро заживаетъ.

Паго Тамбиевъ.

Нѣкоторыя особенности живого говора города Ейска, Кубанской области *).

Портовый городъ Ейскъ основанъ въ 1848 году. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ онъ имѣеть около 39 тыс. жителей. Въ заселеніи города участвовали переселенцы по преимуществу изъ внутреннихъ губерній Россіи: Полтавской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской, Курской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Самарской и др. Приливъ населенія изъ этихъ губерній въ Ейскъ особенно усилился въ семидесятыхъ годахъ; въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ ослабѣлъ, но не прекратился и по настоящее время. Изъ года въ годъ тысячи рабочихъ съ женами и дѣтьми приходятъ съ сѣвера на заработки въ Кубанскую область и проходятъ черезъ Ейскъ. Одни изъ нихъ остаются въ городѣ на лѣто, другіе навсегда. Обыкновенно они нанимаются въ услуженіе къ богатымъ земледѣльцамъ или въ хлѣбныя конторы **); скопивши себѣ нѣскольکو десятковъ рублей, пришельцы приобрѣтаютъ на окраинахъ города мѣста, обзаводятся хозяйствомъ и, приписавшись въ мѣщане, становятся полноправными гражданами.

При пестротѣ населенія въ Ейскѣ, за сравнительно

*) Авторомъ была помѣщена краткая замѣтка о живомъ говорѣ города Ейска въ V вын. „Филологическихъ записокъ“ за 1898. Съ теченіемъ времени у автора накопилось много новыхъ наблюденій надъ говоромъ ейскихъ обывателей. Это даетъ возможность переработать прежнюю краткую замѣтку въ болѣе подробную, но измѣненному плану.

***) Большая часть жителей Ейска занимается хлѣбопашествомъ, и городъ ведетъ обширную торговлю хлѣбомъ.

небольшой періодъ его пятидесятилѣтняго существованія, благодаря постоянному притоку свѣжихъ элементовъ, еще не могло, конечно, выработаться одного общаго говора: каждый выходецъ изъ Россіи говоритъ такъ, какъ онъ привыкъ говорить на своей родинѣ. Дѣти и внуки этихъ выходцевъ, родившіеся и выросшіе въ Ейскѣ, въ своемъ разговорѣ въ значительной степени отражаютъ оттѣнки произношенія отцовъ. Но при всемъ томъ въ говорѣ мѣстныхъ уроженцевъ нельзя не замѣтить типическихъ особенностей, которыя касаются употребленія и измѣненія отдѣльныхъ звуковъ, склоненій и спряженій.

Къ разсмотрѣнію этихъ особенностей мы и обратимся.

Фонетическія особенности ейснаго говора.

Гласные звуки.

Употребленіе звука „а“.

- 1) Звукъ „а“ обыкновенно является замѣной неударяемаго „о“.
- 2) Окончаніе винит. пад. ед. ч. им. прил. „ую“, не несущее на себѣ ударенія, произносится какъ „ю“: лиловую, красную, горькую.
- 3) Окончанія именит. пад. ед. ч. им. прил. „ый“ и „ій“ (послѣ гортанныхъ и шипящихъ) замѣняются въ произношеніи посредствомъ „ай“: глупай, новай, високай, тириновай, свѣжай.
- 4) Окончанія именит. пад. множ. ч. им. прил. „ые“ и „ья“ произносится, какъ „ай“, если удареніе не падаетъ на окончаніе: глупай, новай.
- 5) Имена существительныя средняго рода въ именит. пад. ед. ч. оканчиваются на „а“ вмѣсто „о“ и „е“, когда на этихъ звукахъ нѣтъ ударенія: калечка, сирьдечка, блютца, сонца, сердца, вчилища (училище), дзеркала (зеркало).

6) Изрѣдка посредствомъ „а“ замѣняется неударяемое „у“: бамага (бумага), васапить (усыпить), тавалеть (туалеть), бабрóвущка (дубрáвущка).

7) Не часто можно встрѣтить замѣну неударяемаго „е“ посредствомъ „а“: гинаральская, карасинъ, анцирада (венцерада) *), парчатва (перчатва), фѣгаль (флигель).

8) Точно также рѣдко встрѣчается замѣна неударяемаго „и“ посредствомъ „а“: алазаринавай, антиресь, анструментъ, виласапеть.

9) Еще рѣже встрѣчается употребленіе „а“ вмѣсто „в“: анукъ, анúка (внукъ, внучка).

10) Употребленіе „а“ въ качествѣ приставки: аплаха (плаха), алимонъ, асилетка (сеledка). Выраженіе: „яйца въ смятку“, ейчане произносятъ: „яйцы въ асьмятку“.

11) Вставка „а“ между двумя согласными: салахветка, канахветъ (сущ. муж. рода), сатиреть, наравицца, каравать, пасалтырь, пасаломшикъ, тарахтеръ.

12) Исчезновеніе „а“ въ началѣ словъ: лича (алыча), Кулина (Акулина), рихметика, риштантъ (арестантъ).

13) Иногда „а“ подвергается йотации:

а) въ началѣ словъ: ялай (=йалай, т. е. алый), янгылъ (=йангылъ), ядала (отдала);

б) въ срединѣ словъ: Линпіада (Олимпіада), би-ліарты (бильярдъ).

Употребленіе звука „е“.

1) Въ нѣкоторыхъ словахъ „е“ замѣняетъ собою „и“: леса, екра, Есусъ, прешомъ, тарахтеръ, мундеръ, выйте.

2) Очень часто „е“ превращается въ „ѣ“, на которомъ всегда стоитъ удареніе: выграѣтъ (выигрываетъ), тирѣмъ (тѣ-

*) Плащъ изъ дешевой парусины. Такой плащъ, будучи пропитанъ разными маслянистыми веществами, хорошо предохраняетъ отъ дождя.

ремь), жёлѣта, изъ сѣстирь, хрибѣтъ, раждѣна, суждѣна, гривадѣрь, мабѣй, твабѣй, свабѣй, сѣстринъ, фпирѣди (впереди), шкитѣрь (шкиперъ).

3) Иногда „ѣ“ можетъ стоять на мѣстѣ „о“: вышнѣкъ.

4) Звукъ „е“ слышится вмѣсто ударяемаго „я“ въ мѣстоименіяхъ „меня“, „тебя“, „себя“: мине, тебе, сибѣ.

5) Вставка „е“ между двумя согласными: прынецъ, бабѣрь, карабель, витеру (вытру).

6) Исчезновение „е“:

а) въ началѣ словъ: Катилиндаръ (Екатеринодаръ);

б) въ срединѣ словъ: пирвадитъ (переводитъ), пирдирѣтъ (передерѣтъ).

Употребленіе звука „и“.

1) Неударяемое „е“ обыкновенно замѣняется посредствомъ „я“. Это „я“ въ произношеніи звучитъ такъ отчетливо, что придаетъ ейскому говору назойливо-непріятный оттѣнокъ.

2) Неударяемое „ѣ“, точно также какъ и неударяемое „е“, произносится, какъ „я“: ва клѣтки, ва Питири, на вѣтки, вѣсти, видѣли.

3) Очень часто можно встрѣтить „и“ на мѣстѣ „ы“, „я“, „о“, „э“, когда этимъ звукамъ предшествуетъ слогъ съ удареніемъ, или когда таковой слогъ ихъ сопровождаетъ:

а) „и“ вм. „ы“: магили, надѣди, чували (чуваломѣшовъ), чижѣли, палавини, висѣбай, лича (алыча), сискаты, пилаты, аткриваца;

б) „и“ вм. „я“: мѣсиць, занвѣлси (явилси), сивѣди, проблѣтъ, съвитѣй, глѣдѣли, съвицѣльнигъ (священникъ), ичмѣнь;

в) „и“ вм. „о“: скользи, только, кырсець (борсець);

г) „и“ вм. „э“: итанъ (этажъ), икзаминтъ (экзамень).

4) Иногда посредством „и“ замѣняется неударяемое „а“: ширлатань, хвитаженъ (фатагевъ), ирмининъ (армянинъ), финарь, сирьпинка, куминѣвъ, иренда (аренда), пирьча, машкиратъ (маскарадъ), учистъ, щисливай.

5) Въ ейскомъ говорѣ почти обычнымъ явленіемъ служить замѣна ударяемаго „и“ посредствомъ „и“. Подобное явленіе сообщаетъ говору нѣсколько неприятный оттѣнокъ. Говорятъ: вишелъ, выступилъ, мила (мыла), ми (мы), билъ (былъ), выразилси, пилкаму, бутлячна, тални, бривнула, смислу, мысль, ниль, дурва, приюнила (приуныла).

6) Въ качествѣ исключенія подаются случаи, когда ударяемые „ѣ“, „я“ и „о“ замѣняются посредствомъ „и“: истъ (ѣсть), гли, зли, бли (=для), при какимъ (при какомъ), въ аднімъ (въ одномъ).

7) Крайне рѣдко также появляется „и“ вм. неударяемаго „у“: икропъ (увропъ), глибѣвай (глубокій).

8) „Ся“ во второмъ лицѣ ед. ч. наст. вр. и буд. простого, а также въ 1, 2 и 3 л. ед. ч. прош. вр. произносится нѣкоторыми, какъ „си“.

9) „И“ вм. „г“: идѣ вм. гдѣ.

10) „И“ вм. „ю“: трию (триюбо).

11) Усиленіе „ь“ въ „и“ въ срединѣ словъ: палитѣ, васимѣй.

12) Вставка „и“ между двумя согласными: тириновой (терновый).

13) „И“ въ качествѣ приставки: ишолъ (шелъ), испой (спой).

14) Исчезновеніе „и“ въ началѣ словъ: граю (играю), мининникъ (именинникъ), настранный (иностранный).

Употребленіе звука „о“.

1) „О“ появляется послѣ шипящихъ:

а) всегда вмѣсто ударяемаго „е“;

б) иногда вмѣсто ударяемаго „и“: слажѣмши (слаживши), зарычѣтъ (зарычѣтъ).

2) Иногда „о“ подвергается йотаціи: Напалійонъ.

3) Вставка „о“: банокъ, палѣзятъ (ползатъ).

4) Выпаденіе „о“ въ началѣ словъ: рякулъ (оракулъ), курнацца (окунаться), стальнѣй (остальной).

Употребленіе звука „у“.

1) Въ числу довольно распространенныхъ явленій ейсваго говора принадлежитъ употребленіе „у“ вмѣсто другихъ гласныхъ. Это наблюдается тогда, когда гласному, замѣняющемуся посредствомъ „у“, предшествуетъ слогъ съ удареніемъ, или когда такой слогъ сопровождаетъ его:

а) „у“ вм. „о“: бурдѣвый (отъ слова „бордо“ — красный), булгаріянь, рисуваѣтъ, субѣръ, буа (боа), при слѣдовать, гусаруфъ (гусаровъ), кусьтѣмъ, самуваръ, куваля (коваль—кузнецъ), балувацца, круваѣтъ;

б) „у“ вм. „а“: да свѣту (до свѣта), бруслѣтъ, брухмалъ, румѣта (грамота);

в) „у“ вм. „е“ (ѣ): гѣрусти (горести), сѣнушной (солнечный), танцуваѣтъ, на сѣрцу (на сердцѣ);

г) „у“ вм. „ы“: пѣрушки, кружѣвникъ, врылушки, сѣнушка (солнышко);

д) „у“ вм. „и“: палусадникъ (палисадникъ);

е) „у“ вм. „ю“, обыкновенно послѣ „н“: спѣлну, дѣлную, сѣдную, благодѣлну (богодѣлню).

2) Иногда „у“ можетъ замѣнять другіе гласные звуки, не подчиняясь упомянутому закону: хучъ (хота), гурбавѣй (гѣрбовый), вутъ (вотъ).

3) Начальное „в“ и предлогъ „въ“ часто замѣняются посредствомъ „у“: ухѣдитъ (онъ входитъ), улѣбѣлись (влюбѣлись), усѣтрѣтитъ (встрѣтитъ), удѣвушка (вдовушка), у карманъ (въ карманъ), у висѣлай слабадѣ (въ веселой слободѣ),

у дательнаму (въ дательномъ), у предложнаму (въ предложномъ).

4) Въ словѣ сурѣпа (свирѣпо) „у“ замѣняетъ даже сочетаніе „ви“.

5) „У“ въ качествѣ приставки. Иногда можно слышать: ујету вм. эту (напримѣръ: ујету пѣсьню я знаю).

6) Начальное „у“ иногда подвергается йотациі: юлавить вм. уловить, юмарьтъвить вм. умертвить, юранить вм. уронить, ючицца вм. учиться, юбить вм. убить.

Употребленіе звука „ы“.

1) При замѣнѣ однихъ звуковъ другими особенно не-пріятно рѣжетъ ухо употребленіе „ы“ вм. „и“ и „е“ (ѣ):

а) „ы“ вм. „и“: мырь (миръ), выно (вино), аны (они), рысь (ришь);

б) „ы“ вм. „е“ (ѣ): аны (онѣ), мамынька (маменька), янгыль (ангелъ), рыбромъ (ребромъ), рывѣтъ (реветъ), вузыль (узелъ).

2) „Ы“ получается также на мѣстѣ „а“ послѣ слога съ удареніемъ: рѣбры, симна́ццѣти, вѣ́чныя (вѣчная), апе́ладныя (хладная), свѣ́тытъ (сватать), чо́рныва (чернаго), во́кны (окна).

3) Нѣкоторыми „ся“ въ окончаніяхъ глаголовъ произносится, какъ „сы“, въ случаяхъ, указанныхъ раньше (см. § о звукѣ „и“—8).

Употребленіе звука „ю“.

1) Звукъ „ю“ иногда замѣняетъ неударяемое „е“: берюшеу, денюшки, елювать.

2) „Ю“ можетъ стоять вмѣсто ударяемаго „у“: блюза (блуза), дрюкъ (друкъ—палка).

3) Въ глаголахъ 2-го спряж. „ю“ всегда является за-

мѣной неударяемаго „я“ въ 3 л. мн. ч. наст. и буд. прост. времени: но́сють, про́сють, ко́сють.

Употребленіе звука „я“.

1) Существит. средняго рода оканчиваются на „я“ вм. „е“, когда на немъ нѣтъ ударенія: по́ля, моря, нищѣ́стья.

2) Окончаніе им. прилагат. „ую“, съ удареніемъ на „у“, произносится, какъ „у́я“: врутѹ́я, даратѹ́я, залатѹ́я, свѣтитѹ́я.

3) Въ нѣкоторыхъ словахъ, вопреки общепринятому обычаю, установилось произношеніе „ря“ вм. „ра“: ряма, рякулъ (оракулъ), пудря, куряшка, фуряшка (=фуражка), ряжь дагарий (догорай).

4) Какъ исключеніе, попадаютси слова, въ которыхъ ударяемое „а“ замѣняется посредствомъ „я“: аля́ндра (олеандръ).

Согласные звуки.

Употребленіе звука „б“.

Звукъ „б“ рѣдко служити для замѣны другихъ звуковъ. Иногда наблюдаются слѣдующіе случаи:

а) „б“ вм. „д“: бли (для), бабровушка (дубравушка);

б) „б“ вм. „в“: губирнанка (гувернантка), влядьба (клятва), удаблитварить (удовлетворить);

в) „б“ вм. „г“: застибнуца (застегнуться), бурватѣть (гурькотѣть—такъ говорятъ о голубяхъ).

Употребленіе звука „в“.

Среди другихъ согласныхъ звуковъ „в“ пользуется особенно широкимъ примѣненіемъ,

1) Звукъ „в“ очень часто служитъ въ качествѣ приставки въ словахъ, начинающихся съ гласныхъ „о“ и „у“:

а) вонъ, вова (око), вонны, воспа, Воля (Оля);

б) вуха (ухо), вухи, вугольникъ (угольщикъ), вумникъ, вулица, вутра (утро), вуксусъ, вуста, вужинт, вутка, вузыль.

2) Приставка „в“ появляется также предъ звуками „а“, „и“, „ю“, хотя значительно рѣже, чѣмъ предъ „о“ и „у“:

а) васанить (усыпить), васіать (осіить), вана (она);

б) вими (имя), викона (икона);

в) вьюнаша (юноша).

3) Иногда можно встрѣтить приставку „в“ и предъ согласными: вскрылси (скрылся), встань (стань), вкальнки (колѣна).

4) При сочетаніи твердыхъ гласныхъ звуковъ между ними вставляется звукъ „в“: навукъ, навука, туртуварь (тротуарь), тавалеть (туалеть), завочна (зачно), грацывозна, навутру (утромъ).

5) Иногда же „в“ вставляется между гласнымъ и согласнымъ, между согласнымъ и гласнымъ и между двумя согласными: кавмодикъ, атверствія (отверстіе), бархватъ, аб-вращацца (обращаться).

6) Предлогъ „у“ и начальное неударяемое „у“ очень часто замѣняются посредствомъ „в“: въ мине (у меня), въ иво (у него), въ аца (у отца), въ Дѣвы Маріи, въ насъ (у насъ), вкрала, вдобна (удобна), враніть (уронить), вбита (убита), вдарю (ударю), вчитиль (учитель), вчитильша (учительница), вчилища, вчицца (учиться), вгодна (угодно), въѣхыть (уѣхать), вгаваряць (уговаривать), вмиреть (умереть), вдавацца (удаваться), вшоль (ушелъ).

7) Звукъ „в“ всегда замѣняетъ собою „г“ въ окончаніяхъ прилагат. и мѣстоим. „аго“, „ого“, „его“.

8) Очень рѣдко „в“ стоитъ вм. „й“: полицевскай.

9) Иногда звук „в“ выпадаетъ въ началѣ словъ, въ срединѣ и концѣ:

а) анцырада (венцерада), спаминать (вспоминать), стрипихнуть (встряхнуть);

б) кушинъ, вазратилсы (возвратился);

в) праті (противъ), спраті (=прати).

Употребленіе звука „г“.

1) Звукъ „г“, подобно „в“, служитъ иногда приставкой въ словахъ, начинающихся съ „а“ и „о“: гарба́ (арба́), гáрбузы (арбу́зы), гарно́фка (пшеница арнаутка), гóстрый (острый).

2) „Г“ вмѣсто „д“: гли (=для).

3) Вставка „г“: ригальная вчилища (реальное училище).

4) Выпаденіе „г“ въ началѣ словъ и въ срединѣ:

а) румáта (грамота);

б) кадá (когда), тада́ (тогда).

Въ словъ „гли“ „г“ звучитъ, какъ латинское „g“, а во всѣхъ остальныхъ, какъ „h“.

Употребленіе звука „д“.

1) Къ числу выдающихся особенностей ейскаго говора принадлежитъ нерасположеніе къ смягченію звука „д“ въ „ж“: сидю, видю, глidy, хадю, тьверьдѣй, маладѣй.

2) „Д“ иногда замѣняетъ собою „т“: ленда (лента), буддыхъ (бултыхъ), комнадка (комнатка), андрацить (антрацитъ), влядѣба (влятва), нада'дить (собственно „нада итить“: „итти“ ейчане произносятъ такъ итить).

3) Крайне рѣдко находимъ „д“ вм. „б“: адманъшигъ (обманщикъ).

4) Встрѣчаются случаи вставки „д“ между двумя согласными и между согласнымъ и гласнымъ: ндравница, руждѣ (ружьё).

5) Иногда „д“ выпадаетъ: сердца, бирьяны (берданы), гарацбѣй.

Употребленіе звука „ж“.

1) Звукъ „ж“ иногда замѣняетъ собою „г“: спужалсы (испугался), ляжу (лигу).

2) Въ силу ассимиляціи „ж“ иногда замѣняетъ „з“: выижжать.

3) Вставка „ж“: страждать.

Употребленіе звука „з“.

1) Въ рѣдкихъ случаяхъ „з“ замѣняетъ звуки „д“ и „т“: зли (также „гли“=для), клязбу (рядомъ съ „клядъбу“=клятву).

2) „З“ появляется вмѣсто „с“ передъ звучными согласными: збилси, здѣлюю (сдѣлаю), зъ горя.

3) Иногда „з“ употребляется въ качествѣ приставки: здаганяць (догоняць).

4) Вставка „з“: наздавать (надавать).

Употребленіе звука „к“.

1) Звукъ „к“ часто замѣняетъ собою звукъ „х“: каравоть (хороводъ), клонаты (хлопоты), чекъ, чеки (чехъ, чеки), кладнай, апкладнай, приукладнай (=хладный), Паска (Пасха).

2) Начальные „ф“ и „т“ обыкновенно замѣняются звукомъ „к“:

а) „к“ вм. „т“: кѣснай (тѣсный), кѣста (тѣсто), китрать (тетрадь), китръ (театръ), клѣтъ (тлѣтъ);

б) „к“ вм. „ф“: кранзоль (франзоль—такъ въ Ейскѣ называютъ бѣлый франц. хлѣбъ), кургонъ (фургонъ), кранцусъ, куряшеа (фуражка), куксія (фувсія).

3) „к“ вм. „ч“: пивѣтъ, тивѣтъ, гракъ (грачъ).

4) „к“ вм. „г“: хлакъ, хлаки (флагъ, флаги).

5) Вставка „к“: здоро^квыцца (собств. здороваться).

6) Выпаденіе „в“: легасть (легкость), патузынѣть (потускѣть).

Употребленіе звука „л“.

1) Звукъ „л“ передъ „н“ можетъ замѣнять собою „р“: калидоръ, калндоръ (воридоръ), листаранъ (ресторанъ), сиклитаръ (секретарь), палнемахтиръ (парикмахеръ), плитѣть (прыгать), Катилиндаръ (Екатеринодаръ).

2) Мягкое „л“ (ль) замѣняетъ иногда „п“, когда за нимъ слѣдуетъ другое „н“: съвищельникъ (священникъ), гартальной (гортанной).

3) Иногда „й“ обращается также въ мягкое „л“ (ль): Вальць=Вайць (фамилія).

4) Вставка „л“: тухлякъ (тюфякъ), стирлинъ (стеаринъ), благодѣльня (богодѣльня).

5) Есть случаи и выпаденія „л“: фѣгаль (флигель).

6) „л“ въ качествѣ приставки: ладикалонъ (одеколонъ).

Употребленіе звука „м“.

1) Звукъ „м“ замѣняетъ „в“ передъ „ш“ (въ дѣепр.ч. прош. вр.): абнямши, выпимши, укрывши, сложомши (сложивши).

2) Встрѣчаются случаи замѣны „п“ посредствомъ „м“: Микола, Микита.

3) Вставка „м“: шторма (штора), кумшаль (куполь).

Употребленіе звука „н“.

1) „Н“ является вмѣсто „м“ передъ „б“ и „п“:

а) „н“ предъ „б“: анбаръ, бонба;

б) „н“ предъ „п“: лаппа, канплиментъ (комплиментъ), Ивланпія (Евламція), Линпіяда (Олимпіада).

2) Очень рѣдко „н“ замѣняетъ „м“ предъ гласными: тринѡ (трюмо), гунирабиць (гуміарабиць).

3) Удвоеніе „н“: съвиннѡй (съвиной).

4) Иногда „н“ замѣняетъ собою „р“ передъ согласными: ѡрмынка, гандиропь (гардеробь).

5) Вставка „н“: энтатъ (этотъ), кандрель (кадриль), калндорь (корридорь), Марнапѡль (Маріуполь).

6) Въ словѣ „калакопчикъ“ „н“ замѣняетъ собою мягкое „л“ (ль).

7) Ейчане не чувствуютъ необходимости вставлять евфоническое „н“: всегда говорятъ: падымать вм. поднимать, пріймать вм. принимать, къ яму, въ иво (къ нему, у него).

8) Появленіе „н“ предъ гласными въ качествѣ приставки: насъмѣлица (осмѣлиться).

Употребленіе звука „п“.

1) Звукъ „п“ является вмѣсто „б“ передъ отзвучными согласными и въ концѣ словъ предъ глухими „ъ“ и „ь“: галушчикъ, гаропчикъ (воробей), штопъ (чтобъ), када нь (когда бы), гандиропь (гардеробь).

2) Какъ единичный случай встрѣчается замѣна „н“ посредствомъ „п“: пырнуть (sic) вм. пырнуть.

Употребленіе звука „р“.

1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ „р“ замѣняетъ „в“: сврось (сквозь).

2) Вставка „р“: курнацца (окунаться), праздравлять (поздравлять).

3) Выпаденіе „р“: хватера (квартира).

Употребленіе звука „с“.

1) Звукъ „с“ въ концѣ словъ передъ глухими „ъ“ и „ь“ замѣняетъ собою „з“: марось, рась.

2) Иногда „с“ замѣняетъ собою „з“ предъ гласнымъ звукомъ, когда „з“ долженъ былъ бы слышаться ясно: гимнасистка, савянишь (завянешь).

3) Приставка „из“ и предлогъ „изъ“ обыкновенно превращаются въ „с“: съ насъ (изъ насъ), съ трехъ (изъ трехъ), спужалсы (испугался), съ-за (изъ-за).

4) Въ силу ассимиляціи „с“ получается на мѣстѣ „ш“, когда за нимъ слѣдуетъ „с“: нисесьси, варотисьси.

5) Иногда приставка „вы“ обращается въ „с“: срасла (выросла).

6) „С“ можетъ употребляться въ качествѣ приставки, напримѣръ: спавидать, снарачита (шутя), спраті (противъ), спавой (покой).

7) Ейчане избѣгаютъ смягчать „с“ въ „ш“: спрасю, падробсю, раскусю, насю.

8) Выпаденіе „с“ въ началѣ словъ: тольки (=столько), таленуть (столкнуть).

Употребленіе звука „т“.

1) Звукъ „т“ замѣняетъ „д“ въ концѣ словъ передъ глухими „ъ“ и „ь“: парать (парадные двери), горать, машкирать (маскарэдъ), груть.

2) Замѣна „д“ посредствомъ „т“ наблюдается и въ срединѣ словъ: жертачка (жердочка), паратнай, ламиата, билиарты.

3) Иногда можно встрѣтить „т“ вм. „ч“: лутче (лучше), хатішь (хочешь), хатіть (хочетъ).

4) Весьма рѣдко „т“ стоитъ вмѣсто „п“: шкитѣръ (шкитперъ).

5) Наблюдаются случаи вставки „т“: экзаментъ (экзамень), паликмахтиръ (паримахеръ), рѣсьтю (рысью).

6) Есть и обратное явленіе, т. е. выпаденіе „т“: висанъ (висантъ), щисливай, зависливай.

7) Говоря о звукѣ „г“, особенно интересно отмѣтить нерасположеніе ейчанъ смягчать этотъ звукъ въ „ч“: кру-тюсь, варатюсь, привинтю.

Употребленіе звука „х“.

1) Звукъ „х“ замѣняетъ собою „г“ передъ отзвучными согласными и передъ глухими „ъ“ и „ь“ въ концѣ словъ.

2) Звукъ „ф“ очень часто замѣняется посредствомъ „хв“: Хвейнъ (фамилія), хвитель, ахвицеръ, вохвій, хвита-женъ, хвибусъ, канахветъ, хвортеа, хвабриа, марохветы, салахветка.

3) Иногда же „ф“ (ө) замѣняется однимъ „х“: Ахо-нинъ (фамилія), хунтъ, Хаменва (фамилія), хура, рихметика, хивраль, тухли, кохта, тухляеъ (тюфяеъ), хлаеъ, хлави (флагъ, флаги).

4) Часто „х“ замѣняетъ собою „в“:

а) передъ „в“: хварталь, хватера;

б) передъ „т“: дохтаръ, дилехтаръ, хто, ахтёръ, трахтеръ;

в) передъ „р“: хрестъ, ахристисы.

5) Въ рѣдкихъ случаяхъ „х“ замѣняетъ собою „с“: ужакнулсы (ужаснулся).

6) Звукъ „х“ иногда сверхъ ожиданія не подвергается смягченію въ „ш“: вухи (уши), спрахивать (спрашивать), даслухивацца (дослушиваться).

Употребленіе звука „ц“.

1) Въ силу ассимиляціи звукъ „ц“ можетъ замѣнять собою „д“, когда за нимъ слѣдуетъ „ц“: мблаццу (молодцу), симнаццати (семнадцати).

2) Окончанія глаголовъ „тся“ и „ться“ обыкновенно превращаются въ „цца“.

Употребленіє звука „ч“.

1) Нерѣдко „ч“ употребляется вмѣсто „т“: хѳнѳти, хѳ-чуть, чижолый, чириза (тереза—вѣсы), хочь, хучь (хотя).

2) Рѣдкимъ явленіемъ можетъ считаться замѣна „ц“ и „ж“ посредствомъ „ч“: киньчаль (кинжалъ), чапля (цапля), чистадыль (цитадель).

Употребленіє звука „ф“.

1) Звукъ „ф“ передъ отзвучными согласными и въ концѣ словъ передъ глухими „ъ“ и „ь“ замѣняетъ собою звукъ „в“.

Употребленіє звука „ш“.

1) Звукъ „ш“ замѣняетъ собою „ж“ передъ отзвучными согласными и въ концѣ словъ передъ „ъ“ и „ь“.

2) „Ш“ можно встрѣтить вмѣсто „ч“: пошта (почта), кашпшна (конечно), крушина (вручина), горнишна (горничная).

3) Иногда „ш“ замѣняетъ собою „с“, когда за нимъ слѣдуетъ „т“ и особенно „к“: рштантъ (арестантъ), шеверь (скверъ), дѳшва (доска), машкиратъ (маскарадъ), шкелеть (скелеть).

4) Употребленіє „ш“ въ качествѣ приставки: шкорка (корка), шталкать (толкать).

Употребленіє звука „щ“.

1) Звукъ „щ“ часто замѣняетъ собою сочетанія „ск“ и „сч“: праушцать, пушцай, щцеливай, щцитать.

Сложныя приставки.

Въ нѣкоторыхъ словахъ въ качествѣ приставки употребляется нѣсколько звуковъ: апкладнай, пріукладнай (=хлад-

ный), насъмѣть (смѣть), надагнать (догнать), вужмури (жмури), вафторниъ (вторниъ), завицца (лвиться).

Вставка звуковъ.

Ейчане обнаруживаютъ склонность вставлять въ средина слова не только гласные и согласные звуки, но даже цѣлые слоги: свиристоъ, свиристѣть (свистокъ, свистѣть), стринихнуть (встряхнуть), присаглашалъ (приглашать).

Выпаденіе нѣсколькихъ звуковъ.

Нѣкоторыя слова произносятся ейчанами такъ, что при этомъ исчезаетъ цѣлая группа звуковъ: мисиверь (миссионеръ), выграѣгъ (выигрываетъ), вуваъ (зубовать), уставѣрицца (удостовериться).

Перестановка звуковъ.

Звуки гласные и согласные, въ случаѣ затруднительности произношенія, подвергаются перестановкѣ. Такъ, говорятъ: крйласъ (квиросъ), карватъ (кровать), карактиръ (характеръ), Танагрохъ (Таганрогъ), алпатка (лампадка), дирсетъ (десертъ), туртуваръ (тротуаръ), стирн (сотри), сатрѣтъ (стереть), глиной (гнилой), згнѣтъ (согнуть), каблукъ (клубокъ), нитеръ (тенирь), уваль (вуаль), нилвай (лѣнливый), пракаривать (проковырять), ляристъ (реалистъ), камлыъ (калмыкъ), невры (нервы).

Морфологическія особенности.

Среди морфологическихъ особенностей ейскаго говора видное мѣсто занимаютъ слѣдующія:

1) Ейчане нерѣдко ставятъ дат. пад. ед. ч. им. сущ. на мѣстѣ родительнаго. Напримѣръ: у Бацутѣ вм. у Бацуты, вада капайтъ съ трубѣ вм. изъ трубы. съ правильной путѣ (пути), съ Ачуифскай касѣ (косы).

2) Въ ейскомъ говорѣ замѣтна склонность превращать сущ. жен. р. на „б“ въ сущ. того же рода на „я“. Напримѣръ, отъ словъ: мать, дочь, грудь, любовь, свекровь, Сибирь, винит. пад. ед. ч. употребляется такъ: матирю, дочирю, грудю, любовью, свекровю, Сибирю.

3) Нѣкоторыя сущ. муж. и жен. р. въ родит. пад. мн. ч., вмѣсто окончаній „овъ“, „евъ“ (м. р.), „ъ“ (ж. р.), имѣютъ „ей“: листьей, чирьвицей, зубей, галавей, камватей.

4) Наблюдается и обратное явленіе, т. е. вмѣсто „ей“ окончаніемъ нѣкотор. сущ. въ родит. пад. мн. ч. служатъ „овъ“ и „евъ“: багачофъ, свидѣтелефъ.

5) Сущ. „звѣзда“ въ родит. пад. мн. ч. имѣетъ „звиздѣвъ“.

6) Окончаніемъ именъ прилаг. въ именит. пад. ед. ч. муж. р. вмѣсто „ый“ и „ій“ (послѣ гортанныхъ и шипящихъ) всегда бываетъ „ай“.

7) Окончаніемъ жен. р. въ томъ же падежѣ служатъ „ая“, когда надъ „а“ стоитъ удареніе, и „ыл“, когда слогъ съ удареніемъ предшествуетъ окончанію.

8) Имена прилаг., имѣющія предъ окончаніемъ звукъ „б“, а также прилагат. мягкаго склоненія въ именит. пад. ед. ч. жен. р. имѣютъ „ія“.

9) Окончаніе винит. пад. ед. ч. жен. р. им. прилаг. „ую“ превращается въ „аю“, когда надъ „у“ нѣтъ ударенія, если же надъ „у“ есть удареніе, то окончаніе „ую“ превращается въ „уя“.

10) Именит. пад. мн. ч. им. прилаг. родовъ не различаетъ. Онъ имѣетъ три окончанія: „ай“, когда удареніе не падаетъ на окончаніе, „ыл“, если удареніе падаетъ на окончаніе, и „ія“ въ прилаг. мягкаго склоненія.

11) Въ склоненіи мѣстоименій наблюдаются слѣдующія особенности.

1) Родит. пад.: мине, тибе, сибе, ей.

Дат. пад.: минѣ, тибѣ, сибѣ.

Винит. пад.: мнѣ, мнѣ, тебѣ, себѣ.

Предл. пад.: абъ минѣ, апъ тебѣ, апъ себѣ.

2) Мѣстоименіе „онъ“ въ именит. мн. ч. для всѣхъ родовъ имѣетъ одну форму— „аны“.

12) Окончаніе глаголовъ 3 л. ед. и мн. ч. „тъ“ произносится, какъ „ть“.

13) Окончаніе 2 л. ед. ч. „шься“ произносится, какъ „сься“.

14) Окончанія „тсѣ“ и „тсѣ“ произносятся, какъ „цца“.

15) Глаголы: „искать“ и „скавать“, въ настоящемъ времени и въ повелительномъ наклоненіи не теряютъ при- мѣты „а“.

Наст. вр.	Наст. вр.	Пов. наклоненіе.
1 л.—искаю,	1 л.—скааю,	искай... скавай...
2 л.—искаишь,	2 л.—скакаишь,	
3 л.—искаитъ.	3 л.—скакаитъ...	

16) Въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ настоящемъ времени не выбрасывается сочетаніе „ва“: изважинаваю, завидуваю, танцую, прислѣдую, даваю, продаваю.

17) Глаголь „выигрывать“ въ настоящемъ времени вы- брасываетъ „ыв“: выиграю, выиграешь, выиграешь.

18) Глаголь „хотѣть“ во 2 л. ед. ч. наст. вр. имѣетъ форму, хатишь, а въ 3—хатитъ.

19) Ейчаче любятъ въ нѣкоторыхъ глаголахъ отбрасы- вать частицу „ся“: нуждающій вм. нуждающійся, волнуемъ вм. волнуясь, папразтѣмъ вм. попростимся, жалуишь вм. жалуешься (а чиво ты куешь, чиво жалуишь, сивья вузу- льника), пастричали вм. повстрѣчались.

20) Нѣкоторые же глаголы, наоборотъ, получаютъ „ся“: затрипитались вм. затрепетала, сайтись вм. сойти (Ванька кровью сошолсы), распрасицца вм. распросить (вонъ вишэль іѣ распрасицца), выступались вм. выступала (выступались чорныя хмара).

Ейсніе провинціализмы.

Имена существительныя.

- Баньки (извѣстно и въ другихъ мѣстахъ)—глаза.
Глидѣлка (по Далю, встр. въ Курск. и Оря. губ.)—зеркало.
Краснаи, красьниньки—помидоры.
Парать—парадные двери.
Узлявъ (у Даля)—узелъ.
Шлычка (извѣст. и въ другихъ мѣстахъ, чаще: шлыкъ, отъ тат. башликъ)—чепчикъ, шапочка.
Затычка (извѣст. и въ другихъ мѣстахъ)—пробка.
Пряшка (пряжка)—поясъ.
Коммантъ—большой чугунокъ.
Каталка, качалка—скала.
Салѣнка—солонка.
Шалька (ср. шаль)—большой головной платокъ.
Патшалынкы—маленькій головной платокъ.
Канѣвыя адіяла (танъевое—по Далю)—пивейное одѣяло.
Грапей (гробки)—кладбище.
Чувала (у Даля больше въ др. значеніи)—мѣшокъ.
Бичова (бечева)—веревка.
Цуръ—единица.
Рыбась (по Далю, извѣст. на Дону)—рыболовъ.
Рыбальства—рыболовство.
Гарончикъ (малорусс.)—воробей.
Пачтыльѣнычикъ—почтальонъ.
Франзолъ, кранзолъ—бѣлый французскій хлѣбъ.
Пачместиръ—полицмейстеръ (ср. почтмейстеръ).
Альчики } кости изъ овечьихъ и телячьихъ ногъ, употребляе-
Казанки } мыи дѣтьми для игры (первое изв. вообще на Сѣв.
Слюшки } Кавказѣ).
- Кутька (кутл, кутенокъ)—щенокъ.
Валакѣша—неводокъ небольшого размѣра.

Драгаль (драгиль—въ др. знач.)—ломовой извозчикъ.

Наперникъ—ручка для пера.

Чирпашка—мелкія раковины, которыя употребляются вмѣсто песку для засыпанія двора и улицъ.

Хадзукъ, Бабуекъ Семѣновичъ—такъ въ Ейскѣ зовутъ армянь.

Пендось—такъ называютъ грезовъ (отъ слова пѣтухъ).

Гарбузы (изъ малорусс.)—арбузы.

Хвитаженъ (фотогенъ)—веросинъ.

Винцирада, анцирада—плащъ изъ дешевой парусины (см. выше, стр. 81).

Гарнофа—пшеница армянка.

Живѣйникъ—извозчикъ.

Гарба (арба)—большая телѣга, употребляемая для перевозки сѣна.

Кургонъ (ср. фургонъ)—экипажъ для быстрой ѣзды.

Копка—башлыкъ.

Сърно—круглый низенькій столъ, за которымъ обѣдаютъ, сидя на полу или землѣ.

Куркуль (индюкъ)—такъ въ Ейскѣ называютъ казковъ, потому что они носятъ шапки съ краснымъ доннышкомъ.

Гамзелъ, хивраль, городовикъ, городовица душа—такъ казаки называютъ городскихъ жителей.

Пристафа—доставка.

Кубаньчикъ—кувшинъ.

Саманъ—смѣсь глины съ соломой. Изъ этой смѣси дѣлаютъ кирпичи для постройки домовъ.

Гургуля—шишка.

Дзендзиеъ—зонтикъ.

Гилка—палка, которою ударяютъ мячъ.

Прамакашка—промокательная бумага.

Черныи арѣшки—такъ называютъ здѣсь хурму (небольшія ягоды темнаго цвѣта).

Палистриця—полиція.

Амалтэса—сигара.

Кисляеъ—лимонъ.

Трайчатка—кнутъ съ тремя концами. Такой кнутъ употребляется для того, чтобы выгонять изъ дому кошекъ и собакъ.

Папаня—папаша. Маманя—мамаша.

Стряпка (извѣст. и въ другихъ мѣстахъ)—кухарка.

Мытница (по Далю, встрѣчается въ вост. Россіи)—прачка.

Галубнйеъ—голубятня.

Лютра—кофта.

Мистисопиль—навидка (испорченное слово „мѣфистофель“).

Сазанъ икряный—такъ называютъ толстыхъ мужчинъ.

Гардѣль—горчица.

Каминюва—камень.

Букѣчйеъ—крестьянъ.

Паръ—туманъ (который образуется изъ паровъ).

Жилтѣеъ—желтый огурецъ.

Кужмуреи—жмурки.

Калидѣеа—волядка.

Витрѣеъ (малорусс.)—вѣтряная мельница.

Закуска—брзентъ.

Столгъ—капиталь.

Пацанъ—мальчикъ.

Боль—болѣзнь.

Балдахонъ (балдакинъ)—катыфальеъ.

Свабѣль—чернь, оборванецъ.

Апалонка (малор. полонка, отъ полонка)—прорубъ.

Вилы—вилы.

Нѣщйеъ—носильщикъ.

Имена прилагательныя.

Бурдѣвий—красный (отъ слова „бордѣ“).

Халастѣй—такъ говорятъ о рыбѣ, не имѣющей икры.

Спѣтай—спѣлый.

Ейскафскай—ейскій.

Крутой—густой, крѣпкій (о чаѣ).

Тривѣжной—грустный (о пѣснѣ).

Завливатильнай—увлекательный.

Глаголы.

Вытирина—вытерта.

Прислѣдывать за кѣмъ, но не „кого“.

Плигать—прыгать.

Утюжить (употребляется и въ др. мѣстахъ)—глядить. утюгомъ (бѣлье).

Абѣбить—женить.

Разивлять—раскрывать ротъ.

Выдумлять—выдумывать.

Раскѣзывать—разговаривать.

Сватыцца къ кому, а не „за кого“.

Банить—мыть (столъ, посуду).

Закутѣть—закрыть (печь, самоваръ).

Задавацца—хвастаться.

Клѣндыть—упрашивать.

Занѣть—дать въ займы. Займи мнѣ=дай мнѣ въ займы.

Нанѣть—отдать въ наемъ. Наняли ему домъ, т. е. отдали ему домъ въ наемъ (какъ одно, такъ и другое употребляется и въ др. мѣстахъ).

Рабить (изъ малорусс.)—дѣлать.

Кладавиль—клалъ.

Приклади—приложи.

Паѣласть (извѣстно и въ др. мѣстахъ)—положить.

Пацѣлить—попасть (напримѣръ, въ кого-нибудь мячомъ).

Загилить—отбросить палеюю мячъ.

Чкать, чикать—бить мячомъ.

Здаганянь—догонянь.

Наздагнать—догнать.
Кувать (изъ малорусс.)—куковать.
Здарофыцца—видаться.
Найти сына, дочь—родить сына, дочь.
Слѣсть—влѣсть.
Замаскараживацца—маскироваться.
Улистить—прельстить.
Присаглатать—приглашать.
Свиристѣть—свистѣть.
Састричацца—встрѣчаться.
Завлечь—увлечь.
Апставлять—осмѣивать.
Заивіцца—явиться.
Накучирявицца—завить мудри.
Бросить на кого=бросить въ кого.

Нарѣчія и междометія.

Скрось (дов. распространенное на Югѣ)—вездѣ.
Нанизу—внизу.
Пафсигда—всегда.
Напапаламъ—пополамъ.
Зря—какъ-нибудь (у Дали — наобумъ).
Павутрѣ—утромъ.
Фпирѣтъ—раньше.
Ей-права—Ей Богу.
Тольки=столько.
Швѣжи (малорусс. швидче—нѣм. geschwind)—скорѣе.
Рыстью—рысью.
Нарачита, снарачита—шутя (въ др. мѣст.: весьма, обильно,
значительно, а также—варочно, съ умысломъ).
Надурницу—даромъ.

Отдѣльныя выраженія.

Чиво гафъ ловишь?—Что сидишь безъ дѣла?

Фъ чиво будимъ гулять?—Во что будемъ играть?

А на што мнѣ здалось!—А зачѣмъ мнѣ это!

А ну брось! } Да оставь, пожалуйста! (для выраженія не-
А ну ни нада! } довѣрія.

Нима ни грица—нѣтъ ничего.

Гдѣ=куда. Гдѣ идешь?=куда идешь?

За каво=о комъ. Говорить за Ейскъ=говорить о Ейскѣ.

За каво спрашивать=о комъ спрашивать.

Бисъ панятія—безъ вниманія (для выраженія равнодушнаго
отношенія къ чему-либо).

Многа апъ сибѣ понимать—много о себѣ думать.

Грать на скрыпцу—играть на скрипкѣ.

Иди да насъ—иди къ намъ.

„Съ“ замѣняетъ собою „надъ“: сьміяцца съ каво (малорусс.)
==надъ кѣмъ.

Брось }
Астафъ } твой характеръ—не зазнавайся.

Какой вы нивираятнай!—какъ вамъ трудно вѣрить!

Хитрай на голува—сообразительный.

Скрось парвѣтай—вездѣ порванный.

Мирси васъ—вамъ.

Драствуйти вамъ (въ др. мѣст. Сѣв. Кавк. и даже юга Рос-
сиіи=вотъ-те-на!).

Зиваицца да патигаицца, да кудышь вано диваицца.—Такъ
отвѣчаютъ тому, кто скажетъ: „Что-то мнѣ сегодня зѣ-
вается“.

Патъ шляпкѣй—въ шляпкѣ.

При калошихъ—въ галошахъ.

Юпка при аборки—съ оборкой.

Гаварить што-либа-нибутъ.

Взять перемѣну—взять съ собой завтракъ въ училище.

Больши весь—уже весь.

Гулять падъ лафѣыми—гулять около гостинаго ряда.

Видить свиданія—имѣть свиданіе.

Отступленія въ удареніяхъ.

Изъ астрага́—изъ остро́га.

Абу́ха—обуха́.

Нива́—Нѣва (назв. журнала—отъ смѣшенія съ „Нева“).

Фѣ́ класа́хъ—въ́ класса́хъ.

Рукапи́сно́й—рукопи́сный.

Мидви́дя́ (и на востокѣ Евр. Россіи)—медвѣ́дя.

Руждѣ́ аси́кло́сь—осѣ́клось.

Вдра́ла—удра́ла.

Вичиро́мъ—вече́ромъ.

Намире́ние (слышится вообще на югѣ Евр. Р.)—наме́рение.

Памали́ньку—домале́ньку.

Изъ се́стирь—изъ сесте́рь.

Красивѣ́й—краси́вѣй.

Параха́да—парахо́ды.

Гасуда́ря́ (и въ др. мѣстахъ)—госуда́ря.

Абаи́мъ—обби́мъ.

Звѣ́но—звѣно́.

О́лень—оле́нь.

Пре́дметъ—предме́тъ.

Ре́мень—реме́нь.

Кни́жна—кни́жнѣ.

Гра́жданинъ—гражда́нинъ.

Шаха́жа́—похо́жа.

Хво́рость—хворо́сть.

Вуго́льниѣ́—уго́льщиѣ́.

Валгадо́нскан—волгодо́нско́й.

Ни совси́мъ—не совси́мъ.

Клима́тъ (и въ др. мѣстахъ)—клима́тъ.

Фѣ́ тухли́хъ—въ́ ту́фляхъ.

Висило́—весе́ло.

Гарбузы—арбузы.

Статуя (и въ др. мѣстахъ)—статуя.

Фпирѣди—впереді.

Образцы ейснаго говора.

Пѣсни отъ № 1 по № 19 поются, по выраженію мѣстныхъ обывателей, „нада вгодна“.

№ 1.

Ишолъ ярамъ, ишолъ нивамъ;
А въ Наташки домъ съ карнивамъ,
Вожны выши, двери нижи;
Сидять голуби на крыши;
Аны сидить, вареують
И пшеницу ни елюють.
Падуль вѣтиръ и съ вакзалу,
Придѣтъ миленькай зъ базару,
Принисѣтъ минѣ придѣмету,
Щой платочикъ канахвету:
А платочкамъ утирацца,
Канахветамъ утишацца.
Прадамъ ленду исъ насы,—
Куплю миламу чисы:
Будить слава, будить честь,
Што въ милава чисы есть.
Прадамъ чашки, прадамъ лошки,—
Куплю миламу сапошки:
Будить слава, будить честь,
Што въ милава сапошки есть.
На гбрать сабачка лаить,
Мине мамынька ругаить.
Ни ругай мене, мамаша:

Я хорошинька Наташа,
Я Наталья Натальичикъ
Чиста вымыла платочикъ,
Чиста вымыла платочикъ,
Ни сванхвузила цвѣточикъ.

№ 2.

Жилъ я въ горади Адесси,
Многа денехъ зарабатялъ,
Съ Катюшію, съ Матюшію
За динь денехъ прагулялъ;
Пилъ я вотку, пилъ малифку,
Музыкантафъ нанималъ;
Я да тѣхъ поръ дакутилсы,
Што фъ палицію папалъ.
Съ палицевскимъ расплатилсы
Сванмъ тонкимъ кашилькомъ,
Асталася у кармани
Три капейки сирибромъ.
Я за перваю капейку
Куплю пачку табаку,
А за другаю капейку
Куплю пачку сирьникофъ,
А за третію капейку
Найму тройку лашидей.
Тройка скачить,
Имщикъ плачить:
Ни можить тройки удиржать.
Закурю я папиросу,
Дымъ съвиваицца фъ калъцо.

№ 3.

Возьли рѣчки, возьли броду

Пили два голуба воду;
Аны пили, буркатѣли,
Сънилися, палитѣли,
Крылушками стршикнули,
Пра любовью спаминули.
Наша любовь хужи болѣзньи:
Адъ балѣзньи люди знаютъ,
Ать любви памирають.
Правила сваю дружбу
На военную службу,
Правила сваю клячу,
На ваззали сидю плачу.
Гляню, гляню на свировю,
Абальецца сердца кровью;
Гляню, гляню я на мужа,
Балить сердца маѣ дюжа;
Гляню, гляню я на Бога,
Асталася жить нимнога.
Чиво, мила, приюнила,
Ни слыхать тванхъ ричей?
Раньше бѣла висилѣи
Ты паешь, какъ салавей.

№ 4.

Када я, мальчикъ, былъ слабодичъ,
Ни зналъ я горя, ни нужды:
Атець и мать мене любили
И балавали, какъ радны.
Но балафство мене згубила:
Я збилси съ правиднай путѣ.
Въ одну нивѣрную влюбилси
Зли пагубили свасей.
Ана бажилысь и влилась

Своей расквинной душой,
А я, мальчишка, ей павѣрилъ
Своей бизумной галавой.
Сидю я въ замки за ршотквой;
Лампата туселныя гарить;
Глянупу, глянупу за ршотку,
У чисавова штывѣ блиститъ.
Сталь на ввалѣнны станавицца
И фсѣхъ свбитыхъ я умалать;
А фсѣ свбитыи мне прастили,
Штобы изъ замка убижать.

№ 5.

Панаурасну, мальчинеъ, ходишь,
Панаурасну ношки бьешь:
Ничиво ты ни получишь,
Дуракомъ дамой пайдешь.
За пасьядънью питерку
Нанилъ тройку ланидей,
А даль кучиру на вотку:
„Гани вонн паскарѣй!“
Каринная рысьтю, рысьтю,
Присътижная на весь горъ (т. е. еще быстрѣе).
Пришжяю да калитки,
Калакончинеъ зазвинѣлъ.
Вышла мать мая радная,
Пачила мине бранить:
— Ахъ ты, суениъ сынъ, биздѣльникъ,
Гдѣ ты деньги падивалъ?
Чи на карты-биллярты,
Чи зъ дифчонквой прагулялъ?
— На биллярты ни магу я
И зъ дифчонквой ни гулялъ,

Купилъ милай я валецка,
Падарилъ ялай цвѣтокъ.

№ 6.

Нищасныя врадильсь,
Нищасныя памру:
Фѣ ширлоту улюбились,
За нимъ я прападу.
Ахъ, жисть мая нилехкыя!
Ни даживу я ей,
И вѣшила гатовыя,
Пависну я на ей.

№ 7.

Ни фчира ли фѣ караводи
Ты гулялъ визьдѣ са мной,
Ни фчира ли при народи
Называлъ мине сваѣй!

№ 8.

Маманя дочь бранила:
„Чиво ты, дочь, грусна!“
Сама пра ета знаю,
Фѣ каво я влюблина.
Люблю друшка сирьдечна,
Люблю фсею душой,
А вонъ варвырь сьміецца,
Сьміецца нада мной.
Сьмѣйсь, сьмѣйсь, мой галупчикъ,
Сьмѣйсь, варвырь, нада мной:
Гаспоть тибѣ наказитъ
Нищаснаю судьбой,
Нищаснаю судьбой,
Развратнаю жинной.

№ 9.

Прасѣтити, атець-мать радни,
Прасѣтити сына сваиво,
Щитайти дни маи стальные,
Чисы гулянья маиво.
Чужая мамынька ни скажить:
„Садись, сыночьеъ, съѣшь калачь!“
А я, разбѣдъиньейкай мальчишка,
Рать цѣвилому сухарю.

№ 10.

Ты, Мивола, ты, Мивола,
Ты ни знаишь маво горя.
Маѣ горя нибальшоя:
Серца ноить, груть балить,
Самъ ни знаю, што рабить,
Катораю съ трѣхъ любить:
Люблю Сашу, люблю Машу,
Люблю Таничку душой.
Пайдѣмъ, Саша, пайдѣмъ, Маша,
Ва зилѣнай сать гулять.
Ва зилѣнаму саду
Многа вышинѣѣ расѣтѣть,
Расѣтѣть винаграть на вѣтки,
Салавей паѣтъ ва клѣтки.
Салавей, салавей,
Канаренчка мая,
Ты испой минѣ такую
Пра жисть маю горькаю:
Самъ ни знаю, што рабить,
Чи пакинуть, чи любить:
Любить буду,—слава будить,
И пакину,—жалка будить.

№ 11.

Въ Масквѣ, въ Масквѣ Ванька нарадилсы,
Ва Пятири Ванька ахристилсы,
Ва диревню Ванька жить пашолъ;
Эъ диривенскими фсѣ съ мужиками
На работу Ванька фсѣ пашолъ;
На работи Ванька прибалѣлъ:
За аднимъ снопамъ и нажами
Сибѣ Ванька ручку абризѣлъ.
Гдѣ ни взилася Ванькина милая,
Завизала бѣлимъ платкомъ руку,
Штопъ Ванька кровью ни сашолсы.

№ 12.

Разъвисѣлыя кукушка
Нище садикъ летитъ,
Разънищасныя дифточка
Край алопичка сидитъ,
Ва съливахъ письмо читатитъ,
За милава гаваритъ:
— Гдѣсь мой милый другъ далеча
За 1200 версть,
Вонъ ка мнѣ письма ни принитъ
И паклоньчича ни шлѣтъ.
Трептитъ, трептитъ лихаратеа,
Трептитъ милава маво,
Пратричала фсю индѣлю
За ниправду за иво.
Вонъ бажилсы надлець, клялсы,
Гаваритъ: „замушь вазьму“,
А теперя што случилася:
Въ адинъ часъ любофъ съмнилъ.

Вонъ съминилъ жи шельма клязьбу,
Самъ жинилсы на другой.
Жинись, жинись, мой галупчикъ,
Дазваляю я тибѣ,
Дазваляю, праздравляю
Съ нариченною жиной.
Закажи сибѣ карету,
Минѣ младай чорнай гропъ,
Чорнымъ бархватамъ абита (обитый),
Залатою бахрамой.
А ты сядишь дай паѣдишь,
А мне слѣдамъ панисуть,
На тебе винцы надѣнуть,
Нада мной сывѣчи зажгутъ,
Натъ табой пѣфчи запають,
Нада мной сважутъ: „вѣчныя память“,
А ты будишь убирацца,
А мне къ зимлѣ придадутъ.

№ 13.

Вышла Маша за навѣи врата...
Чиво въ Машини приваплаканы глаза,
Фь красавицы призагерты рукава?
Три нидѣли ва пасьтели лишала,
На читьвертаю здаровыя стала,
А на пьту ва зилѣнай сатъ нашла.
Ва зилѣнаму саду шляхъ-дарожиньку нашла.
Знаю, знаю, хто дарожиньку убилъ:
Халастой паринь да дѣвушки хадилъ,
Многа злота, многа серибра насилъ;
За то иво радной батинька бравилъ,
Штопъ къ дѣвушки ни хадилъ,
Многа злота и серибра ни насилъ.

№ 14.

И юфь Керьчи радилась,
Фь Сивастополи срасла,
Атца мамыньки ни знала,
Сиратою вѣкъ жила.
А хто этуую сиротеку,
А хто іё палюбилъ?
Палюбилъ іё мальчишка,
Вонъ гитару подарилъ.
Сама граю на гитару,
Сама граю висилюсь:
Нихто горусьти ни знаить,
Каеъ я съ милымъ растаюсь.
Растаюся, друхъ, съ табою,
Растаюся, бѣлай сьвѣтъ.
Адна пташка канарейка
Литить въ гору висаво,
И висова и далѣка,
Гдѣ мой милай друхъ живѣтъ.
Живѣтъ милинькай далеча:
За висоваю гарой
И за каминнай сътиной,
За рипоткай за густой.

№ 15.

Галофеа мая
Разьбѣднинеьки:
Не съ кимъ мнѣ малотки
Папить-пагулять,
Папить-пагулять,
Ночку начивать.
Пришла ночь тимна,
Ляжу спать адна, . . .

Ляжу спать адна
Бизь мила друшка.
Бизь мила друшка
Бирѣть грусть-таска,
Грусть-таска бирѣть:
Далечи живѣть,
Далечи, далечи
На той старанѣ,
На той старанѣ
Ни блиска ка мнѣ.
На той старанѣ
Ни блиска ка мнѣ.
Рада пѣ пирийтить,
Пириходу нѣтъ:
Жертачка танка,
Рѣчка глибава.
А фѣ той рѣчки
Бабѣрь купалсы,
Купалсы, ни выкупалсы,
На берюшку выкачилсы.
Ахотьнички съвищуть,
Чорныва бабра ищуть,
Хатять бабра вбить,
Маши шубу шить.
Шубачка баброва,
Маша чирнаброва.

№ 16.

Ни на што я ни вдаряла,
Какъ на ентай большой домъ,
Ни па комъ я ни страждала,
Какъ па миламъ па свасемъ.
Милай въѣхыль,—мине бросыль,

Щой малютку на рукахъ.
Гляну, гляну я на стѣнку,
Висить милава патреть,
Гляну, гляну на малютку,
Точна варвырь былъ такой.
Идѣ млада ни пайду я,
Скрось радныи мне бранять;
Пайду зѣ горя ютаплюся
Спрати милава дварца:
Пушай милинькай пасмотрить,
Какъ я буду патапать.
Долга дѣва трипятала
Сваей русаю касой,
Правой ручинькай махнула:
„Да съвидання, милай мой!“
А милинькай падбигаць:
„Што случилась, Бохъ съ табой!“

№ 17.

Ни вздыхайти, душа Маша;
Ни вздыхайти чижало,
Када жи вамъ друшеа жалка,
Забывайти за нво.
Тада друга я забуду,
Када скроюцца глаза,
Серца кровью абальеца
И завянуть, какъ трава.

№ 18.

Идѣ, Ваня, їдишь,
Идѣ уижжяишь,
На каво ты, Ваня,

Маню спакидаишь?

А я ёду, ёду

Уфъ путю-въ дарогу,

Маню спакидаю

Идинаму Богу.

Есьли жифъ я буду,

Писать письмо буду,

Есьли забалёю,

Пра тебе забуду.

Выхадила Маня

На гору крутуя,

Выглидала Ваню,

Ваню дарагуя.

А на той дарошки

Каляска бижала,

А ва той калыски

Лижить Ваня вбитай,

Ручички слажомши,

Пирьчою накрывши.

Увидала Маня

Карми глазами,

Аблилася Маня

Горькими сьлизами.

Гусарь падбигаить,

Маню вгаваряить:

— Ни плачь, ни плачь, Маня,

Ни плачь, ни журися:

Здѣсь гусаруфъ многа,—

Выбирай любова.

— Я ни тутъ раждѣна,

А ни вамъ суждѣна,

Я ни ваша буду,

Ваню ни забуду.

№ 19. Калидо́вка.

На камини на бѣламу
Тамъ стояла суборь-церква,
А ва той ва церкви
Збиралися фся жидовья.
Радили раду жидофскаю,
Жидофскаю—нивѣрскаю:
Какъ бы намъ Суса Христа юлавити,
Юлавити, юмирьтъвити,
Ва гробъ Иво палажити.
Юлавили, юмирьтъвили,
Ва гробъ Иво палажили,
Щой зимлею притрусили
И каминимъ наватели,
Щой старбжу пристанавили.
Пришла въ Иму да Божія Мати,
Божія Мати я Марія Дѣва:
— Ты, старожа, атступися,
А ты, каминь, аткатися,
А ты, сыра зимля, раступися,
А ты, мой сынку, абазъвися,
Чи на вѣки памирайшь,
За правидны души страсть примайшь.
— Принялъ муку, принялъ раны
За правидны души християны.

№ 20. Солдатская.

Ой съ-за горы, горы
Выступалысь черныя хмара.
То жь ни хмара, вой да то ни хмара,
А младыи салдаты.
Ихъ ни мала братцыфъ ни багата:
Сорыкъ тысячъ вой да щой чытыри.

Ихъ забрали за Дунай пагнали.
А за Дунаимъ тышка-вашка жити:
Заставляютъ работу рабити—
А сырую землю рыти.
Вы ни плачте, братцы. ни тужити:
Ни аднимъ намъ горичка фь свѣти жити.

№ 21. Солдатская.

Ты, калинушка, ты, малинушка,
Ты ни стой, ни стой
На горѣ крутой,
Ни спускай листей
Па синимъ морі.
Па синимъ мори
Карабель плывётъ,
Карабель плывётъ,
Ажъ вада рывётъ.
А на томъ караблю
Три палка салдатъ,
Малыхъ ребятъ.
Ахвицеръ-маёръ
Богу молицца,
Ридавой салдатъ
Дамой просицца:
„Ахвицеръ-майоръ,
Атпусти дамой
Къ атцу, къ матери радной,
Ищо жинѣ маладой.

Преподаватель русскаго языка
Ейской женской гимназіи *Михаилъ*
Харламовъ.

Г. Ейскъ
8 февраля 1899 г.

О мѣстѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ.

Примѣчаніе. Въ нижеслѣдующемъ разсужденіи грузинскіе звуки выражены для удобства русскихъ читателей посредствомъ русской транскрипціи *), съ примѣненіемъ надстрочныхъ знаковъ и нѣкоторыхъ буквъ, рекомендованныхъ Академіей Наукъ; замѣнено только *i* (десятеричное) русс. *и* (восьмеричнымъ). Такимъ образомъ, передаются:

ō = ō (ц)	o = ɔ (т)	ǰ = k̄ (к)
j = k	ǰ = k̄	ō = ɔ
ǰ = (дз) z		ǰ = (дж) dʒ
ǰ = ǰ		ǰ = ǰ

Принадлежитъ ли грузинскій языкъ къ великой семьѣ индо-европейскихъ языковъ и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, какое мѣсто онъ между ними занимаетъ, вотъ вопросы, которые невольно задаетъ себѣ всякій, хоть сколько-нибудь знакомый съ Кавказомъ и съ туземными языками. Рѣшить этотъ вопросъ я не берусь: для этого необходимо, кромѣ знанія европейскихъ языковъ, древнихъ и новыхъ, еще знаніе санскритскаго и въ особенности древне-иран-

*) Авторъ прибѣгалъ собственно латинскій алфавитъ, при чемъ для выраженія придыхательныхъ явилось сочетаніе съ лат. *h* (напр. *kh*, *ph* и *th*), а для небныхъ проторныхъ звуковъ *ǰ* и *ǰ* французскій способъ начертанія, что представляло много неудобствъ. Въ особенности неудачной оказалась передача отъѣза при сложныхъ звукахъ *ǰ* и *ǰ* = груз. *ǰ* и *ǰ*. Ред.

сваго или зендскаго, тогда только можно бы произнести окончательное сужденіе о сродствѣ грузинскаго языка. Я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями, невольно рождающимися при сличеніи грузинскаго съ европейскими языками.

При первомъ знакомствѣ съ этимъ языкомъ поражаетъ сперва не только совершенное несходство нѣкоторыхъ звуковъ съ любымъ европейскимъ языкомъ, но какъ бы совершенно чуждый строй всему европейскому; однако, это только при поверхностномъ знакомствѣ, а чѣмъ глубже вникать въ строй языка, тѣмъ болѣе открывается признаковъ древняго родства, такъ что я, по крайней мѣрѣ, пришелъ къ убѣжденію, что грузинскій языкъ несомнѣнно принадлежитъ къ великой индо-европейской семьѣ.

Попытаюсь сперва сдѣлать общую характеристику этого языка, а потомъ постараюсь доказать его родство съ европейскими языками, разбирая послѣдовательно главныя его грамматическія формы.

Недавно еще г-нъ Паткановъ (см. Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго общества 1879 г. VI кн., 1-й выпускъ), рассматривая мѣсто, занимаемое армянскимъ языкомъ среди индо-европейскихъ языковъ, замѣтилъ, что армянскій языкъ, даже самый древній, достигъ уже того пункта своего развитія, гдѣ онъ потерялъ большинство первоначальныхъ формъ, столь обильныхъ, напр., въ санскритскомъ, литовскомъ, древне-греческомъ и т. д. Напр., нѣтъ болѣе слѣда двойственнаго числа, родъ прилагательныхъ и существительныхъ не различается окончаніями, спряженія бѣдны формами, безъ слѣда приращенія и удвоенія. Всѣ эти признаки свойственны и грузинскому, но еще въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ армянскому: надежныя окончанія вообще слабо развиты; напр., винительный падежъ не отличается отъ именительнаго, родовыхъ окончаній вовсе нѣтъ. Измѣненіе коренной гласной (то, что у вѣмцевъ называется Уш-

laut), такъ сильно развитое въ германскихъ нарѣчіяхъ (напр. finden, fand, fände, gefunden; sehen, sah, sähe, sieh) и даже въ армянскомъ (напр. ариун=кровь, род. ариан), вовсе не встрѣчается въ склоненіи и спряженіи грузинскихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, сюда нельзя отнести такихъ измѣненій-гласныхъ, какъ, напр.

минда,	гинда,	унда,
я хочу,	ты хочешь,	онъ хочетъ,

потому что корень есть тутъ нд, а *ми, ги, у* суть префиксы. Однако, грузинскій языкъ не дошелъ еще до степени окостенѣнія и обѣднѣнія, что мы, напр., замѣчаемъ въ курдскомъ или въ англійскомъ языкѣ. Съ другой стороны, эта потеря первоначальныхъ формъ имѣла для грузинскаго ту выгоду, что внѣшній грамматическій строй языка почти неизмѣнился съ тѣхъ поръ, какъ онъ является литературнымъ, т. е. въ продолженіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія, чего нельзя сказать ни объ одномъ живомъ индо-европейскомъ языкѣ, ни объ армянскихъ, германскихъ, романскихъ или славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, переводъ св. писанія, напр. Новаго завѣта, хотя сдѣланъ болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ тому назадъ, читается совершенно свободно; между его языкомъ и нынѣшнимъ говоромъ разница не больше, чѣмъ между переводомъ св. писанія Лютера и нынѣшнимъ нѣмецкимъ разговорнымъ языкомъ. Поэтому-то знаменитая эпическая поэма „Барсова кожа“, написанная въ царствованіе царицы Тамары, т. е. въ концѣ XII столѣтія, и теперь не только читается всѣми, но и сдѣлалась достояніемъ всего грамотнаго населенія Грузіи. Меня увѣряли, что не рѣдки примѣры между женщинами, которыя знаютъ наизусть всю эту поэму отъ начала до конца. Прибавимъ здѣсь кстати, что никто изъ русскихъ не вздумалъ ознакомить русскую публику съ этимъ дивнымъ литературнымъ памятникомъ Грузіи. Правда, въ сороковыхъ годахъ появился въ иллюстраціи Кукольника опытъ

поэтического перевода начала этой поэмы, но этот отрывок и остался отрывкомъ, и никто не нашелся, кто бы по крайней мѣрѣ въ прозѣ передалъ содержаніе этой поэмы, такъ прекрасно рисующей нравы, обычаи и идеалы древней Грузіи. Замѣчательно еще, что говоръ простолюдиновъ въ Имеретіи и въ Карталиніи не отличается отъ рѣчи образованнаго класса: въ Грузіи не встрѣтите мѣстныхъ patois, какъ въ Германіи, Франціи и Италіи *). Сладкъ народныхъ пѣсень (сравни, напр., изданіе П. Умнова: Арсенас-лейси, Тифлисъ, 1888 г.) и произведеній чисто народныхъ импровизаторовъ столь же правиленъ, какъ любая рѣчь образованнаго человѣка. Да и вообще нужно сказать, что грамотность грузинская очень распространена, въ особенности между женщинами, несмотря на недостаточное число народныхъ школъ. Если, несмотря на это, дикое суевѣріе часто затемняетъ народный умъ, если можно встрѣтить, въ особенности въ захолустьяхъ, почти полное незнаніе основныхъ фактовъ Христіанства, даже между старыми полуграмотными священниками, то этому преимущественно виною малое распространеніе книгъ Новаго завѣта между народомъ. Какое широкое, прекрасное поле для дѣятельности нашихъ Библейскихъ и другихъ обществъ! Распространите въ Грузіи какія-нибудь 100,000 дешевыхъ, изящныхъ, комнатныхъ изданій Лондонскаго миссіонернаго общества и, повѣрьте, вы болѣе сдѣлаете для поднятія нравственнаго уровня народа, чѣмъ основаніемъ сотенъ школъ.

Въ прежнее время область распространенія грузинскаго языка простиралась гораздо далѣе теперешнихъ предѣловъ. Такъ, напр., Lepermant, разбирая нѣкоторыя клино-

*) Конечно, авторъ не могъ имѣть въ виду мингрельскаго и сванскаго языковъ, родственныхъ грузинскому языку, но не составляющихъ его нарѣчій; нарѣчіями могутъ считаться гурійско-имеретинское, ниглиойское и др. (См. ст. проф. Шухардта о геогр. и стат. картъ языковъ).
Ред.

образныя надписи въ Арменіи, нашелъ въ флексіяхъ явную аналогію съ грузинскими флексіями *); такъ, еще мы встрѣчаемъ въ древней Малой Азіи многія названія рѣкъ, горъ, городовъ, сильно напоминающія грузинскія корни, наприм., *рѣки*: *Αλος (Halys) **) = цкалн = вода.

Μαεανδρος (Maeanter, Maeandros) }
Σκαμανδρος (Scamander) ***) } = мдинаре = рѣка;

гора Τριβλος (Tmolus) = товли = снѣгъ;

городъ Κυζικος (Cyzicos, Cyzichus) = цихе = вѣрѣность.

Смотри вообще Ausland, за 1876 г.

Самое древнее свидѣтельство о грузинскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ у Гомера. Въ десятой пѣсни Одиссеи описывается посѣщеніе Киркеи (Кирки) Одиссеемъ и его товарищами. Вѣстникъ боговъ Гермесъ является къ Одиссею и даетъ ему наставленія, какъ ему встрѣтить Киркею, и, между прочимъ, онъ ему вручаетъ зелье: „моли“, имѣющее свойство уничтожать всякія чары:

Корень былъ черный, подобенъ былъ цвѣтъ молоку бѣлизною,

„Моли“ его называютъ безсмертные, людямъ опасно

Съ корнемъ его вырывать изъ земли, но богамъ все возможно.

Одисс. Жуковскаго, X, 304 слѣд.

По этому описанію трудно опредѣлить, каковое растеніе имѣлъ въ виду Гомеръ: можетъ-быть, какое-нибудь луковичное растеніе, можетъ-быть, чемерицу (hellebodus). Гре-

*) Изслѣдованіе языка урартскихъ надписей, можетъ-быть, прольетъ свѣтъ на вопросъ о родствѣ его съ картвельскимъ языкомъ. *Ред.*

**) Halys приводитъ насъ къ грузинскому *Бали*, рѣка, ручей, горный потокъ, съ обычнымъ окончаніемъ собств. именъ съ, какъ напр., *Тпили* (тепиль), *Тпилиси* (Тифлисъ), *Кутаиси*, *Манглиси*, *Балиси*, *Балиста* (р. Галиста въ Абхазіи) и др. *М. Дж.*

***) Если „маандрос“ есть груз. „мдинаре“, то „Σκαμανδρος“ (шкѣ-мдинаре) должно перевести такъ: „Срединная (шкѣ) рѣка“. *М. Дж.*

чекскій писатель Діоскоридъ въ своемъ, дошедшемъ до насъ, сочиненіи о травахъ говоритъ (lib. III, cap. 46), что именемъ „моли“ назывался у туземцевъ родъ руты (*Ruta graveolens* L. или *Ruta montana* L.), растущей на сѣверѣ Малой Азіи въ Каппадокии и Понтѣ, и служащей для магическихъ воздѣйствій. Nehn, въ своемъ сочиненіи: *Culturpflanzen und Hausthiere*, pag. 177, говоритъ, что это слово проникло въ Понтъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ греческими колонистами, заселившими побережья Чернаго моря, но это его мнѣніе, очевидно, не выдерживаетъ критики. По свидѣтельству самого Гомера, слово „моли“ — не греческое, но иностранное. Далѣе, въ высшей степени неправдоподобно, чтобы это слово, если оно занесено греками, могло многія столѣтія послѣ Гомера сохраниться въ употребленіи у туземцевъ Понта и Каппадокии (по свидѣтельству Діоскорида). Наконецъ, у насъ есть положительныя свидѣтельства, что „моли“ чисто грузинское слово. Такъ, въ большомъ грузинско-русско-французскомъ словарѣ Чубинова мы читаемъ на страницѣ 320:

Моли, молоко=свѣжая трава, зелье=*herbe fraiche, herbes potagères.*

Путкрис-моли=пчельная трава=*mélisse.*

Итакъ, по настоящее время слово „моли“ означаетъ въ Имеретіи и, вѣроятно *), въ Гуріи и по побережью Чернаго моря извѣстныя травы. Неудивительно поэтому, что греки, при раннихъ своихъ сношеніяхъ съ Колхидой и съ Понтомъ услышали это слово отъ туземцевъ.

Вообще, послѣ внимательнаго чтенія разсказа Гомера о встрѣчѣ Одиссея съ Киркеей, читатель выноситъ впечатлѣніе, что тутъ именно описывается страна, орошаемая Риономъ. Грубые, полуварварскіе греки, при встрѣчѣ съ прекрасными кавказскими женскими типами, естественно долж-

*) Моли общепотребительное слово во всей Грузіи и означаетъ травку-муравку.

ны были быть поражены удивленіемъ и восторгомъ. Представимъ себѣ, что эти искатели приключеній, на утломъ своемъ кораблѣ, добрались до устьевъ Ріона. Поднявшись вверхъ по теченію, они пристали къ берегу и обрѣли наконецъ въ лѣсу высокой теремъ:

Тамъ голосомъ звонко пріятнымъ богиня

Пѣла, сидя за широкой прекрасной божественно тонкой

Тванью, какая изъ рукъ лишь богини безсмертной выходитъ.

См. Жуковск. Одисс. X, 221 слѣд.

На крикъ пришельцевъ, она вышла къ нимъ навстрѣчу и, съ той истинно рыцарской вѣжливостью, которая еще понынѣ характеризуетъ вообще имеретинъ, предложила имъ радушное гостепримство въ своей обители. Угощеніе состояло изъ сыра, зоми (*Setaria italica*, millet à grappes), по-гречески: *ἄλιτον*, т. е. ячная каша—обыкновеннаго кушанья въ Имеретіи—и сотовъ желтоватаго меда. Все это заливалось обильнымъ виномъ. Но, какъ видно, грубые греки предались слишкомъ обильнымъ возліаніямъ Вакху, такъ что нужно было окончательно буйныхъ гостей запереть въ хлѣвъ, гдѣ, какъ и нынѣ, содержались въ Имеретіи:

„Свиньи, пожирающія съѣдобныя *) желуди и ягоды бизила“, вездѣ встрѣчающіяся въ изобиліи въ Закавказьѣ; замѣчательно, что Киркея не предложила гостямъ никакой мясной пищи: такъ и теперь путешественнику, странствующему по Имеретіи по деревнямъ, трудно достать мяса, развѣ ему подадутъ курицу; но тогда, въ X—XII вѣкѣ до Р. Хр., курицы, пронишія къ намъ изъ Ирана, не были еще извѣстны европейскимъ народамъ. Бараны же были тогда въ Имеретіи: въ самомъ дѣлѣ, при прощаніи Киркея привела на корабль Одиссея барана и черную овцу для предстояща-

*) Т. е. каштаны, такъ именно они назывались у грековъ. См. Нелл, I. с. pag. 339.

го жертвоприношенія (см. Одисс. X, 37 г.). Что домъ Киркеи былъ двухъэтажный, видно изъ того, что Ельпиноръ, одинъ изъ товарищей Одиссея, отяжелѣвъ отъ винныхъ паровъ, оступился, спускаясь съ лѣстницы, и сломалъ себѣ шею. (Одисс. X, 552).

Если бы до насъ дошли современныя сказанія о знаменитомъ походѣ аргонавтовъ къ берегамъ Колхиды за золотымъ руномъ, то мы бы имѣли еще болѣе драгоценныхъ данныхъ о жителяхъ Закавказья, но дошедшія до насъ передѣлки, напр. Аполлонія Родосскаго и Валерія Флакка такія позднія произведенія, что не представляютъ собою никакого цѣннаго этнографическаго матеріала.

Второе древнее свидѣтельство о грузинскомъ языкѣ мы находимъ у Ксенофонта. А именно, въ своемъ описаніи „Отступленіе 10.000 грековъ“ (Anabasis, V, 4) онъ пишетъ, что, выступивъ изъ города Керасунта, греки вошли въ предѣлы моссиниковъ, т. е. обитающихъ въ Моссинахъ. Что такое „моссины“, видно изъ слѣдующихъ словъ (см. Anabasis, V, 4, 26):

„Когда греки вошли въ столицу моссиниковъ, то варвары разбѣжались, а царь ихъ, котораго они держали взаперти въ Моссинѣ и тамъ на общественный счетъ кормили, не захотѣлъ оставить Моссинѣ и тамъ же сгорѣлъ съ оружіями его въ этомъ Моссинѣ, выстроенномъ на высокомъ мѣстѣ“.

Итакъ, моссинъ есть зданіе, высокая башня, каковыя и нынѣ часто встрѣчаются въ горахъ Сванетіи. Очевидно слово моссинъ = *მოსინი* соответствуетъ грузинскому:

мошене, мошенеба = зданіе, строеніе *).

*) Это слово и произвожу отъ грузинскаго слова *შინი* домъ и обычной приставки *მო* для показанія дѣйствателя (мо-камате, мо-урде); *სალი*, домъ, *მოსალი*, „находящій домъ“. Также *მოშინი* (мошинева), „люди, живущіе въ домахъ“, домовитые.

А что моссиники были чисто грузинскаго племени или, можетъ-быть, лавы, это видно изъ этнографическихъ чертъ о ихъ бытѣ. Такъ, Ксенофонтъ продолжаетъ далѣе (I. с. § 27—28):

„Греки, при разграбленіи жилищъ, находили склады хлѣба, какъ въ зернахъ, такъ и въ колосьяхъ—преимущественно полбу, значительные запасы въ сосудахъ приготовленныхъ въ прокъ кусковъ мяса морскихъ дельфиновъ, а также жиру дельфиновъ, которое туземцы употребляютъ какъ греки—деревянное масло. На чердакахъ находили большія количества орѣховъ плоскихъ и безъ швовъ (т. е. каштановъ), которыми преимущественно питаются. Вино оказывалось въ чистомъ видѣ слишкомъ кислымъ и крѣпкимъ, но разбавленное водой было пріятнымъ и пахучимъ. (§ 32). Имъ показывали дѣтей знатныхъ и богатыхъ, воспитываемыхъ не у себя дома, а у дружественнаго племени (какъ и нынѣ водится въ Абхазіи и среди черкесовъ), ихъ кормили отваренными каштанами“.

Грузинскія письма, какъ извѣстно, двойя: во-первыхъ, церковныя, хуцури, изобрѣтенныя въ IV столѣтіи Месробомъ *)—и во-вторыхъ, гражданскія—мхедрули (собственно значить военныя), начертаніями своими нѣсколько напоминающія греческій алфавитъ. Происхожденіе ихъ неизвѣстно, но кажется, что это самый древній національный алфавитъ, исконно употреблявшійся въ Грузіи. Начертанія мхедрули очень схожи съ начертаніями древняго зендскаго алфавита, если читать отдѣльно знаки сего послѣдняго съ лѣва направо, а не съ права на лѣво; напр. въ грузинскомъ буквам пишется: Յ, а въ зендскомъ—какъ разъ навыворотъ и т. д.; поэтому очень вѣроятно, что письма, какъ и вообще древняя образованность, проникла въ Грузію изъ Ирана.

*) Изобрѣтеніе Месробомъ грузинскаго хуцури въ настоящее время опровергается. М. Дж.

Корни грузинскаго языка, какъ уже давно замѣтилъ д-ръ Розенъ (см. Rosen, Ueber die Sprache der Lazen. 1844), вообще односложны, а въ двусложныхъ словахъ второй слогъ: ли, ми, и, есть просто приставка—суффиксъ. Напр.

цхе-ни=лошадь

ѣка-ли=вода

заѣ-ли=собака *)

ер-и=народъ, и т. д.

Въ этомъ можно всего легче убѣдиться, просматривая списокъ грузинскихъ корней, помѣщенный въ концѣ Грузино-Русско-Французскаго словаря Чубинова, стр. 707 и слѣд. Въ грузинскомъ языкѣ сохранились многіе корни, общіе прочимъ индо-европейскимъ языкамъ, но такъ какъ, по всему видно, что грузинскій языкъ очень рано отдѣлился отъ прочихъ родственныхъ ему языковъ, то онъ огрубѣлъ и одичалъ въ своемъ уединеніи: климатическія условія, напр. близость горъ, породили тѣ тяжелыя придыханія и пришипѣнія, гортанныя и зубныя, затемняющія первоначальный корень, при этомъ носовые звуки и гласныя часто скрадывались въ произношеніи, такъ что нерѣдко выходитъ сочетаніе согласныхъ, совершенно неудобнопроизносимое для европейца.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ:

1. Грузинское слово: мта=гора, очевидно соотвѣтствуетъ латинскому: mont-s. При этомъ, носовой звукъ выпалъ и остались одни коренные согл. звуки: мт.

2. Цмида=свѣтлой, *świenty* (польск.), цминда=чистый, *mundus* (латинск.). Во второмъ словѣ носовой звукъ остался, но является зубное пришипѣніе.

*) Ли=ари, есть; и потому: мамали (пѣтухъ), букв. значить отецъ (мама)—есть (ли); дедали (курца, самка), букв. мать (деда), есть (ли); заѣли (собака), букв. заѣ (въ сванс. цѣѣ, собака), ворчунья есть (ли); ѣма дѣлать, ѣмари мужъ, букв. дѣлатель есть.

3. (Nom. Бмерѣи), род. Буѣиса=Богъ.

Корень: буѣ соотвѣтствуетъ очевидно нѣмецкому: Gott, перс. Худа.

4. зли=льзя, напр.

ше-ми-зли-ан=я могу,

состоить собственно изъ четырехъ словъ: первое слово есть предлогъ: ше, шемо; второе слово: ми служить взаимнѣ личнаго мѣстоименія перваго лица; третье слово: зли есть причастіе: злеули, отъ глагола: злева; четвертое слово: ан есть, третье лицо множественнаго числа отъ глагола быть: ариан. Слово въ слово:

ше-ми-зли-ан=миѣ льзя сугъ, а

ше-ми-зли-с=миѣ льзя есть;

здѣсь послѣдняя буква с замѣняетъ собою третье лицо единственнаго числа:

арис=онъ есть.

5. Нд-ома=надо, напр.

ми-нда=миѣ надо=я хочу

ги-нда=тебѣ надо=ты хочещь

у-нда=ему надо=онъ хочеть.

6. Хед-ва=вид-ѣть=იხილ=vid-ere.

Придыханіе губное v замѣнилось здѣсь придыханіемъ гортаннымъ: х.

7. Им-ѣть=იხ-ე-ი-ნ=hab-ere=hab-en.

Сюда относятся грузинскіе глаголы: йона, кола *) имѣть.

м-а-йв-с=миѣ имѣтся=я имѣю

г-а-йв-с=тебѣ имѣтся=ты имѣешь

а-йв-с=ему имѣтся=онъ имѣеть;

м-кав-с г-кав-с н-кав-с.

8. Рек-у, ჯრჳთ, груз. рѣума, сказать, говорить.

*) Йона, имѣть (говорится о неодушевленномъ предметѣ), кола, имѣть (говорится объ одушевленномъ предметѣ).

Сюда относятся формы:

в-арѣо, в-рѣв-ам=я реву
арѣо, рѣв-а=онъ речеть.

9. Сид-ѣть=sed-eo=სეო, სეო.

Грузинскія формы:

в-зи=я сижу

(в-ц-ди) ви-цед (ви-цек)=я сидѣть.

10. Гвир-гви-ни=вѣи-ецъ, корона.

Замѣтимъ здѣсь удвоеніе корня: гвир-гви, суффиксъ: ни.

Иногда этимологическое родство корней труднѣе распознать, напримѣръ:

1. М-зе *)=ḡλ-τοσ=sol=сол-нце.

Здѣсь буква м есть префиксъ, часто встрѣчающійся въ грузинскомъ языкѣ, напр.

м-швидоба, м-цемели, м-побели и т. д.

Греческое придыханіе замѣнилось, какъ въ латинскомъ и русскомъ, шипящею с, а послѣдняя буква отпала.

2. Зѣва=See (нѣмецк.)=море **).

На первый взглядъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства между грузинскимъ и нѣмецкимъ словомъ. Однако стоитъ только обратиться къ готескому переводу евангелія Ульфилы и мы находимъ тамъ (напр. Ев. Лус. V, 1 и 2) слово море, выраженное чрезъ: saihvs, и такъ:

зѣва=saihv-s,

полное тождество, такъ какъ окончаніе s есть суффиксъ.

3. Цецхли=agni (санскр.)=ign-is (латинск.), огонь.

Тутъ рѣшительно не видно никакого подобія, но напишемъ грузинское слово слѣдующимъ образомъ:

цхе-цхе-ли=ig(n)-ig(n)-is,

*) Въ мингрельскомъ бѣа солнце и молоко; въ сванс. миж солнце; въ нигл. зей солнце и молоко (въ груз. рзе и сзе молоко, въ сванс. цце молоко). М. Дж.

**) Древняя форма произношенія зѣва (въ сванс. зува). М. Дж.

т. е. корень является съ удвоениемъ и съ зубнымъ пришипленіемъ и наконецъ съ суффиксомъ: ли.*).

4. Цка-ли=ақи-а (лат.)=ар-а (оск. и румынск.)=аа (жельтич. и германск.)=вода**).

Здѣсь: џ есть зубное пришипленіе, ка есть корень, соответствующій корнямъ: ақи, ар, а, и т. д., ли есть суффиксъ.

5. Брзе-ни=мудрый, мадру (польск.).

Здѣсь носовой звукъ выпаль, губной звукъ б замѣняетъ звукъ м, наконецъ здѣсь видна перестановка—metathesis согласнаго р, очень часто встрѣчающаяся въ грузинскомъ, напр.

рзали=сзали,
брма=рбма,
мадриели=мадлиери и т. д.

6. Брма=глубокій, gięboki (польск.)***).

Здѣсь носовой звукъ выпаль, звукъ р замѣнилъ собой звукъ л, а звукъ м—звукъ б.

Въ особенности названія многихъ частей тѣла въ грузинскомъ напоминаютъ собою греческіе и германскіе корни, напр.

твали=ὄφθαλμός=глазь

тави=caput=голова

хели=χεῖρ (χερ.)=рука****)

кури=aur-is=ухо*****)

*) Цхели значить горячій, цхе(л)-цхели, весьма горячій, жгучій. М. Дж.

**) Вѣроятно изъ этого же корня слова: ца; (ჯა), колодець (въ мингр. цки), цкаро (въ мингр. ница), источникъ, груз. цкали=мингр. цкари=сван. ниц и лиц (лицъ въ груз. удержалось въ формѣ лицилици, полный водою). М. Дж.

***) Др. груз. бурума=бримей, глубокой. М. Дж.

****) Корень хе, потому что въ мингр. хе, рука, что наблюдается и въ словѣ хе-мциѣ, хел-мциѣ=жержавный, государь, букв. рука—зрѣлая.

*****) Въ мингр. кичи.

М. Дж.

гули = *xṭr* (*xṭar*) = сог = сердце *).

ḡexи = лобс = рес = нога

кeли = *Kehle* (нѣм.) = шея

хорхи = *Gurgel* (нѣм.) = глотка

куди = *cauda* = хвостъ

цхвири = *ḡs* (вор. *ḡv*) = носъ.

Въ послѣднемъ примѣрѣ, мы видимъ, во-первыхъ, зубное пришипѣніе: ц, потомъ греческое придыханіе: ḡ — чрезъ *metathesis* — замѣнилось придыханіемъ: хвир.

Грузинскія буквы *ḡ* = ц, *v* = џ замѣняютъ собою часто русское и польское: ж, џ, напр.

цда = ждать

цховели = живой

цва = жечь

цкалоба = жаль (милость)

цадили = *żądanie*, желаніе

мцадс = *żadam*, мнѣ желается

цо-ли = жена **);

иногда они соотвѣтствуютъ русскому з, напр.

цвева = звать

цноба = знать

мцване = зеленый;

иногда русскому х, напр.

цуди = худой ***).

Приведемъ еще нѣкоторые этимологическія аналогіи:

дѣ = *dies* = день ****)

рѣа = рогъ = *xṭra-s*

бана = *balneum* = баня

*) Сюда же нужно отнести слово м-кери, грудь (ср. съ лат. сог, корcord, греч. καρδία). М. Дж.

**) Сюда же, вѣроятно, относится: чена, родить. М. Дж.

***) Цуди знач. плохой. Слово худѣть соотвѣтствуетъ груз. худома (хдома), худѣть. М. Дж.

****) Въ сван. (ла)-дѣб, дѣль. М. Дж.

чѣара=скоро *)
 карги=хорошій **)
 сули=soul (англ.)=Seale (нѣм.), душа ***)
 хар-еба=χαῖρος=радость
 хврата=verteere=вертѣть (дыравить)
 хмареба=χράσσει=употреблять
 хвева=об-вивать ****)
 квавили=kwiat. (польск.); цвѣтъ
 квѣтели=желтый
 зори=χοῖρος=кабанъ
 ꙗрта=πτερον=крыло
 пирвели=primus=первый
 ꙗривели=repna, repna, repnix=перчатый
 рбева=gaub-en (нѣм.), похищать
 кѣтхва=читать
 кѣа=камы (слав.)=камень
 кмари=μαρ, ματῆς=мужь ****)
 ꙗера=γράφειν=scribere=скребу, писать
 стумари=host-is=гость *****)
 джера=вѣрить *****)
 хани=χρόνος=время
 брубели= nub-es=облако
 ꙗевзи=ἰχθυος=рыба
 пури=πυρος (пшеница)=пырей, хлѣбъ
 бвино=οἶνος=вино и т. д.

-
- *) Въ мингр. чѣаро. М. Дж.
 **) Въ сваяск. хоча, хорошо. М. Дж.
 ***) Въ мингр. шури, въ свая. ꙗвин, душа. М. Дж.
 ****) Хвева также знач. об-хватывать. М. Дж.
 *****) Въ сваяск. маре, мужь, человекъ. М. Дж.
 *****) Народн. сумари. М. Дж.
 *****) Ср. съ лат. jus, juris. М. Дж.

Изъ прилагательныхъ замѣтимъ:

ѣби-ли=ter-idus=теп-лый

мава-ли=mag-nus=многій

шави=schwarz=черный

бирси=dignus=достойный

брма=глубокий

пирвели=primus=первый

ори=al-ius, al-ter=ἄλλος=другой

цуди=худой

цховели=живой

звели=vetus=ветхий

звири=theuer (нѣм.)=драг-ий (дорогой)

зала=сила, залажи=сильный

мргва-ли (грвали, гургвали)=круг-лый

Замѣтимъ здѣсь: metathesis: грва=грва.

Отъ санскритскаго: pati, всѣ индо-европейскіе языки имѣютъ многія производныя формы. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ:

въ греческомъ: πατήρ,

въ латинскомъ: pater, patronus,

въ нѣмецкомъ: Vater,

въ русскомъ: бать-ко, господинъ, папъ,

въ грузинскомъ:

бато-ни, патрони (батрони), patronus=господинъ

У-па-ли=Господь

ме-пѣ, се-пѣ=царь

пативи, пати-осани=честный.

Корень существительнаго глагола *быть* въ санскритскомъ: as. Отсюда посредствомъ личныхъ суффиксовъ: mi, si, ti, образуется:

as-mi=ес-мь

a(s)-si=e(c)-си

as-ti=ес-тъ.

Въ грузинскомъ звукъ *s* перешелъ въ *г* (какъ въ англійскомъ); вмѣсто двухъ первыхъ личныхъ суффиксовъ: *mi*, *si*, являются личные префиксы:

для перваго лица: *им* (*м*, *о*)

для втораго лица: *иг* (*г*, *х*),

а для третьаго лица является не префиксомъ, но суффиксомъ: *ис*; итакъ, получаютъ формы:

в-ар=as-mi=ес-мь

х-ар=a(s)-si=e(c)-си

ар-ис=as-ti=ес-ть,

а во множественномъ:

в-ар-ѣ=ес-ми

х-ар-ѣ=ес-те

ар-нан=сутъ.

Перейдемъ теперь къ отдѣльнымъ грамматическимъ формамъ, а сперва къ *склоненіямъ*. Замѣтимъ здѣсь, что винительный падежъ не имѣетъ въ грузинскомъ окончанія, отличнаго отъ именительнаго, зато есть особенный падежъ—повѣствовательный, съ окончаніемъ—*ман*. Окончаніе родительнаго есть: *иса*, окончаніе дательнаго: *са*, напр.

Nom. *кац(и)=мужъ*

Gen. *каци-са=мужа*

Dat. *кац-са=мужу.*

Видна довольно явственная аналогія между этими окончаніями и соотвѣствующими окончаніями тѣхъ же падежей въ греческомъ, латинскомъ и германскихъ языкахъ, напр.

	Им.	Род.	Дат.
<i>греч.</i>	<i>γένος</i>	<i>γένε(σ)ος</i>	<i>γένε(σ)ι=родъ</i>
<i>лат.</i>	<i>honor</i>	<i>honor-is</i>	<i>honor-i=честь</i>
<i>гот.</i>	<i>hana</i>	<i>hanins</i>	<i>hanin=пѣтухъ</i>
	<i>tuggó</i>	<i>tugg-óns</i>	<i>tugg-ón=языкъ</i>
<i>нѣм.</i>	<i>mann</i>	<i>mann-es</i>	<i>mann-e=мужъ</i>

Звательный падежъ оканчивается на о, а повѣствовательный на ман, напр. каци, кацо, кацман.

Наконецъ, есть еще два падежа, соответствующіе латинскимъ: *ablativus instrumentalis*—на иѣ и ѣа и *ablativus modalis*—на ад, напр.

кац-иѣа или кац-ѣа и кац-ад.

Относительно окончанія иѣа можно указать на аналогическое древнее окончаніе творительнаго падежа въ италійской вѣтви индо-европейскихъ языковъ, напр. въ древне-латинскомъ, осекскомъ и т. д., гдѣ этотъ падежъ оканчивался на звукъ t, а впоследствии—на d, напр.

magit=magi, extrad=extra,

какъ можно еще видѣть изъ знаменитой надписи Думлія на *columna rostrata*. Въ ново-латинскомъ языкѣ слѣды этого окончанія остались только въ очень немногихъ формахъ, напр. *istud*, а вообще этотъ конечный звукъ, начиная съ 3-го столѣтія до Рожд. Хр., и въ особенности около середины 2-го, совершенно изгладился, въ осекскомъ же нарѣчій остался до послѣдняго времени осекской письменности, какъ это видно изъ многихъ надписей на развалинахъ Помпеи.

Множественное число имѣетъ въ грузинскомъ два окончанія *): древнѣйшее на: ни, а новѣйшее на: еби. Къ послѣднему прибавляются всѣ падежныя окончанія единственнаго числа. Окончаніе: ни измѣняется въ косвенныхъ падежахъ въ окончаніе: ѣа, въ звательномъ падежѣ переходитъ въ: но. Такъ, напр., отъ слова каци можно образовать слѣдующія формы множественнаго числа:

Nom.	кацеби	кацни
Gen.	кацебиса	кацѣа
Dat.	кацебса	кацѣа
Abl. I	кацебѣа	кацѣа
Abl. II	кацебад	кацѣа

*) Есть еще третье ѣа, напр. кацѣа стѣквес, люди сказали. М. Дж.

Вос. вацобо : вацо.

Прилагательныя склоняются совершенно какъ существительныя. родовыхъ измѣненій въ грузинскомъ нѣтъ.

Суффиксы, выражающіе въ грузинскомъ языкѣ падежныя окончанія суть, какъ кажется, косвенные падежи указательнаго мѣстоимѣнія: ис, ес. Нѣчто аналогическое встрѣчается въ германскихъ и славянскихъ нарѣчіяхъ, что особенно ясно высказывается въ склоненіи прилагательныхъ. Эти суффиксы, въ особенности въ древнемъ языкѣ, еще не совсѣмъ потеряли первоначальное значеніе самостоятельныхъ словъ; поэтому ихъ подвижность, подобно послѣлогамъ (post-positiones): ган=изъ, ши=шии=шина=въ и т. д., и то, что одно и то же слово можетъ имѣть въ одно и то же время нѣсколько такихъ суффиксовъ, при чемъ они могутъ перемѣнять мѣста свои, напр.

—ѣа-ган
—ѣа-ган-са
—ѣа-ган-ман
—ѣа-са
—са ѣа
—са-ни
—са-са

Примѣры:

Nom. ерѣи мона-ѣа-ган=одинъ изъ слугъ

Dat. ерѣса мона-ѣа-ган-са=одному изъ слугъ

Ев. Лус. XV, 26

аравин маѣ вац-ѣа-ган-ман=никто изъ тѣхъ мужей

Ев. Лус. XIV, 24

Nom. аѣдгома марѣал-ѣа=воскресеніе праведныхъ

Dat. аѣдгома-са марѣал-ѣа-са=воскресенію праведныхъ

Ев. Лус. XIV, 14

Nom. сахели Уїли-са=имя Господне

Gen. сахелиса Уїли-са-са=имени Господня

Abl. I сахели-ѳа Уѳли-са-ѳа=именемъ Господнимъ

Ev. Luc. XIII, 35

моймедни урджуло-еби-са-ни=дѣлатели неправды

Ev. Luc. XIII, 27

Nom. мпринвел-ни ци-са-ни=птицы небесныя

Gen. мпринвел-ѳа ци-са-ѳа

Ev. Luc. XIII, 19.

Сюда же относится слѣдующая грамматическая особенность: если два, три прилагательныхъ стоятъ другъ за другомъ, то обыкновенно падежныя окончанія прилагаются или къ послѣдному или къ первому, напр.

мравал-ни ариан тхинебул, да мдиред-ни ртхеул=
много званныхъ, мало избранныхъ.

Ev. Luc. XIV, 24.

Перейдемъ къ *личнымъ местоименіямъ*.

Первое лицо.

Въ санскритскомъ первое лицо выражается чрезъ:

ag(h)-am=я;

отсюда получаются для европейскихъ языковъ двѣ формы: первая для именительнаго падежа:

(іон. ἐγών) ἐγώ=ego=(гот. ik)=ich=азь=я;

вторая (am) для косвенныхъ падежей, напр.

(іон. ἐμεῖο) ἐμεῖο=mei=(гот. meina)=meiner=меня.

Первой формы въ грузинскомъ нѣтъ, а встрѣчается только вторая: ме. Въ косвенныхъ падежахъ является зубное приращеніе че, напр.

Nom. ме=я

Gen. че-ми=меня (собст. мой; первоначальная форма
тоже: ме

Dat. че-мда=мнѣ

Abl. I че-митъ }
Abl. II че-мадъ } мною.

Во множественномъ числѣ является тоже зубное припи́тїе ч и, кромѣ того, перестановка (metathesis) коренного согласнаго: н:

ч-вен=(слав. вин. ны) мы=нос=вѣ. (dual.) (гот. weis) wir *).

Второе лицо.

ше(н)=санскр. tvam=зэнд. tūm=сб (вѣст. тобу, ион. τόνη)=tu=du=ты.

Греческій шипящій с усилился и перешелъ въ припи́тїе: ш. Послѣдній звукъ н есть слѣдъ суффикса: ни, такъ что первоначальная форма была вѣроятно: ше-ни **).

Во множественномъ числѣ мы опять встрѣчаемъ зубогортанное придыханіе: фѣ.

фѣ-вен=vos=вы=срѣѣ (dual.).

Третье лицо.

Личное мѣстоименіе третьяго лица замѣняется обыкновенно въ индо-европейскихъ языкахъ тремя указательными мѣстоименіями, а именно указывающими на первое, на второе и на третье лицо, при чемъ звуки: n, s, t, соотвѣтствуютъ каждый отдѣльному лицу, но при этомъ замѣчается, что въ различныхъ языкахъ эти звуки не соотвѣтствуютъ тому же лицу; напр. въ армянскомъ: օս соотвѣтствуетъ первому лицу (см. Основанія Гайканскаго языка, Бероева, С.-Пб. 1850, стр. 73), въ русскомъ же: сей, и въ латинскомъ: is соотвѣтствуютъ второму лицу, а въ грузинскомъ: ის, ეს соотвѣтствуютъ третьему лицу. Итакъ, мы составимъ таблицу, гдѣ приписанныя цифры означаютъ лицо, къ которому относится указательное мѣстоименіе:

армянск. на (3)	са (1)	та (2)
латинск. (ol-le=on-le) il-le (3)	is (2)	hic (1)

*) Въ сван. нѣ=мы (нѣ срав. съ др.-груз. чусе-на, мы). М. Дж.

**) Ше=мингр. си и сван. тоже си, ты. М. Дж.

руск. онъ (3) сей (2) этотъ (1)
грузинск. им, ем (1) ис, ес (3) иг, ег (2) *).

Вопросительныя мѣстоименія въ грузинскомъ:

вин=санс. kas=quis=(др.-нѣм. hwerg) wer=(кто) кто
 ра=санс. kat=quid=(др.-нѣм. hwaz) was=(что) что.

Замѣтимъ здѣсь, что для различныхъ вопросительныхъ частицъ и мѣстоименій каждый языкъ имѣетъ свои характеристическіе согласные, напр.:

въ латинск.: qu—quis, quo, quantus и т. д.

въ греческ.

аттическ.: π—πῶς, πῶς, πῶ, πῆ,

іоническ.: κ—κὼς, κῶς, κὼ, κῆ и т. д.

въ русскомъ: в—кто, какъ, куда и т. д.

въ нѣмецк.: w(hw)—wer, was, welcher и т. д.

въ грузинск.: р—ра, рогор, риствис и т. д.

Перейдемъ въ числительнымъ. Мы ихъ можемъ раздѣлить на три категоріи:

I. Числительныя, не представляющія никакого сходства съ индо-европейскими. Сюда относятся:

3=сами (мингр. суми, сван. семи)

8=рва

9=цхра

10=ати

100=аси.

II. Числительныя ясно—индо-европейскія, а именно:

6=евси=санс. shash=гот. saihš=sex=ᚼᚰ

7=санс. sapta=septem=гот. sibun=швиди=

ᚱᚱᚰ=слав. седьмъ.

*) Мѣстоим. 3-го лица единственнаго числа:

Груз. ман(а), итап, маган, еман; ис(и), ес, айс; иг(и), ег(е), аги; и, е, а, и.

Мингр. ина (ѳина), (ѳ)ена.

Сванск. аца, ала, еѳи (ца).

М. Др.

III. Числительныя, представляющія только неясные слѣды этимологическаго сходства, напр.

1=ер-ѣи=εἷς (изъ εἷς=unus=ein(s)=(сл. е-ди-н-ъ)
однѣ).

Здѣсь: ѣи есть, очевидно, приставка (не слав. ли *ди*?), звукъ р могъ замѣнить первоначальный звукъ: н, такъ что, быть-можетъ, первобытная форма была: еи-ѣи.

2=ори=al-ius, al-ter=ἄλ-λος

4=отхи=санс. katvaras=τέσσαρες=гот. fidvor=
(сл. четыре) четыре

5=хуѣи=пѣнѣ=funf=пять.

Здѣсь носовой звукъ сгустился въ гласный: у, а губное придыханіе замѣнилось гортаннымъ:

20=оци=εἴη-οσι=vig-inti.

Изъ порядковыхъ замѣтимъ:

первели=primus=первый.

Въ нумерации видны слѣды двадцатичной системы, напр.

20=оци

30=оц-да-аѣи

40=ор-м-оци

60=сам-оци

80=отх-м-оци

Такъ и во французскомъ мы встречаемъ:

20=vingt.

80=quatre-vingts

120=six-vingts

300=quinze-vingts

(извѣстная больница для 300 слѣпыхъ въ Парижѣ).

Разсмотримъ теперь *малольныя* формы грузинскаго языка. Въ индо-европейскихъ языкахъ обыкновенно къ глагольной основѣ прибавляются при спряженіи суффиксы, соотвѣтствующіе личнымъ мѣстоименіямъ. Такъ, отъ глагольныхъ основъ: аs, es, образуется въ санскритскомъ и славянскомъ:

as-mi	ес-мь
a(s)-si	е(с)-си
as-ti	ес-ть и т. д.

Съ теченіемъ времени личное значеніе этихъ суффиксовъ сгладилось, такъ что въ новѣйшихъ языкахъ уже нужно прибавлять спереди личное мѣстоименіе, для яснаго опредѣленія лица говорящаго, напр.

я люблю=ich liebe

ты любишь=du liebst и т. д.

Въ грузинскомъ мы видимъ, что къ глагольной основѣ приставляются, для перваго и втораго лица, не суффиксы, а префиксы, третье же лицо образуется, сходно съ прочими индо-европейскими языками, съ помощью суффикса.

Префиксы для перваго лица суть: в, м, гв;

для втораго лица: х, h, г;

суффиксы для третьаго лица суть: ис, с, ан, ен.

При этомъ личное значеніе префиксовъ и суффиксовъ тоже съ теченіемъ времени затемнилось и изгладилось, такъ что теперь говорятъ:

ме вар=я есмь

шен хар=ты еси

мрѣва ме=онъ сказалъ мнѣ.

Эти префиксы и суффиксы, очевидно, произошли отъ личныхъ указательныхъ мѣстоименій, а именно:

для 1-го лица: им, ем

для 2-го лица: иг, ег

для 3-го лица: ис, ес.

Замѣтимъ при этомъ, что эти личные префиксы могутъ относиться не только въ подлежащему:

я, мы, ты, вы,

но и къ дополненію глагола:

мнѣ, меня, насъ, намъ,

тебѣ, тебя, васъ, вамъ,

а именно, къ подлежащему относятся: в, н,
къ объекту или дополненію:

м, ме, ми=миѣ, меня

гу, гве, гви=намъ, насъ

г, ге, ги=тебѣ, тебя и вамъ, васъ;

напр., возьмемъ глаголь:

рѣма=речь, сказать;

отсюда получаютъ безотносительныя формы:

варѣо=я реку

арѣо=ты речеши

рѣва=онъ речеть,

а съ дополненіемъ, на примѣръ:

амистѣис гарѣв тѣвен=потому я вамъ говорю

Ev. Joh. VI, 65

врѣва мас=я скажу ему

Ev. Luc. XV, 18

мас жамса врѣва маѣ=тогда я скажу имъ

Ev. Matth. VII, 25

мрѣвас=онъ речеть миѣ

Ev. Matth. VII, 21

грѣвас=онъ речеть вамъ

Ev. Luc. XIII, 25

грѣвас чвен=онъ скажетъ намъ

Ev. Marc. XI, 31

мрѣван ме=скажутъ миѣ

Ev. Matth. VII, 22

рѣва мас земан=сказалъ ему сынъ

Ev. Luc. XV, 21

Уѣалман мрѣва ме=Господь сказалъ миѣ

Psalms. II, 7.

а также:

ар гцини тѣвен=я не знаю васъ

Matth. VII, 23

геткви ἴβεν=я говорю вамъ

Матс. XI, 24

гкѣтхо меца ἴβен=я также спрошу васъ

Матс. XI, 29

ме гитхра ἴβен=я скажу вамъ

Матс. еод.

ме наѣл гцем ἴβен=я вресу васъ

Matth. III, 11

ара дамбаане перхни чемни=ты не умоешь моихъ ногъ

Joh. XIII, 8

укеѣу ара дамбаане шен перхни=если я не умою твоихъ ногъ

Joh. еод.

ешмакни дагвеморчлебнан=бѣсы повинуются намъ

Лус. X, 17.

сулни дагеморчлебнан=духи повинуются вамъ

Лус. X, 20.

Грузинскія спряженія хотя не такъ развиты, какъ греческія, однако во многомъ напоминаютъ греческія глагольныя формы. Такъ, напр., въ греческихъ спряженіяхъ мы различаемъ чистую глагольную основу и распространенную основу. Эта послѣдняя встрѣчается только въ настоящемъ (praesens) и прошедшемъ несовершенномъ (imperfectum), въ остальныхъ же временахъ встрѣчается чистая глагольная основа.

Напр. отъ глаголовъ:

φεύγειν, λέγειν, λαμβάνειν, εδρίσκειν, λαμβάνειν,

чистая основа будетъ:

φуг, лѣп, лаѢ, эбр, лаѢ.

распространенная же:

φευγ, лѣп, лаѢѡѡ, лаѢѡѡ, эбріск.

При этомъ распространенная основа образуется или удлинненіемъ коренного гласнаго или прибавленіемъ цѣлаго слога.

Точно также и въ грузинскомъ, отъ глаголовъ:

шенеба, китхулоба

распространенная основа есть:

шенеб, китхулоб,

а чистая основа есть:

шен, китх.

Первая встрѣчается только въ praesens и въ imperfectum indicativi и conjunctivi, а именно:

Praes. : : вашенеб, китхулоб = я строю, спрашиваю

Imperf. ind. вашенебди, китхулобди = я строилъ, спрашивалъ

Imperf. conj. вашенебде, китхулобде = что я строилъ, спрашивалъ;

напротивъ въ Aoristus, Futurum conjunctivi и Imperativus встрѣчается только чистая основа; напр.

Aoristus вашене, китхе = я построилъ, спросилъ

Fut. conj. вашено, китхо = что построю, спрошу

Imperat. ашене, китхе = строй, спроси.

Въ приведенныхъ примѣрахъ распространенная основа образуется прибавленіемъ цѣлаго слога, въ другихъ же случаяхъ она образуется удлиненіемъ коренного гласнаго, напр. въ глаголахъ:

марѣва, биева, бма, цкена

распространенная основа есть:

марѣв, биев, бам, цкен,

а чистая основа есть:

марѣ, би, би, цкин.

Относительно время прошедшихъ замѣтимъ, что грузинскій глаголъ имѣеть прошедшее несовершенное (imperfectum), аористъ (aoristus) и прошедшее совершенное (perfectum).

Аористъ, напр.

вѣере, : : : : : вашене

я написалъ, я построилъ и т. д.

у Чубинова называется прошедшимъ совершеннымъ, а прошедшее совершенное, напр.

мицѣрна, мишенебиа и т. д.

называется у него давнопрошедшимъ, но, мнѣ кажется, неправильно.

Формы подобныя слѣдующимъ:

вцѣре, вашене,

выражаютъ безотносительно прошедшее и суть поэтому настоящіе греческіе аористы, а формы:

мицѣрна, мишенебиа

суть настоящія perfecta praesentia passivi:

мною написано есть mihi (вмѣсто: а me) scriptum est
moĭ γέγραπται,

такъ что это суть по настоящему формы страдательныя, а именно:

ми-цѣри(ли)а(рис) = мною написано

ги-цѣри(ли)а(рис) = тобою написано

у-цѣри(ли)а(рис) = имъ написано.

Поэтому-то окончаніе всѣхъ трехъ лицъ единственнаго числа не измѣняется, а также окончаніе всѣхъ трехъ лицъ множественнаго числа:

гвицѣрна = нами написано

гицѣрнаѣ = вами написано

уцѣрнаѣ = ими написано.

Поэтому-то лицо дѣйствующее, напр. пишущее, ставится въ дательномъ падежѣ *):

Давиѣс дауцѣрна цигни

Davido scripta est epistola

Давиѣс: γέγραπται ἐπιστολή.

Сюда же относятся многіе глаголы, которые, имѣя и

*) Но не всегда, напр. Давиѣс цѣрс цигнис (цигнис дат. пад.)

Иване ашенебс сахлс (сахлс дат. пад.)

М. Дж.

формы действительнаго залога, спрягаются также и въ этой страдательной формѣ, напримѣръ:

ми-кварс==миѣ люблю (есть)==я люблю (или: в-квароб)

ме-смис==миѣ слышится==я слышу (или: в-исмен)

м-рѣамс==миѣ вѣрится==я вѣрю и т. д.

мо-мѣонс==миѣ нравится

ми-нда==миѣ надо==я хочу

м-айвс==миѣ имѣется==я имѣю.

При этомъ, вмѣсто сокращеннаго окончанія 3-го лица единственнаго числа глагола *быть*, именно: а(рис) или (ари)с *), встрѣчается сокращенное окончаніе 3-го лица множественнаго числа, а именно: ари(ан), напр.

м-шіан==миѣ голодно

м-кнан==миѣ имѣется;

иногда встрѣчаются обѣ формы разомъ, напр.

ше-ми-зис и ше-ми-злиан==миѣ лѣзя

ме-шинис и ме-шиниан==миѣ странно

м-рѣхвенис и м-рѣхвениан==миѣ стыдно **);

при этомъ дѣйствующее лицо ставится постоянно въ дательномъ падежѣ, напр.

Давитс Бмертѣ рѣамс==Давиду Богъ вѣрится, т. е. Давидъ вѣритъ въ Бога.

Относительно будущаго времени замѣтимъ, что грузинскій языкъ имѣетъ два будущія: будущее несовершенное, напр.

вѣер==я буду писать,

не отличающагося формою отъ настоящаго, и будущее совершенное:

*) А(рис) есть глаголъ существительный, а коѣа то же, что *быть*.
М. Дж.

**) Здѣсь с значить онѣ, ан—они: мѣрис==м-ѣри-с
меня-рѣжетъ
м-ѣри-ан
меня-рѣжутъ.

давѣцѣр=я напишу.

Замѣтимъ здѣсь поразительную аналогію съ русскимъ будущимъ совершеннымъ. Кромѣ русскаго (и вообще славянскихъ нарѣчій) и грузинскаго, я не знаю ни одного языка, гдѣ бы отъ прибавленія предлога значеніе настоящаго измѣнялось въ будущее, или правилыѣе, чтобы этимъ видъ глагола изъ несовершеннаго измѣнялся въ совершенный.

Въ условномъ или сослагательномъ наклоненіи есть еще будущее на о, напр.:

вѣцѣро=что я напишу;

впрочемъ есть, хотя рѣдко, примѣры будущаго на о, чисто изъявительнаго наклоненія, напр.:

ме гвѣтхо тѣвен=я спрочу васъ

Магс. XI, 29.

Кромѣ будущаго, условное или сослагательное наклоненіе имѣеть еще прошедшее несовершенное со значеніемъ настоящаго, какъ въ русскомъ, напр.:

вѣцѣрде=чтобы я написалъ;

и двѣ формы для прошедшаго совершеннаго, а именно:

мецѣра (видъ однократный) и мецѣрос (в. многократный).

Мнѣ кажется, что эти формы образовались изъ *perfectum*'а *indicativi*:

мицѣрна, мицѣрниес,

по закону сохраненія типа (у нѣмцевъ: *das Gesetz der Permanenz*). Въ чемъ состоитъ этотъ законъ, можно наглядно видѣть изъ латинскихъ страдательныхъ формъ:

amamini, legimini.

Последняя форма, напр., совершенно соотвѣтствуетъ греческой формѣ:

λεγόμενοι ἐσθε,

съ пропущеніемъ вспомогательнаго глагола. Однажды, усвоивъ себѣ эту форму, гений языка сталъ ее примѣнять и въ

такихъ случаяхъ, гдѣ никогда не существовало соответствующихъ причастій, напр.

აშავამინი, აშაგამინი и т. д.

Вообще, относительно употребленія сослагательнаго наклоненія слѣдуетъ замѣтить, что въ грузинскомъ оно можетъ замѣнить наше неокончательное наклоненіе. Въ самомъ дѣлѣ, собственно неокончательнаго наклоненія въ грузинскомъ нѣтъ, а только отглагольное существительное, напр. წერა не значить: писать, а сворѣе: писаніе, тѣ ორადრეი, поэтому фраза: я хочу писать, передается такъ:

მე მინდა ვწერო,

точно какъ въ ново-греческомъ:

Θέλω να γράφω.

Другіе примѣры (см. Чубиновъ, Грузинская грамматика, стр. 32):

დავით უნდა სერდეს ციგნისა = Давидъ долженъ написать письмо.

დავითმა უნდა დასეროს ციგნი = Давидъ долженъ будетъ написать письмо.

დავითს უნდა დაეწერა ციგნი = Давидъ долженъ былъ написать письмо.

Впрочемъ, въ особенности въ древнемъ языкѣ, употребляется и Ablat. II на ад отглагольнаго существительнаго, напр.

არავინ იკადრა მას კითვად = никто не смѣлъ спрашивать его

Matth. XXII, 46;

ბალი იწყო სვად = дѣвица начала ходить

Marc. V, 42.

Грузинскій глаголь богатъ различными формами причастій и дѣепричастій и часто можетъ однимъ словомъ выразить то, для чего требуется въ другихъ языкахъ цѣлая фраза, напр.

дасасцавлад==для того чтобы выучить

дасацерад==для того чтобы написать.

Залоговъ въ грузинскомъ три: дѣйствительный, страдательный и общій (mediam). Два послѣдніе формою почти не отличаются, какъ и въ греческомъ. Характеристическія окончанія для этихъ двухъ залоговъ суть:

и, еби, деби==оци

и соединительный гласный о, напр. отъ глагола:

шенеба==строить

вашенеб==я строю, азвишенеби==меня строить, азвишенеби==
я начинаю строиться

вашенебди==я строилъ, азвишенебди==меня строили, азвишенебди==я начиналъ строиться.

Другіе примѣры:

бана==умывать

вбан==я умываю, вибан==я умываюсь;

дацхроба==прекращать

давацхроб==я прекращаю, давицхреби==я прекращаюсь;

(ган)зуба==насыщать

вазуб==я насыщаю, взуби==я насыщаюсь;

цема==бить

вцем==я бью, вицеми==я бью себя

меня бьютъ;

ми-эцемис==предается

Ев. Marc. XIV, 21, 41;

цдена==садить, цдота==сидѣть

вацден==я сажу, вцдеби==я сажусь;

цдеба==звать

вцод==я зову, вицдеби==я зовусь;

корцинеба==бракосочетать

вакорцинеб==я сочетаю бракомъ

викорцинеби==я сочетаюсь бракомъ

вкорцинеди==начинаю сочетаться бракомъ

Примѣръ:

арца иѣорѣинебодван, арца ганѣорѣинебден=не
будуть ни жениться ни выходить замужъ

Ev. Marc. XII, 25.

Замѣтимъ наконецъ, что иѣкоторые глаголы являются въ формѣ страдательной, хотя по смыслу они глаголы дѣйствительные или среднѣе: ихъ поэтому можно приравнять къ глаголамъ отложительнымъ (*verba deponentia*) латинскимъ и греческимъ. Къ такимъ глаголамъ можно, напр., отнести:

ици=я знаю, ицода=онъ зналъ,
виткви=я говорю, иткода=онъ говорилъ,
вибрзви=я сражаюсь, маѣорца,
веомеби=сражаюсь съ нимъ и т. д.

Вообще, что всего болѣе поражаетъ при изученіи грузинскихъ спряженій,—это обиліе префиксовъ, совершенно измѣняющихъ смыслъ дѣйствій, выражаемаго глаголомъ. Нѣчто подобное, изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ языковъ, я встрѣтилъ развѣ только въ италіанскомъ. Только тутъ суффиксы играютъ роль грузинскихъ префиксовъ.

Возьмемъ, напр., слѣдующія формы (ср. Francolini; *Grammaire italienne*, 1833, p. 77):

Emmi=у меня есть
Etti=у тебя есть
Essi=у него есть
Ecci=у насъ есть
Evvvi=у васъ есть
Essi=у нихъ есть

и сравнимъ ихъ съ грузинскими:

м-аѣвс=у меня имѣется
г-аѣвс=у тебя имѣется
аѣвс=у него имѣется и т. д.

Нелишнимъ считаю прибавить списокъ подобныхъ грузинскихъ формъ, при чемъ не нужно забывать, что такія же

формы существуют не только для настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, но и для прочихъ временъ:

вѣѣр, вѣшенеб=я пишу, строю (это, ему)

сѣѣр, ашенеб=ты пишешь, строишь

сѣѣрс, ашенебс=онъ пишетъ, строитъ

всѣѣрѣ, вѣшенебѣ=мы пишемъ, строимъ

сѣѣрѣ, ашенебѣ=вы пишете, строите

сѣѣрен, ашенебен=они пишутъ, строятъ

виѣѣр, вишенеб=я пишу, строю себѣ, для себя

гиѣѣр, гишенеб=я пишу, строю тебѣ, для тебя

вуѣѣр, вушенеб=я пишу, строю ему, для него

гиѣѣрс, гишенебс=я пишу, строю вамъ, для васъ

вусѣѣрѣ, вушенебѣ=я пишу, строю имъ, для нихъ

миѣѣр, мишенеб=ты пишешь, строишь для меня

миѣѣрс, мишенебс=онъ пишетъ, строитъ для меня

миѣѣрѣ, мишенебѣ=вы пишете, строите для меня

миѣѣрен, мишенебен=они пишутъ, строятъ для меня

гиѣѣр, гишенеб=я пишу, строю для тебя, для васъ

гиѣѣрс, гишенебс=онъ пишетъ, строитъ для тебя, для васъ

гисѣѣрѣ, гишенебѣ=мы пишемъ, строимъ для тебя, для васъ

гисѣѣрен, гишенебен=они пишутъ, строятъ для тебя, для васъ

вусѣѣр, вушенеб=я пишу, строю для него, для нихъ

уѣѣр, ушенеб=ты пишешь, строишь для него, для нихъ

вусѣѣрѣ, вушенебѣ=мы пишемъ, строимъ для него, для нихъ

усѣѣрѣ, ушенебѣ=вы пишете, строите для него, для нихъ

гвиѣѣр, гвишенеб=ты пишешь, строишь для насъ

гвиѣѣрс, гвишенебс=онъ пишетъ, строитъ для насъ

гвисѣѣрѣ, гвишенебѣ=вы пишете, строите для насъ

гвисѣѣрен, гвишенебен=они пишутъ, строятъ для насъ

виѣѣр, вишенеб=я пишу, строю для себя

иѣѣр, ишенеб=ты пишешь, строишь для себя

ицѣрс, ишенебс=онъ пишетъ, строитъ для себя
 вицѣртъ, вишенебѣт=мы пишемъ, строимъ для себя
 ицѣртъ, ишенебѣт=вы пишете, строите для себя
 ицѣрен, ишенебен=они пишутъ, строятъ для себя.

Всѣ эти формы суть залога общаго (medium). Слѣдующія формы—залога дѣйствительнаго:

ицѣр=ты пишешь ко мнѣ или меня
 ицѣрс=онъ пишетъ ко мнѣ или меня
 ицѣртъ=вы пишете ко мнѣ или меня
 ицѣрен=они пишутъ ко мнѣ или меня
 гцѣр=я пишу къ тебѣ, вамъ или тебя, васъ
 гцѣрс=онъ пишетъ къ тебѣ, вамъ или тебя, васъ
 гцѣртъ=мы пишемъ къ тебѣ, вамъ или тебя, васъ
 гцѣрен=они пишутъ къ тебѣ, вамъ или тебя, васъ
 гвицѣр=ты пишешь намъ, насъ
 гвицѣрс=онъ пишетъ намъ, насъ
 гвицѣртъ=вы пишете намъ, насъ
 гвицѣрен=они пишутъ намъ, насъ
 всцѣр=я пишу ему, его, имъ, ихъ
 сцѣр=ты пишешь ему, его, имъ, ихъ
 всцѣртъ=мы пишемъ ему, его, имъ, ихъ
 сцѣртъ=вы пишете ему, его, имъ, ихъ.

Слѣдующія формы, наконецъ—страдательнаго залога:
 мецѣреби, мешенеби=ты пишешься, строишься для меня
 мецѣребис, мешенебис=онъ пишется, строится для меня
 мецѣребитъ, мешенебитъ=вы пишетесь, строитесь для меня
 мецѣребван, мешенебиван=они пишутся, строятся для меня
 гецѣреби, гешенеби=я пишу, строю для тебя, для васъ
 гецѣребис, гешенебис=онъ пишется, строится для тебя, для
 васъ
 гецѣребитъ, гешенебитъ=мы пишемся, строимся для тебя, для
 васъ

гецеребиан, гешенебиан=они пишутся, строятся для тебя,
для васъ

гвецереби, гвешенеби=гы пишешься, строишься для насъ
гвецеребис, гвешенебис=онъ пишется, строится для насъ
гвецеребитъ, гвешенебитъ=вы пишетесь, строитесь для насъ
гвецеребиан, гвешенебиан=они пишутся, строятся для насъ

вецереби, вешенеби=я пишу, строю для него, для нихъ
эцереби, эшенеби=гы пишешься, строишься для него, для
нихъ

вецеребитъ, вешенебитъ=мы пишемся, строимся для него, для
нихъ
эцеребитъ, эшенебитъ=вы пишетесь, строитесь для него, для
нихъ

мецереба, мешенеба=это пишется, строится для меня
гецереба, гешенеба=это пишется, строится для тебя, для васъ
эцереба, эшенеба=это пишется, строится для него, для нихъ
гвецереба, гвешенеба=это пишется, строится для насъ.

Изъ этой таблицы, между прочимъ, слѣдуетъ, что въ грузинскомъ нѣтъ формъ для выраженiя безотносительнаго дѣйствiя, напр.: я пишу, я строю. Въ самомъ дѣлѣ, въ грузинскомъ: всѣмъ значитъ, не просто: я пишу, но всегда: я пишу ему или его или имъ, ихъ, это, т. е. въ самой глагольной формѣ заключается, посредствомъ префикса, дополнение или прямое или косвенное *).

*) Безотносительныя формы тоже существуютъ: отъ цера=писать, относительная форма в-с-цера=пишу ему, его, а безотносительная в-цера=пишу вообще. То же самое наблюдается и въ глаголахъ среднихъ: в-нугешоб=надѣюсь, в-дгевар=стою, в-маблдеби=возвышаюсь, в-шавдеби=черчу, в-квавдеби=каменю и пр. Въ этихъ глаголахъ дополнение появляется только тогда, когда говоримъ: в-а-нугешоб, в-и-нугешоб, в-е-нугешоби, в-у-нугешоб; в-а-шавоб, в-и-шавоб, в-е-шавоби, в-у-шавоб, г-и-шавоб, г-е-шавоби и пр.

М. Дж.

Этих бѣглыхъ замѣтовъ достаточно, чтобы пробудить убѣжденіе, что существуетъ родственная связь между грузинскимъ и индо-европейскими языками. Входить же въ разсмотрѣніе особенностей синтаксиса грузинскаго я не берусь, напр., почему прямое дополненіе, т. е. по нашему винительный падежъ принимаетъ окончанія то дательнаго, то именительнаго падежа, и почему подлежащее ставится то въ дательномъ, то въ именительномъ, то въ повѣствовательномъ падежѣ, смотря по тому, въ какомъ времени употребляется глаголъ, напр.

Давитъ сѣрс цигнс(а) = Давидъ пишетъ письмо

Давитъ сѣрда цигнс(а) = Давидъ писалъ письмо

Давитман дасѣра цигни = Давидъ написалъ письмо

Давитѣ дауѣрѣа цигни = Давидъ написалъ письмо *).

Предоставляю это болѣе свѣдущимъ меня въ грузинскомъ языкѣ **).

Николай Ивановичъ Гулакъ.

Елисаветполь.

Сентябрь, 1896 года.

*) Къ этому нужно прибавить еще формы: Давитъ дасѣрс цигнс = Давидъ напишетъ письмо; Давитма(м) дасѣрос цигни = пусть Давидъ пишетъ письмо; Давит! дасѣрс цигни = Давидъ! пиши письмо; ѣра цигниса = писать книгу (букв.: писаніе книги); даиѣред цигни = да пишется письмо (д груз. = русск. да).
М. Дж.

**) Сущность этого вопроса разработана по отношенію къ грузинскому языку, въ связи съ другими кавк. языками, въ изслѣдованіи проф. Шухардта: „Über den passiven Charakter des Transitivs in den Kaukasischen Sprachen“, Wien, 1895.

НЕКРОЛОГЪ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГУЛАКА.

Какъ статьи подъ загл. „О зрименномъ персидскомъ поэтѣ Низами Ганжійскомъ и о его црѣмѣ: Походъ русовъ противъ Бердаа“, такъ и настоящая принадлежать перу умершаго 26 мая 1899 года въ гор. Елисаветполѣ, въ возрастѣ 77 лѣтъ, статскаго совѣтника Николая Ивановича Гулака, который еще раньше, въ 1884 г., помѣщеніемъ въ Сборникѣ статьи „О Барсовой вошѣ“ Руставели оказалъ большую услугу кавказовѣдѣнію. Въ виду немаловажнаго значенія этихъ посмертныхъ трудовъ Николая Ивановича, Редакція помѣщаетъ здѣсь не только выписку изъ формулярнаго списка покойнаго, но и рѣшается посвятить нѣсколько словъ памяти покойнаго.

Н. И. Гулакъ происходилъ изъ дворянъ Херсонской губерніи (дер. Николаевки Александровскаго уѣзда). Окончивъ курсъ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, со степенью кандидата, онъ опредѣлился на службу въ канцелярію Кіев., Под. и Вол. генералъ-губернатора 27 ноября 1845 г. Черезъ два года (въ 1847 г.), по производившемуся въ III отд. дѣлу о существовавшемъ въ Кіевѣ Украинско-Славянскомъ обществѣ *), онъ былъ заключенъ въ Шинссельбургскую крѣпость на 3 года, а потомъ отправленъ въ г. Пермь подъ надзоръ полиціи; 22 дек. 1851 г. разрѣшено ему поступить на службу переводчикомъ въ Пермскій губ. стат. комитетъ, но потомъ, 14 марта 1859 г., онъ былъ опредѣленъ младшимъ учителемъ русс. яз. и геогр. въ Одесскую II гимназію; 7 марта 1861 г. онъ былъ допущенъ къ временному преподаванію чистой математики въ Ришельевскомъ лицей (нынѣ Новороссійскомъ университетѣ), а 7 іюля 1861 г. переведенъ учителемъ исторіи и ест. ист. въ Керченскій дѣвичій институтъ; 21 мая 1862 г. онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ математики въ Ставропольскую гимназію, а 22 іюля 1863 г. старш. уч. физики и космографіи въ Кутаисскую гимназію; 21 сент. 1867 г. онъ перешелъ учит. математики въ Тифл. класс. гимн., а 13 дек. 1868 г. былъ назначенъ помощникомъ инспектора той же гимназіи; 15 ноября 1869 г. онъ взялъ на себя преподаваніе латинскаго яз.; съ 25 февр. 1877 г. состоялъ заслуженнымъ учителемъ съ высшимъ окладомъ, а 4 окт. 1886 г. вышелъ въ отставку. За отличо-усердную службу покойный былъ награжденъ орденомъ Станислава 2 степени.

Николай Ивановичъ былъ человѣкъ широкаго европейскаго образованія и, можно сказать, большой учености. Онъ владѣлъ нѣсколькими языками, древними и новыми, и хотя по образованію математикъ, но по спеціальнымъ своимъ занятіямъ обнаруживалъ наклонность къ лингвистикѣ, о чемъ и свидѣтельству-

*) Цѣль общества, такъ наз. Кирилло-Месодіевскаго, заключалась въ соединеніи славянскихъ племенъ подъ скипетромъ Русс. Императора (изъ Доклада гр. Орлова отъ 26 мая 1847 г.).

еть послѣдняя его работа по грузинскому языку. Въ своей молодости Н. И. Гулакъ отличался общительностью, экспансивностью своей натуры, но въ пожилomъ возрастѣ сталъ искать уединенія, замкнулся въ самомъ себѣ и велъ чисто-кабинетную жизнь, посвящая время чтенію или ученымъ занятіямъ. Благороднымъ своимъ характеромъ, вѣрностью данному слову, а также отзывчивостью на чужое горе онъ снискалъ себѣ любовь товарищей и привязанность своихъ учениковъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые умѣли цѣнить глубину его знаній и соединенную съ ней широту взглядовъ. Проста онъ былъ хотя и вспыльчиваго, но въ высшей степени дружелюбнаго и снисходительнаго къ слабостямъ другихъ. Женатъ онъ былъ два раза и по выходѣ въ отставку доживалъ свой вѣкъ въ г. Елисаветполѣ у пріемной дочери, г-жи Равтопуло, благодаря которой и сохранены помѣщенные въ Сборникѣ труды.

Другія его сочиненія были написаны по геометріи „О четырехъ измѣреніяхъ“ (изд. въ Тифлисѣ, въ формѣ діалога) и по высшей алгебрѣ „Мемуаръ о рѣшеніи трансцендентныхъ уравненій“ (изд. въ Одессѣ на франц. яз.).

Л. Л.